ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ
КОЛЛЕКЦИЯ

Лабиринт отражений

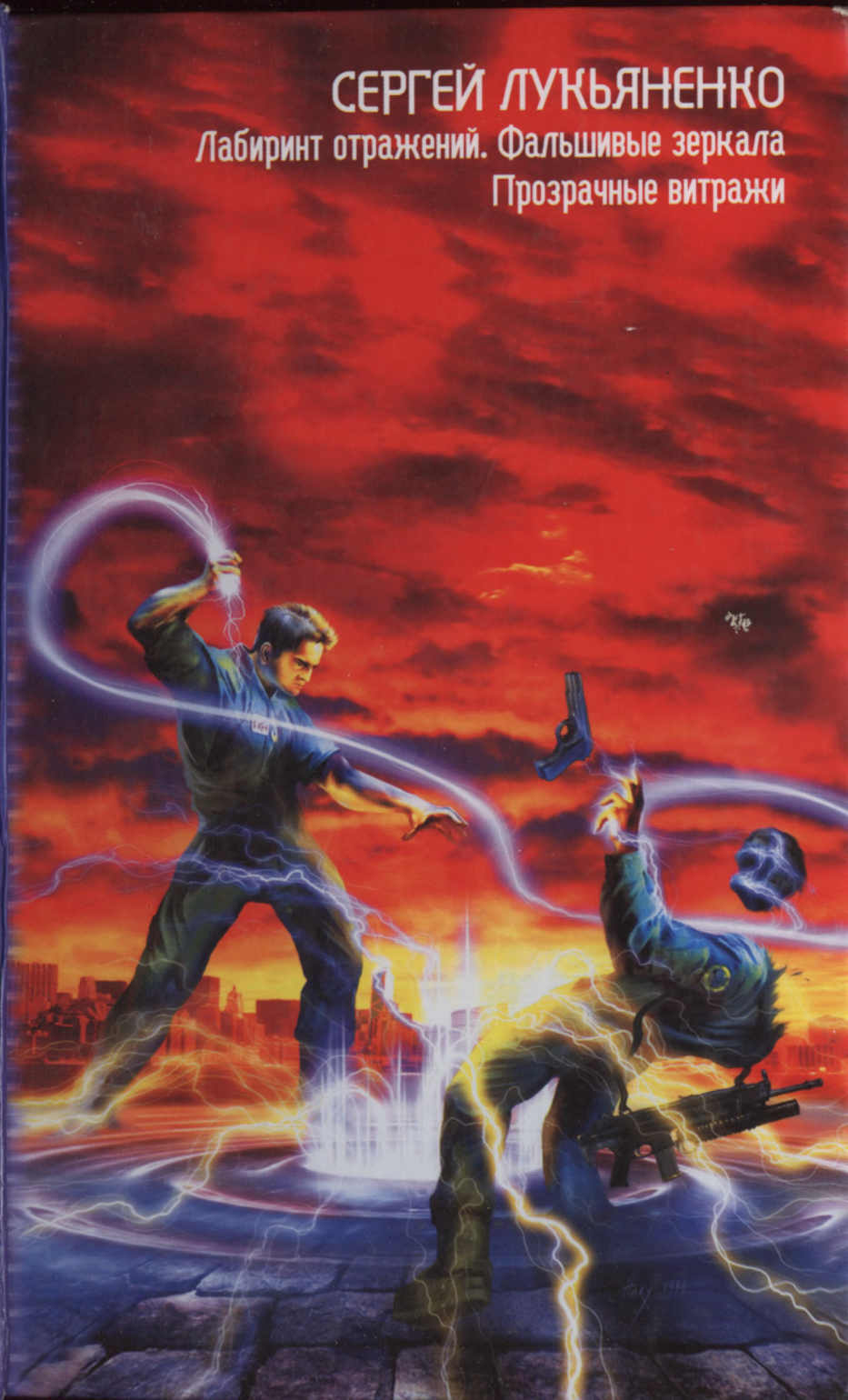
Фальшивые зеркала

Прозрачные витражи

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

Лабиринт отражений. Фальшивые зеркала Прозрачные витражи



ЗВЕЗДНЫЙ
ЛАБИРИНТ
КОЛЕКЦИЯ

СЕРГЕЙ

ЛУКЬЯНЕНКО

Лабиринт отражений

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2003

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Л84

Серия основана в 2001 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник ANRY

Подписано в печать 11.09.2003. Формат 84x108 1/32
Усл. печ. л. 42. Тираж 10 000 экз. Заказ № 4051

Лукьяненко С.В.
Л84 Лабиринт отражений. Фальшивые зеркала: Фантаст. романы. Прозрачные витражи: Повесть / С.В. Лукьяненко. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. — 796, [4] с. — (Звездный лабиринт: коллекция).

ISBN 5-17-014695-7

«Лабиринт отражений».
«Фальшивые зеркала».
«Прозрачные витражи».

Кто из поклонников современной отечественной фантастики не знает «виртуальной трилогии» Сергея Лукьяненко? «Компьютерной саги» о городе Диптауне и его обитателях?

Однако теперь перед вами — «виртуальная трилогия», ВПЕРВЫЕ собранная в одной книге. Своеобразная «хроника Диптауна» — от начала и до конца. ПОКА — до конца...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© С.В. Лукьяненко, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2003

ЛАБИРИНТ ОТРАЖЕНИЙ

Наша работа во тьме —
Мы делаем, что умеем,
Мы отдаем, что имеем,
Наша работа — во тьме.
Сомнения стали страстью,
А страсть стала судьбой.
Все остальное — искусство
В безумии быть собой.

Гимн хакеров,
русский вариант

Часть первая

ДАЙВЕР

00

Хочется закрыть глаза. Это нормально. Цветной калейдоскоп, блестки, искрящийся звездный вихрь — красиво, но я знаю, что стоит за этой красотой.

Глубина. Ее называют «дип», но мне кажется, что по-русски слово звучит правильнее. Заменяет красивый ярлычок предупреждением. *Глубина!* Здесь водятся акулы и спруты. Здесь тихо — и давит, давит, давит бесконечное пространство, которого на самом деле нет.

В общем-то она добрая, *глубина.* По-своему, конечно. Она принимает любого. Чтобы нырнуть, нужно не много сил. Чтобы достичь дна и вернуться — куда больше. В первую очередь надо помнить — *глубина* мертва без нас. Надо и верить в нее, и не верить. Иначе настанет день, когда не удастся вынырнуть.

01

Первые движения — самые трудные. Комната небольшая, стол стоит посередине, жгуты проводов от компьютера тянутся к УПС — установке бесперебойного питания, в углу, и дальше — к розетке. Тонкий провод уходит к телефонной линии. У стены, под роскошным ковром, — тахта, у открытой двери на балкон — маленький холодильник. Самое необходимое. Пять минут назад я проверил, что лежит в холодильнике, так что голод в ближайшие сутки мне не грозит.

Я поворачиваю голову налево, направо — на мгновение в глазах темнеет, но это лишь секунда. Ничего. Бывает.

— Все в порядке, Леня?

Динамики отрегулированы на максимум, я морщусь, отвечаю:

— Да. Тише звук.

— Звук — тише, — соглашается «Виндоус-Хоум», — тише, тише...

— Хватит, Вика, — останавливаю я. Хорошая программа. Послушная, понятливая и доброжелательная.

Не без самомнения, как вся продукция «Майкрософта», но с этим приходится мириться.

— Удачи, — говорит программа. — Когда тебя ждать?

Я смотрю на экран — там, в ореоле оранжевых искр, плывет женское лицо. Молодое, симпатичное, но, в общем, ничего особенного. Устал я от красоты.

— Не знаю.

— Я бы хотела иметь десять минут на самоконтроль.

— Хорошо. Но не более. Через десять минут мне понадобятся все ресурсы.

Лицо на экране морщится — программа вычленяет ключевые слова.

— Только десять минут, — покорно говорит «Виндоус-Хоум». — Но я вновь обращаю твое внимание, что уровень поставленных задач не всегда соответствует объему моей оперативной памяти. Желательно расширение до...

— Утихни. — Я встаю. «Утихни» — это безусловный приказ, после него программа спорить не смеет. Шаг влево, шаг вправо... Ха-ха. Нет, это не попытка к бегству, это скорее добровольное заточение. Я дохожу до холодильника, открываю дверцу, достаю банку «спрайта», открываю. Напиток холодит горло. Это почти ритуал — *глубина* всегда сушит слизистую. С банкой в руке я выхожу на балкон, в теплый летний вечер.

В Диптауне почти всегда вечер. Улицы залиты светом реклам, тихо рокочут несущиеся машины. И идут, идут сплошным потоком люди. Двадцать пять миллионов постоянного населения — самый крупный мегаполис мира. С высоты одиннадцатого этажа лиц не разглядеть. Я допиваю «спрайт», кидаю банку вниз и возвращаюсь в комнату.

— Неэтично... — бормочет компьютер. Не реагируя, я выхожу в прихожую, обуваюсь, открываю дверь. Подъезд пустой и светлый, очень-очень чистый. Пока я вожусь с замком, в полуоткры-

тую дверь пытается влететь крошечный жучок. Ага. Ламеры развлекаются. Я с иронией наблюдаю за настырным насекомым — из квартиры дует ровный поток воздуха, вынося его обратно. Наконец дверь закрыта, жучок в последнем усилии бьется в нее, короткая вспышка — и насекомое падает на пол.

— Подать жалобу владельцу дома? — спрашивает «Виндоус-Хоум». Теперь голос идет из серебряных заколок на лацканах моей рубашки.

— Подавай, — соглашаюсь я. Все забываю объяснить программе, что владельцем дома являюсь я сам.

Лифт ждет меня на этаже. Обычно я спускаюсь по лестнице... заглядываю по пути в чужие квартиры. Там ведь все равно никто не живет... но сейчас я спешу. Лифт опускается — очень быстро. Выхожу на тротуар, оглядываюсь — может быть, увижу любителя насекомых? Но никого подозрительного нет, все спешат по делам. Жучок явно залетный, серийной работы. Их травят на улицах, бьют в квартирах, но они не переводятся.

Я и сам когда-то развлекался подобной ерундой. Очень-очень редко жучкам удавалось принести интересную информацию.

— Леня, на имя компании «Поляна» поступила жалоба от квартиросъемщика номер один.

— Игнорируй, — бурчу я, наблюдая за идущим по тротуару мужчиной. Да, это нечто! Гибрид Арнольда Шварценеггера в молодые годы и Клинта Иствуда в пожилые. Очень, очень смешно. Мужчина ловит мой насмешливый взгляд и ускоряет шаги.

Я поднимаю руку, и через мгновение у тротуара притормаживает желтый лимузин.

— Леня, твоя жалоба компании «Поляна» проигнорирована!

— Ладно. Ничего.

Это может продолжаться бесконечно долго, а мне сейчас не до игр... Я сажусь в машину, водитель — улыбчивый парень с безупречной прической и в накрахмаленной рубашке, поворачивается ко мне. Предпочитаю таких таксистов, выщколенных и немногословных.

— Компания «Дип-проводник» рада приветствовать вас!

Имени он не называет — программа остановила такси анонимно.

— Как будете оплачивать счет?

— Вот так, — говорю я, доставая из кармана револьвер. Сильно бью парня в висок. Он пытается защититься, но не

успевает. Я смотрю на его побледневшее лицо, встряхиваю за шиворот, приказываю:

— Квартал «Аль-Кабар».

— Данного адреса не существует, — говорит водитель. Он «оглушен» и покорен.

— «Аль-Кабар». Восемь-семь-семь-три-восемь. — Простенький код открывает доступ к служебным адресам «Дип-проводника». Я мог бы и не бить водителя, но тогда в файлах компании осталась бы информация о поездке.

— Заказ принят. — Водитель улыбается, он вновь весел и услужлив. Машина трогается. Я смотрю в окно — мелькают жилые кварталы, набитые небоскребами со всякой мелкой шушерой Диптауна, огромные, роскошные офисы компаний. Вон длинные серые корпуса IBM, пышные дворцы «Майкрософта», ажурные башни «Америка Он Лайн», более скромные офисы прочих компьютерных законодателей.

Конечно, полно и офисов фирм по продаже мебели, жратвы, недвижимости, туристических агентств, транспортных компаний, клиник... мало-мальски жизнеспособная компания стремится открыть в Диптауне свое представительство.

«Дип-проводник» процветает именно на этом изобилии. Путешествовать по городу пешком — долгое развлечение. Мы мчимся по автострадам, тормозим на перекрестках, сворачиваем в туннели и пересекаем развязки. Я жду. Можно было бы приказать водителю ехать кратчайшим путем — но тогда он вынужден был бы связаться с диспетчерской. И я оставил бы след...

Город обрывается внезапно — словно стену дворцов и небоскребов отсекают исполинским ножом. Кольцевая дорога, за ней — лес. Густой, дремучий... отделяющий от суеты тех, кто не хочет себя афишировать.

— Притормози, — говорю я, когда мы минуем манговые заросли и проезжаем мимо вполне среднерусской чащобы. — У следующей тропинки.

— До квартала «Аль-Кабар» еще далеко, — говорит водитель.

— Останови.

Машина останавливается. Я открываю дверь, отхожу от лимузина на шаг. Водитель покорно ждет. И я тоже — просвета на дороге. Зачем нам свидетели? Вот, наконец-то...

Я целюсь в машину, стреляю. Револьвер бьет негромко, отдача слабая, но машина мгновенно вспыхивает. Водитель сидит, глядя перед собой. Несколько секунд — и у «Дип-проводника» становится одним такси меньше.

Хорошо. Пусть все выглядит как развлечение пьяной шпаны. Я иду в лес.

— Неэтично... — бормочет из булавок «Виндоус-Хоум».

— Ты оптимизировалась?

— Да.

— Все, теперь мне нужна помощь. Ищи тайник, код «Иван».

— Светящееся дерево, — сообщает программа.

Я озираюсь. Ага. Вот он, огромный дуб, мерцающий колдовским синим светом. Мерцающий лишь для меня. Я подхожу к нему, засовываю руку в дупло, вынимаю большой тяжелый сверток. Переодеваюсь в полотняную белую рубаху и штаны, подпоясываюсь узорчатым поясом. Короткий меч в ножнах, несколько вещичек в карманах. Тайник я создал пару дней назад, незаконно использовав один из компьютеров транспортного управления закавказской железной дороги. Там слабые программисты, они долго не заметят этого маленького вторжения.

— Где ручей? — спрашиваю я.

— Справа.

Я склоняюсь над бегущей водой, смотрю в отражение. Несколько раз бью по нему ладонью, потом начинаю водить пальцем, стирая свой облик. Вместо меня из дрожащего зеркала прорисовывается русоволосый статный крепыш. Лицо добродушно и незатейливо до отвращения.

— Спасибо, — говорю я программе, выпрямляюсь. Стою, любуюсь лесом. Черт возьми, как давно я не выбирался из городского смрада...

— Не меня ли ты ждешь, добрый молодец? — спрашивают из-за спины. Оборачиваюсь — из густых кустов выходит огромный, по грудь мне ростом, волк.

— Может, и тебя, — говорю я, любуясь волком. Черт возьми, великолепен! Он действительно серый, и не просто серый — именно чернистого с проседью волчьего цвета. Кое-где шерсть свалялась, к передней правой лапе пристал репейник.

— А не съесть ли мне тебя, добрый молодец? — спрашивает волк и скалится. Клыки желтые, как зубы курильщика, один обломлен под корень. Матерый, опытный волчище.

— Что ты попусту похваляешься, на богатырский меч нарываешься? — импровизирую я. — Лучше службу сослужи!

Волк улыбается, садится.

— А чем расплатишься, богатырь?

— По три тысячи зеленых, — сообщаю я. Волк удовлетворенно кивает, трет лапой морду. Спрашивает:

— «Аль-Кабар»?

— Угадал.

— Миссия?

— Кража.

— А кто заказчик?

Я пожимаю плечами. Ответ столь же риторический, как и вопрос. Заказчики огласки не любят.

— Попробуем, — решает волк. — Ты готов?

— Вполне.

— Садись.

Я забираюсь на спину волка, и тот неторопливой рысцой бежит по лесу. Я инстинктивно уворачиваюсь от веток, волк тонко хихикает. Ладно, пусть веселится.

Через пару минут мы выскакиваем из леса. Под ногами — желтый песок. Жарко, очень жарко, порывы ветра заставляют щуриться. Впереди — пропасть метров в сто шириной, за ней — восточный город. Минареты, купола, все в оранжево-желто-зеленых тонах. Довольно красиво. Невдалеке через пропасть переброшен... хм... ну назовем это мостом. Тонкая, как струна, нить. Один ее конец на стене, опоясывающей город, другой держит в руке безобразная каменная статуя метров десяти вышиной. Морда у статуи отвратительная.

— Еще та будет работка, — замечает волк. — Ты не продешевил, Иван-Царевич?

— А бог его знает... — изучая статую, говорю я. — О мосте меня предупредили...

— Что воровать-то?

— Наливные яблочки...

— А, вот к чему такой маскарад... — Волк снова хихикает. — А что в яблочках?

— Не знаю. — Я спрыгиваю со спины волка, стою, держа руку на шерсти. — Слушай, я на секунду, лимонада попью...

— Валяй, — озираясь, говорит волк.

Я прикрываю глаза.

Глубина-глубина, я не твой... Отпусти меня, глубина...

Я дернулся, встал. Перед глазами — крошечные экранчики, на них — пустыня, пропасть, статуя, город вдали. Очень неплохо нарисовано. У «Аль-Кабара» хорошие дизайнеры.

Виртуальный шлем тяжелый, это самая «навороченная» модель из серийно выпускаемых «Сони». С прекрасными цветными экранами, великолепными динамиками и встроенным микрофоном, с кондиционером, обдувающим лицо воздухом нужной температуры. Сейчас это жар пустыни... Я снял шлем, положил на стол, рядом с клавиатурой компьютера. На мониторе появилось знакомое женское лицо, из динамиков донеслось:

— Леня, ты прерываешь погружение?

— Нет, жди.

В реальном мире моя комнатка такая же, как и в виртуальном пространстве. Только за окном не летний вечер Диптауна — дождливая питерская осень. Моросит мелкий дождик, сигналит вдали машина. Я открыл холодильник, взял банку «спрайта». Попью по-настоящему... Не удержавшись, выглянул с балкона. Пустой банки, которую в виртуальном пространстве я выкинул на улицу, там, конечно же, нет. Что ж, устраним различия.

Волосы были потные, я вытер их валяющейся на стуле рубашкой, сел за компьютер, проверил кабель, идущий от виртуального костюма на дип-плату компьютера. Костюм работал, слегка притормаживая движения, словно я шагал по песку. Левую ногу подволакивало чуть сильнее — опять сбоит программа. Ладно, потом откалибруем.

Надевать шлем — все равно что совать голову в духовку. Вот гаденыши из «Аль-Кабара», окружили себя максимально неприятными условиями...

Я вновь смотрю на виртуальный мир, но пока он условен, как дешевый мультик. Зернистое изображение, красивый, но грубоватый рисунок. Большего компьютер вытянуть не может.

Да и не надо. Что такое *глубина* без человека?

Я моргнул, расслабился, пытаясь войти в виртуальность самостоятельно. Конечно, ничего не получается. Я не в пустыне, я дома за клавиатурой... Пришлось протянуть руку и набрать команду.

deep

А теперь — «ввод».

Поверх пустыни вспыхивает многоцветье дип-программы. Секунду я еще вижу экранчики, мягкую подкладку шлема, потом сознание начинает плыть. Мозг пытается сопротивляться, но куда там! Дип-программа действует на всех.

Вот только попадаются — с частотой один на триста тысяч — люди, не утрачивающие до конца связи с реальностью. Способные самостоятельно выплывать из *глубины*. Дайверы.

Я, например.

Волк ухмыляется мне.

— Промочил горлышко, богатырь?

— Да.

Оглядываю себя — все ли в порядке? Мое тело в виртуальности — нехитрый рисунок, транслируемый компьютером на ту или иную точку Диптауна и его окрестностей. А вот меч на поясе и вещички в сумке — не просто рисунок. Это «ярлычки», пусковые фрагменты программ, которые сейчас станут необходимы.

— Действуем так, — решаю я. — Через мост я иду сам. Потом выношу трофеи, и сматываемся.

— Тебе решать, — соглашается волк.

Я иду по песку, горячий ветер не унимается, даже кажется, что песчинки покалывают глаза. Это уже не заслуга шлема. Это мой мозг воспринимает то, что должен был бы воспринимать в настоящей пустыне.

Статуя все ближе и все реальнее. Рогатая голова с оскаленной пастью, бугристые от каменных мускулов лапы. Ифрит, наверное. Слабоват я в арабской мифологии. В левой руке ифрита сжата тонкая нить.

Мост из конского волоса.

Начинаю карабкаться по ноге чудовища. Как нелепо сейчас выглядит мое тело в пустой квартире — подергивающееся, подтягивающееся за воздух... не отвлекаться...

Последний метр — самый трудный. Опираюсь о шипастое каменное колено, пытаюсь уцепиться за ладонь — не получается. Наверняка у законных посетителей «Аль-Кабара» есть какой-то иной путь...

Мне же приходится вначале забираться на гранитный фаллос чудовища. Слышу, как волк хихикает. Блин. Ему смешно...

Наконец я на ладони. Пробую нить ногой она слегка покачивается. Как струна. Внизу, далеко-далеко, скалы и голубая змейка реки.

— Смелее, герой! — кричит волк.

Не могут рядовые виртуальщики ходить по этому мосту. Что-то не так...

Ладонь, на которой я стою, вдруг начинает дрожать и медленно сжимается. Мост-нить дрожит, готовый порваться. А надо мной нависает оскаленная морда ожившего монстра.

— Кто ты? — ревет он так, что закладывает уши. По-русски, между прочим!

— Гость! — кричу я, пытаясь вырвать ноги из хватки гранитных пальцев.

Монстр хохочет:

— Гость не приходит с запретным!

Указательный палец правой руки несется ко мне, словно намереваясь расплющить. Невольно жмурюсь. Но монстр лишь тычет пальцем в меч.

Да, это не простенькая беззащитная программа-водитель «Дип-проводника». Это отличная сторожевая система с псевдоинтеллектом на порядок лучше «Виндоус-Хоум». Как же он определил мой родной язык?

— Гость не приходит незваным!

— Меня позвали!

— Кто?

Придется идти ва-банк...

— Ты не вправе слышать его имя!

— Я вправе делать все, — сообщает монстр.

И пальцы сжимаются.

Теперь должен произойти выход в реальность. Как следствие «смертельного» воздействия. Иначе — мозг может вообразить самый настоящий болевой шок, со всеми последствиями.

Только самоубийца отключит предохранители дип-программы.

Или дайвер.

Мое изуродованное тело валяется на ладони монстра. Череп расплющен, один глаз смотрит в пыльное жаркое небо, другой — в каменный ноготь. Ифрит громко, удовлетворенно хохочет, потом кричит:

— Ты, пришедший в облике волка, запомни его судьбу!

Ага, вот как он определил язык... слышал наши разговоры. Однако ему не хватило «ума» понять, с кем имеет дело...

Монстр снова каменеет. Я выжидаю еще секунду, потом встаю. Тело медленно собирается воедино. Нормальный пользователь дип-технологии сейчас очнулся бы в реальности, перед укоризненно верещащим компьютером.

Учитывает ли сторожевая программа «Аль-Кабара» существование дайверов?

Монстр неподвижен. Я мертв, давно мертв... Осторожно ступаю на волосяной мост...

— Кто ты?

Опять... Видимо, он реагирует именно на касание «моста». Хрен редьки не слаще.

— Тот, кто не в твоей власти, — отвечаю я.

— А в чьей же власти ты?

Что-то новенькое.

— Аллаха, — говорю наугад.

На этот раз монстр прихлопывает меня свободной рукой, так что я частично перетекаю за края ладони. И назидательно произносит:

— Не тебе вспоминать имя Великого, вор.

Волк катается по песку от хохота. Я вижу это тем глазом, что уцелел.

Да, юмор у программы скорее американский, чем арабский. Лежу, размышляя. Встаю снова. Чудовище пока неподвижно.

— Вика, есть обход? — спрашиваю я.

— Это единственный внешний канал, — немедленно сообщает мой компьютер. Голос плывет и теряет интонации... и впрямь надо память докупать... — Все прочие линии «Аль-Кабара» открываются лишь по внутреннему приказу.

— Силовое решение? — Я трогаю рукоять меча. Программа-вирус локального действия крошечная, ее даже не надо перекачивать из дома. Выхватить меч, ударить — и...

— Канал будет разрушен.

Да, конечно. Монстр не зря держит мост в руке. Уничтожь сторожевую программу — волосок над пропастью порвется.

— Зараза.

— Я не поняла.

— Утихни...

Разглядываю монстра. Каменные веки полуприкрыты, из пасти свисает сталактитик слюны. Это лишь видимость, антураж для слабонервных виртуальщиков. Обычная «сторожилка»

на входном гейте. Где-то в глубине «волоса» идет канал связи с кварталом «Аль-Кабар». Там несутся сигналы, приказывающие — пропустить или уничтожить незваного гостя...

— Эй, Иван-Царевич, я спешу! — кричит волк.

Да, надо действовать. Пока программа отбрасывала меня автономно, но на следующий раз, вполне возможно, к делу подключатся настоящие программисты «Аль-Кабара». И виртуальщики, и консерваторы.

— Оживляй тень, — приказываю я.

Темный силуэт на ладони начинает шевелиться, обретает объемность, выпрямляется, наливается красками. Я корчу рожу двойнику, тот гримасничает в ответ.

— Веди тень, — приказываю я. — Ищи пароль.

Секундная пауза — машина ворочает диски, подгружая в память «тени» все, что известно об «Аль-Кабаре». Потом двойник шагает на мост. Конечно, это ничего не даст. Кроме времени.

— Кто ты? — ревет монстр, хватая тень. Я едва уворачиваюсь от движущихся пальцев, ползу по крепко сжатому кулаку, прыгаю на нить...

— А ты кто? — доносится в спину. И взмах правой руки сшибает меня к ногам монстра. Разбиваюсь вдребезги. Лежу навзничь, разглядывая барахтающегося в ладони статуи двойника.

Да, хорошо поработал... качественно...

— Кто ты? — вопрошает монстр повторно.

— Тот, кто не в твоей власти. — Двойник продолжает отвлекать сторожа.

— А в чьей же власти ты?

— Своей.

Интересно, сколько еще смертей припасено у монстра для воров? Вон какие зубы, рога... хм, ну и фаллос вполне сгодится...

— Зачем же ты пришел сюда?

— Найти власть над собой.

— Пройди же и найди ее.

Рука разжимается, монстр каменеет. Я лежу, глотая воздух. Двойник неподвижно стоит на краю ладони.

— Вика, откуда взяты ответы тени?

— Из открытого файла «Аль-Кабара» «Процедура виртуального прошения о предоставлении работы».

Волк подходит ближе, шепчет:

— Что случилось?

Объясняю.

— Иван-Царевич, а ты, часом, не Иван-дурак? — спрашивает волк.

Крыть мне нечем. Конечно, надо было ознакомиться со всеми файлами. Не только с уворованными данными о внутреннем виртуальном пространстве квартала.

— Вика, слияние, — командую я.

Меня словно втягивает в «тень». Теперь это тело основное. Уже пропущенное на мост.

Впрочем, победа пиррова. Сторож отрапортовал о том, что посетитель пытается перейти мост. Значит, меня встретят.

А одиночка, пытающийся бороться с толпой, обречен. В любом пространстве, даже в виртуальном.

Ладно, делать нечего. Пора идти... по волосяному мосту.

Честно говоря, процедура практически невозможная. Даже для профессионального канатоходца. Мост — это именно нить над пропастью. Башни «Аль-Кабара» вдали заманчивы и недосягаемы.

Глубина-глубина, я не твой...

Я закрыл и открыл глаза. Передо мной картинка — пропасть, нить над ней, здания вдали. Даже смешно... Глядя под ноги, я начал аккуратно переставлять ступни по нити.

Просто картинка. Здесь нет гравитации, а у нарисованного тела не бывает центра тяжести. Лишь наступай на нить, и все будет хорошо... Забавно, оказывается, дно пропасти почти и не прорисовано... значит, горную реку домысливал я сам... кто-нибудь другой увидел бы под собой пики деревьев или потоки лавы...

Сейчас, когда мое подсознание не участвует в игре, расстояние преодолевается быстро. Полминуты — и я на другом конце моста.

Нить уходит в гребень крепостной стены. Гребень широкий, и на нем уже стоят двое, явно дожидаясь меня. Очень неплохо нарисованы — этакие толстопузые здоровяки с мечами на поясах, один в тюрбане, другой лысый... Ступив на «кирпичики» стены, я прошептал:

— Вика, включай дип...

Огненные искры перед глазами. Да, злоупотребляю я сегодня отключениями-подключениями подсознания. Завтра обес-

печена головная боль, сердцебиение, разбитость. Но ничего. Дожить бы до завтра...

А вот и встречающие — уже в нормальном человеческом образе.

— Ты быстро дошел, гость, — говорит лысый. У него добродушная физиономия араба-охранника из детской постановки «Синдбада-морехода». Второй столь же карикатурно арабизирован, но выглядит куда более зловещим, посверкивает глазами и не отпускает рукоять меча. Да, мне только боевого вируса в машину не хватало...

— Другие доходят медленнее? — спрашиваю я.

— Еще никто не преодолел этой мост, — любезно сообщает лысый охранник. — Это не в человеческих силах — сохранять равновесие на конском волосе.

— Тогда рай пустует, — вздыхаю я. Кажется, уже не я веду события, а они меня. Не нравится мне такой поворот.

— Зато в аду места хватит всем.

Хорошее обещание.

— Пошли.

Что ж, будем подчиняться. Будем послушны и вежливы. В чужой монастырь ведь не лезут со своим уставом...

Вниз со стены ведет широкая крутая лестница. Спускаемся. Добродушный охранник впереди, сопящий недоброжелатель сзади. Старательно его игнорирую, смотрю лишь на лысину добродушного. В аккурат на темечке — большая бородавка. Интересно, она и впрямь нарисована, или это иронизирует подсознание? Но выходить из *глубины* ради проверки такой мелочи неразумно.

Квартал «Аль-Кабар» невелик. В виртуальности он занимает не больше квадратного километра. Это, впрочем, ничего не значит. Некоторые фирмы — тот же «Майкрософт», например — предоставляют сотрудникам для работы целые дворцы. Дешево и эффектно. Другие обходятся такими стандартными комнатушками, что диву даешься — зачем тут вообще виртуальность?

«Аль-Кабар» явно относится к их числу. Я заглядываю в одно из окон низкого каменного здания, мимо которого мы проходим.

Оборудование... слишком незнакомое, чтобы можно было его опознать. Несколько человек за столами. У одного в руках

пробирка. Ха, химические опыты в виртуальном пространстве! Что-то новое. Имеет смысл лишь если работа ведется над очень ядовитыми веществами... или с бактериальными средами. Возьмем на заметку.

— Куда вы меня ведете? — интересуюсь у охранника. Лысина не оборачивается, но отвечает:

— К директору корпорации.

Имени он не называет, но и без того сказано многое. «Аль-Кабар» — транснациональная корпорация, специализирующаяся на производстве лекарств, телефонной связи, кажется — еще на добыче нефти... Несмотря на весь арабский антураж, контролируется она из Швейцарии. Директор ее, Фридрих Урман, личность слишком значительная, чтобы беседовать с каждым посетителем.

Теплая готовится встреча.

Мы останавливаемся у маленькой, увитой виноградом деревянной беседки, сзади меня подталкивают, и я вхожу. Охранники остаются за порогом.

Внутри помещение куда больше, чем снаружи. Огромный павильон, в центре — бассейн, где медленно плавают сонные блестящие рыбы. Рядом столик с двумя креслами. Очень много цветов, я даже начинаю чувствовать запахи.

И никого.

Что ж... подождем. Сажусь в кресло.

Легкая муть перед глазами... чего и следовало ожидать. Сейчас прощупывают мой канал связи. Пытаются определить, откуда я пришел, объем информации, которую могу принимать и передавать за секунду, присутствующие при мне программы...

Давайте, работайте. Шесть арендованных «на раз» роутеров, через которые пробегает сигнал. И все — достаточно стойкие к взлому. А под конец — платный интернетовский гейт в Австрии, через который я и вошел в виртуальность.

Следы останутся, но никуда не приведут.

Можно в любой момент оборвать связь, «вышвырнуть» меня из квартала. Только что им это даст... все вещички-программки, что находятся при мне, немедленно сработают. Мало что останется для изучения. А я им очень интересен, сомнений нет...

— *Отслежен первый роутер,* — сообщает «Виндоус-Хоум».

Быстро. Качаю головой — и в этот момент кресло напротив перестает быть пустым.

Господин Фридрих Урман пренебрегает арабским колоритом. Он в шортах, цветастой рубашке. Пожилой, сухопарый, серьезный.

— Добрый день... дайвер, — произносит он. По-русски. Голос неестественный, пропущенный через программу-переводчик.

Вот и причина столь высокой чести.

— Боюсь, что вы ошибаетесь, господин директор.

— Когда полгода назад мы создали мост, это преследовало лишь одну цель, господин дайвер. Обнаружить вас. Человек, находящийся в виртуальности, не смог бы его преодолеть. — Урман скупо улыбается. — Я первый раз вижу настоящего дайвера.

Один-ноль... не в мою пользу.

— А я первый раз вижу настоящего мультимиллионера. Вот видите, наша встреча уже принесла первые плоды.

«Виндоус-Хоум» шепчет:

— *Отслежен второй роутер.*

Урман хмурится — похоже, и ему что-то сообщают. Потом интересуется.

— Простите, через сколько компьютеров вы прошли на пути сюда?

— К сожалению, я не помню.

Урман пожимает плечами.

— Как я могу вас называть?

— Иван-Царевич.

Секундная пауза — потом улыбка. Ему объяснили.

— О, русский сказочный герой! А вы сами — русский?

— Разве это имеет значение?

— Да, вы совершенно правы... Господин дайвер, как я понимаю, вы проникли в наш квартал незаконно...

— Разве? — поражаюсь я. — Честно говоря, просто искал работу. Прочитал ваше объявление, прошел по мосту... подчинился этим странноватым охранникам.

Один-один.

Фридрих Урман всплескивает руками:

— Да... действительно! Но у нас и нет претензии в ваш адрес, господин дайвер. Разве что странные вещи, которые вы носите с собой...

Медленно, демонстративно вытаскиваю все из карманов. Расческа, носовой платок, маленькое зеркальце.

— Вот. Отдать вам меч?

Урман машет руками:

— Господи, к чему? Мы же не собираемся устраивать потасовок, верно? Давайте поговорим...

— *Отслежен третий роутер.*

— Как жаль, что времени на беседу остается все меньше и меньше, — вздыхаю я.

— Да, но времени всегда не хватает. Итак, господин дайвер, у меня есть основания полагать, что некоторые лица хотели бы получить ряд наших разработок. И даже ухитрились нанять дайвера... чтобы пожать чужие плоды.

— Яблочки, — уточняю я.

— Да, именно. У нас работает хороший русский программист, он сделал красивую форму для хранения информации... — Урман хлопает в ладоши, и рядом с нами воздух начинает мутнеть, сгущаться. Миг — и возникает маленькое деревце, усыпанное плодами. — Полагаю, что наибольший интерес вызывает вон то, маленькое зеленое яблочко на нижней ветке.

Я смотрю на вожделенный плод. Он мелкий, незрелый и червивый.

— Как вы думаете, дайвер, сколько могли бы заплатить наши конкуренты за этот файл?

— Тысяч десять, — несколько завышаю цену.

Урман недоуменно смотрит на меня. Уточняет:

— Десять тысяч долларов?

— Да.

— Честно говоря, даже сто тысяч были бы невысокой наградой... Хорошо. Допустим, я предлагаю человеку, пытавшемуся украсть файл, сто пятьдесят тысяч. При условии, что он начнет сотрудничать с нами... за нормальную, хорошую плату.

— Это что, лекарство от рака? — спрашиваю я.

Урман качает головой:

— Нет. Тогда бы оно не имело цены. Это лишь средство от простуды, но очень, очень действенное. Мы готовимся начать его производство, но лишь после того, как будут распроданы запасы менее действенных лекарств. Так что вы скажете о моем предложении?

— Боюсь вас огорчить, — стараясь не думать о предложенной сумме, говорю я. — Но кодекс дайверов прямо запрещает подобные договоренности.

— Хорошо. — Урман встает. — Я ожидал подобного ответа. И ценю вашу позицию.

Он подходит к деревцу, с некоторым усилием срывает яблоко. Губы его при этом шевелятся — он явно произносит пароль.

— Берите.

Яблоко в моих ладонях. Тяжеленное — мегабайта два будет. Пытаться скопировать его бесполезно, надо уносить с собой. Сую яблоко за пазуху — то есть пристегиваю файл к своей виртуальной оболочке. Смотрю на Урмана.

— Я иду ва-банк, — серьезно говорит Урман. — Жертвую очень перспективной разработкой. Можете отдать ее господину Шеллербаху и передать большой привет от меня лично. Прошу лишь одного — после этого прийти к нам и поговорить о постоянном сотрудничестве. Не буду скрывать, именно сейчас нам очень, очень нужны услуги дайвера.

— *Отслежен четвертый роутер... отслежен пятый роутер... тревога! Тревога! Тревога!*

— Хорошо. — Я тоже встаю. Все очень неожиданно... никогда не предполагал за серьезными бизнесменами таких широких жестов. — Я обещаю, что приду. А теперь, простите...

— Нет, господин дайвер, теперь уж простите меня. Вы спокойно покинете нашу территорию, но лишь после того, как будет установлен ваш настоящий адрес. В целях гарантии данного только что обещания.

Решетчатые стены павильона темнеют, словно на них набросили плотную ткань. Делаю шаг — он дается с трудом. Канал связи не обрубают — притормаживают. Урман начинает двигаться рывками, в глазах все плывет, яблочко за пазухой пригибает к полу, голос «Виндоус-Хоум» глохнет и теряет интонации:

— *Тревога... тре... во... га...*

Вот оно как. Хорошие игроки — мультимиллионеры.

Точнее, их слуги — к числу которых меня собираются приобщить.

— Вика, сбрось детализацию! — шепчу я, продолжая тянуться к столу. Только бы программа поняла, только бы подчинилась без уточнений...

Павильон меняется. Исчезает со стен ажурный узор орнамента, цветы теряют бутоны и часть мелких листиков, грубеет текстура рубашки Урмана.

Зато я дотягиваюсь до своих игрушек на столе и хватаю платок. Полезная вещь, эти предметы личной гигиены.

Взмах платка — медленный, словно под водой, и сверкающая плоскость света прорезает засыпающий мирок павильона. Одни зовут эту программку «прилипала», другие — «дорога». Оба определения верны. Программка ищет чужие каналы связи и начинает использовать в моих целях.

Очень, очень новая, редкая и почти безотказная программа.

Часть стены рушится, открывая выход на улицу. Очевидно, я воспользовался каналом связи самого Фридриха. Хватаю зеркальце и расческу, бегу.

Из стены начинают выдвигаться зазубренные острые копья. Сторожевая программа «Аль-Кабара». Прыгаю — в отчаянной попытке проскочить между копьями.

Глубина-глубина, я не твой...

Кондиционер шлема обдувает лицо ледяным воздухом. На экранчиках — медленно ползущая полоска — процент перекачанной информации, а под ней хищно сжимающееся отверстие — сужающийся канал связи. Вот как на самом деле выглядит красота самых напряженных виртуальных схваток. Полосочки, буковки, циферки. Схватка программ, модемов, байты информации.

Не хочу. Противно и тоскливо.

— Дип! — скомандовал я.

Голова отзывается болью, но — плевать! Я пролетаю между копьями, падаю на пол. Сверкающая лента змеится по улице, руша все на своем пути. Осыпаются здания, с грохотом разлетается стена. Лента перемахивает овраг. Вперед...

Навстречу выскакивают давешние охранники. Оба с мечами, но и я уже вытащил клинок. Чей вирус окажется ловчее и быстрее?

Мой.

Это подарок Маньяка, моего знакомого спеца по компьютерным вирусам. Подарочек убийственный — воздух под ударом клинка вспыхивает и драконьей отрыжкой ударяет по охранникам. Те сгорают мгновенно. Превращаются в черные обугленные остовы.

Любит Маньяк красивые эффекты. Сейчас компьютеры охранников по горло заняты невероятно важной работой — вычислением числа «пи» с точностью до миллиона знаков пос-

ле запятой. У них даже не осталось ресурсов, чтобы вывести операторов из виртуальности. Прекрасно, полежат в *глубине,* а не подсядут к другим машинам...

— Неэтично... — скорбно шепчет «Виндоус-Хоум».

Бегу по ленте. Канал связи прекрасный, через пару секунд я уже над стеной. Лента под ногами пружинит, подпихивает, торопит. Хохочу, но все же оглядываюсь.

Ого!

Что творится в «Аль-Кабаре»! Улицы заполнены народом, по ленте уже бегут другие охранники, а из одного здания выползает что-то огромное, змеистое, неприятное. Нет желания всматриваться.

Быстрее...

Лента перемахивает через монстра и дугой упирается в землю. Охранник снова ожил, подергивается, тянет лапы вверх — так что волосяной мост рвется, — но не достает до меня. А сойти с места он не в состоянии — жестко закреплен на своем канале связи.

На последних метрах лента под ногами вдруг начинает трястись и пытается откинуть меня обратно. Программисты «Аль-Кабара» восстановили контроль.

Но уже поздно, я на земле, и ко мне подбегает серый волк.

— Садись, Иванушка, драпать пора! — вопит он.

Заскакиваю на волка, оглядываюсь в последний раз. С ленты спрыгивают охранники, над пропастью реет крылатая тень.

— Сакс! — шепчу я излюбленное ругательство виртуальщиков. Сакс — это «повисший» компьютер, не захотевшая работать программа, кислое пиво или уехавший из-под носа троллейбус. В данном случае — столь энергичная погоня. У нас нет времени, чтобы спокойно перекачать содержащуюся в «яблочке» информацию и раствориться в воздухе. Надо бежать, надо путать следы.

Впрочем, мой партнер в волчьей шкуре это умеет.

Мы мчимся по пустыне, потом сворачиваем в лес. За нами несутся размазанные тени — охранники жертвуют устрашающим обликом в обмен на скорость.

— Далеко ли погоня, Иван-Царевич? — спрашивает волк.

— Близко! — признаюсь я.

— Ох, Иван, не вынесу я тебя! — ревет волк. Достаю расческу, ломаю в руке и кидаю за спину. Оглушительный треск —

зубчики разлетаются, вонзаются в землю и начинают расти, превращаясь в исполинские деревья. Движения охранников между ними становятся вялыми, сонными — пространство перенасыщено внезапно возникшими объектами, и компьютеры врагов вязнут в обилии пустой информации.

К сожалению, фокус этот старый, и методика борьбы с ним прекрасно отработана. Большинство охранников успели сузить поле зрения, или снизить детализацию изображения, и проскочили опасное место. Точнее, это сделали не сами охранники, а их дип-программы. Отсеялись в основном непрофессионалы, бросившиеся в погоню из энтузиазма.

— Ох, Иван, силушки мои на исходе! — вопит волк. Не могу понять, он и впрямь волнуется или так азартно играет сказочный сюжет?

Настает черед зеркальца. Когда я швыряю его назад, мой сдержанный «Виндоус-Хоум» вопит.

— Неэтично!

Конечно, неэтично. Еще бы. Это уже не мелкая шалость с быстрорастущими баобабами и даже не локальный меч-вирус. Это логическая бомба изрядной мощности.

Там, куда упало зеркальце, возникает и начинает стремительно расширяться пруд. Часть охранников влетает в него и «тонет», исчезает бесследно. Остальные беспомощно останавливаются на берегу.

В этой области виртуальности наглухо заблокированы все линии связи. Через эту зону не пройти по меньшей мере пару часов — потом пруд пересохнет.

— Где вещички брал? — вопрошает волк.

— У Марьи-искусницы, — поколебавшись, отвечаю я. Честно говоря, именно прозвище и подсказало мне сегодняшний маскарад... Волк не выдаст. А ему тоже могут пригодиться подобные программки.

— Учту, — благодарит волк, быстро оглядывается и спрашивает: — Что у тебя на третье, богатырь?

За нами несется дракон — боевая программа-перехватчик высшего разряда. У дракона три головы — очевидно, три человека-оператора и плюс обычный арсенал — когти, зубы и пламя. Сотня разнообразных вирусов и крепкая защита. Над прудом дракон лишь чуть притормаживает.

— Третье я первым истратил, — признаюсь я.

— А больше взять не мог? В сказочки заигрался, три предмета — и все? — рычит волк. Он не прав, конечно, слишком много боевых вирусов на себе не унесешь. Но у нас обоих сдают нервы.

Волк принимает какое-то решение и резко сворачивает в сторону, еще больше убыстряя бег. Останавливается у широкого мшистого пня так резко, что я лечу наземь. Оглядывает меня пристальным взглядом и прыгает через пень.

Я предпочитаю пользоваться водой, когда меняю облик. Ручей, река или хотя бы полный ковшик. Но оборотни консервативны.

В воздухе волк переворачивается и превращается в человека. Молодой мужчина в скромном сером костюме и лакированных ботинках. Мой приятель-дайвер, как всегда, элегантен. Едва упав, он поднимается, прыгает вновь и превращается в мою точную копию.

— Вика, ручей! — командую я, сообразив, что он задумал. Но бывший волк уже хватает меня за плечи и с криком: «Времени нет!» швыряет через пень.

Подвергаться воздействию чужой мимикрирующей программы — не большое удовольствие. Я едва успеваю шепнуть: «Вика, замри!», чтобы заботливый «Виндоус-Хоум» не воспротивился перевоплощению.

В шкуре волка я бывал давным-давно, когда виртуальность только образовалась и все баловались метаморфозами. К счастью, становиться на четвереньки не приходится — я меняюсь лишь внешне. Отстегиваю меч, подаю его новому Ивану-Царевичу, тот хватает оружие и вскакивает мне на плечи.

— Ну-ка, сыть, травяной мешок! — вопит он, колотя каблуками. Я бросаюсь вперед, и вовремя — над деревьями показывается дракон. Пикирует на нас и выпускает три струи пламени. Аккурат по нашему курсу вспыхивает пожар.

— Давай! — вопит мой партнер и шепотом добавляет: — Вечером, где всегда...

Я резко дергаюсь, сбрасываю его и убегаю, осыпаемый проклятиями.

Дракон секунду кружит над нами, потом делает нехитрый выбор и опускается рядом со сказочным героем. Трусливый партнер его не интересует.

Что и требовалось.

Бегу в сторону, шепчу:

— Вика, перекачивай новые файлы!

За моей спиной кипит бой. Впрочем, недолгий. Оборотень успевает задеть дракона мечом, но против защиты программы-перехватчика вирус бессилен. Вокруг оборотня вскипает белое снежное облако, и он замирает.

Заморозка. Все. Мой друг вышел из игры — он уже дома, стягивает виртуальный шлем. А перед оскаленными мордами дракона стоит его копия, вместе со всеми добытыми программами... если бы они, конечно, у него были.

Дракон легонько бьет застывшее тело лапой, и оно рассыпается ледяными осколками. Все три головы склоняются к ним... ищут украденное яблоко.

А я бегу.

Яблоко за пазухой становится все легче — информация утекает на мой компьютер. Петляю между деревьями, потом останавливаюсь, чтобы «Виндоус-Хоуму» было легче перекачивать файл.

До меня доносится рев дракона — тот не обнаружил украденного и понял, в чем дело.

Кто быстрее?

Дракон вновь взмывает в небо. Он легко найдет меня — передвижения в виртуальности оставляют следы. Я стою и жду.

— Трансфер файла закончен.

Все. Победа.

— Выход, — командую я.

— Серьезно? — уточняет «Виндоус-Хоум».

— Да.

— Выход из виртуальности, — сообщает компьютер. Перед глазами сверкают разноцветные искры. Мир утрачивает яркость... превращается в блеклую плоскую картинку.

— Ваш выход из виртуального пространства успешно завершен! — радостно говорит «Виндоус-Хоум». Голос из наушников резок и слишком громок. На экранчиках шлема — густая синь с белой фигуркой парящего, или скорее, падающего человека. Известный всем значок дипа, *глубины,* виртуального мира.

Стянув шлем, я поморгал, глядя на монитор. Там — та же самая картинка.

— Вика, спасибо, — сказал я.

— Никаких проблем, Леня, — ответила «Виндоус-Хоум». Этой мелкой любезности я научил ее с неделю назад. Приятно, когда программа выглядит более человечной, чем должна быть.

— Терминал.

Синева сменилась панелью терминала. Я вручную подключился к шестому, устоявшему компьютеру-роутеру и снял свой доступ. Потом аннулировал временный адрес в Австрии.

Основные нити оборваны. Ищите меня, ребята «Аль-Кабара». Пересеивайте файлы в поисках «Ивана-Царевича». Дайвер ушел из капкана.

Уже не пользуясь голосовым управлением, я отключил «Виндоус-Хоум», выпал в трехмерную нортоновскую таблицу, вошел на диск «D», где хранилась вся виртуальная добыча и небольшая коллекция вирусов. Вот оно, «яблочко» — полуторамегабайтный файл. С виду — самый обычный документ для текстового редактора «Адвансед-Ворд». Впрочем, к нему пристегнуты еще два маленьких файла... сторожевые программки? Я запустил сканирующую программу, разработанную именно для таких вот сюрпризов.

Ага. Все верно. Это программы-идентификаторы, которые должны уничтожить файл, если тот окажется на чужом компьютере.

Знаем мы это дело. И давно от него застрахованы — программы-идентификаторы просто не видят моего компьютера. На диске «D» я храню именно такие, опасные вещи.

Внутри самого текстового файла сканер тоже обнаружил сюрприз — маленькую программку, предположительно — включающуюся при попытке прочитать информацию. Ничего иного я и не ожидал. Сделал копию файла на магнитную дискету, потом на лазерную. И принялся потрошить яблочко из алькабарских садов.

Убить сторожевые программы без уничтожения текста оказалось невозможно. Пришлось их просто оглушить, привести в нерабочее состояние. Потом я занялся внутренним сюрпризом. Разрезал файл на два десятка кусочков, вычленил программу-сторож. Она оказалась абсолютно незнакомым полиморфным вирусом, который — а это уже было неприятно! — успел таки зацепиться за мой компьютер. Через два часа непрерывной работы, отвлекшись лишь на то, чтобы выпить таблетку аспирина и сходить в туалет, я убедился, что раскрыть вирус не смогу.

Был уже поздний вечер — время, когда хакеры только приступают к работе. Я упаковал вирус с куском текста и позвонил Маньяку.

Пришлось ждать минуты две, пока он снял трубку. Это мне повезло — он вполне мог болтаться по виртуальности, безучастный к звонкам, пожарам, наводнениям и прочим досадным мелочам жизни.

— Да?

— Маньяк, это я.

Голос хакера чуть смягчился.

— Привет, Леня. Что у тебя?

— Новый вирус в твою коллекцию.

— Кидай! — сказал Маньяк и молниеносно кинул трубку.

Я запустил модем и отправил аль-кабарский сюрприз в жадные руки строителя вирусов. Достал из холодильника хлеб, колбасу, пошел на кухню ставить чайник. Наверняка полчаса вирус у Маньяка займет. Минут десять он будет его ломать, а потом минут двадцать любоваться структурой, хохотать, отмечая неудачные решения, и хмуриться, находя те ходы, которые ему самому еще в голову не приходили. Со времен Московской Конвенции, которая смирилась с неизбежным и легализовала изготовление нефатальных вирусов, он занимается их изготовлением. Вирусы у него получаются хорошие, способные завесить любую машину и в то же время не уничтожающие на ней информацию.

Но Маньяк позвонил через три минуты.

— Был в гостях у «Аль-Кабара»? — медовым голосом спросил он.

— Да. — Врать не имело смысла. — Ты так быстро справился?

— Я и не справлялся. Это мой вирус, приятель!

Я не нашел ничего лучшего, чем сказать:

— Извини...

Маньяк, а в миру просто Саша, был очень серьезен:

— Ты что, спер у них программу?

— Не совсем спер. Но в общем — да, это было встроено в файл...

— Ты связывался с кем-либо по модему? После того как получил этот файл?

— Нет.

— Тогда тебе повезло, — сообщил Маньяк. — Понимаешь, это не простой вирус, это — открытка.

Я не понял, и Маньяк пояснил:

— Открытка с обратным адресом. Если вирус обнаруживает, что на компьютере стоит коммуникационное оборудование, он приклеивает к каждому твоему письму еще одно — крошечное, невидимое... открыточку. Без всякого текста, зато с твоим обратным адресом. Письма уходят вместе, а потом, уже с чужого компьютера, открытка отправляется в службу безопасности «Аль-Кабара».

У меня все внутри похолодело.

— Я прибил вирус на машине...

— Ты прибил не сам вирус, а ложные отражения, которые он создал. Специально, для усыпления бдительности. Массовые программы открытку пока не обнаруживают — слишком редкая штука.

— И что мне делать?

— Пивом меня поить, — усмехнулся Маньяк. — Сейчас примешь от меня письмо, там лекарство. Специальный антивирус. Подсказок в нем нет, просто запускаешь бат-файл, и он проверяет машину. Учти, будет работать долго, это не коммерческий продукт, а так... личная страховка от собственного вируса.

— Спасибо.

— Угу. Леня, ты едва не вляпался в крупные неприятности.

— Развелось хакеров, — буркнул я. — Черт, а что ты никогда мне не рассказывал об этой штуке?

— А откуда я знал, что ты компьютерным взломом занимаешься? — резонно возразил Маньяк. — В следующий раз спроси у меня, если соберешься лезть в крутые места. Ладно, включай модем.

Через пару минут я запустил полученный антивирус. Работал он и впрямь медленно, каждую минуту оповещая о том, что обнаружена «открытка». Полиморф расползся по всему компьютеру.

И впрямь едва не влип.

Поглядывая на экран, я соорудил себе здоровенный бутерброд, налил в чашку чая и вышел на балкон. Было уже темно, накрапывал мелкий дождик. Воздух был сырой и холодный.

Дайверов губит самоуверенность. Нам не страшны опасности виртуального мира, и это убаюкивает бдительность.

А самое обидное то, что мы вовсе не профессионалы. Из хакеров почему-то не получаются дайверы — они принимают виртуальный мир как реальность.

Зато я, посредственный художник из разорившейся три года назад фирмы компьютерных игр, получивший в качестве выходного пособия старый компьютер и влезший в *глубину,* стал дайвером. Одним из сотни ныне живущих.

Повезло.

Наверное, просто повезло.

10

Еще пять лет назад виртуальный мир был выдумкой фантастов. Уже существовали компьютерные сети, шлемы, виртуальные костюмы, но все это было профанацией. Были созданы сотни игр, где герой мог свободно перемещаться в объемном и красочном киберпространстве, но о виртуальности и речи идти не могло.

Мир, созданный компьютерами, слишком примитивен. Он не идет в сравнение даже с мультяшками, тем более — с кинофильмами. Что уж говорить о реальном мире? Можно было бегать по нарисованным лабиринтам и замкам, сражаться с чудовищами или с приятелями, сидящими за такими же компьютерами. Но даже в горячечном бреду никто не спутал бы иллюзию с реальностью.

Компьютерные сети позволяли общаться людям по всему миру. Но это был просто обмен строчками на экранах... в лучшем случае рядом с нарисованной рожицей собеседника.

Подлинная виртуальность требовала слишком мощных компьютеров, неимоверно качественных линий связи, титанического труда тысяч программистов. Город, подобный Диптауну, строили бы не один десяток лет.

Все изменилось, когда бывший московский хакер, а ныне преуспевающий американский гражданин Дмитрий Дибенко изобрел *глубину.* Маленькую программу, влияющую на подсознание человека. Говорят, он был помешан на Кастанеде, увлекался медитацией, баловался травкой. Верю. Его бывшие друзья признаются, что он был циничным и ленивым, неряхой и посредственным специалистом. Тоже верю.

Но он породил *глубину*. Десятисекундный ролик, прокручивающийся на экране, сам по себе безвреден. Если его показать по телевизору (говорят, в некоторых странах это рисковали делать), то телезритель ничего не почувствует, не станет участником фильма. Сам Дмитрий хотел лишь создать на экране компьютера приятный фон для медитации. Он его создал, пустил гулять по сети и две недели ни о чем не подозревал.

А потом один украинский паренек посмотрел на цветные переливы дип-программы, пожал плечами и начал играть в свою любимую игру — «Doom». Нарисованные коридоры и здания, отвратительные монстры и отважный герой с дробовиком в руке. Простая трехмерная игра, с нее начиналась целая эпоха объемных игр.

И он попал в игру.

Пустой (был уже поздний вечер) зал патентного ведомства, где он работал, исчез. Паренек больше не видел компьютера, за которым сидел. Его пальцы жали на клавиши, заставляя нарисованную фигуру двигаться, поворачиваться, стрелять, а он чувствовал, что он сам бежит по коридорам, уворачиваясь от огненных зарядов и оскаленных морд. Он понимал, что это игра, но не знал, почему она стала реальностью и как ее закончить.

Единственное, что он смог придумать, — пройти ее до конца. И он прошел, хотя это оказалось гораздо сложнее, чем раньше.

Легкая рана становилась теперь не просто уменьшившимся процентом жизненных сил на экране, а тем, чем и должна быть рана. Болью, слабостью, страхом. Он обнаружил, что залитый кровью пол становится скользким, что каменная плита, за которой скрывается тайник с патронами, очень тяжелая, что гильзы горячие, а отдача от гранатомета едва не сбивает с ног. Эликсир, восстанавливающий здоровье, имел неприятный горький вкус. Бронежилет оказался сделанным из тонких металлических пластинок и довольно легким на теле — зато слишком просторным и с неудобными завязочками на спине. Часа через три стал заедать спуск дробовика, его приходилось давить медленно и плавно, покачивая пальцем в разные стороны.

В пять утра он прошел игру до конца. Чудовища были повержены. На каменной стене перед ним проступило игровое меню, и он с воплем ткнул стволом дробовика в слово «выход».

Иллюзия рассеялась. Он сидел перед мирно гудящим компьютером, глаза слезились, клавиатура под закостеневшими пальцами была разбита вдрызг. Западала кнопка, которую он в игре принимал за спусковой крючок.

Паренек отключил компьютер и уснул прямо на стуле. Пришедшие на работу сотрудники увидели, что все тело у него покрыто синяками.

Он рассказал о случившемся, и, разумеется, ему никто не поверил. Только к вечеру, осознавая случившееся, он вспомнил о медитационной программе Дибенко и заподозрил неладное.

Через неделю лихорадило весь мир. Корпорации, за исключением продающих компьютеры и программы, несли миллиардные убытки — всем, от программистов до секретарш и наборщиц, хотелось воочию побывать в киберпространстве.

С легкой руки Дибенко программа получила название «дип» и начала шествовать по миру. Впереди еще были исследования, доказавшие, что около семи процентов людей неподвластны *глубине,* а пребывание в виртуальности более десяти часов в день может привести к нервным расстройствам и псевдошизофреническому синдрому. Месяц оставался до первой смерти в виртуальности, когда пожилой мужчина, чей истребитель сожгли в космической схватке над планетой разумных фиолетовых рептилий, умер от инфаркта прямо за клавиатурой компьютера.

Это уже не могло никого остановить или напугать.

Мир погрузился в *глубину.*

«Майкрософт», IBM и компьютерная сеть «Интернет» создали Диптаун.

Главным преимуществом дип-виртуальности была простота. Не надо детально прорисовывать здания и дворцы, лица людей и детали машин. Лишь общие очертания и мелкие, узнаваемые детали. Коричневая стена, поделенная на прямоугольники, кирпичная кладка. Голубизна сверху — небо. Штаны синего цвета — джинсы.

Мир нырнул. И возвращаться на поверхность не собирался. В *глубине* было куда интереснее. Пусть она оставалась доступной не всем, но интеллектуальная элита присягнула на верность новой империи.

Глубине...

11

Когда я очистил компьютер от вируса-открытки и упаковал добытый файл — теперь он будет выглядеть в виртуальности как обычная дискета, — наступила полночь. Голова больше не болела, спать не хотелось совершенно. Кто же из обитателей Диптауна спит ночью?

— Вика, перезагрузка, — скомандовал я.

Задумчивое женское лицо на экране нахмурилось.

— Правда?

— Конечно.

Экран слегка померк, изображение размазалось. Потом компьютер замигал индикатором жесткого диска, перезагружаясь. Машина у меня несерьезная, «пентиум», но менять ее на более совершенную руки не поднимаются. Старый конь борозды не испортит.

— Добрый вечер, Леня, — сказала Вика. — Я готова к работе.

— Спасибо. Подключайся к Диптауну... через обычный канал.

Защелкал модем, набирая номер. Я натянул шлем, сел.

— Соединение на двадцать восемь восемьсот, канал стабильный, — сказала Вика.

— Включай дип.

— Выполнено.

Голубизна, белая вспышка в центре экрана, потом — разноцветье.

Как ты смог создать дип-программу, Дима? Со своей расшатанной психикой, дилетантскими познаниями в психологии, самыми элементарными знаниями в области нейрофизиологии? Что тебе помогло?

Сейчас, когда ты богат и знаменит, что ты пытаешься сделать? Понять собственное озарение или придумать что-нибудь еще более удивительное? Или просто распутничаешь и куришь травку в свое удовольствие? Или бродишь дни и ночи напролет по улочкам Диптауна, любуясь на дело рук своих?

Я хотел бы знать. Но — не оказаться на твоем месте. Ибо ты просто рядовой житель виртуальности, со всеми своими миллионами и прототипом «восьмерки» в качестве домашнего компьютера. *Глубина* держит тебя так же цепко, как провин-

циального программиста из российской глубинки, месяцами копящего деньги на визит в Диптаун.

Ты не дайвер, Дима. И потому я счастливее тебя.

...Комната та же, но за окном всполохи рекламы и легкий шум машин.

— Все в порядке, Леня?

Оглядываюсь.

— Да. Я пойду, погуляю, Вика.

Беру со стола дискету с добытым файлом, прячу в карман. На полке, среди десятка книг и стопки сидишников, лежит плеер. Засовываю в него диск «ЭЛО», надеваю наушники, включаю. «Roll Over Beethoven». Чего и хотелось. Под бодрую музыку выхожу из квартиры, запираю дверь.

На этот раз жучков нет. На тротуаре я поднимаю руку, торможу такси. Водитель на этот раз — пожилой, грузный, очень интеллигентный мужчина.

— Компания «Дип-проводник» рада приветствовать вас, Леня!

Киваю, сажусь:

— К ресторану «Три поросенка».

Водитель кивает, этот адрес ему известен. Едем быстро, пара поворотов — и перед нами странное здание: частично каменное, частично деревянное, частично из соломенных циновок. Захожу в давно знакомый ресторанчик, осматриваюсь.

Помещение поделено на три части — блюда восточной кухни подают в той, что выстроена из циновок, европейскую можно отведать в каменной, русскую, естественно, — в деревянной.

Есть мне не хочется. Виртуальная еда субъективно насыщает, и когда у меня полный финансовый напряг, я начинаю питаться в «Трех поросятах». Но сейчас надо просто дождаться подельщика.

Иду прямо к стойке бара, за которой стоит плотный молодой мужчина.

— Здравствуй, Андрей.

Иногда хозяин ресторана сам обслуживает виртуальных клиентов. Однако сегодня явно не тот случай. Глаза бармена оживляются, но это чисто механическая любезность:

— Здравствуй! Что будешь пить?

— Джин-тоник, со льдом, обычный.

Смотрю, как бармен смешивает напиток. Тоник — настоящий «Швепс», джин — приличный «Бифитер». Компании, производящие спиртное, позволяют использовать в виртуальности образы их продукции за самую символическую плату. Реклама...

«Пепси-кола» вообще бесплатна — это был их рекламный ход. Зато «кока-кола» стоит ровно столько же, как и в реальности.

И ее покупают.

Беру стакан, присаживаюсь за свободный столик. Наблюдаю за посетителями. Это всегда интересно.

Мужчин и женщин приблизительно поровну. Женщины, все как на подбор, красавицы. Самые разные, от блондинок скандинавского типа и до негритянок с антрацитовой кожей. Мужики в основном уроды. Нет, на самом деле это не так. Просто мое подсознание подмечает все глупости в виртуальных личинах мужчин — и диспропорцию излишне мускулистых фигур, и слишком узнаваемые физиономии киноактеров, налепленные на тела культуристов.

Для женщин милостиво делается исключение. Они все прекрасны.

Делаю глоток джина, расслабленно опираюсь на стойку. Хорошо.

Ни один настоящий бар или ресторан не сравнится с виртуальным. Здесь всегда вкусно готовят. Здесь не приходится ожидать официантов. Лошадиная доза спиртного не вызовет похмелья.

А вот опьянеть можно вполне. Как-никак опыт в этом деле есть... и подсознание радостно ныряет в алкогольный дурман. Может быть, в это время организм начинает вырабатывать естественные наркотики — эндорфины, не знаю. Во всяком случае, после выхода из *глубины* опьянение проходит не сразу.

— Можно? — Ко мне подсаживается девушка. Светлые волосы, чистая, чуть бледная, матовая кожа, простой белый костюм. На груди медальончик на золотой цепочке — наверняка какая-то программка. Симпатичная и, слава Богу, неузнаваемая. Или сама конструировала лицо, или опиралась на редкую картину, или нашла в каком-то фильме симпатичную, но не примелькавшуюся мордашку.

— Конечно, — разворачиваюсь к ней. Бармен уже подает девушке бокал белого вина. Чилийское, «Император». У девочки хороший вкус.

— Я часто вас здесь вижу, — сообщает девушка.

Дзинь-дзинь! — тревожный звоночек в мозгу.

— Удивительно, — замечаю я. — Не так уж часто я тут появляюсь.

— Зато я — постоянно, — говорит девушка.

Ложь.

Я могу выйти из виртуальности и проверить те два десятка контрольных фотографий, что хранятся на компьютере. Посетители бара за последние два месяца, всегда полезно запомнить новые лица.

Но зачем, я и так помню, что никогда не встречал этого лица...

— Я носила другие лица. — Девушка словно угадывает мои мысли. — А вы всегда ходите в одном.

— Это дорогое удовольствие — менять образ, — начинаю самоуничижаться. — Лепить себя из Шварценеггера и Сталлоне — глупо. А нанимать специалиста мне не по карману.

— *Глубина* сама по себе — дорогая штука.

Девушка называет виртуальность *глубиной,* и мне это нравится.

В отличие от ее остального поведения.

Пожимаю плечами. Странный разговор.

— Простите, вы ведь — русский? — спрашивает девушка.

Киваю. В виртуальности очень много русских — нигде в мире контроль за машинным временем не поставлен так плохо, как у нас.

— Простите... — Девушка покусывает губки, она явно волнуется. — Я, наверное, крайне бестактна, но... как вас зовут?

Я понимаю.

— *Не* Дмитрий Дибенко. Вас ведь именно это интересует?

Девушка испытующе смотрит мне в лицо, потом кивает. Залпом допивает вино.

— Я не лгу, — мягко говорю я. — Честное слово.

— Верю. — Девушка кивает бармену, потом протягивает мне руку: — Надя.

Пожимаю ладонь, представляюсь:

— Леонид.

Вот и познакомились, теперь можно на «ты». *Глубина* демократична. Излишне вежливый тон здесь — оскорбление.

Девушка откидывает волосы назад, жест естественный и красивый. Протягивает бармену бокал, тот шустро наполняет его вновь. Окидывает взглядом зал.

— Как ты думаешь, а он действительно посещает виртуальность?

— Не знаю. Наверное. Ты журналист, Надя?

— Да. — Она секунду колеблется, потом достает из сумочки визитку, протягивает мне: — Вот...

Визитка полная — не только интернетовский адрес, но и голосовой телефон, имя и фамилия. Надежда Мещерская. Журнал «Деньги». Репортер.

«Виндоус-Хоум» молчит — значит визитка чистая, это и впрямь только адрес, без всяких сюрпризов. Прячу визитку в карман, киваю:

— Спасибо.

Ответной любезности, увы, не будет. Но Надя на нее и не рассчитывает.

— Странная вещь эта *глубина,* — бросает она, отпивая вино. — Вот я сейчас в Москве, ты — где-нибудь в Самаре, тот мальчик — в Пензе...

«Мальчик», похожий на смазливого мексиканца из телесериала, замечает ее взгляд и гордо выпячивает подбородок. Да, в наблюдательности Наде не откажешь, он и впрямь русский...

— Вон толпа американцев, — без малейшей почтительности продолжает Надя, — вóн тот чудик — явный японец... видите, какие глаза себе нарисовал? У каждой нации свои комплексы... И вот мы валяем дурака в несуществующем ресторане, за бокалом воображаемого спиртного, сотни компьютеров жгут энергию, процессоры греются от натуги, телефонные линии перегоняют мегабайты бессмысленной информации...

— Информация не бывает бессмысленной.

— Да, пожалуй. — Надя бросает на меня быстрый взгляд. — Скажем так: неактуальной информации. И все это — новая эра мировой технологии?

— А чего ты ожидала? Обмена файлами и разговоров о частоте процессоров? Мы ведь люди.

Надя морщится:

— Мы люди новой эпохи. Виртуальность может изменить мир, а мы предпочитаем гримировать ее под старые догмы.

Нанотехнология, используемая для имитации выпивки, — это хуже, чем микроскоп для забивания гвоздей...

— Ты — «тюринка», — догадываюсь я.

— Да! — с легким вызовом отвечает Надя.

Тюринцы — последователи одного писателя-фантаста из Питера. Они не то выступают за сращивание человека с компьютером, не то ожидают от виртуальности каких-то немыслимых благ.

— Так что же ты делаешь в этом бессмысленном заведении? — спрашиваю я.

— Ищу Дибенко. Мне очень хочется спросить его... так ли он все представлял? Правильно ли происходящее, с его точки зрения?

— Понятно. Но неужели тебе не нравится это место?

Надя пожимает плечами.

Я протягиваю руку, касаюсь ее лица.

— Тепло руки, терпкость вина, прохлада вечернего бриза и аромат цветов, плеск теплых волн, луна в небе и колкий песок под ногами, — неужели тебе не нравится все это?

— Для этого существует реальность. — Она смотрит мне в глаза.

— А часто ли все это совпадает в реальности? Здесь достаточно открыть дверь, — я киваю на неприметную дверку в «японской» части ресторана, — и все окажется на месте. А тебе никогда не хотелось холодным осенним утром стоять на опушке леса над обрывистым берегом реки, пить горячий глинтвейн из пузатого бокала... и вокруг никого...

— Хозяин этого ресторана — романтик, — говорит Надя.

— Конечно.

— Леонид, все, что ты назвал, — правильно. Но этим удовольствиям — место в реальности.

— Реальность не столь доступна.

— Как и *глубина,* Леня. Я не знаю, откуда ты берешь деньги для постоянных визитов сюда, да и не мое это дело. Но миллиарды людей никогда не были в *глубине.*

— Миллионы людей никогда не видели телевизора.

— Виртуальность не должна быть эрзацем реальности, — убежденно говорит Надя.

— Да, конечно. Превратим нищих и убогих в накопители информации, станем импульсами в электронной сети...

— Леонид, ты знаком с учением тюринцев лишь понаслышке, — убежденно говорит Надя. — Посети как-нибудь нашу церковь.

Пожимаю плечами. Может быть, и побываю. Но в *глубине* много интересных мест. На все не хватит жизни.

— Я пойду. — Надя встает. Бросает на стойку бара монетку. — У меня еще полчаса сегодня... надо посетить пару мест.

— В поисках Дибенко? — киваю я. — А может быть — теплый песок, гавайский пляж и красное чилийское?

Надя улыбается:

— Леня, это уже не будет работой. Вечерний пляж и вино... захочется продолжения. А виртуальный секс забавен, но только если ты дома, в запертой комнате. Я вошла с работы. Шесть компьютеров в комнате, все заняты. Представляешь, какое зрелище я буду представлять для коллег?

Она предельно откровенна и умна. Хорошая девочка. Дай бог, чтобы и в реальности Надя была такой же смышленой и открытой.

— Тогда — удачи, — киваю я.

— Спасибо, таинственный незнакомец. — Надя наклоняется и чмокает меня в щеку.

— *Леня, маркер!* — шепчут булавки на моих плечах.

Достаю платок-вирусофаг и стираю помаду со щеки. Грожу Наде пальцем:

— Я предпочитаю оставаться таинственным, девочка.

Кажется, она растерялась. Однако ей хватило выдержки, чтобы развести руками и неторопливо удалиться.

Блин. Испортила песню, дура!

Так хорошо поговорили...

Залпом осушаю бокал и щелкаю пальцами, подзывая бармена.

— Джин-тоник, один к одному!

Бармен морщится, но смешивает требуемое. Блин. Заказать, что ли, текилы с томатным соком — какую рожу он скорчит?

— Леня?

Оглядываюсь.

Мой друг-оборотень стоит рядом. Белый костюм, лакированные туфли, чуть старомодный галстук. Лицо чуть напряженное.

— Привет, Ромка. Садись.

— Что за девица?

— Ничего интересного.

Мы, дайверы, всегда немножко параноики. Что поделать. Слишком много желающих узнать наши реальные имена.

Оборотень шумно втягивает воздух, хмурится:

— Она пыталась тебя пометить!

— Я знаю. Не беспокойся, это просто журналистка.

Ромка садится, кивает бармену. Тот корчит жуткую рожу — но подает ему граненый стакан, наполненный «Абсолютом-пеп-пер». Мне даже смотреть тяжело, как Роман пьет. А он, слегка морщась, вытирает рот и возвращает стакан.

Может быть, он в реальности — алкоголик?

Не знаю.

Мы таимся друг от друга точно так же, как от врагов. Мы слишком ценный товар. Глубоководные рыбы, мерцающие колдовским светом уроды, которых мечтает попробовать каждая акула.

— Ты донес яблочко? — спрашивает Роман.

— Все в порядке; — откидываю полу пиджака, хлопаю по карману рубашки, где лежит дискета. — Товар на месте.

Оборотень чуть расслабляется.

— А покупатель?

Смотрю на часы.

— Через десять минут. Рядышком, у реки.

— Пошли? — Роман берет стакан.

Я подхватываю свой, и мы выходим в ту дверь ресторана, что в каменной стене. В маленьком тамбуре я тихо говорю:

— Индивидуальное пространство для нас обоих. Допуск для человека, назвавшего код «серый-серый-черный».

— Принято, — слышится из потолка. Теперь, сколько бы посетителей ни захотело погулять в виртуальном пространстве «Трех поросят», их мы не увидим. Только покупателя, которому я загодя сообщил код.

За второй дверью — лес. Дремучий, первобытный, северный. Холодный ветер пронизывает до костей, я ежусь. Мой спутник к холоду совершенно равнодушен. Может быть, у него более простой шлем — без кондиционера?

Бог знает...

Зарабатывает он не меньше моего, но, может быть, у него огромная семья. Или Роман и впрямь алкоголик, проматывающий сотни зеленых за считанные дни?

За нашей спиной — маленький каменный домик, так выглядят «Три поросенка» с этой стороны. Идем по тропинке, помаленьку отхлебывая из бокалов.

— Тебе нравится перцовка? — мимоходом спрашиваю у оборотня.

— Да.

Сухо и без малейших комментариев. Хотел бы я знать, Роман, кто ты на самом деле.

Но это невозможно. Виртуальность жестока к неосторожным.

Выходим к реке. Крутой обрыв, схваченный цепким покровом низкого кустарника. Очень сильный ветер, я щурюсь. Небо затянуто тучами. Река не то чтобы горная, но порожистая и быстрая. Вдали вьется стая каких-то крупных птиц — не знаю, каких именно, они никогда не подлетают близко. Над обрывом — столик, на нем стоят бутылки джина, тоника и «Абсолют-пеппера». Еще никелированный термос, в нем, я знаю, глинтвейн. Вкусный, с корицей, ванилью, мускатным орехом, перцем, кориандром. Три плетеных стула. Садимся рядом, смотрим на реку.

Красиво.

Белая пена на камнях, холодный ветер, полный бокал в руке, сизые тучи, клубящиеся над головой. Завтра наверняка пойдет снег. Но в виртуальности не бывает «завтра».

— Хотел бы я знать, — делаю глоток, — откуда взята эта река.

— Места красивее не видал я в своей жизни... — странным тоном произносит оборотень.

Вот так всегда. У каждого свои ассоциации и аналогии. Для Романа явно этот пейзаж что-то означает. Для меня — просто красивое место.

— Ты здесь бывал?

— В какой-то мере.

Интересно.

— Что это за птицы, Роман?

— Гарпии, — не глядя отвечает он. Хлоп — и его стакан пуст.

Но он все равно не пьянеет.

Как я ненавижу тайну, которая окружает нас. Мы боимся друг друга. Мы боимся всего.

— А погода приятная, — бросаю наугад.

— Снежное нынче лето... — говорит оборотень. И смотрит на меня с иронией. Он узнает эту местность. Она отзывается чем-то в его душе.

Мне не дано узнать, чем именно.

Наливаю себе глинтвейна в тяжелую керамическую чашу. Вдыхаю аромат. Снежное лето? Пускай. Нет ничего лучше плохой погоды.

— Леня, ты куришь травку? — Роман протягивает мне портсигар.

— Нет.

Наверное, он и впрямь алкоголик и наркоман...

— Говорят, куда безвреднее алкоголя и табака.

— Говорят, что в Москве кур доят.

Роман колеблется, но закуривает.

Блин. Надины доводы начинают казаться мне не такими уж безумными.

Я пью глинтвейн, Роман курит анашу. Минуты через две щелчком отправляет недокуренную сигарету вниз и говорит:

— Детская забава. Плесни мне вина.

— Это глинтвейн.

— Какая, на фиг, разница...

Теперь мы оба потягиваем горячее вино с пряностями. Роман кивает:

— Рулез!

Я согласно киваю. «Рулез» — это что-то хорошее. Холодное пиво, компьютер седьмого поколения, юная красавица, удачно обезвреженный вирус... глинтвейн.

Сидим над обрывом, и нам хорошо.

— Что было в том яблочке?

— Новое лекарство от простуды. Очень эффективное.

Роман хмурится:

— Это стоит шесть тысяч?

— Это стоит сто.

— А... — Роман меняется в лице.

— Давай дождемся покупателя.

Оборотень кивает:

— Твоя операция, тебе решать.

Покупатель появляется минут через десять, когда я уже начинаю беспокоиться. Я знал его лишь под кличкой Тертый, а он меня под прозвищем Стрелок. Покупатель опрятен и неприметен, простой костюм, незапоминающееся лицо. Молодой парень с дипломатом в руке.

— Добрый вечер, Стрелок! — говорит он мне. Голос излишне ровен — Тертый общается через программу-переводчик.

— Доброе утро, — поглядывая на часы, отвечаю я. Это взаимная игра. Выяснить индивидуальное время дайвера, определить, в каком часовом поясе тот проживает, — уже немало.

— Как я ценю ваш юмор... — Тертый садится на третий стул, вопросительно смотрит на меня: — Урожай созрел?

— Тяжелые вышли яблочки. — Я достаю дискету, кладу на стол. — Честно говоря, я ожидал большей благодарности за подобный труд...

— Мы ведь условились? Шесть тысяч долларов.

Развожу руками.

— *По вашим словам,* большего оно и не стоило.

— Вы считаете иначе?

— Понимаете, господин Шеллербах...

Тертый вздрагивает.

— Вы ошиблись как минимум на порядок. Простуда — это мелочь, конечно... но кому нравится валяться в постели с температурой и сопливым носом?

— Мне — не нравится. — Шеллербах-Тертый меняется в лице. Теперь это пожилой мужчина с волевой, но нервной физиономией. — Однако я полагал, что слово дайвера — свято.

— Не отрицаю. Я отдаю вам файл, — щелчком отправляю дискету через стол. — Но в следующий раз ни один дайвер не пошевелит ради вас пальцем. Вы нарушаете *нашу* этику, господин Шеллербах. Труд оплачивается в меру его сложности.

Шеллербах берет дискету и замирает. Я пью глинтвейн, наблюдая за ним. Оборотень молчит. Это моя операция.

Наконец Шеллербах скачал файл, и взгляд его приобретает осмысленность.

— Итак? — спрашиваю я.

— Пятьдесят, — говорит Тертый.

— Каждому?

Он молчит — очень, очень долго. Это деньги. Живые, полнокровные, не облагаемые налогами, пришедшие ниоткуда и ушедшие никуда.

— Ваш счет.

Я протягиваю ему бумажку, на ней — номер счета в Швейцарии.

— Отрицательные проценты... вы очень осторожны, господин дайвер...

— Иного выхода нет, Петер...

Он сдается. Я знаю его настоящее имя, он мое — нет. Банк не выдаст меня *никогда*. Даже если международный трибунал заявит, что я людоед и виновен в геноциде.

За это и платятся *отрицательные проценты* со счета.

За полную безопасность.

— Пятьдесят каждому. Я делаю жест доброй воли, господин дайвер!

— Прекрасно.

Несколько секунд и на мой счет перетекают сто тысяч долларов. Это много. Это очень много.

Годы спокойной жизни в виртуальности.

— Вы согласитесь на дальнейшее сотрудничество?

Достаю свою чековую книжку, с удовольствием разглядываю цифру. Потом выписываю чек на пятьдесят тысяч и отдаю оборотню.

— Вполне возможно.

— А на постоянный контракт?

— Нет.

— Чего вы так боитесь, дайвер? — Во взгляде Шеллербаха любопытство.

Чего я боюсь?

— Имени, Питер. Настоящая свобода — это всегда тайна.

— Я понимаю, — соглашается Шеллербах. Косится на Романа: — Вы тоже дайвер? Или просто ходячий набор вирусов?

— Дайвер, — говорит Роман.

— Что ж... удачи вам, господа... — Шеллербах отходит на шаг. Останавливается: — Скажите... как это — быть дайвером?

— Очень просто, — отвечает Роман. — Надо знать, что все вокруг — игра. Фантазия.

Шеллербах кивает, разводит руками:

— Не получается, увы...

Он уходит по тропинке, мы смотрим ему вслед. Потом я наполняю наши бокалы.

— За удачу!

Роман явно еще не оценил масштабов случившегося. Молчит, крутит в руках бокал.

— Леня, скажи, ты счастлив?

— Конечно.

— Большие деньги... — Он разглядывает чек, потом решительно поднимает бокал: — За удачу!

— За нее, — соглашаюсь я.

— Ты не исчезнешь из *глубины?*

— Нет.

Роман кивает, с явным облегчением. Отпивает вина, говорит:

— Знаешь, с тобой интересно работать. Ты... необычный.

На миг мне кажется, что мы подходим к той небывалой грани, когда дайверы открываются друг другу.

— Аналогично, Рома.

Оборотень встает. Резко, порывисто.

— Мне пора... ко мне пришли...

Он растворяется в воздухе, бокал падает на пол, катится, звеня и подпрыгивая.

— Удачи тебе, Роман, — говорю я в пустоту.

Одиночество — изнанка свободы.

У меня не может быть друга.

— Счет! — зло говорю я в пустоту. — Счет, живо!

100

Самое обидное, что мне не хочется спать. Слишком удачный день, наверное.

Возвращаюсь в ресторан. Часть народа сменилась, компания американцев по-прежнему хохочет над своими шутками.

Надо прогуляться.

Выбираюсь из «Трех поросят», секунду колеблюсь — не поймать ли такси? — потом иду пешком. Потихоньку сворачиваю с центральных улиц, подхожу к русским конференц-кварталам.

Это одно из самых интересных мест в виртуальности, на мой взгляд. Место, где можно просто поговорить.

О чем угодно.

Длинные ряды зданий, каждое в своем стиле, между ними — скверики и площади, заполненные народом или пустые. Разглядываю затейливые таблички. Часть понятна сразу, некоторые нарочито туманны.

«Анекдоты».

«Разговоры ни о чем».

«Сексуальные приключения».

«Странное место».

«Овес растет!»

«Книги».

«Боевые искусства».

Сюда приходят пообщаться на конкретные темы. Это — отголоски довиртуальной эпохи. Дальше пойдут более солидные клубы, где можно получить консультацию по техническим вопросам, поспорить о программном обеспечении или даже купить по дешевке ворованные программы. Но мне это малоинтересно.

Сворачиваю в скверик, над воротами которого табличка «Анекдоты». Здесь всегда многолюдно, шумно и бестолково. Скверик похож на парк культуры шестидесятых годов. В уголке тихо играет маленький оркестрик — явно ненастоящий, на скамеечках сидят, пьют пиво, болтают между собой люди. Присаживаюсь в сторонке.

На маленькую деревянную эстраду поднимается парень в джинсах и белоснежной рубашке. Парень совершенно безликий. На него лениво поглядывают.

— Штирлиц вышел из дома... — начинает парень.

Девчонка рядом со мной свистит и запускает в парня пивной бутылкой. Я ее вполне понимаю. Девяносто процентов анекдотов, которые здесь рассказывают, — старье. Это клуб, который обожают новички в виртуальности... не понимающие еще, что ничто не ново под луной. Стоит побыть здесь полчаса, чтобы поверить: Каин убил Авеля именно за то, что тот любил рассказывать бородатые анекдоты.

Паренек под свист и выкрики все-таки рассказывает анекдот и, затравленно озираясь, сбегает с трибуны. Кто-то ему одиноко аплодирует. Надо же...

Оглядываюсь в поисках бара. Он далеко, на другом конце сквера. Девчонка молча протягивает мне бутылку пива.

— Спасибо... — делаю глоток. Холодный «Хайникен» сразу улучшает настроение.

На трибуну поднимается еще один парень. Гораздо более индивидуальный, почему-то напоминающий прибалтийца. У него плутоватое выражение, и я настораживаюсь. Парень косится на маленькую будочку в углу сцены.

— Господа! — выкрикивает он. Действительно прибалт, если это не мое подсознание домыслило акцент. — Фирма «Литокомп» имеет честь предложить по самым низким ценам...

Ага. Все понятно.

Я тоже смотрю на будочку — укрытие *модератора*. В каждом клубе есть человек, наблюдающий за порядком и за соответствием разговоров разрешенной теме. Вопрос лишь в том, на месте модератор или отреагирует позднее...

На месте.

Дверца будочки открывается, и оттуда лениво выходит крякжистый мужик с огромным, жутковато выглядящим устройством в руках. Прибалт замечает его и начинает тараторить:

— ...Винчестеры «Квантум лайтинг», «Вестерн дигитал»...

— Офтопик! — лениво, но с глухой злобой говорит модератор и вскидывает оружие. Присутствующие затихают, наслаждаясь зрелищем.

Ствол дергается, и в сторону торговца со свистом летит алый светящийся крестообразный предмет. Прибалт пытается пригнуться, но это бесполезно. Модераторы не промахиваются. На рубашке торговца расплывается огненный крест, или, как принято говорить, «плюс». Три таких плюса — и вход в клуб «Анекдоты» будет для него закрыт навсегда.

Толпа одобрительно хохочет.

— А может, это анекдот так начинался? — выкрикивает кто-то с места. Модератор грозит ему пальцем, потом повторно наводит ствол на прибалта. Тот бросает тщетную попытку отскрести сияющий плюс с рубашки, спрыгивает с эстрады и улепетывает прочь.

— Мочи его! — подзуживают модератора, но тот сегодня добродушен. Закидывает плюсомет за спину и уходит в свою будочку, похожую на дачный сортир.

— «Литокомп»... — задумчиво говорит моя соседка. — Надо будет узнать цену, мне пора винт менять...

Что ж, хоть чего-то торговец добился. На сцену выходит еще один жаждущий юмора.

— Однажды Винни-Пух и Пятачок...

Мне становится нестерпимо скучно.

Почему в виртуальной реальности так популярны анекдоты про Штирлица и Винни-Пуха? Какая-то психологическая аберрация...

— Спасибо за пиво, — говорю я девушке, встаю и выбираюсь из сквера.

Настроение не то чтобы плохое, но странное. Я бреду вдоль клубов. Сквозь зарешеченные стекла «Боевых искусств» виден хрупкий парень азиатской внешности, демонстрирующий какие-то сложные движения. В летнем кинотеатре «Фильмы» импозантный мужчина оживленно жестикулирует, стоя у экрана. Заглядываю, до меня доносится: «Дешевка! Этот фильм отвратительная дешевка!»

Скучно, господа...

Может быть, тюринцы и правы. Мы превратили виртуальный мир в пародию на реальную жизнь.

А пародии не бывают лучше оригинала. У них иная задача — высмеять, показать нелепость и несуразность первоисточника.

Но мы не можем изменить мир. И эта пародия лишена смысла. Она — не рывок вперед, а лишь шаг в сторону.

— Вика...

— Я слушаю, Леня.

— Вызови мне такси...

— Хорошо.

Может быть, стоит поездить по городу. В конце концов, пойти в центр развлечений.

Машина «Дип-проводника» притормаживает рядом, я открываю дверь, сажусь. Водитель — какого-то нового, ранее не встречавшегося типа. Бородач в рваной майке и с татуировками на плечах. Под панка косит, что ли?

— Машина сейчас прибудет, — сообщает «Виндоус-Хоум».

И до меня доходит, что шофер даже не произнес традиционного приветствия. Что мы уже едем — хотя я не называл адреса.

— Отсюда только одна дорога, — говорит водитель и с ухмылкой поворачивается. У него шрам на щеке и гнилые зубы. Это не программа, конечно, это *живой* человек.

— Остановите.

— Не положено, — водитель скалится, небрежно руля.

Вот это номер.

— Вика, выход из виртуальности! — командую я.

Ответа нет.

— Твоя программка тебя не слышит, — сообщает водитель. — Сиди тихо, лады? Так лучше будет.

Про похищения в виртуальности я еще не слышал.

— Кто вы?

Бородач только улыбается.

Конечно, у меня есть выход. Недоступный простому жителю Диптауна.

Выйти из *глубины* самостоятельно и вручную оборвать связь.

Вот только — не этого ли от меня и добиваются? Расписки в том, что я дайвер. И обрыва связи, когда я нахожусь в «машине» — транспортной программе, вполне возможно, способной отслеживать телефонную линию?

И зачем я сегодня зашел с основного адреса, установить по которому мою личность — задачка для дилетанта?

— Чего вы хотите?

Водитель меня игнорирует. Но и взгляда не отводит, изучая с любопытством охотника, подстрелившего жар-птицу.

— Сам напросился, — говорю я, стараясь не паниковать. И вынимаю револьвер.

Шесть пуль — шесть разных вирусов. Это слабое оружие, но я надеюсь на разнообразие зарядов. Возможно, защита похитителя не выдержит.

Три пули проходят сквозь него, не найдя цели. Хороший антивирус, не дал увидеть свой компьютер. Одна плющится и падает на пол — вирус убит. Еще два патрона даже не выстреливают — они обезврежены прямо в барабане.

Вот так.

Без особой надежды бью водителя рукоятью — это тоже слабый вирус, неплохо оглушающий простенькие программы вроде «Дип-проводника». Но эффекта, конечно, нет.

— Не трепыхайся, — советует водитель, наблюдая, как я дергаю ручки двери. Все закрыто наглухо, и я смиряюсь.

В конце концов — информация не бывает лишней.

Мы едем дальше. Я еще раз пытаюсь связаться с Викой — никакого эффекта. Блокирован голосовой канал связи.

Глубина-глубина, я не твой...

На экранах шлема — внутренности машины. Ух ты, как здорово сделано. Это вполне узнаваемая спортивная «Лянчо».

Я положил пальцы на клавиатуру, набрал несколько команд, нажал ввод.

Сработало.

deep

Ввод.

Я опять в машине. Водитель озабоченно оглядывается на меня. Я задумчиво кручу в руке револьвер — он снова заряжен. А карман оттягивает граната.

— Получили посылочку? — спрашивает водитель.

Теперь моя очередь играть в молчанку.

— Интересно, каким образом?

— Друг мой, если у меня кончаются патроны — это однозначный приказ пополнить запасы.

В моем тоне — самодовольство мелкого хакера. Версия правдоподобная, и то, что компьютер закачал в револьвер порцию новых вирусов, вовсе не обличает во мне дайвера.

Водитель размышляет:

— Давай повременим со стрельбой?

Неопределенно пожимаю плечами. Бородач успокаивающе говорит:

— Мы приехали.

Машина и впрямь уже стоит возле незнакомого здания. Серый куб без окон, единственная дверь, очень широкая, как в гараже, и утрированно-бронированная, словно предупреждение: войти без спроса будет трудно. В таких зданиях скрываются либо банальные склады ширпотреба, либо роскошные апартаменты.

— Идем? — предлагает водитель.

Я молчу.

Бородач молча газует, и машина прыгает прямо к двери. За секунду до столкновения та распахивается, пропуская нас внутрь.

Это и впрямь склад.

Стеллажи вдоль стен, коробки с яркими наклейками известных фирм. Очень много хорошего товара. Либо здесь отделение крупного дилера, либо, что куда более вероятно, воровская хаза.

Двери уже разблокированы. Теперь функцию машины выполняют стены этого помещения. Связи с Викой по-прежнему нет.

— Итак? — выбираясь из «Лянчо», спрашиваю я. — Что надо?

Водитель смотрит мимо меня. Это глупо, но я оборачиваюсь.

В углу склада стоит Человек Без Лица.

Черный плащ до пола, серебряная заколка в виде розы на груди, вьющиеся волосы — какие-то пепельные, но вполне естественно выглядящие. А вместо лица — серая муть, словно сконденсированный туман. Подобные фокусы запрещены на улицах города, но у себя дома их творить можно. Вот только зачем? Хочешь быть неузнаваемым — возьми типовое лицо из комплекта «Виндоус-Хоума» или иной операционной системы. Их там до чертиков.

А отсутствие лица вкупе с такой необычной одеждой — просто глупо.

Хоть и эффектно.

— Оставь нас, Семен, — говорит Человек Без Лица.

Водитель кивает, разворачивается и уходит куда-то в лабиринт стеллажей. Его шаги постепенно затихают, и я отмечаю, что тут прекрасное эхо.

Возможно, чтобы нельзя было передвигаться незаметно.

— Ты — дайвер, — говорит человек без лица.

Ну конечно. Традиция этого дня — меня вновь пытаются отловить. Третий раз.

Бог троицу любит...

— Возможно. А вы, вероятно, Билл Гейтс, — отвечаю я.

Если он и улыбается, то этого не понять.

— Возможно.

Да уж. Станет хозяин «Майкрософта» отлавливать дайверов по сети. Во-первых, деньги он делает более традиционными способами, во-вторых — по-русски сам не говорит. Хотя... кто знает, насколько совершенными могут быть программы-переводчики? Деревянные интонации — это издержки массовых и дешевых программ.

— Давайте не будем валять дурака, — говорю я. — Вы решили, что я дайвер? И притащили к себе для допроса. Боюсь, вы будете разочарованы.

— Сегодня утром два хакера, один из них — несомненный дайвер, похитили в квартале «Аль-Кабар» файл с технологией производства нового лекарства. — Человек Без Лица терпелив и педантичен. — Не знаю, сколько им было обещано за работу, но, к счастью, господин Фридрих Урман сообщил дайверу, что правильной ценой была бы сотня тысяч. Далее идут психологические допущения. Например, что дайвер избавится от горячей информации немедленно. Например, что он потребует с покупателя именно сто тысяч. Например, что он перечислит деньги на очень надежный счет.

Нет, этого не может быть... В банках работают профессионалы. Меня не могли проследить.

— Допустим также, что оба хакера делят полученную сумму пополам. И вот это уже становится интересным, друг мой. Трансфер денег из одного банка в другой — событие в Диптауне ежесекундное. Но вот трансфер именно пятидесяти тысяч... от частного лица частному лицу... Номера счетов остаются загадкой, но вот место, где произошел дележ, — более узнаваемо. Вы следите за моей мыслью?

Вот так. Все очень просто.

Меня пасли от «Трех поросят». Роман ушел мгновенно, а вот я решил прогуляться.

На свою дурную голову.

И какого черта я поделился с ним поровну?

— Очень интересная история. Вот только при чем тут я?

Хоть у собеседника и нет лица, но я знаю, что он улыбается.

— Проигрывать надо достойно, господин дайвер.

Я еще не проиграл, но он этого не знает...

— Конечно, дайвер на то и дайвер, что его невозможно поймать в виртуальности, — говорит Человек Без Лица. — Что для вас программные барьеры? Сосредоточиваетесь — и шмыг домой... отключаться вручную.

Ага. Спасибо за совет. Тут-то меня и проследят, в момент обрыва связи...

— Через сутки, когда на моем компьютере сработает таймер безопасности, — кричу я, — ваша блестящая идея рассыплется в прах и вы пожалеете о своей глупости! Я честный человек, я плачу налоги! Я поставлю на ноги всю полицию Диптауна!

— Возможно, хоть и очень маловероятно, говорит Человек Без Лица. — Что ж, если мы убедимся, что вы честный хакер, — в

последних словах изрядная доля сарказма, — то никаких претензий к вам не возникнет.

— Вас поймают! — угрожаю я. — И навечно экскоммуницируют!

Экскоммуникация — самая страшная угроза для любого жителя Диптауна. Трудно жить без виртуальности, если хоть раз в ней побывал.

— Думаю, этого не случится.

Человек Без Лица распахивает плащ жестом опытного эксгибициониста. На изнанке плаща — круглый радужный диск. Вьющаяся, мерцающая спираль в обрамлении синевы.

Вот те раз. Он сам из полиции. Как минимум — комиссар, раз имеет радужный жетон.

— Давайте, давайте... — говорю я упавшим голосом. — Знал я, что легавые — скоты, но что настолько...

— Выслушайте меня для начала.

— А что мне остается? — кричу я. — Что?

Выхватываю револьвер и сажу в дверь все шесть пуль. Шесть рикошетов. На стеллажах начинают взрываться и гореть коробки с софтом. Под потолком с шипением оживают форсунки противопожарной системы, и через секунду вирусы обезврежены.

— Кончайте истерику, — говорит Человек Без Лица. Кажется, с легким сомнением в голосе.

Запускаю в него револьвером, тот проходит насквозь, падает у стены.

— Вас успокоить?

Голос ледяной и ничего хорошего не предвещающий.

Сажусь на пол, хватаюсь за голову, шепчу:

— Гады... гады... козлы позорные...

— Нам плевать на твои забавы в *глубине,* дайвер. Воровство — это плохо, но Урману давно пора получить свой щелчок по носу.

Тихо ною, раскачиваясь из стороны в сторону.

Человек Без Лица игнорирует мой спектакль.

— Преступления были, есть и будут. Я не Христос и на абсолютную праведность сам не претендую. У меня иные задачи.

— А у меня маленький и законный бизнес! Чего вы хотите?

— Уже лучше. Господин дайвер, вы слышали о Заблудившемся Пойнте? Или о Боссе-Невидимке?

Вот чего не ожидал — так это древних баек. Поднимаю голову.

— Пойнт — это старое название низового пользователя компьютерной сети?

— Да. Сети «Фидонет»... была такая.

— Кажется, слышал. Это про паренька, которого убило током в момент пребывания в виртуальности? И его сознание каким-то образом осталось жить в сети?

— Да. Юноша с бледным лицом и в обгоревшей одежде, который просит встречных передать на тринадцатый московский узел, что пойнт шестьсот шестьдесят шесть заблудился... А про Босса-Невидимку?

— Дайте стул, — поднимаюсь с холодного бетонного пола.

— Идемте.

Мы проходим вправо, за стеллажи с коробками программного обеспечения для «Макинтошей». Неликвид, мало кто сейчас пользуется этими компьютерами. Были люди и неандертальцы, а потом были IBM и «Эппл». Тупиковые ветви нежизнеспособны.

За стеллажами обнаруживается маленький стол с разбросанными на нем бумагами, два стула. Садимся.

— Босс-Невидимка — это сказка тех же времен, — говорит Человек Без Лица. — Босс — более старшая ступень в иерархии сети «Фидонет». Именно к нему обращались желающие стать пойнтом, приобщиться к виртуальности... впрочем, тогда виртуальности еще не было... Легенда гласила, что порой «чайники» находили себе очень хорошего босса... который предоставлял им наилучшие условия — доступ в сеть в любое время, высокую скорость передачи данных, подключение к любому клубу... тогда они назывались эхоконференциями.

Я машинально киваю.

— И все было хорошо, — кажется, Человек Без Лица не заметил моей оплошности, — пока кто-нибудь из пойнтов не узнавал, что телефонного номера, по которому он связывается с боссом, не существует, а его самого никто и никогда не видел. После этого Босс-Невидимка посылал всем своим пойнтам письмо: «Зачем вы преследуете меня?» — и исчезал.

— Богатый был фольклор, — соглашаюсь я. — Помню еще про безумного модератора и про эхоконференцию «Тут умри!».

— Я тоже начинал с сети «Фидонет», — говорит Человек Без Лица.

Молчу.

— Господин дайвер, в отличие от Урмана, я не стремлюсь выяснить вашу личность. Но... знаете, что самое забавное? И ему, и мне вы нужны для одной и той же цели.

— Отловить Заблудившегося Пойнта?

Человек Без Лица тихо смеется.

— Это байка... родившаяся на стыке времен, когда «Интернет», «Фидонет» и прочие превращались в единую виртуальность. Сейчас ее уже мало кто помнит. Всего пять лет прошло — а сколько забыто?

— Ничего не забыто. Погребено под более свежей информацией, но по-прежнему живо.

— Одно и то же, дайвер, суть не меняется.

— Зато сегодня родилась новая легенда.

— Какая же?

— О Человеке Без Лица.

Мой собеседник качает головой:

— Вряд ли она столь интригующая, как бледный юноша в дымящихся одеждах...

Мы оба тихо смеемся.

— Итак, господин дайвер... Вам приходилось играть в «Лабиринт Смерти»?

— Возможно.

— Вы знаете, что с ними сотрудничают два дайвера?

— Допускаю...

Даже два? Я был уверен, что «Лабиринт» обходится услугами одного спасателя...

— Я могу дать вам их адреса... сетевые или реальные.

Ничего себе!

— Один из них украинец, другой — канадец. Первый проживает...

— Не надо, — с некоторым усилием отвечаю я.

— Как интересно! Я думал, что узнать личность дайвера — общая мечта! Не исключая самих дайверов!

— Это мечта из разряда самых гнусных преступлений... по нашему кодексу.

Я первый раз признаю, что являюсь дайвером. Но вряд ли мой собеседник в этом сомневался.

— В «Лабиринте» возникла проблема... и эти двое с ней не справляются... — Человек Без Лица перегибается через стол,

берет бумажку, ручку, пишет короткий адрес. Правильно делает, что не пытается дать визитку — я не взял бы файл из его рук. — Вот мои координаты. Когда вы посетите «Лабиринт», предложите администрации свои услуги и попробуете решить проблему — свяжитесь со мной. Позовете... Человека Без Лица.

Он не настроен ничего более уточнять. И кажется, нисколько не сомневается, что я кинусь в «Лабиринт».

— Зачем мне это?

Человек Без Лица вынимает из кармана плаща маленький значок. Он чем-то похож на его полицейский жетон, только фон значка белый, а в центре не спираль, а радужный, сотканный из тончайших нитей, вращающийся шарик.

— Затем.

Значок ложится на стол между нами. Я смотрю на него, но не решаюсь дотронуться.

Вдруг исчезнет?

Когда леди Винтер получила от кардинала Ришелье указ «Все, что сделано этим человеком, сделано во благо Франции», это было несколько менее круто.

Передо мной легендарная Медаль Вседозволенности. Право делать все, что только можно делать в *глубине*.

Фридрих Урман открыл бы дверь и лично проводил меня до моста, увидев этот значок.

Возможно, потом он нанял бы киллеров, чтобы рассчитаться со мной. Но в *глубине* был бы предельно вежлив.

Мне еще не доводилось видеть Медаль Вседозволенности воочию. Я знаю, что в свое время такую же получил Дмитрий Дибенко — за создание самой *глубины*.

Надо совершить что-то жизненно важное для всего виртуального пространства, чтобы отныне любые твои действия считались благом.

— Она будет вас ждать на этом столе, — говорит Человек Без Лица. — Вы получите ее... если справитесь.

Молча киваю.

— Учтите, будут и другие претенденты, — сообщает Человек Без Лица. — Мы ищем дайверов по всей *глубине*. И многих найдем. И сообщим то же самое, что и вам.

— Что там, в «Лабиринте»? — спрашиваю я, отводя взгляд от медали.

— Не знаю. Это меня и тревожит.

Позволяю себе ухмыльнуться — так уж и не знает...

— До сих пор все происходящее в виртуальности имело аналоги в реальном мире. Развлечения, бизнес, наука, связь.

Интересно, что на первое место он поставил «развлечения».

— Теперь кое-что изменилось... Удачи вам, дайвер. Вы можете идти.

Человек Без Лица кивает в сторону двери.

— Я уйду своим путем.

— Решили открыться?

— Нет, конечно.

Смотрю на прощание в мутный туман его лица.

Глубина-глубина, я не твой...

Я снял шлем и неуверенно потянулся к модему. Выдернул телефонный провод из гнезда.

— Обрыв связи! — сообщает Вика.

— Знаю, девочка.

Вот так, таинственный незнакомец. Все очень просто. Не стандартный выход, который можно проследить, а мгновенно обрезанная нить.

Варварство, конечно. Зато никакого обмена информацией между моим адресом и тем компьютером, в котором смоделирован склад.

— Нет тонового сигнала в линии, — говорит Вика. — Проверьте провод.

— Выключайся.

— Серьезно?

— Да.

Экран заливает голубой фон с белой падающей фигуркой.

— Теперь ты можешь выключить компьютер... — сонно шепчет Вика.

Спокойной ночи тебе, самая верная из моих подруг. Я щелкнул выключателем питания, и тихий гул машины смолк. Потом выключил модем. Мне нужна спокойная ночь, пусть вся почта подождет до утра. Впрочем, уже полчетвертого... небо светлеет.

И очень хочется спать. Голова гудит от обилия информации.

Я стянул виртуальный комбинезон... черт, как воняет потом, давно пора почистить. Плюхнулся на тахту. Хорошо, что не стал вчера заправлять. Какой же я стал... предусмотрительный.

Уже года три, пожалуй...

101

Когда я проснулся, было без четверти час. Тихо бормотал включившийся в десять телевизор. Обесточенный компьютер укоризненно молчал на столе.

— Хорошо... — прошептал я в потолок.

Квартиру стоит сменить. Купить нормальную двухкомнатную в центре, в хорошем кирпичном доме, с видом на Неву. Не в этом, гнилом и продуваемом насквозь пролетарском районе.

И Вику тоже переселим в новые апартаменты. Куплю новенькую «семерку», брандмейм, с лицензионным софтом, сотней-другой мегабайт оперативной памяти, или попросту — «мозгов». Голографический винчестер на тысячу терабайт, радиомодем, сверхчувствительный микрофон от «Сименса»... цветной принтер, не знаю зачем, но пусть будет, нормальный сканер вместо ручной лабуды, выделенную телефонную линию от новой АТС... черт, и пятидесяти штук маловато!

Впрочем, зачем мне две комнаты? У меня и так кухня пустая, холодильник и микроволновку я давно перетащил в комнату, а воду ближе в ванной набирать.

Решено, справлю Вике новоселье. Не стыдно будет друзей позвать.

Я встал, добрел до холодильника, вынул банку пива. До двенадцати я не пью, но ведь сейчас уже почти час. Как удачно проснулся!

Легонький «Schultheiss» с утра казался почти крепким. Все, прощайте, «Амстердам-Навигатор» и «Бавария-86», верные друзья бедных хакеров. Только «Гиннесс», «Хайникен», «Килкенни»... И вместо бельгийской вареной колбасы — нормальный московский сервелат и буженина. А еще... ну, например, кофеварку купить. Хватит с меня растворимого!

Когда я стал бриться — впервые за два дня — и ощутимо порезался, фантазия нувориша подсказала мне еще «Шик-протектор». Больше ничего в голову не шло, только мелькали какие-то сумбурные идеи о второй телефонной линии и втором модеме — чтобы, пока я блуждал в *глубине,* Вика могла перекачивать почту и выполнять всякие несложные поручения.

Впрочем, это все-таки излишество. Маньяк, и тот второй линии не имеет.

Кстати, ему я должен пиво. Очень похоже, что вчера он спас меня от смерти.

И с пивом лучше не тянуть. У меня появилось подозрение, что через неделю я смогу угостить его лишь «Навигатором»... в общем-то тоже пиво, крепкое, со своеобразным вкусом...

Я включил компьютер, подключился к «Интернету» и минут через десять, без всякой виртуальности, перевел пять тысяч долларов на свой питерский счет. Порылся в шифоньере, выбрал рубашку посвежее и старые, но чистые джинсы, сунул в карман паспорт и «Визу». Что еще? Ах да, пиво...

На балконе грустила ободранная пятилитровая канистра. Открутив пробку, я принюхался. Пахло прокисшим «Жигулевским». Канистру пришлось споласкивать в холодной, потом горячей, потом снова холодной воде. Засунув ее в авоську, болтавшуюся на гвоздике в прихожей еще от предыдущих владельцев квартиры — никак руки не доходят выкинуть всякий хлам, — я выскочил из дома.

Насколько чище и аккуратнее мой подъезд в виртуальном пространстве! И нет этого вечного запаха затопленного подвала и бездомных кошек!

Выбравшись из переулков, я встал на обочине и поднял руку. Голосовать пришлось долго. Наконец потрепанный «жигуленок» снизошел до того, чтобы остановиться.

— К «Кредо-банку», — бросил я.

Как ни странно, водитель знал маршрут.

Минут через двадцать, выложив остатки наличности, я, под остекленевшим взглядом охраны, входил в чертоги тайных и явных капиталов. Еще через двадцать, заполненных всеми возможными проверками, прозвонами в головное отделение банка и просьбами уточнить номер счета, подобревшие работники банка выдали мне тысячу долларов. В рублевом эквиваленте, конечно.

А еще через четверть часа я вошел в ирландский пивной бар «Молли», что на улице Рубинштейна, тридцать шесть. Днем тут не очень людно, и это меня спасло. Мордовороты у входа были расслаблены и при виде канистры в авоське впали в ступор. Я торжественно прошел мимо окошка гардеробной в уютный сумрак полуподвала, прошествовал к длинной стойке и улыбнулся бармену.

Бармен в «Молли», к счастью, англичанин. Что ни говори, а в чем-то они нас здорово превосходят. Он улыбнулся и вопросительно уставился на меня.

— Добрый день, Кристиан, — сказал я. — Можно пять литров пива?

Отпускать пиво литрами он явно не привык. Но ему понадобилось лишь секунд пять, чтобы улыбнуться повторно.

— Какого пива?

— «Жигулевского».

Охранники за спиной — они почему-то решили заглянуть вслед за мной в зал — шумно задышали.

— Шучу, — объяснил я. — «Гиннесса», конечно.

И протянул Кристиану канистру.

Самообладание — это, наверное, одно из обязательных качеств лучших барменов Европы. А Кристиан в их число входит. Он небрежно взял канистру, подкинул в руке, словно прикидывая объем, и стал, наполнять из сверкающего крана.

Мордовороты за спиной тихо сходили с ума. Меня это безмерно веселило.

— Ждите отстоя пены, — с сильным акцентом сказал Кристиан, ставя канистру на стойку. Ух ты, какой молодец! Я в «Молли» бываю редко, такого знания предмета за ним не замечал.

— Тогда еще кружечку здесь, — сказал я и оглянулся.

Мордовороты сделали вид, что изучают батареи бутылок за спиной Кристиана. Так. Пока они не убедятся в моей кредитоспособности, пива спокойно не выпьешь.

Я медленно выгреб из правого кармана джинсов охапку бумажной мелочи. Стал разглядывать. Дыхание охранников снова участилось.

Блин, ну неужели я так погано выгляжу?

Из левого кармана появилась на свет толстая пачка стотысячных. Я положил три бумажки на стойку, взял кружку и повернулся.

Кажется, здесь кто-то стоял? Нет, наверное, показалось...

Сев за ближайший столик, я потихоньку, с чувством, наслаждался лучшим пивом из придуманных в этом грешном мире. Потом забрал у веселящегося (Европа! Их так просто не проймешь!) бармена канистру и, поколебавшись, забрал сдачу. Ничего. Пиво и так недешевое.

А ведь в *глубине* — что «Бавария» в банках, что «Гиннесс» из бочки — почти нет разницы в цене...

Теперь машину удалось поймать быстрее или просто время ускорило свой бег? Я нырнул в дребезжащую «волгу» и радостно выпалил:

— Гони к Маньяку!

На меня уставились два очень больших и круглых глаза.

— Вылазь, — так же кратко предложил водитель.

Останавливая следующего желающего подзаработать, я мысленно напоминал себе, что нахожусь не в виртуальности, где терпеливая Вика превратит несложную команду в понятный адрес, а в реальном мире.

110

Маньяк живет на Васильевском. Я с пыхтением забрался на пятый этаж — в ту пору, когда строили этот дом, лифт еще был новинкой — и позвонил. Раз, другой, третий... пауза. Раз-два. Даже если Маньяк в *глубине,* подключенный ко всем квартирным проводам компьютер подчинится кодовому звонку в дверь и выведет его из виртуальности.

В глубине квартиры послышались шаги. Я быстро закрыл глазок пальцем.

— Кто? — мрачно спросил Маньяк.

— Рэкет заказывали?

Пауза. Маньяк явно только что из *глубины* и к юмору малорасположен.

— Кто?

— Блин, я это! — Я убрал палец.

Маньяк загромыхал замками, открывая. Я вошел. Маньяк оказался в виртуальном костюме на голое тело и с помповым ружьем в руке. Ружье было здоровенное, рядом с ним худощавый и узкоплечий хакер казался ребенком, играющим в войну.

— Ого, — только и сказал я.

— Да... шарился тут у одного типа на компе... еле ноги унес. — Маньяк был немногословен. Запер дверь, покосился на канистру, сочувственно спросил: — Что, на мели?

— Да нет, не совсем.

— У меня есть пара бутылок «Балтики»...

— Тут «Гиннесс», — гордо заявил я. Маньяк задумчиво посмотрел на канистру. Бросил:

— Извращенец...

Я прошел за ним на аккуратную кухоньку, опасливо спросил:

— А где... твоя?

— У своих.

— Поссорились, что ли?

— Почему поссорились? — возмутился Маньяк. — Жены дома нет — сразу поссорились? Так, матушку решила проведать... ну повздорили малость.

— И чего так?

— Да... на красный свет пошел...

Я кивнул. Трудное это дело — жить в *глубине* и быть женатым человеком.

Ну какая, к черту, измена — заглянуть в виртуальный публичный дом? Там же все — ненастоящее!

Мы сели за стол, Маньяк, порывшись в холодильнике, достал пачку сосисок, кусок сыра, потом притащил из своей комнаты два огромных глиняных бокала. Я торжественно налил пиво.

— И впрямь «Гиннесс»... — признал Маньяк, рисуя пальцем на густой пене букву «М». — Это ж надо...

— За любовь, Шурка!

— Угу, — мрачно сказал Маньяк. Осушил бокал, крякнул: — Да. Любовь. Блин, бес попутал! Надо было от хвоста избавиться... парочка ламеров увязалась... Решил заглянуть в «Земляничную поляну».

— На фига?

— А ты что, не в курсе, какие системы безопасности в виртуальных борделях? — поразился Маньяк. — Там же постоянно сенаторы, думцы, бизнесмены... всяческие денежные мешки. Отсекает от преследователей начисто!

Я покачал головой. Не знал. Стыдно признаться, но в эти заведения я вообще не заглядывал...

— Ну решил полчасика переждать, — продолжал рассказывать Маньяк. — Не будешь же *там* торчать как дурак, в одиночку! Позвал одну девчонку... сидели, пиво пили... «Гиннесс»! — в припадке откровенности признался он. — Ну и... как-то само собой... а в самый интересный момент — бац! Плюха по морде! Девчонка

меня целует, а мне больно! Потом внепрограммный выход из *глубины*... Галька шлем из порта выдрала.

Он налил себе еще пива. Я сочувственно кивнул. Внепрограммный выход — это неприятно.

Для не-дайвера.

— Перемелется, — сказал я. — В первый раз, что ли?

— Она сказала — в последний, — мрачно сообщил Маньяк. — Я год в эти бордели не заглядывал! У меня даже комбинезон — без секс-стимулятора!

— А у меня с ним, — сказал я. — Только я в бордели не заглядываю.

— Ну и зря. Гуляй, пока молодой...

На самом деле Маньяк моложе меня на два года. Но он крутой хакер, а я простой «чайник». И еще он женат, причем во второй раз.

— Ладно, расслабься. Завтра помиритесь.

— Помиримся, — согласился Маньяк. — Надо будет хоть сегодня оттянуться...

Мы обменялись понимающими улыбками и отхлебнули пива.

— Купи Гальке женский комбинезон, — предложил я. — Затащи в *глубину*... и *ноу проблем!*

— Еще чего, — буркнул Маньяк с явной опаской. — Ты видел баб, которые виртуального секса попробовали? У них же психика... другая. Их потом ни один нормальный мужик не удовлетворяет!

Я кивнул, хоть и не представлял толком женщин, помешанных на виртуальном сексе. Мужчин — представлял. На этом многие рехнулись, потому я и не спешил. Одно дело — эксперименты с жаждущими приключений девчонками, другое — профессионалки из виртуальных публичных домов.

— За здоровье, — предложил я.

Мы выпили и наполнили бокалы по третьему разу. Канистра ополовинилась, на душе похорошело.

— За узел пять-ноль-тридцать, двести семь... — сказал Маньяк. — За старое «Фидо»...

Мы выпили молча и не чокаясь. Как за покойника.

— Все ведь меняется, Шурка, — тихо сказал я. — Была «сеть друзей», болтовня обо всем на свете, зависть к «Интернету», ругань в адрес «Майкрософта». А теперь нет ни «Интерне-

та», ни «Фидонета». Только виртуальность. А для нее «форточки» — самая удобная программа.

— Халтурщики они, — упрямо заявил Маньяк. — Ты что, по-прежнему «Виндоус-Хоум» *юзаешь?*

— Да.

— Может, ты и прав, — тоскливо сказал Маньяк. — Приятный голосок, советы по поводу количества мозгов и качества железа... тьфу! Думать не надо, води стрелочкой по экрану да на картинки гляди!

— А ты все полуосью балуешься?

— Почему «балуюсь»? — возмутился Маньяк. Лучшая операционная система, если не считать «юникса»! Позавчера новую версию поставил, блеск, а не программа!

— Каждый раз, как к тебе захожу, это слышу, сказал я. «Поставил... новую версию... три дня с ней трахался...» А у меня два года «Виндоус-Хоум».

— Каждому свое, — признал Маньяк. И неожиданно спросил: — Слушай, Лень, а как ты со своих «форточек» влез в «Аль-Кабар»?

Я отвел глаза.

— По сети слух прошел, два дайвера нагрели «Аль-Кабар», — вкрадчиво сказал Маньяк.

Я сделал последнюю попытку уйти в сторону:

— Почему двое? Один дайвер... и один помощник.

Маньяк тихо засмеялся:

— Ты меня за ламера не держи, Леня. А то такой приветик по почте получишь, весь *софт* заново ставить придется... Дайверы простой народ в подручные не берут.

Я молчал, глядя на Маньяка.

— Ясно, — сказал он. — Что ж, за удачу. За богатых дураков и умных хакеров.

Мы чокнулись.

— Что там было, Ленька?

— Лекарство от насморка.

— Серьезно? Круто...

Мы сжевали по паре сосисок, а я тоскливо подумал, что моя анонимность дала все-таки брешь. Вчера меня пытались поймать трижды.

Сегодня просто-напросто вычислили.

— Леня, я не знаю ни одного дайвера, — сказал Маньяк. — И не собираюсь их ловить. У меня комплексов нет... особенно к друзьям.

— Спасибо, — сказал я.

— Знаешь... только один вопрос.

Вот всегда у хакеров находится *один* вопрос. Они думают, что можно спросить что-то такое, после чего все тайны дайверов станут понятны.

— Ну?

— Когда дайвер решает выйти из виртуальности — что он делает? Просто думает: хочу, мол, оказаться в реальном мире? Или как?

— Я слышал, что один дайвер... — я отвел глаза, — при этом бормочет глупую фразу.

— Какую?

— *«Глубина-глубина, я не твой»*.

— И все?

— Иногда он еще добавляет: *«Отпусти меня, глубина»*.

— И все? — уныло спросил Маньяк.

— Да.

— Просто-то как...

Маньяк порылся в карманах, достал пачку «Лаки Страйк», закурил. С легкой обидой сказал:

— Раньше было просто. Есть хакеры, есть честные «чайники», есть ламеры. Первые — умеют все. Вторые — учатся. Третьи — дураки, над ними и поиздеваться не грех. Вот ты... как был «чайником», так им и остался!

— Да, — согласился я.

— Но вот появилась *глубина*... казалось — все наши мечты сбываются. — Маньяк горько засмеялся. — А на деле — фиг! Я, крутой хакер, — с вызовом заявил он, — в виртуальности один из миллионов! Ну, посмышленее, наверное. Опыт есть какой-никакой! А все равно... порой такое бывает...

Он замолчал, вертя в руках сосиску. Потом сообщил:

— Я на днях мышь съел.

— Что?!

— Мышь. Компьютерную. Ну, не саму мышь, она твердая... провод перекусил.

— Зачем? — тупо спросил я.

— Случайно. Был в *глубине*. Сидели с ребятами в «Радуге», пиво пили с копченой рыбкой... Ну, у меня рыбка кончилась, взял с тарелки у Макса...

— Макс ведь пива не пьет!

— А он «Фиесту» пил.

— С копченой рыбой?!

— Чтобы не выделяться... — Маньяк вздохнул. — Ну, видно, тянуться далеко было... вот и дернулся в реальности. Когда вышел — смотрю, у мышки провод перекушен! И вроде немножко его не хватает...

— Живот не болит?

— Нет, пока ничего...

Мы наполнили бокалы.

— Или вот, — продолжил Маньяк. — «Лабиринт Смерти» знаешь?

— Да. — Я мигом протрезвел.

— Недавно решил развеяться, заглянул сразу на семнадцатый уровень. Там сейчас такого понаделали! Кошмар, а не игрушка... в общем, я завяз.

— То есть?

— Не смог пройти на следующий уровень. А без этого меню выход не появляется.

— И что?

— Сидел тридцать шесть часов, — зло сказал Маньяк. — Нас там целая компания собралась... идиотов. Раз по десять нас пристрелили, потом мы просто забаррикадировались, сидели в одном подвальчике, песни пели, от монстров отстреливались... пока у нас таймеры не сработали.

— У тебя непрерывное пребывание в *глубине* — тридцать шесть часов?

— Теперь — двадцать четыре.

— А что же Галька?

— Да... она у тещи была... Ленька, а у тебя какое ограничение по времени?

— Я снял запрет, — признался я.

— Понятно... дайвер... — Шурка принужденно засмеялся. — Черт! Никогда не верил в вас до конца, хоть и подозревал!

— Меня, что ли?

— Конечно. На фиг «чайнику» боевые вирусы и противоядия?

Мне стало немножко грустно. Что-то изменилось в наших отношениях. И слишком резко. Может быть, со временем это пройдет...

— Шурка, я все равно ни черта не умею — кроме как выходить из виртуальности. Для меня любая программа — это куча бессмысленных символов и пусковой файлик.

Маньяк кивнул:

— Понимаю. Но скажи — ты бы поменялся со мной местами? Что интереснее — творить *глубину* или повелевать ею?

Я молчу.

— Наливай... — со вздохом сказал Маньяк.

111

У Маньяка я просидел до позднего вечера. «Гиннесс» сменился «Балтикой» номер шесть, а на десерт Шурка откопал банку рождественского «Кроненбурга». Ни ирландское, ни питерское, ни французское пиво не подкачали.

В глубине души я был рад, что хоть кому-то открылся. Мои друзья-хакеры делятся на две группы — одна хранит тайны до первой бутылки пива, вторая, после этой самой бутылки, ее как бы забывает. Шурка — из второй.

По крайней мере теперь он будет знать, для чего мне весь разнообразный вирусный софт, который я правдами и неправдами выманиваю у него.

Насколько проще было бы, не затягивай *глубина* так сильно, думал я в такси по дороге к дому. Насколько правильнее и легче.

Не было бы деления на счастливчиков и неудачников, которое ничем не сломать. Не было бы этого безумия — великолепных программистов, не способных перейти грань между иллюзией и явью, и неумех вроде меня, не замечающих этого барьера.

Не было бы зависти друг к другу — и вечной охоты.

Но разве я виноват? Я и сам не знаю, почему так происходит, какая ошибка сознания, а ведь это именно ошибка — мы в меньшинстве — делает из человека дайвера. Не пользоваться своей способностью глупо. Предлагать ее для всеобщего изучения — страшно.

Так уж получилось. Кто-то прыгает на восемь метров в длину, кто-то пишет стихи, кто-то неподвластен виртуальности. Но почему нас так мало? Настолько, что считать приходится не в процентах, а поголовно...

— Здесь? — спросил водитель.

— Да, спасибо.

Я расплатился, выбрался из машины, пошел к подъезду, чувствуя себя раздутым, как воздушный шарик. Сейчас надо либо завалиться спать, смирившись с утренней разбитостью, или нырять в *глубину*. Она хорошо снимает похмелье.

На втором этаже подъезда, там у нас почему-то всегда горит лампочка, сидело человек пять подростков. Перекидывались картишками прямо на полу, о чем-то вполголоса разговаривали... нет, скорее не разговаривали — перерыкивались. Двоих я знал, трое казались незнакомыми. Маленькая стая мелких хищников. Такая с удовольствием загрызет одиночку в темной подворотне. Но здесь я в безопасности. Возле норы хищники не охотятся.

— Здравствуйте, — буркнул парнишка, который живет надо мной. В точно такой же однокомнатной, с родителями и старшей сестрой, частенько приходящей только под утро. Слышимость у нас прекрасная, я в курсе всех их проблем и скандалов.

— Привет, — сказал я.

— Леня, у вас сигарет не будет?

Я старше его лет на пятнадцать, но подростки держат меня почти за сверстника. Возможно, потому, что я не женат, а в моем мусоре преобладают пустые пивные банки.

— Сейчас.

Сам я не курю, но дома всегда валяется пачка-другая сигарет для заходящих хакеров. У них курение — профессиональная черта.

Паренек терпеливо переминался за дверью, пока я поставил канистру, включил свет и порылся в шкафу.

— Держи.

Он благодарно кивнул, открывая пачку, я махнул рукой — забирай всю — и запер дверь. Хищников надо прикармливать. Чуть-чуть. Чтобы не обнаглели и даже в затуманенных выпивкой мозгах мелькала мысль, что я «нормальный мужик».

Я быстро разделся, покидал одежду на кровать, пошел в ванную. Постоял немного под холодным душем.

Нет, никакого сна. *Глубина* ждет.

Весь день я старался не думать о Человеке Без Лица и о Медали Вседозволенности, лежащей на складе. Но теперь, в темноте, когда виртуальность приближалась все ближе, они не выходили из головы.

Человек и Медаль.

Кнут и пряник.

Что такого могло случиться в «Лабиринте», с чем не справились два дайвера? Профессионалы, работающие хоть и анонимно, но по постоянному контракту? Знающие «Лабиринт». До последнего закоулка...

Что-то, не имеющее аналогов?

Очень странно.

Я вытерся, бросил полотенце в таз с грязным бельем, вернулся в комнату, щелкнул тумблером питания компьютера и стал натягивать комбинезон.

— Добрый вечер, Леня, — сказала Вика.

— Привет, старуха.

Женское лицо на экране улыбается. Нет, наверное, я не прав. Надо поставить другую реакцию на слово «старуха» — легкая обида, надутые губки, чуть отведенный взгляд.

— Почта есть?

— Семь писем.

— Читай.

Ничего интересного в почте не было. Приглашения посетить два вновь открывшихся клуба, прайс-листы какой-то маленькой торговой фирмы, письмо от Маньяка, отправленное им еще утром...

— Все стереть, — сказал я, усаживаясь за компьютер. Воткнул штекер комбинезона, надел шлем. — Вика, подключайся к Диптауну... через резервный канал. Личность номер семь.

Этим входом я не пользовался уже месяца три. Так же как «личностью» — старого цвета костюм, черная рубашка, шейный платок, высокие кожаные ботинки, гибкое худощавое тело, смуглое узкое лицо, волосы до плеч, низкий и сильный голос.

— Резервный канал, седьмая личность, — подтвердила Вика.

Радуга перед глазами, фейерверк, жадное полыхание огненной волны. *Глубина.*

Я сижу в крошечной комнатке. Кровать, стол с компьютером — не моим, а каким-то совершенно абстрактным, дверь.

Гостиница «Начало пути». Здесь по дешевке арендуют номера те жители Диптауна, которые бывают в *глубине* нечасто.

— Все в порядке, Леня?

— Да.

Открываю дверь, выхожу. Длинный коридор, усеянный дверями. У одной двери стоит Сильвестр Сталлоне и с восхищением разглядывает свои руки.

— Привет, Слай, — бросаю я, проходя мимо. Почти наверняка парень русский, и уж совершенно точно — новичок.

— Похож? — с надеждой спрашивает парень.

— Да... — Я останавливаюсь. Пиво настраивает меня на благожелательный лад. — Первый раз в *глубине?*

— Где?.. Да, первый.

— Надевать внешность известных людей — это дурной тон. И признак новичка. Постарайся сконструировать свою собственную личность... возьми, например, «Биоконструктор» и повозись немного.

— «Биоконструктор»? — смущенно спрашивает парень.

— Да. Простая программа, с русским интерфейсом. Валяется на всех серверах в разделе для новичков.

— Спасибо... — «Сталлоне» бредет следом. Я замечаю, что он начал сутулиться, словно стесняясь своей внешности. Хороший признак.

Мы вместе входим в лифт, спускаемся на первый этаж. Холл довольно просторный, в нем дежурят четверо портье и двое охранников.

— Подойди к кому-нибудь, — советую я, — и попроси проконсультировать. — Куда пойти для начала, как себя вести...

— Неудобно...

— Неудобно быть дураком. Эти ребята здесь для того и сидят. На улицах спрашивай совета у людей с нашивкой на рукаве в виде раскрытой ладони, это помощники-добровольцы. Или у полиции. Ты поставил таймер?

— Да, конечно! На два часа!

— Ну и прекрасно. Потрать четверть часа на беседу с портье. Сэкономишь куда больше. Счастливого плавания.

— Счастливого плавания! — восхищенно говорит мне вслед новичок. Приятно быть старожилом.

Подмигнув портье и кивнув на «Сталлоне» — а то еще постесняется сам подойти, я выхожу из гостиницы. Поднимаю руку, мгновенно останавливается такси. Это не реальность...

— Компания «Дип-проводник» рада приветствовать вас, Стрелок! — говорит водитель.

— В «Лабиринт Смерти», — говорю я. — К административному корпусу.

1000

Есть игры. И есть Игры.

Разница в долголетии.

Компьютерная индустрия выпускает до тысячи игр ежегодно. Как рассчитанных на *глубину,* так и простых, для обычных пользователей.

Обычно игра активно живет с полгода. Расходится законными и незаконными каналами, обсуждается. В ней вылавливаются все заложенные создателями и случайные хитрости. Потом она умирает... сохраняясь у сотни-другой фанатов.

Бывают исключения — и тогда игра живет годами. Появляются новые, куда более совершенные и красивые игры, но и старая сохраняет толпы приверженцев.

И есть три исключения, не умирающие еще с довиртуальной эры. «Doom», «C&C» и «Mortal Combat». Конечно, они менялись — десятки раз. Но это была скорее косметика, чем кардинальные перемены.

«C&C» — это стратегическая игра. Ее виртуальное пространство представляет собой всю планету. На этом безропотном полигоне несостоявшиеся Наполеоны и Жуковы ведут бесконечные войны за мировое господство, управляя в несуществующих штабах выдуманными армиями. Там гремят танковые гусеницы и взмывают в небо ракеты. Разрабатываются новые, чудовищные вооружения, атомными взрывами выжигаются дотла мировые столицы. В этой игре не надо быть ловким или метким, здесь важно стратегическое мышление. Говорят, что за ней очень внимательно приглядывают военные... и порой удачливые игроки получают предложения поступить на действительную военную службу. Кого-то это отпугивает, но многих, наоборот, привлекает. Я немного играл в этих «солдатиков для взрослых». Игра, на мой взгляд, безобидная и спокойная. Расхаживаешь с чашкой кофе, в красивом мундире по штабу,

заполненному вышколенными адъютантами, и говоришь. «А не сбросить ли нам термоядерную бомбу на Лос-Анджелес?»

В последний год игра чуть изменилась, теперь ее надо начинать лейтенантом, командуя маленьким взводом в тактических схватках, подчиняясь чужим приказам, и постепенно подниматься до главнокомандующего своей страны. Появились возможности военных переворотов, предательства, партизанской войны «против всех»... Не знаю, наверное, игра стала интереснее. Но я любил прежние правила.

«Mortal Combat» — еще проще и незатейливее. Это мордобой в виртуальном пространстве. Можно надеть одну из сотен готовых личин или придумать свою — и принять участие в многодневном турнире за право сразиться с главным злодеем, мечтающим поработить всю Землю. Вот эта игра полезна до чрезвычайности. Нигде так не выпустишь лишний пар и нездоровые эмоции, как на мрачных аренах «Mortal Combat», колотя противника пяткой по лбу или обрушивая на него магические заклинания. Хорошая игра. Я туда захожу раз-другой в месяц, но некоторые не вылезают из поединков. Говорят, что если особенно не злоупотреблять магией — которая, увы, в реальности недоступна, — то можно неплохо научиться драться. Но я в этом сомневаюсь. Все-таки одно дело «удар», который ты почувствовал при помощи виртуального костюма, и совсем другое — подлинная арматурина, которой тебя огреют на улице.

И, конечно, есть еще «Doom». Та самая игра, с попадания в которую началась виртуальная эра.

Ее основное поле называется незатейливо — «Лабиринт Смерти». Это действительно лабиринт — пятьдесят уровней, часть из них расположена в зданиях и подземельях, часть — на улицах Сумеречного Города — этакого условного мегаполиса, который был захвачен инопланетной цивилизацией. *Глубина в глубине,* пространство в пространстве. Со своими законами и правилами.

Игра начинается с первого уровня — полуразрушенного вокзала, куда игрок прибывает на дрезине, с одним-единственным пистолетом в качестве оружия. Вокзал заполнен монстрами — бывшими жителями Сумеречного Города и другими игроками. Кто из них опаснее, сказать трудно — монстры лучше вооружены, игроки, разумеется, умнее, чем машины. На вок-

зале можно найти оружие, защитное снаряжение, аптечки, пищу. Выбравшись с вокзала, попадаешь на второй уровень — автостраду, где полно брошенных машин... ну и, разумеется, монстров, и игроков. Для победы надо дойти до пятидесятого уровня — древнего собора в центре города — и уничтожить предводителя пришельцев. Это сложно. Я когда-то доходил. Но с тех пор «Лабиринт» менялся раз десять — появлялись новые здания, вооружения, монстры. И конечно, новые игроки, игровые наркоманы, уже не мыслящие жизни без перестрелок на улицах Сумеречного Города.

Это интересная игра. Прежде всего потому, что требует постоянного общения с другими людьми. Не «боя насмерть», как в «Mortal Combat», не обмена дипломатическими посланиями и угрозами, как в «C&C», а именно общения. Заключения союзов, уговоров, каких-то мелких житейских хитростей...

Вот только что необычного могло случиться в пространстве «Лабиринта»?

1001

Административный корпус «Лабиринта Смерти» — двухэтажное здание на окраине Диптауна, облицованное розовым ракушечником. У него мирный и уютный вид, это скорее жилой дом, чем контора. В таких коттеджах, наверное, живут американские семьи среднего достатка. Вход в «Лабиринт» поодаль, и уж он выглядит куда эффектнее. Я стою в саду, разглядываю охранника перед дверью. Тот в маскировочном комбинезоне, стандартном обмундировании игроков, и со штуцером в руках. Морда — непроницаемая, стоит — не шелохнется. Человек или нет? Интересоваться глупо, тем более что хорошо сделанную программу отличишь от человека не сразу. Прохожу мимо охранника, оказываюсь в небольшом зале. Сквозь окна бьет яркий солнечный свет. Вдоль стен — журнальные столики, мягкие кресла. Посередине зала — стол посолиднее, за ним сидит улыбающаяся девушка. Секретарша, и похоже, живая.

— Здравствуйте, — говорю я.

Лицо секретарши чуть меняется.

— Добрый день, — говорит она. Голос мягкий, приятный. Похоже, меня переключили на русскую сотрудницу фирмы.

— Мне нужно встретиться с руководством, — начинаю без церемоний.

— Конкретнее, если можно.

Девушка — сама любезность. Но пробиться сквозь этот заслон не проще, чем через монстра у моста в «Аль-Кабар».

— У меня конфиденциальная информация для руководства «Лабиринта».

— И все же я прошу вас кратко изложить цель визита.

Что ж...

— Я хотел бы сообщить господину Гильермо Агирре, что осведомлен о маленькой проблеме, возникшей на днях, и о том, что сотрудничающие с вами дайверы не смогли ее решить. Я намерен предложить свои услуги в разрешении возникшей проблемы.

Секретарша кивает:

— Минуточку.

Она неторопливо встает и выходит в одну из внутренних дверей. Я терпеливо жду. Все очень мило и патриархально. Никаких компьютеров, никаких монстров. Не офис самого мрачного и дорогостоящего аттракциона в истории человечества, а мелкая контора по торговле туалетной бумагой...

Девушка отсутствует долго. Мне надоедает стоять, я присаживаюсь в одно из кресел, листаю разбросанные на журнальном столике газеты. Тихо и мирно. Кроме меня — никаких посетителей, хотя на самом деле они наверняка есть. Просто мы не видим друг друга, а общаются они с другими сотрудницами фирмы.

— Господин...

— Стрелок, — говорю я, вставая. — Зовите меня Стрелок.

Девушка кивает:

— Господин Гильермо Агирре примет вас.

В ее голосе легкое любопытство. Похоже, она не подозревала о том, что в «Лабиринте» существуют какие-то проблемы.

Вхожу в указанную дверь и замираю.

Это красиво.

Помещение неправильной треугольной формы, одна стена полностью прозрачная, из нее виден с большой высоты залитый красным закатным светом город. Не Диптаун... скорее — Сумеречный Город. Стол начальника службы безопасности «Лабиринта», господина Гильермо, подковообразный. На нем три компьютерных монитора, клавиатура и больше ничего. Сам

господин Гильермо уже поднимается навстречу. Пожилой, сухощавый, очень загорелый, в шортах и футболке.

— Здравствуйте. — Он первый протягивает руку. — Значит, вы — Стрелок, да? Зовите меня просто Вилли.

Вилли так Вилли.

Жму руку.

— Вы сказали такие интересные вещи... да? Про проблемы, дайверов, помощь... — Вилли смеется и машет руками. — Бах! Бах! Такая помощь?

Интересная программа-переводчик. Сильный акцент, слова-паразиты, словно Гильермо говорит по-русски самостоятельно. Сразу какое-то иное отношение к человеку...

— Давайте будем откровенными? — предлагаю я. Вилли-Гильермо морщит лоб и кивает. — Я — дайвер.

— Да? — вежливо интересуется Вилли. — А что это такое?

Улыбаюсь в ответ. Говорю:

— Наверное, ваши украинский и канадский сотрудники могут более быстро это объяснить. Я имею в виду дайверов, работающих с вами на постоянном контракте.

Вилли смотрит на меня и молчит. Долго. Потом кивает.

— Я полагал, что Анатоль — русский. Он украинец?

Да. Человек Без Лица осведомлен лучше, чем начальник службы безопасности «Лабиринта».

— Это уже детали, — говорю я.

— Садитесь, Стрелок... — Вилли придвигает мне кресло, сам отходит к окну. Смотрит на залитый кровавым заревом город. — Значит, вы дайвер?

Киваю.

— Это крайне интересно. Это необычно! — Вилли поднимает указательный палец. — Все ищут дайверов, у всех есть просьбы, бизнес, вопросы... вы пришли к нам сами.

Молчу.

Вилли оборачивается.

— У вас красивый костюм, Стрелок, — говорит он. — К нему хорошо... кепи! Такое маленькое серое кепи!

Понятно. Незатейливый тест.

— Вика...

Вилли улыбается. Понятно. Тот же фокус, что и примененный человеком без лица. Я отрезан от своей операционной системы. Давно следовало ожидать подобных игрушек.

Глубина, глубина, я не твой...

Оказалось, что у меня болит голова. Пиво, однако...

Я снял шлем, потянулся к мышке. Запустил «Биоконструктор», торопливо выбрал из меню окошечко «Одежда», потом «Головные уборы», отыскал что-то среднее между беретом и кепи. Залил серо-стальным цветом. И нацепил на свою фигуру — личность номер семь, Стрелок...

deep

Ввод.

Берет на моей голове. Не знаю, о таком ли говорил господин Агирре. Но вроде бы он удовлетворен.

— Мы ценим работу дайверов, — произносит Вилли. — Но наши постоянные сотрудники справляются с ней. Надо время, небольшое. Мы предложим вам интересное дело. Да?

Качаю головой, берет съезжает набок.

— Господин Гильермо, — почтительно, но твердо отвечаю я. — Речь идет об одном конкретном вопросе, в котором я хочу помочь «Лабиринту».

Удивленно приподнятые брови.

— На днях в «Лабиринте» случилось странное происшествие... — Умолкаю, жду реакции. Вилли явно задумывается.

— Происшествие? — Кивок в сторону окна. — Тут каждый день тысячи происшествий. Война! Выстрелы! Веселье!

Неужели Человек Без Лица ошибся? Я начинаю чувствовать себя идиотом.

— Ваши дайверы... начинаю я. — Вчера, например, они справились со своей работой?

Это единственное, что я знаю. Дайверы «Лабиринта» не оправдали надежд...

— А! — Вилли кивает. — А! *Неудачник!*

На всякий случай киваю.

— Это проблема? — Агирре становится серьезным.

— Насколько я знаю — да.

Пауза. Гильермо взвешивает что-то в мозгу.

— Господин Стрелок, что вам известно?

Врать бессмысленно. Передо мной не тот человек, с которым стоит блефовать.

— Очень немногое. Мне сообщили, что в «Лабиринте» проблема. Что ваши дайверы не могут ее решить. Меня попросили оказать вам помощь.

Опять пауза. Я анонимен, и посвящать меня в неприятные стороны жизни компании рискованно. Но у Гильермо явно нюх на неприятности и на то, как их преодолевать.

— Вы подпишете разовый контракт? — Тон его становится быстрым и деловым.

— Да.

— Полное неразглашение ситуации, — добавляет он. — Со всеми возможными штрафными санкциями.

— Да...

— Прошу вас, Стрелок. — Он указывает на свой стол. Я подхожу, полагая, что сейчас и состоится подписание документов о сотрудничестве. Но Вилли указывает на средний монитор: — Это тридцать третий уровень «Лабиринта», господин Стрелок. «Диснейленд».

Смотрю на экран, и уровень мне очень не нравится. Хотя бы потому, что во времена, когда я там был, он выглядел совсем по-другому.

— Очень, очень плохой уровень, — говорит Вилли. Уточняет: — Тяжелый. Это — начало. «Русские горки». Это, — он кладет пальцы на клавиатуру, и изображение смещается, — демон-хвататель. Плохой!

Как будто в воображении создателей «Лабиринта» рождались хорошие демоны...

— Это он... — Еще одно касание клавиш: — Неудачник.

Гильермо молчит, но не ради театральной паузы — ничего необычного на экране нет. Просто раздумывает.

— Значит, это и есть проблема, Стрелок? Да?

1010

Ни один нормальный обитатель Диптауна не может выйти из *глубины* самостоятельно. Он просто не увидит свой компьютер, не сумеет ввести команду на выход или связаться с операционной системой голосом. Только в виртуальных домах, где стоят нарисованные аналоги настоящих компьютеров, подсознание милостиво делает поблажку. Из *глубины* выходят там, где вошли. В своем придуманном доме, который может быть дворцом или хижиной, но с «настоящим» компьютером.

Поэтому и существуют таймеры. Они встроены во все программы — от майкрософтовского «Виндоус-Хоума» до российских «Вирт-Навигатора» и «Дип-командора». Предельное время нахождения в *глубине* — сорок восемь часов. Срок, за который человек не умрет от голода и обезвоживания. Здравомыслящие пользователи, правда, всегда устанавливают время поменьше. Пару часов, сутки... Маньяк, ставивший таймер на тридцать шесть часов, — уже исключение. Пробуждение человека, прогулявшего в *глубине* пару суток зрелище... дурнопахнущее.

Конечно, таймер можно взломать и отключить. Или взломать и добавить пару нулей к сорока восьми часам. Но подобные камикадзе находятся редко, а конец их будет плачевен.

Например таков, как у Неудачника.

«Лабиринт Смерти» невозможно пройти за один раз. Просто не хватит сил. В виртуальности сон отступает, но все равно есть границы выносливости. Поэтому в конце каждого уровня игроки получают доступ к игровому меню, где есть возможность записать свои координаты и выйти в обычную *глубину*. Выйти, чтобы когда-нибудь вернуться.

Но иногда находятся оптимисты, решающие пройти «Лабиринт» за один раз. Повторить первое, легендарное погружение в виртуальность. Они взламывают защитный таймер, порой сами, порой пользуясь какой-либо хакерской программой. Отрезают себе гарантированную дорогу назад. И ныряют к самому дну.

Обратно их вытаскивают дайверы. Все крупные игровые центры имеют связь с кем-нибудь из нас. А те, что покрупнее, даже держат анонимных сотрудников на постоянном контракте. Дешевле платить нам, чем родственникам погибшего от истощения игрока.

Я смотрел на Неудачника. Тот был одет в обычный камуфляж-комбинезон, шлем-маску, из оружия у него был только пистолет. То ли так и вышел на тридцать третий уровень, то ли его уже убивали. После гибели в «Лабиринте» игрок автоматически восстанавливается в начале уровня с минимумом снаряжения.

— Чушь... — сказал я.

— Что? — заинтересовался Гильермо.

— Давно он там?

— Тридцать девять часов. Мы отслеживаем игроков с момента входа в систему.

Так. Значит, Человек Без Лица заинтересовался Неудачником почти сразу после того, как тот оказался в «Лабиринте»? Бдительно следил — и немедленно начал сбор дайверов.

— Его таймер мог быть поставлен на двое суток.

— Да. Ах, как неаппетитно! — Гильермо вздыхает. — Писать, какать в комбинезон... фу!

Почему Человек Без Лица забил тревогу?

Ведь ничего страшного пока не произошло. Просто еще один самоуверенный любитель игр.

— Он давно так сидит?

— Около суток. — Гильермо кивнул. — Да, странно. Он пробовал пройти уровень пять раз... потом смирился. Сел у входа.

— И что вы сделали?

— Послали Анатоля. — Гильермо разводит руками. — Он умеет это делать... выводить к концу уровня...

— И что же?

Информацию приходится тянуть клещами. Не потому, что Гильермо что-то от меня утаивает. Он просто не понимает, что именно меня интересует, привык общаться с подготовленными, понимающими с полуслова дайверами.

— Объясните все по порядку, Вилли.

Гильермо кивает.

— Игрок вошел на уровень двадцать девять часов назад. Пять раз пытался пройти, его убивали. Быстро.

— Демон?

— Нет, демона он... пах-пах! Другие игроки. Потом он уселся и стал сидеть. Мы послали Анатоля, тот повел Неудачника. Их убили. Анатоль пошел второй раз, но им опять не повезло. Клиента убили, Анатоль очень сердился. Всех пострелял, кто там был... Гильермо снисходительно смеется. — Сегодня дайверы должны были пробовать вместе. Я запрошу отчет, да?

— Да, — говорю я, не отрывая взгляд от экрана. Молодой парень в комбинезоне и с пистолетом. Что испугало Человека Без Лица? Почему он считает, что происходящее не имеет аналогов? Почему предлагает за несложное задание Медаль Вседозволенности в награду? — Вилли, а еще что-нибудь странное происходило?

У меня появляется робкая надежда, что речь шла совсем о другом задании.

— Нет.

— Ничего?

— Ничего-ничего! — Гильермо разводит руками. — Мы беспокоимся о своих клиентах. В «Лабиринте» все под контролем.

Я смотрю на экран и жду.

— Так... — говорит Агирре с любопытством. — Так-так... Утром его пробовали вывести еще два раза. И днем... три раза. Не получилось.

— А вы об этом не знали? — не удерживаюсь от язвительности.

— Мы не сковываем инициативу служащих, с достоинством отвечает Гильермо. — Ситуация пока не критическая.

Он прав, конечно. Но у меня возникает легкая невнятная тревога. Кто он, влипший в неприятности игрок? Президент США, Папа Римский, Дмитрий Дибенко?

— Кто он? — спрашиваю я вслух. Гильермо пожимает плечами.

— Это неизвестно...

— Вы не контролируете пользователей?

— Мы — центр развлечений, а не КГБ, — со вкусом отвечает он. — Информация может быть похищена. Как вы думаете, обрадует солидного директора корпорации или арабского шейха статья в газете про его похождения в нарисованном мире?

— Ну и что...

— Для вас — ничего. Простой человек будет смеяться. А солидные люди очень-очень не любят, когда над ними смеются!

— Вы можете отключить его вручную?

— Как?

Действительно, как? Даже если отследить линию, по которой игрок вошел в «Лабиринт», и оборвать связь — ничего не изменится. Человек повиснет в пустоте или мир вокруг него замрет, как фотография, это уж как его подсознание решит. Все равно что накрыть утопающего непрозрачным колпаком — чтобы не тревожил остальных купающихся.

— И все-таки отследите его канал... — говорю я.

— Это очень сложно. — Гильермо картинно указывает на город за окном. — Там — две тысячи тридцать шесть... прос-

тите, уже две тысячи тридцать пять, игроков. Это — две тысячи тридцать пять... нет, теперь семь!.. телефонных линий. Все это поступает на двадцать восемь основных серверов, потом делится на уровни, обрабатывается нашими и арендованными машинами на всех континентах. Мы используем четыре спутника для синхронизации обмена данными. Войти в «Лабиринт» может как абонент «Интернета», так и неорганизованный пользователь, позвонивший на один из семисот телефонных номеров компании...

— Понятно, — говорю я. Нет, конечно, отследить Неудачника все равно можно. Но стоить это развлечение будет так дорого, что уговаривать Гильермо бесполезно. — Вы можете вызвать ваших дайверов?

— Они сейчас не в сети.

Тоже понятно. Если они и впрямь пытались вытащить Неудачника целые сутки, то сейчас просто дрыхнут. Один на Украине, другой в Канаде. Может быть, ругаются сквозь сон.

— Хорошо, — решаю я. — Возможно зайти сразу на тридцать третий уровень?

Гильермо отводит глаза:

— Вы давно играли? У вас сохранились записи?

— Нет...

— Тогда вам придется идти с самого начала.

Вот такого я не ожидал:

— Что за ерунда? Все игры имеют служебные каналы для перемещения между этапами! Вы что — исключение?

— Да.

— Но почему?

— «Лабиринт» имеет крупный призовой фонд за установление нового рекорда уровня или скоростное прохождение всей игры.

— Я помню, ну и что... большой фонд?

— Главный приз — полмиллиона долларов. Эти деньги получит тот, кто сумеет пройти все уровни и уничтожить Принца Пришельцев за сорок семь часов пятьдесят девять минут. — В голосе Гильермо начинает звучать рекламная торжественность.

Ой-ей-ей...

Почему я не игрок?

— Это крупная сумма, — зачем-то заметил Гильермо, — да? Любые коды, дающие игроку неуязвимость или полный

арсенал и снаряжение, будут вскрыты, когда речь идет о полумиллионе. Любые служебные каналы найдены и использованы. Нам пришлось бы выплачивать призовые суммы часто... точнее — не выплачивать никогда.

— А как же работают ваши дайверы?

— Они предварительно прошли «Лабиринт». У них имеются записи на всех уровнях, во всех опасных местах. Пара минут — и они там, где надо.

Хорошее начало.

— Сколько времени уходит на прохождение к тридцать третьему уровню?

— От двадцати пяти часов — и до бесконечности.

На что, собственно говоря, рассчитывал Человек Без Лица? Если за сутки дайверы «Лабиринта» не сумеют вытащить Неудачника, то его вообще невозможно спасти...

Гильермо молчит, наблюдая за мной.

— По крайней мере я могу получить карты уровней? — спрашиваю я. — Полные карты?

— Нет. Полных карт не существует. «Лабиринт» меняется постоянно и самостоятельно. Ведь это не фильм, не книга, Стрелок. Это целый мир, мир чудес! А чудо не может быть неизменным.

Часть вторая

ЛАБИРИНТ

00

Портал, через который «Лабиринт» сообщается с остальной *глубиной,* красив. Это исполинская, уходящая в небо арка из черного мрамора. По ней скользят сиреневые искры, а от камня идет неприятный низкий гул, перемежающийся тяжелыми, нечеловеческими вздохами. Проем арки заполнен клубящимся алым туманом.

И в этот туман медленно, как загипнотизированные, идут люди. Нескончаемый поток. Может быть, и не все из них — настоящие, часть просто создана *сисопами* «Лабиринта» для большей торжественности. Но все равно — эффектно.

Вливаюсь в общий поток.

— Эй...

Идущий рядом паренек трогает меня за плечо:

— Как тебя звать?

— Стрелок.

— Я — Алекс.

— Очень приятно... — отворачиваюсь. Но паренек не отстает.

— Ты на первый уровень?

— Да.

— Пошли вместе? Гораздо проще, честное слово!

Оглядываю его. Внешность явно штучной работы, манеры нагловатые, но уверенные.

— Первые пять-шесть этапов пройдем в паре, — продолжает парень. — Они простые, но легче будет втянуться. А дальше, если хочешь, разбежимся. Ну?

— Ладно.

Хлопаем по рукам, идем рядом. Кровавый туман обволакивает, уже ничего не видно. С неба доносится голос:

— Режим?

— Парный вход! — говорит Алекс. — Алекс и Стрелок!

— Парный вход, — повторяю я. — Стрелок и Алекс!

Туман слегка рассеивается. Мы стоим у дрезины, водруженной на ржавые рельсы. На дрезине валяются два комбинезона, шлем-маски, два пистолета. Все наши попутчики куда-то исчезли. Проверяем обоймы, переодеваемся.

— У вокзала будет засада, это непременно, — бормочет Алекс. — Расслабляться нельзя... Ты откуда, Стрелок?

— От мамы с папой.

Больше вопросов не возникает. Встаем на дрезину, начинаем качать рычаг. Старая колымага быстро разгоняется, едем сквозь рассеивающийся туман.

— Стрелок, ты что, Кинга любишь?

— С чего это?

— Ну прозвище... или просто стреляешь хорошо?

— Увидишь.

Мы выезжаем из тумана. Дорога идет по осыпающейся насыпи, впереди — обгоревшее, как рейхстаг после штурма, здание вокзала. Похожесть усиливает развевающийся на куполе красный флаг. То ли деталь антуража — многие западники до сих пор сводят счеты с коммунизмом, то ли, наоборот, кто-то из большевиков решил отметить годовщину революции. Скорее последнее, через три дня — седьмое ноября.

— Сейчас смотри внимательно, готовься, — говорит Алекс из-за спины. — Засада непременно будет. Понимаешь, лишняя обойма всем нужна...

— Понимаю, — говорю я, поворачиваясь. Стреляю два раза, и наведенный уже пистолет падает из руки моего недолгого союзника. Наклоняюсь к нему. Алекс глотает ртом воздух, бессмысленно глядя на меня. Программа дает ему еще секунд пять, чтобы осознать свое поражение.

— Кинга, впрочем, я тоже люблю, — сообщаю я, поднимая его пистолет.

Вот и все. Был у меня пистолет и восемь патронов, стало два пистолета и четырнадцать патронов.

Перекидываю тело через бортик дрезины, под насыпь, на груду таких же тел. Это я там должен был оказаться, по плану Алекса.

— Я в «Дизматч» играл, когда ты еще до клавиатуры не дотягивался, — беззлобно говорю я вслед. Тело истлеет быстро, часов за шесть. Так уж устроено. Иначе все пространство «Лабиринта» было бы завалено костями.

Вокзал приближается. Смотрю на него, пытаясь понять, какие изменения произошли с прошлого раза. Кажется, не было вон той башенки в правом крыле.

Дрезина проезжает мимо застывшего поезда, новенького и чистого, с сидящими у окошек людьми. Тела людей покрыты сероватым налетом. Это поезд беженцев, который пришельцы сожгли при попытке покинуть Сумеречный Город. Смотрю на чинно рассевшихся вдоль окошек беженцев. Да. Ламеры вы, дорогие создатели «Лабиринта». Не знаете, что такое настоящая эвакуация и настоящие беженцы.

Перепрыгиваю через бортик, скатываюсь под насыпь. До вокзала пусть доезжают самоуверенные новички. Я лучше ножками... потихоньку.

Так оно надежнее будет.

01

Первый этап простой по определению. Он должен быть таким, чтобы новички втянулись в игру, поверили в свои силы... чтобы пришли еще и еще раз. Я подхожу к вокзалу со стороны левого крыла, быстро проверяю ряд памятных тайников — в канализационном люке, в трансформаторной будке и в кабине перевернутого, валяющегося поперек путей локомотива. В канализации — пусто, в трансформаторной будке нахожу две обоймы, в локомотиве — завернутый в прозрачную пленку сандвич. Ни людей, ни монстров пока нет, и это настораживает.

Приближаюсь к одному из боковых входов в здание. Секунду стою перед выбитой дверью, потом резко бросаюсь в нее.

Ага.

На меня кидаются два мутанта — мелких человекообразных демона. Они обросли какой-то зеленой мшистой гадос-

тью, в узловатых гипертрофированных лапах — винтовки. На лице одного сохранились строгие, «профессорские» очки.

Расстреливаю мутантов в упор, они даже не успевают открыть огонь. Меняю обоймы, подхожу к телам. Их винтовки разбиты пулями. Жаль. С пистолетом далеко не уйдешь.

Иду по вокзалу. Вереница пустых, загаженных залов, лужи крови, стены, исписанные какими-то отчаянными призывами и проклятиями... Брестская крепость, а не вокзал. По легенде игры, здесь была последняя схватка полиции города и захватчиков-пришельцев. Я знаю, что где-то в подвалах можно найти умирающего сержанта, который поведает жуткие истории нашествия и подарит перед смертью свою винтовку. Но искать эту душещипательную, вечно умирающую программу лень. Я последовательно проверяю еще ряд тайников, нахожу кастет, который немедленно надеваю на левую руку, пару ручных гранат и, наконец-то, двуствольный штуцер.

Пару раз вижу вдалеке человеческие фигуры, но они охоты не начинают, и я тоже оставляю их в покое. Мало времени. Иду к выходу на привокзальную площадь. Там, на столике, за которым лежит окровавленный женский труп... всегда он здесь лежит... тихо работает компьютер. На экране — меню игры. Записываюсь, на предложение выйти из игры отвечаю отказом. Дальше. На второй этап.

С винтовкой в руках выбегаю с вокзала, крадусь к дороге, пригибаясь и прячась за деревьями. И не зря. В меня стреляют откуда-то с верхних этажей. Промахиваются.

Наверное, человек. Монстры тупые, зато меткие.

Привокзальная площадь полна слегка пыльными, но исправными автомобилями. Их хозяева сели в тот самый поезд... Прячусь за громоздким помятым «фордом», жду.

Я всегда здесь жду...

Минут через пять из вокзала выскакивает человек. Быстрыми перебежками приближается к машинам.

Встаю, навожу на него винтовку. Человек замирает. Он был не готов к этой засаде, уже на самом конце этапа...

— Садись! — киваю стволом на «форд». Игрок, похоже, меня не понимает. Лица из-под маски не видно, да и не скажет ничего о национальности игрока нарисованное лицо. Но похоже, он не русский.

— Садись в машину и веди!

Понял. Подключилась программа-переводчик. Медленно приближается, открывает дверь, садится за руль.

— Эй! — Голос едва слышен. Оборачиваюсь, не выпуская пленника из виду. В пробоине купола стоит немного знакомая фигура. Алекс. Ишь ты, догнал. Вошел повторно и догнал. Видимо, он и палил в спину... — Я тебя сделаю! Слышишь? Не будет тебе покоя! Сделаю!

Недвусмысленный жест вынуждает его открыть беглый огонь. Но патронов у него мало, а расстояние велико. Отбросив винтовку, он пытается прицелиться в меня из пистолета, и тут за его спиной возникает багровая тень. Надо же, огненные душители уже на первом уровне попадаются. Светящиеся лапы хватают Алекса за горло, и тот падает на колени, трепыхается, палит себе через плечо. Дожидаться конца схватки лениво.

Сажусь в машину. Мой пленник, послушно дождавшийся конца разговора, трогает. Он ведет машину медленно, оглядываясь, явно ожидая выстрела в затылок.

Трасса оживленная. Два раза нас пытаются догнать и таранить огромные трейлеры. Опускаю стекло и расстреливаю их из винтовки, целясь в шины и лобовое стекло. Это пока мелочи, монстры, порождения «Лабиринта». Не их надо бояться.

Мужчина вначале вздрагивает при выстрелах, потом привыкает.

На авторазвязке нас ждут настоящие враги. Три машины перегораживают дорогу, за ними прячутся вооруженные люди. Один стоит открыто, в небрежной, уверенной позе. В руках у него гранатомет.

Блин. Слышал я, что где-то на вокзале есть тяжелое вооружение, да так и не удосужился проверить...

— Что делать? — спрашивает мой пленник.

Надо быть идиотом, чтобы попытаться справиться с такой бандой. Проще сдаться и пожертвовать частью снаряжений, в надежде, что потом тебя отпустят.

— Медленно снижай скорость. После третьего моего выстрела — останавливайся.

Он молча кивает.

Бандит с гранатометом насмешливо смотрит на нас. Ожидает.

Глубина-глубина, я не твой... отпусти меня, глубина...

Я посмотрел на изображение, привыкая к картинке. Бандит... машины... затылок моего шофера. Крестик прицела посередине экрана.

Нечестный я человек.

Я протянул руку, коснулся мышки, провел ею по коврику. Крестик заскользил по экрану.

Поехали.

Я открыл огонь, стреляя левой клавишей мышки, а правой перезаряжая винтовку. Бандит с гранатометом так ничего и не понял. Яркие желтые гильзы мелькали через весь экран, наушники грохотали. Уложив тех троих, что высунулись, я перенес огонь на машины. В виртуальности попасть в бензобак не легче, чем в реальной жизни. А вот когда расстреливаешь нарисованные силуэты — это занятие для ребенка.

deep

Ввод.

Дьявол, ведь предупреждал же — остановиться!

— Тормози! — кричу водителю.

Тот останавливается перед полыхающими машинами. Поворачивается. В глазах, даже сквозь темные стекла маски, ужас и восхищение.

— Как вы смогли?

— Выходи.

Он явно ожидает еще одного выстрела, но я недвусмысленно показываю ему на тела — застреленных мной и убитых при взрыве машин. Собирай оружие... Стрелять в меня он теперь не решится. Та скорость, и меткость стрельбы, которую я продемонстрировал, практически недостижима для простого игрока. Только для дайвера... и старого думера, привыкшего пользоваться мышкой.

Думеры всегда делились на клавишников и мышатников. Вечный спор, кто из них круче, так и не был решен — пришла виртуальность.

Теперь я ставлю точку над «i».

Один из бандитов еще жив. Он матерится — так красочно и затейливо, что его национальная принадлежность сомнений не вызывает. Лицо игрока залито кровью, одна рука полуоторвана, другой он безуспешно тянется к аптечке. У игрока осталось процентов пять жизни, но аптечка бы его спасла...

Подхожу. Он замечает меня, дергается, и кричит:

— Кто? Кто ты, сволочь?

И еще одна многоэтажная фраза.

— Стрелок, — отвечаю я, приставляя дуло винтовки ко лбу матерщинника. Не люблю, когда так ругаются. В конце концов, в моем теле могла быть и девушка или ребенок.

Трофеи приходится собирать минут пять. Теперь обмундирован по высшему разряду. Пистолеты, винтовка с оптическим прицелом, штуцер, гранатомет, аптечки, гранаты, бронежилет. Мой пленник тоже неплохо экипировался — вот только гранатомета для него не нашлось.

В реальности такую груду железа не утащить. Но здесь все мы немножко Рэмбо.

— Поехали, — бросаю я пленнику, садясь в машину. Он понимает без перевода. Мы едем по трассе, я не удерживаюсь и расстреливаю еще один трейлер из гранатомета. Разумеется, выйдя вначале из машины... У создателей «Лабиринта» было хорошее чувство юмора, и наблюдать собственные кишки на потолке автомобиля у меня желания нет.

Второй уровень кончается на окраине Сумеречного Города. Мы вместе выходим из машины и записываем пройденный результат на компьютер, прилежно работающий на развалинах маленького коттеджа. Лишь после этого мой попутчик успокаивается. Я машу ему рукой и направляюсь к канализационному люку. Самый верный путь через третий этап пролегает среди нечистот. Мало кто им пользуется — слишком уж отвратительная дорога, несмотря на душевую в конце уровня. Но мне плевать. Я пройду через канализацию, глядя на экран и шевеля мышкой.

— Эй! — кричит вслед попутчик. — Зачем я был тебе нужен? Ты самый крутой из всех, кого я видел!

Наверное, он ожидает слов «вдвоем легче», а то и предложения пойти дальше вместе. Но мне не понравилось, что он едва не врезался в горящие машины. И я говорю правду:

— Я не умею водить. А пешком идти долго.

Он так и остается стоять у компьютера, обалдевший и переполненный впечатлениями. И очень неплохо снаряженный для конца второго этапа, между прочим...

10

Я прохожу четырнадцать этапов. За семь часов.

Сегодня рождалась легенда.

За моей спиной оставались трупы и развалины. Я немного задерживаюсь на шестом этапе — он совсем-совсем новый и непривычный. Потом застреваю на двенадцатом, похожие я встречал, но арена — это всегда арена, и перебить сотню с гаком монстров — не три кнопки надавить.

К счастью, другие игроки уже практически не вмешиваются. Слухи ползут по «Лабиринту», пересекая уровни с легкостью, недоступной даже дайверам. Слухам не страшна *глубина,* их никогда и ничто не могло задержать.

Слухи — враг дайвера. Но сейчас они несут страх, и это работает на меня.

В конце четырнадцатого этапа я понимаю, что больше не выдержу. Выныриваю на мгновение из *глубины,* и убеждаюсь, что скоро семь утра.

Это компьютерам вредно отключаться. С людьми все наоборот.

Четырнадцатый этап — городской спортивный центр. Компьютер с игровым меню стоял на судейском столике возле огромного бассейна, где в чистой воде лениво колыхались трупы похожих на крокодилов монстров-амфибий. Их довольно трудно убить, и мне пришлось воспользоваться плазмоганом, чтобы вскипятить в бассейне воду. Когда она остывает, я ныряю в вонючий бульон и минут десять дожидаюсь погони — двух истеричных игроков, парня и девушки, которые гонятся за мной уже три уровня. Они поторопились, уверенные, что я немедленно покину спортивный центр, и ворвались в зал неосторожно, хоть и красиво. Парень — с плазмоганом у пояса, девушка со штуцером наперевес. Я пускаю в них ракету, прямо из-под воды, и оба исчезают в огненном вихре.

Я выбираюсь из бассейна, опершись на скользкое тело вареного монстра, и заглядываю в воронку. Там ничего не осталось, у парня сдетонировали энергоячейки плазмогана.

— Я — Стрелок, — все же говорю я. Это уже стало ритуалом, а мне нравятся хорошие традиции.

Записываюсь — «Стрелок, 14» и щелкаю по клавише выхода. Сделаем все честно и правильно. Отдохнуть... и вернуться.

Обязательно вернуться.

В полу рядом с судейским столиком открывается люк — выход из игры. Прыгаю туда и оказываюсь в раздевалке.

Выход из «Лабиринта» такой же торжественный и пышный, как и вход. Но это другая торжественность, праздничная, веселая. Комната со стенами из розового мрамора, яркий солнечный свет в потолочном окне, мягкий диван, столик с фруктами и едой, огромный резной шкаф красного дерева. Я снимаю бронежилет, шлем, маскировочный комбинезон, запихиваю вместе с горой оружия в свой «индивидуальный шкафчик». Только я смогу воспользоваться нажитым добром, вновь входя в «Лабиринт». Принимаю душ, переодеваюсь. Все, надо уходить. Прерывать программу не хочется, хватит с меня головных болей; в конце концов, добраться до гостиницы и выйти нормальным путем — дело пяти минут.

Раздевалки выходят в просторный колонный зал, откуда уже видны улицы Диптауна. Это граница Сумеречного Города и обычной виртуальности, зыбкая, как звуковой барьер в океане.

Обычно колонный зал безлюден. Неторопливо выходят из своих раздевалок игроки, поодиночке и группами, отправляются в ближайший ресторанчик «BFG-9000» или бар «Kakodemon» спрыснуть победу или поражение...

Сегодня тут собрались человек сто. И это моя заслуга. Здесь, похоже, все, кто погиб от моей руки. Каждого выходящего из раздевалки придирчиво осматривают, словно могли запомнить мое лицо под шлем-маской. На меня тоже смотрят, но, видимо, я не подхожу под запомнившийся им в последние мгновения игры образ беспощадного Стрелка.

Подхожу к ближайшей группе, разговор там затихает, мускулистый мужчина с квадратным подбородком резко спрашивает:

— Стрелок?

К счастью, я догадываюсь, что он имел в виду, и киваю...

— Да... — На моем лице обида и злость. — Из гранатомета... сволочь! И говорит: «Я — Стрелок!»

Что-то я перебарщиваю... После попадания из гранатомета услышать что-нибудь затруднительно. Но фигура Стрелка уже окружена мистическим ореолом, и мои слова о гранатомете списывают на обычные оправдания неудачника.

— Сотым будешь, — говорит квадратно-подбородковый. — Я — Толик.

— Я — Леня.

— Сто человек уложил, зараза! — с восхищением и ненавистью сообщает Толик. — Откуда он взялся... Знакомься — Жан, Дамир, Катька... Он нас всех на девятом уровне сделал.

Не помню, честно говоря. Там шумно было... предпоследняя попытка игроков организоваться и толпой уложить наглого Стрелка.

— А меня на пятнадцатом! — говорю я. — Я так шел, а он...

— Слышали? — кричит Толик. — Стрелок на пятнадцатый пошел!

Толпа отвечает возбужденным гулом.

Я безнадежно машу рукой и направляюсь к выходу.

— Эй! — кричит Толик. — А дожидаться его не будешь?

— У меня карман не резиновый! — отвечаю я. — Сами морду ему намылите...

— Это да, — кивает Толик. — Если сможем узнать.

Он все-таки подозревает меня, но подтвердить подозрения не в силах. Я киваю, делаю еще шаг. И вижу Алекса.

Моя первая жертва стоит чуть в стороне, молча, с интересом вслушиваясь в диалог.

И вмешиваться, похоже, не собирается. Вендетта. Один на один.

Меня это устраивает. Иду мимо... еще пара секунд, и я выйду из зала на улицу Диптауна.

— Стрелок! — окликают меня сзади, и сотня человек выдыхает разом.

Оборачиваюсь. Голос был слишком настойчив, валять дурака дальше бесполезно.

Это не Алекс. Это Гильермо.

— Стрелок! — Он подходит ближе. — Извините, что задерживаю... Вы установили восемь рекордов уровней, да?

Наверное. Смотрю не на Гильермо — на сотню своих недавних жертв. Их взгляды не сулят ничего хорошего.

— Руководство решило сообщить вам, что вы не вправе претендовать на объявленные призы... да? Поскольку работаете по контракту с нами.

Слава богу, он хоть теперь говорит тихо, и нас не слышат.

— И не собирался, — пьянея от злости, сообщаю я.

Гильермо, похоже, понимает, что вступил в беседу не вовремя. Но ему приказали.

— Однако мы хотим выплатить вам небольшую премию... двести долларов... в благодарность за интенсивную работу. Вы сделали очень хорошую рекламу «Лабиринту»... мы едва справляемся с потоком новых игроков.

Он делает паузу, оглядывает зал и говорит извиняющимся тоном:

— Вы можете зайти за деньгами сейчас, вместе со мной. В нашем офисе много выходов.

Спасибо. Вот чего не люблю, это когда меня толкают в болото, а потом сердечно протягивают руку помощи.

— Я зайду при случае.

Гильермо вздыхает, разводит руками — мол, я человек подневольный, велели передать... Уходит в глубину зала, к каким-то служебным коридорам.

На меня смотрят девяносто девять пар глаз.

— Я — Стрелок, — говорю я.

Девяносто девять пар ног отрываются от пола. Нет, девяносто восемь.

Алекс стоит на месте, лишь выхватывает из-за пазухи сверкающий длинный пистолет и кричит:

— Беги, козел!

Имя мне не нравится, но совет дельный. Каждый из обиженных, кроме разве что Алекса, втайне понимает, что его убили абсолютно честно. Но вслух говорится совсем иное. И потому все готовы мстить за невинно пострадавших товарищей, забыв, что еще недавно они были соперниками.

Бегу.

За спиной несколько раз щелкают выстрелы — Алекс отчаянно пытается задержать преследователей, потом кричит вслед:

— Я тебя сам сде...

Крик обрывается. Не только у него есть вирусное оружие, пригодное для улиц Диптауна. А может быть, вмешалась служба безопасности «Лабиринта».

Бегу.

Чего мне не хватало, так это растворяться в воздухе. Если обиженные игроки поймут, что я еще и дайвер — охота перерастет в травлю.

А спать так хочется...

Переулок, другой, третий. Снижаю детализацию, чтобы ускорить бег. И едва не проскакиваю мимо здания с надписью «Всякие забавы» на четырех основных языках Диптауна.

К счастью, надписи очень крупные, и я вовремя понимаю их смысл. Равно как вспоминаю рассказ Маньяка о системах безопасности виртуальных борделей.

Выбор несложен, и я врываюсь в вертящиеся стеклянные двери.

11

Здесь в моде стиль «ретро». Массивная мягкая мебель, широкие столы с пузатыми графинами, блюда с фруктами. Бородатый молчаливый мужчина в углу смотрится деталью меблировки. Бог его знает, может, и впрямь сторожевая программа...

А по деревянной лестнице со второго этажа спускается темноволосая женщина в длинном платье. Ей за тридцать, и лицо настолько детализировано, что я едва удерживаюсь от искуса вынырнуть из *глубины* и посмотреть на нее нормальным образом. Чтобы понять, как удалось добиться такого неординарного человеческого облика.

Женщина подходит ближе. И я наконец понимаю смысл выражения «зрелая красота».

Действительно, очень зрелая. Ничего в ней нет от той молодости, что царит на улицах Диптауна. И уж тем более мысли не возникает о невинности или чистоте. И слава богу, что не возникает. Ей это не нужно.

Женщина молчит, улыбаясь. Я чувствую, что пауза затягивается, и бормочу:

— Здравствуйте...

Она кивает:

— Добрый вечер.

— Мне кажется, что уже ночь, — говорю я.

— У нас всегда вечер.

Что ж, будем знать.

— Зовите меня Мадам, — продолжает женщина.

— Я...

— Не надо имени. Это вовсе не обязательно.

— Я — Стрелок.

Она кивает.

— Хорошо. Вы зашли к нам по делу... — Улыбка. — Или просто скрываетесь от надоедливых друзей?

Непроизвольно гляжу на стеклянную дверь. За ней — тишина и пустота.

— Не беспокойтесь. Входящие к нам не видят друг друга. Никогда.

— Во втором случае, очевидно, мне придется уйти? — интересуюсь я.

— Нет. Мы всегда рады гостям. Вы можете просто посидеть, выпить кофе или вина.

— Кофе, — решаю я.

Молчаливый охранник ныряет в дверь. Я прохожу к диванчикам, сажусь. Мадам с улыбкой устраивается напротив.

— Неужели вас не разоряют такие вот случайные гости? — спрашиваю я.

— Нет ничего полезнее случайностей. К тому же у нас есть правило — гость должен хотя бы пролистать альбомы.

Недоуменно смотрю на нее.

— Фотографии девочек.

— Ах да, фотографии... — До меня доходит. — Конечно. С удовольствием.

Охранник приносит кофе в маленькой турке, Мадам аккуратно разливает его по чашечкам.

Кладу чуть-чуть сахара, делаю глоток. Кофе крепкий и ароматный, обжигающе горячий. Даже сон проходит, словно и впрямь кофеину принял.

— Вам показать все альбомы? — спрашивает Мадам.

Кажется, что в слово *все* она вкладывает двойной смысл. Но голова еще соображает плохо, и я киваю. Мадам плавно пересекает зал, достает из шкафа несколько толстых альбомов в обтянутых разноцветным бархатом переплетах, опускает на стол передо мной.

— Я вернусь к себе, если вы не против, Стрелок. Если вдруг... — улыбка, — вас что-то заинтересует — позовите меня.

— Хорошо, — соглашаюсь я.

Уже с лестницы Мадам, словно спохватывается, и добавляет:

— Да... если вам понравится фотография и захочется разглядеть ее детальнее — потрите изображение пальцем.

Киваю. Пью кофе, посматривая на альбомы.

Интересно, есть ли здесь резервные выходы? Наверняка.

Впрочем, можно еще сделать вид, что у меня сработал таймер, и раствориться в воздухе.

В любом случае я спасся. Утер нос сотне разъяренных думеров, завоевал сомнительную славу и на четырнадцать этапов приблизился к Неудачнику. Быть может, его все равно вытащат раньше, но я старался как мог.

Кофе допит. Заглядываю в джезву... гляди-ка, опять полна! Волшебный кувшинчик из «Тысячи и одной ночи». Наливаю вторую чашку, придвигаю к себе альбом в черном бархате. Тут, видимо, негритянки?

Оказывается, что нет.

На первой странице — фотография женщины, прикованной к стулу. За ее спиной глухая кирпичная стена, голова запрокинута и лица не видно, но полуобнаженное тело обещает многое. Цепи блестящие, с нарочито крупными звеньями. Под ногами женщины, на полу, лежит кожаная плетка.

Так.

Закрываю альбом, отодвигаю к углу стола. Пусть дожидается садистов-мазохистов.

И впрямь «Всякие забавы».

Смотрю на радугу переплетов. Попробуем угадать. Например, голубая обложка.

Гляди-ка, угадал! С первой фотографии жизнерадостно улыбается голливудский киноактер, уже третий год слывущий секс-символом. Одет он в кожаную куртку, сапоги и кружевное белье. Э, дружок, повезло же тебе.

Разумеется, подписи под фотографией нет. Даже если несчастный красавчик, никогда не страдавший гомосексуальностью, предъявит борделю иск, доказать что-либо будет сложно. Фотография на самом деле слегка искажена, и никто не сочтет ее уликой. Кроме тех, конечно, кто бывал в *глубине* и знает, как домысливает образы взбудораженный дип-программой мозг. Но те, кто знает виртуальность не понаслышке, знает и ее закон. Самый главный.

Свобода.

Во всем и для всех.

Может быть, это и правильно...

Укладываю актера поверх дамы в цепях. Пусть развлекаются, страдальцы.

Розовый альбом... неужели лесбиянки? Странно...

А, просто парочки. Две девицы с вызывающими взглядами, одна стоит на коленях, вторая опирается ей на плечи, цепко смотря на меня. Нет-нет-нет. Не сегодня. Не после четырнадцати уровней «Лабиринта». Полежите-ка в сторонке, вам и вдвоем скучно не будет, печенкой чувствую.

Коричневый альбом. Фантазия пасует, приходится открывать...

Старуха в обвисшем платье.

Боже ты мой, и впрямь — на все вкусы! Подстрекаемый любопытством, тру фотографию пальцем. Старуха на фотографии оживает. Кокетливо улыбается, начинает пританцовывать, мелко семеня ногами, и расстегивать свой балахон.

Бабка, да ты с ума съехала...

Укладываю коричневый альбом поверх розового и начинаю хохотать. Охранник в углу косится на меня, но молчит. Я не выдерживаю и спрашиваю:

— Бывают... клиенты?

Тыкаю пальцем в коричневый бархат. Охранник сдержанно кивает.

Фиолетовый. Кручу его в руках, тщетно пытаясь хоть что-то придумать. Опасливо заглядываю на первую страницу... вдруг — деды?

Козочка.

Я имею в виду — коза. Молодая. Беленькая, с короткими острыми рожками.

Уже не смеюсь, сил нет. А козу ведь в виртуальность не погрузишь. Значит, либо человек-оператор, либо программа... имитирующая сексуальные стереотипы молодой развращенной козы.

Бабка, подои козу.

Остаются три альбома — белый, зеленый, желтый. Открываю белый, почему-то терзаемый мыслями об эльфах, ангелах и прочих эфирных созданиях. Не угадал. Просто женщины. Как и положено, на первой странице знаменитая топ-модель в вечернем платье от Кардена.

Ладно, платье мы еще рассмотрим. Взвешиваю на руке зеленый альбом. Что еще осталось из подвластного могучим эро-

тическим фантазиям? Дети, конечно. Открываю альбом. Ага. Малолетний миллионер, киноактер и любимец стареющих домохозяек. Помоги бабке козу держать, мальчик...

Желтый альбом. Тоже угадал. Лицо девочки смутно знакомо, кажется тоже актриса. Антураж поражает — уходящий до горизонта пляж под лучами восходящего солнца. Чем загорать, детка, отнесла бы ведерко свежего козьего молока в избу.

Расправившись с самыми «всякими» из предлагаемых забав, наливаю себе бокал вина. Киваю на стопку альбомов с нетрадиционными партнерами, охранник молча берет их и уносит.

Надо было тот, с животными, получше разглядеть. Интересно, есть ли там молодые крокодилицы и зрелые, как Мадам, лебедушки? Впрочем, если и нет, то организуют по просьбе клиента. Хоть зеленого осьминога, хоть суку питбуля.

Начинаю проглядывать белую книгу, временами заставляя девиц совершить стриптиз. Выбор потрясающий. Кинозвезды и манекенщицы кончаются довольно быстро, дальше идут незнакомые лица. Незнакомые, но симпатичные. Не удерживаюсь, заглядываю в самый конец альбома.

Белый лист и надпись: «Нарисуй свое счастье».

Да, отсюда никто не уйдет обиженным.

Пролистываю альбом быстрее. В конце концов, поглядеть на обнаженных красоток, что в движении, что нет, можно и менее дорогостоящими методами, чем сидя в *глубине*.

Негритянка в набедренной повязке, эскимоска в мехах, кореянка на циновке, полинезийка с кольцом в носу. Виртуальности чужд расизм.

Листаю еще быстрее. Страница, другая, третья...

Вика.

Я замираю, глядя на девушку, которая улыбается мне каждое утро.

100

Мадам появляется неслышно, как привидение.

Садится рядом, спрашивает:

— Вам налить еще вина, Стрелок?

Киваю. Я, наверное, долго так просидел, разглядывая Вику. На фотографии вечерний полумрак, она сидит на перилах де-

ревянной веранды, за ее спиной — темная кайма леса, тускло-желтый пузатый фонарь в высокой траве, чернос зеркало бассейна.

— У нас бывают самые разные клиенты, — задумчиво говорит Мадам. — Некоторым нравятся кинозвезды, а некоторым — козочки... — Легкая усмешка.

— Кто эта девушка? — спрашиваю я. Мадам недоуменно смотрит на меня.

— У нее есть реальный прототип?

Хозяйка борделя прижимается к моему плечу, долго смотрит на фотографию.

— Стрелок, на такие вопросы я не имею право отвечать. Да и не знаю. Здесь тысячи лиц, Стрелок. Многие могут показаться вам знакомыми, — легкая улыбка, — но это случайность. Она вам кого-то напоминает?

— Да.

— Кого-то реального?

— Не совсем... — Я обрываю свою одностороннюю откровенность. — Мадам, я могу... встретиться с этой девушкой?

— Разумеется. — Наши взгляды встречаются, наши лица рядом, в ее глазах ирония и насмешка. — Десять долларов час. Сорок долларов ночь. У нас умеренные цены. Доступные любому хакеру.

— Вы жестоки, — говорю я.

— Да. Когда мне кажется, что симпатичный молодой человек начинает сходить с ума, я бываю жестока.

Достаю кредитную карточку.

— Сорок долларов?

— Да.

Она принимает деньги. Медлит, потом говорит:

— Стрелок, выслушайте одну историю... Жила маленькая глупенькая девочка, училась в институте, прыгала на дискотеках, флиртовала с парнями. И любила певца. Того часто показывали по телевидению, у него брали интервью, его фотографии печатали на обложках журналов. Он был хороший певец, и он пел о любви. Девочка очень верила в любовь.

— Я знаю, как кончаются такие истории, — говорю я. Не только Мадам умеет быть жестокой.

— Певец приехал на гастроли в ее родной город, — продолжает Мадам. — Девочка была на всех концертах. Выскакивала

на сцену с букетами цветов, и певец целовал ее в щеку. Конечно, она добилась своего. На второй день она вошла в его гостиничный номер и вышла только утром. И больше не приходила на концерты. Нет, певец и вправду оказался хорошим человеком и красивым мужчиной. Он был нежен и ласков, остроумен и весел. Девочка ни о чем не жалела. Но она перестала верить в любовь. Знаете, почему?

— Она смешала иллюзию и реальность, — отвечаю я.

— Вы понимаете. Да, конечно. Лучше бы он оказался тупым и грязным хамом. Гораздо лучше. Девочка нашла бы другой идеал или попросту продолжила любить образ певца. А так... это было похоже на зеркало. Любовь к отражению. Правдивому и безупречно чистому. Но она и впрямь встретилась со своей мечтой. Нашла идеал. А его надо любить на расстоянии.

Я киваю.

Конечно, Мадам... Разумеется, мудрая хозяйка борделя. Бесспорно, познавшая жизнь повелительница любви и секса.

Я знаю.

— Мадам, напомните, я уже заплатил вам?

Женщина вздыхает:

— Идемте, Стрелок...

Мы поднимаемся по лестнице. Коридор, двери. Мадам подводит меня к двери с номером «б», касается плеча:

— Всего вам хорошего, Стрелок... Да, кстати, та история, что я рассказала, — она случилась не со мной. Но я знаю много таких историй.

101

За дверью — не комната, а сад. Ночной сад, тихо стрекочут кузнечики, воздух прохладен и свеж, под ногами крепкая густая трава.

А чего я, собственно говоря, ожидал?

Гостиничного номера с расшатанной кроватью и мокрых от частых стирок простыней? Виртуальность тем и хороша, что внутреннее пространство своего дома можно делать сколь угодно большим.

Иду на свет фонаря в траве.

Движения медленные и вялые, сон почти отступил, смирившись, но нахлынула свинцовая усталость.

Домик маленький, это то ли хорошая дача, то ли скромный коттедж. Никого нет. фонарь светит одиноко и тоскливо. На мгновение мне кажется, что сердобольная Мадам решила оставить меня в одиночестве. Нет, вряд ли. Сочувствие сочувствием, а бизнес на первом месте.

Сажусь перед фонарем — это старинная керосиновая лампа в закрытом сеткой корпусе. С такими спускаются в подземелья. В *глубину.*

Вокруг лампы вьются мошки, колотятся о стекло, бессильно пытаясь ворваться в свет. Люди куда глупее мошек. Они всегда находят огонь, чтобы обжечь свои крылья. На то они и люди.

Шагов я не слышу, просто на плечи мне ложатся руки. Неуверенно, робко. Словно привыкая.

— Здесь всегда так тихо? — спрашиваю я.

— Нет.

Я вздрагиваю. Даже голос ее мне знаком.

— Все зависит от гостей.

— Мне нравится тишина, — говорю я, по-прежнему не оборачиваясь.

— Мне тоже, — соглашается она. Может быть, из желания понравиться. Может быть, искренне.

И я решаюсь обернуться.

Она такая же, как на фотографии. В короткой юбке — не сексапильно-короткой, а просто в удобной летней одежде. В блузке дымчатого шелка. На ногах серые босоножки, темные волосы стянуты на лбу ленточкой.

Девушка смотрит на меня серьезно, изучающе. Словно я не клиент, которого ей придется обслуживать, а действительно гость, которого можно принять, а можно и выгнать в ночь.

— Меня сегодня весь день называли Стрелком, говорю я. — Но ты лучше зови меня Леонидом.

Она кивает, соглашаясь.

— И... если можно, — добавляю я, — если можно, я буду звать тебя Викой.

Девушка очень долго молчит, и я решаю, что невольно обидел ее. Но она лишь спрашивает.

— Почему? Я кого-то тебе напоминаю?

— Да, — признаюсь я. — Все равно я забудусь и назову тебя так. Давай лучше избежим этого.

— Давай, — соглашается она, садясь рядом, протягивает руки, греет их над фонарем, как над костром. — Я легко привыкаю к именам.

— Я тоже.

Мы сидим и молчим. Я чувствую, как потихоньку проваливаюсь — все глубже и глубже...

— Вика.

— Что, Леонид?

— Я буду большим дураком, если усну сейчас?

— Не знаю, — говорит она. — Тяжелый был день?

— Тяжелые еще будут.

— В доме есть кровать... как ты понимаешь.

Я киваю. Не хочется вставать и уходить из живой тишины в мертвую.

— А если хочешь, я принесу тебе одеяло, — продолжает Вика.

— Спасибо. Это будет просто здорово.

Она встает, и я собираю остатки сил.

Глубина-глубина, я не твой... отпусти меня, глубина...

Вначале я сходил в туалет. Слава богу, провода от костюма и шлема достаточно длинные. Потом добрел до тахты, упал на постель, отшвыривая подушку. В виртуальном шлеме и так голова задрана. К утру занемеет шея, но я не хочу сейчас уходить.

— Вика, включай дип... — прошептал я «Виндоус-Хоум». Цветная метель, и я вновь в *глубине.*

— Что ты сказал? — Вика стоит рядом. Та Вика, которая живая... почти.

— Нет, ничего.

Я беру одеяло, расстилаю на траве, ложусь. Девушка садится рядом.

Смотрю на звезды. Они так близко, они так заманчиво ярки. Мне не хватает лишь прозрачных тонких крыльев — чтобы взлететь и разбиться о невидимое стекло...

— Вика, тебе не одиноко здесь, в глуши?

— А почему ты решил, что это глушь?

— Звезды слишком яркие.

— Нет. Здесь хорошо...

Она ложится рядом, и я сдвигаюсь на одеяле, чтобы нам хватило места.

— Ты любишь небо? — спрашивает Вика.

— Да. Я люблю смотреть на звезды. Только совершенно не знаю, как они называются.

— А зачем им наши имена... — Вика касается моей руки. — Смотри, упала звезда. Прямо над нами.

— Мы можем пойти и поискать ее, — серьезно говорю я. Вика отвечает не сразу, и я с ужасом понимаю, что сейчас придется вставать.

— Нет, — решает она. — Ты на ногах не держишься, Стрелок. Мы ее поищем утром. Звезда как раз остынет, и можно будет взять ее в руки.

— Утром слишком светло, — замечаю я. — Лучше завтра вечером.

— Ты странный, — тихо говорит девушка. — Хорошо. Поищем завтра.

— Ты находила когда-нибудь упавшую звезду?

Вика молчит, но я чувствую, что она качает головой.

— Виртуальность отняла у нас небо, — шепчу я.

— Ты тоже это понял?

— Конечно. Мир уходит в *глубину*. В отражение реальности. Зачем летать к Луне или Марсу, если *здесь* уже доступны любые планеты? Пропал азарт. Пропал интерес.

— Зато развиваются электронные технологии.

— Разве? «Восьмерка» — это просто очень крутой «686»... — Я намеренно называю «пентиум-про» непринятым именем. — Ничего нового не родилось за последние пять лет. Топчемся на месте.

Вика тихо смеется:

— Господи... спор о развитии технологий... Леонид, ты ведь в борделе.

— Знаю. Тебе неинтересно?

— Интересно. Я... я просто отвыкла от таких разговоров.

Она молчит, потом легонько касается моей щеки губами.

— Спи. У тебя язык заплетается, Леня.

Не спорю. Мне не хочется с ней спорить.

Тем более что она права.

Я закрываю глаза и засыпаю — мгновенно.

110

Я вижу сон. Я часто вижу сны — за день сознание выматывается так, что разгрузка просто необходима. А сны для того и приходят, чтобы спасти нас от обилия впечатлений, досказать несказанное.

Обычно я не запоминаю снов. Лишь сумбурные остатки вертятся в голове, так и не осознанные до конца. Но сейчас сон ярок и впечатывается в сознание. Может быть, потому, что я сплю в виртуальности.

Я стою на сцене, за тяжелыми полотнищами занавесей. На сцене — человек с гитарой, он неподвижен, словно скован невидимыми цепями. Он поет, но до меня не доносится слов. Между нами — *глубина,* ожившая, ставшая прозрачной стеной. И я напрягаюсь, пытаясь шагнуть к нему, разбить стену и услышать слова. Но *глубина* тяжела и упруга, словно резиновая плита. Меня отшвыривает обратно, я падаю на колени, замираю, не в силах пошевелиться.

Певец поворачивает голову, смотрит на меня. Кажется, он начинает петь громче. Но я все равно не слышу. Я скован *глубиной,* спеленут. Я беспомощен.

Певец кивает и отворачивается. Я вдруг понимаю, что это и есть Неудачник из «Лабиринта». Тот, кого я должен спасти... спасти, а не валяться на коленях, под незримой резиновой тяжестью.

Но сил все равно нет.

С противоположного конца сцены, из-за занавеса, появляется еще один человек. Он в маскировочном комбинезоне, с винчестером в руках. Усмехается, глядя на меня, поднимает оружие. Это Алекс.

«Нет!» — кричу я, но звук вязнет в *глубине.*

Алекс стреляет. Пуля пробивает гриф гитары, взвизгивают струны, сворачиваясь упругими кольцами, барьер тишины лопается. Я вскакиваю, тяжесть исчезла, и певец недоуменно смотрит на убитую гитару, Алекс передергивает затвор, а я уже бегу, прыгаю, сбиваю певца с ног, заслоняю собой.

— Я говорил, что сделаю тебя, — произносит Алекс.

Он стреляет, пуля входит мне в грудь, разрывает сердце, проходит насквозь и пронзает певца. Его тело вздрагивает и становится мертвым.

Это значит — все. Значит — я не успел.

Я поднимаюсь, иду на Алекса. Сердце уже не бьется в груди, но что мне до того. Я дайвер. Единственный враг *глубины*, страж между мирами, тот, кто должен был успеть Я привык жить без сердца. Меня так просто не убьешь.

Зал за спиной ревет, аплодирует, свистит, топает ногами.

— Я сделал тебя, — говорит Алекс, опуская винчестер.

Из-за его спины выходит Вика. Протягивает вперед руку — в ладони жирный серый пепел.

— Я нашла ту звезду, — шепчет она. Разжимает ладонь.

Пепел, кружась, стекает на пол.

И тогда я умираю.

Проснувшись, я жадно глотаю воздух. Уже рассвело. Воздух пьяняще свеж. Вика спит, прижавшись к моему плечу, зябко съежившись.

Хороший сон мне приснился.

Как там в анекдоте про Фрейда. «Знаешь, доченька, бывают и просто сны...»

А вообще-то говорят, что спать в виртуальности — плохая примета.

— Вика... — Я трогаю ее за плечо, она вздрагивает, но не просыпается.

Встаю, укрываю ее краем одеяла. Фонарь на траве потух, догорел. Иду в домик.

Он маленький, там всего одна комната — роскошная спальня, ванная, туалет и кухня. Достаю из холодильника сливки, сыр, паштет. Варю кофе на маленькой плите, делаю бутерброды, складываю все на маленький поднос, иду обратно к Вике.

Она еще спит.

Глубина-глубина, я не твой...

Что ж, неплохо отдохнул. Три часа дня.

Я сходил в ванную. Привел себя в порядок, даже зубы почистил, стянув шлем и зажав его под мышкой. Вернувшись в комнату, достал из холодильника банку лимонада, йогурт, кусок колбасы. Дурацкий набор, но какая разница, что я буду есть в реальности? Лишь бы набить желудок.

Та Вика, что на дисплее компьютера, тоже дремлет. Я почувствовал легкий стыд, стыд перед программой, которой изменяю с человеком.

deep

Ввод.

Глажу волосы Вики — почти настоящей Вики. Шепчу:

— Пора вставать...

Она просыпается. Недоуменно смотрит на меня, потом улыбается.

— Спасибо.

— За что?

— Ну... я так здорово отдохнула. Нечасто получается...

— Я принес завтрак, — говорю я.

Это моя обязанность, — с деланным недовольством вздыхает Вика. — Спасибо, Леонид.

Пьем кофе, едим бутерброды. Где-то далеко в лесу звенит птичий голос.

— Мне снился плохой сон, — сообщает Вика.

— Про сцену? — спрашиваю я, и сердце замирает, словно в него вновь вонзается пуля.

— Нет. Словно я нашла упавшую звезду, а она уже догорела. Дотла.

Сердце снова дрожит, отдается в висках, гулко и тоскливо.

Спать в виртуальности — дурная примета.

Какие связи протягивались между нами, уснувшими в *глубине?* Беззвучный шепот и сонные гримасы, напрягшиеся мускулы и качнувшиеся ресницы — все, все переплавлялось в электронные импульсы и уносилось сквозь *глубину.*

Чтобы коснуться той, что была рядом.

Такая же спящая.

Чтобы скользнуть в ее сон.

Плохая примета — спать в *глубине.*

— Мы поищем ее завтра, — говорю я. Вика иронически смотрит на меня. Спрашивает:

— Ты что, племянник миллионера?

Пожимаю плечами.

— Я хочу снова тебя увидеть. Просто увидеть.

Она колеблется, прежде чем спросить:

— Скажи... я не привлекаю тебя?

— Сексуально?

Вика кивает.

— Привлекаешь.

— Тогда... почему?

— Это не должно быть так легко... — Я тоже не сразу нахожу силы закончить: — И не должно быть товаром.

— Леня, ты сходишь с ума.

— Возможно.

— Ты же не знаешь, кто я. Это, — вскидывает она руки к лицу, — маска. Грим. Я могу быть кем угодно.

Молчу. Ты права, права. Я не спорю.

— Я ведь могу быть старухой на самом деле, — беспощадно говорит Вика. — Уродиной. Мужиком-извращенцем. Понимаешь?

Понимаю.

Про мужика, правда, сомнительно...

— Не глупи, Леня. Не влюбляйся в мираж.

— Я просто хочу снова тебя увидеть.

Она решается:

— Зайдешь в «Забавы» и попросишь позвать Вику. Без заказов. Хорошо?

— А Мадам не рассердится?

— Нет.

— Ладно. — Я касаюсь ее руки. — Договорились.

Мы допиваем остатки кофе, доедаем бутерброды. Вика поглядывает на меня, но молчит.

Пусть.

Внутри я ликую. Внутри я собран и деловит.

Я снова двадцатилетний юнец, ухаживающий за капризной ровесницей.

Только, в отличие от юнца, мне не кружит голову мысль о постели.

Мы вместе, обмениваясь ничего не значащими фразами, выходим из сада. Дверь стоит прямо в траве, напоминая сцену из какого-то старого детского фильма. Вика открывает ее, первая выходит в коридор борделя, я — следом.

Тихо и тоскливо.

Посетители не увидят друг друга. Приходи лечиться и зайчонок, и волчица.

— Мне пора, — говорит Вика. — Сейчас сработает мой таймер.

Киваю. Что ж тут не понять, таймер — это святое.

— Спасибо.

— За что?

— За упавшую звезду.

Кажется, она хочет что-то сказать. Но, видимо, ее время и впрямь было на исходе.

Вика тает в воздухе.

— До свидания, — шепчу я. Спускаюсь по лестнице. Охранник в холле уже другой, я подмигиваю ему, не дожидаюсь ответа, иду к входной двери.

— Стрелок!

Оборачиваюсь.

Мадам стоит на верхней площадке, тяжело облокотившись на перила.

— Мне кажется, вы зря пришли к нам, юноша.

— Может быть, — соглашаюсь я. — Но так уж получилось.

Мадам вздыхает и отворачивается. Пусть.

Сегодня мне не нужен «Дип-проводник». Я еще помню маршрут вчерашнего бегства, а выход из «Лабиринта» и входной портал в пяти минутах ходьбы друг от друга. Иду по привычно вечерним улицам Диптауна, оглядываясь в ожидании засады.

Но со вчерашнего дня то ли угас пыл преследователей, то ли поистощились их кошельки.

— Я — Стрелок! — кричу я, входя в алый туман портала. На меня оглядываются, и я смеюсь, вскидывая руки к пронзенной молниями арке. — Я — Стрелок! Стрелок! Стрелок!

111

Сегодня я стал смертью, а смерть стала мной.

Так бывает.

Я иду по уровням «Лабиринта» почти не таясь, отстреливая монстров и обходя других игроков. Игроки тоже меня обходят.

Кроме тех, кто был обижен еще со вчерашнего дня, и тех, кто издавна считает себя героем.

Их я убиваю.

Дважды убивали меня самого. Вначале я теряю все оружие, и меня отбрасывает к началу девятнадцатого, водного уровня. Это сработала целая команда, человек двадцать, не представляю, как серверы «Лабиринта» ухитряются координировать действия такой толпы.

Я обижаюсь и убиваю их всех. Поочередно, отлавливая в болотистых зарослях, затянувших городское водохранилище, ныряя и затаскивая под воду — где мог продержаться куда дольше их, ибо выходил из виртуальности. Последнему — если не ошибаюсь, это был Толик — я перерезаю горло бритвенно-острым листом инопланетной осоки. Это что-то новенькое в программе «Лабиринта» — возможность использовать подручные предметы.

Потом я собираю их снаряжение и иду дальше.

На двадцать четвертом уровне — это мост, отделяющий промышленные районы Сумеречного Города от жилой зоны, меня догоняет Алекс.

Я заканчиваю проходить мост — процедура, требующая скорее чувства равновесия и крепких нервов, чем умения стрелять. К счастью, у меня есть опробованный еще на волосяном мосту «Аль-Кабара» способ.

Взрыв жахает передо мной, когда я спрыгиваю с последней балки, нависшей над пропастью. На мосту расцветает огненная воронка, ударной волной меня швыряет на бетонный парапет.

Алекс стоит у начала этапа. Когда я подношу к глазам бинокль, найденный в главном тайнике на двадцатом уровне, то могу разглядеть его подробно. Снаряжения у Алекса самый минимум — штуцер, гранатомет и пара аптечек.

— Стрелок! — кричит он и машет рукой.

Зарядов у него еще полным-полно, но он не стреляет. И я тоже.

— Я сделаю тебя, парень! — кричит Алекс. — Слышишь? Ты труп!

Он идет за мной с первого уровня — и почти ухитряется догнать. Может быть, он тоже дайвер? Еще один претендент на Медаль Вседозволенности? У меня начинают шалить нервы, я выхожу из *глубины,* ловлю Алекса в сетку прицела и пускаю подряд три ракеты.

Он ухитряется увернуться, и взрывы гремят за его спиной, разнося в клочья какого-то бедолагу, только выходящего на этап. Однако Алекса оглушает, он сидит на корточках, трясет головой, пытается подняться. Я навожу гранатомет, потом опускаю оружие.

Злость проходит.

— Остынь, ламер! — кричу я, закидываю гранатомет за плечи и покидаю уровень. Если он не дайвер, то застрянет на мосту надолго.

На тридцать первом уровне меня берут в оборот монстры. Здесь их сотни две, начиная от тупых и слабых мутантов и кончая летающей, прыгающей, зарывающейся в землю и асфальт нечистью.

Минут семь я стою у начала уровня — в вестибюле небоскреба — и расстреливаю радостно сбегающихся монстров. Кончаются патроны в винчестере, в штуцере, заряды для гранатомета. Я отбрасываю использованное оружие. Меня дважды ранят, приходится использовать несколько аптечек.

Стекло вестибюля трескается, в него всовывается полупрозрачная морда. Монстры продолжают сбегаться.

Я снимаю с плеча плазмоган и открываю огонь. Энергоячеек у меня много, я берег самое мощное из доступного пока оружия.

Уровень пылает.

Синие плети выстрелов рушат этажи вместе с монстрами и другими игроками. Я выжигаю целый квартал.

Монстры затихают.

Я иду сквозь руины.

Несколько атак, уже куда менее массированных.

С уровня я выхожу с пустыми руками. Очень, очень неприятный уровень. Монстрам все равно далеко до людей по сообразительности, как бы ни тужились программисты. Но они давят массой.

На тридцать втором уровне меня мгновенно убивают. У входа стоит паренек с винчестером и расстреливает меня в упор. Боеприпасов нет, я пытаюсь добежать к врагу и забить кастетом, но три пули подряд выбивают из меня остатки жизни.

Начинаю уровень заново. Без брони и с одним пистолетом, как водится.

От ярости у меня темнеет в глазах. Я расстреливаю гаденыша, зигзагом приближаясь к нему, он роняет винчестер и падает навзничь. Начинаю молотить его головой об асфальт, вытрясая при каждом ударе один процент жизни. Он даже не сопротивляется, лишь радостно бормочет.

— Я убил Стрелка! Я убил Стрелка!

Отбираю у него все оружие — жаль, его немного — и ухожу, оставляя полуживого идиота на растерзание монстрам.

К счастью, этот уровень — «магазинная улица» — довольно-таки легкий. Передышка для тех, кто прошел предыдущую мясорубку. Длинные ряды супермаркетов и маленьких магазинчиков... если не забираться в них слишком далеко, то особой опасности нет.

Я добываю штуцер, гранатомет, бронежилет и немного боеприпасов. И, не ввязываясь в стычки, пробираюсь к выходу.

К Неудачнику... будь он проклят.

Когда я вхожу на территорию «Диснейленда» (у нарядных ворот лежит окровавленная детская кукла и горка маленьких костей), то невольно думаю, что Неудачника могли уже и спасти.

Вот это было бы весело.

Но Неудачник на месте.

Я долго осматриваюсь, запоминая обстановку. Когда я в последний раз проходил «Лабиринт», этого парка аттракционов просто не было. Тридцать третий этап был неприятным, но вполне стандартным.

Неудачник, скорчившись, сидит возле оплавленной ограды «Русских горок»... все-таки предпочитаю называть их «Американскими». С одной стороны его прикрывает нарядная будочка с механизмами управления аттракционом, с другой — стена, опоясывающая весь «Диснейленд». Местечко удобное, подойти к нему незамеченным невозможно. Я бы тоже тут отсиживался.

Только не так долго. Не двое суток без малого.

Я иду к Неудачнику — открыто, подняв руки с пустыми ладонями. Неудачник не реагирует. Может быть, спит.

А может быть, умер.

Неприятная штука — смерть в виртуальности. Я видел один такой труп... самое страшное, что он был «живым» — продолжал идти по улице, натыкаясь на прохожих, подрагивая, повторяя последние конвульсии своего незадачливого хозяина. Его отключали вручную, после двухчасового отслеживания входного канала. Мерзкое это дело, идущий по улице мертвец.

Но Неудачник вздрагивает и приподнимает голову.

— Привет! — кричу я. — Hello! Не стреляй! Don't shoot!

Он не отвечает. Но и пистолет с колен не поднимает.

— Я пришел помочь тебе! — Слышу шум за спиной, оборачиваюсь. Какой-то мужик с плазмоганом ошалело смотрит на меня.

Грожу ему пальцем и киваю — проходи.

Уговаривать не приходится. Он узнал Стрелка и не горит желанием соревноваться в меткости.

— Давай поговорим! — подходя к Неудачнику, произношу я. — Хорошо? Я твой друг! Go steady!

Похоже, что ему ничего не хочется. Ни дружить, ни стрелять.

Сажусь рядом с ним на корточки, протягиваю руку и осторожно отбираю пистолет. Неудачник не сопротивляется.

— Ты меня понимаешь? — почти кричу я. И Неудачник снисходит до ответа. Его губы шевелятся, и я скорее угадываю, чем слышу: «Да...»

Уже что-то. Земляк.

— Ты давно здесь? — осторожно спрашиваю я. Интересно, он еще не утратил счет времени?

Кивок. Хоть это он понимает.

— Твой таймер включен?

Ноль реакции.

Трясу его за плечо, повторяю.

— Ты включил таймер? Таймер включен?

Неудачник качает головой. Вот так. Худший вариант. Поворачиваюсь — наверняка Гильермо наблюдает за мной — и кричу.

— Видите? Он сам не выйдет! Отслеживайте канал!

В успех этого мероприятия я все же не очень верю. Значит, придется тащить Неудачника к концу этапа и там уговаривать, заставлять нажать на клавишу выхода.

Впрочем, ничего невозможного в этом нет.

— Сейчас мы встанем и пойдем, — мягко, словно ребенку, говорю я. Впрочем, Неудачник вполне может быть ребенком, дорвавшимся в отсутствие родителей до вожделенной игрушки. Бывало такое. — Ты можешь идти?

Неуверенный кивок.

— Давай передохнем. — Я понимаю, что несу чушь, Неудачник отдыхает уже тридцать с лишним часов, но продол-

жаю: — Отдохнем, поедим, и двинемся вперед. Ничего страшного больше не будет. Я тебя поведу.

Стягиваю шлем-маску, на этом этапе воздух достаточно чист, достаю пакет с едой. Даю Неудачнику здоровенный сандвич и банку лимонада. Виртуальная пища не поможет его телу, но придаст фальшивую бодрость в *глубине*.

Откусываю от своего бутерброда, жую, смотрю на Неудачника. Тот сидит с сандвичем в руках. Да. Тяжко будет.

Пришел бы я на сутки раньше...

— Поешь, — уговариваю я. Протягиваю руку, стаскиваю с него маску. От резины респиратора на лице остается красный овал. А так ничего лицо, нормальное, нестандартное. Светловолосый молодой парень, вот только глаза усталые, потухшие. — Давай! — подбадриваю я.

Он подносит сандвич ко рту, медленно начинает жевать. Вот так. Кусочек за маму, кусочек за папу, кусочек за дядю-дайвера. Может, и впрямь ребенок?

— Меня зовут Стрелок. А как тебя зовут? — спрашиваю я. Неудачник не отвечает, он слишком занят бутербродом. — Сколько тебе лет?

Последний вопрос — серьезное оскорбление. В виртуальности все равны. Если Неудачник имеет хоть небольшой опыт жизни в Диптауне, то непременно ответит... да еще как ответит.

Но он молчит.

Тяжелая мне предстоит работка.

Но ведь и приз меня ждет немалый. Я не променял бы его на заветные полмиллиона «Лабиринта». Медаль Вседозволенности купить невозможно — единственный такой случай немедленно разрушил бы ее ценность.

— Лучше? — спрашиваю я Неудачника. Тот кивает. — Вот и славно. Вставай.

Он послушно встает, я отдаю ему пистолет. На тридцать третьем уровне это оружие чисто символическое, тем более в его руках. Но зато Неудачник почувствует себя увереннее. Очень хочется в это верить.

— А теперь пойдем, — говорю я. — Спокойно, уверенно...

Я идиот.

Я забываю про демона-хватателя, что сидит за углом. Забываю, как Гильермо демонстрировал мне его. Иду вдоль ограды «Американских горок», вышагиваю, как на параде.

И демон радостно хватает меня длиннющей рукой, сгребает, вскидывает вверх. Демон похож на обросший щупальцами пень... от баобаба пень, надо полагать. В центре пня — зубастый рот, из комля растет цепкая семипалая лапа, которая сейчас крутит меня в воздухе, уминает, превращает в аккуратный, на один глоток, мясной шарик.

Пистолет Неудачника шепчет «так-так-так», выпаливая обойму в монстра. Болтаясь в воздухе, я успеваю поразиться его странной стойке — корпус наклонен, плечи отведены назад, пистолет вытянут в левой руке.

Из этого оружия демона не убить.

Но лапа вдруг прекращает ломать мне ребра, ослабевает, и я падаю с трехметровой высоты прямо в жадно раскрытую пасть.

К счастью, монстр уже не умеет жевать и глотать. Выбираюсь из вонючей дыры, стараясь не смотреть на зубки длиной сантиметров в десять. На зубках клочки одежды. Не моей.

Я весь в слюне, и та шипит на бронежилете. Обтираюсь пучками желтой, высохшей травы. Подхожу к Неудачнику. Тот вновь расслаблен, вял и едва жив.

Внешне...

— Спасибо, — бормочу я. Прикладываю к руке аптечку, та щелкает, впрыскивая лекарства, и рассыпается. Крепко меня помяли.

— Не за что, — тихо, но отчетливо говорит Неудачник. Впрочем, это имя уже не слишком с ним вяжется. Уложить демона из пистолета!

Впрочем, теоретически это должно быть возможным. Создатели «Лабиринта» неоднократно заявляли, что любого из монстров можно убить из пистолета или даже кастетом. Теоретически. Если знать одну-единственную на все тело сверхуязвимую точку.

Но я про такие подвиги не слышал.

Скидываю с плеча винтовку, отдаю Неудачнику. Тот меланхолично берет оружие.

Сам я вооружаюсь гранатометом. Там всего четыре заряда, но мы сейчас попробуем раздобыть еще.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я.

Ответа нет.

Ну и черт с тобой. Будешь Неудачником.

* * *

«Диснейленд» сделан великолепно. Не знаю, копирует ли он какой-нибудь реальный парк или воплощает фантазию геймдизайнеров. Но уж монстры, катающиеся на колесе обозрения и перебрасывающиеся огненными шариками, словно снежками, явно родились в чьем-то больном воображении. Зрелище столь занимательно, что я пару минут смотрю на него, прежде чем пустить ракету в ось колеса. Взрыв, и оно медленно заваливается набок. Обломки взлетают метров на двадцать.

Искоса поглядываю на Неудачника — оценит ли тот зрелище?

Ни фига подобного...

— Пошли, — бросаю я. Кажется, уже начинаю привыкать к своему молчаливому спутнику.

Мы проходим мимо водных аттракционов. Вместо воды в бассейнах — кровь. Часть механических лодочек, скользящих по алой глади, заполнены сидящими скелетами, часть — пусты. При движении раздается противный тонкий скрип — механизмы не были приспособлены для работы в *такой* жидкости.

Отвратительно.

А вот целая семейка мутантов — двое взрослых и трое маленьких в цветастых платьицах, расположившиеся на пикник. На маленькой газовой плитке они жарят кусок ноги в кожаном ботинке. Трачу еще одну ракету.

Они даже не пытаются разбежаться. Это не боевые чудовища, они созданы лишь для нагнетания кошмара.

Найти бы того, кто делал всю эту мерзость, и надавать по морде. Не в виртуальности.

— Нам немного осталось, — говорю я Неудачнику. — Ты хорошо держишься.

Он кивает, словно бы с легкой благодарностью. И чего дайверы «Лабиринта» так долго возились? Парень прекрасно идет.

Мы вдвоем отбиваем атаку целой стаи мелких летающих монстров. Неудачник стреляет скупо и метко, кожистые крылья подламываются, неуклюжие тела падают и лопаются.

— Пошли, — говорю я.

Лишь у огромного бетонного поля, по которому медленно скользят разноцветные машинки, возникает заминка.

В одной из машинок — ребенок. Маленький темнокожий мальчик. Он рулит, уворачиваясь от трех мутантов, со скреже-

щущим смехом гоняющих его по всему полю. Один раз малыш проезжает рядом с оградой, окидывая нас безумным от страха взглядом.

Неудачник поднимает винтовку.

— Это не игрок, — устало объясняю я. — Это часть программы. Призовые очки. Спасаешь ребенка, отводишь в безопасное место, там находишь какое-нибудь оружие или броню. Пошли, нечего время тратить.

Но Неудачник, наверное, утратил связь с реальностью основательно. Он начинает палить. Три выстрела — три мутанта. Они пытаются отбиться, мечут в нас огненные шары, но Неудачник быстрее и точнее.

На звуки перестрелки откуда-то выползает исполинский паук и начинает поливать нас очередями из вросшего в морду пулемета. Мне приходится вмешаться. Две ракеты — коту под хвост... точнее, пауку под жвалы. Наступает тишина, лишь выбравшийся из машинки ребенок плачет, сидя на корточках.

— Пошли, — решаю я. Теперь уж придется отвести ребенка в укрытие и получить честно заработанную амуницию.

Мы перебираемся через разорванную пулеметным огнем изгородь, идем к мальчику. Я чуть отстаю, ковыряю ногой остатки паука, прикидывая, не удастся ли приспособить его пулемет к огню с руки.

Слизь, хитин и осколки железа. Искать нечего.

Неудачник подходит ко мне, бережно держа малыша на руках. И я невольно проникаюсь к нему симпатией. Он дурак, он отключил таймер и заблудился в *глубине,* но он все-таки неплохой человек.

— Где твои родители? — спрашиваю я мальчика, в надежде, что программка не очень сложная и не потребуется тратить время на уговоры и заботу. Мальчик молча тычет рукой в здание поодаль. Ну слава богу...

Идем к зданию, я держу гранатомет на изготовку, ибо Неудачник небоеспособен.

Входная дверь меня настораживает. Она сорвана с петель и скрипит, хоть ветра и нет. За ней — темнота. Окна в здании поросли изнутри синим мхом.

— Там? — уточняю я. Мальчик кивает.

Заношу ногу над порогом.

— Простите... — отчетливо шепчет малыш, — они сказали, отпустят маму, если я...

В последнее мгновение я успеваю отпрыгнуть назад, и струя огня проходит мимо. Внутри здания что-то грузно шевелится и тяжело перекатывается по полу. Выпускаю в проем свою последнюю гранату.

Взрыв, но звуки только становятся громче. Малыш ревет, вырывается из рук Неудачника. Тот пытается удержать его, но ребенок царапает его по лицу, выскальзывает и бросается в дверь.

— Мамочка! — слышится его тонкий крик. Потом что-то гулко чавкает и наступает тишина.

— Вот так сходили за пивом... — говорю я, хватая Неудачника за плечо и оттягивая от здания. Он, похоже, готов броситься вслед за мальчиком, прямо в гостеприимную пасть неведомого чудища.

— Почему? — шепчет Неудачник, поворачиваясь ко мне. — Почему он так поступил?

Объяснять ему логику создателей уровня бесполезно. Он явно принимает происходящее всерьез.

— Мальчика заставили заманивать проходящих в засаду, — говорю я. — Угрожали убить его маму. Вот он и подчинился.

Неудачник молчит, словно обдумывая мои слова. Потом спрашивает.

— А зачем он побежал в дверь?

По крайней мере мой подопечный немного разговорился.

— Испугался за свою мать.

— Надо им помочь, — беря винтовку поудобнее, говорит Неудачник. Он явно готов лезть к черту в пасть.

— Они уже мертвы! — кричу я. — Они погибли, поверь мне!

Он верит и опускает оружие. Слава богу, по крайней мере он не требует отомстить за несчастного ребенка.

Мы идем дальше.

У меня пустой гранатомет, у Неудачника винтовка с десятком патронов. Хорошо мы снаряжены. Чудесная прогулка. А когда я замечаю краем глаза, что метрах в ста стоит человек, наблюдая за нами, настроение у меня окончательно портится.

— Сними его, — командую я. Неудачник недоуменно поворачивается ко мне.

— Зачем?

Правильно. Если он верит в происходящее, то стрелять по людям не станет. Славный он человек.

— Дай оружие! — требую я, вглядываясь в незнакомца. Алекс или нет? Эх, где мой бинокль...

— Не дам! — твердо говорит Неудачник и прячет оружие за спину.

Даже спорить не хочется. Стою, вглядываясь в чужака. А тот тоже изучает нас, потом делает шаг за угол здания и исчезает из виду.

Вроде бы не Алекс.

— Идем, горе ты мое, — говорю я.

Через полчаса наше положение немного улучшается. Багровые облака в небе расходятся, обнажая свирепое южное солнце. Мы почти у выхода из «Диснейленда», Неудачник ухитрился отбить нападение двух паукообразных монстров, я нахожу заряды к гранатомету и плазмоган с одной энергетической ячейкой. Жить становится веселее.

Мы делаем привал в тени разрушенной пиццерии.

На этот раз Неудачника не приходится уговаривать поесть. Он сосредоточенно жует последний сандвич, я наблюдаю за ним. Мне еда не нужна, но мог бы и предложить, поделиться, ламер...

— Почему ты хотел убить того человека? — спрашивает Неудачник.

Говорить ему, что нам пригодилось бы чужое снаряжение, я не решаюсь.

— Он мог напасть на нас..

— Нет. Дик хороший.

— Дик?

— Да. Он пробовал мне помочь. Сегодня утром.

Мозги у меня скрипят от натуги.

Значит, за нами следит один из дайверов «Лабиринта»? Не вмешиваясь, не предлагая помощи, но и не мешая.

Странно все это.

— Анатоль тоже хороший? — кидаю я пробный шар.

Неудачник энергично мотает головой. Но объяснять причины своей неприязни ко второму дайверу не пытается.

— А я? — Мне становится интересно. Неудачник перестает жевать. Думает.

— Еще не знаю, — выносит он заключение. Потом извиняющимся тоном добавляет: — Скорее хороший.

Завязавшуюся беседу прерывать не стоит. Я осторожно беру Неудачника за руку и говорю:

— Ты понимаешь, что вокруг — виртуальная реальность?

— Да.

Прекрасно. Это уже половина дела!

— Парень... как тебя звать?

— Я не могу сказать, — с явным сожалением признается Неудачник.

— Ты уверен?

— Не могу.

— Парень, ты находишься в виртуальности уже сутки с половиной. Это много, очень много. Твое тело устало, ему нужен отдых, пища, вода...

Надеюсь, что мой голос звучит вкрадчиво, как у гипнотизера...

— Мне надо выйти, — соглашается Неудачник.

— Я тебе помогу, — вновь обещаю я. — Мы уже рядом. Но если что-то сорвется, то проще будет помочь тебе другим способом.

Неудачник заглатывает остатки сандвича и вопросительно смотрит на меня.

— Скажи свой сетевой адрес, — прошу я. — «Лабиринт» сообщит твоим провайдерам, они пошлют человека, и тот выведет тебя из *глубины* вручную. В этом нет ничего постыдного, клянусь. Такое со всеми случается.

— Нет, это невозможно.

— Послушай меня... если ты так стесняешься случившегося или боишься... я сам приеду к тебе. Где бы ты ни был. Я частное лицо. Мне плевать на «Лабиринт». Я просто хочу решить твою проблему! Веришь?

— Верю.

— Тогда говори адрес... — На мгновение мне кажется, что я победил. Я действительно готов выскочить из *глубины,* купить билет на самолет и отправиться домой к Неудачнику. Хоть на Сахалин, хоть в Магадан.

— Нет.

Я с досады бью рукой по стене и отшибаю костяшки пальцев. Командую:

— Тогда вставай!

Выход из «Диснейленда» устроен внутри зеркального лабиринта. Лабиринт в «Лабиринте»... у меня вдруг начинает кружиться голова, когда я представляю себе эту матрешку из виртуальных пространств.

— Значит, так... — говорю я, когда мы проходим мимо превратившегося в каменную статую усатого старичка со стопкой каких-то рекламных листков в гранитных пальцах. Старичок печально наблюдает за выходящими с уровня игроками. — Я пойду впереди. Держись вплотную за мной, хорошо? И старайся заметить врага первым. Глаз у тебя зоркий.

— Хорошо, — говорит Неудачник.

Мы входим в зеркальный лабиринт. Вначале это просто коридор, выложенный зеркалами. Потом он начинает ветвиться, перемежаться колоннами, и я напрочь теряю ориентировку. Вокруг меня — десять пар дайверов и Неудачников. Мир дробится, кружится, плывет.

Черт.

В настоящих зеркальных лабиринтах, которые так любят показывать в дешевых фантастических киносказках, все совсем не так. Реальность и иллюзию не спутаешь, как бы ни старались режиссеры.

Здесь различия нет.

Я подумываю, не выйти ли мне из *глубины*. Впрочем, толку от этого не будет. Подробная иллюзия сменится схематичной, вот и все.

— Неудачник, осторожно! — предупреждаю я, машинально называя его придуманным Гильермо прозвищем. Неудачник не протестует.

Мы блуждаем по зеркальному лабиринту минут двадцать и наконец выходим в большой зал.

Тоже зеркальный. Тринадцатигранная призма.

Вдоль граней-стен стоят компьютеры. Выход!

А под потолком — балкончики, на которых парами стоят монстры. Таких я еще не видел — огромные выпуклые глаза, длинные руки, цепко сжимающие винтовки, чешуйчатое тело. В остальном — вполне человекообразные.

— Назад! — кричу я. И Неудачник вроде бы дергается, стремясь отпрыгнуть назад, в зеркальный проход. Но тут монстры начинают палить.

Пули буравят зеркальный пол, острые иглы вонзаются в мое тело. Я палю наугад — в один из балкончиков, понимая, что лишь один из них настоящий, а все остальные — отражения.

Огненный смерч, зеркальный зал заволакивает дымом.

Гремят выстрелы. Меня ранят в правую руку, я дергаюсь от боли, перебрасываю тяжеленную трубу гранатомета на левое плечо. Нет даже времени на выход из виртуальности.

И Неудачник бросается обратно.

Мы стоим плечо к плечу, стреляя в проклятые зеркала, и те разлетаются с насмешливым звоном. Меня ранят еще раз, я кричу, но продолжаю стрелять.

Последняя граната тоже не находит цели, я кидаю гранатомет вверх, в один из трех уцелевших балкончиков, попадаю — стекло!.. сдергиваю плазмоган и делаю непростой выбор между двумя последними целями.

Неправильный выбор.

Синяя огненная плеть хлещет в мутнеющее зеркало.

Энергоячейка пуста.

Один из монстров мертв, то ли его зацепило разрядом, то ли изрезало осколками зеркал. Но второй продолжает стрелять. Его винтовка нацелена в меня, он нажимает на спуск.

Неудачник заслоняет меня собой.

В него входит целая очередь, и он оседает. Монстр перезаряжает винтовку, ловко, сноровисто... а я стою, оцепенев, не в силах осознать случившееся.

Да и нечем мне ответить, нечем стрелять.

Выстрел бьет над самым плечом, оглушая. Огненный шар полыхает на балкончике, сжигая дотла монстра, выплескивая цепкие плети разрядов во все стороны — пытаясь найти еще какую-нибудь цель.

«BFG-9000».

Оружие, которое я так и не смог раздобыть в своем торопливом беге по уровням.

Я даже не смотрю, кто стрелял. Наклоняюсь к Неудачнику.

Его лицо — кровавая маска, грудь разворочена пулями, но он еще жив — пять прощальных секунд дарованных игрой...

— Отражение... — шепчет он.

Я стираю ладонью кровь с его лица, поднимаюсь.

За мной стоит рослый мужчина в полном броневом костюме, увешанный оружием, как новогодняя елка игрушка-

ми. Лицо сухо и спокойно, дыхательный фильтр втянут на подбородок.

— Трудно убивать эскорт-гвардейцев Принца Пришельцев, — говорит он. Голос тих, но под сдержанностью чувствуются кипящие эмоции.

— Ты дайвер... — шепчу я.

— Ты тоже.

На человека, который следил за нами, гигант в броне не похож.

— Анатоль?

Он кивает, и я вспоминаю о правилах вежливости из кодекса дайверов.

— Леонид, — представляюсь я.

Дайвер «Лабиринта» кивает, закидывает громоздкий «BFG-9000» на плечо. Наверное, мы встречались на какой-то сходке. Просто он был в другом теле — впрочем, как и я. Анатоль подходит к телу Неудачника, смотрит ему в лицо, кивает:

— Как всегда.

Он легонько пинает его ногой, словно убеждаясь, что Неудачник и впрямь мертв.

И тогда я бью его по лицу. Бью так сильно, что Анатоль отлетает к стене.

1000

Нас разнимает Дик, второй дайвер «Лабиринта», тот, кого Неудачник назвал хорошим человеком.

Мы деремся минут пять, не стремясь убить друг друга, просто вымещая ярость и ненависть. Дик просовывает между нашими сплетенными телами ствол своего «BFG-9000» и негромко сообщает:

— Еще три удара — и я стреляю.

Анатоль скашивает на него глаза, отлипает и коротко бьет меня под ребра. Я перевожу дыхание и пинаю его в пах. Теперь очередь Анатоля корчиться от боли.

Дик невозмутимо ждет третьего удара. Но мы стоим по стойке смирно.

— Хорошо, — решает Дик, опуская оружие. Он говорит по-русски, очень чисто и почти без акцента. — Д-дайверы... вашу мать.

— Этот придурочный ламер... — шипит Анатоль. — Этот козел...

— Остынь, — советует Дик. — Он хорошо шел, я смотрел. Не всегда честно, но всегда хорошо.

Дик невысокий, худой, гибкий. Но в этой паре он главный. Анатоль замолкает, начинает стирать кровь с лица.

Я предаюсь тому же занятию.

— Ты хорошо играл, — говорит Дик. — Но все непросто.

— Это я понял, — отводя взгляд от тела Неудачника, соглашаюсь я. — Что происходит?

— Объясни, Ан, — бросает Дик и садится на закопченное, битое зеркало пола.

Анатоль морщится, словно ему велели съесть пригоршню пиявок. Но подчиняется.

— Ты что, чудик, думал, мы здесь дурака валяем? — спрашивает он.

— Тебе виднее, — огрызаюсь я.

— Мы его каждый час водим! — вопит Анатоль. — Я семь раз его вел! Дик — восемь! Понимаешь, дубина? Мы тут каждый угол знаем! Нюхом чуем, когда что меняется! Понимаешь?

Я начинаю понимать.

— Гильермо тебе сказал, что мы пытаемся вытащить парня? — скучным голосом спрашивает Дик.

— Да... — Я хлюпаю разбитым носом.

— Прекрасно! — оживляется Дик. — Так какого... — Он глотает ругательство и устало машет рукой.

— Кто он тебе? — набычившись спрашивает Анатоль.

— Кто?

— Неудачник! — вопит Анатоль. Явно собирается пнуть тело в иллюстрацию своих слов, но вовремя останавливается. — Сват, брат? Кто он? Ты что, без бабок сидишь, что нашу работу взялся делать?

— Видно, как вы ее делаете!

— Анатоль верно спросил, — замечает Дик. — Кто он тебе?

— Никто.

— Парень, если ты знаешь его адрес, то лучше вытаскивать Неудачника ручками.

— Я не знаю его адреса, — говорю я. — Можешь поверить? Это просто клиент. Мне поручили его спасти.

— Кто?

— Тоже не знаю. У заказчика не было лица.

Я слежу за их реакцией, но ее нет. Мою фразу о Человеке Без Лица они восприняли как красивость речи.

— Час от часу не лучше, — говорит Дик.

— Легче, — автоматически поправляет его Анатоль. — Час от часу не легче.

— Спасибо. — Дик косится на меня. — Парень, как тебя зовут?

— Леонид. Леня.

Дик кивает:

— Ты меня знаешь под именем Крейзи Тоссер.

Я хлопаю глазами. Крейзи Тоссер — один из старейших и уважаемых дайверов. Пожилой веселый толстяк... в таком облике он является на сходки.

Вот где Крейзи зарабатывает себе на пропитание...

— Ребята, я не собираюсь отбивать у вас хлеб, — говорю я. — У меня конкретный заказ — спасти Неудачника. Я не мог отказаться.

Оба дайвера разом смягчаются. Похоже, вчерашний шум и мое стремительное путешествие сквозь уровни «Лабиринта» нагнало на них какие-то конкретные опасения.

— Ты думер, верно? — спрашивает Анатоль. — Еще из старых...

— Да.

— Ну... ты нормально шел... — отворачиваясь, говорит Анатоль. — Я слышал рассказы. Даже если половина — гонево, все равно...

— Спасибо, — бросаю я. Доброе слово, оно и чайнику приятно.

— Неудачника невозможно спасти, — говорит Дик.

— Что? — теряюсь я.

— Невозможно.

— Дик у нас фаталист, — усмехается Анатоль. — Ладно. Садись, я объясню.

Мы усаживаемся вокруг тела Неудачника, и Анатоль начинает рассказ. Я слушаю, отстраняясь от деталей и запоминая основные факты.

Неудачник не говорит своего имени и адреса.

Неудачник — великолепный стрелок... и будь он чуть удачливее, то прошел бы «Лабиринт» за сутки, сорвав все призы.

Неудачник никогда не стреляет в игроков.

— Что? — переспрашиваю я.

— То. Он не стреляет в игроков. Монстров бьет влет, — бурчит Анатоль. — Смотреть завидно. А в людей ни разу не выстрелил. Когда я его тащил во второй раз, то на этом и прокололся. Был уверен, что он поможет...

— Он «плывет»... — говорю я. — Считает происходящее реальностью... нет! Нет, он же сам мне сказал, что вокруг виртуальность!

— Ага, — соглашается Анатоль. — Ориентировку он не потерял. Но с человеколюбием у него заскок.

— Верующий? — предполагаю я. — Пацифист?

Анатоль лишь пожимает плечами.

— Значит — его каждый раз убивали игроки?

— Его убивала судьба, — вступает в разговор Дик. — Его убивали игроки, монстры, обвалившийся потолок, рикошет, он тонул в расплавленном асфальте и падал с высоты. Пятнадцать смертей, все разные.

— Так не бывает, — замечаю я. — Разве что он сам этого добивается.

— Если он самоубийца, то очень-очень хитрый, — не соглашается Дик. — Все выглядит случайностью. Только их слишком много, случайностей.

— Дик считает, что это его карма, — говорит Анатоль. — Чем-то он заслужил такую участь. И что бы мы ни делали, вытащить его невозможно.

— Крейзи, это чушь, — говорю я. Дик лишь улыбается. — Ребята, неужели нет способов отключить игрока принудительно? Не зная его адреса?

Дайверы «Лабиринта» переглядываются.

— Не темните, — прошу я. — Дело серьезное.

— Способ был, — признает Дик. — Анатоль его попробовал.

Смотрю на Анатоля, ожидая разъяснений.

— Тринадцатикратная смерть, — неохотно говорит тот. — Если игрок гибнет тринадцать раз подряд с интервалом менее пяти минут, то программа его вышвыривает без объяснения причин. Это барьер для абсолютных бездарностей.

Я еще не понимаю.

— Сегодня утром я попробовал этот способ, — говорит Анатоль. — Не стал тащить Неудачника через уровень, а прос-

то стал у начала и принялся его убивать. Тринадцать раз подряд. Потом еще два раза, решил, что в счете сбился. И — ничего!

— Стоп! — кричит Дик, вскакивая. — Леонид, еще шаг — и я убью тебя. Это игра! Понимаешь?

Отступаю от Анатоля. Дик прав, нельзя мерить происходящее в «Лабиринте» мерками реального мира или даже Диптауна. Это *глубина* в *глубине*.

— Как он себя вел? — спрашиваю я.

— Я ему все объяснил вначале! — Анатоль тоже на взводе. — Не думай, что мне это в кайф! Все объяснил, стрелял из винчестера в голову! Думал, может, хоть сопротивляться начнет! А он вначале пытался убегать, потом просто сидел и ждал!

Теперь понятно, почему Неудачник такого мнения о нем.

— Леонид, это игра, — повторяет Дик. — На семнадцатом уровне, чтобы пройти, тебе нужно было расстрелять мальчика, привязанного к двери туннеля. Ты сделал это?

Конечно, сделал... Его невозможно было отвязать.

— Это была лишь программа, Дик. Рисунок и звуковой файл. Она мешала пройти к живому человеку.

— А сколько людей ты расстрелял в первый день, зарабатывая репутацию? — кричит Анатоль. — И не говори о честном поединке! Ты думер старой школы, ты дайвер! Все герои «Лабиринта» не имеют и половины твоих возможностей в поединке! Ты можешь выскочить из *глубины* и не чувствовать боли! Стрелять как в тире! Пройти по проволоке, как канатоходец!

Он замолкает, хмурится.

— «Аль-Кабар» — твоя работа?

Киваю.

— Красиво... — Анатоль остывает так же быстро, как и заводится. — В общем, так, Леонид. Мы тебе мешать не будем. Пробуй. Но на нас не отвязывайся! Мы свою работу делаем.

— И сейчас наша очередь, — добавляет Дик. — Приходи через шесть часов. Если за этот срок мы не вытащим парня, то снова будет твоя очередь.

Я не спорю. Они хозяева, я гость.

Поднимаюсь, иду к компьютеру у стены.

— Эй, Леонид! — кричит вслед Анатоль. — Знаешь, почему ты не мог убить эскорт-гвардейцев сразу?

Качаю головой.

— Программы тоже умеют жульничать. Куда бы ты ни стрелял, правильным выстрелом будет последний.

Что ж, спасибо за информацию... Касаюсь клавиатуры, записываюсь.

— Через шесть часов, — говорит вслед Дик. — Не раньше!

1001

На этот раз народу в колонном зале меньше. И все же человек десять стоит, потягивая пиво и явно дожидаясь меня.

Иду мимо.

— Стрелок!

Оборачиваюсь. Двое незнакомых ребят и длинноволосая девчонка идут ко мне.

— Я — Стрелок, — соглашаюсь я.

— Кто ты? — спрашивает сутулый очкарик. Многие берут такие невоинственные внешности, усыпляя бдительность соперников.

Разборок со стрельбой, похоже, не будет. Ну и хорошо. Вчера все кипели, но за сутки головы поостыли.

— Это неважно.

— Стрелок, чего ты добиваешься? — вступает в разговор девушка. — Ты просто играешь?

— Нет.

— Тогда что тебе нужно? Тебя весь день видели на тридцать третьем уровне. Ты что, застрял?

— Нет.

Делегация топчется на месте, потом парень в очках поднимает руки:

— Мир, Стрелок?

— Мир, — недоуменно отвечаю я.

— Ребята боятся идти сквозь тридцать третий, — поясняет он. — На тридцать втором полсотни человек скопилось. Стрелок, если ты не будешь вести отстрел игроков, то тебя тоже не тронут. А иначе — объявляется большая охота. И не только в Сумеречном Городе.

— Хорошо, — соглашаюсь я. — Только одно условие... на самом начале уровня сидит паренек с пистолетом. Его тоже не трогать.

Очкарик и девушка переглядываются.

— По рукам, Стрелок.

Мы жмем друг другу руки.

— Пошли в «BFG»? — предлагает девушка.

Договора положено скреплять пивом. А у меня шесть свободных часов. Я киваю. Остаток делегации подтягивается к нам, и мы тесной группой выползаем из колонного зала. Оглядываюсь — Алекса среди моих спутников нет, или он прячется в другом теле.

— Ребята, если кто-то нарушит уговор и нападет на меня...

— Это будут его и твои проблемы, — подтверждает очкарик.

— Прекрасно.

— Стрелок, ты думер? — спрашивает девчонка.

— Да.

— Небось еще на «тройках» играл?

— На «двойках».

— В «Doom»? — иронически спрашивает очкарик.

— Нет, конечно. В «Волчье логово».

Народ одобрительно шумит. Про самую примитивную из трехмерных игр большинство только слышало.

— Между прочим, — говорит девчонка, — я недавно с пареньком познакомилась, он на «тройке» в Диптаун влез.

— Что? — очкарик поражен.

— Что слышал. Без шлема и костюма, всухую. Говорил, что он сержант срочной службы. Сидит где-то в тундре на станции космической связи. У них там оборудование — хоть в музей сдавай. Но выход на «Интернет» есть, через какую-то военную локалку. Он на «386-DX40» загнал дип-программу, влез через какой-то гейт в Диптаун и пошел по городу шататься. Я его по походке заметила, дерганая такая, сразу видно — модем паршивый.

— Гонит, — качает головой очкарик. — На «тройке» в виртуальность не войдешь.

— Почему? Если с «сопром», то вполне! — возражает кто-то.

Начинается долгий спор, можно ли войти в виртуальность на «IBM-386» и поможет ли в этом процессе математический сопроцессор — «сопр». Я не вмешиваюсь, слушаю, хоть и знаю ответ.

Можно.

Я сам с «тройки» начинал. Тоже без шлема и костюма, как гипотетический солдатик, выбравшийся в самую необычную из всех самоволок в истории.

Но такой информацией не разбрасываются.

За разговором мы подходим к «BFG-9000». Это мрачноватое здание, выдержанное в стиле «Лабиринта», или, точнее, его предтечи — игры «Doom». У тяжелых железных дверей стоят два монстра в ливреях, и я машинально дергаю плечом, пытаясь сбросить в руки несуществующую уже винтовку. Самое смешное, что мой жест повторяют еще несколько человек.

Игры в «Лабиринте» даром не проходят.

Расталкивая монстров-швейцаров, вваливаемся в ресторанчик. Интерьер знаком до боли — это последний уровень игры «Doom-2». Огромный зал, половина залита мерцающей зеленой жидкостью, половина представляет собой каменную террасу, на которой и расставлены столики. На стене над зеленкой — морда чудовищного демона, изо лба которого периодически вылетают вращающиеся кубики. Над террасой кубики лопаются, из них вылупляется какой-нибудь монстр и несколько секунд бродит между столиками, прежде чем исчезнуть. На них внимания не обращают, в отличие от игры здесь они бесплотны и безопасны.

— Простые были уровни, — бросает какой-то парнишка из нашей группы. Я молчу. Его бы на этот уровень, даже без всякой виртуальности. Посмотрел бы я на подвиги юного поколения. Единицам удавалось пройти последний уровень честно, не вводя в игру код бессмертия.

Мы садимся рядом с зеленкой, сдвигая несколько столиков. Приближается официант — тоже монстр, летающий алый шар с выпученными глазами.

— Пива! — требует очкарик. — Фирменного, всем! Я плачу.

Монстр раскрывает рот, и я машинально уклоняюсь. Но из пасти вылетают не огнедышащие черепа, как в игре, а запотевшие кружки с пивом.

Двое идиотов смеются надо мной. Остальные понимающе переглядываются.

Чем простой человек отличается от думера? Думер за угол не заходит, а вначале заглядывает.

Думер думера видит издалека. У старых игроков моя реакция удивления не вызывает.

Сдвигаем кружки.

— За перемирие! — провозглашает очкарик. — Между Стрелком — и всеми нами!

Пиво густое, темное, не «Гиннесс», но что-то похожее. И очень крепкое.

Интересно, каким чудом владельцы ресторана ухитрились придать несуществующему пиву такой вид, что оно воспринимается как крепкое?

— Дамир, — представляется очкарик.

— Стрелок.

Дамир кивает, смиряясь с тем, что я не сниму маску. Почему-то мне кажется, что его внешность — прямая противоположность реальному облику. Он, наверное, высокий и крепкий.

Обычное дело — маскировка наоборот. Я читал пару психологических исследований *глубины,* где сообщалось, что данный метод используется в двух третях случаев.

— Почему ты раньше не появлялся в «Лабиринте»? — интересуется Дамир.

— Неинтересно, — признаюсь я.

Дамир воспринимает мою фразу спокойно, а молодняк начинает хмуриться.

— Ты не был на московском турнире думеров в девяносто седьмом? — интересуется Дамир.

— Нет.

— Все равно мне твоя манера знакома, — решает Дамир.

Сидим, пьем пиво. Честно говоря, я очень рад, что постоянные игроки «Лабиринта» пошли на перемирие. Если бы на меня навалилась настоящая толпа, все способности дайвера не спасли бы.

Между тем зал оживляется. Откуда-то появляется парень с гитарой, смуглый, длинноволосый. Смущенно улыбается, машет рукой, ступает на зеленку. Жидкость шипит под его ногами. Парень проходит в центр зеленой зоны, садится на стул, стоящий на маленьком бетонном пятачке, начинает неторопливо настраивать гитару. Я тоже машу ему рукой, хоть он никак не узнает меня в облике Стрелка. Это личность в *глубине* легендарная, один из хакеров старой школы, к тому же — бард. Давно мы не пересекались. Обычно он выступает в «Трех поросятах», где, по слухам, даже имеет маленький пай. К «Лабиринту» он вообще равнодушен, и то, что его занесло сюда, — редкая удача. Парень смахивает волосы со лба и начинает петь:

Промозгло, сыро, какая прелесть,
Какая слякоть, какой туман!
А я улыбаюсь, чему — бог невесть,
Я, как и город, туманом пьян.

Девчонка похлопывает рукой по столу, отбивая такт, пиво льется рекой. Я знакомлюсь со всей компанией, на всякий случай заставляя Вику запомнить лица и имена. Под шумок один из парней долго жмет мне руку и лепит на плечо простенький маркер. Делаю вид, что не замечаю. В порыве чувств обнимаю паренька в ответ и перекидываю маркер на него.

Пускай поотслеживает, ламер.

Бреду в тумане, как в океане,
Я, может, лодка, а может, кит
А может, просто нечто с глазами
В деревьях-водорослях скользит...

Веселье в полном разгаре. Все довольны, включая хитроумного ламера.

Я звуков не знаю, я их не помню,
Слова забыты, к чему слова.
Я этим туманом себя наполню,
Если вместит моя голова.

Я уже наполнен хмельным туманом. Встаю, улыбаюсь игрокам.

— Мне пора.

Никто не спрашивает почему, никто не уговаривает остаться. Пребывание в *глубине* — развлечение платное. Пробираюсь между столиками, над головой шипят иллюзорные кубики, раскрываясь, выплевывая монстров. Делаю усилие, чтобы не уворачиваться.

У меня есть еще часов пять. Сейчас дайверы «Лабиринта» возятся с Неудачником. Но почему-то я уверен, что у них ничего не выйдет.

Сворачиваю в переулок, останавливаюсь.

Глубина-глубина, я не твой...

Первым делом, сняв шлем, я открыл холодильник. Достал лимонад, колбасу, коробочку йогурта. Надо пообедать.

На экране все нормально. Стрелок стоит, привалившись к стене, редкие прохожие не обращают на него внимания. Вон какой-то типчик юркнул в двери «Всяких причуд».

— Только не к Вике! — сказал я ему вслед.

— Я не поняла, Леня, — отозвалась «Виндоус-Хоум».

— Ничего, — отводя глаза, ответил я. — Все в порядке.

Мне вдруг стало не по себе. Вдруг к Вике — той, виртуальной, кто-то пришел? Я представил себя, учиняющего разборки в несуществующем борделе, и улыбнулся.

Но все же стал есть куда торопливее.

— Леня, — сказала «Виндоус-Хоум». — Я должна сделать тебе ежемесячные напоминания.

— Валяй, — буркнул я.

— Позвонить родителям, — укоризненно произнесла Вика. — Я могу набрать номер, но это потребует освобождения телефонной линии...

— Нет.

Нехорошо, конечно, но лучше позвоню вечером.

— Оплатить коммунальные счета...

Да, с этим тянуть тоже не следует. Отключат телефон в самый неподходящий момент...

— Спасибо.

— Убрать в квартире.

Я быстро оглянулся. Да, пол вымыть следует. И пыль бы стереть. Батарею, с ржавым потеком, покрасить.

— Спасибо, Вика, принято.

— Кроме того, в очередной раз обращаю твое внимание, что уровень поставленных передо мной задач не всегда соответствует объему оперативной памяти...

— Утихни.

Я положил ладони на клавиатуру, локтем скинул пустую коробочку из-под йогурта, чтобы не мешала.

deep

Ввод.

Отлепившись от стены, я вхожу в стеклянные двери борделя.

И Мадам выходит навстречу:

— Вы сегодня рано, Стрелок.

— Зато ненадолго.

Мадам улыбается, протягивает руку, касается моей щеки.

— Только не морочьте голову девочкам, Стрелок.

— Я постараюсь, — голосом послушного мальчика говорю я.

Мадам кивает, без особой уверенности. Поворачивается к охраннику:

— Проводи его в служебные помещения. К Вике.

— Спасибо! — от души говорю я. Мадам устало отмахивается и идет к лестнице на второй этаж. А охранник кивает на маленькую дверь, рядом с которой стоит.

С некоторым смущением я иду за ним.

Прямо в сердце борделя.

Чистенький коридор, за окнами — летний лес, река и яркое солнце. Ага, а ведь Мадам говорила, что у них всегда вечер. Хочется солнышка, никуда не деться.

Вдоль коридора — двери, на них нет номеров или имен, зато налеплены картинки. Кошечки, щенки, мышата, зайчата. Это немножко напоминает детский садик. Но из одной двери вдруг высовывается полуодетая блондинка, ойкает, картинно прикрывает грудь руками и заскакивает обратно.

Стараюсь идти с каменной физиономией. За дверями шорохи, когда я прохожу мимо, слышится легкий шум. Знаю, что если обернусь, то увижу десяток любопытствующих лиц, выглядывающих в коридор.

Поэтому не оборачиваюсь.

Охранник останавливается у двери, на которой висит фотография задумчивого черного котенка. Стучит.

— Да? — слышится в ответ, и я вздрагиваю, потому что узнаю голос.

— Посетитель, — говорит охранник.

— Пусть войдет.

Охранник легонько хлопает меня по плечу и удаляется. Из полуоткрытых дверей его о чем-то спрашивают шепотом, но он хранит молчание.

Под насмешливым взглядом котенка вхожу.

Комната выглядит как горная хижина. Окно распахнуто, из него доносятся порывы холодного ветра. Шумит река. Вика сидит перед окном на простом деревянном стуле, разглядывая лицо в маленькое зеркальце. Рядом, на грубо сколоченном столе — вполне современная косметика.

— Привет, — бросает она. — Посиди тихонько, ладно?

Киваю, стою и оглядываюсь. На стенах акварели — незнакомые, почти на всех горы, туман, сосны. На первый взгляд кажутся однообразными, словно творения халтурщика к еженедельной распродаже. Но всматриваюсь внимательнее и

одобрительно киваю. Это не штамповка набитой рукой, а просто цикл.

— Как бы ты их назвал? — спрашивает Вика не оборачиваясь. Ей хорошо, у нее зеркало.

— Даже не знаю, — признаюсь я. — У меня всегда были проблемы с названиями. Ну, например...

Прохожу вдоль стены, осторожно касаясь рамок. Горы, или одна гора — но в разных ракурсах, густые плети тумана, впившиеся в склоны сосны. Утренний холод и сухой жидкий воздух. Звенящая струя ручейка, шорох ветра — словно картина способна передавать звук.

— Лабиринт, — говорю я. — Лабиринт отражений.

Вика красит губы. Задумчиво соглашается.

— Можно... главное, что непонятно. С такими названиями лучше покупают.

— Это твои картины?

Последние дни я потрясающий тугодум.

— Да. Не похоже на меня?

— Похоже. Но я думал, ты просто подобрала их со вкусом.

— Ну и мужики пошли. — Вика наконец встает. На ней белое льняное платье до колен, босоножки, серебряный кулон на цепочке. — Это комплимент при первом свидании?

— При втором, — пытаюсь я отшутиться.

— Нет, при первом. Утром — это была работа.

— Тогда начинаю говорить комплименты, — бормочу я. — Ты умная, красивая, талантливая...

— Добавь — пунктуальная. — Вика стягивает волосы белой ленточкой.

— Нет, лучше добавлю — щедрая. Продавать такие картины — подвиг.

— Ерунда, — легко отмахивается Вика. — Я продаю реальные оригиналы. А эти — остаются у меня. Они лучше.

Вика не замечает, какую промашку допустила. Я этому безумно рад. Торопливо говорю:

— Чем лучше?

— Они звучат.

Так вот в чем дело. Мне не послышался шум ветра и плеск воды из картин.

— Рождается новое искусство, — говорю я.

— Давным-давно родилось. И не одно. Просто нам пока непонятно, что это искусство. Когда пещерный человек рисовал на стенах оленей, это тоже не сразу признали творчеством.

— Если так, то весь Диптаун — произведение искусства.

— Конечно. Не весь, но местами — несомненно. Иди сюда.

Вика бесцеремонно хватает меня за руку, подтаскивает к окну.

— Смотри!

Вот оно что. Вика рисовала с натуры... только существуют ли в реальности такие горы?

Центральный пик — наверняка нет. В нем километров десять высоты, он вырывается из горной цепи, словно гордый бунтарь. Облака кружат вокруг вершины, бессильные накрыть пик своей шапкой. Гора, словно слоями нарезана — темная зелень лесов, салатная полоска альпийских лугов, снежное кольцо и серый, мертвый гранит вершины.

Между нашей хижиной, а она тоже стоит на порядочной высоте, и пиком-гигантом раскинулось озеро. Не очень большое, но идеально круглое, я сказал бы — нарисованное, не будь оно таким живым. Вода темно-синяя, тяжелая, на грани льда.

Я молчу.

— Не боишься, что это фирменный антураж для привередливых клиентов? — спрашивает Вика.

— Еще чего. Обойдутся.

Мы смотрим на горы.

— Долго рисовала? — тихонько спрашиваю я.

— Два года, — беспечно говорит Вика.

Киваю. На это можно потратить и больше. Это не штампованные заоконные красивости, продающиеся на каждом углу. Мне кажется, что, если я возьму даже очень сильный бинокль, домысливать ничего не придется. Картина сделана полностью — во весь объем.

— Очень хочу туда спуститься, — говорит Вика, глядя на озеро.

Молча киваю, соглашаясь.

— Страшно. Дорога очень сложная, — вздыхает Вика. — Если привязать веревку к окну, то на вон ту тропинку можно выбраться запросто. Но по северному склону полгода как прошел оползень. Тропинку наверняка завалило.

Я поворачиваюсь к ней, смотрю в глаза.

Нет, она не врет и не смеется.

— Ты хочешь сказать, что это все — живое? — спрашиваю я. — Туда можно войти? Подняться на пик, искупаться в озере?

— Вода ледяная, простудишься.

— И все это живет? Падает снег, идут лавины, случаются бури?

Вика кивает.

— Чтобы держать такое пространство, нужен отдельный сервер!

— Два сервера. Один полностью занят, другой еще все заведение держит.

Глотаю холодный воздух. Спрашиваю:

— Так... зачем ты здесь работаешь? Тебя любая фирма возьмет пространственным дизайнером, только позволь заглянуть в это окошко!

— У меня свои причины, — говорит Вика, слегка повышая тон, и я понимаю — вопрос неуместен.

Свобода для всех и во всем.

Может быть, ей нравится быть виртуальной проституткой?

— Спасибо, — говорю я.

Вика недоуменно хмурится.

— Спасибо, что позволила это увидеть, — объясняю я. — Ты ведь не каждого сюда пускаешь?

— Не каждого. А ты покажешь мне свои картины? — с улыбкой спрашивает Вика. Я вздрагиваю. — Ты сказал, что не умеешь придумывать названия. Значит, приходилось этим заниматься.

Вот так. Я тоже сглупил. И, подобно Вике, не заметил своей оплошности.

— Я давно не рисую, — признаюсь я. — Так получилось. Может, и к лучшему, все равно мне такое не по силам.

Вика даже не пытается вежливо спорить. Она знает себе цену.

— Знаешь, я хотел пригласить тебя в ресторан, — говорю я. — Если ты согласишься...

— Нет.

Я чувствую себя оплеванным. Почему-то я был уверен, что Вика согласится, что ей понравятся «Три поросенка», что мы

постоим над горной рекой — пусть не я создавал тот пейзаж, но я люблю его...

— Понимаю, — говорю я.

— Нет, не понимаешь. Дело не в клиентах, сейчас как раз затишье, а девочки меня подменят. Я сама тебя приглашаю. В наш ресторанчик.

Ничего не понимаю, но соглашаюсь. Вика придирчиво осматривает меня, поправляет воротник рубашки.

— Сойдет, — решает она. — Пошли.

— Далеко?

Вика только улыбается, подхватывает со стола маленькую замшевую сумочку. Мы выходим в коридор, и я отмечаю, что двери больше не поскрипывают в приступах любопытства.

— Пошли, пошли...

Мы идем, чинно взявшись за руки, словно воспитанные дети на прогулке. Коридор кончается винтовой лестницей, мы поднимаемся вверх. Насчитываю семь витков, прежде чем дорогу преграждают тяжелые бархатные шторы. На мгновение возникает мысль, что пространство здесь вывернуто, и мы сейчас выйдем в холл первого этажа.

— Ничему не удивляйся, — говорит Вика и ступает вперед.

Я иду следом в полной уверенности, что смогу выполнить ее просьбу.

Мы выходим на морской берег.

Закат красит небо оранжевым и золотым. Море устало дышит, лаская берег. Песок под ногами — черный. Весь пляж искристо-черный. Я знаю, что такие пляжи есть. Я никогда не думал, что это так красиво.

На берегу стоят белые столики под зонтами, за столиками люди. Все живые, не программные муляжи, я сразу это чувствую. В основном девушки, лишь за тем столом, что ближе всех к берегу, двое мускулистых парней. Да еще рядом с длинной стойкой бара примостился тощий парень в шортах.

— Это наша рекреационная зона, — шепчет Вика. — Идем.

Мы садимся за свободный столик, Вика склоняется ко мне:

— Здесь самообслуживание. Иди к стойке, возьми мне шампанского.

Иду, увязая в песке. Трое мужчин и двадцать женщин наблюдают за мной. Все выглядит донельзя странно — словно чудовищный тайфун прошелся по побережью, снеся отели и

дома, но пощадив часть открытого ресторанчика. Впечатление усиливает задернутая шторами дверь, через которую мы вошли, — она одиноко стоит в черном песке.

— Привет! — говорит мне парень у стойки и быстро сует руку.

Машинально пожимаю ладонь.

— Вика сухое шампанское любит, — говорит парень. — Только не бери французского, возьми «Абрау-Дюрсо», оно где-то слева под стойкой... Ты здесь первый раз? Я тебя не видел раньше. Сегодня день пустой, все девчонки тут собрались. Ну, сейчас тебе косточки перемоют!

Он тараторит с энергией Робинзона, встретившего Пятницу. У него чрезвычайно подвижное лицо, во рту не хватает пары зубов.

— А ты мне нравишься, — говорит парень, почесывая облезающий от загара живот. — Блин, точно нравишься! Ха-ха! Испугался? Не, я тут не работаю, то есть работаю, но не так. Ты тем двоим, у воды, не понравься случайно!

У меня уже голова идет кругом. Выдавливаю жалкую улыбку, захожу за стойку, достаю из ведерка со льдом бутылку брюта, беру пару высоких бокалов.

— Во, перезагорал я вчера! — восклицает тем временем парень, отрывая длинный пласт облезающей кожи. — С девчонками поспорил, что сгорю, они не поверили. Приходят утром — а я и впрямь сгорел!

Он сует мне под нос бренные части своей шкуры.

— Классно выглядит? Всю ночь пахал, делал симуляцию загара. Надо будет пристроить куда-нибудь, с руками оторвут! Только руки я не отдам!

Торопливо киваю и убегаю с добычей. Вика дожидается меня, давясь от смеха.

— Это кто? — спрашиваю я, опускаясь на стул. Тихий шорох волн кажется неслыханным благодеянием.

Вика продолжает смеяться, потом делает серьезное лицо.

— Это наш программный гений, хакер и охранник, знаток железа и софта. Зови его Компьютерным Магом. Или просто Магом. Он это любит. Только не зови его Зукой.

— Зукой?

— Ага. Он любит растворимые напитки, «Зуко», «Сприм», прочую химию. Его так девчонки прозвали, он очень обижается.

— А чего он такой... странный? — осторожно спрашиваю я.

— Не знаю. Может, наших геев отпугивает, может, по жизни такой.

Я искоса поглядываю на парней у берега. Те тоже разглядывают меня, что-то обсуждая. Потом один легонько хлопает другого по губам, и тот обиженно отворачивается.

Мне становится совсем не по себе. Но Вика не прекращает улыбаться, и я с деланным любопытством спрашиваю:

— Зачем вам парни? Девчонки не всегда справляются?

— Конечно. Помнишь голубой альбом?

Помню. Бес тянет меня за язык, и я интересуюсь:

— А где козочки пасутся?

Мы вместе смеемся, напряжение спадает.

— Это программа, — признается Вика. — Мы пробовали надевать тела животных, но поведение неадекватное выходит. Клиенты нечасто бывают, но зато — у нас есть все. Любые причуды.

Я разливаю шампанское по бокалам, мы чокаемся.

— Нормально, — говорит Вика.

— Да, класс, — соглашаюсь я, ставя опустевший бокал.

— «Абрау-Дюрсо» плохим не бывает. Это ты — «нормально». Я сомневалась, как ты себя поведешь в такой компании.

— А что тут такого? — говорю я голосом человека, каждый день гуляющего в компании проституток и гомосексуалистов.

Вика размышляет.

— Нет, ты пока так не считаешь, — говорит она. — Но это ничего. Главное, что ты соглашаешься на словах. Значит, заставишь себя поверить на самом деле.

— Можно? — Компьютерный Маг стоит возле столика, както немыслимо выгнувшись и скорчив просительную гримасу. — Вы не обо мне говорите? Я не помешаю? Можно сесть?

— Садись... — обреченно вздыхает Вика. Маг плюхается на свободный стул, жестом фокусника достает из-за спины бокал и еще одну бутылку. Какой-то банановый ликер.

— Викочка, спасибо! — говорит он. — Я уж думал, буду пропадать в одиночестве! Будешь?

Вместо ответа Вика наливает себе еще шампанского. Я тоже отказываюсь от ликера. Маг плещет его в свой бокал.

— За знакомство! — говорит он. — Я — Компьютерный Маг!

— Я — Стрелок, — машинально отвечаю я.

— Ой! — Маг откидывается на стуле. — Не убивай меня! Это ведь ты два дня «Лабиринт» будоражишь? Вика, поздравляю, ты познакомилась с крутым думером! От него все плачут! Он убивает и убивает, налево-направо!

— Правда, что ли? — спрашивает Вика.

Киваю.

— Никогда бы не подумала, — говорит Вика.

— Должен же и я тебя удивить.

— Стрелок, ты смотри в «Лабиринте» не бедокурь! — восклицает Маг. — А то я у Мадам отпуск возьму, двину в «Лабиринт» да все разнесу! Я вообще-то мирный, но когда разозлюсь — кошмар! Держите меня трое, двое не удержат! Вот однажды...

— Маг, — говорит Вика. — Мы беседуем. У нас серьезный разговор. Поболтай с Тиной или с Леночкой.

Маг грустно кивает:

— Вот всегда так... Ухожу, ухожу. Никто меня не любит...

— Я тебя очень люблю, — говорит Вика. — Но Тина со вчерашнего дня в депрессии. Развлеки ее, ты же умеешь.

— Без проблем! — сияет Маг. Прихватывает бутылку и приплясывая движется к столику, за которым черноволосая пышная девушка сосредоточенно пьет водку.

Я только качаю головой.

— У нас здесь свой мирок, — говорит Вика. — Довольно тихий и мирный. Кстати, здесь все девочки появляются только в базовых телах. Не в тех, что мы надеваем для клиентов.

— Так это твое основное тело в виртуальности?

— Да.

Я делаю следующий шаг.

— Имя — тоже? Тебя зовут Викой?

— В *глубине* — да. Я потому и позволила тебе прийти, что ты угадал.

Она грустно улыбается.

— Вначале даже подумала, что ты какой-то шпион, хакер или дайвер, что ты выяснил мою личность...

У меня начинает бешено колотиться сердце.

— А сейчас так не думаешь?

Вика пожимает плечами:

— Кто знает? Но ты мне нравишься. Хочется, чтобы все само собой так совпало. Удивительно и красиво.

Я не успеваю ответить, шторы на двери раздвигаются, высовывается на секунду девичье личико:

— Наташа, Тина, на выход. Зеленый и желтый альбомы.

Пышная девица, к которой уже пристроился Маг, швыряет в дверь бутылку. Вика привстает.

— Элис! — негромко, но отчетливо говорит она. — Подмени Тинку!

Девушка за соседним столиком кивает, но Тина протестующе вскидывает руки:

— Вика, я в порядке.

Она говорит через программу-переводчик, но даже та доносит отголоски усталости и злости.

— Поработаю малолеткой. Все в порядке. Меня Кепочка достал вчера.

Один из геев встает, быстро идет между столиками. Обнимает Тину за плечи, что-то шепчет, усаживает обратно. Вопросительно смотрит на Вику.

— Хорошо, Анджей, — соглашается она. — Спасибо.

Гей и одна из девушек выходят в дверь. Вика садится, залпом пьет шампанское. И неожиданно свистящим шепотом говорит:

— Козлы. Все вы, мужики, козлы.

— Кто такой Кепочка? — спрашиваю я.

— Клиент. Постоянный. Я обычно сама с ним работаю, а вчера... была занята.

— Со мной?

— Да, — жестко говорит Вика. — Девчонкам нельзя с ним работать, они после этого сами не свои.

— А что ему нужно?

— Красный альбом.

Вспоминаю вчерашний вечер.

— Не помню такого.

— Это вкладка в черный альбом. Ее не показывают кому попало. — Вика встает. — Черт. Леня, извини...

Я тоже поднимаюсь.

— Ты хотел меня куда-то пригласить?

— Да.

— Ну так приглашай!

* * *

В холле я озираюсь, ожидая увидеть Мадам, но она так и не появляется. Ловлю машину, называю адрес — «Три поросенка»... Вика медленно остывает. Мне очень хочется расспросить ее про красный альбом и про Кепочку, но я молчу.

Нельзя. Пока — нельзя.

— Вот, я тебе показала, как мы живем, — говорит Вика. — Интересно?

— Ничего, — говорю я. — Нормально.

— Ничего... — Вика достает из сумочки сигареты, щелкает зажигалкой. — Нормально...

Мне не нравится, когда девушки курят. Даже в виртуальности.

— Вика, а чего ты ждала? Воплей — «какой ужас»? Я не ханжа. Восторгов? Тоже причин не нахожу.

Она мимолетно касается моей руки.

— Извини, Леня. Я немного переживаю за девчонок. Понимаешь, ты — случайный клиент. Сваливал от погони, забежал в бордель, съехал на моей фотке... Извини. Ты — ни при чем.

Мы подъезжаем к «Трем поросятам». В виртуальности нет часов пик — поясное время стерло это понятие. Но какие-то случайные приливы-отливы случаются. Вот сейчас, например, зал набит до отказа.

Проталкиваемся к стойке, я кричу бармену:

— Привет, Андрей!

— Привет-привет, — протягивая какому-то клиенту бокал с коктейлем, говорит Андрей. — А ты кто такой?

Ух. Это и впрямь он, а не программа-бармен.

— Леонид, — говорю я.

Андрей морщит лоб. В этом теле он меня не видел и перестраховывается.

— Мужик! — страшным шепотом говорю я. — Ты чего? Опять налоги замучили? Рэкет файло спер? Так скажи, найдем...

Андрей перегибается через стойку, вопит:

— А! Не признал! Вырос-то как! Мужчина!

Вика терпеливо мнется рядом. Ей, кажется, не по себе.

Как и мне в зоне отдыха публичного дома.

— Тебе как обычно? — интересуется Андрей, тянет руку к бутылкам.

— Джин-тоник, один к одному, — усмехаюсь. — Я это, я. Только мы лучше над рекой посидим. В одиночестве.

Андрей слегка морщится и косится под стойку — там у него терминал.

— Все каналы забиты? — ужасаюсь я.

— Тебе один найдем, — решает Андрей. Протягивает руку, нажимает что-то. — Делов-то на копейку... Как удачно! Обрыв связи, один канал освободился! Валяйте, только быстро!

Хватаю Вику за руку, тяну к двери в каменной стене ресторана. В тамбуре приказываю:

— Индивидуальное пространство для нас обоих. Никакого допуска.

— Принято, — шепчет потолок. — Никакого допуска. Вы — гости ресторана. «Три поросенка» желают вам приятного отдыха.

— Как круто, — иронично говорит Вика. — А ты здесь постоянный клиент?

— Да.

Я не вдаюсь в мелкие детали, вроде той маленькой дайверской аферы с розыском и осаживанием рэкетиров, сперших у хозяина ресторана подлинные финансовые файлы. Если бы я не переубедил ту шайку недоученных хакеров, то Андрею пришлось бы очень крупно раскошеливаться. Либо рэкету, либо налоговой инспекции Диптауна. А так... все обошлось миром, даже рэкетиры в итоге остались довольны. Тем, что так дешево отделались.

Мы выходим в осень.

Вика на миг останавливается, осматриваясь. Подбирает с земли прелый лист, мнет в пальцах. Касается коры дерева.

Я жду. Я тоже так топчусь, входя в новые виртуальные пространства. Я при этом, правда, еще и из *глубины* выхожу, оцениваю подлинный облик местности. Вике это недоступно, но у пространственных дизайнеров свои методы.

— Здорово, — говорит она. — Может быть, сам Карл Сигсгорд работал... Завидую.

— У тебя не хуже, — утешаю я, но Вика качает головой:

— Не во всем. У него потрясающее чувство меры. А я увлекаюсь...

Она по-детски пинает листья ногой, те вяло вспархивают и падают. Они уже свое отлетали.

— Пойдем. — Я беру ее за руку, веду к реке. Столик накрыт, словно бы для банкета. На большом блюде — фирменная жареная свинина «По-поросячьи». Есть и мой любимый глинтвейн, и приличный набор вин.

Вика на стол не глядит, она стоит над обрывом, вглядываясь в даль. Я становлюсь рядом. У противоположного берега поток полощет ветви поваленного дерева. Наверное, была буря. Это пространство тоже живое, как и Викины горы.

— Спасибо, — говорит Вика, и мне становится хорошо. Я думаю, что надо еще показать ей морской берег и кусочек старой Москвы, которые примыкают к ресторанчику. Но это тоже — потом. У нас еще будет время, я уверен.

Иначе зачем все?

— Знаешь, я очень редко выхожу из своего пространства, — говорит Вика. — Не знаю почему. — Она колеблется, но продолжает: — Наверное, боюсь увидеть тех, кто приходит к нам... увидеть их такими, какими они могут быть. Веселыми, добрыми, славными людьми.

— Почему?

— Тогда получится, что все люди двулики. Мы ведь помойка, Леонид. Помойка, куда выкидывают всю дрянь, что скопилось в душе. Страх, агрессию, неудовлетворенные желания, презрение к самим себе. В твоем «Лабиринте», наверное, то же самое.

— Он не мой. Я там по делу.

— Тогда тебе легче. А к нам приходят сопляки, которым не терпится стать мужчинами, мужчины, которым надоело ими быть, затюканные подругами парни с желанием покуражиться... Порой приходят, пробуют все альбомы. Говорят: «Надо все в жизни испытать».

Я опять сдерживаюсь и не спрашиваю, зачем она работает в «Забавах».

— Почему мы тянем за собой в будущее самое худшее, что в нас есть? — говорит Вика.

— Потому, что оно есть. И никуда не деться. Представь, что вокруг — джентльмены в смокингах, дамы в вечерних туалетах, все говорят умные красивые слова, вежливы и культурны...

Вика тихо смеется:

— Не верю.

— Я тоже. Любое изменение общества — техническое, социальное, или комплексное — как *глубина,* никоим образом не меняло индивидуальной морали. Постулировалось все, что угодно — от презрения к холопам до равенства и братства, от аскетизма до вседозволенности. Но выбор всегда совершался индивидуально. Глупо считать, что виртуальность сделала людей хуже, чем они есть. Смешно надеяться, что она сделает их лучше. Нам дали инструмент, а будем мы им строить или разбивать черепа — зависит от нас.

— Инструмент не тот, Леня. Все понимают, что на самом деле сидят дома или на работе, таращась в экран или нацепив шлем. А потому — можно все. Игра. Мираж.

— Ты говоришь, как тюринцы.

— Нет, их подход мне тоже не нравится. Мне вовсе не хочется превращаться в поток электронных импульсов.

— Вика... — Я кладу руку на ее плечо. — Не стоит загадывать, не стоит переживать. *Глубине* — пять лет. Она еще ребенок. Хватает все, что попадается под руку, говорит глупости, смеется и плачет невпопад. Мы не знаем, во что она вырастет. Не знаем, не появятся ли у нее братья и сестры, которые будут лучше. Надо просто дать ей срок.

— Надо дать ей цель, Леня. Мы нырнули в этот мир, не разобравшись с тем, что осталось за спиной. Не умея жить в одном мире — породили другой. И не знаем, куда идти. К чему стремиться.

— Цель появится, — без особой уверенности говорю я. — Опять-таки дай срок... дай *глубине* осознать себя.

— А может быть, она уже осознала? — говорит Вика насмешливо. — Ожила. Как в фантазиях людей, никогда в ней не бывавших? Может быть, среди нас ходят люди, которых нет в реальном мире? Отражения пустоты? Может быть, ты или я вовсе не существуем? И все наши представления о реальности — это фантазии ожившей сети?

Мне вдруг становится страшно.

Нет, я не склонен считать, что меня на самом деле нет.

И за Вику почти спокоен.

Но, кажется, я знаю кандидата на «отражение пустоты».

А Вика продолжает, словно задавшись целью свести меня с ума:

— Представь, как это может быть. Сотни тысяч, а может быть, уже миллион компьютеров включены в сеть постоянно. Потоки информации мчатся между континентами, оседают на хостах и роутерах, откладываются в памяти машин. Несуществующие пространства живут по своим законам, меняются. Падает листва с деревьев, наши шаги оставляют следы, наши голоса заставляют срываться лавины. Информация дублируется, путается, смешивается. Программы послушны, они создают муляжи, личины, но кто знает, как скоро личина наполнится подлинным разумом?

— Любой хакер помрет от смеха, слушая тебя, — говорю я деревянным голосом.

— Я не хакер. Я просто смотрю на то, что происходит вокруг. И думаю, что увидел бы человек ниоткуда, появившись в Диптауне, твердо считая, что он настоящий и живой? Кривляющихся фигляров? Людей, которые бегают по «Лабиринту» и радостно убивают друг друга? Психопатов, оттягивающихся в борделях? Вокруг есть все, что существует в реальности. Небо и солнце, горы и моря, города и дворцы. Пространства в пространствах, смешение времени и народов, достоинства и пороки. Все! Все и ничего. Нам нужно лишь то, что ненавистно в реальной жизни. Смерть, кровь, фальшивая красота и заимствованная мудрость. Так что подумает *глубина* о людях, если она научится думать?

Я молчу. Я вспоминаю Неудачника, который убивает монстров из пистолета, но никогда не стреляет в игроков. Который не говорит своего имени и адреса. Который уже двое суток висит в виртуальности — но у него не заплетается от жажды язык и не подламываются ноги. Который не понимает, что убегающий от мутантов ребенок — всего лишь сотня килобайт программы на сервере тридцать третьего уровня.

Я вспоминаю слова Человека Без Лица — «Теперь кое-что изменилось». Это же была прямая подсказка — вместе с воспоминаниями о Боссе-Невидимке и Заблудившемся Пойнте. Случилось то, что не имеет аналогов, кроме как в фольклоре.

И меня начинает бить дрожь.

Не может быть случайностей пятнадцать раз подряд — дайверы «Лабиринта» вытащили бы Неудачника... не препятствуй этому сама сеть. Неудачника некуда вытаскивать из *глубины* — он живет лишь в этом мире. Он прикован к «Лабиринту», к

миру выстрелов и предательств, крови и руин. Он погибает и оживает, не понимая, что происходит с ним.

— Вика... — шепчу я. — Вика, не дай бог...

— Что? — Она смотрит на меня и отступает на шаг. — Что с тобой?

— Не дай бог, ты права... — шепчу я. — А мне кажется, что ты права....

Она хватает меня за руку, сжимает крепко, почти до боли, кричит:

— На сколько ты ставил таймер? Где ты живешь? Леня, опомнись! Ты живой, ты настоящий! Я несу чушь, чушь!

Мне делается смешно — Вика испугалась за меня.

— Я в порядке, — говорю я. — Я живой и настоящий. У меня не дип-психоз. Но я знаю человека, который не может быть живым.

Как ни странно, но Вика успокаивается. Я бы на ее месте наоборот — еще больше испугался.

— Я тоже с такими встречалась... — заявляет она.

Качаю головой.

— Вика, я знаю человека, который ведет себя, как в твоей фантазии. Не различает реальности и яви. Не ведает границы, живет, а не играет в *глубине*.

Она догадывается мгновенно:

— В «Лабиринте»?

— Да.

— Это называется потерей реальности. Нервный срыв, и ничего больше.

— Я видел нервные срывы, — говорю я. — Это... это другое.

— Ленька, — Вика улыбается, — я наговорила глупостей, а ты испугался... Знаешь, аналогии фальшивы.

Мне хочется рассказать ей все. Про Человека Без Лица и Неудачника. Про случайности, которые стали системой. Но я подписывал контракт, обещая конфиденциальность.

И еще — мне придется сказать, что я дайвер.

А у меня есть опыт таких признаний.

Я догадываюсь, о чем думают девушки, целуясь с дайвером. «Сейчас он выйдет из *глубины*, и мое лицо превратится в маску из крошечных квадратиков-пикселов. Он свободен здесь, а я пленница...»

Не хочу, чтобы Вика так думала. Не хочу, чтобы это стало стеной между нами.

— Ты права... — шепчу я. И Вика прижимается ко мне.

Мы стоим над обрывом, целуясь, и река ревет под нами, а ветер треплет волосы. Одинокий птичий крик, секундный проблеск солнца в разрыве туч, ковер листьев под ногами. Он мягкий и пахнет пряным. Я снимаю с Вики платье, а она помогает раздеться мне. Я целую ее тело, мои губы касаются живого тепла, не я в *глубине,* это *глубина* во мне, это наш мир — вокруг, я не уйду отсюда никогда, мы затеряемся в этих лесах и найдем дорогу к горам, что видны из ее окна.

Вика что-то шепчет, но я не слышу слов — мы слишком глубоко, мы вышли за пределы всех пространств.

Потом наступает короткий миг, когда пространства сливаются воедино.

Мы вместе — сквозь расстояния и неизвестность.

— Не уходи от меня, Стрелок, — шепчет Вика. — Только посмей уйти...

— Я не уйду, — говорю я. Мы прижимаемся друг к другу, ветер скользит по коже, мокрая листва холодит спину. Я смотрю вверх, но тучи клубятся, кружат подо мной, еще миг — и я упаду в небо, потеряюсь в реальностях вслед за Неудачником...

— Кто ты, Леня?

Но я не могу ответить. Снова привлекаю Вику к себе, и наши губы соприкасаются, делая слова пустыми и ненужными.

— Мое время кончается, — шепчет Вика. — Мне надо выходить... вот-вот...

Я понимаю. Я обнимаю ее еще крепче, словно в моих силах остановить бег таймера на том конце невидимой нити, удержать Вику в *глубине* еще минуту, еще миг...

— Приходи. — Вика вскидывает голову, приподнимается надо мной на локтях. — Приходи сегодня, я буду ждать.

Киваю, тянусь к ней — но уже поздно.

Ее тело бледнеет и меркнет, рассыпается облаком сиреневых искр, платье на земле тает, словно пригоршня снега. Миг — и я остаюсь в одиночестве, под небом, которое просит упасть в него, затеряться в облачном тумане, стать еще одним человеком, не знающим грани между мирами.

И Вика будет со мною всегда, мы станем равны, и мне никогда не придется отвечать поцелуем на вопрос...

Я мотаю головой, с силой тычусь в жухлую листву.

Это бывает. Всем дайверам знаком миг, когда хочется стать таким, как все.

Надо бежать...

Глубина-глубина, я не твой... отпусти меня, глубина!

Экранчики перед глазами, холодный ветер из кондиционера.

— Съела? — спросил я *глубину*. — Вкусно? Зубки не болят?

Глубина молчала. Ей нечем ответить. Она вновь проиграла.

Мир словно разломился на две половины. На ту, где была любовь, и на ту, где я катался по полу, обнимая пустоту. Будь проклято это раздвоение — после которого чувствуешь себя идиотом.

Я снял шлем. Тело было ватным, разбитым. Отоспаться бы. Потянувшись, я вырвал кабель костюма из порта.

— Сбой периферии! — испуганно сказала «Виндоус-Хоум». — Леня, проверь разъемы виртуального костюма!

— Пауза, — приказал я. Распрямился, вставая.

Костюм надо постирать.

Я прошел в ванную, разделся, влез под душ. Постоял полминуты, ловя запрокинутым лицом тугие струи воды. Потом подхватил с пола костюм, взял кусок хозяйственного мыла и занялся стиркой.

Вот так обычно и портят дорогостоящие вещи — поленившись... или постыдившись... идти в химчистку.

Предельно аккуратно выстирав костюм, я повесил его на плечики и зацепил на крюк над ванной. Потекли струйки воды. Выжимать ткань, внутри которой идут сотни проводков, датчиков и имитаторов давления — еще большее безумие, чем стирка. Ладно, понадеемся на репутацию фирмы «Филипс». Может быть, они учли даже русскую безалаберность.

Мой старый виртуальный костюм — китайский, но довольно приличный, валялся в шкафу. Я все собирался его продать, но не находил времени дать в сеть объявление. Теперь это меня порадовало.

Натянув трикотаж веселенькой раскраски, я прошелся по комнате. Ничего. Немножко маловат стал, но пойдет. Помахивая шнуром, я даже стал что-то насвистывать.

Викины слова — чушь. Она и впрямь фантазировала, а я утратил критичность. Сеть — это просто сотни тысяч ком-

пьютеров, подвешенных к телефонным линиям. Виртуальность — домыслы сознания.

Невозможен электронный разум на базе «пентиумов» и «четверок».

Это любой компьютерщик объяснит... если не поленится спорить с очевидной глупостью.

Я воткнул разъем в порт, и «Виндоус-Хоум» радостно сообщила:

— Обнаружено новое периферийное оборудование. Провести подключение?

— Да.

Мой основной костюм будет сохнуть дня три. Пускай уж «Виндоус-Хоум» подключит старый костюм как следует.

— Датчики движения... тест прошел... имитаторы давления... тест прошел... энергопотребление... тест прошел... ограничение критических перегрузок... тест провален! Внимание, данная модель виртуального костюма не укладывается в предельно допустимые параметры безопасности! Возможен дискомфорт при виртуальных контактах! Не рекомендуется...

— Продолжить тест, — приказал я. Все китайские костюмы страдают этим грехом — непоправимым, с точки зрения западноевропейцев и американцев. Если в виртуальности меня расплющит бетонной плитой, то костюм может отреагировать очень уж энергично и оставить на теле пару синяков. Честно говоря, меня это не особо тревожит.

— Тестирование завершено. Рекомендуется прервать подключение оборудования.

— Принять оборудование, — надевая шлем, сказал я.

— Ты серьезно? — спросила «Виндоус-Хоум».

— Да.

— Оборудование подключено, — скорбно согласилась программа.

deep

Ввод.

Ветер усилился. Я ежусь, отступая от обрыва. У меня мокрая голова, и стоять тут не очень-то уютно.

Особенно одному.

Беру термос, наливаю себе глинтвейн. Пару глотков, просто чтобы согреться. Мы еще придем сюда, вместе с Викой.

Очень надеюсь, что ей здесь было хорошо. Не так уж много в виртуальности мест, которые мне безоговорочно нравятся.

— Пока, — говорю я реке, ветру, осеннему лесу. Иду к выходу.

Если прогуляться до «Лабиринта» пешком, то я как раз убью остаток времени.

А дайверы закончат свои попытки спасти Неудачника.

Почему-то я уверен, что у них ничего не выйдет.

1010

Первое, что я вижу, выходя на тридцать третий уровень, — развалившийся на газоне Анатоль. Моя первая мысль — что и на старуху бывает проруха. Но Анатоль приподнимает голову и машет мне рукой.

Неудачник тоже на месте — в своем уголке.

— Эй, Стрелок! — Анатоль явно не собирается менять горизонтальное положение на вертикальное. — Ползи сюда!

Я присаживаюсь рядом, вопросительно киваю.

— Мы хотим отказаться от этого... — Анатоль кивает на Неудачника: — ...задания.

Молчу. Пусть выговорится.

— Я в карму не верю, — говорит Анатоль. — Если человека тащишь к выходу, бережно, как хрустальную вазу, а он дохнет — значит сам того хочет.

— То есть?

Анатоль снижает голос до шепота:

— Слушай, у тебя свои резоны его спасать... пробуй. Но вначале подумай — он двое суток в *глубине*. Видал таких орлов раньше?

— Да.

— Голос охрипший, ходит как автомат, понимает все с третьего раза... Так?

Смотрю на Неудачника и качаю головой.

— Значит, он ест и пьет. Посещает сортир. Ориентируется в происходящем. — Анатоль привстает, садится на корточки. — Стрелок, этот парень нас за идиотов держит. Либо он здесь по заданию дирекции — проверяет, как мы работаем. Либо — такой же дайвер, как и мы. Либо — и то, и другое разом.

Мне нечего ответить, Анатоль, конечно же, прав. С точки зрения нормальной логики иных вариантов быть не может. Но у меня в последнее время нелады с нормальностью.

— Крейзи пошел в дирекцию, — говорит Анатоль. — Или они признаются, что устроили проверку наших способностей, или пусть не требуют невозможного.

— Они решат, что Неудачник — дайвер, — соглашаюсь я.

— Вот!

— Это очень удобная версия, Анатоль. Шутник дайвер, решивший поиздеваться над индустрией развлечений и своими коллегами... Не останавливать же весь «Лабиринт» из-за такой мелочи.

— Стрелок, я пер его через весь уровень, — устало говорит Анатоль. — В зеркальном зале перестрелял гвардейцев.

Киваю. С его снаряжением и опытом — это возможно.

— Знаешь, что было потом? — В голосе дайвера прорывается злость. — Он уронил винтовку. И та шарахнула его прямо в лоб!

Я молчу. Что тут скажешь?

Неудачник не хочет выходить с уровня...

— Сил у меня нет... — Анатоль сплевывает на травку. — Видеть его, козла, не могу. Не то что спасать.

— Анатоль, бесцельно ничего не делается.

— Тогда чего он добивается? А? Я тебе скажу! Чтобы мы разорвали контракт! Чтобы самому устроиться на тепленькое место! Одному... или в паре с кем-нибудь. С дайвером, который его якобы спасет!

Он смотрит мне в глаза, и я принимаю вызов:

— Ты обвиняешь меня в двойной игре?

Дайверы не подставляют дайверов. Нас слишком мало. Для того и был создан Кодекс, для того мы и собираемся три раза в год, пренебрегая осторожностью и взаимным недоверием.

Если дайверы начнут в Диптауне разборки между собой — пострадает вся сеть. А жизнь сети — главное. И без того у нее достаточно врагов в реальном мире.

— Не знаю. — Анатоль отводит глаза. — Нет, наверное. Извини. Но тебя тоже подставляют. Кто заказал тебе спасение Неудачника?

— Анонимное лицо. У меня есть канал связи с ним, но боюсь, что он одноразовый и слишком хорошо защищенный.

— Этот аноним может быть дайвером?

Пожимаю плечами.

— Вот и делай выводы. Мы уже опростоволосились, ты нашумел на весь «Лабиринт», но тоже облажаешься. Тогда придет дяденька со стороны, вытащит Неудачника и получит контракт.

Анатоль встает, расстегивает бронекостюм на груди, деловым тоном предлагает:

— Пали.

— Что?

— Убивай меня. Тогда ты сможешь забрать все снаряжение. Или собрался со штуцером воевать?

Я колеблюсь, и Анатоль качает головой:

— Ну Стрелок, ты сам как Неудачник...

Он приставляет к груди свой плазмоган, нажимает на спуск. Короткий взрыв, хлещет кровь, но он еще жив. Очень велик запас сил у дайверов «Лабиринта».

— Твою мать! — хрипит Анатоль и стреляет в себя повторно.

Бронекостюм весь в крови, но я стараюсь не обращать на это внимания. Снимаю доспехи, натягиваю на себя, подбираю оружие, амуницию, боеприпасы.

Неудачник то ли не смотрит на нас, то ли не реагирует на столь необычную процедуру обмена снаряжением.

Иду к нему и сажусь рядом. Все как в первый раз. Опущенная голова, вялый взгляд из-под маски. Неужели он и впрямь дайвер? И сидит сейчас за чашкой кофе с бутербродом, поглядывая на экран, готовый в любой момент нырнуть в *глубину* — и начать морочить мне голову...

— Тебе не скучно здесь? — спрашиваю я. Секунда — интересно, на что она ушла, на обдумывание ответа или на подключение дип-программы? — И Неудачник хрипло произносит:

— У меня нет выбора.

— Почему же? Давай выйдем из «Лабиринта». Ты бывал в «Трех поросятах»? Или в «Старом Хакере»?

Неудачник качает головой.

— Там куда интереснее, — говорю я. Мы сидим рядом, я держу «BFG-9000» на коленях, готовый в любой момент сжечь любого противника. С таким снаряжением мы пройдем. Не можем не пройти. Но я пока не спешу. — Кстати, спасибо тебе.

— За что?

— Ты прикрыл меня в зеркальном зале.

Неудачник стягивает респиратор. Я вдруг замечаю, что у него очень странные движения. Какая-то редкая мягкость и пластика — словно каждый жест доставляет ему наслаждение. Так порой ведут себя самовлюбленные актеры. Но в отличие от них, Неудачник не вызывает раздражения.

— Разве это требует благодарности? — Говорит он с иронией.

— Да, — отвечаю я. — Разумеется.

— Ты поступил бы иначе?

— На твоем месте — да.

Пауза. Неудачник, кажется, удивлен.

— Почему?

— Ты в беде. Тебя надо вытаскивать из «Лабиринта».

— Это не я в беде. — Неудачник качает головой.

— Ты — дайвер? — в лоб спрашиваю я.

— Нет.

— Парень, не морочь мне голову. Ты двое с лишним суток в *глубине*. Ты должен загибаться от жажды и голода.

— Жажда — не самое страшное.

— А что страшнее?

— Тишина.

— Что?

— Тишина, Стрелок.

Он смотрит мне в глаза. Я не отвожу взгляд. Наши лица рядом.

Его глаза оживают, в них больше нет вялой беспомощности. Черная *глубина*... бесконечная темнота, словно я смотрю в ночное небо, где в один миг погасли все звезды. В водоворот тьмы, засасывающий и безмолвный, за грань миров.

— Тишина, — шепчет Неудачник.

Я чувствую ее, эту Великую Тишину, о которой он пытается сказать. И хорошо, что он теперь молчит. Слова беспомощны, они царапают покров Тишины, не в силах пробить его и лишь мешая понять.

Тишина.

Кто бы он ни был, Неудачник, — он знает о ней больше, чем кто-либо в мире.

Еще миг — и я упаду в Тишину. Пойму Неудачника.

Я не хочу его понимать!

— Вот чего я боюсь... — говорит Неудачник, и наваждение рассеивается. Я просто сижу рядом с ним. Два нарисованных человечка, обменивающихся туманными фразами.

Интересно, сходят ли с ума в *глубине?* Может быть, я буду первым?

— Почему ты покончил с собой? — спрашиваю я.

— Когда?

— Анатоль вывел тебя, ты уронил винтовку и пальнул себе в лоб. Хочешь сказать, это была случайность?

— Случайностей не бывает.

— Тогда — почему?

— Анатоль не сможет меня вывести.

— Почему? — кричу я. Разговор глухих, ничего не объясняющие ответы.

Неудачник не отвечает.

Ну и пусть.

Хватит с меня загадок. Я его просто выведу.

И не будет у него выхода — никакого, кроме как уйти с уровня.

— Вставай! — кричу я. Хватаю Неудачника за плечи, заставляя встать. Вытаскиваю из кобуры его пистолет, разряжаю и выкидываю.

— Пошли! Марш!

Он не спорит, да и попробовал бы поспорить... Если надо, я потащу его на плечах.

Не будет у него иного выхода.

Мы проходим «Диснейленд» насквозь, я расстреливаю монстров, не экономя зарядов. На этот уровень их хватит с лихвой.

Гранатомет раскаляется от непрерывной стрельбы, я обжигаю плечо даже сквозь броню. Ерунда.

На площадке с машинками вновь удирает от трех юрких демонов ребенок. Только на этот раз не черный, а латиноамериканец. Ох уж мне эти американские расовые комплексы... Неудачник останавливается как вкопанный, и приходится повторять короткую дуэль с демонами и пауком-пулеметчиком. Идем к зданию, на которое указал ребенок. Но на этот раз Неудачник держит малыша крепко, и тому не удается вырваться. Вместо него в дверь вхожу я.

Почти весь холл занимает полупрозрачный колышущийся бурдюк с зубами. Ракеты проходят сквозь него насквозь, не

взрываясь. Сжигаю тварь из плазмогана, затрачивая две энергетические ячейки.

В следующей комнате, опутанные слизистой паутиной, дергаются двое — мужчина и женщина. Их охраняет мелкий монстр, который даже не пытается меня атаковать, а бросается приканчивать пленников. Расстреливаю его из винтовки, вместе с Неудачником освобождаю родителей мальчика. Дальше все по стандартному сценарию — рассказ про ужасы инопланетного нашествия, советы по поводу прохождения зеркального лабиринта и торжественный дар — плазмоган. Программы примитивные, они не замечают, что у меня уже есть это оружие. Зеваю, принимая подарок. Воссоединенная семья удаляется. Все картинно до отвращения — ребенок идет посередине, трогательно цепляется за руки родителей... Надо понимать так, что они выберутся из Сумеречного Города. Поглядываю на Неудачника — тот вполне серьезен. Словно и впрямь спас три человеческие жизни.

Идем к зеркальному лабиринту. Оружие Неудачнику я так и не даю. Мне вовсе не нужен фокус с падающими и стреляющими винчестерами.

— Значит, так, — командую я. — У входа в зал ты останавливаешься. Ждешь, пока я тебя позову. Потом спокойно подходим к компьютеру, и ты убираешься отсюда домой. Хорошо?

— Да.

— Ты понял меня? Никаких глупостей делать не будешь?

Неудачник смотрит мне в глаза:

— Глупость — это прикрывать тебя от выстрела?

— Да! Я разберусь сам, а ты выйдешь отсюда. Понял?

— Понял.

Ох, не верится мне в его искренность... Но делать нечего. Проходим зеркальными коридорами, у входа в зал я хлопаю Неудачника по плечу. Тот послушно останавливается.

— Жди. Жди меня, и я вернусь, — говорю я. Делаю шаг к проему, но не выдерживаю, оборачиваюсь.

— Слушай... кто бы ты ни был... Я очень устал.

Неудачник кивает.

— Мне надоели эти глупости, — говорю я. — Пообещай, что не выскочишь под выстрелы. Пообещай, что никуда не уйдешь. Я хочу тебя вытащить и вернуться домой.

— Я сделаю все, как ты говоришь, — произносит Неудачник. И я неожиданно ему верю.

— Спасибо, — шепчу я, прежде чем рвануться в зал.

И начинается огненная карусель.

Гвардия Принца Пришельцев палит в меня с тринадцати балкончиков, я тоже стреляю — наугад. «BFG-9000» выжигает три зеркала одним залпом. Помещение наполнено серебряным дымом. Пули колотят по броне, сбивая меня на пол. Стреляю в падении, вращаюсь на спине, словно в забытом танце своей юности — «брейке», еще два раза стреляю. Три зеркала, три зеркала, три зеркала...

Последняя зеркальная грань, и уже настоящий балкончик с двумя монстрами. Они залиты зеленой кровью, «BFG» изрядно посек их чешуйчатые тела. А моя броня еще держится, помятая, раскаленная, но по-прежнему надежная.

Последний выстрел — огненный шар, треск вторичных разрядов... Монстры кричат, умирая, превращаясь в вихри черного пепла.

И наступает тишина.

Зеркальный зал выжжен и разрушен, лишь выходной компьютер торжественно мерцает экраном среди погрома.

— И пришла тишина... — шепчу я, поднимаясь на колени. Спасибо тебе за броню, Анатоль, спасибо... — Неудачник!

Слабый звук из коридора — неуверенный шаг. И два коротких хлопка — выстрелы из штуцера.

Мне не надо ничего объяснять.

И утешать меня не надо.

Я пру к проему, перешагиваю через окровавленное тело Неудачника, смотрю в зеркальную бесконечность коридора.

Алекс стоит в окружении своих бесплотных двойников, опустив штуцер. Он в остатках бронежилета, его лицо в крови. Дуло штуцера смотрит в пол, навстречу отражению.

— У меня нет больше патронов, — говорит он.

Откидываю «BFG-9000», снимаю с пояса пистолет. Тыкаю дулом в лоб Алекса, так, что тот отшатывается.

Даже злости нет.

Алекс молча ждет выстрела.

— Садись, — говорю я, опуская оружие. — Садись, гад...

Он садится, и я сажусь рядом с ним на полу, а тело Неудачника, которому опять не повезло, слепо смотрит в потолок.

— Зачем ты его убил?

— Я... хотел убить тебя, — говорит Алекс. — Я гнался за тобой. Боялся опоздать. Не заметил, что он без оружия.

— А меня — зачем?

Алекс кривится в улыбке:

— Ты меня шлепнул на первом уровне. Забыл, что ли?

— Нет. И эта вся причина?

— Мы же договорились идти совместно!

Боже, за что мне такое наказание?

— Ты хочешь сказать, что не собирался пристрелить меня сам? Из-за лишней обоймы?

— Подумывал, — спокойно признается Алекс. — Но я ведь тогда еще не решил. А ты меня убил.

И вот тут меня разбирает хохот. Я валюсь на пол, утыкаясь шлемом в ногу Неудачника. Колочу рукой по зеркальному стеклу.

— Урод! — кричу я. — Дубина!

Почему-то Алекс обижается.

— Я ведь в тебя не выстрелил! — кричит он. — А ты в меня — да!

— Парень, да ты с катушек съехал! — говорю я. — Мститель, мать твою... Зорро недоделанный... Я — дайвер! Понимаешь? Парнишка, которого ты шлепнул, двое суток в *глубине!* У него таймер отключен! Он загнуться может, если я его не вытащу! А ты, со своими комплексами... идиот, идиот...

— Дайвер? — тупо повторяет Алекс.

— Дайвер! — Мне сейчас плевать на вечную конспирацию. — Мне на этот «Лабиринт»... с сорокового этажа! Я пытаюсь спасти человека — а ты играешь в войну, щенок! Сколько тебе лет, мальчик?

Алекс отвечает не сразу. Но все-таки отвечает:

— Сорок два.

Меня охватывает новый приступ хохота.

Вот оно, царство Питера Пена, остров вечных детей.

Разменявший пятый десяток лет любитель военных игр.

В виртуальности нет возраста. И солидный пожилой бизнесмен, и безусый пацан, дорвавшийся на работе до компьютера с модемом, — все равны.

Все вправе бегать по нарисованным лабиринтам, вспоминая детские правила чести и крича «Не считово!».

Каждый может играть в благородных героев и отважных рыцарей, забывая о том, что жизнь куда сложнее десятка ветхозаветных заповедей.

— Мне очень жаль, — говорит Алекс. — Я не знал, что вы занимаетесь такой серьезной работой...

Боже, как смешно... Нет, ничего серьезного, я сюда пописать пришел...

— Если я могу оказать какую-то помощь... — сдавленно говорит Алекс. — Оплатить время, которое вы затратили...

— Время не купишь, — отвечаю я. Все-таки лучше бы Алекс продолжал вести себя как юный программист... — Сейчас где-то умирает от голода и жажды парень, в которого ты всадил свои сраные пули!

— Мне очень жаль... — Алекс встает, подходит ко мне. Я смотрю на него, не делая попыток подняться. — Просто вы вели себя неэтично. Выстрелили в меня без явной причины...

Бесполезно с ним разговаривать...

— Может быть, я и не прав. — Его голос слегка крепнет. — Но, понимаете, всему виной послужил ваш первоначальный поступок. Вы, очевидно, моложе меня...

Я смотрю в потолок, на отражение Неудачника. На окостеневшее, мертвое лицо.

— Однако вы должны не хуже меня понимать, что мы находимся в мире не-реальном, не-существующем, — вещает Алекс. — Это опасная иллюзия... люди способны легко утратить свои жизненные ориентиры, моральные нормы, поддаваться ощущению вседозволенности. Может быть, мой поступок был не совсем верным, но я всегда пытаюсь сохранить обычные человеческие императивы. «Лабиринт» — это игра, однако в ней воплощены вечные идеалы. Идеалы рыцарства, если хотите. Бой добра со злом.

Еще один борец с иллюзиями. Сколько их было на моей памяти — людей, пытающихся сделать *глубину* точной копией реального мира. Самое смешное, что наиболее шумным был писатель-фантаст...

— Вы изначально повели себя нечестно, — говорит Алекс. — И вот... печальный итог. Знаете, дайвер, ведь так всегда происходило. С сотворения мира. Вся история — живой пример!

— А в кипящих котлах прежних боен и смут... — шепчу я. — Столько пищи для маленьких наших мозгов!

Алекс замолкает.

— Ты свел со мной счеты? — спрашиваю я. — Ну говори, свел? Или хочешь еще меня лично пристрелить? Валяй!

Кидаю ему пистолет. Раскидываю руки.

— Я... вовсе не о том... — бормочет Алекс. — Если бы вы просто признали собственную неправоту, этого было бы вполне достаточно...

— Признаю, — говорю я, обеими руками водружая на грудь трубу гранатомета. — Признаю. Надо было ждать, пока ты меня застрелишь. Доволен?

Алекс отступает на шаг, протестующе взмахивает руками. Он вовсе не удовлетворен таким исходом, он не успел оправдаться в собственных глазах.

Глубина-глубина, я не твой...

А спусковая скоба тугая, я едва ухитрился нажать ее.

На экранчиках шлема — кровь.

А внутри меня — тишина.

Нет, я не вытягивал из *глубины* неудачливого игрока и не пытался перехитрить беспринципного коллегу. Это сеть.

Сама виртуальность восстала против меня.

Часть третья

ЧЕЛОВЕК БЕЗ ЛИЦА

00

Я присутствовал при рождении виртуального пространства. Одним из первых опробовал дип-программу Дибенко. И мистического страха простого человека перед компьютером во мне нет.

Арифмометры разумными не бывают.

Вика может фантазировать по поводу самозародившегося электронного разума — я не могу в него поверить. Все, что происходит в *глубине,* — лишь перссечение различных программ. Если происходящее выходит за рамки возможного — значит за этим стоит человек.

Но кто, кто может стоять за бесконечными смертями Неудачника?

Хороший дайвер или просто опытный обитатель *глубины* способны подстраивать собственную смерть раз за разом. Все эти оброненные штуцеры — ерунда. Но почему Неудачнику подыгрывает сама сеть? Почему Алекс ухитрился догнать нас именно в тот момент, когда Неудачник остался вне моей охраны? Случайность?

И два профессионала, ведущих Неудачника к выходу, тоже не смогли уберечь его от случайностей?

Не могу в это поверить.

Я сижу в раздевалке «Лабиринта», вновь войдя в *глубину,* униженный и посрамленный, дайвер-неудачник, посчитавший себя умнее других. *Глубина-глубина...* как легко и незаметно ты меня раздавила. Бой проигран, если враг не вышел навстречу.

Не зря Человек Без Лица предлагал мне такую награду за спасение Неудачника. Он знал куда больше, чем сказал. Меткая стрельба и хорошая реакция не помогут.

Значит, и мне пора перестать колотить в нарисованную дверь. Надо искать настоящий выход.

Я скидываю броню и снаряжение в шкафчик, лезу под душ, минуту тихо верчусь под ледяными струями. На место растерянности и бессилию приходит злость. Прекрасно. Здравствуй, злость. Ты — то, что мне нужно. Хватит игр по правилам.

Одевшись, я выхожу в колонный зал.

— Администрация «Лабиринта» просит Стрелка пройти к начальнику Службы Безопасности, — немедленно разносится в воздухе. — Администрация...

На меня поглядывают, когда я направляюсь к двери, через которую в прошлый раз прошел Гильермо. Толкаю ее — не заперто.

Особнячок администрации на этот раз оживлен. Меня впустили в общее рабочее пространство сисопов «Лабиринта» — я могу видеть их, а они — меня. Впрочем, вряд ли я кого-то здесь заинтересую. Иду по коридорам, заглядывая в стеклянные двери — за ними терминалы, парни и девушки за компьютерами. За несколькими дверями — целые залы, где на огромных столах водружены макеты. Макеты уровней «Лабиринта» — холмы и овраги, здания и руины, реки и полыхающие пожарища. Вокруг макетов лениво похаживают люди. Вот какой-то парень, склонившись над макетом, выливает в крошечную речушку колбу зеленой жижи. Речушка начинает бурлить. Парень толкает стоящего рядом товарища, тот смотрит на испоганенный пейзаж и пожимает плечами.

Вот как конструируются уровни. Точнее — их скелет, каркас, который дальше начнет жить своей собственной электронной жизнью, заселится монстрами и игроками. Несколько недель или месяцев уровень будет будоражить воображение завсегдатаев «Лабиринта». Потом его сменят.

— Вы — Стрелок?

Девушка подходит ко мне неслышно и незаметно. Красивая, белокурая.

— Да.

— Идемте, господин Агирре ждет вас.

Иду следом. В общем-то, я знаю, что мне сейчас скажут. Но почему бы не потратить десяток минут на формальности?

Гильермо стоит у окна в «Лабиринт», темный силуэт на фоне кровавого зарева. В треугольной комнате все продумано — хозя-

ин кабинета на фоне окна кажется маленьким, потерянным... и приковывает взгляд. Входящий — в вершине пирамиды, невольно преисполняешься сознанием важности своей персоны... и чувствуешь себя неуютно.

— О, Стрелок! — Гильермо энергичным шагом двигается навстречу. — Садитесь, садитесь...

— Вы разрываете контракт? — прямо спрашиваю я.

Гильермо останавливается. Трет переносицу.

— Н-да... вы говорили с Анатолем, Стрелок?

— Говорил.

Как будто он не контролировал наш разговор...

— Стрелок, вы согласны с мнением наших дайверов, нет?

— Нет.

— Почему?

— Разве это что-то изменит? — вопросом отвечаю я. — Вы уже приняли решение отказаться от спасения Неудачника.

— Я решения не принимал, — говорит Гильермо. Слегка акцентируя «я».

— Но контракт расторгаете?

Гильермо вздыхает:

— Мы ценим ваши попытки помочь... значительно ценим.

Первый раз его речь становится неправильной, и я понимаю — Гильермо общается не через программу-переводчик, он знает русский. Знает чертовски хорошо. Приятно. Но неудивительно — русские составляют очень большой процент игроков. Видимо, потому, что наша знаменитая национальная безалаберность жива до сих пор... и многие фирмы, не подозревая о том, платят за развлечение своих сотрудников, а не за работу в *глубине*.

— Но сложилось мнение, что сейчас мы столкнулись с акцией враждебно настроенного дайвера. Продолжать миссию спасения — это поддерживать его планы. Так?

Я киваю. В голосе Гильермо нет уверенности. Но и мне нечего противопоставить словам дайверов «Лабиринта».

Пока — нечего.

Спорить — бесполезно.

— Фирма выплатит вам вознаграждение, — говорит Гильермо. — Мы даже можем поспорить о сумме... немножко. — Он хитровато и доброжелательно улыбается.

— Я оставлю сумму на ваше усмотрение, — говорю я.

Гильермо испытующе смотрит на меня, потом садится за стол. Выписывает чек. У него в руках золоченый «Паркер», кредитная книжка выдана «Чейз Манхэттен». Сумма не потрясает меня так, как это случилось бы до операции в «Аль-Кабаре», но все же она внушает уважение.

— Спасибо, — торжественно говорит Гильермо, вручая мне чек. Это просто формальность, деньги уже переведены на мой секретный счет, указанный в контракте. Но держать в руках несуществующий чек приятно.

Я киваю, жму Гильермо руку. Все, можно уходить вон. Маленькому мальчику дали конфетку и выгнали из компании взрослых людей, играющих в серьезные игры.

— На посошок? — Господин Агирре с улыбкой достает из стола бутылку. Настоящий французский «Арманьяк». В виртуальности он стоит немногим дороже кока-колы, но сам жест приятен. Агирре как бы не сомневается, что мне знаком вкус этого напитка.

Мы чокаемся, отпиваем по чуть-чуть. Я не любитель коньяков и бренди, но всегда лестно на секунду почувствовать себя знатоком благородных напитков.

— Я догадываюсь, как вы потратите эту сумму, — неожиданно говорит Гильермо.

— И как же?

— Деньги вернутся на счет «Лабиринта». — Гильермо усмехается.

— Нет.

Он удивленно приподнимает брови.

— Вы отступитесь? Да?

— Я спасу Неудачника. Но на это у меня есть деньги. А чек... я верну его. Чтобы вы изменили сумму.

Гильермо кивает. Он ожидал моей настойчивости и вполне удовлетворен обещанием.

— Удачи вам, дайвер.

— Если в «Лабиринте» случится что-нибудь неожиданное. вы не сможете известить меня? — интересуюсь я. — Неофициально?

— Адрес, — по-деловому говорит Гильермо.

Я даю ему визитку, на которой указан сетевой адрес. Это не мои координаты, это просто почтовый ящик, на котором, сообщив пароль, я смогу получить письмо на имя Стрелка.

— Вызвать вам такси? — интересуется господин Агирре на прощание.

— Спасибо, Вилли, в этом нет необходимости.

Машину «Дип-проводника» я торможу, отойдя на пару кварталов. Не то чтобы опасаясь слежки, но хорошим привычкам изменять не следует.

— Квартал «Аль-Кабар», — приказываю я. Водитель на этот раз — миловидная рыжеволосая женщина с крошечными морщинками у глаз. Великолепно выстроенное лицо...

— Данного адреса не существует, — огорчает она меня.

— «Аль-Кабар». Восемь-семь-семь-три-восемь.

— Заказ принят.

Машина трогается с места, улицы мелькают вокруг. Я прошу Вику сменить мужественный облик Стрелка на простодушную рожу Ивана-Царевича. Секунда — и в зеркальце отражается герой в белых одеждах.

Картинки, картинки, и более ничего. Сейчас программы «Дип-проводника» перекидывают мой канал связи с сервера на сервер, готовятся соединить меня с «Аль-Кабаром» — доставить к волосяному мосту и охраннику-ифриту. Картинки, и более ничего. *Глубина* не может иметь собственный разум!

И все-таки я не чувствую уверенности даже в собственных мыслях.

01

Пустыня встречает меня горячим дыханием, а ифрит — оглушительным ревом.

— Ты посмел вернуться, вор из воров?

Хорошая программа... с памятью...

Ифрит отрывает от песка каменные ноги, делает шаг-другой. Мост-волос натягивается и звенит, но пока не рвется. Что-то новенькое — за прошедшие дни программисты «Аль-Кабара» добавили сторожевой программе подвижность!

— Стой! — кричу я, поднимая руки. — Я пришел к Фридриху Урману! Я не в твоей власти!

Исполинский кулак дрожит над моей головой. Между пальцами потрескивают искры.

— *Обнаружен неизвестный вирус,* — тревожно шепчет «Виндоус-Хоум». — *Внимание! Включаю «веб»!*

Пространство заволакивает легкой пеленой. Противовирусная программа, «веб», начинает отсекать часть поступающей информации, пытаясь защитить компьютер от действия вируса. Защита не идеальная, хороший вирус все равно протиснется на мой канал. Но я не останавливаю Вику — она в панике если, конечно, это слово здесь уместно... Фигура ифрита плывет, делается нечеткой.

— Кто ты? — ревет монстр. Голос тоже искажен.

— Дайвер! — кричу я. Мне сейчас нечего скрывать.

— Жди! — велит ифрит. Искры на его ладонях гаснут, и Вика отключает «веб».

Делать нечего, жду. Монстр неподвижен, лишь глаза поблескивают, обшаривая меня цепким, почти физически ощутимым взглядом. В прошлый раз были цветочки — меня пропустили в мышеловку, будучи уверенными, что уйти я не смогу. Сейчас получившие головомойку программисты корпорации способны обрушить на меня все порождения своей фантазии. А среди них наверняка есть такие, что не только меня, не только Маньяка, самого старика Лозинского в ужас приведут. Очень некстати вспоминаются байки о вирусах, губящих «железо» — материальную часть компьютера...

— Иди! — оживает монстр.

Я ступаю на волосяной мост.

Глубина-глубина...

На этот раз меня встречают не двое карикатурных охранников. Целая толпа с оружием. Если бы меня так конвоировали в прошлый раз — черта с два я бы утащил мегабайтный файл.

В ледяном молчании охрана ведет меня по улицам. Я ожидаю, что меня отведут в прежнюю беседку, но наша процессия движется мимо.

К мрачному серому строению.

В тюрьму меня хотят посадить, что ли? Смешно. Дайверы неуязвимы. Можно помешать нам воровать файлы, но нельзя запереть в виртуальном мире.

Часть стражи остается у ворот, четверо вводят меня внутрь каземата. Двое впереди, двое сзади. Мечи наголо. Ох, посадят

мне на компьютер вирус, мало не покажется. Тот, кому случалось пережить гибель винчестера, меня поймут. Однажды, в мелкой и почти бесприбыльной операции, я поймал, на свою голову, очень милый вирус, перемешавший фэт-зону и партитушен тэйбл твердого диска в равномерный коктейль. Маньяк сутки выковыривал из мертвого винчестера остатки информации. Почти все спас. А я плел какую-то ерунду о пиратском игровом компакт-диске, с которого подцепил вирус.

Если уж те лохи ухитрились заразить мой компьютер такой пакостью, то и думать не хочется, что могут сделать ребята из «Аль-Кабара».

Дверь за спиной тяжело хлопает, закрываясь. Каземат погружен во тьму. Я иду на ощупь, меня подталкивают в спину. Все ясно. Предельно сжат канал связи, по которому информация идет ко мне. Чтобы еще чего не унес. Обрезаны зрительные образы.

— Стой! — командуют в спину. Послушно замираю.

Окружающим я наверняка виден как на ладони, и это не придает особой бодрости.

— Вы набрались наглости явиться снова, Иван?

Узнаю голос Урмана — точнее, интонацию его переводчика. Поворачиваюсь, стараясь не таращить слепые глаза.

— Такова была наша договоренность.

— Неужели?

— Вы добровольно отдали мне файл в обмен на обещание повторной встречи.

Пауза. Долгая. Я не вру, и Урман оказывается в дурацком положении. Как хорошо — не врать. Да и зачем? В мире так много правды, что ложь просто не нужна.

— Чего вы хотите?

— Я? Ничего. Вы просили меня о встрече — очевидно, у вас есть какие-то предложения?

Снова молчание. Разумеется, Урман не ожидал, что я приду после попытки меня выследить. На всякий случай добавляю:

— Кстати, не надо отслеживать канал связи. Иначе я уйду.

Молчание затягивается, и я мысленно вижу Урмана, кивающего охранникам — «а ну-ка, отделайте его как следует...».

— Восстановите его канал связи в полном объеме, — приказывает Урман. — И снимите наблюдение.

Яркий свет. Жмурюсь, разглядывая внутренности каземата сквозь полуприкрытые веки. Мрачные тяжелые стены, поверх стен — решетки, крошечные оконца — из зеркального стекла. В центре помещения — стол, кресла.

— Это зал совещаний, — объясняет Урман. Он в строгом костюме, при галстуке. Вероятно — его одежда автоматически подстраивается под интерьер помещения. Слышал я про такие штучки. — Здесь проводятся совещания совета директоров и некоторые встречи...

Понятно. Наиболее защищенное место в виртуальном пространстве корпорации. Отсюда не убежишь, как из беседки.

Впрочем, мне не с чем бежать — я пришел абсолютно безоружным.

— Оставьте нас, — продолжает раздавать приказы Урман.

Охрана повинуется беспрекословно.

— Спасибо, Фридрих, — говорю я.

Урман молча кивает, садится в одно из кресел. Я устраиваюсь рядом.

— Продали... яблочко? — интересуется Урман.

— Да, спасибо.

— Рад за вас.

Кажется, он не очень-то злится. И это меня настораживает.

— Надеюсь, это не очень осложнило финансовое положение корпорации?

— Нет. Не очень.

Вопросительно смотрю на Урмана.

— В прошлый раз я забыл сообщить вам, что у замечательного лекарства есть один недостаток, — замечает Урман. — Побочный эффект. Мы выявили его почти случайно... полагаю, что господин Шеллербах и «ТрансФармГрупп» на него не наткнутся.

Мне становится неуютно.

— Не переживайте, дайвер, в ваши обязанности не входило проверять лекарство на безвредность, — смеется Урман. — Кстати, ничего смертельного... не онкология и не терратогенный эффект. Но пациенты будут недовольны.

«Аль-Кабар» подстраховался... Интересно, что за побочный эффект у средства от простуды? Окраска кожи в зеленый цвет, импотенция, облысение? Урман не скажет.

Что ж, я до конца дней своих буду лечить простуду аспирином.

— Ладно, забудем взаимные обиды! — великодушно предлагает Урман.

Киваю.

— Как я уже говорил — у меня есть к вам интересное предложение... — говорит директор «Аль-Кабара». — Постоянная работа.

— Нет.

Смотрим друг другу в глаза. Говорят, они зеркало души. Вот только есть ли души у наших виртуальных тел?

— Некоторые дайверы имеют постоянные контракты, — замечает Урман. — Значит... не запрещено?

— Не запрещено. Но есть разница в работе на развлекательный центр или бюро виртуального сыска — и в работе на вас. Через месяц, два, три — вы меня вычислите.

— А вы так боитесь огласки, Иван?

— Конечно. Мы алхимики виртуального мира. Колдуны. А ни один нормальный царек не выпустит алхимика из комфортабельной подземной темницы. Дабы не придумывал пороха врагам.

— Печально... — Урман не спорит. — Вы во многом правы, русский дайвер... Русский, уж извините, я это знаю. Ваш голос был проанализирован — это никак не программа-переводчик.

Я тоже с ним не спорю. Такая мирная и хорошая беседа. Мы так лояльно друг к другу относимся — загляденье.

— Тогда — предлагаю вам разовое сотрудничество! — весело говорит Урман. — Работа несложная, а платим мы хорошо.

— Полагаете, вытащить Неудачника из «Лабиринта» — так легко?

В яблочко! В наливное! Лицо Урмана дергается, потом он овладевает эмоциями, но тик под левым глазом остается. Один-ноль, нет!.. пять-ноль!

— Объясните, о чем вы? — неубедительно вопрошает господин директор.

— После вас.

Или меня сейчас убьют, или выложат карты на стол.

Урман все же умеет держать удар.

— Одной из областей деятельности корпорации является демографический контроль Диптауна.

Качаю головой — я не понял...

— Количество обитателей виртуальности — в каждый момент времени. С точностью до человека. По районам, зданиям, пространствам в пространстве, вроде нашего.

— Зачем? И по какому праву?

— Это было общее решение, принятое еще год назад, — пожимает плечами Урман. — Сравнение нагрузки на отдельные серверы, привязка к времени суток — все это позволяет скоординировать работу, удешевить пользование виртуальным пространством. «Америка Он Лайн» — один из основных заказчиков, мелкие компании тоже присоединились.

Опять меня подводит пренебрежение к открытой информации.

— Мы вели контроль по числу входящих-выходящих сигналов на серверах, — продолжает Урман. — Очень просто и надежно. Очень оперативно. Серверы отчитываются каждые две минуты. Ничьи права не нарушаются, а мы знаем общее количество людей, находящихся в виртуальности. Это не слежка, только статистика.

Киваю.

— Параллельно ведется контроль количества обрабатываемых компьютерами объектов в каждом районе, — продолжает Урман. — Таким образом мы знаем, сколько человек находятся в той или иной области пространства. Отчет также каждые две минуты. Легко понять, что если сложить активно действующие объекты всех районов, то получится уже известная цифра — количество людей, вошедших в *глубину*.

Я понимаю.

— Цифры не сошлись?

— Да. В виртуальности находится на одного человека больше, чем должно быть. Компьютеры его видят, он функционирует в киберпространстве, но он никогда не входил в сеть.

Урман встает, взмахивает рукой — и на стене, поверх бетона и стальной решетки — разворачивается огромный экран. Я привстаю. Это карта Диптауна и окрестностей, словно сшитая из крошечных лоскутков. Каждый лоскуток — сервер, обслуживающий данный участок пространства. Поверх лоскутков — мелкая красная сыпь, это входные серверы, телефонные линии, по которым можно войти в *глубину*.

Красиво. Все буржуи — показушники.

— Можно просмотреть данные по районам, — сообщает Урман. — Вот, например...

Он шагает к экрану, потянувшись тычет пальцем в квартал «Аль-Кабар». Над экраном вспыхивает табло. «1036/1035».

— Понятно?

— Ваши серверы держат в виртуальном пространстве тысячу тридцать шесть человек. Включая меня. И все, кроме меня, подключились через ваши собственные каналы?

— Конечно. Рискованно пропускать секретную информацию через чужие линии — даже самых надежных провайдеров. Мы имеем собственные каналы в двенадцати городах, где проживают наши сотрудники.

— Но тогда невозможно обнаружить Неудачника! Я подхожу к карте, отыскиваю ресторан «Три поросенка», вовремя спохватываюсь и тычу пальцем в другое заведение, неподалеку. Там я был лишь пару раз, и мне не понравилось. Слишком шумно и помпезно.

«63/2».

— Вот это более распространенная картина, верно? В пространстве ресторана гуляют шестьдесят три человека, но лишь двое вошли через его собственный телефонный канал!

Урман кивает.

— Мы вышли на «Лабиринт» иным образом.

Я уже не помню о том, что передо мной хитрый и не слишком доброжелательный собеседник. Мне интересно разгадать, каким путем они отыскали человека, не входившего в *глубину*.

— Так... прослеживать каждый отдельный сигнал — немыслимо. Дорого, долго, да и запрещено.

Урман смотрит на меня с таким самодовольством, словно это он сам решил проблему, а не отдал приказ специалистам.

Подумаем. Иногда полезно.

Вот — поток электронных импульсов. Сейчас не важно, откуда он взялся. Это информация — простенькое трехмерное изображение человека, Неудачника. Она входит в компьютер, создающий тридцать третий уровень «Лабиринта», возможно — через модем, а возможно — и непосредственно в процессор. Компьютер помещает изображение в начало уровня и готовится управлять перемещениями Неудачника, транслировать его голос остальным игрокам, рассчитывать эффект его выстрелов, перемещать камешки, задетые его ногой. Ну и, конечно, отсылать Неудачни-

ку картинки, которые он видит левым и правым глазом, звуки, которые он слышит, те толчки, которые он чувствует посредством виртуального комбинезона.

Стоп — куда отсылать? Если он *не входил в глубину?*

Получается сбой. Компьютер обрабатывает действия Неудачника, но не знает, откуда они взялись и куда посылать результаты. Это может отразиться на показателях сервера? Должно. Но на очень специфических — на чем-то вроде соотношения между объемом обрабатываемых процессором данных и количеством посланной-принятой по модему информации. Надо заранее интересоваться этим показателем, чтобы за несколько часов выявить сервер, на котором появился незваный жилец...

— Вы ждали его, — говорю я. — Вы знали, что он появится!

— Допускали такую возможность, — уточняет Урман. — Рано или поздно должен был появиться человек, способный входить в виртуальность самостоятельно.

— Без компьютера? — Я произношу этот бред, который — вот ведь смешно — даже не покажется бредом любому, далекому от компьютеров и сетей! Это так же смешно, как представить себе человека, умеющего подключаться к телефонной линии. Это просто глупо.

Но Урман может быть кем угодно, кроме дурака. Он простой миллионер, извлекающий для «Аль-Кабара» прибыли отовсюду — из земных недр, космических спутников-ретрансляторов и простуженных носов.

— Не только мы работаем над альтернативными вариантами общения с компьютером, — говорит Урман. — Клавиатура, мышь, шлем и комбинезон — все это остатки довиртуальной эпохи. На очереди — прямое подключение к зрительным и слуховым нервам. Разъемы... — Он крутит пальцами у виска, то ли сомневаясь в собственном здравомыслии, то ли пытаясь изобразить розетку, пристроенную за ухом. — Но этот путь требует очень серьезной работы над менталитетом общества. Труднее сломать психологию людей, чем просверлить черепную кость и воткнуть в мозг микросхему. Если этого не потребуется... если можно будет просто входить в виртуальность... мир перевернется.

— А вам так хочется его перевернуть?

Фридрих серьезен.

— Когда мир переворачивается, друг мой, самое важное — первым встать на голову.

Молчу — мне нечего сказать. Хотел бы я входить в *глубину* без компьютера? Без Вики за спиной? Без страха перед вирусным оружием? Без помех на телефонных линиях и вечной погони за скоростью модемов?

Смешной вопрос, конечно, хотел бы. Вот только не верю я в такие дела.

Но очень хочу поверить.

— Насколько мы знаем, Неудачника пытались вывести из *глубины* дайверы, работающие на «Лабиринт», — небрежно говорит Урман.

Киваю. Разведка у них хорошо поставлена. Чего не сделают доллары, примененные в нужное время и в нужном количестве.

— А также некто по прозвищу Стрелок, — добавляет Урман. — Вероятно, тоже дайвер?

— Да. Это был я.

Урман кивает:

— Тогда я жду обещанных объяснений.

Наверное, правильнее всего — прошептать себе под нос *«глубина-глубина...»* и исчезнуть. Но не могу я это сделать после откровенности Урмана. Дырка в черепе — это и впрямь проще, чем дыра в жизненных правилах...

— Вскоре после нашей первой встречи меня вынудил к встрече...

Урман приподнимает брови.

— Именно *вынудил,* человек, чьего имени я не знаю. Он предложил разобраться с ситуацией, возникшей в «Лабиринте». Деталей он не объяснял. Я лишь потом понял, что речь шла о Неудачнике.

— Мы зовем его Пловец, — замечает Урман. — По аналогии с вами, господа дайверы.

— В принципе, это все, — говорю я. Не люблю, когда меня обрывают.

— Вам была обещана награда?

— Да.

— Большая?

— Очень... — Не могу удержаться и добавляю: — Боюсь, что вы не сможете предложить мне большего.

Урман очень серьезен — разговор принял деловой оборот. Но о возможностях пока не спорит и крутизну «Аль-Кабара» не доказывает.

— Как вышел на вас тот человек? И почему именно на вас?

— Он устроил облаву на дайверов. А я... немного подставился.

— У вас есть предположения о его личности?

— Никаких, — честно говорю я. Но, видимо, недостаточно честно — Урман молчит, вопросительно глядя мне в глаза. Возможно, мои слова контролируются детектором лжи и кто-то сообщает Урману результаты проверки...

— Только одна деталь. Он знал о моем визите... к вам. И был хорошо осведомлен о состоявшейся беседе. И что вы хотите предложить мне ту же работу — тоже знал.

Урман держит удар. Мало ли он их держал в жизни? Но на маске спокойствия — дергающееся веко. Неприятно узнавать, что под боком есть шпион.

— Благодарю вас, дайвер.

Снисходительно улыбаюсь. Какие мелочи... Пускай два паука подергаются в своей паутине...

— Вы можете что-то сообщить о Пловце?

Пожимаю плечами:

— Ничего особенного. Человек как человек. Иногда возникает ощущение, что у него — дип-психоз, очень уж всерьез относится к происходящему. А так — вполне адекватен.

Урман кивает. Похоже, они ухитрились присосаться к компьютерам «Лабиринта» всерьез и контролируют происходящее. Это побуждает меня спросить:

— Вы все-таки пытались проследить сигнал Неу... Пловца?

— Нет никаких сигналов.

То ли Урман тоже страдает болезненной откровенностью, то ли в его интересах до конца убедить меня...

— Серверы «Лабиринта» не транслируют информацию Пловца. Ни в одну сторону. Он... болтается на уровне сам по себе.

Значит — правда. Человек, вошедший в виртуальность напрямую?

— Администрация «Лабиринта» все еще пытается проследить его канал связи, — бросает Урман. — Но через пять, максимум — восемь часов, по данным наших экспертов, они при-

дут к тем же выводам, что и мы. Тогда начнется настоящая паника.

Представляю. Уровень будет изолирован, а возможно, и весь «Лабиринт Смерти» очистят от игроков. Будут спешно прорублены прямые проходы на тридцать третий уровень — то, что их пока нет, вовсе не означает, что создать их невозможно. Отключат всех монстров, погрузят в стазис здания — чтобы Неудачника ненароком не зашибло упавшим кирпичом. Толпа психологов, хакеров, чиновников, Анатоль с Диком — все они хлынут на опустевший уровень. Окружат Неудачника заботой и лаской, на руках понесут к выходу...

Можно смело предположить, что мои услуги им не понадобятся.

— Вы согласны сотрудничать с нами?

Смотрю на Урмана — вроде бы он не шутит.

— Я уже работаю на человека, чьего имени не знаю.

— Возможно, он обещает вам очень многое, этот таинственный мистер Икс. Но оказал ли он хоть какую-то помощь?

Качаю головой.

— Если вы и впрямь — Стрелок, то могли убедиться, что обычные методы к Пловцу неприменимы. Еще пара попыток ничего не изменит. Затем «Лабиринт» изолируют, и проблемой займутся владельцы... аттракциона.

Последнее слово он произносит с некоторым презрением.

— Кто бы ни нанял вас, основанием ему служили вовсе не ваши дайверские таланты.

— А что?

Теперь он заставил меня растеряться.

— Куда проще было перекупить дайверов «Лабиринта». Или нанять группу. Да, узнать ваши подлинные имена — сложно. Но встретиться и предложить работу — вполне возможно. В конце концов вы живете этим. Вашего таинственного работодателя привлекло что-то более серьезное, чем способность выходить из виртуального мира.

Казалось бы, у меня есть все основания раздуться от гордости. Но становится только тревожно.

— И мне кажется, — задумчиво говорит Урман, — что он был прав. Пловец — работа для вас. Главная работа вашей жизни. И я могу помочь с ней справиться.

Вряд ли он сможет предложить мне Медаль Вседозволенности. Такие вещи все-таки не покупаются. Но ставка велика, и награда может быть очень, очень большой.

Зачем мне Медаль, если до конца дней своих я могу не заниматься незаконными делами в виртуальности?

— Вы подписали контракт? — спрашивает Урман.

— Нет.

— Устная договоренность?

— Нет.

— Тогда о чем вы беспокоитесь?

Молчу. Я не знаю, почему держусь за предложение Человека Без Лица. Он силой принудил меня к встрече. Отправил в «Лабиринт», не объяснив абсолютно ничего. И обещание, данное им, вполне может быть блефом.

— Мне надо подумать.

— Хорошо, — соглашается Урман. — У нас почти гарантированно есть пять часов... вы, очевидно, нанесете новый визит в «Лабиринт»?

Неопределенно киваю.

— Я предприму собственные действия, — говорит Урман. — Вы их обязательно заметите, дайвер. И сможете сделать выбор.

— Туманно, Фридрих.

Урман недоуменно хмурится, пока программа-переводчик пытается понять, что я говорю не о погоде.

— Чем, собственно, я для вас ценен?

— Вы поймете, дорогой Иван-Царевич. Да, кстати, кто Пловец по национальности? Как вы думаете?

— Русский... — машинально отвечаю я.

Урман насмешливо кивает.

— Возможно, возможно... До свидания, дайвер. Подумайте и примите решение.

Одновременно с этими словами двери распахиваются и появляются стражники. На этот раз они не держат мечи наголо.

— Вас проводят к мосту, — сообщает Урман.

10

То ли за мной не следят, то ли делают это слишком искусно, чтобы Вика забила тревогу. Я поднимаюсь на стену, провожаемый взглядами охранников, ступаю на мост из волоса.

Интересно, сколько метров я смогу пройти, не выходя из *глубины?*

Шаг-другой — нить дрожит под ногами, голова кружится. В сотнях метров внизу, в нагромождениях скал, вьются голубые ленточки рек и мерцают оранжевым жаром озера лавы.

— Эй, дайвер, шатаешься! — насмешливо кричат в спину.

А я уже не шатаюсь — падаю.

Наверное, так срываются грешники-мусульмане, пытаясь пройти в свой рай, к ласковым гуриям и горам рахат-лукума...

Ноги соскальзывают, лечу, цепляюсь за нить — и та равнодушно срезает мне пальцы на руках. Воздух ударяет в лицо, холодно и хлестко, приглашая в короткий путь, скалы кружатся внизу, вырастая и ощетиниваясь иглами вершин. Когда я коснусь камней, сервер «Аль-Кабара» отрапортует, что я подвергся смертельным перегрузкам, — и сработает дип-программа выхода.

Но мне совсем не интересно, какой болью расцветит смерть мое воображение.

Глубина-глубина, я не твой...

На экранах — кровь. Привычная картина.

Я стянул шлем, навалился на стол, дернул из разъема телефонный провод.

— Обрыв связи! — сказала Вика. — Нет тонового сигнала в линии! Проверь разъем!

— Все в порядке, — втыкая провод на место, пробормотал я. — Перезагрузка.

— Серьезно?

— Да.

На мониторе голубизна и падающий человечек. На душе гадко.

Я ввязался в очень серьезную историю. Если «Аль-Кабар», «Лабиринт» и те, кто стоит за Человеком Без Лица, сцепятся из-за Неудачника... Ой-ей-ей... Лучше не попадать между таких жерновов. Лучше всего теперь на пару недель забыть про виртуальность. Резаться в обычные игры, пить с Маньяком пиво, апгрейдить компьютер, съездить куда-нибудь в Анталию, где еще тепло, покупаться в море.

Конечно, придется забыть о Вике. О настоящей Вике. Надолго.

Навсегда распрощаться с мечтой о Медали Вседозволенности.

И, конечно, вычеркнуть из памяти Неудачника.

А кто он, собственно говоря, такой, чтобы переживать за него? Хомо Компьютерис? Человек компьютерный, способный входить в виртуальное пространство без всяких модемов-телефонов? Ну и что? Не стоит надеяться, что его способность, если она действительно есть, можно легко перенять.

Специалисты всех мастей будут исследовать его, снимать энцефалограммы и замерять мыслимые и немыслимые параметры. Неудачника будут усаживать перед компьютерами разных типов, подключать и отключать модемы, привозить к телефонным линиям и прятать в подземные бункеры. И требовать — войди в *глубину*... расскажи, что ты чувствуешь... какое ощущение возникает в большом пальце левой ноги при входе в виртуальность и как меняется стул после трех суток в виртуальном мире. Проведет он остаток своих дней где-нибудь на охраняемой швейцарской вилле или в пустынях Техаса, в каком-нибудь научном центре ЦРУ. Очень ценная и уважаемая морская свинка.

Впрочем, он русский, наверное — российский гражданин. Если кинуть информацию о Неудачнике в открытую сеть или соответствующим органам...

Я даже засмеялся от собственной наивности. Ну и что? Пошлет старушка Россия авианосцы и танковые бригады на охрану Неудачника? Мало ли талантливых программистов было вывезено из страны — четырнадцатилетнего парнишку из Воронежа Сашу Морозова, например, увезли спецрейсом. Никому у нас не нужны мозги. Разве что разведка соберет остатки былой смелости и перехватит Неудачника. Лишь для того, чтобы замуровать в собственном исследовательском центре, где-нибудь в Сибири или на Урале...

Когда возникала *глубина* — ее знаменем была свобода.

Мы независимы от продажных правительств, обветшалых религий и пуританской морали. Мы свободны во всем и навсегда. Информация не имеет права быть засекреченной — и мы вправе говорить обо всем. Свободу передвижений нельзя ограничить — и Диптаун не будет знать границ. Мы отстоим свое право иметь все права. Мы изгоним из наших рядов лишь тех, кто восстанет против свободы.

Как наивны и восторженны мы были!

Люди нового, кибернетического мира, свободного и безграничного пространства!

Упивающиеся свободой, играющие ею, словно ребенок, вставший с постели после долгой болезни, радостные и гордые собой. Интересы *глубины* — все для нее, все во имя ее, во веки веков... аминь.

Но почему я все-таки верю в эти смешные лозунги с той же радостью, как в детстве верил в коммунизм?

Почему мне так хочется верить — вопреки всему?

Преступая законы, громя чужие компьютеры, воруя чужую «интеллектуальную собственность», не платя нищей родине налоги, не доверяя никому, кроме десятка друзей, — и верить во что-то теплое, чистое и вечное? В свободу, доброту и любовь?

Наверное, я просто из той породы, что иначе жить не умеет.

И, в общем, никто мне не мешает верить в свободу и дальше. Отсидевшись в реальности десяток дней, сменив каналы входа в *глубину* и сетевой адрес.

Верить — очень просто.

Я смотрел на трехмерную сетку нортоновской таблицы, на ровненькие строчки директорий и поддиректорий. Три гигабайта, и все заполнены под завязку. Служебные программы, вирусы-антивирусы, кусочки Викиного «сознания», музыкальные файлы и игры, ворованная информация и свежие книги, еще не успевшие выйти из стен типографии. Вон «Сердца и моторы — снова в пути» Васильева, вон свеженький детектив плодовитого, как пиранья, Льва Курского, вон нашумевший роман Олди. Выйти сейчас, купить много-много пива, распечатать на стареньком «Лазер-джете» пару книжек, завалиться на тахту. Отоспаться — вволю! А господин Урман, которого я никогда не увижу воочию, и господин Без Лица, которого не увижу тем более, могут сражаться с Вилли-Гильермо за Неудачника...

Никогда мне не нравились дураки и камикадзе.

Я взял с корпуса своей «пятерки» телефонную трубку, набрал номер Маньяка. Мне опять повезло — он не болтался в виртуальности и не спал.

— Алло!

— Шура, это я.

— А... — Маньяк убавил тон.

— Ты не занят?

— Ну... немного.

— Программу пишешь?

— Нет, картошку чищу. Галя ужин готовит.

— Поздравляю.

— С чем? — насторожился Маньяк.

— С примирением!

— А... да, ерунда.

Злоупотреблять его временем да еще в условиях недавнего воссоединения с супругой, не стоит.

— Шура, скажи, возможно войти в «Лабиринт Смерти» с оружием?

— С вирусом, что ли? Тебе «BFG» мало? — Маньяк начинает веселиться. — Шутишь. Это пространство в пространстве, созданное с жестко заданными целями. Проще в Пентагон вирус засунуть, чем через фильтр «Лабиринта» пронести.

— Уж не ты ли им фильтр делал?

— Нет, — с сожалением сознался Маньяк. — Не я. Но я знаю, кто и как его делал.

— И как?

— Во входном портале твой внешний образ копируется. Если при тебе есть программы, любые, то они отсекаются. Через сервер «Лабиринта» проходит твоя точная внешняя копия.

— Никак не обойти? — беспомощно поинтересовался я.

— Подумай.

— Что-то часто приходится... надоело уже, — буркнул я. — Шура! Ну скажи, можно пробить фильтр?

— Пробивают только стены лбом, — наставительно сказал Маньяк. — Что случилось?

— Очень скверная история. Очень.

— Для кого — скверная?

— Для всей *глубины*. И для одного хорошего человека.

— А для тебя? — в лоб спросил Маньяк, и я невольно вспомнил «Трех мушкетеров».

— Полный швах. Можешь поверить.

Маньяк ответил не сразу. Даже начал что-то насвистывать.

— Шурка!

— «Warlock — девять тысяч» тебя устроит?

— А что это?

— Локальный вирус. Как обычно.

— И он пройдет через фильтр?

— Может быть.

— Шура, я тебя не очень отвлекаю? От картошки? — охваченный внезапным раскаянием, спросил я.

— Ничего, уже дочищаю...

Я радиотелефоны не люблю. Хватит мне излучений от родного компьютера. Маньяк, наоборот, жизни без них не мыслит. Вот и сейчас, наверное, стоит, прижимая плечом трубку, и сдирает с картошки кожуру.

— Залей мне его.

— Прямо так и залить?

— Да, — набравшись наглости, попросил я.

— Подожди, не все так просто. Ты какими программами пользуешься для создания облика?

— Разными... «Биоконструктор», «Морфолог», «Личина»...

— Ясно. В какой личности будешь пользоваться вирусом?

— Личность номер семь, «Стрелок». «Ганслингер»...

— Расширение какое у файла?

— А? Расширение? Кажется...

— Врубай терминал, — устало приказал Маньяк. — Ставь полный доступ на пароль... ну, например, «12345».

— Один-два-три-четыре-пять, — как дурак, повторил я.

— Цифрами! — уточнил Маньяк. — Я сам все настрою.

— Спасибо!

— Не отделаешься... пиво с тебя.

Маньяк еще вздохнул и, перед тем как положить трубку, пригрозил:

— Звоню через пять минут. Твоя старуха уже работает, ждет меня и послушна, как гимназистка. Ясно?

Я бросился к компьютеру. Через три минуты Вика согласилась покориться тому, кто прозвонится с паролем «12345», и я отправился на кухню готовить ужин. Я не успел еще наполнить чайник, как в комнате затренькал телефон, а потом начал посвистывать соединяющийся модем.

Все-таки я дурак. И камикадзе.

Впрочем, любить самого себя глупо. Можно и дураком побыть.

Я успел выпить чаю с вареньем, завалявшимся в буфете, потом наполнил кружку заново и пошел в комнату. Маньяк

как раз отсоединялся от компьютера, оставив посреди экрана пылающую красную строчку: «Взял кое-что из твоего барахла почитать и поиграться вирус вшит инструкция голосом через минуту».

Знаками препинания Маньяк беззаботно пренебрег.

Выйдя в «Нортон», я отыскал файл с внешностью Стрелка (расширение у программы оказалось самое заурядное — .clt) и начал сравнивать с другими, немодифицированными обликами. На мой взгляд ничего не изменилось.

Как и следовало ожидать.

Минут через пять позвонил Маньяк и быстро объяснил, что и как я должен сделать. Я лишь головой замотал, когда до меня дошло, что он сотворил с моей внешностью «номер семь».

«Варлок девять тысяч» явно был его давней заготовкой, приберегаемой для особых случаев. Если подобную штуку хоть раз использовать, то возникнут сотни плагиаторов.

— Пиво, пиво и еще раз пиво... — отключив телефон, сказал я. Впрочем, будет ли у меня возможность это пиво поставить — неизвестно.

Я собирался устроить в *глубине* такую бурю, которой она давно уже не знала.

Бурю, которую она заслужила.

11

— Терминал включен, — отрапортовала Вика. Я щелкнул курсором по иконке соединения, и через несколько секунд был на сервере «Россия Он Лайн».

Адрес, оставленный мне Человеком Без Лица, я помнил наизусть. Какой-то польский сервер, что абсолютно ничего не значит. Это просто ретранслятор, наверняка по пути к таинственному незнакомцу мой сигнал промчится сквозь пару-другую стран.

Видеоподдержкой сервер не пользовался. Никаких рисованных мордочек или анимированных фотографий на экране. Строгое меню на польском, английском, возможность поддержки еще десятка языков — включая румынский и корейский... русского нет. Увы, не очень-то жалует нас братский народ. Я ответил на приветствие оператора и попросил установить связь

с «Man without face». Через полминуты оператор переключился на русский драйвер клавиатуры и попросил назвать абонента на моем родном языке.

«Человек Без Лица», — набрал я.

Меня начали перекидывать с сервера на сервер. Первые два были открытыми, о трех следующих я не узнал ничего. Потом на экране появилась надпись «Ожидайте». На русском, между прочим.

Ожидал я четверть часа.

Первые пять минут тихо и скромно, потом — достав из холодильника пиво и засунув в сидишник старый альбом «Наутилуса».

Я просыпаюсь в холодном поту,
Я просыпаюсь в кошмарном бреду... —

пел Бутусов. Хороший певец. Пока сам тексты сочинять не пробует.

Как будто дом наш залило водой
И что в живых остались только мы с тобой...

Я вспомнил свой сон — в котором был певец на сцене и бедолага Алекс. Вещий сон в какой-то мере. Вот только почему я представил Неудачника певцом? В жизни у меня не было знакомых музыкантов, а уж сам я рискую напевать только в полном одиночестве.

И что над нами — километры воды,
И что над нами — бьют хвостами киты,
И кислорода не хватит на двоих — я лежу в темноте,
Слушая наше дыханье...
Я слушаю наше дыханье...

Нравится мне эта песня. Она словно о моей *глубине,* о виртуальном мире, который еще не существовал пять лет назад, когда писалась песня. Это я пытаюсь разучиться дышать, не верить в красоту киберпространства.

«Кто?»

Дернувшись к экрану я, не раздумывая, набрал:

«Я».

«Как успехи, дайвер?»

«Полагаю, Вам это известно».

Многое отдал бы, чтобы узнать — кто он, Человек Без Лица.

«Да».

«Я не справляюсь».

«Это твоя беда».

«Не только».

Заминка — то ли Человек Без Лица думал, то ли где-то на линиях случился сбой.

«Чего ты хочешь?»

«Помощи».

«Мне нечем помочь. Все, что тебе нужно, — в тебе самом».

Будь он рядом — реальным человеком, из плоти и крови, я бы произнес то, что стоит говорить лишь устно, а лучше — вообще не говорить. Я и высказался вслух. Но у сетей свои нормы общения, и пальцы мои отбили на клавиатуре:

«Кто он?»

«Тебе уже сказали».

Пауки. Протянувшие тонкие ниточки в чужие логова. Урман следит за «Лабиринтом», а Человек Без Лица контролирует «Аль-Кабар».

«Это правда?»

«Возможно».

«Я НЕ СПРАВЛЯЮСЬ!» — прописными буквами написал я.

«Жаль».

И — почти мгновенно — в нижней части экрана возникла строчка: «Связь прервана по желанию абонента».

— Связь прервана! — подтвердила Вика. — Повторное соединение?

— Нет, — ответил я. Почему-то не было ни капли сомнений — польский сервер больше не соединит меня с Человеком Без Лица.

Может быть, он обижен, что я рассказал о нем Урману. Может быть, разуверился в моих способностях.

Результат один.

— Вика, я умный? — спросил я.

В «Виндоус-Хоум» набито около тысячи ключевых слов. Порой с компьютером можно вести очень забавные беседы... почти разумные.

— А какой ответ ты хотел бы услышать? — уклонилась Вика. Как всегда, когда слова не имели формы приказа и были ей непонятны.

— Правдивый.

— Я не знаю, Леня. Очень хотела бы ответить, но не знаю.

— Дура ты, Вика.

— А ты хам.

Я засмеялся. Услышь меня кто-нибудь, не знакомый с современными операционными системами, — обязательно бы решил, что мой «пентиум» разумен.

— Извини, Вика.

— Ничего. Я не сержусь.

Разум — имитация разума... Где граница между ними? Мы уже разговариваем со своими компьютерами, они здороваются с нами и желают приятных снов. Многие — я, например — большую часть жизни проводят в виртуальном пространстве. Но это не победа человеческого разума, это лишь имитация победы. Яркие флаги и фейерверки над пустотой. Больше частота процессора, больше память — и машина становится похожа на человека. Но не более того...

А Неудачник — он тоже может быть программой. Такой же хитрой, как вирус Маньяка. Пролезшей сквозь фильтр под видом человека, пустившей корни в сервер тридцать третьего уровня. Способной поддерживать беседу и уничтожать чудовищ.

— Блин! — завопил я.

Это же так просто! Сотня фраз, произносимых когда удачно, а когда невпопад. Программа, обучающаяся на твоих собственных словах, возвращающая тебе твои собственные мысли. Послушно идущая вслед за наивными спасателями... Конечно, ей не нужны никакие каналы связи.

Что я говорил Неудачнику, как он мне отвечал? Я напряг память.

Не знаю. Может быть — и программа. Тогда «Аль-Кабар» и Человек Без Лица ткнули пальцем в небо.

Как хорошо, если я угадал. Как просто разрешается загадка!

Тишина, Стрелок...

Меня пробила дрожь. Я вспомнил ту пустоту, что накатила после его слов.

Программа?

Неудачник, бережно несущий нарисованного мальчишку...

Программа?

— Ничего я не понимаю, Вика, — сказал я. — Совсем ничего. И ты мне помочь не можешь.

— Я могу помочь? — невпопад ответила Вика.

— Нет!

— А кто может?

Я помолчал, прежде чем ответить.

— Настоящая Вика. *Глубина!*

— Включение дип-программы?

Вместо ответа я нацепил шлем и положил руки на клавиатуру.

deep

Ввод.

Темноту экранов расчертили падающие звезды, радужная спираль закрутилась перед глазами. Стирая реальность, уводя меня к небоскребам Диптауна.

Первый миг — самый трудный. Комната та же самая, но я знаю — это морок, мираж.

— Все в порядке, Леня?

Кручу головой.

Комната в порядке. Я — не тот.

— Личность номер семь, «Стрелок».

— Выполняю...

В этот раз моя внешность меняется томительно долго. Что поделаешь, неизбежная плата за оружие.

— Все в порядке, Леня?

Встаю, смотрю на себя в зеркало.

— Да. Спасибо, Вика.

Подхожу к холодильнику, ищу в нем лимонад. «Спрайта» уже нет, осталась только кока-кола. Пойдет.

— Удачи, Леня.

— Спасибо.

Я жадно пью самый популярный в мире напиток, задуманный — вот смех-то! — как средство от поноса. Урман считал, что у меня есть еще пять часов. Теперь осталось четыре. Почти чувствую, как где-то вдалеке, на других континентах, скрипят мозги чиновников всех мастей, начиная осмысливать феномен Неудачника. Скоро тридцать третий уровень «Лабиринта» прикроют. Скоро за Неудачником устроят охоту. Неважно, кто он — человек или программа. Я его вытащу.

— Вызови мне такси, — говорю я и выхожу из квартиры. Спускаюсь в чистеньком светлом лифте, открываю дверь подъезда.

Меня поджидает старый «форд». Водитель — прилизанный юноша в белой рубашке. Копия того, что я убил два дня назад, проникая в «Аль-Кабар». Мне даже стыдно становится при виде его доброжелательной улыбки.

— Публичный дом «Всякие забавы»! — рявкаю я.

100

Наверное, Вика уговорила Мадам сделать для меня особый статус. Во всяком случае, когда я вхожу в холл, там уже сидят трое мужчин. Все вскидывают головы — у всех в глазах смущение и испуг. Друг друга они не видят, а двое даже частично пересекаются в пространстве, напоминая уродливых сиамских близнецов.

Эти двое — статные голубоглазые брюнеты, стандартные тела из набора «Виндоус-Хоум». Видимо, надеты в целях маскировки. Третий — смуглый здоровяк, выбритый наголо. Сближает их всех лишь взгляд. Словно у человека, пойманного за выдавливанием прыщей.

Видимо, я теперь на правах сотрудника борделя? Вижу сразу всех посетителей, могу проходить в служебные помещения?

— Привет! — говорю я, вяло вскидывая руку. Все трое быстро кивают. Один с деланно-небрежным видом откладывает зеленый альбом, другой отшвыривает фиолетовый.

Лишь бритый здоровяк упрямо продолжает листать черный альбом, с любопытством разглядывая фотографии.

Я подхожу к охраннику. Он послушно распахивает передо мной дверь, и я выхожу из холла, избавляя посетителей от душевных мук.

Провожать меня не собираются, дорогу я помню. Коридор пуст, часть дверей открыта, часть — нет. Из одной доносятся взрывы хохота. За дверью — беседка, окруженная цветущей сакурой. В небе — нежаркое весеннее солнце, вдали — конус Фудзи. В беседке пьют чай две девушки, при виде меня они беззаботно машут руками:

— Стрелок, привет! Чаю хочешь?

— Н-нет, — бормочу я, быстро удаляясь. Еще из одной двери высовывается абсолютно голая девчонка. Но стеснения у нее нет и в помине.

— А Вика занята! — говорит она. — Может, посидишь у меня? А то ску-у-учно!

Никакого намека в словах девчонки нет. И мысль о сексе возбуждает ее не больше, чем процесс вдоха-выдоха. Но что-то такое страшное есть в самой ситуации... в этих веселых, дружелюбных молодых девушках...

Я вдруг понимаю, что напоминают мне эти девочки.

Какую-то старую фантастическую книжку, про веселых молодых людей, занимающихся любимым делом, днюющих и ночующих на работе, дружелюбных, всегда готовых помочь товарищу, неспособных сказать друг о друге плохое слово...

Это как кривое зеркало. Фальшивое отражение. Зло надело одеяния добра — и, странное дело, они оказались впору!

— Спасибо, я все-таки у нее подожду! — отчаянно улыбаясь, отвечаю я. — Спасибо!

Девушка корчит жалобную гримаску и исчезает в своей комнате. А я иду дальше.

Пока не встречаюсь взглядом с черным котенком на фотографии.

— Мяу! — тихонько шепчу я, толкая дверь. Котенок открывает рот, тихо мяукает в ответ и вновь замирает.

Горная хижина пуста, лишь ветер из открытого окна треплет короткие занавески. Облокотившись на подоконник, долго смотрю на горы.

Нет, это невероятно. Создать целый мир, в полном одиночестве! И не ради денег и славы, не на заказ — просто для себя. Не для того, чтобы войти в этот мир.

Лишь знать, что он есть. Рядом, за окном. Искрящийся снег вершин, бескрайняя синь неба, камни на склонах, черный мох под соснами, парящие в небе птицы и снующие по деревьям белки. Мир тишины, чистоты и покоя. Мир, в котором не придумано слово «грязь».

Мне кажется, что Неудачнику он мог бы понравиться.

Очень надеюсь, что понравится...

— Леня?

Вика входит неслышно и застает меня врасплох.

— Извини... тебя не предупредили?

Она качает головой.

— Мне захотелось с тобой посидеть. Чуть-чуть. — Я невольно начинаю оправдываться. — У тебя... все в порядке?

Вика кивает.

— Не стоит так часто нырять в *глубину,* — говорю я, подходя. — Ты хоть перекусила?

— Немножко. Клиентов сегодня — море.

Она не отводит взгляд. Она привыкла считать это работой.

А со мной что-то не так. В груди — холодный ком, сыпучий и колкий, как снег на морозе. Я глотаю воздух и говорю:

— Неужели тебе необходимо так много работать... Мадам?

Вика отходит к окну. Спрашивает, не оборачиваясь:

— Как ты узнал?

— Почувствовал.

— Уходи, Леонид. Уходи навсегда, ладно?

— Нет.

— Какого дьявола ты ко мне привязался? — кричит Вика, поворачиваясь. — Зачем тебе подруга-проститутка? Проваливай! Мне это все нравится, ясно? Трахаться по сто раз в день, менять тела, командовать девчонками и делать вид, что я одна из них! Ясно? Ясно тебе?

Я просто стою и жду, когда она выкричится. Потом подхожу и становлюсь рядом у окна.

Говорить сейчас нельзя, и касаться Вики тоже не стоит, а молчать опасно, но выхода нет, и я жду. Сам не зная чего.

Горы вздрагивают, и пол под ногами начинает трястись. Вика вскрикивает, хватаясь за подоконник, я хватаю ее за плечо и упираюсь свободной рукой в стену. Земля трясется. Снежные шапки оплывают белым дымком, вытягивают вниз щупальца лавин. Мимо окна с грохотом проносится огромный валун.

— Мамочка... — шепчет Вика, садясь на пол. Она скорее возбуждена, чем напугана. — Пригнись, Леня!

Я падаю рядом с ней, и вовремя — в окно бьет хороший заряд каменной шрапнели.

— Баллов пять! — кричит Вика. — Семь!

— Восемь! — поддерживаю я. Вряд ли она видела настоящие землетрясения, иначе бы не веселилась.

Пол хижины еще трясется, но уже слабее, мелкой конвульсивной дрожью.

— Круто, — шепчет Вика, вытягиваясь на полу. Ловлю ее взгляд, касаюсь рукой щеки. — Не сердись на меня, Леня.

— Я не сержусь.

— Клиенты порой... заводят.

— Кепочка? — вспоминаю я.

— Он самый.

— Кто он такой?

Вика дергает плечами:

— Не знаю. Он в разных телах ходит и ничего про себя не говорит. Только... — Она усмехается: — Всегда появляется в кепочке. Отсюда и прозвище.

— Он — садист?

— Да, наверное. Только особого плана.

Ее губы беззвучно шепчут короткое ругательство.

— Вы что, принимаете любых клиентов? Даже таких, от которых на стенку лезете?

Вика молчит.

— Я думал, что самых больших идиотов вы отсеиваете. Если Кепочку можно заранее опознать...

— *Мы* — не отсеиваем никого.

— Это что, честь фирмы? «Любая причуда»?

— Можешь считать и так.

Землетрясение вроде бы кончилось. Поднимаюсь, выглядываю в окно. По склонам еще сходят лавины, речушка внизу перегорожена оползнем и медленно разливается, отыскивая новое русло.

— Стихло... — шепчу я, невольно понижая голос. Будто мои слова могут вновь пробудить стихию. — Вика, зачем ты сделала землетрясение?

— При чем тут я? Этот мир живет сам по себе. У меня больше нет возможности им управлять.

— Совсем?

Вика бросает на меня короткий взгляд, встает, разглядывает изменившийся пейзаж.

— Абсолютно. Мир становится настоящим, только когда обретает свободу.

— Как человек.

— Конечно.

— Ты так веришь в свободу?

— А в свободу не надо верить. Когда она есть, ты сам это чувствуешь.

Наверное, я знал, что она скажет эти слова.

— Вика, если человеку, хорошему человеку, грозит беда. Если он навсегда может потерять свободу... ты согласилась бы ему помочь?

— Согласилась бы, — отвечает она спокойно. — Даже если он не очень хороший человек. Это такая позиция, если хочешь.

— Мне надо спрятать человека.

Вика смешно машет головой, так что волосы рассыпаются по плечам.

— Леня, ты о чем? Где спрятать?

— В виртуальности.

— Зачем?

— Он не может выйти.

— Ты об этом, который в «Лабиринте»?

— Да.

— Леня... — Вика берет меня за руку. — Ты давно был в реальном мире?

— Полчаса назад.

— Точно? Тебе самому помощь не нужна? У меня... — она закусывает губу, — есть знакомый дайвер. Это не выдумки, они и впрямь существуют!

Забавно...

— Хочешь, я попрошу его встретиться с тобой?

— Вика...

Она замолкает.

Не привык я к такой заботе, честно говоря. Это моя специальность — беспокоиться о людях, потерявшихся в виртуальности.

— Я помогу, — говорит Вика. — Но ты не прав... мне кажется.

Сейчас мне не до споров.

— Спасибо. У вас надежные системы безопасности?

— Вполне. Ты что-нибудь понимаешь в этом деле?

Киваю. Конечно, написать защитную программу я не смогу. Но вот ломать их приходилось столько раз, что впору считать себя экспертом.

— Можешь порасспрашивать Мага.

— А он мне скажет?

— Тебе — нет. И мне тоже, а вот Мадам...

Вика мешкает, бросает на меня такой взгляд, словно просит выйти. Я иду к двери, но она окликает:

— Леня... Не надо. Хочу, чтобы ты видел.

Она подходит к стене, проводит по ней рукой. И доски расходятся, открывая узкую дверь.

Там, за дверью, свет. Холодный синеватый свет, неживой. Силуэт Вики секунду стоит в проеме, потом исчезает внутри. И я иду вслед, хоть мне этого и не хочется. Как загипнотизированный.

Сарай. Или морг. Или музей Синей Бороды.

Из стен — блестящие никелированные крюки, на них висят, чуть-чуть не доставая ногами до пола, человеческие тела. В основном — девушки, блондинки и брюнетки, несколько рыженьких, одна абсолютно лысая. Но попадаются и женщины средних лет, и пара старушек, несколько девочек и мальчиков.

Глаза у всех открыты, и в них — пустота.

— Это моя костюмерная, — говорит Вика.

Я молчу. Я и так это понимаю.

Вика идет вдоль покачивающихся тел, заглядывая в мертвые лица, что-то нашептывая — словно здороваясь с ними. Мадам висит в конце первого десятка. Вика оглядывается на меня, убеждаясь, что я смотрю, — и прижимается к пышному телу владелицы заведения, обнимает его — словно в пароксизме извращенной страсти.

Мгновение ничего не происходит. Потом — я не успеваю заметить миг перехода — Вика и Мадам меняются местами. Уже не Вика — Мадам отступает от бессильно повисшего тела.

— Вот и все, — говорит Мадам своим низким, грудным голосом.

— Зачем... так гнусно? — спрашиваю я. — Эти крюки... этот морг... зачем? Вика?

Мадам смотрит на Вику, грустно кивает:

— Вика, девочка, зачем? Объясним Лене?

Вика, нанизанная затылком на крюк, молчит.

— Чтобы не забывать, Леонид. Чтобы ни на секунду не забывать — они не живые.

Я смотрю на Мадам, куда более спокойную и мудрую, чем Вика. И если подходить непредвзято — гораздо более красивую.

— Ты должен был увидеть, — говорит Мадам.

— Я увидел.

Мы выходим из склада человечины через другую дверь — ведущую в комнату Мадам. Это совсем иной мир. Шумный и переполненный пляж за окном, раскаленное солнце в небе, сама комната набита пышной старой мебелью, повсюду разбросаны книжки, открытые коробочки со сладостями, одежда, дешевая бижутерия и браслеты дутого золота, полупустые флакончики духов, игральные карты. Огромная кровать под бархатным балдахином не заправлена, под ней валяется тапочка. В буфете — галерея початых бутылок, на стене — пыльная гитара, персидский ковер на полу проеден молью и заляпан винными пятнами.

— Теперь можешь гадать, какая я — настоящая, — говорит Мадам.

Не собираюсь гадать. В мире все равно нет иной правды, кроме той, в которую нам хочется верить.

Мы не задерживаемся в комнате Мадам, чему я безмерно рад. Здесь слишком душно.

— Леня, мне порой кажется, что ты еще совсем мальчик, — говорит Мадам. — Нельзя же быть таким наивным.

— Почему?

— Жить трудно.

— А мне никто не обещал, что будет легко.

Я иду рядом с Мадам, гадая, как мы смотримся со стороны. Бледный и высокий Стрелок годится Мадам в сыновья по возрасту, но сходства в них нет. Наверное, это выглядит как визит переодетого аристократа в дешевый бордель.

— Ступеньки крутые, — предупреждает Мадам.

— Помню.

Мы выходим в рекреационную зону, и девочки под зонтами приветствуют Мадам одобрительным визгом. Гей, бултыхающийся в воде у самого берега, торопливо встает и машет рукой. Из-под стойки бара высовывается всклокоченная голова Компьютерного Мага и торопливо ныряет обратно.

— Видишь, Вики нет, — громко говорит мне Мадам. Покровительственно кладет руку на плечо: — Девочки, Стрелок подождет свою подружку! Не обижайте его!

Общий смысл ответов сводится к тому, что меня непременно обидят, но мне это понравится. Мадам грозит девушкам пальцем, потом идет к стойке бара. Маг, словно почувствовав ее приближение, появляется на свет.

— Поговори со Стрелком, — ласково просит его Мадам. — У него есть вопросы... ответь на все.

— На все-все? — вопрошает Маг.

— Абсолютно.

— Ну, Мадам, я вас за язык не тянул! — заявляет Маг.

— Если бы в этом была необходимость... — вздыхает Мадам.

Я дожидаюсь Мага за столиком, стоящим чуть в отдалении от других. Ни к чему девочкам слушать наш разговор.

— Шампанское! — заявляет Маг, подходя ко мне. — Привет, Стрелок! Ты ведь шампанское пьешь, верно? Я не пью, там пузырьков много, потом в животе бурчит!

Он как-то странно двигается. Очень ровно, словно по асфальту. Смотрю на его ноги — они не касаются песка. На босых ногах Мага стоптанные тапочки, из которых растут крошечные, молотящие по воздуху крылышки.

— А я только с девушками шампанское пью, — отказываюсь я. — Там водка есть?

— Там все есть! — Маг шлепает на стол бутылку ликера ядовито-фиолетового цвета и убегает с невостребованным «Абрау-Дюрсо». Через минуту, все так же паря над пляжем, он возвращается с водкой «Урсус», хрустальным кувшином, полным воды, и пакетиком «Зуко».

— На, мешай!

«Урсус» я никогда не пробовал, но по слухам, водка хорошая. С надеждой, что подсознание додумает вкус за меня, наливаю стопку. Маг хватает кувшин и сам смешивает в нем напиток, пользуясь рукой в качестве миксера.

В конце концов, мы в виртуальности... микробов тут нет. Залпом выпиваю и отхлебываю прямо из кувшина. Интересуюсь:

— Где такую обувку раздобыл?

— Тапочки? А, сегодня сделал... запарило в песке вязнуть. Нравится? Понимаешь, ходить в Диптауне можно только по полу. Вот пришлось к подметкам кусок пола приклеить. И теперь никаких проблем — гуляй по воздуху, пока не устанешь!

Маг хохочет и начинает мелко перебирать ногами, поднимаясь почти до уровня стола. Потом поджимает ноги, падает в кресло и откупоривает свой ликер. С чмоканьем припадает к бутылке.

— Шикарная штучка! — заявляет он. — Сладкий-сладкий! Настоящий кюрасао!

— Ты весь день тут проводишь? — интересуюсь я.

— День? Ха! Я отсюда выхожу поесть и, пардон, в туалет сбегать!

— Мадам говорит, вся защита на тебе держится...

— Не то слово! Тут все на мне держится.

— Посторонний может сюда пройти?

— А как бы мы на жизнь зарабатывали, если их не пускать?

— Я о другом. Возможно проникнуть в служебные помещения борделя?

— *Заведения!* Это не бордель, а Заведение! Нет, нельзя.

— Абсолютно?

Маг вздыхает и становится более серьезным:

— Ты хакер или ламер?

Вопрос риторический, но все же отвечаю:

— «Чайник» я.

— Понятненько... Абсолютных защит не существует. Чем больше приближаешься к абсолютной надежности, тем неудобнее твое пребывание в виртуальности. Тут квадратичная зависимость: с увеличением защиты падает твоя способность воспринимать и передавать информацию. Самое главное — найти оптимальное соотношение защиты и удобства. Наша охранная система создана с элементами искусственного интеллекта. При обнаружении попыток взлома дается оповещение, вводятся дополнительные пароли, включаются болванчики...

— Болванчики?

— Автономные мобильные охранные программы, фагоциты. Я их болванчиками зову, они все тупые. Ты чего не пьешь?

Наливаю себе еще.

— Если идет интенсивная атака, — продолжает Маг, — то степень защиты растет неограниченно, вплоть до полной капсуляции Заведения. Разумеется, на практике такого не случалось, но все должно работать именно так...

— Ты хочешь сказать — защита все-таки идеальна?

Маг мнется. Тщеславие, которого он явно не лишен, борется в нем с объективностью.

— Нет... Если проникновение спланирует большая группа профессионалов, они успеют войти, прежде чем охрана заработает на всю катушку. Только кому это надо, а?

Я понимаю, что иного ответа и ожидать было смешно. На любой щит находится свой меч.

— Спасибо, Маг.

— Да ладно, мелочи! — машет он рукой. — Хочешь свою охранную систему наладить? Притаскивай, помогу. Или нет, пошли к тебе! — загорается Маг. — Сам все сделаю. Скучно тут сидеть!

Качаю головой — не угадал.

— Просто интересуюсь постановкой дела.

— А, так ты из проверяющих? — вскидывается Маг. — Т-с! Все понял, тихо... Чего Мадам сразу не сказала?

Интересно, кто может проверять виртуальный публичный дом? И зачем? Очень интересно... но расспрашивать Мага не решаюсь.

— Пойду, может, уже и Вика освободилась, — говорю я. Маг сразу становится торжественным и важным.

— Ты смотри. Вику не обижай! — предупреждает он. — А то... она девчонка славная, я за нее любому морду набью.

Маг вздыхает, мечтательно смотрит на море.

— Хотел было за ней приударить, да ты меня опередил... — признается он. — Вика ведь в меня влюблена была по уши. И сейчас еще, наверное... но ты не переживай. Я у друзей подруг не отбиваю.

Когда-то я думал, что компьютерщики из телесериалов — это придуманные характеры. Если бы! В жизни они тоже есть.

— Но вот к той, беленькой, лучше и не подходи! — добавляет он. — Она в меня втюрилась, уже с полгода сохнет.

Бедная девушка, не подозревая о своей тяжелой судьбе, хохочет, обнимаясь с подружкой.

— Или, может, за Наташкой приударить... — размышляет Маг. — Они тут все такие влюбчивые!

Он подхватывает свой ликер и приплясывающей походкой движется к веселящейся блондинке. А я пользуюсь моментом, чтобы смыться.

101

Видимо, я делаю пару лишних кругов на винтовой лестнице и поэтому спускаюсь в холл. Давешних посетителей нет. Наверное, уже вкушают радости жизни.

Только какой-то парень стоит у стола, листая черный альбом. Невысокий, сутулый, с лицом изголодавшегося сурка,

длинными прядями волос, выбивающимися из-под надвинутой на глаза кепки.

Я прохожу мимо, к двери в служебные помещения, когда до меня доходит. А парень уже откинул альбом и неторопливо двигается к выходу.

— Кепочка! — окликаю я его.

Он останавливается и медленно оборачивается. Глаза пустые, жизнерадостные, как у вареной рыбы.

— Ты — Кепочка, — повторяю я.

Ни малейшей реакции. Парень лупится на меня пустым взглядом.

— Ты мне не нравишься! — с нежданной радостью говорю я. — Слышишь? Ты мне очень не нравишься.

— Три раза «ха-ха», — отводя блеклый взгляд, отвечает Кепочка. И вновь поворачивается к двери. Любопытства в нем нет в принципе.

Но по крайней мере земляк.

— Стой! — кричу вслед, и он останавливается. Равнодушно ждет. — Тебе не следует больше приходить сюда, — говорю я.

Кепочка ухмыляется. Первая эмоция на его лице — но она такая механическая, словно я общаюсь с программой, а не с человеком.

— Чего ты здесь добиваешься?

Кажется, это тот вопрос, на который он готов ответить.

— Некоторые исследования групповой психологии.

— Проводи их в другом месте.

Белесые глаза обшаривают меня с ног до головы:

— Ты здесь работаешь?

— Нет.

— Значит — мутант.

Я теряюсь от этой странной характеристики, и Кепочка поясняет:

— Утрата социальной и этической ориентации. Распад личности. Какая неизбежная и отвратительная метаморфоза.

Уже открывая дверь он добавляет:

— Неинтересно...

...Голос Вики догоняет меня на выходе:

— Подожди, Леонид. Не надо!

Прийти в себя — довольно трудная задача. Оказывается, моя правая рука вцепилась в пояс, а левая сжата в кулак. Смотрю на Вику, ощущая, как медленно спадает ярость.

— Это был Кепочка? — уточняю на всякий случай.

— Да.

— Кажется, я начинаю понимать вашу реакцию...

— Остыл? — интересуется Вика. — Молодец. Пойдем.

Мне уже не по себе от недавней вспышки. Странно, не ожидал, что меня можно так легко завести — ничего в общем-то не значащими словами.

— Кто он такой, Вика?

Она чувствует, что на этот вопрос придется дать ответ.

— Ничего особенного. Просто человек, считающий себя вправе судить окружающих.

— Например — виртуальных проституток?

— Не только. Я знаю еще пару мест, где Кепочка ставит свои эксперименты.

— Он что-то говорил о психологии...

Непонятно почему, но эти слова Вику смешат:

— Личность, не способная к созиданию, обязательно ищет оправдания деструктивному поведению. Очень часто они принимают форму отстраненного наблюдения за несовершенствами мира. Особенно за такими, как наш бордель...

Мы проходим в дверь, с которой улыбается черный котенок, и Вика продолжает:

— Психология, в общепринятом понимании, крайне простая наука. Люди, не способные самостоятельно вбить гвоздь или срифмовать пару строчек, ни капли не сомневаются в своей способности понимать и судить других. В крайних проявлениях это становится смыслом жизни и источником самоутверждения.

— Кто ты, Вика?

— Психолог. Доктор, если тебе интересно.

Она садится, стряхнув со стула каменную крошку. Комната после землетрясения явно нуждается в уборке. Поскольку второго стула все равно нет, я опускаюсь на корточки.

— А тема твоей диссертации?

— «Сублимация аномальных поведенческих реакций в условиях виртуального пространства».

Словно извиняясь, она добавляет:

— Принято формулировать таким языком.

Вот оно что...

— Ты изучаешь таких, как Кепочка? — спрашиваю я. — Настоящий охотник за охотниками липовыми?

— Нет. Уже давно нет, Леня. Изучать было интересно полгода, год. А сейчас — все они на одно лицо. И Кепочка, и остальные подобные ему. Все патологии едины, и если ты знаешь одного психопата, то можешь предсказать поведение тысячи.

— Тогда, зачем...

— Потому что они есть. Здесь деструкция, прущая из них, может причинить боль одному, нескольким людям. В реальной жизни они оставят за собой след из сломанных судеб, отравленной любви, осмеянной дружбы. Может быть, даже из крови. А здесь они безвредны. Весь их гонор, звериные реакции, интриги и самомнение — пыль. Пыль на ветру.

— Но ведь тебе тяжело — здесь!

— И что с того? Больно не мне настоящей. Больно мне нарисованной.

— Вика...

— Я тебя прошу — не вмешивайся в дела Заведения. А то Мадам снимет твой доступ.

Она улыбается, и я теряюсь.

— Ладно. *В Заведении* я в ваши дела не вмешиваюсь.

— А за его пределами?

— Это уже вопрос личной свободы.

Вика разводит руками.

— Леонид, тебе сколько лет?

— Меняемся? — быстро спрашиваю я. — Информация на информацию?

В виртуальности никто не афиширует свои биографические данные. Но Вика даже не подозревает, насколько их не привык афишировать я.

— Хорошо. Мне двадцать девять, Леонид.

Прежде чем ответить, я еще успеваю обрадоваться.

— Тридцать четыре.

— Никогда бы не подумала. Я тебе давала двадцать с небольшим.

Не стоит говорить, что мои опасения были прямо противоположными.

— Виртуальность лжива.

— Нет. Виртуальность — как лед. Мы вмерзаем в нее раз и навсегда. Нашу первую маску невозможно снять. Потом можно придумать сотни тел, но то, первое, всегда будет заметно.

— Твоей первой маской была Мадам?

Вика берет со стола сумочку, достает сигареты, закуривает:

— Да, Леня. Мы получили грант на исследование сексуального поведения людей в виртуальном пространстве. Западники были немножко на этом повернуты... как-никак треть информации в сети касалась секса. Вот я и придумала такой образ — уверенная, тертая жизнью, все повидавшая хозяйка борделя.

— Он получился, — признаю я.

Вика выдыхает дым и спрашивает с легкой иронией:

— Может быть, я такая и есть? В глубине души?

— А мне плевать.

Вру я, вру. Но Вика не спорит.

— Зуко тебя успокоил?

— Почти.

— Он хороший специалист. Ты можешь спокойно приводить своего приятеля.

Смотрю на часы. Время еще есть.

— Это не так просто, Вика. Тут важно угадать и прийти за ним вовремя.

— Смешной вы народ, хакеры, — бросает Вика. Мне тоже смешно. Надо же! Меня посчитали крутым программистом.

— Ты позволишь у тебя поспать?

— Что?

— Поспать. Я почти сутки в *глубине,* а работать лучше со свежей головой.

Вика — вот чудо — подходит к вопросу по-деловому.

— Тебя разбудить?

— Да, через два часа.

— Спи. Будь как дома. Я сама тебя разбужу.

Она треплет меня по волосам — жест скорее подошел бы Мадам, но мне все равно приятно. Кивает на постель и выходит в ту дверь, что ведет в костюмерную. Через минуту Мадам выйдет из своей комнаты и отправится командовать девочками.

А я совершаю не совсем корректный поступок. Достаю из кармана куртки катушку с тонкой нитью. На конце нити — грузик.

Ветер за окном не утихает ни на минуту, нитку раскачивает, но я все-таки вытравливаю ее до конца. Когда грузик касается склона, смотрю на нить: каждый метр ее отмечен полоской красной краски.

Семь с половиной метров. Простыни тут не помогут. Ну ничего, в борделе наверняка есть веревки, хотя бы в тех комнатах, что предназначены для садомазохистов.

Выкидываю катушку за окно. Мне чуть-чуть неловко, но я утешаюсь тем, что Вика наверняка разрешила бы этот маленький эксперимент.

Она ведь сказала — «будь как дома»...

Я плюхаюсь на узкую кровать, прямо на покрывало. Закрываю глаза. Но перед тем как позволить себе уснуть, все таки выхожу из виртуальности и приказываю «Виндоус-Хоум» разбудить меня через два часа.

Сон приходит почти мгновенно. Я почему-то надеюсь, что снова увижу что-то сюжетное и пророческое — как в прошлый раз, когда Алекс расстрелял Неудачника. Но мне снится полный сумбур.

Радуга, сияющая над Диптауном. Ослепительные всполохи, похожие на дип-программу. Только эта радуга сложена из уступов, это библейская лестница, уходящая в небо. Я иду по ней, словно Компьютерный Маг в своих крылатых шлепанцах. Цвета, оказывается, имеют разную плотность — я проваливаюсь в фиолетовых и синих слоях, «слегка опираюсь на зеленые и твердо ступаю по желтым. Город подо мной ярок и наряден, я вижу его сквозь цветной туман.

Во сне я даже знаю, почему иду в небо. Где-то там, наверху, хрустальный купол *глубины,* разделивший мир пополам. Я должен разбить его — или оружием Маньяка, или голыми руками, как получится. Хрусталь треснет и прольется на город — ослепительным звездным дождем. Ведь звезды — они из хрусталя, это не подлежит сомнению. Из колкого хрусталя, отражающего свет наших глаз.

И что-то случится. Может быть, звезды сожгут нас. Может быть — успеют остыть и упадут в подставленные ладони. Не знаю, чего именно я хочу.

Главное — не ошибиться и ударить вовремя. Оно уже определено, то время, когда я смогу превратить барьер в миллионы хрустальных звезд. Оно почти пришло, время...

— Время... Леонид, время...

Открываю глаза под шепот «Виндоус-Хоум». Проходит пара секунд, прежде чем я осознаю, где нахожусь.

А еще через мгновение входит Вика:

— Ты проснулся?

Киваю, сажусь на смятой постели, тру лоб. Голова тяжелая. Надо было или дольше спать, или вообще не ложиться.

— Я сварю кофе, — говорит Вика.

Привалившись к деревянной стене, наблюдаю за Викой. Она достает из черного, не от грязи — от старости, буфета, полотняный мешочек с кофе. Мелет зерна на маленькой ручной кофемолке из надраенной до блеска меди. Умело разжигает очаг.

Пахнет сухими сосновыми дровами, закипающим кофе. И какой-то абстрактной, немедицинской чистотой... то ли воды в горном ручье, то ли горячего песка под солнцем.

Хорошо.

Я могу прошептать свою считалочку и выйти в реальность.

Сварить настоящий кофе и даже сдобрить его остатками коньяка. Умыться холодной водой.

Будь я проклят, если так поступлю.

Это здесь все настоящее — чистый воздух, живая вода, кофейная гуща на дне чашки, заботливый взгляд Вики. Снаружи — заброшенная пыльная комната, сырость, гнилая вода из крана.

...Что-то часто стало накатывать на меня это самоубийственное желание — стать таким, как все...

— Коньяк? — спрашивает Вика. Наливает мне маленькую рюмочку «Ахтамара».

— У меня есть еще минут пять, — говорю я. — Потом... пора.

— Ты вернешься не один?

— Надеюсь.

— Возьми своего друга за руку, когда будешь входить. Тогда для него тоже сделают привилегированный статус. Я попрошу Мага.

— Спасибо.

— Мадам поблагодаришь. От нее все зависит.

— С Мадам мы друзья, она позволит, — улыбаюсь я.

Я успеваю выпить две чашки кофе и две рюмки коньяка, прежде чем мое время и впрямь кончается.

Пора.

Вика начинает прибирать в комнате, когда я выхожу. Я невольно вспоминаю про суррогат-семьи, которые в последнее время стали появляться все чаще и чаще. Все эти живущие в разных городах парочки, снимающие в Диптауне общие квар-

тиры. Говорят, они очень любят возиться по хозяйству, пылесосить и стирать — словно имитация быта сделает их союз настоящим.

«А у вас есть семья?»

«Да. Моя подруга проститутка, у нас маленькая горная хижина в борделе. Заходите, она сварит прекрасный кофе. У нас всегда чистенько и уютно, даже после землетрясения!»

От того, что такая картина не вызывает ни малейшего раздражения, становится страшно.

Ситуацию надо разрешать. Как угодно.

Я бреду по улице к входному порталу. Прохожу мимо павильончика какой-то авиакомпании, где скучает оператор. Рядом с павильончиком примостился нищий. Это тоже новое явление — побирушки в виртуальном пространстве, еще месяц назад их не было.

Нищий опрятен, но оборван и тощ. Его фигура слегка просвечивает и дергается рывками — таким способом пытаются продемонстрировать низкую скорость модема и слабость программного обеспечения.

— Help me... — стонет нищий.

— Бог подаст, — сообщаю я.

— Господин хакер, хотя бы один доллар... — плачется вслед нищий.

Говорят, большинство из этих нищих — русские. Говорят, что никто из них в деньгах не нуждается. Это просто забава «новорусских», редкое развлечение. Поклянчить, побыть в шкуре нищего. Якобы модная и действенная психотерапия. Маньяк клялся, что навесил одному из таких нищих маркер, и тот оказался директором крупного банка.

— Я работал на «Майкрософт», — бормочет нищий, плетясь следом. — Однажды я назвал «форточки» сырой программой и похвалил «полуось». На следующий день Билл Гейтс лично уволил меня и внес в черный список. А я был крутым хакером... до чего же я опустился...

— На каком прерывании висит твой модем? — кричу я, оборачиваясь. — От чего зависит появление надписи «Начните работу с нажатия этой кнопки» в «Виндоус-Хоум»? Три лучших способа завесить «форточки»? Кто придумал текстурную графику? Лучший протокол для модемов марки...

Нищий обращается в бегство.

Наверное, Маньяк не врал.

Но по крайней мере эти забавы менее опасны, чем уличные гонки, бывшие у нуворишей в моде год назад. Из-за них тогда было запрещено пользование личными машинами, и «Дип-проводник» победоносно занял рынок транспортных услуг.

Встреча с нищим развлекает меня, и к порталу «Лабиринта» я подхожу уже совсем в другом настроении. В боевом.

Толпа густая, как всегда. «Лабиринт» пока функционирует, значит, я все рассчитал правильно. Но страх опоздать и в последнюю секунду уткнуться в закрытую дверь не отпускает. Протискиваюсь между игроками, спешу.

И лишь вводя свой код, выходя на тридцать третий уровень, я успокаиваюсь окончательно.

Начали!

Я — Стрелок!

110

На уровне — ветер. Скрипит, раскачиваясь, железная кабинка «Американских горок», полусползшая с рельсов и нависшая над самой головой Неудачника.

Прекрасно, еще один способ смерти нашелся.

— Эй! — кричу я, подходя. — Это я!

Неудачник поднимает голову. Может быть, это добрый знак.

— Скучаешь?

Я сажусь рядом с ним, и Неудачник сам стягивает респиратор. Смотрит на меня устало и безнадежно.

— Ты программа или человек? — в лоб спрашиваю я. Неудачник качает головой. Относи отрицание к чему хочешь...

— Ты в курсе, что тебя прозвали Неудачником? — говорю я. — Но знаешь, даже Иову везло больше, чем тебе! Твоя невезуха — это что-то уникальное!

Он наконец отвечает:

— Это не только моя... невезуха.

— Хочешь сказать, тебя плохо спасали?

Я говорлив и оживлен, как после выпивки. Мне надо немножко растормошить Неудачника. И, как ни глупо это звучит, убедиться, что он — не программа.

— Меня хорошо спасали. Просто никто не вышел за барьер.

— Какой барьер?

— Сознания.

Неудачник терпелив в своих объяснениях, но что с того? Ясности они не прибавляют.

— Давай мы отойдем из-под этой дряни, — глазами указываю на качающуюся кабинку. — Времени у нас мало.

— Ты все равно не сможешь... — шепчет Неудачник, но послушно встает и пересаживается в сторону.

— Посмотрим, посмотрим...

Я жду, сам не зная чего. Обещанной Урманом акции, закрытия уровня?

— Неудачник... можно тебя так звать? Ты любишь стихи?

Молчание.

Программа может имитировать беседу, черпая ответы из моих же слов.

Но творить программы не умеют.

— Мой дядя самых честных правил, — декламирую я. — Продолжай! А? Неудачник?

Он смотрит на меня с такой иронией, что делается не по себе.

— Когда не в шутку занемог... Стрелок, все русские дайверы знают наизусть лишь Пушкина?

— Анатоль?

— Да. Он вспомнил «чудное мгновенье».

Можно засмеяться над своей глупостью. Над теми клише, что вколочены в сознание. Но вместо этого я спрашиваю, и что-то во мне ломается, может быть пресловутый барьер, может быть — здравый смысл:

— А что читал Дик? Шекспира?

— Кэрролла, — отвечают мне со спины.

Дик стоит рядом. Анатоль метрах в пяти, с «BFG» на изготовку.

— Я точно так же сел рядом, — говорит Дик. Сел...

Он садится перед безучастным Неудачником и произносит:

I'was brillig, and the slithy toves,
Did gyre and gimble in the wabe...

Я зачарованно жду. И Неудачник продолжает:

All mimsy were the borogoves,
And the mome raths outgrabe.

Из далеко-далека «Виндоус-Хоум» издает тревожный писк и шепчет:

— Непереводимо! Нет в основном словаре. Непереводимо!

Дик поднимает на меня взгляд и спрашивает:

— Так, значит, по твоему мнению, Неудачник — русский?

А ведь Урман задавал тот же вопрос.

— Кто ты? — спрашиваю я Неудачника. Тот улыбается, встает. — Кто ты?! — кричу я.

Он стал под дерево и ждет,
И вдруг граахнул гром... —

говорит Неудачник.

Анатоль хохочет и подхватывает:

Летит ужасный Бармаглот
И пылкает огнем!

Сумасшедший дом. И я в нем — самый тупой пациент.

— Уходи, дайвер, — приказывает Дик. — Игры в спасение кончились. Все куда серьезнее, чем ты думаешь.

Словно в подтверждение его слов над уровнем разносится густой, механический рев сирены, такой сильный, что закладывает уши. Потом наступает тишина — только ухают, визжат, свиристят потревоженные монстры. Перекрывая их, с неба вещает женский голос:

— Attention! Внимание! Всем, находящимся на тридцать третьем уровне «Лабиринта Смерти»! Немедленно покинуть игровую зону! Это официальное предупреждение. Тридцать секунд на выход из игровой зоны! Вы можете воспользоваться своим оружием для совершения самоубийства и вернуться в колонный зал «Лабиринта». Все необходимые объяснения будут даны, компенсации выплачены. Внимание! Всем...

— Тебе помочь? — спрашивает Анатоль, наводя на меня «BFG». — Или сам?

— Ты заденешь Неудачника, — говорю я. Анатоль кивает, бросает «BFG» и скидывает с плеча гранатомет.

Но в это мгновение я рву из-под защитного комбинезона кожаный пояс Стрелка. Это самый обычный пояс — пока он находится на моем теле.

В руке полоска кожи с гулом сжимается, удлиняясь, окутываясь синими искрами. «Варлок-9000» сделан Маньяком в форме плети.

Взмах — плеть вытягивается, жадно рвясь из рук. Кончик плети бьет Анатоля по бронежилету.

Синий огненный ручей струится по плети, всасываясь в тело Анатоля. Это боевое оружие, для него нет разницы между броней и голой плотью. Дайвер исчезает в вихре фиолетового пламени, проваливается в землю. Но вихрь не затихает, огненная воронка гудит, медленно расширяясь.

— Ты! — кричит Дик. — Ты пронес вирус!

Наши лица окрашены синим сиянием. Неудачник зачарованно смотрит на растущий вихрь. Киваю. К чему сейчас слова?

— Пятнадцать секунд... — произносит голос в небе.

— Ты ударил по Анатолю! Ты нарушил кодекс дайверов! — Дик не пытается взять в руки оружие, и я рад этому. Мне не хочется его убивать.

— Все слишком серьезно, — повторяю я его же слова.

Новый звук — звон лопающегося стекла, треск рушащихся стен, визг мнущегося металла.

Из багровых туч падает вниз серебристое кольцо. За ним — темнота. Словно исполинский стакан накрывает тридцать третий уровень. Я мог бы подумать, что именно так выглядит капсуляция «Лабиринта», если бы не ужас и растерянность на лице Дика.

В игру вступил «Аль-Кабар».

Но Дик склонен винить во всем меня. Он срывает винтовку — и я реагирую не думая. Плеть бьет его по шее, обезглавливая с энтузиазмом безработного палача.

Раз-два, раз-два! Горит трава,
Взы-взы, стрижает меч... —

произносит Неудачник.

Я хватаю его за плечи, толкаю к огненной воронке. За нашей спиной новый вихрь разгорается на теле Крейзи Тоссера.

— Зачем? — успевает спросить Неудачник.

Надо спешить. Сейчас, когда хакеры «Лабиринта» и «Аль-Кабара» сошлись в схватке за тридцать третий уровень — самое время удирать. «Варлок» — не просто убийца. Это еще и тунель, буравящий *глубину*.

— Чтобы вернуться! — кричу я, вталкивая Неудачника в синее пламя и прыгая следом.

Огонь.

Мы падаем.

Спираль синего огня — стенки туннеля, фиолетовый туман — плоть его.

Туманные зеркала под нашими ногами — мы разбиваем их в падении. Лица в зеркалах — как тени, пространства — как бледные акварели.

Разрушенный вокзал первого уровня... госпиталь двадцать первого... собор пятидесятого! Я даже различаю оскаленную морду Принца Пришельцев, огненный всполох его наплечного гранатомета — но мы уже проносимся мимо.

Улица Диптауна — лица прохожих, капот такси, рекламная вывеска: «Лишь поработав на...»

Книжный магазин — радуга переплетов, девочка в очках, листающая журнал, шелест страниц — как гром, парень за кассой...

Синие молнии ползут по моим рукам.

Неудачник в облаке бирюзового пламени.

Супермаркет — прямо перед глазами мелькает банка из-под апельсинового конфитюра. Пустая.

Зоомагазин. Белый кролик в клетке...

Интересно, бывают ли галлюцинации в *глубине?*

«Варлок» должен угомониться. В него встроен счетчик пройденных пространств, но Маньяк не обещал, что тот сработает как надо. Возможности испытать вирус у него не было...

Равнина, какая-то невообразимо плоская, выгоревшая, четыре машины, ползущие по ней...

То ли облака, то ли море белого пуха, хрустальные деревья до горизонта, седой старик в белой хламиде до пят, провожающий нас растерянным взглядом, пенис арф...

Багрово-черное кружение, низкий гудящий рев, серная вонь и блеск стали во тьме...

Голубые разряды хлещут сквозь нас, каждый волосок на коже потрескивает и колется, словно врастая в тело.

Зеленая поляна, по которой носится, одурев от восторга и энергии, маленький щенок. Тявканье вслед...

Остановись, «Варлок», остановись!

Бушующее море, звезды в разрывах туч, соленый вкус на губах, крошечная яхта, несущаяся вниз с волны, на носу, цепляясь за снасти, голый по пояс мальчишка с гарпуном в руках...

Полутьма, круглый зал, стены из экранов, кресло, похожее на трон...

Это зеркало не разбивается, всасывает нас в себя — и выкидывает на холодный мраморный пол. Ощупывать кости времени нет.

Вскакиваю, занося плеть для удара.

Но опасности, похоже, нет. На кресле-троне восседает плотный мужчина средних лет в немыслимо пышной и одновременно полувоенной одежде. Грудь усыпана орденами. Нас он словно не видит — все его внимание приковывает существо на самом большом экране. Существо напоминает огромного красного муравья.

— Мы должны объединить усилия! — вещает мужчина. — Вместе наши расы...

Помогаю Неудачнику подняться. Мы вывалились на сервер какой-то игры. Неплохо.

— Люди показали свою лживую натуру! — рявкает муравей с экрана. — Мы развеем в пыль саму память о вас!

Экран тухнет, мужчина прижимает к лицу ладони и замирает, раскачиваясь.

— Что это? — спрашивает Неудачник.

— Игра, — объясняю, озираясь в поисках выхода. Дверь есть, но не похоже, что ее возможно открыть. Помещение напоминает командный бункер ракетной базы, как ее изображают в кино. Строгость обстановки нарушает лишь рваная дыра в потолке — оттуда еще сочится сиреневый туман, падают и рассыпаются в пыль зеркальные осколки. «Варлок» еще продолжает работать, по инерции держась за несколько ближайших серверов.

— О чем игра?

— О звездных войнах.

Подхожу к мужчине. Ступеньки трона сделаны из хрусталя. Это скользко и дьявольски неудобно.

— Эй, спаситель человечества! — стучу игрока по плечу.

Мужчина выпрямляется в кресле. На глазах — скупые мужские слезы.

— Денеб! — приказывает он. Экран вспыхивает, на нем — офицер, количеством орденов соперничающий с игроком. — Полковник! Выводите эскадру на орбиту Сола!

— Но, император, наша планета беззащитна...

— Главное — сохранить родину человечества! — чеканит «император». Полковник кивает, с мукой на лице:

— Приказ будет исполнен, император!

Заслоняю «императору» лицо ладонью. Может быть, мы для него незримы? Но мужчина отталкивает мою руку и бормочет:

— Помехи... связь ненадежна...

Ой-ей-ей! Это ж надо — так мимолетно найти себе работу! Дип-психоз в разгаре. Мужчина просто не хочет нас видеть — это не укладывается в стереотипы простенькой стратегической игры, в которую он погружен.

— Как выйти? — кричу я. — Выход!

Он тянет руку, давит на какую-то кнопку. Сознанием он нас не воспринимает, но подсознательно готов сделать все, чтобы устранить «помехи». Движения его вялые и неуверенные. По меньшей мере сутки в *глубине*. За моей спиной с гулом открывается дверь.

— Что с ним? — Неудачник подходит ближе.

— Дип-психоз.

Оглядываюсь на дверь. Надо спешить. «Варлок» оставил следы, их рано или поздно найдут. А у бедолаги-императора наверняка включен таймер...

— Мы уходим? — спрашивает Неудачник.

Да, я нарушил кодекс дайверов, применив оружие против Анатоля и Дика. Но все-таки я дайвер. Страж *глубины*.

Если не я, так кто же?

— Вика! — командую я.

— Леня? — Голос «Виндоус-Хоум» глух и скучен. Машина перегружена, у программы не осталось сил на красивости.

— Стандартный набор снаряжения.

Пауза. Очень долгая. Потом карманы начинает оттягивать груз.

Скидываю с себя изодранные — неужели в падении сквозь зеркала? — остатки защитного комбинезона. Остаюсь в одежде Стрелка, аккуратно сворачиваю плеть — та вновь превращается в пояс.

— Что ты будешь делать?

Неудачник — само любопытство.

— Вытаскивать!

Сейчас мне нужно перехватить канал связи, соединяющий игрока с его домашним компьютером. Взломать защиту — вряд

ли она очень сложна, судя по всему, передо мной типичный «чайник». Потом либо запустить дип-программу выхода, либо обнулить таймер.

Достаю из левого кармана темные очки, надеваю. Тьма почти непроглядная, лишь в основании трона сверкает, вьется оранжевая нить. Вот он, канал. Оглядываю комнату. Вижу собственную «пуповину», кольцами валяющуюся на полу и уходящую в прогрызенный «Варлоком» туннель. Это плохо — значит мы не подключились к серверу игрока, а вошли неизвестно откуда. Мой канал сейчас может кружить по континентам, прыгать на спутники, скользить по волоконной оптике на дне океана. Много их было, пространств на пути от «Лабиринта»... да и сейчас они рядом. В туннеле проблески света, временами вываливаются гаснущие обрывки нитей.

А от Неудачника и впрямь никаких сигналов не идет. Или идут, но слишком хорошо замаскированные для простенького сканера. Только неподвижный темный силуэт, взирающий на мою работу.

В правом кармане у меня металлическая коробочка. Открываю ее — на мягкой подстилке шевелится, сучит лапками сверкающий изумрудный жук. Беру его, он энергично вырывается, нацеливаясь на мой собственный канал. Э нет, дружок! Не туда.

Сажаю жучка в основание трона, он замирает, подергивая головой. Потом ныряет в оранжевую нить.

Теперь будем ждать и надеяться, что на компьютере «императора» лишь стандартный антивирусный набор.

— Кто?

Вначале мне кажется, что это голос Неудачника. Такой же ровный, неэмоциональный. Но когда я оглядываюсь, в зале нас уже четверо... конечно, если считать «императора» за полноценного участника событий.

Из дыры в потолке свешивается мерцающая белая нить, на ее конце — длинная скорчившаяся фигура. Ее контуры размыты, движения дерганые и несуразные. Человек крутит головой, но не похоже, что он видит происходящее. Боже мой, из какой дали он сюда выпал, как выдержал падение по туннелю? Поработал «Варлок», нечего сказать!

— Не твое дело! — как можно более агрессивно бросаю я. Если незнакомец простой пользователь сети, то помешать не сможет.

Но гостю моя реакция не нравится. Он вытягивает руки, и ко мне тянется гибкий мерцающий шнур. Точнее — не ко мне, а к моему каналу.

Весело. Нарочно такого не придумаешь — вытаскивать непонятно кого, на полдороге броситься спасать идиота с дипсихозом, и тут еще хакер с набором служебных программ.

Хорошо хоть, что его канал предельно тонкий, еле живой. Достаю и натягиваю «перчатки», ловлю жгут и завязываю узлом. Советую:

— Отвянь! Я — дайвер.

Обычно это действует безотказно. Но гость или считает себя самым крутым в *глубине,* или не верит мне.

— Да хоть папа Карло! — отвечает он. Второй жгут быстрее и пытается уворачиваться. На конце его щелкают маленькие зажимы. Ловлю жгут почти у самого канала и с удовольствием сжимаю. «Перчатки» безотказно оглушают программу.

Хочется проделать то же самое и с гостем, но «перчатками» его не остановишь, а применять «Варлока» не хочется. Вирус действует уж слишком мощно, я такого эффекта не ожидал.

Да и Неудачник, утратив ко мне всякий интерес, ходит кругами вокруг хакера. Тот его не замечает, видимо, тоже смотрит через сканер, фиксируя лишь каналы связи.

— Слушай, чего привязался? — спрашиваю, подстраиваясь под лексику гостя. — Я работаю!

— Я тоже.

Деревянный голос собеседника раздражает, но чудо, что я вообще что-то слышу. Нить его канала истончилась до предела, фигура начинает дергаться, голову перекашивает набок, нос сползает на щеку, зато руки удлиняются. Зрелище комичное, и я перестаю злиться.

— Слушай, урод... тебя тоже когда-нибудь вытаскивать придется! Отвяжись! «Чайник» загнется ведь!

До него наконец-то доходит, что дело серьезное. Хакер перестает тянуться к моему каналу, зато извлекает что-то вроде фонарика и светит на «императора». Какая-то полуактивная сканирующая программа. Пускай наблюдает, ничего секретного в моих методах нет.

— Система клиента под контролем, — шепчет «Виндоус-Хоум».

Никогда заранее не скажешь, как будет выглядеть начинка чужого компьютера, если смотреть из *глубины*. Поэтому предпочитаю самый простой путь. Толкаю «чайника» — тот скатывается с трона, неуклюже садится на пол. Занимаю его место, скидываю «перчатки», берусь за оранжевую нить голыми руками, дергаю.

— Вика, терминал!

Передо мной разворачивается экран. Ага. «Вирт-навигатор». Неплохая операционная система, но рассчитанная на человека с инстинктом самосохранения, а не на «чайника»-экспериментатора. Отключить на ней таймер — раз плюнуть.

Вот этот несостоявшийся повелитель галактики и плюнул... Он в виртуальности двадцать восемь часов!

Возиться с таймером неохота. Нахожу файл экстренного выхода из *глубины* и запускаю. Дип-программа повинуется не сразу, запрашивает подтверждение. А еще называется «экстренный выход»...

«Император» тихо стонет, хватается за голову. Пытается идти к двери.

Спрыгиваю с трона, взмахом руки свертывая терминал. Хватаю мужчину за шиворот, толкаю к трону. Приказываю:

— Снимай шлем! Гаси машину.

— Я... я не хотел... — бормочет «император».

— Счет за спасение я тебе пришлю, — отрезаю я. — Выходи, живо!

Руки мужчины дергаются к голове, потом неуверенно молотят по воздуху. Его фигура тускнеет, оранжевый шнур гаснет. Снимаю очки.

Хакер под отверстием туннеля почти бесплотный. Медленно крутит головой, осматриваясь. Вот так и рождаются легенды о дайверах-чудотворцах.

— Пойдем, — говорю я Неудачнику. Тот все еще кружит вокруг хакера, заглядывает в отверстие туннеля, откуда сыплется разный мусор. — Пойдем!

Приходится утаскивать его за руку, как ребенка. Хакер остается в опустевшем зале — он все еще полон любопытства. Дыра в потолке медленно сужается, и минут через десять его канал будет прерван. Но пусть уж он сам разбирается с этими мелкими проблемами, раз такой крутой...

Дверь выводит нас в маленький зал, там еще семь таких же дверей и лифтовый ствол. Где-то рядом, наверное, грезит на троне предводитель красных муравьев, вынашивают коварные замыслы правитель разумных медуз и прочие игроманы...

— Что ты так прилип к этому хакеру? — спрашиваю Неудачника в лифте. Но он молчит.

Бог с ним. Надоело разбираться в его причудах.

Главное, что я вытащил его из «Лабиринта»! Под носом у двух могучих фирм!

Лифт опускает нас на улицу Диптауна. Кручу головой, осматриваясь. Вон башня «Америка Он Лайн», длинные ряды гостиниц, зелень парка — это «Сады Гилтониэль». Ага. Все не так уж и плохо. Мы на границе русского, европейского и американского секторов города. Неудачник поднимает голову и произносит:

— Звезды и планеты: Хозяин Сириуса!

Прослеживаю его взгляд. Над зданием, из которого мы вышли, переливается красочная реклама: «Stars & Planets: Master of Sirius!»

Известная фирма. Стоит предложить им услуги дайвера — работа несложная, а заработок постоянный.

— Неудачник, какой язык для тебя родной? — интересуюсь я.

— Ты его не знаешь, — отмахивается он.

Я высказываю предположение:

— Может быть, Бейсик?

Мы смеемся оба.

— Ладно, — соглашаюсь я. — Ты живой. Ты не порождение компьютерного разума.

— Спасибо.

— Но кто ты?

Неудачник пожимает плечами. Разглядывает прохожих с любопытством человека, впервые попавшего в виртуальность.

— Сними маску, — советую я и сам стягиваю с него респиратор. — Нечего народ пугать.

— Мы еще куда-то пойдем? — спрашивает Неудачник.

Честно говоря, и сам не знаю. Я боялся быстрой и энергичной погони, от которой придется уходить с шумом и кровью. Тогда мы сразу рванули бы во «Всякие забавы».

— Погуляем, — решаю я. — Ты был в эльфийских садах?

— Нет.

— Тогда пошли. Аттракцион еще тот... — начинаю я. Но, видно, сегодня мне не суждено выступить в роли экскурсовода.

В вечернем небе, затмевая звезды, вспыхивает радуга. Слышится хрустальный перезвон. Это заставка общесетевой трансляции. На моей памяти ее включали раз пять-шесть.

И я догадываюсь, о чем будут сообщать сейчас.

— Такси! — ору я, вытягивая руку. Через мгновение рядом останавливается машина, я впихиваю в нее Неудачника, забираюсь сам. Водитель — молоденькая кудрявая негритянка с улыбкой поворачивается к нам.

Револьвера при мне нет. Поэтому достаю перчатки и оглушаю девушку ударом кулака. Неудачник не протестует, людей и программы он различает безошибочно.

— К публичному дому «Всякие забавы»! — приказываю я. Девушка повинуется.

Машина срывается с места.

— Граждане Диптауна!

Голос идет отовсюду. От него не укрыться в уютном нутре машины или за стенами домов.

— К вам обращается Джордан Рейд, комиссар службы безопасности города...

Знаю я Рейда. Хороший мужик, хоть и американец. Один из тех, кто готов контактировать с дайверами и терпеть мелкие преступления — ради жизни самой сети.

— Передается важное сообщение... прошу обратить внимание... — бормочет негритянка.

Но я и так само внимание.

— Около получаса назад на территории «Лабиринта Смерти» было совершено преступление, угрожающее существованию Диптауна, — говорит Рейд.

Матерь Божья! Это что же такое?

— Два человека, один из которых — дайвер, обвиняются в применении вирусного оружия запрещенного Московской конвенцией типа. Это полиморфный вирус, содержащий метку «Варлок-9000», с неограниченной способностью к распространению...

Что за бред? Маньяк никогда бы не выпустил такого вируса!

— Одна из особенностей его действия — перехват управления коммуникационным оборудованием. В числе пострадавших — корпорация «Аль-Кабар» и «Лабиринт Смерти».

Вот теперь мне все становится ясным. Когда сцепившиеся противники поняли, что дичь ускользнула, они объединились. И обвинили меня во всем, включая разгром тридцать третьего уровня.

Да уж. Попробуй докажи, что «Варлок» просверлил для нас лазейку и мирно умер, как и положено приличному вирусу из числа разрешенных к применению. Даже если предъявить полиции исходники вируса, все равно никто не рискнет меня оправдать. Мало ли как мог «Варлок» взаимодействовать с виртуальным миром «Лабиринта»?

— Дьявол, — шепчу я.

— Плохо? — спрашивает Неудачник.

— Не то слово.

Я тянусь через плечо негритянки, снимаю с приборной панели телефонную трубку, набираю на клавиатуре адрес Гильермо.

— Сейчас вы видите внешность, использованную подозреваемыми в «Лабиринте», — сообщает Джордан. — Мы предлагаем данным лицам добровольно явиться в управление безопасности Диптауна. Всех, кто знает этих людей, также прошу связаться со мной.

В небе вспыхивают наши портреты. Потом меня и Неудачника начинают демонстрировать в полный рост и в движении. Впечатляюще, особенно когда я плетью отрубаю голову Дику.

— Козлы... — бормочу я, отлипая от стекла.

Связь устанавливается секунд через десять.

— Hello!

— Привет, Вилли, — быстро говорю я. — Как это понимать?

Заминка.

— А! Стрелок? Где вы?

— В машине.

Я ничем не рискую, оглушенная транспортная программа не отчитывается о своем местонахождении.

— Произошло недоразумение, — быстро говорит Гильермо. — Приезжайте, мы все уладим.

— Вначале снимите обвинение.

Вилли вздыхает:

— Стрелок, это не в моей... э... власти.

— Очень жаль. Я еще свяжусь с вами, — обещаю, кладя трубку на рычаг.

Мы подъезжаем к борделю, и передо мной встает новая проблема: что делать с машиной? Уничтожить программу подчистую — задача не из легких. Отпустить — рано или поздно «Дип-проводник» восстановит с ней связь и выяснит маршрут.

Придется прибегнуть к помощи самого «Дип-проводника»...

Достаю из кармана коробочку с изумрудным жуком, очки. Командую:

— Неудачник, выходи.

Выбираюсь из машины вслед за ним, швыряю тупое насекомое в салон и захлопываю дверцу. Результат следует незамедлительно.

«Дип-проводник» не очень-то охраняет свои такси, предпочитая мириться с шалостями вроде моих бесплатных и не фиксируемых поездок. Но попытки проникнуть на свои сервера пресекает безжалостно. Такими примитивными программками, как «жук», его защиту не преодолеть.

Такси мутнеет и растворяется в воздухе — канал связи был обрублен при первой же попытке «жука» влезть на чужой компьютер.

— Пошли, — тормошу я Неудачника и хватаю его за руку. Если сейчас в холле сидят посетители, то мы влипли окончательно.

Но нам везет — никого нет. Даже охранника.

— Это публичный дом, — на всякий случай сообщаю Неудачнику. — Можешь альбомы полистать.

Он качает головой:

— И почему я не удивлен? Идем...

По коридору мы почти бежим. Я ожидаю, что сотрудницы вновь начнут выглядывать из дверей, но царит полная тишина. Вообще никого! Словно бордель вымер.

Толкаю дверь в Викину комнату, уже готовый к тому, что и ее на месте не будет. Неудачник топчется за спиной.

— Тебя можно поздравить, Леонид? — ледяным голосом спрашивает Вика.

В хижине чистенько, словно и не было никакого землетрясения. Не знаю, как другие, а я такой порядок навожу лишь в растрепанных до предела чувствах. На столе появилась малень-

кая магнитола. Вика переоделась, теперь она в серых джинсах и такого же цвета свитерке.

И еще, судя по тону, она ждет объяснений.

— Ты слышала комиссара?

— А кто его не слышал? — Вика встает, и я торопливо отступаю. Когда женщина в гневе, мужчине лучше не сопротивляться. — Значит, спас... друга. Он тебя спас, парень?

Неудачник пожимает плечами, улыбается, и Вика слегка сбавляет обороты.

— Как тебя звать?

— Неудачник.

— Ага. Так вот, дружок, не гневи судьбу, постой у окна тихонечко!

Неудачник повинуется, а Вика наступает на меня. Ох, не ту личность она выбрала — это манера Мадам.

— Значит, спас. Значит — поимел «Аль-Кабар» и «Лабиринт»?

— Вика, они лгут! — торопливо говорю я. — «Варлок-9000» — это локальный вирус, он отвечает требованиям конвенции!

— А про дайвера — тоже лгут? — кричит Вика. И я наконец-то понимаю, что вывело ее из себя. — Лгут? Или кто-то другой врет... другой!

Опыт получения пощечин у меня небольшой. Держусь за горящую щеку и стою столбом. Неудачник послушно смотрит в окно, но не услышать звука удара он не мог.

— Дайвер? — продолжает кипеть Вика. — Дайвер? Я, дура, дура чертова, еще помощь тебе предлагала! Ты мог мне сказать, что сам — дайвер?

— Нет... — шепчу я.

— Почему? Не веришь мне?

Никогда не поверю, что Бог создал женщину из ребра Адама. Нет, как и мужчину — из глины, только совсем другого сорта.

Уж очень разные причины мы находим для гнева.

— Я боялся потерять тебя.

— Вот и... — начинает Вика и замолкает.

— Нельзя любить человека, который видит *глубину* без иллюзий. Я знаю, Вика, я пробовал открываться. Это всегда... всегда происходит. Ты стала бы меня ненавидеть. Незаметно. Даже сама не поняла бы, в чем дело...

Я говорю, уже понимая, что все кончено. Мы можем остаться друзьями, не более того. Ни одна женщина в мире не полюбит человека, который видит ее лицо мозаикой цветных квадратиков.

— Да, я должен был сказать, — шепчу я. — Сразу. Прости, я не смог. А тебе хватило бы духу признаться, что ты — дайвер?

Вика молчит. В ее глазах слезы, которых на самом деле нет. Между нами стена — отныне и навсегда.

— Нет, — говорит она тихо. — Я тоже не смогла. Я... боялась тебя потерять.

Кажется, я сошел с ума.

Только что с того, если я обнимаю Вику и между нами нет стены...

— Моя работа... из-за нее. Противно, когда все по-настоящему. Я не знаю, почему так получилось... было слишком мерзко... я испугалась и выпала из *глубины*...

— Мы говорим — вынырнуть...

— Вынырнула...

Неудачник смотрит на горы. Он молодец, он готов простоять так целый день.

— Я всегда выныриваю. Потому и беру себе самых уродов, что мне все равно...

У меня на губах вопрос, который я никогда не задам. Но Вика отвечает сама.

— Там, у реки, я не выходила. Первый раз в жизни. Правда.

Я верю ей, как верят все мужчины от начала времен.

В этом мире лишь наша вера становится правдой.

111

Вика готовит кофе, и даже Неудачник оживляется. Мы садимся за стол, свежие сливки налиты в маленький кувшинчик, в сахарнице горка белого песка, полная бутылка «Ахтамара» ждет своей очереди. Впрочем, коньяк Вика разливает по бокалам сразу.

— За твой успех, Леня, — говорит она.

— Такие успехи недорого стоят, — отвечаю я.

— Почему?

— Общесетевой розыск.

— И что с того?

— Мне придется уйти. Этот образ засвечен, а Стрелка здесь видели.

— Кто? — Вика словно не понимает всей сложности положения. — Мои девочки?

— Хотя бы.

— Они никому не скажут. Или ты думаешь, что виртуальные проститутки сочувствуют сильным мира сего? Знаешь, мы всех их видели без штанов... директоров корпораций и президентов фирм. Люди, которым нравится стегать женщину плетью, перед тем как лечь в постель, сочувствия не вызывают.

— Ты говоришь так, словно они все извращенцы.

— Нет, конечно. — Вика улыбается. — Но запоминаются именно такие гости. Ни одна из наших девчонок не настучит на Стрелка. Тем более что ты не устраивал оргий и не брезговал сидеть с нами рядом.

— Точно?

— Леня, весь наш персонал из России, с Украины, из Белоруссии, Казахстана. Как ты думаешь, в этих странах развита любовь к правительству и крупному бизнесу?

— Таких извращений не замечал.

— О том и речь. За твой успех.

Мы пьем коньяк. Неудачник тоже присоединяется к нам. Его лицо невозмутимо, словно он пригубил чаю.

— А Кепочка? — вспоминаю я. — Уж он-то меня запомнил!

— Не та порода. Ярко выраженный ассоциативник... стучать на тебя он не станет.

— Мне он показался способным на многое.

Вика барабанит пальцами по столу.

— Леня... Кепочка всегда берет красный альбом. Это особая группа, в которой разрешено все. Не просто цепи, плети и мелкие радости садистов, а любые зверства. Убийства, расчленение тела... можно не продолжать?

— Сделай милость.

— Так вот, Кепочка этим не занимается. Он приходит к нам общаться разговаривать.

— И этим достал всех сотрудниц?

— Леня, когда солидный дяденька заказывает красный альбом, приводит девушку в подземелье и с криком «Я — вампир!» кусает ее в горло, это противно, гнусно, но понятно. Это

просто болезнь. Когда ничем не примечательный юноша садится перед девчонкой и начинает говорить с ней по душам... когда он тратит деньги на то, чтобы за час-другой доказать ей, что она сволочь и грязная тварь, недостойная жить на Земле. Это страшнее, поверь.

— Почему? — неожиданно вступает в разговор Неудачник.

— Потому, что это проклятие. Право судить и право властвовать. Право на истину. Легко разобраться с дураком или зверем. Гораздо труднее с тем, кто считает себя сверхчеловеком. Умным, чистым и непорочным. Генералы, борющиеся за мир, правители, громящие коррупцию, извращенцы, осуждающие порнографию, — господи, мало ли их мы видели? Может, проклятие такое висит над людьми? Когда обещают порядок, жди хаоса, когда защищают жизнь, приходит смерть, когда защищают мораль — люди превращаются в зверей. Стоит только сказать: я выше, я чище, я лучше — и приходит расплата. Только те, кто не обещает чудес и не становится на пьедестал, приносят в мир добро.

Я чувствую, что они сцепятся всерьез. Торопливо встреваю.

— Стоп! Вика, давай без диспутов о добре и зле! Так можно объявить праведниками убийц и воров!

— Ты и сам вор, — замечает Вика.

— Я помогаю распространять информацию.

— А карманник учит людей бдительности. Только нужен ли этот урок многодетной мамаше, у которой сперли кошелек с зарплатой?

У меня есть миллион возражений. Я могу объяснить, что в работе дайвера кража чужих файлов не основное. Хакер, не входя в виртуальность, сможет сделать это с большим успехом. И есть разница между *кражей* и *копированием* информации — я не оставляю за собой пустых компьютеров. Какая разница для человечества, кто первым выпустит новый шампунь или лекарства от простуды?

Но я не хочу спорить с Викой.

— Извини. — Она касается моей руки. — Я не права.

— Почему же. Всыпала по заслугам...

— Извини... Понимаешь, Неудачник, мы упали в мир чистой информации. Мир вседозволенности. Можно воевать, распутничать, хулиганить. Не готовы законы, а самое главное — не готова человеческая психика. Наказаний в *глубине* практи-

чески нет — даже если тебя экскоммуницируют из сети, ты вправе войти под другим именем. Можно нарваться на неприятности, воруя информацию, но и здесь сдерживающие нормы мизерны. Попробуй докажи двенадцати присяжным, что именно мистер Джон Смит спер новую игрушку с сервера «Микропроза», передал ее Ване Петрову, а тот, с помощью Ван Хо, пиратски выпустил ее в продажу. Мир недоказуемых преступлений и ненастоящих смертей. Только боль в душе остается настоящей — но кто измерит эту боль, что скользнула по проводам и сжала твое сердце? У нас не осталось ничего, кроме морали. Смешной, ветхой морали. И оказалось, что быть негодяем или праведником куда удобнее, чем человеком... просто человеком, настоящим человеком.

— А что такое — человек? — говорит Неудачник. — Просто человек, настоящий человек?

— Я бы тебе объяснил, — отвечаю я. — Если бы был Богом. Кончайте, а?

— Но мне действительно интересно. — Неудачник по-прежнему говорит спокойным, даже равнодушным голосом, но в глазах его огонек азарта.

— Ты — человек.

— Почему?

Действительно, почему? Ведь я был готов считать его лишь хитрой программой. Я теряюсь, но Вика тоже смотрит на меня, ждет ответа, и я говорю.

— Не знаю. Ты не стрелял по людям в «Лабиринте», спасал несуществующего ребенка. Но ведь это самая абсолютная глупость... Ты цитируешь Кэрролла в подлиннике, но ведь человек — это не вызубренный запас знаний... Ты третьи сутки в *глубине,* и ничего, держишься...

Вика удивленно смотрит на Неудачника.

— И как ты вошел в виртуальность, непонятно... только ведь это не показатель человека, а совсем наоборот...

Он терпеливо ждет.

— Знаешь, это наверное — в нас, — говорю я, неожиданно для самого себя. — Для меня ты человек... потому что я хотел бы быть твоим другом.

Кажется, Неудачник растерялся.

— Здесь, в *глубине,* мы все в масках. Может быть, это и лучше, правдивее. Не знаю. Когда ты выйдешь в реальный мир,

то можешь оказаться очень неприятным типом. Но здесь и сейчас я считаю тебя человеком. Этого никак не объяснишь.

— Может быть, тогда и лучше, что я не могу выйти в реальность? — спрашивает Неудачник. Смотрит на Вику, смущенно улыбается: — Ведь я не человек.

Приплыли.

Безумие, часть вторая.

Вика улыбается, разглядывая Неудачника, а у меня холодеет в груди.

— Вика... он не врет. Он никогда не врет, — говорю я, вставая. — Если не хочет отвечать, тогда просто отмалчивается... — Беру ее за руку, оттаскиваю от стола. Неудачник наблюдает за нами, печально и спокойно.

— Ты пошутил? — Вика вопросительно кивает Неудачнику.

— Нет.

— Он шутить не умеет, — подтверждаю я. — Ты не можешь выйти из *глубины?*

— Нет.

— Ты человек?

— Нет.

— Кто ты?

Молчание.

— Видишь? — почти кричу я. — Он не отвечает!

— Минуту назад ты назвал меня человеком, — говорит Неудачник. — Даже добавил, что хотел бы быть моим другом. Это была правда?

Моя очередь отмалчиваться.

— Ты говорил, что истина — здесь и сейчас, — продолжает он. — В *глубине* каждый может быть самим собой, без грима. Только душа... если верить в душу.

— Да, — говорю я. — Да. Я не врал!

— Тогда чем ты напуган? Моим признанием?

Киваю. Вика прижимается ко мне, и я чувствую, как вздрагивает ее тело.

Не ожидал, что она так испугается.

— Почему ты не сказал раньше? — кричу я.

— Я говорил достаточно, Леонид.

И тут Вика начинает смеяться. Взахлеб.

— Вы с ума сошли, оба! Ты — не человек? — Она вырывается, подходит к Неудачнику, берет его за руку. — Ответь!

— Что *ты* вкладываешь в понятие *человек?*

— Двуногое, лишенное перьев!

— Я — не человек.

Кошмар продолжается. Неудачник играет в свои игры, Вика растерялась, а я уже и не знаю, как разорвать цепь недомолвок и загадок.

Компьютерный разум невозможен! Не время, не время еще ему появиться на свет. Но я не в силах считать слова Неудачника ложью!

Зуммер, разрывающий тишину, — как избавление.

Вика отступает от Неудачника, открывает дверцу буфета, протягивает руку. Там среди банок, пакетов и коробочек валяется радиотелефон.

— Да? — не отрывая взгляда от Неудачника, произносит она.

Голос в трубке громкий, уверенный, он доносится до меня, и я узнаю его мгновенно.

— Пригласите Стрелка.

— Кого? — очень натурально удивляется Вика.

— Стрелка. Скажите, что Человек Без Лица хочет с ним поговорить.

Я делаю шаг и беру из ее руки трубку.

— Говори.

— Во-первых, я хочу вас поздравить, Стрелок. А во-вторых, предлагаю выйти.

— Хрен, — коротко отвечаю я.

— Стрелок, нет времени для игр. Я стою у главного входа. Но на этот раз я опережаю конкурентов лишь на пару минут. «Аль-Кабар» смог проследить ваш маршрут. Выходите.

— И что дальше?

— Вы получите обещанную награду. А я получу Неудачника.

Громкий, очень громкий телефон. Смотрю на светловолосого парня, который не считает себя человеком. На хмурящуюся Вику.

— Мне кажется, он не хочет идти с вами, — отвечаю я. — Извините.

— Стрелок, у нас был договор.

— Я не обещал отдавать вам парня. Из «Лабиринта» я его вывел, а остальное — наше дело.

— Ты много на себя берешь, дайвер.

— Кто-то должен принимать решения.

— Что ж, ты решил.

Голос исчезает. А через секунду пол вздрагивает, подкидывая нас к потолку, бревенчатые стены хрустят, изгибаясь. На меня падает картинка с изображением водопада — и журчание воды под ухом приводит меня в чувство.

Я поднимаюсь, ползу по вставшему на дыбы полу. Это не землетрясение. Это рушатся стены борделя. Это взламывают защиту, которую наивно нахваливал Компьютерный Маг.

Впрочем, если в хижину еще не ворвались — значит защита не так уж и плоха.

— Вика!

Я помогаю ей подняться. Лицо Вики в крови, рукав свитера разорван.

— Сволочи... — шепчет она.

Лишь Неудачник не упал — он стоит, прижимаясь к стене, раскинув руки для равновесия.

— Я выйду из зда... — начинает он, но грохот следующего взрыва перекрывает слова. — Это неизбежно.

— *Ты* хочешь сдаться?

— Нет, но..

— Тогда не дергайся! — Я легонько встряхиваю Вику: — Веревки в комнате есть?

Она растерянно качает головой.

— Нужны веревки!

Вика переводит взгляд на окно. Поняла.

— Можно спрыгнуть...

— Семь с половиной метров, убьемся!

К счастью, Вика не обращает внимания на точность цифры, а то не избежать несвоевременного скандала. Женщины — они из другой глины слеплены.

— На третьем этаже... — начинает она, и тут дверь распахивается. Я рву с тела пояс, который с шелестом превращается в плеть. Но в дверях не Человек Без Лица и не его наемники. Там, балансируя на своих крылатых шлепанцах, болтается Компьютерный Маг. Коридор за его спиной окутан разноцветным мерцанием, вспышками, и при взгляде в это карнавальное марево со мной что-то происходит — движения замедляются, теряют точность...

— О, Варлок девятитысячный! — радостно вопит Маг при виде плети в моей руке. Вплывает в комнату, захлопывает за со-

бой дверь, и моя неожиданная заторможенность проходит. — Вика, где Мадам?

— Я за нее!

— Бордельчик атакуют! — продолжает веселиться Маг. — Первый этаж смели на фиг! Врубилась тормозилка, но они все равно двигаются!

Он подлетает ко мне, хватает за рукав и возбужденно спрашивает:

— Видал, какая иллюминация? Им на модемы прет столько ненужной информации, что любой компьютер захлебнется! Ну, кроме хорошего... Вика, так где Мадам?

— Мы удержимся? — спрашивает Вика.

— Нет, что ты! Спецы еще те работают! Но ничего, все пишется, такой протест заявим — будь здоров! Мадам где? Я без ее приказа активные системы не запущу!

По телу Вики проходит рябь, она раздается в груди и в бедрах, лицо плавится как воск. Вот как выглядит со стороны дайвер, вынырнувший из *глубины* и меняющий свое тело...

— Включай все, что есть, — командует Мадам.

— Ой! Ай! — Маг в театральном удивлении распахивает глаза. Интересно, а может он не играть? — Я знал, я знал!

Впрочем, руки его заняты не показухой — достают из кармана маленький пульт и начинают набирать какие-то команды.

— Только все равно не удержимся, Мадам Вика!

— Нам надо уйти, Маг.

— Мадам! — Маг прижимает руки к сердцу. — Я так сразу не смогу помочь! Тут дайвер нужен!

— Дайверы тут ни при чем. — Я машу рукой на окно: — Нужна веревка!

— Повеситься? — хохочет Маг. Поджимает ноги, падает на пол и начинает стягивать свои шлепанцы, не переставая тараторить: — На третьем этаже, вот хохма, тот балбес, что секс втроем любит, ну который ничего про себя не говорит, из окна со страху выпрыгнул! Упал в бассейн, барахтается, кричит, что плавать не умеет и что он депутат Госдумы и его спасать надо...

Он кидает мне тапочки.

— Держи! Ограничений по мощности нет, все трое спуститесь! Мадам, а почему ты мне не говорила, что Вика — твоя маска, я же не болтун, никому бы не сказал!

Я надеваю тапочки. Крылышки возбужденно подрагивают и молотят по пальцам. Смешно — для Мага Вика — это маска Мадам. Для меня — наоборот.

— Ох, ну и скандалов теперь будет! Парень, а ты кто, а?

Неудачник не отвечает. Может быть, у него, как и у меня, голова идет кругом? Компьютерный Маг похож на многозадачную операционную систему, которая одновременно занята и шутовством, и серьезной работой.

Я так не умею.

— Спасибо, — пытаясь подняться на ноги, говорю я. Маг подпихивает меня под локоть, держит, пока я балансирую в воздухе, осваиваясь. Ощущение совершенно дикое, это не реактивный ранец, который используется на некоторых этапах «Лабиринта», а именно хождение по воздуху.

— Как по ступенькам, — шепчет Маг. — Словно по лестнице спускаешься-поднимаешься.

— Маг, сколько у нас времени? — Мадам деловито оглядывает хижину, вешает на плечо Викину сумочку, потом начинает доставать из буфета банки и пакеты и движениями баскетболистки швырять их в окно. Сомнительно, что будет время их подобрать, но я не спорю.

— Только на прощальный поцелуйчик!

— Тогда отложим его до встречи. Маг, пожалуйста, задержи их сколько сможешь. Ну... заболтай, что ли!

— Я попробую... — неожиданно теряется Маг. — Ну... не знаю, я не умею...

— Вика, вернись в прежнее тело, — оглядывая могучие габариты Мадам, прошу я. Подхожу к Неудачнику — тот все еще липнет к стене.

— Парень, мне плевать, кто ты. Человек или программа. Я согласен и с тем, и с другим!

Он молча смотрит мне в глаза.

— Я не хочу отдавать тебя этим уродам. Я попробую тебя спасти. Веришь?

Неудачник молчит.

— Я по-прежнему хочу быть твоим другом, — говорю я. — Кто бы ты ни был.

Он делает шаг мне навстречу. Я добавляю:

— Пожалуйста... давай не доставим этим сволочам радости схватить нас!

Кажется, я сказал что-то не то.

— Добро — вопреки злу? — интересуется Неудачник.

— А как еще иначе? — неожиданно вступает в разговор Маг. Он плюхнулся в кресло, заложил ногу за ногу и стал неожиданно серьезным. — Если нет точки отсчета, то все теряет смысл.

Неудачник замолкает и послушно подходит вместе со мной к окну. Вика — не Мадам, а именно Вика — уже забралась на подоконник и с непонятным выражением на лице смотрит вниз.

— Ты что, боишься высоты? — запоздало спрашиваю я.

— Не тяните, а! — кричит в спину Маг. Оглядываюсь — его пальцы колотят по пульту, и за стеной раздается рев, напоминающий турбины разгоняющегося «Боинга». Рев почти заглушает чей-то крик. По деревянной двери пробегают языки пламени.

— Маг, а как ты?

Компьютерный Маг улыбается и достает из кармана что-то, больше всего напоминающее куриное яйцо.

— А у меня — вот.

— Что это?

— Увидите, — обещает Маг.

Вика и Неудачник повисают на моих плечах так синхронно, что команды не требуется. Я переступаю через подоконник и ставлю ногу на воздух.

Воздух держит.

Ветер бьет меня в бок, река шумит метрах в ста подо мной. Кружится голова. Надо выйти, выйти из *глубины*.

Только... не хочу я видеть лицо Вики квадратиками разноцветных пикселей.

Вначале я собирался спуститься на обрыв, но теперь понимаю, что это бессмысленно. Тропинка завалена валунами... проклятое землетрясение!

Иду вперед и вниз. Над склоном, над обрывом, над ревущей горной рекой — к противоположному склону, густо заросшему зеленью.

— Я даже на самолетах летать боюсь... — шепчет Вика. Я с трудом отрываю взгляд от бездны под ногами, смотрю на нее.

— Держись, малышка...

— Ты... вынырнул?

— Нет!

Она закрывает глаза на мгновение, потом вскидывает голову:

— Леня, выходи! Не мучайся!

Ага. Дождешься. Я из другой глины!

— Счастливо, ребята! — вопит вслед Маг. Наверное, он высунулся в окно.

— Ребята... — возмущенно шепчет Вика. — Все вы, мужики, одинаковы!

— Викочка, а тебе тысяча с половиной поцелуев! — продолжает Маг.

Сейчас я рад его разговорчивости.

Мне еще предстоит пройти сотню метров.

Кидаю взгляд влево — лицо Неудачника абсолютно спокойно. Он смотрит на пропасть под нами с радостным детским любопытством. Вот кому надо было надевать крылатые тапочки.

...Не знаю, зачем Вика прибеднялась, восхваляя Сигсгорда. Ее пространство ничуть не хуже.

Может быть, даже более настоящее.

Сосновые ветки колотят меня по лицу, перед глазами проплывает шишка сиреневого цвета. Как ни странно, сейчас я уверен, что такие бывают.

Я по спирали обхожу сосну, спускаясь все ниже и ниже. Скала, на которой примостилась маленькая хижина, остается на той стороне обрыва. Мага в окне уже нет.

— Ленька... — шепчет Вика, когда до земли остается метра полтора, и разжимает руки. Зря. Она-то спрыгивает нормально, а вот мы с Неудачником в худшем положении. Я заваливаюсь на левый бок, тапочки судорожно взбивают воздух, но удержать нас не в силах.

Куча-мала.

Не слишком ли много падений для сегодняшнего дня? Тем более в китайском комбинезоне, с его слабыми ограничениями силы удара?

Я сбрасываю тапочки, поднимаюсь, жадно глотая воздух и потирая ушибленный бок. Неудачник со стоном садится на корточки.

Вика смущенно смотрит на нас.

— Больно, мальчики?

— Не, все хорошо! — бурчу я, помогая подняться Неудачнику. Над нами — густой зеленый полог, обрыв метрах в пяти.

Гул воды глушит шорох хвои под ногами. Как приятно стоять на твердой почве.

— Леня...

— Проехали, — обрезаю я. В конце концов, я понимаю, что такое боязнь высоты. Сам не смог пройти по аль-кабарскому мосту в *глубине*.

Мы вырвались из борделя, и это главное. Мы уже не в том пространстве, что атакуют люди Человека Без Лица. Вокруг нас горы, созданные Викой для личного пользования. Горы, где никогда не было людей. Пространство в пространстве, тайный мир, живущий по своим законам. Лишь хижина на обрыве — единственная дверь в него...

Из окна хижины бьет густое оранжево-черное пламя, бревенчатые стены занимаются мгновенным жарким огнем.

«Увидите» — сказал Маг. И он прав, трудно не увидеть действие файл-бомбы. Единственный проход в нормальную *глубину* догорает на наших глазах.

— Надеюсь, ты там... Человек Без Лица, — говорю я.

— Что он тебе обещал за Неудачника? — спрашивает Вика.

Кошусь на несостоявшийся предмет торга и признаюсь:

— Медаль Вседозволенности.

— Что?

— Ты что, не знаешь про нее? Такую получил Дибенко за создание *глубины*. Право на любые действия в виртуальном мире.

Вика улыбается.

— Это больше чем деньги, — говорю я. — Индульгенция от любых грехов...

— Тебя обманули, Леня.

— Почему?

— Леня, Медаль Вседозволенности уникальна именно потому, что существует в единственном экземпляре. Любая созданная копия автоматически считается фальшивкой и уничтожается. Я знаю, я... была знакома с парнем, который пытался сделать ее копию.

Самое смешное, что во мне нет ни грамма удивления. Я подмигиваю Неудачнику и говорю:

— А ты и впрямь важная птица. Если уж Димка Дибенко готов отдать за твою шкуру свое главное сокровище.

Неудачник мотает головой:

— Нет. Я еще важнее.

Часть четвертая

ГЛУБИНА

00

Из тех продуктов, что Вика выбросила в окно, словно в насмешку над законами физики уцелела лишь стеклянная банка с вареньем и бумажная пачка крекеров. Остальное ухнуло в пропасть или разбилось на камнях. На мой взгляд, смысла запасаться едой все равно не было, но банку мы все-таки подобрали.

Наверное, это инерция сознания. Паническая жадность разума, видящего вокруг дикую природу.

— У тебя есть какой-то план? — спрашиваю я Вику.

— Почему «у меня»? Ты предложил сбежать через окно, — резонно возражает она.

— Выхода не было.

— Был. Ведь ты дайвер.

Я киваю на Неудачника.

— А кто он?

Вику этот вопрос успел утомить за один-единственный час. Садимся на мягкую траву, в тени деревьев. Над остатками хижины еще вьется белый дымок.

Мы молча смотрим на Неудачника — тот бродит по склону, прикасается к соснам, подбирает с земли какую-то хвою и камешки. Горожанин, впервые оказавшийся на природе. Узник, смывшийся из подземелий замка Иф.

— Леонид, я, наверное, слишком увлеченно говорила о компьютерном сознании... — начинает Вика. — Так вот, он — человек. Обычный человек, дурачащий тебе голову.

— Он трое суток в *глубине*.

— Стимуляторы. Или — тоже дайвер.

— У него не отслеживается канал связи.

— Хорошая маскировка.

— За ним охотятся две крупные фирмы и Дибенко.

— Дураков хватает.

Прекрасная вещь, бритва Оккама. Любую мистику срезает начисто. С мясом.

— Вика, ты психолог... существуют тесты для выявления людей?

Она тихо смеется:

— Нет, конечно. В них еще не было необходимости.

— Я встречал в какой-то фантастической книге метод проверки...

— И ты полагаешь, что придуманная писателем за чашкой кофе схема реально будет работать?

— Все-таки надо попробовать, — упорствую я. — Есть ведь институты, занимающиеся вопросами искусственного интеллекта. У них должны быть какие-то наработки. Есть фанаты, которые придумывают абстрактные тесты... впрок. Я выйду из *глубины* и побегаю по «Интернету».

— А как ты вернешься? В это пространство нет больше входа. — Вика горько смеется. — Я боюсь, что оно вообще утрачено, навсегда. Замкнутая система, она будет жить на компьютере сама в себе.

— Хороший хакер пробьет проход.

— Это уже будет другой мир. Горы станут сопротивляться до конца. Если в них пробьются, они утратят свободу.

Я понимаю ее, очень хорошо понимаю, но ненавижу такой предусмотрительный пессимизм.

— Нарисуешь новые.

Вика не обижается.

— В следующий раз я придумаю море. Море, небо и острова.

— И не забудь запасной выход.

— Пространства живут по своим законам... — Вика встает. — Выход может быть, Леня. Когда эти горы строились, программа искала другие ландшафты, на всех открытых серверах. Воровала оттуда кусочки... — Она смущенно улыбается. — И оставляла лазейки. Совсем крошечные. Если мы найдем одну из них, то сможем выйти.

— Уже лучше.

На самый крайний случай у меня есть «Варлок». Но применять его рискованно — враги обнаружат след вируса.

— Надо уходить отсюда, — решает Вика. — До темноты у нас есть часов пять. Если нападавшие сумеют восстановить хижину, то лучше находиться от нее подальше.

01

Мы останавливаемся, лишь когда солнце исчезает в частоколе гор и гаснет оранжевый отсвет туч. Пройти удалось километров десять, и это очень, очень много. А ночью по горам бродят лишь самоубийцы.

Последние четверть часа мы тратим на сбор валежника. К счастью, его много, мы на границе леса и альпийских лугов. На пару с Неудачником я притаскиваю поваленную ветром сосенку, царапая руки, обдираю с нее мелкие ветки и складываю шалашиком.

— Хватит, мальчики, — решает Вика. Закуривает и быстро, умело запаливает костерок.

Ужин символический — малиновое варенье и сухое печенье. Неудачнику все пофиг — он жует с аппетитом электрической мясорубки. Мне кусок в горло не лезет. Хочется шмат жареного мяса с острым соусом и зеленым горошком, пару бутылок холодного пива. И ведь все это рядом! Стоит выйти из *глубины,* войти заново, заехать в «Старого Хакера» или «Трех поросят»...

Мы с Викой, не сговариваясь, переглядываемся.

Не знаю, о свинине с пивом она мечтает или о форели с белым вином. Но уж точно не о печенье с вареньем. Не годимся мы с ней ни в Карлсоны, ни в Мальчиши-Плохиши.

— Неудачник, вкусно? — интересуется Вика.

— Угу...

— А что ты обычно ешь?

— Всякую гадость.

Ее терпение иссякает разом.

— Парень, послушай меня...

Неудачник отдергивает руку от печенья и вопросительно смотрит на Вику. Мы с ней по одну сторону костра, он по другую. Противостояние.

— У нас есть проблема, — начинает Вика. — И эта проблема — ты. Возможно, ты не совсем понимаешь возникшую ситуацию... что ж, я попробую ее конкретизировать. Если я где-то ошибусь, поправь, ладно?

Неудачник кивает. Самое главное, когда давишь на человека, предоставить ему возможность возражать. Якобы предоставить...

— Ты оказался в «Лабиринте» и не мог самостоятельно выйти. Так? Леонид потратил уйму времени и денег, чтобы вытащить тебя. И сделал это. Так?

Не совсем так — ведь «Лабиринт» поначалу оплачивал мою работу... Но я молчу, а Неудачник послушно кивает.

— Леня спас тебя, привел ко мне. Его ожидала награда, очень большая, если бы он сдал тебя, но он не стал этого делать. В результате он объявлен преступником, его ищут по всей сети. Так? Потом мое заведение было полностью разрушено в попытке схватить тебя. Восстановить программы несложно, но вот репутацию свою «Забавы» потеряли навсегда. Придется все начинать сначала.

— Мне очень жаль... — тихо говорит Неудачник. — Я... я не собирался доставлять вам такие проблемы...

— Подожди. Сейчас мы по-прежнему в бегах. Если до тебя еще не дошло, то объясню: из этого пространства невозможно выйти обычными методами. Может быть, выходы и существуют. Но найдем ли мы их в ближайшие годы — неизвестно. Мы с Леней — дайверы. В любой момент способны уйти отсюда. Но вернуться уже не сможем, и ты останешься в одиночестве. Наверное, навсегда. Вот такая ситуация... с морально-этической точки зрения.

— Мне очень жаль, — повторяет Неудачник.

— Теперь поговорим о тебе. Ты как-никак причина всех вышеизложенных событий.

Неудачник ежится, но молчит.

— Ты либо человек, либо порождение компьютерного разума. Но второе очень уж сомнительно. Если ты человек, то, вероятно, способен самостоятельно выходить и входить в *глубину*. Как дайверы, даже круче. Так? Иначе не был бы таким свеженьким на четвертые сутки в виртуальности. Ты можешь возразить?

Тишина.

— Парень, я допускаю такую возможность, — говорит Вика. — В конце концов, полтора кило мозгов — куда большая загадка, чем грамм кремния в микросхеме. Я могу представить человека, который смог войти в виртуальность не пользуясь шлемами, модемами, дип-программой... И даже представляю его восторг... некоторый шок от такого события. Почему бы не подурить голову окружающим, не окружить себя таинственностью? Все вполне объяснимо... Но пойми, теперь ты уже не шутишь — заставляешь страдать нас. С каждой минутой усложняешь разрешение конфликта. Пойми, мы не можем постоянно с тобой возиться!

— Я... я устал... просто устал... — Неудачник смотрит на меня, словно ожидая поддержки.

Нет уж.

— И последнее — как можно разрешить ситуацию, — чеканит Вика. — Продолжать в том же духе — нелепо. Затягивание конфликта ни к чему хорошему нас не приведет. Если ты не хочешь раскрываться, не доверяешь нам или не хочешь портить такую красивую легенду — скажи, и мы уйдем. Будут потом «чайники» слагать сказки о потерявшемся в *глубине*... Если считаешь, что мы заслуживаем доверия, то объясни, кто ты такой и зачем все затеял. Два выхода — не так уж и мало.

Она замолкает, я тихонько беру и пожимаю ее ладонь. Мне никогда не хватает твердости доводить ситуацию до такой ясности, до положения «или — или».

— Я... — Неудачник замолкает, глядит на огонь. Потрескивает валежник, прыгают в темное небо искры. — Я виноват. Я устал, устал от тишины... Не надо было мне так поступать...

— О чем ты? — спрашивает Вика. Слишком резко, наверное. Но Неудачник сейчас растерян и деморализован.

— Слишком тихо... — бормочет он. — Этого заранее не поймешь, никогда. Звуки стали мертвыми, краски выцвели. Секунды — как века. Миллиарды веков. Меня предупреждали, но я не верил.

Он глотает воздух — и тянет руку к огню. Пламя касается его пальцев.

— Ничего, ни боли, ни радости. Великая тишина. Повсюду. Вечное Ничто. А у Ничто нет границ. Я не удержался.

Его рука нежно ласкает пламя.

— Я не могу вам ничего объяснить. Уходите.

Смотрю на Вику — сейчас она ему выдаст по первое число. Но в глазах Вики — лишь отблеск огня, черная ночь и красное пламя. Ее коснулась *Тишина,* о которой говорит Неудачник. Как и меня, в первый раз.

Встаю, оттаскиваю Неудачника от костра. Самовнушение — штука мощная. Обжегся в *глубине* — жди настоящих волдырей на коже. Заставляю его присесть над ручейком и опустить руку в холодную воду.

— Значит, так, — решаю я. — Сейчас будем спать. Просто спать и не морочить друг другу голову. Мы с Викой вынырнем, нам надо поесть по-нормальному. А ты... как знаешь. Утром решишь, чего ты в конце концов хочешь.

Неудачник молчит, полощет ладонь в воде.

Я иду к Вике. Она уже в норме, но ее напор куда-то улетучился.

— Ты податлива к гипнозу? — интересуюсь я. Вика пренебрежительно хмыкает. Вопрос риторический, среди дайверов гипнабельных нет. Раз уж мы преодолеваем дурман дип-программы, то словами нас не проймешь. — Вот то-то и оно, — говорю я. — Валять дурака мы все умеем. А вот как насчет того, чтобы окунуть собеседника в тишину?

— Я тоже устала, — шепчет Вика. — Знаешь, еще час, и заговорю такими загадками, что Неудачник позавидует...

— Мы сейчас ляжем спать. Потом вынырнем, не разрывая канала. Перекусим. У тебя дома найдется еда?

— Конечно.

— Ну и прекрасно. Ешь и ложись. Утром вернемся и все решим.

Мы так и поступаем. Я заставляю Неудачника помочь мне, вдвоем мы наламываем три охапки ельника, кладем у костра.

Постель оказывается такой удобной, что я с трудом борюсь с желанием наплевать на ужин.

Глубина... глубина... я не твой...

Веки были свинцовыми, я с трудом их разлепил. На экранчиках плясал огонь, в наушниках шуршал ельник — Вика ворочалась, устраиваясь поудобнее.

— Леня, ты прерываешь погружение? — спросила «Виндоус-Хоум».

— Нет.

Я снял шлем, глянул на часы.

Поздний вечер Но не настолько, чтобы было неудобно заглянуть к соседям. Пиво чуть-чуть подождет.

Выдернув шнур виртуального костюма, я угомонил перепугавшийся компьютер и глянул на себя в зеркало.

Клоун. Со штепселем на поясе. Пугнем старушек?

Трико валялось в тазу для стирки. Я надел его поверх виртуального костюма, провод скатал и заткнул за пояс, прикрыв сверху курткой. Ничего, нормальный мужик получился, только слегка опухший.

В подъезде тихо побрякивала гитара. Посмотрев в глазок, я открыл замки.

Компания юнцов ютилась на площадке между этажами. Один, терзая струны, напевал:

Одинокая птица, ты летаешь высоко...

При виде меня подростки почему-то смутились. Только сосед сверху быстро спросил:

— Леня, у вас закурить не будет?

Я покачал головой. Вижу, что парень косится на вздувшееся на боку трико. Как раз по размерам сигаретной пачки. Вряд ли он догадывается, что некоторые живут с розеткой у пояса.

Позвонив в соседнюю квартиру, я дождался шаркающих шагов и настороженного «Кто там?». Глазку и собственным глазам старушка не доверяет.

— Людмила Борисовна, извините ради Бога, — сказал я в дверь. — Можно позвонить от вас? У меня телефон сломался.

После секундного колебания заклацали древние замки.

Я протиснулся в узкую щель, дверь немедленно захлопнулась.

— Молодежь опять сидит? — поинтересовалась Людмила Борисовна. Старушке уже за семьдесят, и вступать в пререкания с юной шпаной она не рискует.

— Сидит.

— Хоть бы ты им высказал, Леня! Это ж никакого покоя нет!

В квартире звуков из подъезда не слышно, дверь у бабульки мощная, но я не спорю.

— Обязательно скажу, Людмила Борисовна.

— А чего телефон-то твой сломался? Не уплатил вовремя, отключили?

Я покорно кивнул, восхищенный ее догадливостью.

— Болтать ты любишь, — бурчит старуха. Когда-то мы с ней были на параллельных номерах, но жить так было, конеч-

но, невозможно. Я заплатил за разделение номеров, да еще и субсидировал бабку — ведь спаренный телефон стоил ей немного дешевле. По-моему, она посчитала меня идиотом.

Зато отношения у нас улучшились.

— Бери звони, время-то позднее... — Людмила Борисовна кивнула на телефон. Отходить от меня она явно не собирается.

Любопытство — не порок...

Я набрал номер Маньяка, стараясь не обращать внимания на грязный телефонный диск и липкую трубку.

— Алло?

— Шура, добрый вечер.

— Ага... — довольным голосом произнес Маньяк. — Объявился... преступник.

— Шура, они...

— Ладно, я разбираюсь. Лицензия на производство локальных вирусов у меня есть, тут не придерутся.

— А ты регистрировал «Варлока»?

— Конечно. У самого Лозинского. Все исходники отвечают Московской Конвенции, так что им обломится.

Меня потихоньку отпускает. Если бы вирус не был зарегистрирован у кого-либо из создателей антивирусных программ, то Маньяка ждали бы крупные неприятности. Конечно, меня могут обвинить в неосторожном использовании оружия, в нанесении ущерба... но для этого еще надо меня найти.

— У тебя спрашивали, кто купил вирус?

— Само собой. Я им дал твой адрес. Тот, который самый дохлый.

Еще года два назад, когда я начал балансировать на грани закона, кто-то из дайверов посоветовал мне купить пару адресов и никогда их не использовать. На этих несуществующих товарищей и списывались все вирусы, которые я брал у Маньяка.

— Я сказал, что вирус тебе обошелся в штуку баксов, — продолжает Шурка.

— Знаешь, будет правильно, если я...

— Успокойся. У меня уже пять заявок на покупку «Варлока» по этой цене. — Маньяк довольно захохотал. — Крутизна! За такую рекламу я Джордана готов пивом угостить. Весь Диптаун шумит.

— А продажа не запрещена?

— Пока нет. Копаются в исходниках. Лучше скажи, ты где был час-полтора назад?

— Ну... как обычно.

Людмила Борисовна легонько покашляла. Любопытство борется в ней со старческой жадностью. Повременная оплата — это самый гнусный враг компьютерщиков и болтунов.

— Ясненько, в *глубине*. А я заходил. Пива хотел с тобой выпить.

Маньяк вдруг начал мяться:

— Ты... выгляни за дверь.

— Зачем?

— Я позвонил, посидел на лавочке, пива попил. Снова поднялся, позвонил. Потом оставил у тебя под дверью пару бутылок «Холстена». Светлого. Глянь, стоят?

Я издал звук, похожий на скрип старого дисковода.

— Шура, а что, с утра коммунизм ввели? Ты чего?

— Ну глянь, может, стоят... — буркнул Маньяк.

— Нет, не стоят! Я от соседки звоню.

— Ну... и бес с ними, — сказал Шурка.

Все-таки иногда мой разум пасует при общении с настоящими компьютерщиками. Может быть, Шурка спутал реальный мир и *глубину,* где цена на пиво вполне символическая?

— Рассказать, так не поверят...

— Ну те, кто выпил, поверят, — мрачно заметил Маньяк.

— Зайди утром, часов в десять, — попросил я. — Надо кое о чем поговорить.

— Только не забудь вынырнуть. Зайду.

— Пока, Шурка.

Я повесил трубку, смущенно посмотрел на Людмилу Борисовну.

— Долго я?

— Ладно, ничего. — Старуха махнула рукой. — Бизнес, разве я не понимаю? Продаешь-то что?

— Пиво, — сказал я наугад.

— Я и сама пива любила выпить. Только разве ж на пенсию полакомишься?

— Людмила Борисовна, а давайте я вас угощу? — радостно предложил я. — У меня как раз образцы дома есть!

Это лучший выход из ситуации. Иначе старуха обязательно припрется ко мне и будет звонить с моего телефона... компен-

сируя нанесенный ей ущерб. А в мою квартиру слабонервным лучше не входить.

— Разве что бутылочку... — оживилась старуха.

Когда я нес ей через площадку бутылку «Ораниенбаума», молодежь проводила меня с лестницы жадным взглядом. Что говорить, две бутылки легкого пива на четырех здоровых лоботрясов — это несерьезно.

10

В снежных недрах морозильника я нашел окаменевшую сосиску. Из консервов осталась банка килек, купленная не то в период полного безденежья, не то из ностальгических соображений.

Спать хотелось до отупения, но я все же разогрел несчастную сосиску, взял консервный нож, выставил перед собой две бутылочки пльзеньского «Урквела». Ужин при свечах — свечи как раз трепетали на мониторе компьютера. Включился скринсейвер, сохранитель экрана. Потрескивание костра, доносящееся из шлема, было как нельзя уместно.

Ну ее к черту, *глубину!* Неудачника этого. Сейчас, в реальном мире, все происходящее казалось пьесой абсурда. Если завтра утром Неудачник не расколется — выходим с Викой из пространства гор. Навсегда. Пусть рассказывает свои сказки скалам и соснам — они оценят.

Я глотнул холодного пива, тихонько застонал от удовольствия. Принялся вскрывать кильку. Аккуратно отрезал крышку, подцепил вилкой...

И чуть не упал со стула.

На меня укоризненно смотрела сотня рыбьих головок.

Где-нибудь в виртуальности подобная шутка меня бы не удивила. А вот в настоящем мире...

Я подцепил облитые томатом головы, пытаясь найти хоть одну целую рыбешку. Ничего. Очень старательно сделано. Я представил себе рыбозавод... этакую плавучую махину... или килек консервируют на берегу? Конвейер с этой низкосортной продукцией. Офонаревших от рыбной вони и монотонного труда девчонок на конвейсре. Вот одна из них снимает с ленты пустую банку и начинает плотно напихивать в нее рыбьи головки. Шутка.

Я действительно засмеялся, с содроганием закрывая банку. Ужинать было нечем, но обиды на безвестную работницу я не испытывал. Наоборот. Все оказалось неожиданно уместным.

Присосавшись к бутылке, я разом прикончил первый «Уркавел».

Дайвер, тебе захотелось чудес? Машинного разума и людей, входящих в виртуальность напрямую?

Очнись, дайвер! Вот они, доступные нынешнему миру чудеса! Слямзенное пиво, фаршированные глазами килькины головы, духота и грязь старушечьей квартиры, малолетняя шпана на лестнице, надоедливая капель из крана на кухне.

Это — жизнь. Какой бы дурацкой и скучной она ни была. А там, внутри шлема, созданная машинами и подсознанием сказка. Наш электронный эскапизм.

Я открыл вторую бутылку пива, взял банку, вышел на балкон и вывалил ее содержимое в чахлый палисадник. Бродячих кошек ждет пир этой ночью.

— Неэтично! — укорил я сам себя. В мои мозги, не хуже, чем в Викину программу, вшито, что мусор из окна кидать не стоит.

Но, в отличие от машин, мы умеем плевать на запреты. С балконов.

Прямо с остатками пива я прошел в туалет. Расстегнул комбинезон, поглядывая на бутылку. Пить уже не хотелось.

— К чему этот долгий и утомительный процесс? — риторически спросил я и вылил остатки пива в унитаз.

Я добрел до кровати, выключил свет. Сколько ж можно спать, скрючившись за столом, с электронной кастрюлей на голове? Было тихо, очень тихо. И юнцы на площадке утомились терзать гитару.

Только ровно гудел компьютер и мерцали свечи на экране.

Я перевернулся, утыкаясь лицом в подушку. Но сон отступал. Там, в *глубине,* лежит неподвижное, мертвое тело Стрелка. Скучно ли ему без меня? Что-то в этом есть, самую чуточку, от предательства.

— В последний раз! — простонал я, поднимаясь. Надел шлем, воткнул разъем костюма в порт. Положил руки на клавиатуру.

deep

Ввод.

* * *

Во сне я прижимаюсь к Вике, и она что-то бормочет, поворачиваясь на другой бок. Как ни тих ее голос, но я просыпаюсь.

Значит, тоже спит в *глубине*.

Костер уже догорел. Наверное, близится утро, но темнота пока не отступила. Лишь красные отсветы от догоревшего костра. Неудачник неподвижным кулем лежит в сторонке. А вот взять да пихнуть тебя хорошенько, дружок! Здесь ты, с нами, или вышел из *глубины* и отсыпаешься в теплой мягкой постели?

Я смотрю в небо, в черный искристый хрусталь. Как я говорил Вике? «У нас украли небо»...

Да, украли. И чем больше людей уйдут сюда, тем дальше станут звезды.

Впрочем, не только в звездах дело. Всегда останутся те, кому недоступен этот мир. Неприкаянные подростки, не находящие себе работы, девочки с рыбозаводов... Вначале — сложенные рядками рыбьи головы в банке. Шутка — или безмолвный крик, протест? Вначале головы рыбьи. Только потом покатятся с плеч человеческие.

Ждет ли нас новое пришествие луддитов? Бунт против машин, все более непонятных и пугающих обывателя? Или все же будет найден выход?

Поворачиваюсь, смотрю на Неудачника. Если ты — разум сети, если ты — человек, покоривший виртуальность, то можешь стать тем самым выходом. Прорывом за барьер, выходом из тупика. И Дибенко — если Человек Без Лица и впрямь он — это понимает.

Стоит ли играть в благородство, укрывая Неудачника?

Если он — спасение, слияние миров?

Я не знаю. Я самый обычный человек, случайно наделенный дурацкой стойкостью к дип-программе. На этом я зарабатываю свой кусок хлеба, а изредка — толстый шмат масла с икрой. Но не мне спасать мир, не мне решать, что для него благо, а что зло.

Ничего у меня нет, кроме той смешной ветхой морали, о которой сокрушалась Вика. А мораль — хитрая штука, она никогда не дает ответов, наоборот, мешает их найти.

Легче быть праведником или подлецом, чем человеком.

Мне уже совсем горько и мерзко. Так может себя чувствовать провинциальный спортсмен, которого включили в олим-

пийскую сборную и велели бороться с чемпионами. Не моя это судьба...

И тут в небе рождается звук.

Я снова переворачиваюсь на спину, вглядываюсь в черный хрусталь. А он дал трещину — голубую полосу через весь небосклон. Ослепительную прямую стрелу, мчащуюся вниз.

— Что это, Леня?

Вика уже сидит, откидывая с лица пряди волос. Когда она проснулась?

Или когда я уснул?

Что вокруг — сон или явь?

— Метеорит, — отвечаю я Вике.

Голубая стрела все ниже, тонкая поющая трель — шлейф ее, сгусток пламени на конце — острие.

— Это падает звезда, — очень серьезно говорит Вика, и я понимаю, что все-таки сплю.

А Неудачник не шевелится.

Трещина прочерчивает небосклон до конца и вонзается в землю. Голубая полоса гаснет, небо умеет лечить свои раны. Лишь там, где звезда коснулась гор, пылает бледный огонь.

— Ты обещал, что мы найдем звезду, — говорит Вика.

Во сне все просто. Я встаю, протягиваю ей руку. Мы перешагиваем через Неудачника и начинаем спускаться по склону. Все неправильно, к звездам идут вверх, но со снами не спорят.

Голубое пламя сверкает в траве, не сжигая и не отбрасывая теней. Звезда упала в ложбину между двумя холмами. Чуть дальше — нагромождение скал, совершенно неуместное здесь, словно вырванное из другого мира. Это почему-то очень важно, но сейчас мы смотрим лишь на звезду.

Чистое пламя, пушистый огненный шарик, маленький — его можно спрятать в ладонях.

Я протягиваю руки, касаюсь звезды и чувствую тепло. Нежное, словно подставил ладони весеннему солнцу.

— Теперь я знаю, что такое звезды, — говорит Вика. Это осколки дневного неба.

Порываюсь поднять звезду, но Вика останавливает меня.

— Не надо. Она и так устала.

— От чего?

— От одиночества, от тишины...

— Но теперь мы рядом.

— Пока еще нет. Мы прошли свой путь, но это лишь половина дороги. Дай ей поверить в нас.

Я пожимаю плечами, я не умею спорить с Викой. Хочу улыбнуться ей, но Вики уже нет рядом. Остался только голос.

— Леня, проснись!

Что за глупости, зачем...

— Леня, Неудачник исчез!

Открываю глаза.

Утро.

Розовый свет с востока.

Испуганное лицо Вики.

Неудачника нет у костра. Сон — великий обманщик.

— Черт! — ругаюсь я, вскакивая. — Когда он ушел?

Вика поправляет волосы, таким же жестом, как и во сне.

— Не знаю, Леня. Я только что проснулась, а его уже не было.

— Вот и ответ, — шепчу я, озираясь. — Вот и ответ...

Неудачник убежал. Смылся из *глубины*. Значит — все впустую?

Нет, не все. Из-за него я встретил Вику.

— Он познакомил нас, — повторяет она мои мысли. — Хоть за это спасибо.

Я обнимаю ее, утыкаюсь лицом в волосы. Мы стоим так долго, рассвет разгорается вокруг, снежная шапка горного исполина сверкает, распарывая небо. Здесь нет птиц — наверное, Вика забыла их сделать. Но горы оживают и без них, наполняются шорохами ветра, шелестом листьев и трав.

— Я сделаю для этих гор птиц, — шепчу я. — Если все-таки удастся отстроить твою хижину...

— Не хочу менять горы, они свободны! — сразу противится Вика.

— Птицы тоже свободны. Я их просто выпущу в окно. И скажу: «Плодитесь и размножайтесь!»

Вика тихо смеется:

— Ладно. Попробуй.

— А чего тут пробовать? — храбрюсь я. — Несложная программа... проштудирую Брема, составлю алгоритм поведения. Вначале нарисую всяких зябликов и воробьев, потом — коршунов. Биогеоценоз... точно? Забыл, по-моему, в пятом классе нас этому учили, на уроках природоведения.

— Биолог. Может, еще и тапочки Зукины на волю отпустишь? Лёня, давай сейчас вынырнем. И сходим в какой-нибудь ресторан. Ты был на «Розовом Атолле»?

— Нет.

— Красивое место. Шульц и Брандт рисовали. Я приглашаю.

— Ладно. Только вначале поищем...

Вика отрывается от меня, резко спрашивает:

— Кого?

— Неудачника.

— Да он вышел из *глубины*, как ты не понимаешь!

— Понимаю. Но все-таки давай поищем? Может, он отошел сделать пи-пи и свалился в пропасть?

— Так ему и надо... — бормочет Вика, уже соглашаясь.

Вначале мы проходим вдоль кромки ближайшего обрыва, вглядываясь вниз. Потом Вика обшаривает долину по левую сторону от ручья, а я — по правую. Взгляд невольно тянется вниз, в ложбину, где во сне я нашел звезду. Там и вправду видны какие-то скалы.

Но дело прежде всего. Надо убедиться, что Неудачника с нами больше нет.

Я даже поднимаюсь немного вверх, по нашим следам. Это уже так, для полной очистки совести.

И в маленькой расщелине, через которую мы легко перепрыгнули при свете догорающего дня, нахожу Неудачника.

Я молча стою над расщелиной, глядя на Неудачника с трехметрового уступа. Минуты две проходит, прежде чем он убеждается, что я его заметил, и поднимает голову.

— Доброе утро, Стрелок.

Молчу. Даже на злость сил не осталось.

— В темноте очень плохо видно, — изрекает Неудачник поразительную по гениальности и свежести мысль.

Падать было не так чтобы высоко, но ему не повезло. Даже сверху я вижу, что его правая нога распухла, и Неудачник сидит, стараясь не дотрагиваться до нее.

Достаю из-за пояса тапочки, надеваю и спускаюсь вниз.

— Извини, — говорит Неудачник, когда я беру его на руки и выбираюсь из расщелины.

— Зачем? — только и спрашиваю я.

— Чтобы вы не колебались. Я все равно ничего не могу объяснить.

— Ты дурак. Ночью по горам ходят лишь самоубийцы... или Черный Альпинист.

— Я никогда не был в горах. А кто такой Черный Альпинист?

Спускаться к привалу довольно далеко. Я успеваю рассказать байку про Черного Альпиниста и про ту компанию, которая таскала в горы бальные платья и смокинги. Потом несколько реальных историй.

К Вике мы подходим, когда весь мой запас горных легенд истощается. Под ее ледяным взглядом я опускаю Неудачника на раскиданный у костра лапник и говорю:

— Что может быть лучше прогулки по горам без снаряжения? Горная прогулка с калекой на руках.

Мне очень интересно, что она сейчас сделает.

— Дай пояс, — командует Вика.

Такой агрессивности даже я не ожидал.

— Вика, применять «Варлока»...

— Черт! Дайвер недоделанный! Мне жгут нужен!

Никогда не задавался вопросом, способна ли виртуальная одежда рваться на части. И не хочу проверять — горное солнце злое. Поэтому оставляю мысль разорвать рубашку на жгуты и отдаю Вике черный шейный платок.

Она долго возится с ногой Неудачника, мрачно качая головой, когда он стоном отзывается на легкие прикосновения руки.

— Перелом голени, — ставит она диагноз. — Кажется, без смещения. Как ни странно.

— Ты еще и врач?

— Нет. Медсестра, но со стажем. Еще жгут нужен. Рубашкой все-таки приходится пожертвовать, а пиджак на голое тело — полный моветон. Мы укладываем ногу Неудачника в самодельный лубок.

— Еще ни один идиот, — лишь теперь Вика дает волю гневу, — ни один кретин в мире не ухитрялись сломать в виртуальности ногу! Что у тебя в реальности? А? Есть перелом?

— Нет... — бормочет Неудачник.

— И то слава богу.

Мы переглядываемся, от вечерней боевитости не осталось и следа. Одно дело — бросить в виртуальном мире обманщика.

Совсем другое — раненого в горах. И то, что горы ненастоящие, — уже ничего не меняет.

— Пошли к тем скалам, — предлагаю я.

— Давай. Я их видела во сне.

Нам хватает взгляда, мы ничего больше не говорим.

Нет законов для нереальности.

Сон или явь — мы вместе спускались к упавшей звезде.

11

Скалы и впрямь не к месту в этой долине. Ледник может прикатить валуны, но не такие исполинские глыбы.

— Похоже, что это и впрямь выход в другое пространство, — соглашается Вика, оглядываясь на меня. — Не устал?

Качаю головой. На самом деле руки устали держать Неудачника. Но сейчас не до мелочей.

— Если в этом месте программа прорвалась на чей-то сервер, — рассуждает Вика, — то канал будет односторонним. Выйти-то мы выйдем, а вот убежать, если потребуется...

— На крайний случай у нас есть «Варлок», — говорю я. Но убежденности в своем голосе не слышу. Не хочется мне больше падать в синие туннели. Уж очень странные картинки виделись по пути.

— Ладно, идем. Может, тут ничего и нет. — Вика со вздохом шагает вперед. Я плетусь следом. Неудачник молчит. То ли чувствует себя виноватым, что было бы правильным, то ли не хочет мешать. Это тоже верное поведение.

Идем по сужающемуся каньону. В какой-то миг я вскидываю голову, оценивая высоту скал. Они явно выше, чем виделись нам из долины.

Обнадеживающее зрелище.

Проход все уже, вдвоем не протиснуться. Я начинаю двигаться боком, так меньше риска зацепить сломанной ногой Неудачника за скалу. Может быть, стоило надеть крылатые шлепанцы. Но эта мысль запоздала, теперь мне не удастся извернуться. Вика впереди вполголоса ругается, ей тоже трудно. Злорадно думаю, что Мадам, с ее внушительными габаритами, уже застряла бы.

Становится все холоднее. Откуда-то в скальную щель рвется ледяной ветер. Это хорошо, это очень хорошо!

— Ленчик! — сдавленно говорит Вика. — Есть!

Впереди — свет, перекрытый ее силуэтом. Вика сдвигается куда-то вбок, и я выхожу на ее место. На последних шагах все-таки задеваю телом Неудачника о камни, и тот тихо стонет.

Ущелье выводит нас в странную местность.

Тоже горы — но иные. Они не просто безлюдные, они дикие. Словно когда-то здесь была жизнь... а потом что-то убило ее. Сумрак. Наверное, все-таки день, но небо обложено плотными свинцовыми тучами. Валит ленивый мокрый снег. Все охвачено запустением и глухой тоской. Внизу, по склону, между черными клыками скал, вьется тропинка.

— Что это? — тихо спрашивает Вика. — А, Леня?

Озираюсь. Нет, мы точно вышли в иное пространство. И, кажется, оно мне знакомо.

— Эльфы, — говорю я. — Это какой-то сервер ролевиков. Они тут играют.

— Как в «Лабиринте»? — подает голос Неудачник.

— Нет, по-другому.

— Мы тут далеко не пройдем, — хмуро говорит Вика. — Или замерзнем, или эльфы пристрелят мимоходом.

— Вначале замерзнем, — говорю я. Моя рубашка пошла на жгуты, пиджак я легкомысленно бросил.

— Ничего, зато твой голый торс производит незабываемое впечатление, — иронизирует Вика. Ей хорошо, она в свитере. Да и у Неудачника маскировочный комбинезон — он довольно теплый.

— Было бы кого впечатлять. — Я вытягиваю руку. — Вика, впереди — тропа. Надо выбираться туда и искать людей.

— Эльфов.

— Людей, эльфов, гномов. Кого угодно.

Снега почти по колено, мы бредем медленно. Неудачник виновато шепчет:

— Я все-таки не понимаю...

— Знаешь, кто такой Толкин?

— Это автор...

— Только не надо цитировать «Властелина Колец» наизусть. Так вот, это виртуальное пространство, созданное его поклонниками, ролевиками. Они тут собираются, одеваются в тела

персонажей книги и разыгрывают разные сценки. По Толкину или по другим писателям.

— Театр, — решает Неудачник.

— Ну... в какой-то мере.

Неудачник замолкает, полностью удовлетворенный объяснением. Мне до полной ясности далеко.

Какой это сервер?

Каковы законы данного мира?

Где располагаются законные выходы, через которые можно протащить Неудачника?

О том, что делать дальше, я даже думать боюсь.

Тропа хорошо утоптана, словно недавно здесь промаршировала целая армия. Снег тает, едва касаясь тропы. Наверное, виной тому — колдовство. Мир ролевиков живет по своим законам, здесь существует магия.

— Куда теперь идти? — Своей фразой Вика возлагает на меня командование. Очень приятно такое доверие... оправдать бы его. Я пытаюсь вспомнить карты ролевых пространств, но сразу отказываюсь от своей затеи. Их рисуют все, кому не лень.

И тут я слышу слабый перестук из-за ближайшей скалы. То ли сумасшедшая лошадь с кастаньетами на ногах, то ли великан с клацающими от мороза челюстями.

Времени на размышления нет.

— Сюда! — шепчу я, ныряя в чахлый ельник. Опускаю Неудачника на снег, прикладываю палец к губам: — Т-с!

С тропы Вику и Неудачника не видно. Становлюсь, широко расставив ноги, сдергиваю ремень. «Варлок» с шелестом разворачивается в огненную плеть.

Вид у меня должен быть достаточно грозный. Голый по пояс мужик, с припорошенными снегом плечами. Тело Стрелка я моделировал жилистым и крепким, сразу будет видно, что боец могучий. Да еще сияющая плеть в руке... любой тролль испугается.

Перестук все ближе.

Корчу лицо в кровожадной ухмылке и жду.

Из-за скалы показывается маленькая, от силы по грудь мне, фигурка.

Вот так великан с клацающими челюстями!

Лицом и телосложением путник похож на ребенка. Вот только с гормонами у него что-то не в порядке — голые по колено

ноги обросли густой шерстью. Да уж, с такими лапами и босиком на снегу уютно. На груди у путника маленький барабан, в который он постукивает на ходу палочками.

Хоббит.

Это хорошо.

При виде меня хоббит застывает, как приморожeнный. Даже одна барабанная палочка валится на снег.

— Гы-гы! — зловеще говорю я.

Хоббит уже не барабанит, зато у него и впрямь начинают постукивать челюсти.

— Кто? — вопрошаю я, протягивая к хоббиту «Варлока». Плеть начинает азартно вытягиваться, приходится ее отдернуть.

— Хардинг, с-сэр! — шепчет хоббит.

— Кто? — уточняю я уже нормальным голосом. Но бедный хоббит впал в полную панику, он даже не пытается достать маленький кинжал, небрежно заткнутый за пояс.

— Х-хардинг, добрый сэр. С-сэм родил Фродо, Фродо родил Холфаста, Холфаст родил Хардинга...

— Тебя, что ли?

— Меня, добрый сэр!

— Зря!

— Да, добрый сэр, — покорно соглашается Хардинг.

— Я тебе не сэр! — ору я. — И уж точно — не *добрый!* Я... — Приходит вдохновение: — Конан! Отважный киммериец Конан!

Про Конана хоббит слышал, он начинает часто кивать, не спрашивая, каким образом персонаж Говарда попал в мир Толкина. Впрочем, ролевики народ увлекающийся, такими мелочами они себя не сковывают. Я мог бы и Кощеем Бессмертным назваться, вот только телосложение не позволяет.

— Куда идешь? — веду я допрос, обходя вокруг хоббита. Тот крутится, стараясь не сводить с меня взгляда.

— А-армию догоняю.

— Какую еще армию?

— Эльфийскую. Мы орков с гномами бить идем!

— Зачем?

— А они же плохие!

Мне все больше и больше кажется, что в теле хоббита сидит ребенок. Взрослый нашел бы аргументацию посерьезнее, да и в бой бы кинулся.

— Армию... — задумчиво говорю я. — А! Помню. Была...

В глазах хоббита ужас. Он косится на огненную плеть, уже не сомневаясь в печальной судьбе, постигшей эльфийское войско.

— Я слыхал, что вы, хоббиты, сумчатые, — сообщаю я. — А?

Хоббит ошалело мотает головой и прижимает руки к животу.

— Жратва есть?

Отважный Хардинг отдает мне заплечный мешок. Я обнаруживаю в нем пару лепешек, фляжку, кусок вяленого мяса и добрею.

— Запасливый ты, хоббит... А это что?

Со дна мешка я извлекаю «Сникерс».

Хоббит немедленно начинает реветь. Да. Точно, ребенок.

Зубами срываю с шоколадки обертку, откусываю половину, остаток протягиваю хоббиту. Тот перестает плакать.

— Как думаешь, побьете вы гномов? — вопрошаю я. Нельзя же просто ограбить и отпустить. А поговорить?

— Побьем! — кивает хоббит. — Они стрелы из тиса делают, а из тиса стрелы плохие! А еще они хирдом строятся, а это построение плохое...

У меня нет ни малейшего желания вникать в детали разногласий эльфов и гномов.

— Город далеко?

— Лориен в пяти милях...

Что-то у них тут неладно с географией... Впрочем, ерунда. Еще бы узнать название сервера.

— А кто правит этой страной?

— Светлый эльф Леголас!

Ладно. Информации достаточно.

— Иди, — закидывая хоббитский мешок на плечо, говорю я.

Против грабежа Хардинг не протестует. Более того, робко спрашивает.

— Можно мне пойти с вами, Конан? Гномов и без меня побьют.

Еще чего не хватало. Вновь корчу зверскую рожу и шепчу.

— А ты знаешь, что хоббит — это не только ценный мех? Это еще и тридцать—сорок килограммов вкусного, легко усваиваемого мяса!

Книжки не врут, хоббиты и впрямь умеют быстро бегать. Только мелькают в снежной пыли мохнатые пятки.

К Вике и Неудачнику я возвращаюсь в наилучшем расположении духа. Разговор они слышали, пересказывать не требуется.

— Вот еда. — Я вручаю Неудачнику мешок. — Сейчас сделаем тебе подстилку и выйдем из *глубины.* Вернемся честно, через Лориен, с нормальным снаряжением. И вытащим тебя отсюда. Согласен?

Неудачник кивает.

— Подождешь часа три, четыре... — размышляю я. — Ничего?

Впрочем, иного выхода у нас все равно нет. Полуодетый, под снегопадом, я его пять миль не протащу.

Вдвоем с Викой мы устраиваем под старой елью подстилку из веток, укладываем Неудачника, вручаем мешок с трофеями. Во фляжке — легкое спиртное. На настоящем морозе им греться не стоит, а вот в виртуальности — почему бы и нет?

— Выныриваем? — спрашиваю я Вику. — Встретимся через три часа... ну, например, у входа на леголасовский сервер.

Она кивает. Миг — и ее фигура тает в воздухе.

— Пока, Неудачник, — говорю я.

Глубина-глубина, я не твой...

100

Я вышел вовремя. На часах без четверти десять утра.

— Погружение завершено, — скомандовал я «Виндоус-Хоум» и совершил набег на холодильник. Безрезультатный, ясное дело.

— Принимаю почту, — сообщил компьютер.

Торопливо одевшись, я выскочил из дому. В магазине за углом, по счастью, было почти безлюдно, и к десяти я вернулся.

Как раз вовремя, чтобы хлопнуть по плечу Маньяка, уныло звонящего в мою дверь.

— Питаться будешь? — покосившись на пакет, спросил Шурка.

— Ага. А ты нет?

— Я тоже буду. Но попозже. — Опережая меня, Маньяк протиснулся в дверь. Пока я разувался, он уже оказался у машины. Когда я подошел к нему, он уже вырубил «Виндоус» и сновал курсором по нортоновскому кубу, метя файл за файлом.

— Ты чего? — оторопело спросил я.

— Пытаюсь избавить тебя от долговой ямы, — стирая программы, откликнулся Маньяк. — «Варлока» реабилитировали.

Чистый, не размножающийся, не стирающий информацию вирус. Разрешенный к применению в виртуальности. На твой страх и риск, разрешенный...

Мой компьютер лишился еще парочки файлов. Кажется, сгибли и крылатые тапочки...

— Зато «Лабиринт» и «Аль-Кабар» навесили на тебя материальный ущерб в два с половиной миллиона долларов.

Мне даже весело становится от такой суммы.

— А почему не миллиард? Разницы нет, все равно я столько не заработаю... и даже не украду.

— Можно было и миллиард... — согласился Маньяк, дергая мышь по коврику. — Когда последний раз мышь чистил? В общем, так. Стрелка больше не существует. И никогда не существовало — на твоей машине. На седьмую позицию впишешь другую личность. Если есть возможность, обеспечь алиби... Чем ты их достал, Ленька?

— Увел из-под носа одного парня. Спас.

— Это хорошо, конечно...

Маньяк впихнул в дисковод дискетку, запустил с нее какую-то программу.

— Сейчас мы так твои винчестеры почистим, на физическом уровне следов не останется, — пригрозил он. — А еще лучше — продай эти винты, купи другие. Или в Неву их выкинь с моста.

Мне стало не по себе. Маньяк зря не паникует.

— Водка есть? — спросил Шурик.

— Коньяк...

— Хуже, но пойдет, — поморщился, он.

Я дал ему бутылку, морально готовясь к тому, что Шурка плеснет алкоголя в компьютерное нутро. Для полной гарантии дела. Но он отхлебнул сам, потом извлек из мыши шарик, подышал на него, потер о рукав и засунул обратно. Сообщил:

— Будем отмечать продажу трех вирусов. Хорошо ты «Варлока» разрекламировал.

— Шур, мне надо обратно...

— Ты даешь, дайвер, — не оборачиваясь, засмеялся Маньяк. — Тебе сейчас отсиживаться надо!

— Не могу. Никак.

Он лишь пожал плечами и посоветовал:

— А винты все-таки продай.

— Я весь компьютер хочу апгрейдить...

— Да? Ну и продавай его с потрохами. Или детскому клубу какому-нибудь подари. Много за такое барахло не дадут, а детишки машину за неделю уделают насмерть. Никто не восстановит.

Вспомнив ограбленного хоббита, я неуверенно кивнул.

Может, и впрямь осчастливить юное поколение стареньким компом?

А ведь как я гордился им при покупке... пентиум! Два мегабайта видеопамяти! Шестнадцать мегабайтов оперативки!

— Как ты с видеокарточкой такой живешь? — откликнулся на мои воспоминания Шурка. — Блин! Она у тебя даже тиви не ловит?!

Минут пять я выслушивал лекцию о новейших разработках в области «железа». Потом Маньяк отправил меня готовить завтрак, а сам продолжил чистить машину.

Я готовил яичницу — наверное, десятитысячную порцию яичницы в своей жизни. Впору придумывать холостяцкие юбилеи — тысячная банка консервов, стотысячный батон всухомятку...

— Шурка, у меня только два с половиной часа! — крикнул я из кухни. — Потом — работа.

— Успеешь...

— Мне еще надо новую личность рисовать!

— Какую? — заинтересовался Маньяк.

— Сказочную. Эльфа или гнома... Нет, лучше эльфа. Гнома сразу бить начнут.

— С каких пор ты с ролевиками сдружился?

— Работа, — опуская сковородку рядом с клавиатурой, сказал я. — Надо пройтись по их серверу.

— Господи, у них-то что воровать? Они же все нищие! — Маньяк замотал головой. — Б-р! Тексты эльфийских гимнов? Секреты производства деревянных мечей?

— Так... одну вещичку у них забыл.

— А... — Маньяк кивнул. Наверное, он решил, что «Варлок» пробил проход прямо на сервер ролевиков. — Только не обижай их, ладно? Они народ смешной, я к ним забредал пару раз.

— Защиту ставил?

— Я? Им? Да брось, у них своих спецов хватает! — отмахнулся Шурка. — Там крутых программистов полным-полно.

Мне эта новость не понравилась.

— Как выглядел-то «Варлок» в действии?

— Ну... синяя воронка, искры, и зеркала под ногами. В них — отражения с других серверов.

Маньяк поднял голову:

— А лифта там не было? — растерянно спросил он.

— Ты что, какой лифт! Дыра в полу...

— Вечно так выходит, придумываешь одно, а выходит... — буркнул Шурка. — Блин. У тебя только коньяк?

Мы разлили понемногу, чокнулись, выпили. На машине все еще шуршали Шуркины программы.

— Я вчера попробовал... стишок, — сказал Маньяк после второй рюмки. — Ну этот, «глубина-глубина...».

Я не стал интересоваться результатом. Если бы Маньяк смог выйти из *глубины,* то мы бы за это и пили.

— Леня, если когда-нибудь ты узнаешь, в чем тут дело... — начал Шурка.

— Сразу тебе скажу.

— А какой переполох вчера был в одном борделе, — сменил тему Маньяк. — Ты не слышал по сетевым новостям?

Я даже растерялся.

— Нет.

— Какая-то шпана пыталась взломать защиту публичного дома «Всякие забавы». Есть такой... — Шурка сладко зажмурился.

— Пыталась?

— Ну почти взломали, потом их защита наглухо все каналы отрубила. Бой был еще тот, если Зуко не заливает...

— Кто?

Видимо, мое лицо стало уж очень глупым. Шура уставился на меня, потом тихо сказал:

— Ага... Вот оно что...

— Ты знаешь Зуко... Компьютерного Мага?

— А то ты его не знаешь.

— Только по *глубине.* — Я не пытаюсь врать.

Шурка покачал головой:

— Ты так думаешь? Это Серега. Который раньше в банке работал.

Вот это новость.

Серегу я знал давным-давно. Когда подвизался в фирме по изготовлению игрушек, он тоже там работал. Но соотнести

молчаливого, флегматичного программиста и шумного Компьютерного Мага не мог никак.

— Это он?

— Да.

— Ну и маскировочка, — только и сказал я.

— А представь, если бы он сказал, что в публичном доме работает? Хороша тема для шуточек? Он до сих пор всем втирает, будто для банка программы лепит.

— Не говори ему, что я — это я, — быстро попросил я.

— Не буду. Он мне тоже никаких деталей не рассказывал. Только про «Варлока» пытал.

— Зуко узнал твой вирус! — воскликнул я, вспоминая радостный возглас Мага.

— Ну да, я показывал ему с месяц назад... — Шурка прищурился. — Секретность... черт возьми...

— Он может разболтать?

Маньяк покачал головой:

— Не в том дело. Леня, информация обладает свойством просачиваться. Всякие дурацкие мелкие оплошности, совпадения — вроде этого... Тебя найдут.

— Пусть попробуют доказать.

— Леня, если ты им так на хвост наступил, то возиться с доказательствами они не станут. Мы слишком тесно завязаны друг на друга. Кто-то знает, что Стрелок и Леонид — одно и то же лицо. Кто-то догадывается, что Леонид — дайвер. Кто-то подозревает, что Леонид — русский. Виртуальность живет информацией. Правдой, слухами, догадками. А самое главное, что вся информация легко подвергается сбору и обработке. Если приложить побольше стараний, то выяснят все!

— И что ты предлагаешь?

— Сваливай, — разливая остатки коньяка, предложил Шурка. — Мне будет очень обидно, если мы не сможем выпить вместе пивка, но... если ты будешь мертв, то это еще обиднее... Дьявол, да что, что ты такое творишь?

— Спасаю человека.

— Этим стоит заниматься, пока сам не попадешь в беду!

Я кивнул. Маньяк прав. В его словах — логика нормального хакера, а не самоуверенного дайвера, умеющего выныривать из *глубины*.

Куда я нырну, если меня настигнут в настоящем мире?

У всех виртуальщиков сильны комплексы физической слабости. Ощущение, что в компьютерном мире ты — бог, а в настоящем — один из миллиардов рядовых граждан, слишком обидно. Вот почему все мы так любим боевые искусства и военные игры, покупаем газовые и пневматические пистолеты, упрямо ходим в спортивные клубы и машем по вечерам нунчаками. Хочется, хочется ощущать себя таким неуязвимым в жизни, как и в заэкранном мире. Только не получается.

И слышатся порой в *глубине* слова: «Помнишь его? Шпана зарезала в переулке... левой водкой травануся... прыгнул из окна, даже записки не оставил... мафии дорогу перешел...»

Мы помним, мы знаем.

Лишь в заэкранном мире мы — боги.

— Мне еще сутки нужны, наверное, — тихо сказал я. — Потом свалю куда-нибудь... в Сибирь или на Урал.

— И никому не говори, куда уедешь, — кивнул Маньяк. — Мне тоже не говори.

Рюмки были пусты, и он предложил:

— Я сбегаю до ларька?

— Мне еще тело рисовать.

— Блин. Запускай «Биоконструктор».

Через минуту мы сидели, вырывая друг у друга мышь и барабаня по клавиатуре. Первое нарисованное тело пришлось забраковать — оно было слишком уж вызывающим. Двухметрового роста амбал с двуручным мечом на поясе. К такому все искатели приключений будут привязываться. Это заметил Шурка, и мне пришлось с ним согласиться.

Следующая личность была безобидной и даже жалкой. Оборванный старичок-нищий... может, его никто и не тронет, но и тащить Неудачника пять миль он не сможет. Тут уже вето наложил я, не объясняя причин.

А вот третья попытка удалась.

Парень на экране был довольно крепкий, но с таким младенчески невинным лицом, что тошно становилось. Мы одели его в светло-зеленую хламиду до пят и повесили на плечо тряпичную сумку.

— Лекарь! — удовлетворенно сказал Маньяк. — Человек-лекарь. Без особой нужды тебя там никто не обидит — ни эльф, ни орк. Медицина, она всем нужна.

Он начал помещать в сумку какие-то баночки, колбы, сушеные листья, отыскивая их в каталоге аксессуаров.

— В мире ролевиков я буду уметь лечить?

— Конечно. Там такая ситуация — ты приходишь в том или ином образе и обладаешь определенной силой. Например — боевым искусством, или мудростью, или даром врачевания. Чем дольше живешь в их мире, тем сильнее твои способности. Если ты назовешься лекарем, то сразу сможешь лечить небольшие раны, переломы, вывихи...

— Как интересно, — сказал я, глядя на свою новую личность. Она даже начинала мне нравится. — Спасибо. Я бы обязательно нарядился воином.

— И получил бы мечом по голове от какого-нибудь старожила.

— А ты в каком облике туда ходил?

Маньяк замялся:

— Никому не скажешь?

— Никому.

— Я был эльфийской воительницей Ариэль.

— Почему?

— К Горомиру клеился.

Я на миг онемел. Конечно, не мое это дело, но...

— Горомир — это девчонка, — быстро пояснил Маньяк. — У них там полный бардак, девчонки часто мужские роли играют, парни — женские. Я ее полгода клеил...

— И как?

— Никак. Горомир с Дианэль сдружились.

Я не рискую уточнять, кем была Дианэль на самом деле — парнем или девушкой. Уж очень мрачный у Шурки тон.

— Встретишь там Горомира — передавай привет от Ариэль, — добавляет Шурка. — Мы так, ничего расстались. Дружески. Блин.

— Мне нужно на тот сервер, где существует город Лориен, в котором правит Леголас. Там твой Горомир пасется?

— Не «твой», а «твоя»! — обрезает Шурка. — Не знаю, давно у ролевиков не бывал. Сейчас найдем.

Он загрузил Вику и начал шарить через терминал по серверам. Минут через пять поиск увенчался успехом.

— Вот! «Пресветлый Леголас приглашает мудрых эльфов, храбрых людей и шустрых хоббитов в великий город Лориен, ибо наступили дни последней битвы сил добра с орками и гномами!» Тебя встретят с распростертыми объятиями.

— Это излишне.

— А... по бутылочке пива? У тебя еще полтора часа.

Пиво после коньяка? Но у меня и впрямь еще уйма времени. С Шуркиной помощью мы нарисовали личность довольно быстро.

— Давай, — решаюсь я.

101

Я запер за Шуркой дверь, очень-очень тщательно навесил цепочку. Заглянул на кухню, убеждаясь, что газ выключен.

Пьяным я себя не чувствовал. Четыре бутылки пива — мелочь. А коньяк вообще не в счет.

По пути к компьютеру под ноги все время попадались какие-то провода, старые тапочки, оброненные с полки книги. Это Шурка запнулся и схватился за полку в попытке удержаться. С чего бы?

— Вика, почта есть? — буркнул я.

— Не поняла, Леонид.

— Почта есть? — медленно повторил я.

— Да.

Может быть, два литра темного пива, выпитые в ударных ритмах, — не так уж и мало? Если Вика не узнает мой голос...

Я подавил приступ раскаяния и начал пролистывать почту.

Всякая ерунда.

Надо еще заглянуть на «доску объявлений».

Разумеется, никто из работодателей или друзей не знает моего настоящего адреса. Если кто-то хочет связаться не просто с Леонидом, а с дайвером, то существует лишь один путь — поместить объявление на станцию электронной связи. Это просто компьютер с модемом и обширной памятью, куда может заглянуть любой желающий и прочитать все объявления. Кодированная метка позволяет отсортировать нужные депеши, шифр не дает ламерам возможности подделывать чужие сообщения, а туманные фразы самих писем будут понятны лишь адресату. Полная анонимность и надежность. Попробуй выбери среди любовных интрижек, мелкого бизнеса и пустого трепа секретную информацию.

Нечасто я нахожу на «доске объявлений» письма в свой адрес. Но сегодня их было два.

«Иван! В канун путешествия по лесу жду тебя там же, где мы занимались делением. Серый».

Это Ромка. «Делением» мы занимались в «Трех поросятах». А канун операции в «Аль-Кабаре» наступил четверть часа назад.

Я неожиданно протрезвел. С чего бы Ромке искать меня — и так срочно? Письмо он написал этой ночью. Интересно, сам или под диктовку... Человека Без Лица, например?

Второе письмо я ожидал увидеть.

«Семьдесят семь. Где обычно, как обычно. Братья».

Семьдесят семь — мой номер. Братья-дайверы в гневе...

Как велит Кодекс, я назвал Крейзи Тоссеру и Анатолю свое дайверское (и настоящее, кстати) имя.

Как велит Кодекс, они подали на меня жалобу. Я вторгся в их рабочее пространство. Применил оружие.

Такого не прощают.

— Неудачник... — пробормотал я. — Мать твою... что же ты со мной делаешь?

Будь проклят миг, когда я купился на Медаль Вседозволенности и пошел тебя спасать!

— Вика, погружение, — приказал я. — Личность номер семь... Лекарь.

Я знаю три Ромкины личности. Включая волка, даже четыре. Но сегодня он пришел в новой — тощенький очкастый юнец с всклокоченными волосами. Тот стоит у стойки, таращится по сторонам и аккуратного Романа ничем не напоминает. Я узнаю его лишь потому, что юнец в один прием выпивает стакан перцовки.

— Ромка?

— Леня?

Мы пожимаем друг другу руки.

— Пить будешь? — интересуется паренек.

— Нет. Я уже... в реальности.

— Алкоголик, — бормочет Роман. Кто бы говорил! Судя по его стойкости к спиртному... — Ленька, ты в курсе, что влип?

— В курсе. А во что?

— На тебя подали жалобу. Какой-то Анатоль и Тоссер. Детали обвинения еще не сообщали.

Я киваю:

— Об этом знаю.

— А что, еще неприятности ожидаются?

— Миллион.

Мы частенько работаем вместе. Я симпатизирую оборотню, а Ромка, похоже, мне.

— Леня, в чем дело?

— А ты подумай.

Роман морщится и вдруг нервно снимает очки.

— «Варлок»... твоя работа? — шепчет он.

— Угадал.

— Значит... «Лабиринт»...

— Т-с. — Я вспоминаю слова Шурки о растекающейся информации. — Не надо об этом.

Ромка подзывает бармена — сегодня это не живой человек, а явная программа — и наполняет свой стакан.

— Ну, Ленька, круто... — бормочет он. — Ты влип. Ты в неприятностях по уши!

Я вдруг понимаю, что оборотень вовсе не напуган размером моих неприятностей и не переживает за меня. Он восхищен! Он в восторге от такого накала страстей оттого, что и сам озарен отблеском скандальной славы. Если мы, эгоисты до мозга костей, способны видеть в другом дайвере кумира — то я стал им для Ромки.

— Если на разборках потребуется моя помощь, — говорит он, — то ты ее получишь. И не только от меня!

Может быть, и потребуется... может быть, и получу. Роман — мужик контактный, а в узком кругу дайверов-оборотней — признанный лидер.

— Мне все равно придется уходить. Надолго, — честно признаюсь я. Роман часто моргает:

— Что? Из сети? Серьезно?

Куда уж серьезнее... Киваю.

— А как же ты будешь жить? — спрашивает Ромка недоуменно.

Только мы, жители виртуального мира, поймем друг друга.

Как можно жить без спрессованного *глубиной* времени, мгновенных перемещений из прохлады ресторана на раскаленный песок пляжа, без нарисованных джунглей и придуманных гор, без бесконечного кипящего потока информации, без древних

анекдотов и только что дописанных книг, без маскарада костюмов и тел, без сотен, тысяч друзей и знакомых, живущих во всех уголках Земли?

Как?

Надо побывать в Диптауне, чтобы понять, что теряешь.

— Не знаю, Ромка. Но «Лабиринт» и «Аль-Кабар»...

Он кивает. Чего уж тут не понять — слоны боятся мышей лишь в сказках. А мы перед этими корпорациями даже не мыши — тли.

— Леня, если тебе нужны деньги... — неожиданно говорит Ромка. Я могу отдать свою долю. В конце концов, ты делал почти всю работу, ты же и пострадал. Тебе пригодятся, если будешь прятаться.

Качаю головой.

Ромка — молодец, но такого самопожертвования мне не надо.

— Если можешь... лучше о другом тебя попрошу.

— Все, что угодно!

— Мне придется удирать. Путать следы. Я не хочу пользоваться гостиницами... если возможно пожить у тебя месяц-другой, пока утихнет шум...

Сам не знаю, почему прошу об этом. Может быть, мне не хочется отрываться от *глубины* до конца? Хотя бы Ромкиными глазами следить за виртуальным миром. Чувствовать биение электронного пульса, глотать информацию...

— В тягость не буду... — добавляю я.

Но по лицу Ромки уже видно, что предложение не прошло.

— Нет.

— Извини, — пожимаю плечами. — Я понимаю.

Все-таки мы боимся друг друга. Нам проще пожертвовать огромными деньгами и тем успокоить совесть — чем раскрыть свою личность.

— Ничего ты не понимаешь... — бормочет Ромка. — Хочешь, скажу свой адрес? Реальный! Город, улицу, дом!

— Не надо.

— Я просто не могу тебя принять. — Он отводит взгляд. — Это... семейные проблемы.

В *глубине* мы строим себе дворцы. А в настоящем мире?

Положим, я, несмотря на габариты квартиры, могу спокойно принимать гостей. А если у Ромки на ту же площадь — жена, теща и трое сопливых ребятишек?

— Понял. — Я кладу руку ему на плечо. — Правда, понял. Никаких обид.

И все-таки Ромка отводит глаза.

— Я пойду? — спрашиваю я.

— На сходке будешь?

— Конечно.

— А сейчас куда собрался?

Искушение таинственно промолчать велико. Да это и будет самым разумным поступком. Но я все же отвечаю:

— Эльфов попугать. Я пойду, Ромка. Увидимся.

Когда я выхожу из «Трех поросят», он берет еще стакан водки. Нет, это чудовищно! Или он настолько сильный дайвер, что не пьянеет от виртуального спиртного?

Ролевики себя особо не афишируют. Есть исключения, вроде «Эльфийских Полян», но это скорее аттракцион для туристов, где сказочные герои зарабатывают себе на хлеб... точнее, на оплату электричества и телефонных счетов.

Сервер, на котором построен Лориен, принадлежит кому-то из России, это все, что я смог выяснить, не нарушая законов. И компания там тусуется в основном русскоязычная.

Можно было бы и к Леголасу нагрянуть под видом туриста, но кто знает, чем такое обернется? Это все равно что в Мекку явиться христианину и попереться прямо к Черному Камню в ботинках, шляпе и с золоченым крестом на груди.

Нет уж, лучше я буду новичком, начитавшимся Толкиена, Говарда, Перумова и всех прочих писателей, отдавших должное романтике мечей и драконов!

Я выбираюсь из такси возле скособоченной развалюхи в два этажа. Надо сказать, убогость здания сделана великолепно. Имитировать нищету и запустение куда сложнее, чем богатство и роскошь.

Впрочем, вся улица здесь красотой не блещет. Какие-то глухие строения, склады, закрытые до лучших времен офисы. Ролевикам шум не импонирует.

Вики почему-то нет. У входа топчется лишь какой-то эльф — хрупкое золотоволосое существо невнятного пола и возраста. На нем салатные штаны в обтяжку и зеленая курточка. За плечами эльфа лук и колчан со стрелами.

Останавливаюсь у двери, жду. Эльф косится на меня, потом сует руку за пазуху, извлекает сигарету и зажигалку. Затягивается, выпуская струю дыма.

Курящие эльфы — зрелище не для слабонервных. Кажется, что он помрет после первой же затяжки, наглядно иллюстрируя вред никотина... Черт!

— Ви... — начинаю я и осекаюсь. А если — не она?

— Ви, ви! — жизнерадостно говорит эльф. — И ви, и ми... Леня?

Голос Вика тоже изменила — наверное, работает программа звуковой коррекции. Можно подумать, что в виртуальность попал Робертино Лоретти.

— Ты? — все-таки уточняю я.

Вика понимает мои сомнения.

— Хоббит — это не только ценный мех! — весело сообщает она. — Узнал?

— Почему именно эльф?

— Мы все-таки на их территории. Безопаснее будет.

— А как тебя зовут?

— Макрель.

— Что?

— А чем не эльфийское имя? Я из шотландских эльфов.

У меня возникает легкое подозрение, что Вика тоже приложилась к чему-то веселящему.

— Ну... а кто ты, он или она?

— Я деталей не прорисовывала, времени не было, — небрежно заявляет Вика-Макрель. Отбрасывает сигарету. — По ситуации посмотрим.

Торчать дальше у здания глупо, и мы входим. Узкий темный коридор, стены изрисованы какими-то граффити батальных жанров. В конце коридора полыхает белое сияние, за которым смутно угадывается человеческая фигура.

— Кто вы? — окликают нас.

— Мы услышали призыв пресветлого Леголаса и пришли на помощь! — кричу я.

— Стойте где стоите! Как ваши имена?

— Макрель, из светлых эльфов озера Лох-Несс! — заявляет Вика.

— Лекарь Элениум, из страны Транквилии!

Вика пихает меня под ребра, но делать нечего, имя уже придумано и названо.

Человек, скрывающийся за сиянием, размышляет.

— Вы пришли вместе?

— Да, — отвечает Вика. Она берет руководство на себя, и я этому рад. Не то настроение, чтобы вдумчиво и серьезно морочить кому-то голову.

— И что же сдружило светлого эльфа и лекаря-человека?

— В бою с орками меня предательски ранили тисовой стрелой! — восклицает Вика. Она по-прежнему избегает обозначать свою половую принадлежность. — Если бы не чудесная сила Элениума, ты не видел бы меня сейчас, незнакомец!

Стою с каменной мордой, но это стоит огромных усилий.

— А что скажешь ты, Элениум?

— Шайка гнусных гномов, построившись хирдом, — вспоминаю я рассказ малютки-хоббита, — предательски набросилась на меня! И если бы не отвага Макрели, я... я...

Не знаю, как закончить, и закрываю лицо руками. Беззвучный смех очень похож на рыдания.

Сияние расступается, и в коридор выходит старец. Движения так порывисты, а голос так молод, что больше чем на двадцать лет он не тянет.

— Я рад приветствовать мудрого лекаря и отважного... отважную... — начинает он мяться, — отважного эльфа! Теперь вы в безопасности!

— Спасибо, — шепчу я.

— Ты, мудрый Элениум, получаешь десять очков мастерства, пять — выносливости и пять — силы, — сообщает старец. — Ты же, э... Макрель... получаешь десять очков мастерства, десять — выносливости, десять — силы и десять — храбрости.

— А почему я без храбрости остался? — возмущаюсь я.

— Слезы не к лицу людям! — важно заявляет старик. Но за меня вступается Макрель, которой (или которому) привратник явно симпатизирует.

— Элениум проливает слезы о старшем брате своем, Реланиуме, погибшем от лап гномов!

Ой. Кажется, Вика переигрывает...

По счастью, юный старец то ли не знаком с фармакологией, то ли имеет чувство юмора.

— Хорошо, ты получаешь пять очков храбрости, — великодушно решает он. — Войдите же в славный город Лориен и наберитесь сил перед решающими боями!

Повинуясь его жесту, мы входим в сияние и обнаруживаем в конце коридора массивную железную дверь.

— Старший брат Реланиум, говоришь? — шепчу я в спину Вике.

— Да ладно, не сердись...

И мы выходим на улицы Лориена.

Минуты две я стою, озираясь. Дьявол, а ведь и впрямь красиво!

Исполинские деревья с белой как снег корой. Темная зелень и багряное золото листвы. Дорожки, мощенные белым камнем. На деревьях устроены какие-то площадки и жилища, соединенные деревянными лестницами.

— Ничего поработали, — профессионально комментирует Вика. — Молодцы. На голом энтузиазме такое выстроить!

Я мог бы заметить, что она и сама из чистого энтузиазма создала мир гор. Но не хочу напоминать ей о той, быть может, навсегда утраченной, стране.

— Надо найти выход, — решает Вика.

Мы идем по белым дорожкам, наслаждаясь окружающей благостью. Воздух свеж и сладок, легкий морозец пощипывает кожу. Снега нет, видно, эльфийская магия разгоняет тучи. Едва-едва, на пределе слышимости, доносится средневековая музыка. Жаль, народу мало. Видимо, все ушли бить орков и гномов.

Под одним из белоснежных деревьев разведен костерок и установлен шлифовальный круг. Здоровый волосатый мужик под присмотром эльфа пытается заточить на круге меч.

— Не проходите мимо, путники! — окликает нас эльф, и мы останавливаемся. — Вы впервые здесь?

Вика кивает.

— Не в родстве ли мы с тобой, о высокорожденный? — интересуется эльф у Вики.

— Нет, дивный брат мой, — отмахивается Вика. — Укажи нам, как выйти за городскую стену и догнать армию.

Эльф мрачнеет.

— Мастерство ваше невелико. Посидите со мной, научитесь затачивать мечи. Всего три часа — и очки вашего мастерства возрастут на пять пунктов!

Вот уж радость. Вертеть несуществующий шлифовальный круг, чтобы получить несуществующее умение.

— Мы спешим, — отказывается Вика.

— Тогда поднимитесь на этот мэлорн. — Эльф кивает на одно из деревьев. — Всего шесть часов физических упражнений на лестницах — и вы получите по семь очков силы и выносливости!

Мне кажется, что эльфу-точильщику просто скучно. Его подопечный явно заканчивает приобретение пяти очков мастерства, и эльфу придется сидеть здесь в одиночестве.

— Слушать твои речи — наслаждение, высокородный эльф, — заявляет Вика. — Но мы рвемся в бой.

— Тогда идите туда! — Эльф мрачно машет рукой и набрасывается на мужика с мечом: — Как точишь? Ты как точишь? Это что, столовый нож? Не засчитаю мастерство!

Мы поспешно уходим в указанном направлении. Строго тут у них.

Очарование Лориена как-то слегка рассеивается.

— А я думала, они тут только мечами машут... — удивленно шепчет Вика.

— Нет. Они еще учат эльфийский и гномий языки, точат мечи и кинжалы, изучают экономику средневековья, слагают баллады и легенды.

— Что и говорить, масса полезного опыта...

— Так бы и прикрыла все ролевичные серверы, — ехидно подсказываю я.

— Нет, это их право. — Вика не поддается на провокацию. — Просто тоскливо немножко. Еще одна жвачка для мозгов.

— А мало ли таких субкультур существует? Эти по крайней мере наркотиками не колются и революций не устраивают.

— Леня, я не мечтаю о единообразии. Каждый находит развлечение по своему вкусу. Но это все — эскапизм. Бегство от жизни.

— Конечно. И собирание марок, и игра в покер, и большая политика, и маленькие войны с соседями — все является бегством от жизни. Не существует общих ценностей в мире. Приходится искать маленькие-маленькие цели. И жертвовать им свою жизнь.

— Знаешь, так и в коммунизм захочется верить.

— Почему бы и нет? Красивая и большая цель. А уж жизнью за нее жертвовать — это совсем в традиции...

Отважный эльф Макрель тоскливо смотрит на меня.

— Леня... Элениум... а у тебя есть в жизни цель? Хоть какая-то? Не своровать тысчонку-другую долларов, не повеселиться в ресторанчике с друзьями, а именно — Цель?

— Есть, — честно говорю я.

— Это секрет?

Молчу секунду.

— Знаешь, я хотел бы приходить домой и не доставать из кармана ключи.

Вика, в своей эльфийской маске, отводит глаза.

— Это совсем-совсем мелко и смешно, — говорю я. — Это даже не заточка несуществующих мечей... и не изучение психопатов в виртуальном пространстве. И уж никак не коммунизм и мировая революция. Но мне хочется просто позвонить в свою дверь — и чтобы ее открыли.

— Мне тоже этого порой хочется, — отвечает Вика наконец. — Но мне уже приходилось возвращаться домой, когда дверь могли открыть. И это... не всегда было здорово.

Вот так, дайвер...

По сусалам тебя, по сусалам.

— Леня, пойдем, надо вытаскивать Несудачника, — говорит отважный воин Макрель.

И мы топаем к стене, опоясывающей Лориен.

Здесь народу побольше. Под присмотром эльфийских мудрецов десяток новобранцев зарабатывают очки силы, фехтуя на мечах и пуская стрелы по мишеням. Вдоль ряда лавок, где торговцы зарабатывают очки мастерства, прогуливаются покупатели. Тоже чего-нибудь достигают. Оборванный художник рисует портреты всех желающих, фокусник, наверное — мелкий маг, жонглирует огненными шариками. Жизнь бурлит. Парень с гитарой, человек, но в зеленых эльфийских одеждах, поет под гитару:

> Бродячий менестрель постучался в ворота замка,
> Ему открыла двери молоденькая служанка...

Маленькая группка слушателей энтузиазма не проявляет, и бард, оборвав балладу, оглядывается и переходит на какие-то жуткие местные частушки:

Эльф по кличке Леголас
Угодил назгулу в глаз!
Из-за этого назгул
Чуть в реке не утонул!

Эта немудреная песенка толпе нравится куда больше. Менестрелю аплодируют, кидают мелкие монетки, хохочут.

Мы тихонько отходим.

— Нам что-нибудь надо? — Вика указывает взглядом на лавки.

— А деньги?

— Поищи в карманах.

Сую руку в карман куртки — там и впрямь пять медных монет.

— Автоматически добавляют всем входящим, — объясняет Вика. — Я слышала про такое.

В одной из лавок, азартно поторговавшись с продавцом, мы покупаем две фляжки с местным вином и два коротких кинжала. В бой вступать мы все равно не собираемся, мечи, копья и алебарды, в изобилии продающиеся в торговом ряду, нам ни к чему. И все-таки тяга к оружию — это что-то генетически заложенное в мужской организм. Под укоризненным взглядом Вики я брожу вдоль прилавков, разглядывая средства искоренения себе подобных. В лавке полутьма, лишь под стеклом прилавков, рядом с оружием, горят свечи. Отблески света на лезвиях — кроваво-красные. Вспоминаются продавцы цветов, которые зимой ставят свечи в свои аквариумы с цветами.

Жизнь и смерть — они так похожи. Их одеяния почти неотличимы.

В углу лавки, за столиком, сидят двое людей. Незнакомые, вначале я прохожу мимо и лишь потом останавливаюсь.

Приземистый крепыш в белых одеждах мне не знаком. Но...

— Блевать, — говорит крепыш за моей спиной. — Дешевка. Бульварщина. Полное вырождение во всем.

На меня накатывает такое отвращение, как давным-давно, в детстве, когда, купаясь в реке, я вынырнул — и увидел прямо перед глазами, на берегу, здоровенную жабу.

Крепыш за моей спиной поправляет натянутую на глаза кепочку. Продолжает!

— Раньше твои ролевки были необычны. Содержали здравый элемент. Сейчас — сплошное хрючество и жрачество.

— Ну слушай, ты перебарщиваешь... — отвечает Кепочке тот, кто сидит с ним рядом. — Надо же молодежи развлекаться...

— Я всегда говорю то, что думаю. Говорю истину, — безапелляционно заявляет Кепочка. И я вдруг понимаю — это не фигура речи. Не оговорка. Он ведь и впрямь так считает. Не разделяет себя и истину.

Ой-ей-ей...

— И за это тебя не любят, — возражает Кепочке собеседник.

— Ха! Любовь — это уже ложь. Когда фиксируешь все происходящее в динамике, то это становится очевидным.

Лавочник по ту сторону прилавка видит, что я замер над витриной, и оживляется. Подходит, тычет пальцем в стекло, за которым лежит меч.

— Очень, очень хорошее оружие! Но вы можете купить его, только если уже заработали сто очков мастерства!

Кепочка за моей спиной талдычит.

— Игра опустилась до потребностей быдла. Потеряла свою развивающую роль. Пункты силы, менестрели, фокусники... Хрючество! Подумай об этом.

— Хотите подержать меч? — любезно предлагает мне торговец.

Я кидаю взгляд на Кепочку. Его собеседник, видимо, кто-то из известных ролевиков, спрашивает.

— Так что ты предлагаешь?

— Ситуация уже полностью ясна, — вещает Кепочка. — Я предпочту посмотреть, найдешь ли ты адекватное решение...

— Нет, спасибо, — говорю я продавцу. — Мне очень далеко до ста очков.

Выхожу из лавки. На свежий воздух, к поджидающей Вике. Она, кажется, так и не заметила своего бывшего клиента.

— Чего ты там искал? — спрашивает Вика.

— Жизнь.

— И нашел?

Пожимаю плечами.

— Кажется, нет.

Когда мы идем к городским воротам — мимо менестреля-куплетиста, мимо фокусника и фехтующих новобранцев, я вдруг понимаю странную вещь.

В том, что говорит Кепочка — девчонкам ли в борделе, эльфам ли в Лориене, — очень много правдивого. Истина — маскировочная одежда цинизма.

Это, наверное, тоже цель. Считать себя истиной. Идти сквозь *глубину* гордым глашатаем правды, брезгливо отряхивая с белых обшлагов грязь людских пороков. Страдать за истину и обличать ложь.

И все — по одной-единственной причине.

Из-за неумения любить людей.

Я вижу этот мир, и мне смешно наблюдать за мальчишками, точащими нарисованные мечи, изучающими гномий язык и торгующими пустотой. Но это еще не совсем то... Надо сделать лишь один шаг... маленький, совсем маленький шаг — чуть дальше. Не любить.

Таинственного Неудачника, глупого маленького хоббита, виртуальную проститутку Вику, торговца в лавке, менестреля с гитарой, оборотня Ромку, Человека Без Лица...

Никого.

Ведь это так просто — они все полны недостатков. На каждого из них можно злиться, каждого — презирать. Нет, не то... Не *злиться,* а просто — *не любить.*

И я словно приоткрываю какую-то узкую и тяжелую дверь и заглядываю в иной мир. Стерильно белый, выстуженный до абсолютного нуля. Мертвый и чистый, словно машинный процессор.

— Вика, — шепчу я. — Вика...

Зачем мы идем спасать Неудачника? К чему весь этот долгий и утомительный процесс?

— Вика...

Она заглядывает мне в глаза — и я вижу ее сквозь обличье эльфа, под золотыми кудряшками и бледным аристократическим лицом.

Обычную, настоящую.

Мою Вику.

Которой не надо ничего объяснять.

— Скажи «люблю», — говорит она.

Я мотаю головой. Не могу, я ведь еще там, в холодной белизне насмешливой истины. Правда и любовь — они несовместимы.

— Скажи «люблю», — повторяет Вика. Ты умеешь.

И я делаю выбор.

— Люблю, — шепчу я еле слышно.

— Друзей и врагов...

— Друзей и врагов... — повторяю я.

— А я люблю тебя, — говорит Вика.

Славный город — Лориен.

Никто не смеется над человеком и эльфом, что обнимаются у городских ворот.

110

Хорошо идти по зимней дороге, если перед тобой протопало целое войско.

Снег утоптан, с пути не сбиться.

И всюду мелкие отметины шумной, бестолковой, суетливой жизни.

Сосна, истыканная стрелами. То ли почудился эльфам лазутчик, то ли спор возник, чей взгляд острее, а рука тверже... Скорее второе.

Следы, отошедшие чуть в сторону. Две горки табачного пепла. Так и представляются два старика предводителя, отошедшие выкурить по трубочке, пока мимо марширует войско. Один, наверное, был магом, с посохом в руках. Другой — воитель с мечом. Вот и следы — круглый от посоха и узкий от ножен.

А здесь был короткий привал. Слева от дороги снег утоптан, справа — едва примят. Ну да, эльфы, они ведь так легко ходят, что не проваливаются. Значит, здесь две части армии получали инструктаж у своих предводителей...

В реальности путь в пять миль был бы долог. К счастью, ролевики не миллионеры, чтобы добираться до своих врагов месяцами. Дорога стелется под ноги с чудесной быстротой.

Наверное, ролевики договорились считать это действием заклинания...

Мы поднимаемся к скалам, начинаем петлять по тропинке. Несколько раз мне кажется, что я узнаю место, где недавно пугал хоббита, но каждый раз оказывается, что ошибся. Дорогу рисовали халтурно, собрали из повторяющихся элементов.

Наконец Вика замечает следы, уходящие с дороги в ельник. Плохо мы спрятали Неудачника, любой отставший от армии вояка заметит. Не сговариваясь, убыстряем шаги — вдруг его уже нет здесь?

Но Неудачник на месте, и даже не один.

Он сидит, привалившись к стволу дерева, и что-то говорит хоббиту, отпивая из фляжки. Хоббит, усевшийся перед ним на корточках, смеется взахлеб. При виде нас он вскакивает и выхватывает свой; маленький кинжал.

Надо же. Этот малыш умеет быть храбрым. По крайней мере, когда за его спиной беспомощный человек.

— Мы друзья! — говорит Вика, поднимая руки. — Мы пришли с миром!

— Я — лекарь Элениум, — поддерживаю ее. Интересно, узнает ли нас Неудачник?

— Привет, Леня, — говорит он, улыбаясь.

— Я — Хардинг! — пряча кинжал, сообщает хоббит. — Вы не видели здесь Конана? Такой высокий, с огненным мечом!

— Этот Конан ограбил малыша, — очень серьезно говорит Неудачник. Только глаза улыбаются.

— Не, он не такой уж плохой! — неожиданно вступается за обидчика хоббит. — Он потом оставил Альену все мои припасы! Понял, что ему нужнее!

— Кому? — одновременно спрашиваем мы с Викой.

— Альену, — ничего не подозревая, повторяет хоббит. — Вот, ему. Он ногу сломал.

Очень интересно.

Я подхожу к Неудачнику, разматываю лубок на ноге. Вытряхиваю на снег содержимое своей лекарской сумки. О том, как надо врачевать в этом придуманном мире, у меня нет ни малейшего понятия.

— Значит, тебя зовут Альен? — спрашиваю я. Неудачник молчит.

Открываю одну из вывалившихся баночек. Внутри — вонючая зеленая мазь. Закатываю Неудачнику штанину, обильно мажу ногу. Подумав, еще облепляю ее сухими листьями и заявляю:

— Через пять минут перелом срастется.

Ситуация предельно проста. Я в этом мире обладаю способностью исцелять раны. Неудачник здесь появился с поврежденной конечностью. Теперь, после того как я открыл сумку и потратил часть ее содержимого на ногу Неудачника, компьютер, поддерживающий Лориен и его окрестности, должен восстановить функции нарисованного тела.

— А если не подействует? — с любопытством спрашивает Хардинг.

— Тогда мы донесем... хм... твоего друга до города.

— Спасибо, — от души говорит хоббит. — У меня силы всего три пункта, я бы его не дотащил.

Он секунду мнется, потом спрашивает:

— Вы сами справитесь?

— Конечно.

— Я тогда побегу? Обратно, в город. А то я так долго здесь был, мне попадет.

Точно, ребенок.

— Беги, — чувствуя угрызения совести, говорю я. Хардинг рысцой выбегает на тропинку, потом кричит:

— Только вы Конана опасайтесь, а то мало ли что!

Вика шепчет мне на ухо:

— Конан, победитель хоббитов!

— Кончай, — прошу я. — И так стыдно.

Мы молча ждем пять минут, не сговариваясь отложив разговор с Неудачником. Вначале стоит дождаться результатов лечения.

— Ну, вставай, — командует Вика.

Неудачник неуверенно опирается на ногу, приподнимается. Делает шаг, другой.

— Болит? — с любопытством настоящего врача спрашиваю я.

Он качает головой.

— Тогда пошли в город.

— А потом? — Неудачник косится на Вику, та молчит. Отвечать приходится мне:

— Потом тебе все-таки придется сделать выбор. У нас нет больше времени на загадки.

Возвращение в Лориен триумфальным не назовешь. Охранники у городских ворот презрительно косятся на нас — ушедших пару часов назад и явно не успевших догнать армию. Ехидных реплик вслед, правда, не бросают, но я все же решаю объясниться:

— Он уговорил нас потренироваться, — киваю на Неудачника. — От нас пока мало пользы.

Объяснение не хуже любого другого. Пускай считают нас самонадеянными, но вовремя раскаявшимися новичками.

— Это Лориен? — спрашивает Неудачник, когда мы бредем мимо белоснежных деревьев, опутанных лестницами, как новогодние елки гирляндами.

— Он самый. Сейчас мы выйдем на улицу и окончательно уладим наши дела, — небрежно бросаю я.

— Все равно я не в силах ничего объяснить, — говорит Неудачник.

— Тогда мы расстаемся. Навсегда расстаемся, парень. — Я не вру и не шантажирую его. Мне надо скрываться. Скучно и долго скрываться по нищим захолустным городкам, где компьютером называют калькулятор. А Вике надо восстанавливать свой бизнес.

Вика косится на меня, но молчит. Она понимает, она знала, что мне придется уйти.

Неудачник закидывает голову, смотрит в пронзенное мэлорнами небо.

— Хочешь — оставайся тут. Тебе ведь не надо оплачивать телефонные счета? — спрашиваю я.

— Не надо.

— И выходить в реальность, чтобы перекусить, тоже не надо.

Он молчит.

— Заработаешь тыщу очков, будешь крутой и уважаемый, — рассуждаю я вслух. — Когда-нибудь я приду сюда, постучусь и тихонько спрошу: «Как мне найти мудрого Альена?» И может быть, тогда ты рискнешь рассказать мне правду.

— У меня тоже немного времени, Леонид.

— Да уж не надо заливать! Что для тебя год-другой? После сотен лет... *тишины?*

Неудачник останавливается. Мы смотрим друг другу в глаза.

— Ребятки, что-то я стала самой неинформированной в нашей компании, — говорит Вика.

— А все просто, Вика. Очень просто. Когда отбрасываешь невозможное, то истиной становится невероятное.

Даже Неудачник в смятении.

Чего-то еще не хватает в той длинной цепочке условий, которые позволят ему говорить.

— Идемте, — прошу я. — Не стоит смущать бедных эльфов... мы никогда не станем частью их сказки.

Выход из Лориена — через ту же проходную. Только на этот раз привратник не мучает нас расспросами.

— Решай, Неудачник, — говорю, открывая дверь. — Я ведь не шучу, я и впрямь устал от ребусов.

И лишь выходя на улицу, я понимаю, что решать все-таки придется мне.

Человек Без Лица стоит метрах в пяти. Сложив руки на груди, пялясь на нас туманом из-под пепельных волос. Черный плащ стелется над грязной мостовой.

И он не один.

Трое охранников с автоматами стоят за его спиной. Еще двое парят в воздухе поодаль. Их полет реализован не так иронично, как Зукины крылатые шлепанцы, — за спинами охранников гудящие реактивные ранцы. Они невысоко, метрах в двух-трех от земли, и сцена напоминает мне какую-то древнюю, еще довиртуальную, игру...

— Браво, дайвер, — произносит Человек Без Лица.

Вика приходит в себя первой.

— Это твои козлы разгромили мое заведение? — агрессивно начинает она.

Туман над воротником черного плаща колышется.

— Проверь свой счет, девочка. И потом решай, вправе ли обижаться.

Снова шевеление — несуществующее лицо повернулось в мою сторону.

— Склад, где мы беседовали в первый раз, расположен на Ньюкем-стрит, сорок два. Иди и возьми то, что тебе было обещано.

Лихо.

Кнут и пряник.

Сладкий-сладкий пряник.

Человек Без Лица делает шаг вперед. Протягивает Неудачнику руку.

— Пойдем. Нам надо многое обсудить. Я знаю, кто ты.

Неудачник не двигается.

— Мы можем договориться. Мы должны договориться. Не знаю, какие условия ты ставишь, но все можно решить... — вкрадчиво, завораживающе шепчет Человек Без Лица. Он уже не смотрит на нас, мы куплены и сняты с игрового поля.

По его мнению, конечно.

— Ты слишком долго не жил в России, Дима, — говорю я, и Человек Без Лица замирает. — Повесь свою медаль над унитазом.

— Хочешь сказать, что не продаешься, Леонид?

Мы квиты. Имя мое он тоже знает. Может быть, и адрес ему известен.

— Да.

— Не совершай самоубийства. Я предпочитаю хорошо платить за хорошую работу... и этому, кстати, научился не в России.

— Я не работал на тебя. И ты тоже рискуешь.

— Чем, интересно?

— А если я заложу тебя Урману? *Лично* Фридриху Урману? Он тоже жаждет приобщиться к тайне.

Человек Без Лица начинает смеяться.

— Дайвер, да ты просто глуп! *Лично* Урману? Никто из людей его ранга не занимается делами в виртуальности! Для этого существуют референты. Секретари, двойники, факсимиле, если угодно. Хорошо подготовленные помощники, по ведению дел в виртуальном пространстве.

Я держу удар. Пощечина хороша, я и не подозревал о таких тонкостях. Мне казалось, что бизнесмены должны стремиться в *глубину* так же азартно, как и обычные люди. Но я держу удар — ибо иного выхода нет.

— Какая разница, Дибенко? Я могу сообщить про тебя «Аль-Кабару». А ты не можешь ничего со мной сделать, я дайвер.

— И у дайверов есть уязвимые места.

Он блефует. Не может не блефовать. Поворачиваюсь к Неудачнику, спрашиваю:

— Хочешь пойти с ним?

— Это тебе решать, — отвечает Неудачник. В нем единственном нет сейчас ни капли страха. В нем да еще в дибенковских мордоворотах, но у тех это проистекает из другой причины.

— Мы уходим, — говорю я и беру Неудачника за руку. Как ни странно, но я абсолютно уверен, что Дибенко не станет нам мешать. Не идиот же он, в конце концов! Если понимает, что происходит...

— Убейте этих двоих, — приказывает Человек Без Лица.

Мы стоим слишком тесной кучкой, и охрана не начинает стрелять. Видимо, Неудачника велено оберегать любой ценой.

Двое в воздухе продолжают парить, а те трое, что стоят на земле, бросаются к нам.

Много ли надо двум безоружным людям? Несколько ударов прикладами — несколько вирусов, всаженных в наши машины, и мы исчезнем с поля боя. Может быть, сквозь глухую стену сейчас следят за нами отважные эльфы Лориена, но вмешиваться они не станут. У них хватает своей отваги и своих сражений.

Но оказывается, что за нами следят не только эльфы.

Я уклоняюсь от первого удара, даю охраннику подножку, тот падает. В Диптауне они вынуждены подчиняться общим правилам... Пытаюсь вырвать автомат, в робкой надежде, что этот набор вирусов сформирован как автономный файловый объект...

И в этот миг с крыши эльфийской развалюхи прыгает длинная серая тень.

Волк сбивает одного из летающих охранников, валит его на мостовую легко, словно картонную куклу, подвешенную на ниточках. Щелкают челюсти — и человек замирает. Волк отскакивает, и вовремя — второй летун начинает палить в их сторону.

Пули кромсают равнодушное тело, которое начинает всплывать вверх, — ранец все еще работает. А волк бросается к нам.

Человек Без Лица плавным движением уходит с его пути. Но волк спешил не к нему, он вцепляется в горло одного из наших противников. Время словно сгущается, я вижу, как третий охранник борется с Викой, — и швыряю своего противника на него.

Одним ударом челюстей волк перерубает охраннику шею и прыгает на оставшуюся парочку. Оборотень слишком увлечен, чтобы имитировать чисто волчьи повадки — он рвет врагов зубами и по-кошачьи молотит лапами. С когтей сыплется искристая зеленая пыль — в ход пошло вирусное оружие.

Автомат валяется у моих ног, я подхватываю его — но в программе, разумеется, есть детектор пользователя. Курок под пальцами неподвижен. Просто швыряю оружием в летящего на нас охранника, и тот машинально начинает стрелять. Слишком быстрая и бестолковая реакция.

А в данном случае еще и опасная. Очередь лупит по кувыркающемуся автомату, и защита боевой программы не выдер-

живает. Взрыв — весь пакет вирусов, что был соединен в обличье автомата, срабатывает одновременно. Ближе всех к этому беспределу несчастный летун — ему и достается. Он вспыхивает, прямо в воздухе распадаясь на бесформенные клочья.

— Бегите! — рычит волк, вскакивая с неподвижных тел. С клыков капает кровавая слюна, шерсть стоит дыбом. Я шагаю к Ромке, кладу руку на спину, шепчу:

— Спасибо.

Человек Без Лица — последний, оставшийся в живых. Он спокойно стоит, наблюдая за разгромом своей гвардии.

— Беги! — вновь рычит волк, не отрывая от Дибенко взгляда.

— Дайверское братство? — насмешливо говорит Человек Без Лица. — Не ожидал.

Слишком он спокоен. Я киваю Вике с Неудачником, и те послушно начинают отходить. Мы с Романом остаемся — двое против одного.

Но этот один слишком невозмутим.

— Я вновь предлагаю тебе одуматься, Леонид, — говорит мне Дибенко.

— Да уходи же! — сверкая зелеными человеческими глазами, шипит на меня волк. И прыгает на Человека Без Лица.

Прекрасный прыжок, он даже быстрее и точнее того, с крыши. Челюсти клацают, сжимаясь на шее Дибенко, передние лапы царапают ему грудь. Сейчас, стоя на задних лапах, оборотень куда выше человека.

— Щенок, — говорит Человек Без Лица.

Одной рукой он приподнимает волка за шкирку и отшвыривает к эльфийской халупе. Удар так силен, что стена проваливается, и волк наполовину влетает в коридор. Но тут же встряхивается и вновь кидается на Дибенко. Удар был не просто ударом — шкура волка полыхает бледным сиянием.

Всадили-таки в Ромку вирус. Наверное, он отключил всю защиту — ради быстроты и точности движений. Но даже сейчас, пока вирус перемалывает его компьютер, он продолжает бороться.

Я бегу. Все остальное — от лукавого. Ромка следил за мной — и как ухитрился? Бросился в бой, чтобы дать мне шанс.

Терять его — глупо.

Метрах в десяти на улице Вика тормозит машину «Дип-проводника», впихивает внутрь Неудачника, машет мне рукой. Потом ее лицо искажается ужасом.

Спину царапает жалобный, затихающий вой, а в следующее мгновение Человек Без Лица хватает меня за плечо. Трудно соревноваться в скорости с человеком, чей домашний компьютер — прототип «восьмерки». Удар — я падаю на мостовую. Человек Без Лица, который придумал *глубину,* склоняется надо мной.

— Я был терпелив, — говорит он.

Плюю в серую туманную маску. Жест чисто символический — возможность плеваться в виртуальном теле не предусмотрена. Надо будет Компьютерному Магу подкинуть идейку...

Дибенко проводит ладонью по отсутствующему лицу, словно стирая плевок. Но он не столь брезглив. Его пальцы *зачерпывают* горсть тумана, комкают, словно грязный городской снежок.

— Лови, дайвер. Счастливых снов, — говорит он.

И снежок летит мне в лицо, разворачиваясь бесконечным полотнищем. Уже не серым — красочным, искрящимся, зеркальным, праздничным, узорчатым.

Я слишком поздно понимаю, чем мне знакомо это разноцветье.

Глубина-глубина...

Слишком поздно.

Дип-программа накрывает *меня,* и увернуться нет сил.

Глубина-глубина...

А полотнище все полыхает, не собираясь гаснуть, как положено честной, законопослушной дип-программе...

Глубина-глубина...

Я ныряю все глубже, я падаю в эту цветную пропасть, в бесконечную череду фальшивых отражений, в цвстной лабиринт, в безумие и беспамятство.

На моей машине нет таймера, и никто не придет к моей двери со своим ключом.

Глубина-глубина...

Я не могу выныривать с такой скоростью, с какой затягивает цветной водоворот!

Глубина-глубина...

111

Прежде всего — спокойствие.

Говорят, это любимая присказка какого-то нашего космонавта. Только кто сейчас помнит героев ушедших дней?

Спокойствие.

Паника убивает быстрее пули.

Вокруг меня — бесконечный калейдоскоп. Радуга, фейерверк, работающая дип-программа. Как просто — и неожиданно. Дайвер может вынырнуть, но что он сделает, когда вода прибывает быстрее, чем он рвется вверх?

Еще не знаю.

Делаю шаг — как ни странно, это удается. Мир потерял реальность, стал картиной сумасшедшего абстракциониста. Мимо проносится оранжевая крутящаяся лента, свивается кольцом, пытается завязаться вокруг головы. Срываю ее — рук не видно, но лента обиженно отлетает в сторону. Из-под ног, которых тоже нет, бьют фонтанчики белой пыли. Начинает идти изумрудный дождь, каждая капля — крошечный кристаллик, больно колющий тело.

И тишина, мертвая тишина, почти та, о которой говорил Неудачник...

Спокойствие.

Где я сейчас? Бреду по улице Диптауна, вытянув руки и слепо глядя в ничто? Или упал куда-то в глубину дибенковского компьютера? А может быть, подобно мифическим персонажам, растекся по всей сети?

Спокойствие.

Прежде всего — я дома. Дома, за своим стареньким компьютером. В шлеме и костюме. Где-то передо мной — клавиатура, справа — мышь. Если нащупать клавиши, вручную ввести команду на выход...

Нет, это невозможно. И дело даже не в том, что я не почувствую кнопок под пальцами. Сознание давным-давно привыкло *имитировать* движения. Я не вытягиваю руку — я лишь слабо подергиваюсь, я не прыгаю — приподнимаюсь со стула, не иду — перебираю ногами под столом. Иллюзии. *Глубина.*

— Вика! — говорю я. — Вика! Выход из виртуальности! Вика, я прерываю погружение! Выход!

Нуль эффекта.

Я принимал как должное возможность общаться с «Виндоус-Хоум» из *глубины*. Принимать и перекачивать файлы, выходить из *глубины*, интересоваться свободными ресурсами машины. Если бы все было так просто... какая нужда была бы в дайверах. Сейчас, в шкуре обычного виртуальщика, я на общих правах.

Я не чувствую реального мира.

Не могу позвать на помощь.

Я тону.

Спокойствие!

Пытаюсь стянуть шлем, которого не ощущаю. Бесполезно. Бегу, рвусь — в надежде оборвать провода.

Вряд ли я сдвинулся хоть на метр.

Закрываю глаза. Надо отключиться от дип-программы. Не видеть ее. Не погружаться дальше.

Глубина-глубина, я не твой, отпусти меня, глубина...

Повторяю сотню раз — двоечник дайверской школы, уныло пишущий в тетрадке одно и то же предложение.

Глубина-глубина, я не твой, отпусти меня, глубина...

Ничего не меняется.

Там, в бесконечно далеком настоящем мире, мое оцепеневшее тело сидит перед компьютером. И в открытых глазах отражаются губительные радуги.

Дибенко меня поймал.

Случайно ли он придумал эту ловушку? Пытался научиться выныривать, изобретал спасательный круг, а придумал кадку с цементом на ноги? Или он стремился именно к этому — не подтянуть всех виртуальщиков до способностей дайверов, а опустить нас на общий уровень?

Может быть, я уже никогда этого не узнаю.

Что произошло с Ромкой? Успела Вика сесть в машину — или тоже блуждает в разноцветной метели, а Неудачник идет с Дибенко — покорный и молчаливый?

Чтобы узнать, я должен вернуться.

Мир вокруг немного успокаивается. То ли буйство красок обрело систему, то ли я присмотрелся, привык к происходящему. Будем считать, что изумрудный дождь падает сверху — уже есть ориентир. Попробуем идти. Медленно, спокойно. Хотя бы к этой упрямой оранжевой ленте, крутящейся впереди...

Лента подпускает меня почти вплотную и отлетает. Успеваю заметить, что изумрудный дождь посек ее, истрепал края. Оранжевая лента свита в кольцо Мебиуса, словно... словно она независима от окружающего пространства!

Что-то чересчур замысловато для дип-программы...

Вновь двигаюсь к ленте — и снова она не дается в руки, уносится вдаль.

Что происходит, на самом-то деле? Вокруг меня сформировался этот безумный мир, или все происходящее — шуточки подсознания?

Иду за лентой. Любое направление может быть правильным — если здесь существуют направления. Дождь усиливается, кристаллики утончаются, превращаясь в иглы. Наклоняю голову, защищая глаза, продолжаю идти. Почему-то меня радует происходящее. Кто-то с кем-то борется.

Значит, еще есть шанс.

Ни расстояния, ни времени. Все меры слились воедино. Быть может, прошел час, быть может, три километра.

Может быть, пришло безумие.

Лента порхает впереди, но ее движения все медленнее и неувереннее. Это уже оранжевые лохмотья, изрубленные дождем. Последний рывок — и она падает вниз, выбивая гейзер белой пыли.

Конец?

Стою над остатками своего странного проводника. Что теперь? Ориентиров больше нет. Закрываю глаза — и слышу слабый, далекий звук.

Дип-программа не оперирует звуками! Говорят, хотя может быть, это просто слухи, что на компьютере Димы Дибенко не было звуковой карточки.

Иду.

Звук становится громче, но не делается отчетливее. Так может журчать лесной ручей, или шуметь далекий прибой, или потрескивать пламя свечи. Да все равно, пусть хоть я слышу эхо Большого Взрыва — мне нужен этот звук, это отсутствие тишины!

Шаг, еще шаг.

Даже сквозь сомкнутые веки я чувствую: что-то изменилось.

Открываю глаза. Мир словно выцвел. Изумрудный дождь утратил яркость, стал блеклым, уже не смарагды — грязное бутылочное стекло сыплется с неба. Белая пыль под ногами едва видна.

А впереди горит голубая звезда.

Осколок дневного неба.

То ли она выросла, то ли я стал меньше — мерцающий огненный шар теперь возвышается надо мной. Я протягиваю руки, касаюсь теплых лучей.

И падаю в звезду.

Ветер.

Холодный ветер бьет в лицо.

Я поднялся с запорошенной снегом земли. Куда ни глянь — плоская, как стол, равнина. Горизонта нет. Небо — в скользящих, переплетающихся оранжевых нитях, сквозь которые струится голубой свет.

А еще — туманные струи, текущие над землей. Меняющие яркость и плотность, несущиеся навстречу ветру и взмывающие к оранжевой решетке неба.

Отряхнув с колен снег, я посмотрел на ладонь. Странный снег — слишком большие кристаллики, рассыпчатые и не слипающиеся. Они шипят на моей руке и улетают легким дымком.

— Рад, что ты дошел, Леня, — сказал Неудачник из-за спины.

Я не успел обернуться — он почти выкрикнул:

— Нет... не надо!

Окутанная туманом равнина, холодный ветер, сыпучий снег. Я сглотнул застрявший в горле комок:

— Неудачник... спасибо тебе.

— Я должен был помочь, — очень серьезно ответил он. — Хотя бы попытаться. Ведь ты меня спасал.

— Не очень-то удачно...

— Но ты вывел меня. А мне было очень плохо... там.

— Догадываюсь. Но ты мог бы пройти «Лабиринт» за час... за десять минут...

— Леня...

— Мог просто выйти, а мог и побить все рекорды.

— Нет, не мог.

— Но почему?

— Ты до сих пор не понял? — В его голосе мелькнуло удивление.

— Не хотел убивать?

— Да.

— Но это же не по-настоящему! — воскликнул я.

— Для тебя.

— Я никогда не смогу быть таким, как ты.

— А это и не нужно, Стрелок.

— Знаешь, — борясь с искушением повернуться, сказал я, — мне однажды показалось на миг... только на миг... что ты Мессия. Понимаешь?

Неудачник очень серьезен.

— Нет, Леонид. Я не хотел бы быть вашим богом. Любым из придуманных. Они очень жестоки.

— Как мы.

— Как вы, — эхом откликнулся Неудачник, и в голосе его была печаль.

— Это сон? — спросил я, помолчав. — Все то, что вокруг?

Он очень долго молчал, тот, кто стоял за моей спиной и просил не оборачиваться.

— Нет, Леня. Если это и сон — то не твой.

Я понял.

— Спасибо.

Мне не было холодно, наверное, потому, что он так хотел. Меня не обжигал серый крупитчатый снег под ногами и не испепеляли туманные струи. Может быть, это было для него пустяком, а может быть, требовало неимоверных усилий? Не знаю.

— Вы успели уйти? — спросил я.

— Да. Сейчас мы едем по городу. Вика дает водителю один адрес за другим... по-моему, она не знает, что делать. — На миг Неудачник запнулся, потом добавил: — А еще она плачет.

Оранжевые ленты вьются в небе. Бесконечный танец под жарким голубым солнцем. Наверное, это все же красиво...

— Скажи ей, что со мной все нормально.

— Это правда?

— Не знаю. Ты поможешь мне выйти отсюда?

Неудачник не ответил.

— Я смогу выйти?

— Да. Может быть.

— Скажи Вике, что все хорошо.

— Она не поверит.

— Поверит. Она тоже почти поняла. Скажи ей, что в русском квартале Диптауна есть компания «Поляна». Ей принадлежит один-единственный дом. Такая скучная бетонная двенадцатиэтажка. Ждите меня там, у второго подъезда, ровно через час.

— Еще что-нибудь, Леонид?

— Нет. Все.

— Тебе будет очень трудно, Стрелок. — Неудачник запнулся. — Ты привык бороться с *глубиной*. Сила и напор. Ты хороший пловец, ты всегда выныривал из водоворота. Но сейчас это не сработает.

— Ты не привык полагаться на силу?

— Смотря на какую силу, Стрелок...

Что-то легонько коснулось моего плеча. То ли прощаясь, то ли ободряя.

И небо из оранжевых нитей упало на снежную землю...

Поднимаюсь — в брызгах красок, в калейдоскопе искр. Дип-программа работает. Своего тела я по-прежнему не вижу.

И только едва ощутимая память прикосновения живет во мне.

Я еще помню тот мир, еще живу в нем. В чужом далеком сне...

— Что же ты творишь, Дибенко? — шепчу я в безумствующую тишину. — Нельзя... нельзя с ним поступать по-нашему.

Он не слышит меня, случайный творец виртуального мира, он продолжает свою погоню за Неудачником, охоту за чудом. Но мне надо его найти, объяснить, как он ошибается...

Закрываю глаза, раскидываю руки. Цветные всполохи за опущенными веками — дип-программа продолжает окутывать мой мозг.

Прежде всего — спокойствие. В ней нет ничего демонического. Блестящая побрякушка, которую крутили перед глазами пациента гипнотизеры, — вот что такое дип-программа. Побрякушка электронного века. Нет границы между сном и сном во сне. Я сам строю эти барьеры. Сам уговариваю себя, что тону.

Но сейчас — время выныривать.

— *Глубина...* — шепчу я почти нежно. — *Глубина-глубина...*

Мы строили ее, укладывая кирпичики компьютеров на цемент телефонных линий. Мы соорудили очень большой город. Город, в котором нет ни добра, ни зла — пока не приходим мы.

Нам было трудно в настоящем. Там, где не понимают азарта многодневного взлома чужой программы и многомесячного написания своей. Там, где говорят не о падающих ценах на мегабайт памяти, а о растущих ценах на хлеб. В мире, где убивают взаправду. В мире, где трудно и грешникам, и святым, и просто людям.

Мы построили свой город, не знающий границ. Поверили в то, что он настоящий.

Время выныривать.

Нам хотелось чудес, и мы населили ими Диптаун. Эльфийские поляны и марсианские пустыни, лабиринты и храмы, далекие звезды и морские *глубины* — всему нашлось место.

Но сейчас — время выныривать.

Мы устали верить в добро и любовь, мы написали на знамени слово «свобода» — в наивной вере, что свобода — выше любви.

Пора взрослеть.

— Отпусти меня, *глубина,* — прошу я. — *Глубина-глубина... я твой.*

Часть пятая

НЕУДАЧНИК

00

В начале — темно.

Все краски мира исчезли в один миг.

Я не заметил, когда и как это произошло. Только что вокруг была дип-программа, а теперь — нет вообще ничего.

Может быть, так и гибнут дайверы? Падая на самое дно виртуального пространства. Сжигая мозг и уже ничего не воспринимая?

Но темнота дробится на сетку крошечных квадратиков, меняет яркость. И краски возвращаются.

Я стою, прижимаясь лбом к стене. Нарисованной стене нарисованного дома.

Странно. Словно я вошел в виртуальное пространство, вообще не включая дип-программу. Но я смотрю не на экранчики шлема, я вроде бы по-настоящему здесь! Только мир перестал быть реальным, стал нарисованным, мультяшным.

Отступаю от стены, квадратики сливаются, превращаясь в коричневые прямоугольники. Кирпичи. Смотрю в небо — темная синь с редкими звездами. Вдоль улицы — дома и дворцы, похожие на детские рисунки: четкие контуры, залитые краской. Этот домик из кирпича, этот забор деревянный, в палисаднике — елочки... Вдоль улицы — стальные трубы с желтыми пятнами на острие. Фонари... Условность, сплошная условность. Районы поприличнее нарисованы лучше, но сейчас я где-то на окраине. Мир вокруг создан на простеньких программах и поддерживается слабыми машинами.

А самое смешное, что я — вполне настоящий. Разорванный в драке рукав рубашки, исцарапанные руки... Подношу

ладонь к лицу — виден каждый волосок, видна грязь под ногтями и сбитая на костяшках пальцев кожа.

Человек, попавший в мультфильм.

Меня прошибает дрожь. Это что-то новое, такого еще не было никогда. Что сделала со мной дип-программа, прокрутившись тысячу раз?

Что я с ней сделал, вынырнув из безумия?

Со спины наплывает звук. Оборачиваюсь — по улице едет автобус. Огромная двухэтажная колымага, почти вся состоящая из стекла. Нарисован автобус довольно тщательно, у него даже вращаются колеса. К окнам прилипли карикатурные лица: взрослые, дети, старики. На боку — эмблема «Дип-проводника».

Стою, хватая ртом воздух, разглядывая неподвижные лица. Конечно, с чего им быть иными — мимику передают лишь очень хорошие, отлаженные, рассчитанные на постоянного пользователя, программы. А это — туристы.

Автобус останавливается, из него неуклюже выходят люди. Впереди — элегантный господин в ярко-красном комбинезоне, экскурсовод. Мужчины, все как один, в костюмах и галстуках, лишь единственный в группе негр одет в джинсы и безрукавку. Лица, невозмутимо правильные, как у второстепенных злодеев из детских мультсериалов. Женщины — в роскошных платьях, куда более проработанных, чем лица, в драгоценностях. Стайка карикатурно большеглазых детей. Группа стариков и старушек в шортах и с фотоаппаратами.

Последним помогают спуститься пареньку в инвалидной коляске.

— Хей! — кричит мне экскурсовод и машет рукой. Рот у него открывается, но мимики тоже нет.

— Привет... — через силу улыбаюсь я. Удовлетворенный работник «Дип-проводника» поворачивается к своим подопечным:

— What attracts you most...

Слабое шипение — и голос экскурсовода становится едва слышимым. Заглушая его, раздается сухой, чем-то знакомый голос:

— Что вас наиболее интересует в этом районе Диптауна? Мы можем осмотреть известный... — заминка, — знаменитый, прославленный центр книжной торговли, где вашему внима-

нию предложат любую литературу... — заминка, — любые книги, журналы, газеты, бумажные носители информации, изданные со времен...

Хлопаю глазами, как ребенок, распотрошивший любимого плюшевого мишку и нашедший внутри грязные тряпки, мятые бумажки и чей-то нестираный носок.

А я так ценил программу-переводчик «Виндоус-Хоум»! Восхищался, как быстро и точно она переводит с любого из пяти языков Диптауна!

Быстро — это верно. Но всю точность обеспечивают наши собственные мозги, выбирая из словесной каши адекватные слова.

— Также имеются, расположены известные, популярные рестораны «Меч Артура» и «Четыре — десять». Если мы пройдем по сорок три улице еще сто метров или чуть более, то приблизимся к району развлечений для взрослых, совершеннолетних.

Легкий шум среди туристов — надо понимать, что они заулыбались.

— У вас есть два часа свободного времени, — вещает экскурсовод.

Кажется, я понимаю, где нахожусь. Вон тот безликий серый купол невдалеке — это «знаменитый, прославленный» книжный центр. Он носит имя какого-то американского президента, субсидировавшего его постройку.

Если я на сорок третьей стрит, то меня отнесло на противоположный конец города. Ну и прогулочка! Испуганно смотрю на часы, и паника спадает.

Из эльфийских владений мы вышли всего двадцать минут назад!

Туристы разбредаются. Семейные пары — в рестораны, одиночки большей частью в увеселительные заведения для взрослых. Паренек на коляске в сопровождении седой старушки и негра укатывает к книжному центру. Экскурсовод достает внушительных размеров сигару, явно не из дешевых, нарисованную лучше, чем его лицо, откусывает кончик, закуривает. Идет ко мне.

Неужели теперь так будет всегда?

Хотел ли я *такой* победы над *глубиной?*

Нет.

Я готов обманываться и дальше. Видеть город и людей, а не смесь детского рисунка и примитивного мультика. Я не судья этому миру, не равнодушный сторонний наблюдатель. Я часть *глубины,* плоть от плоти Диптауна...

Закрываю лицо руками, смотрю в темноту. Не знаю, кого просить, *глубину* или самого себя. И все же прошу.

Будь мной, глубина...

— Хочешь сигару, парень? — добродушно спрашивает меня экскурсовод.

Он улыбается, протягивая мне портсигар. Воротник красного комбинезона полурасстегнут, из кармана выглядывает колпачок шариковой ручки и уголок блокнота. Ручаюсь, их раньше не было. Лицо открытое, располагающее, доброе. Такими и должны быть люди, входящие в *глубину* неопытных новичков.

— Спасибо, не курю...

Все нормально. Все как прежде.

Даже лучше.

Я твой, *глубина.* Я могу быть настоящим человеком в настоящем Диптауне или настоящим в мультяшном городе. Может быть, могу быть и рисунком, гуляющим среди настоящих жителей Диптауна.

Спасибо, Димочка Дибенко. Ты хотел выбросить меня из игры. Может быть, даже убить.

Но что-то пошло не так.

Даже догадываюсь, что именно. Неудачник все-таки помог мне. Дал часть той силы, которой владеет сам.

И вот ему спасибо — от души.

— Ну как хочешь. — Экскурсовод не обижается на мой отказ. Прячет сигару в карман. — А ты старожил, верно?

— Верно, — признаюсь я.

— Я — Кирк, — представляется мужчина. — Похож?

Наверное, он имеет в виду какого-то игрового или фольклорного персонажа? Никогда не интересовался нехитрой американской масс-культурой.

— Не очень, — отвечаю наугад.

— И правильно! — поддерживает меня Кирк. — Сходство должно быть внутренним!

Он пускает в небо струю дыма, ловко перекатывает сигару из одного угла рта в другой.

— Я из Сиэтла, — решает он продолжить общение, несмотря на то, что я так и не представился в ответ.

— А я из Санкт-Петербурга.

Кирк радостно бьет меня по плечу.

— Да! Знаю! Был у вас!

Я приятно удивлен, но продолжение меня разочаровывает.

— Хороший городок, — делится Кирк впечатлениями. — Была у меня подружка... строгая такая девчонка! И вот надо же, сломался карбюратор, когда под вечер проезжали Санкт-Петербург. Пришлось заночевать.

Он хитро подмигивает.

С удовольствием бы побывал на родине Тома Сойера, но сейчас меня это самомнение бесит.

— Я из другого Санкт-Петербурга. Который в России.

— Россия! — Кирк приятно удивлен. — И у вас есть Санкт-Петербург?

— Есть. А Сиэтл — это где? В Канаде или в Мексике? — интересуюсь я.

Кирк жует свою сигару, не в силах понять, шучу я или и впрямь не знаю столь выдающегося города.

— В Америке!

— В Южной или Латинской?

Нет, он хоть и типичный, полноценный американец, но парень неплохой. Начинает хохотать и пихает меня в живот.

— Молодец! Здорово! Я к вам приеду. Попозже. Я в сорок пять лет планирую посетить Европу, заеду и к вам!

— Заезжай.

Я так вымотан дип-программой, что сейчас с удовольствием стою и веду этот нелепый разговор.

— Я вот туристов катаю, — продолжает Кирк. — Отцовский бизнес. Весело! Ездили по городу, девочка все просила показать дайвера. Я на какого-то парня показал, говорю «Дайвер!». Чуть автобус не перевернули, все кинулись на ту сторону смотреть.

Мы вместе смеемся.

— Сюда редко заезжаем. — Кирк чмокает сигарой. — Но Сэм все просил показать книжный центр, решили остановиться тут... и ему близко, и ресторанчики рядом... и все остальное... Сэм — это тот, высокий, в джинсах, в рубашке с короткими рукавами.

— Негр, что ли?

Кирк аж давится от такого оголтелого расизма. Как можно называть негра негром!

— Ну я пойду, дела, — бормочет он и быстро, не прощаясь, двигается к автобусу. Пожимаю плечами. Если бы вы знали, граждане могучей страны, как смешны и глупы ваши комплексы...

Но и мне пора. Поднимаю руку — и из-за угла с готовностью выезжает такси.

— Компания «Дип-проводник» рада приветствовать вас! — говорит водитель. Как по заказу — чернокожий, и я тихо смеюсь, забираясь в машину.

01

Едем довольно долго, «Дип-проводник» подключается к компании «Поляна» через кучу промежуточных хостов. Мой компьютер не такой мощный, чтобы полноценно держать весь дом, в котором я у самого себя арендую квартиру, поэтому «Поляна» размещена на чьем-то прокатном сервере, кажется в Белоруссии. Не очень дорого и довольно надежно, я не собираюсь менять этот порядок, даже купив вместо «пентиума» полноценную машину.

По пути я развлекаюсь тем, что делаю мир вокруг то настоящим, то нарисованным. Это удается уже без всяких усилий. Более того — я начинаю менять восприятие пространства фрагментами. Нарисованная машина обгоняет нашу, настоящую. Настоящая девушка идет по нарисованной улице. Стоят и беседуют два паренька — один живой, а другой мультяшный.

Если это и сумасшествие, то оно мне нравится.

Делаю «вольво», в котором сду, рисованным — и тяну руку сквозь стекло. Легкое давление на кожу — и ладонь чувствует ветер.

Немыслимо!

Мир вокруг принадлежит чужим серверам. Я здесь транзитом, возможно, сюда даже нельзя приехать обычным путем... а я могу в любой миг выйти, выпасть из несущейся машины. Что-то сместилось, что-то идет кувырком. Я уже не ныряю в *глубину,* я живу в ней!

За квартал до своего дома прошу водителя остановиться. Этот район мне хорошо известен, он принадлежит паре крупных российских банков. Разумеется, неофициально. Финансисты особого смысла в таких «капиталовложениях» не видят, но вот программисты, работающие в банковской сфере, устроили себе квартирки за казенный счет. Ну какой начальник из «новорусских» сообразит, что его компьютеры не только сводят дебет с кредитом, а еще и поддерживают часть площади Диптауна?

Самое подходящее место для проверки обретенных способностей.

Народу здесь крутится изрядно. Центр города, рядом и жилые кварталы, и развлекательные центры. Я иду по тротуару, высматривая уголок потише.

Вот этот подойдет. Крошечный скверик с маленьким фонтанчиком и парой скамеек, примыкающий к глухой стене высоченного здания. Устроен простенько, но со вкусом. По газону, не обращая внимания на табличку «Выгул собак запрещен!», рыженькая девушка прогуливает на поводке котенка. Хм. Что ж, в логике ей не откажешь — запрет не для них. Котенку явно надоел противный поводок, он то и дело останавливается и пытается содрать его лапкой. Улыбаюсь в ответ на строгий взгляд девушки и секундным усилием на миг делаю ее нарисованной.

Котенок остается настоящим. Он солнечно-рыжий, как и его хозяйка, бойкий и непоседливый. Виртуальные животные — это один из самых прибыльных бизнесов Диптауна, конечно, после игровых программ. Их обожают держать японцы — может быть, в их квартирках-пеналах невозможно завести настоящих? А еще покупают нарисованных псов-котов те бедолаги, что любят животных и при этом страдают аллергией...

Сажусь на скамейку, рядом с тихо шепчущейся парочкой. Под шелест фонтана разглядываю глухую бетонную стену. Если я прав, то за ней — компьютеры очень известного банка.

Попробовать, что ли?

Семь бед — один ответ. Я и так виновен в миллионных убытках. Снявши голову, по волосам не плачут...

Успокаиваю себя осколками из кладезя народной мудрости, но решиться никак не могу. Парочка обнимается, не обращая на меня никакого внимания. Хочется верить, что это влюбленные, которых в реальности разделяют тысячи километров, а не искатели безопасных приключений...

Вдоль стены носятся дети — девочка и два мальчика. В руках у них цветные мелки, и они с азартом покрывают стену граффити. Слышатся радостные вопли: «Янка, а у Андрюшки страшилище страшнее получилось!», «Севка, дай красный мелок, ну дай, а?» Видимо, кто-то вывел своих чад на прогулку в виртуальность. Наконец дети утихают и начинают рисовать. Девочка рисует самурая с мечом, меч — почти как настоящий. Пухлый очкарик Сева бегает вдоль стены, изображая что-то вроде удава, проглотившего слона. Но удав обзаводится дулом, и я понимаю, что это всего лишь танк. Худой смуглый Андрей прилежно сопит, вырисовывая немыслимое чудище. Может, так и задумывал, а может, человека хотел нарисовать...

Встаю и направляюсь к детям.

— Ребята, а дверь вы можете нарисовать? — спрашиваю у всей троицы.

Вопрос их явно озадачил, но посовещавшись, они все вместе начинают трудиться над требуемым. Дверь рисуется с азартом, взаимным отбиранием мелков и спором: надо или нет рисовать замочную скважину?

Я терпеливо жду. Наконец рисунок окончен, и юные дарования требовательно смотрят на меня — оценю или нет?

— Здорово, — честно говорю я. — Спасибо большое!

Дверь и впрямь хороша. Она расположена между хоботом слона... то есть дулом танка, и самурайским мечом. Есть и замочная скважина, и ручка, и даже петли.

— Вы меня очень выручили, — признаюсь я.

Дети упрямо ждут.

Тогда я делаю улицу вокруг нарисованной. Глубоко вдыхаю, расслабляюсь и превращаю дверь в настоящую.

Это только иллюзия, только иллюзия, конечно же...

Протягиваю руку и тяну дверь на себя. Раз, другой.

Никакого эффекта. И чего я ожидал?

Со злостью пинаю настоящую дверь в нарисованной стене. И та распахивается.

Открывается вовнутрь...

Надо же — получилось!

Дети за спиной вопят — не испуганно и не удивленно, а скорее радостно. Под эти крики я и вхожу в непроницаемую стену.

И попадаю в баню.

Древние римляне, знавшие толк в этом деле, а вместе с ними экономные финны и азартные русские, лопнули бы от зависти. Огромный мраморный зал, стеклянный купол вверху припорошен снегом, сквозь который бьет холодное зимнее солнце. В центре зала — круглый бассейн, в котором остывает десяток мужиков. За окнами — горы и склон, по которому носятся, вздымая фонтаны сухой снежной пыли, еще несколько банщиков, видимо, самые отважные. Распахивается тяжелая деревянная дверь, и из парной с воплем выносится тощий парень. Прыгает в бассейн, поднимая волну, начинает прыгать на месте. У стойки бара, завернувшись в простыню, пьет пиво лысый толстяк, снисходительно поглядывая на бассейн.

Искушение скинуть штаны и присоединиться к компании велико. Ай да банковские программисты, ай да молодцы! Хорошо устроились! Только интересно, не обливаются ли они потом в реальности, пока полируют себя веничками в парилке?

И все-таки я вошел!

Колонны, опоясывающие бассейн, пока прикрывают меня от чужих взглядов, но долго это продолжаться не может. Одетый в бане — фигура заметная. Поворачиваюсь к стене — двери уже нет.

Ну и не надо.

Вхожу в стену. Баня — это здорово, но мне интересно другое. То, что вообще не имеет выражения в виртуальности...

Но, кажется, я опять попал не туда. Мрачноватое безлюдное помещение, по центру идет ряд чанов, в которых шумно плещется вода. Вдоль чанов ползет лента конвейера, из отверстий в потолке сыплется в чаны что-то похожее на стиральный порошок.

Все это напоминает какую-то жутко автоматизированную прачечную из старого фантастического романа. Я уже собираюсь идти дальше, когда один чан наклоняется и вываливает на конвейер свое содержимое.

Много грязной воды и пара килограммов денег.

Я так потрясен, что выскакиваю из виртуальности, даже забыв пробормотать стишок про *глубину*.

На экранах шлема были цифры. Аккуратные столбики цифр, таблицы, невразумительные фразы. Я снял шлем.

Конечно, к чему оформлять графически процесс перекачки денег с одного счета на другой, а тем более их «отмывания».

Но вот мое умненькое подсознание, привыкшее к картинкам, постаралось на всю катушку!

Очень сильно болела голова. Результат многократной дипрограммы? Или последствие того перенапряжения, что я испытывал сейчас? Какая разница.

Я достал из стола начатую пачку анальгина, заглянул в холодильник. Одна банка «колы» еще завалялась. Давясь проживал таблетки, запил газировкой. Потерпи немного, мой несчастный организм. Самое главное еще впереди.

Перед тем как вернуться в прачечную, я глянул на часы: без четверти два. Пожевать бы чего-нибудь.

В чанах гулко ухают лопасти, отстирывая деньги. По конвейеру ползут доллары, марки и рубли. Я гляжу на этот бесконечный поток, за которым стоит то ли чей-то пот, то ли чья-то кровь.

Что будет, если я возьму с конвейера пару миллионов? Почему-то уверен, они окажутся на моем счете. Может быть, я подключусь к изолированной банковской сети и, сам того не ведая, отстучу на клавиатуре приказ о трансфере денег. Может быть, компьютеры банка сами произведут все операции, повинуясь лишь моему желанию.

Я теперь не просто вор, стойкий к гипнозу *глубины*. Я — сама *глубина*. Часть ее...

Наклоняюсь, поднимаю стодолларовую купюру. Можно даже запомнить ее номер. Можно сделать так, что по документам банка она вообще не появлялась здесь.

Все теперь можно — или почти все.

Бросаю бумажку обратно на конвейер, иду к стене. Шаг — и мир тускнеет, падает вниз, превращается в плоскую схему под ногами. Огромный лист, раскатанный в пустоте, я парю над ним, вглядываясь в нити улиц.

Вот и мой дом.

Ныряю к нему, пробиваю плоскость схемы, чувствую асфальт под ногами. Никаких больше усилий, никаких стишков и просьб к *глубине*. Я ведь не прошу свое тело дышать!

Вика и Неудачник о чем-то разговаривают, стоя у подъезда. Потом Вика замечает меня и растерянно замолкает.

Машу рукой, иду к ним, а Вика бежит навстречу.

10

Запираю дверь подъезда, долго вожусь с замком. Вика все держит мою ладонь, а одной рукой запустить все системы безопасности трудно.

Наконец я решаюсь и просто приказываю двери закрыться. Щелкает собачка замка, начинает мигать огонек охранной сигнализации. Неудачник вскидывает голову — кажется, он почувствовал.

— Что он с тобой сделал? — спрашивает Вика. Только теперь, когда мы отсечены от внешнего мира, она расслабляется. Наверное, я был не прав, что не поспешил к ней сразу.

— Дип-программа. — Я нахожу нехитрое самооправдание, объясняя ей случившееся. — Зацикленная дип-программа, бесконечное погружение.

Вика щурится, она понимает.

— Вынырнуть было невозможно.

— Но ты...

— Нашел обходной путь, — косясь на Неудачника, говорю я. — Вика, как это выглядело со стороны?

— Дибенко чем-то швырнул в тебя... — Она морщит лоб, вспоминая. — Словно платок какой-то... и ты в него провалился. Похоже было на очень мощный вирус.

— А Ромка?

Вика недоуменно смотрит на меня.

— Волк. Это Ромка, дайвер-оборотень. Мой друг...

— Он его сжег. Дотла. Просто схватил за горло, и тот начал пылать.

Молчу. Да и что говорить, внешние эффекты вируса могут быть различными, главное — как он подействовал на Ромкину машину. Мне всегда казалось, что у него слабенький компьютер, вроде моего. Наверное, даже магнитооптики нет. Если Человек Без Лица применил грубое оружие, то Ромке придется переставлять весь софт.

— Леня...

Я киваю. Не время сочувствовать чужому горю.

Впрочем, на это всегда не хватает времени.

— Идем, — киваю я ей и Неудачнику. — Я на одиннадцатом этаже живу.

— Кто еще здесь живет?

— Никого. Сейчас — никого, — втискиваясь в кабинку лифта, отвечаю я. Жму кнопку, рывок, мы ползем вверх. Вика морщится, она и впрямь боится высоты. Даже такой...

— А раньше жили?

— Ну... в каком-то смысле, — уклоняюсь я от ответа. Двери открываются, мы выходим на площадку. Неудачник с любопытством озирается.

— Вот и мой дворец... добро пожаловать... — отпирая квартиру, говорю я. И добавляю, уже одному Неудачнику: — Ответный визит?

Он кивает.

Вика входит первой. Мнется у порога, словно размышляя, стоит ли разуваться. Конечно, не стоит, и она это понимает.

— Направо ванная-туалет, кухня. Налево комната и балкон, — любезно сообщаю я.

Вика осторожно заглядывает в комнату. Ее взгляд бегает по выцветшим обоям, задерживаясь на столе с компьютером, тахте, холодильнике, шкафу. Наверное, она разочарована. Еще бы.

— Странно... — говорит Вика. И я чувствую, что она на мгновение выходит из *глубины,* смотрит на мое жилище трезвым взглядом.

Давай-давай. Вот только на глаза тебе попадаться я в такую минуту не хочу.

— Пошли. — Я тяну Неудачника за руку. — Научить тебя варить кофе?

Вместо ответа он проходит на кухню, быстро выбирает из пакетов с зернами самый дорогой и, как ни странно, при этом еще и самый лучший. Снимает турку побольше. Берет солонку.

— Ага, — только и говорю я.

— На сотнях серверов лежат кулинарные рецепты, — замечает Неудачник. — Пять минут назад девушка из Ростова добавила еще один. Очень интересный. Рискнем попробовать?

Странно было бы надеяться, что я могу его чему-то научить. Разве что — умению стрелять в людей.

Но я думаю, это не то умение, которое он способен воспринять.

— Хозяйничай, — только и отвечаю я, возвращаясь в комнату. Вика сидит на тахте, разглядывая книжную полку.

— Я вернулся, — сообщаю я, и Вика закрывает глаза. На миг, чтобы вернуться в *глубину.*

— Странно, — повторяет она. — Леня, я почему-то ожидала...

— Увидеть дворец?

— Нет, не обязательно, но хоть что-то...

— Вроде твоей хижины?

Она молча кивает. Вполне понимаю ее смущение. Она ведь уверилась в том, что я тоже пространственный дизайнер. А увидела убогую квартирку, пусть и хорошо нарисованную, но явно недостойную такой чести — быть увековеченной в виртуальности.

— Пойдем, — говорю я. — Неудачник, мы на минуту выйдем! Если что, мы в подъезде!

Вика послушно идет за мной.

На площадке чисто и тихо. Я прикладываю палец к губам:

— Т-с! Не надо никого беспокоить!

— Ты же говорил, в доме никого... — шепчет Вика.

— А вдруг? — таинственно отвечаю я. Подхожу к двери напротив, извлекаю из кармана гнутый кусок проволоки. Примерно так я представляю себе отмычку.

Вика ждет, она уже заинтригована.

Я тереблю проволокой в чужом замке. Конечно же, он поддается. Так ведь было задумано. И мы входим.

Это большая трехкомнатная квартира. На вешалке — одежда, плащи, куртки. К стене прислонен детский велосипед. Обувь раскидана вдоль стены. Я подаю Вике тапочки, переобуваюсь сам и говорю:

— У них принято переобуваться. Семья большая, четверо детей, натаскали бы грязи. И полы холодные...

Вика молчит, она приняла правила игры.

Заглядываем на кухню. Старенький польский гарнитур, еще советских времен. Очень-очень много банок с приправами, каких-то солений, варенья в банках. На плите — горячая кастрюля с борщом, сковорода с котлетами. В окнах — тихая зеленая улочка, и Вика мгновенно прилипает к окну. На площадке галдят дети, женщина выгуливает у самого подъезда старого, медлительного пуделя.

— Кто здесь живет? — спрашивает Вика.

— Я знаю их только по именам. Виктор Павлович и Анна Петровна. Старшая дочка — Лида, оканчивает школу. И трое пацанов — Олег, Костя, Игорь.

Поколебавшись, добавляю:

— Пуделя зовут Герда. В общем-то, я не люблю, когда собак называют человеческими именами. Но они так захотели.

— А что за город?

— Витебск. Кажется, Витебск.

Вика становится ко мне спиной, строго говорит:

— Не суйся на глаза.

С минуту она разглядывает кухню, выскочив из виртуальности. Потом, погрузившись обратно, поворачивается ко мне и спрашивает:

— Так — везде?

Я киваю.

— Хозяев нет дома, но квартиры живут, — шепчет Вика. — Рубашка на спинке стула, игрушки, разбросанные по полу, капающий кран и мусор, заметенный холостяком под диван... Так?

Молчу.

— Ленька, а ты — нормальный? — тихо спрашивает Вика. — Я строила горы, где нет и не должно было быть людей... тоже странно, наверное. Но я не очень люблю людей.

— Не ври, — прошу я.

— А ты построил дом, в котором никогда не будут жить. Нет, дом, где почти живут. Дымящаяся трубка в пепельнице и горячий чайник на плите... Панельная «Мария Целеста». Зачем, Леня?

— Я не вправе был их селить по-настоящему. Придумывать характеры и лица, горе и радость. Пусть так... только вещи. Они тоже могут многое рассказать.

Мне все кажется, что она не понимает. Не может понять до конца, и я говорю взахлеб, торопливо:

— Ниже этажом живет парнишка, меломан. Он из Подольска. Иногда он увлекается и включает свой магнитофон так громко, что приходится стучать в пол. Но он неплохой парень, он сразу делает тише. У него отличная коллекция, — там и кассеты, и винил, и си-ди. Всего понемногу. Больше винила, он сейчас копейки стоит, никому не нужен, а у него проигрыватель «Вега», старый, но неплохо крутит. А на шестом этаже такой странный тип, он, кажется, инженер, работает на тульском заводе, раньше делал оружие, сейчас — всякий ширпотреб. Мечтает писать любовные детективы, придумал вот такой жанр... Он их и пишет, печатает на машинке по вечерам, но

никому не показывает. Сам понимает, что плохо выходит, редкий такой тип графомана, безобидный. Я иногда брал его рукописи, смотрел, это и вправду ерунда, но добрая такая, наивная, ему надо было родиться в восемнадцатом веке...

Вика не отвечает, и я продолжаю, уже понимая — ошибся, и не надо было показывать ей эту пустую квартиру, а тем более — говорить о других, ей не понять эту странную блажь, этот бред, который я строил два года...

— На третьем этаже — старушка, одна в трехкомнатной, ей тяжело живется, я знаю. Тем более она откуда-то с Украины, из Харькова, кажется. Телевизор включает, только когда идет мыльная опера, и то делает яркость послабее — думает, что так электричества меньше уходит и кинескоп не портится... Но она боится пускать постояльцев или разменивать квартиру, может быть, и правильно. Я редко к ней захожу, я ведь ничем не могу помочь, а мне страшно смотреть, как она живет. Особенно перед праздниками, знаешь, самая страшная нищета — это нищета, которая пытается встретить Новый год. Дети ее забыли, а может быть, и не было детей или погибли на войнах, у нее фотография на стене — паренек в российской военной форме...

Вика молчит.

— На втором — парочка, они смешные. Год всего женаты. Из Уфы. Постоянно ругаются и мирятся, иногда слышно в подъезде... а потом то чашка разбита, то дверью так хлопнули, что посыпалась штукатурка. А мне все равно кажется, что они не разведутся. Их что-то держит вместе, то ли тайна какая-то, то ли любовь, а может, и то и другое, любовь — это тоже тайна. А трехкомнатная там пустая... совсем. Жила еврейская семья, уехали, квартиру продали какой-то посреднической фирме, а та что-то никак не перепродаст. Может, заломили много, квартира в Москве, в хорошем районе...

Я задохнусь в этой тишине, в ее молчании.

— На первом — старик инвалид, на костылях. Может быть, самый шумный и едкий в Курске. Скандалит в магазинах, ругается с соседями, всегда проскакиваю первый этаж побыстрее, боюсь с ним сцепиться, а это неправильно будет, он ведь не виноват, что стал таким... это жизнь. Жизнь...

Сам понимаю, как нелепо звучит это слово.

Жизнь? Какая жизнь — в пустых квартирах нарисованного дома, в этих бетонных усыпальницах, где только вещи помнят

людей. Меня бы нейтронная бомба оценила, а не живая женщина.

Я и впрямь идиот. Клинический случай. Что ж, все польза, Вика может разрабатывать новую тему.

— Ленька... — говорит она. — Господи, Ленька, да что с тобой случилось?

Ну вот...

— Прости меня, — произносит Вика. — Все эти мои вопли... о работе с психопатами... о сволочах... если бы меня ударило так, как тебя...

— Вика... — Я ничего уже не понимаю.

— Тебя кто-то бросил, тебя кто-то предал? Ты потерял идеалы, в которые хотел верить? И опустил руки? — спрашивает она тихо. — Ты не веришь, что способен кому-то помочь, сделать хоть каплю добра? И убежал сюда, в *глубину,* в сказку? Ты ведь и впрямь умеешь любить, но боишься своей любви?

— Здесь — я могу помочь. Только здесь. Хотя бы тем, что вытащу из нарисованного мира того, кто заблудился. Но знаешь, тонут ведь не потому, что плавать не умеют. Тонут, когда нет сил оставаться на берегу. А берег... он уже не в моей власти.

— Ты не видишь никакой надежды? Там, в настоящем?

— Теперь — вижу. Теперь появился Неудачник.

— Леня, ты недоговариваешь! Ты знаешь, кто он?

— Да, знаю. И значит, есть надежда. Если они сумели стать такими — значит, сумеем и мы.

— Да кто — «они»?

Как объяснить? Как заставить поверить в невозможное, в то, чему место лишь на желтых страницах бульварных газет?

— Вика, он ведь почти сказал... там, в эльфийском городе. Их машины не поддерживают английский язык, это чисто русская тусовка. Он назвал себя Альеном. Чужим.

Вика мотает головой. Она поняла, но не хочет, не может верить.

— Он чужой, Вика. Он пришелец. Он не с Земли.

— Он человек...

— В каком-то смысле — да. Куда более человек, чем все мы. Лучше, чем мы есть, и, может быть, такой, какими мы не сможем стать.

— Леня, с чего ты взял?

— У него даже тела нет... здесь. Да, он летел, самым скучным и обычным образом. От звезды к звезде. Помнишь его слова — о тишине?

Вика вздрагивает.

— Нам страшно представить, а он это прошел. Сотни, тысячи лет. Пустота и тишина, мрак, в котором нет ничего. Мне кажется, даже его корабль нематериален...

Вика мотает головой и вдруг замирает. Оборачиваюсь — Неудачник стоит в коридоре.

— Я звал вас, — говорит он. — Вышел в подъезд и позвал. Потом зашел, дверь была открыта.

Мы молчим. Потом Вика спрашивает:

— Ты — не человек?

— Да. Не человек. Пойдемте, кофе готов.

11

Пьем кофе. Мне не нравится рецепт девушки из Ростова. Но странно, что я вообще способен замечать оттенки вкуса.

— Это на любителя, — говорит Неудачник, отодвигая чашку. — Наверное, на любителя.

— Ты чувствуешь вкус? — интересуется Вика.

— Да.

— Каким образом? Вкус в виртуальности — это лишь память о том, что мы пробовали в настоящем мире! Если ты — не человек, то...

Чувствую, как ее агрессивность растет, но ничего не могу поделать.

— Я пытаюсь представить, должно ли такое количество соли улучшить вкус кофе. Мне кажется, что нет.

— Ты раньше пробовал что-то, аналогичное кофе?

— Только у тебя в гостях. Я... — Неудачник смотрит на меня, колеблется. — Я не могу даже сказать, что вообще питаюсь.

Видимо, это какой-то порог, за которым Вика теряет терпение.

— Ты врешь, — говорит она убежденно. — Да ты просто врешь! Знаешь, двигай на площадь Винера, там есть клуб уфологов! Они тебе будут рады! Они — поверят!

— Я не прошу мне верить, — тихо отвечает Неудачник.

Вскакиваю.

— Стоп! Хватит, оба! Вика, я ему верю!

— Леня, ты сам себя уговариваешь! — Вика подчеркнуто игнорирует Неудачника. — Ты же не спец по компьютерным технологиям! Не смог отследить его сигнал и поверил? Да что на тебя нашло? Он человек, у него человеческие знания и поступки! Он человек! Ты можешь мне доказать обратное?

Неудачник смотрит в стену.

— Я — нет. Он — может. — Я заглядываю Неудачнику в лицо. — Скажи ей, прошу тебя. Докажи.

— Я не могу ничего доказать.

— Ты помог мне выйти из ловушки, — шепчу я. — Не знаю, как, но ты дал мне часть своих способностей, своей силы. Помнишь? Ну сделай то же самое и для Вики!

Неудачник поднимает глаза.

— Леонид, я ничего тебе не давал. Я не вправе вмешиваться в вашу жизнь.

— Но...

— Это ты смог. Сам. Тебе не хватало только веры в то, что это возможно. Нужна была цель, за которую стоит бороться. Ты встретил меня и нашел эту цель. Поверил, что все еще впереди, что мир не сложится, как карточный домик, не рухнет в *глубину*. Я помог тебе обрести веру.

Качаю головой. Нет, я не мог! Я не мог сделать этого сам!

Неудачник не отводит взгляда.

— Я ничего тебе не дал, Леонид. Ничего, кроме неприятностей. Извини. Но я не вправе делать такие подарки.

— Парень, прошу, не морочь ему голову! — резко говорит Вика.

— Неудачник... Альен... — кладу руку на его плечо. — Но ведь тебе все равно придется доказывать, кто ты такой. Объяснять, пусть не нам, а ученым и политикам...

Я замолкаю на полуслове. Неудачник качает головой.

— Я никому и ничего не буду объяснять. Это бессмысленно, и это ненужно.

— Но контакт...

— Что такое контакт? — Он улыбается. — Сверкающий звездолет на лужайке перед Белым Домом? Длинноногая блондинка протягивает цветы фиолетовому крокодилу в скафандре? Полные

трюмы машин и приборов, галактическая энциклопедия, записанная на тысяче и одном синтетическом алмазе? Лекарство от рака и средство управления погодой? Или нет... скорее другое. Летающие тарелки жгут города, человечество ведет партизанскую войну против разумных медуз? Вы ведь скорее поверите в это, Леонид! Вспомни того человека, который командовал межзвездными армиями! Вспомни «Лабиринт». Это — контакты? Ты поверил в меня. Ты решил, что я пришелец. Что наступил миг контакта...

— Но если ты пришел к нам, — кричу я, — значит что-то есть! Ты что-то хочешь сказать нам!

— Нет.

Вот и все. Я понимаю, и говорить дальше бессмысленно.

— Я просто живу здесь. Ты не можешь даже представить, Леонид, насколько мы различны. Я никогда не ступлю на Землю — мне нечем по ней ступать. И не смогу пожать тебе руку — у меня нет рук.

— Но здесь ты — человек! — говорит Вика.

— Да. Если хочешь узнать небо, стань небом. Хочешь познать звезду — стань звездой... — Неудачник косится на меня и улыбается: — Хочешь познать *глубину* — стань *глубиной*. Я стал человеком, насколько это было возможно.

— Это твой метод познания? — иронически спрашивает Вика.

— Да.

— Зачем, если мы так различны? Если мы не нужны друг другу?

— Я устал. Я слишком долго был один. — Неудачник то ли извиняется, то ли убеждает ее. — Мне нужна была эта память... город и люди, вкус кофе и запах костра. Это было чужим, но теперь останется навсегда. Твое недоверие и вера Леонида. Те, кто убивали меня, и те, кто спасали. Я не хотел причинять вам неприятности, не хотел мешать. Это норма... не приносить вреда.

— Твоя норма... — говорю я.

— Да. Вы живете по другим законам. Не мне судить, какие лучше.

— Тогда ты нашел лучшее место, для того чтобы появиться на Земле, — киваю я Неудачнику. — Свобода и невмешательство. Все краски жизни, от белой до черной.

— Конечно.

— А мне почему-то казалось другое, — говорю я. — Что ты способен не только взять... запахи и вкусы, слова и краски. Хоть чему-то научить нас... нет, конечно, не тому, как разгонять облака или лечить грипп... хотя бы — доброте.

— Леонид, доброта — только слово. Я не могу убить живое существо. Но это не мораль. Это скорее физиология.

Вот теперь действительно — все.

Мне хотелось найти ответ, найти идеал. Отыскать чудо, которому давно нет места на Земле. Пришедшее со звезд или рожденное сетью — все равно. Наверное, Человек Без Лица это знал, предлагая пойти в «Лабиринт».

А чуду нет до нас дела. Оно совсем чужое. Его доброта — ничуть не возвышеннее сытой отрыжки.

— Если я попытаюсь объяснить свою этику, — говорит Неудачник, — мне придется перейти на язык физических законов и математических формул. Если попробую передать науку — надо будет слагать поэмы и рисовать картины. Понимаешь? Разница не в уровне развития. Разница в самой основе. Нам нечего дать и нечего взять друг у друга. То, что я получил, — лишь память. Эмоции. Но неужели ты думаешь, что они сохранятся в человеческом виде?

— Да, я так думал.

— Ты ошибался, Леонид. Скоро я уйду от вас и все изменится. Изменюсь я сам, изменится моя память.

Я отхожу от стола, гляжу в окно, где сверкают иллюминации Диптауна. Человек Без Лица, может быть, ты был прав? Нельзя подходить к Неудачнику с человеческими мерками. Я вот попытался — и что вышло?

— Допустим, — говорит за моей спиной Вика, — что ты не лжешь. Ты и впрямь чужой. Пришелец со звезд, например. Не имеющий ничего общего с людьми. Тогда расскажи мне...

Может быть, Вика и начинает верить. Теперь, укрывшись за словом «допустим», она будет пытать Неудачника на предмет его этики и культуры, конструкции корабля и принципа межзвездного путешествия.

Тоже дело...

— Покину вас на минуту, — говорю я, не оборачиваясь.

Вика не протестует, наверное, решает, что я делаю временный выход из *глубины*.

Нет...

Нарисованная стена, нарисованное окно — я пробиваю их рукой, шагаю — и оказываюсь над городом. Здания, рекламы, пешеходы, машины...

Меня уже нет, тело исчезло. Я просто скольжу в воздухе.

Словно воплотились хакерские мечты и фантазии голливудских режиссеров. Виртуальность, как она должна быть. Свобода направлений и формы.

Дальше...

Я описываю круг над дворцом «Майкрософта», огромным, чудовищно расплывшимся зданием, обильно усыпанным окнами. Снижаюсь, пытаясь определить направление на эльфийский сервер.

Вдоль этой вот улицы...

Наверняка я невидим для окружающих. Мчусь над головами прохожих быстрее, чем машины «Дип-проводника», переключаясь с сервера на сервер.

Что я, собственно, ищу? След битвы, которая отшумела пару часов назад? Виртуальное время сжато, уже не отыскать концов. Но я все-таки должен это сделать.

Вот...

Эльфийский домик, пустынная улица. Вдали мелькает такси и исчезает.

Я ступаю на тротуар и превращаюсь в человека.

Трупы охранников Дибенко уже исчезли. То ли их убрали, то ли они распались сами. А вот на том месте, где оборотень схватился с Человеком Без Лица, до сих пор оплавлен и вмят асфальт. Единственный указующий знак.

И что мне это даст?

Обхожу вокруг вмятины, соображая, стоит ли вытягивать из дома поисковые программы и прощупывать пространство. Нет, конечно же, нет, это бессмысленно. Обычные методы не помогут.

Из переулка медленно выезжает такси и движется в моем направлении. Слишком неторопливо, чтобы это было случайностью, «Дип-проводник» славится скоростью.

Что ж, стоило ожидать засады.

Я так уверен, что из остановившейся машины появится Дибенко, что не сразу узнаю вышедшего мужчину.

— Стрелок? А? — жизнерадостно восклицает Гильермо, направляясь ко мне. — Ты, Стрелок?

Молчу. Начальник службы безопасности «Лабиринта» мне по-прежнему симпатичен. Это очень обидно.

— Ты Стрелок? — вопрошает Гильермо. — Хочу убедиться, скажи!

— Привет, Вилли, — говорю я. Он расцветает в улыбке:

— Привет! Я знал, знал... — Гильермо косится на оплавленный асфальт, цокает языком: — Круто. Жарко было. Да?

— Да.

— Стрелок... — Вилли разводит руками. — Мне очень-очень неприятно, правда! Я был даже против обвинения вас в ущербе! Но *там,* — обиженный взгляд вверх, — решили напугать вас. Это неправильный метод!

— И что теперь?

Гильермо вздыхает и, не щадя шикарного костюма, усаживается на асфальт. Пристраиваюсь рядом. Мы сидим возле остатков Ромкиного погребального костра, словно двое хиппи разных поколений, один — остепенившийся, но по-прежнему демократичный, другой в самом расцвете своего протеста.

— Я подозревал, что это происшествие — ваших рук дело, — говорит Вилли. — Очень необычная и кровопролитная схватка. Да... Я ждал вас на свой... э... страх и риск.

— Зачем? — спрашиваю я. — Попытаетесь меня задержать? Это не выйдет. Это не вышло бы и раньше, а уж сейчас — тем более.

Гильермо настораживается, но не пускается в расспросы:

— Нет, нет, Стрелок! Я вовсе не уверен, что вы виноваты в наших бедах. Может быть, виной были недоразумения с «Аль-Кабаром»? А?

Он заговорщицки подмигивает. Этакий тихий бунт против руководства «Лабиринта».

— Стрелок, я хотел бы восстановить наше сотрудничество. В конце концов, вы первым заподозрили необычность Нсудачника. И не должны за это страдать!

— Спасибо.

— Но и мы не можем оставаться в стороне! Ведь проникновение произошло на нашей территории! Юридически вопрос очень сложен, проще решать его по-доброму... по-человечески. Ведь мы — люди!

Чего я не ожидал от «лабиринтовцев» — это подобной прыти. Быстро же они догадались, что происходит!

— Вилли, — говорю я. — Это все бесполезно. Знаете, в чем наша с вами общая беда?

— «Аль-Кабар»? — быстро спрашивает Гильермо. — Или — мистер Икс?

— Нет. Вилли, мы все чего-то хотим от Неудачника. Я мечтал о каком-то благе для всех. Ну, знаете, такое общее, абстрактное счастье, которое он мог принести.

Гильермо понимающе кивает.

— Вы, очевидно, хотели получить славу, свою долю в дележе технологий, которые он мог дать...

Протестующий взмах руками. Ну да, «Лабиринт» — не коммерческая организация, слышали мы такие песни...

— Вилли, он не собирается с нами общаться! Совершенно. Мы ему не нужны.

Кажется, я его и впрямь поразил.

— Не нужны? — восклицает Гильермо.

— Абсолютно. Он остановился здесь, чтобы передохнуть. А теперь собирается продолжить путь среди звезд.

Гильермо делает пару жующих движений и переспрашивает:

— Путь среди звезд?

— Да...

— Каких звезд?

Кажется, мы друг друга не понимаем...

— Вилли, Неудачник — это чужая форма жизни, мне кажется, что энергетическая, его разум кардинально отличается...

Замолкаю.

Как-то нелепо все это звучит!

Сейчас, когда Неудачника нет рядом, я чувствую примерно тот же скепсис, что и Вика.

— Энергетическая форма жизни... — очень вежливо, любезно, словно общаясь с больным, повторяет Гильермо. — Да. Интересно.

Кто из нас больший идиот?

— Вилли, давайте обменяемся информацией. Для начала сотрудничества.

— Кажется, я уже знаю вашу информацию. — Вилли хитро подмигивает. — А?

— Зато я могу в любой момент встретиться с Неудачником и пообщаться с ним. А?

— Он у вас? — быстро спрашивает Гильермо.

Молчу.

— Как знак сотрудничества... — бормочет Вилли. Ох не по собственной инициативе он пришел сюда! Или не только по собственной! Сейчас руководство «Лабиринта» в паниксе решает — позволить ему общаться начистоту или нет...

— Я могу уйти, — замечаю я.

— Хорошо! — Вилли поднимает руки. — Сдаюсь! Вы победили, Стрелок! Как всегда — победили!

Оставляю комплимент без внимания, но Вилли и не ждет реакции. Трет переносицу, торжественно произносит:

— Мы не сразу оценили феномен Неудачника. Это наша большая ошибка. Однако внимание «Лабиринта» к клиентам сыграло положительную роль... Когда ваши усилия и усилия наших дайверов не дали эффекта, мы стали отыскивать входной канал Неудачника. Искали, искали... и не нашли.

Жду продолжения. Гильермо хитро подмигивает мне и продолжает:

— Вы знакомы с теорией параллельных миров, Стрелок?

— По фантастической литературе.

— Это вполне серьезная теория, Стрелок. Параллельно с нашим миром могут существовать иные миры. Незримые, недостижимые... но вполне реальные. Мы не в силах пока общаться с ними нормальным образом. Но виртуальность — иное дело. Потоки информации живут по своим законам. Компьютерная сеть — это самая мощная в истории человечества установка по уменьшению энтропии. Независимо от нашей воли, от нашего желания, она влияет на физические законы мира. Потоки информации идут по сети, накапливаются, создают центры, где сама природа Вселенной трансформируется.

— Информация не может менять законы природы, — быстро говорю я.

— Да? Когда в ограниченном объеме пространства происходит усложнение структуры — это отражается на всей Вселенной. Очень слабенько, конечно. И все же мироздание колеблется. Каждый предмет, созданный руками человека, нес в себе как позитивный, так и негативный заряд. Дубинка, вырезанная из ствола дерева, являлась не просто оружием, нет, нет! Она была аномальным явлением, упорядоченной структурой в хаотичном мире. Но это компенсировалось — хотя бы горой стружек и опилок. Более сложным явлением стала книга. Объем

информации и хаос при ее создании были уже не совсем равнозначны. И все же это явление компенсировалось — хотя бы тем, что большинство книг не стоило и деревьев, срубленных для изготовления бумаги. Расплачивались в первую очередь те книги, что несли в себе ненормальное усложнение информации. Я говорю не о справочниках, отражающих известные и большей частью ненужные знания, а о тех книгах, что порождали новую этику и понимание мира. Они начинали влиять на жизнь людей, приводить к энтропии, разрушать. Как проклятие — чем более информативной была книга, тем сильнее она сотрясала мир. Человек не был в силах создавать порядок и при этом не вносить в мир хаос. Другое дело — компьютеры. Это информация в чистом виде. Она стекается с разных направлений, накапливается, множится. Она не исчезает бесследно, отдать файл с информацией — совсем не то же самое, что отдать драгоценный камень или любимую книгу. Она рвет пространство Вселенной, нарушает равновесие порядка и хаоса.

Гильермо замолкает, переводит дыхание. Он возбужден, он явно хотел выговориться.

— И вот в таких точках, где человеческие поступки рождают новое понимание мира, где меняется сам взгляд людей на жизнь, — там происходит необычное. Там рвется грань между мирами, там рождается чудо. И существо из иного мира, может быть человек, может быть нет, так?.. способно прийти к нам. Столкнуться с нашей моралью, культурой, нашими мечтами... вобрать в себя все знания сети... ужаснуться и замереть...

Что я могу ему ответить?

Рассказать сон про упавшую звезду?

— Насколько я понимаю, Неудачник заявил вам, что является пришельцем с другой планеты? — спрашивает Гильермо.

Киваю.

Хотя, может быть, я не совсем прав. Он ведь не говорил прямо, он лишь не опровергал мои слова.

— Это была его собственная версия или он подтвердил ваше предположение?

— Подтвердил... — бормочу я.

— Нормальный поступок, — решает Гильермо. — Признать свою чужеродность, но дать неверное направление. Он вправе нас бояться. Его цивилизация, вероятно, миролюбива, а мы — не самые добрые существа...

Давно меня так не тыкали мордой в землю.

— Мы разбирали разные теории, — говорит Гильермо. — Мы приняли во внимание версии «Аль-Кабара» — о возникновении машинного разума, о мутации, породившей человека-компьютер. Но... наши специалисты склонны улыбаться. Мы думали о пришельце со звезд. Это красиво, да... слишком красиво для правды. У нас хороший штат психологов, они работают над имеющимися данными, у нас хорошие программисты, они тоже работают. Но пока наиболее вероятной является теория параллельных миров. «Аль-Кабар» мало работал с людьми. Их подход механистичен, а Урман слишком далек от современных технологий. Нет, нет. Не компьютерный разум, не человек, сросшийся с компьютером. Может быть... — снисходительная улыбка, — пришелец. Может быть, — лицо Гильермо становится серьезным, — существо из параллельного мира. Давайте решим вместе. Никакого принуждения. Никаких... драк... — Гильермо брезгливо тычет рукой в оплавленный асфальт. — Сядем вместе и поговорим. Забудем ошибки, обиды, претензии. Объясним, что мы не так уж плохи, что нас не стоит бояться. Протянем руку...

Его ладонь тянется ко мне. А я молчу, я не в силах ее пожать.

Кем бы он ни был, Неудачник, он старался помочь мне.

Он был — и есть — лучше, чем многие настоящие люди.

— Я не могу принять ваше предложение, Вилли, — говорю я. — Извините. Возможно, вы правы. Но я не вправе решать.

— А кто вправе, Стрелок? — тихо спрашивает Гильермо.

— Только он сам. Неудачник. Он не хочет ничего говорить. Он назвался чужим, гостем, который устал от одиночества — и хочет теперь уйти. Это его право. Это его решение. Он никому не причинил зла, он просто заблудился в нашем нелепом мире. Я помог ему выйти. Показал... надеюсь... что *глубина* не сводится к кровавым схваткам. Если этого мало — что ж. Пусть он уходит. В свой параллельный мир или к далеким звездам. Он свободен, так же, как мы.

Гильермо словно осунулся. Смотрит на меня, тоскливо и устало. Наверное, он сказал правду. И вряд ли он хочет Неудачнику зла. Просто разница в подходах.

— И вы позволите ему уйти, Стрелок? — спрашивает он. — Тайна исчезнет надолго или навсегда... никто не узнает, кем был Неудачник?

— Свобода, Вилли.

— Вы, русские, всегда ставили государство, общество, над человеком, — говорит Гильермо. — Это неправильный подход, да, но ведь вы — русский!

— Я гражданин Диптауна. В *глубине* нет границ, Вилли.

Гильермо кивает, медленно, неуклюже встает. Смотрит на поджидающее такси. Там наверняка несколько боевиков «Аль-Кабара». Может бьпъ, мои друзья Анатоль и Дик...

— Неудачник хоть что-то дал вам, вам лично, Стрелок? — спрашивает Вилли.

— Наверное.

— Я могу узнать или увидеть? — с неожиданной робостью интересуется он.

Смотрю на него, потом наклоняюсь над воронкой в асфальте.

Два с лишним часа назад здесь погиб дайвер-оборотень, мой нечастый напарник, Ромка. Я не видел, как это было, но могу представить.

Пламя окутывает волчье тело — это значит, что вирус Человека Без Лица проник на Ромкин компьютер. Винчестер его машины дергается, стирая информацию и портя служебные программы, рвется связь, Ромка выпадает из *глубины,* из своей отчаянной и безнадежной схватки.

Я чувствую запах горелой шерсти, вижу бледный огонь, тело скручивает судорога...

И я исчезаю, проваливаюсь в нарисованный асфальт, в давно затянувшийся канал связи.

100

Полет.

Россыпь искр пронзает тело.

Спиральные молнии хлещут в лицо.

Я чувствую боль и первый раз в виртуальности понимаю — она не придумана. Это слабый отголосок той боли, что терзает мое тело в настоящем мире. Я делаю то, что не может, не должен делать человек. Общаюсь с компьютерами напрямую. Иду сквозь сеть, вытягивая информацию из давно отработавших программ.

Больно, трудно, но надо терпеть.

Кажется, я издаю стон. Вскрикиваю, прикладывая ко лбу несуществующие руки. В глаза вбиты раскаленные гвозди, кожу трут наждаком.

Это расплата за невозможное...

Когда я прихожу в себя — передо мной дверь. Я валяюсь в коридоре, длинном и унылом, куда выходит сотня таких дверей. Одна из гостиниц виртуальности?

Боль еще не утихла, но стала слабее, бережнее. Можно подняться с пола — очень осторожно. Прислониться лбом к холодному дереву двери.

Так ты тоже приходишь в виртуальность с разовых адресов, Ромка?

Я толкаю дверь, даже не допуская мысли, что она может быть заперта, и вваливаюсь в комнату. На стенах — портреты полуодетых красавиц, у стены — столик, заставленный напитками. Странно как-то все выглядит... Спиной ко мне сидит незнакомый мужчина, колотит по клавиатуре компьютера, фальшиво мурлыкая какой-то мотивчик. Под рукой — полупустая бутылка джина и пепельница с сигарными окурками. Мужчина как раз дохлебывает стакан дешевого «Хогарта».

— Привет, Ромка! — бормочу я, хватаясь за стену. Обернувшийся мужчина растерянно смотрит на меня, потом вскакивает, подхватывает под руки и тащит к креслу.

Теперь можно забыться...

Ромка подносит мне ко рту полный стакан джина, и запах можжевельника окончательно приводит меня в чувство.

— Убери... стошнит... — Я отпихиваю его руку.

— Ленька, ты? — недоверчиво спрашивает дайвер.

— Я...

— Да выпей, легче станет!

— Алкаш, — шепчу я то, что никогда не решался ему сказать. — Это ты можешь чистый джин хлебать...

— Тоника добавить? — догадывается Ромка. — А мне и так ничего...

Он выплескивает большую часть стакана на пол, доливает тоником и вновь протягивает мне. На этот раз я не отказываюсь, пью, чувствуя, как разливается по телу блаженное отупение.

— Как ты вошел? — спрашивает Ромка. — Дверь ведь закрыта была!

Слишком трудно объяснить, почему мне больше не мешают закрытые двери. Отмахиваюсь и досасываю напиток.

— А как ты меня нашел?

— Вот... ухитрился... — неопределенно отвечаю я. Но Ромка, похоже, слишком обрадован моим появлением, чтобы допытываться.

— Ты успел уйти от того гада? — спрашивает он.

— Да...

— Вот сволочь, — ругается Ромка. — Он меня загрузил капитально!

— Как ты выполз?

— Вирус был чистый. Завесил мне машину, но после перезагрузки сдох. Все в пределах конвенции... но круто, черт! — Ромка принужденно хохочет. — Ну и врагов ты заимел, Леня!

— Завидно?

— Ага! — искренне признается Ромка. — Я боялся, что вы не успеете уйти...

— Успели.

— Роскошная у тебя подружка, — подмигивает Ромка.

Киваю, озираясь уже более внимательно.

И впрямь у Ромки странное жилище. Все эти красотки на стенах... обилие спиртного и сигар на столике, на кровати валяется пара свежих номеров «Плейбоя» и молодежная газетка о поп-музыке...

Ромка отводит взгляд.

— Я тебя не сильно отвлекаю? — спрашиваю я.

Оборотень косится на включенный компьютер, на экране которого — строчки простенькой программы...

— Да нет... я к контрольной готовлюсь... ерунда.

— Какой контрольной?

— По информатике.

— Тебе сколько лет, Ромка? — спрашиваю я, прозревая.

— Пятнадцать.

Я начинаю хохотать, не обращая внимания на то, как мужчина напротив меня мрачно стискивает челюсти. Я смеюсь, а Ромка встает, закуривает сигару, плещет себе джина в стакан и наконец спрашивает:

— Ну и что смешного?

— Ромка... — Понимаю, что веду себя нехорошо, но сдержаться нет сил... — Ромка, ты когда-нибудь пил водку стаканами или джин в чистом виде?

— Нет.

— Ну и не пробуй. Ромка, я дубина, что сразу не понял. Ты... ты ведь слишком мужественно себя ведешь, чтобы быть взрослым мужчиной!

— Так заметно? — мрачно спрашивает Ромка.

— Нет, не сильно. Это непривычно как-то...

— Почему непривычно? Среди оборотней много школьников.

— Откуда ты знаешь?

— Ну... мы, наверно, откровеннее друг с другом. Те, кому больше восемнадцати, редко умеют жить в нечеловеческом облике. А у нас нормально выходит.

Пластичность... пластичность психики. Я смотрю на Ромку и думаю, что среди моих друзей дайверов, слишком уж азартно рассказывающих пошлые анекдоты или постоянно подчеркивающих свою крутизну, наверняка много подростков. Им легче проходить барьер дип-программы. Как это ни странно — легче. Их сознание воспитано на фильмах и книгах о виртуальном мире, они знают, что Диптаун нарисован не только разумом, но и сердцем. Они не утонут.

Может быть, их станет больше, и дайверы перестанут таиться.

— Ромка, ты входишь со своего компьютера?

— С отцовского. Мне влетало всегда, если заставали в виртуальности. Отец думает, будто тут сплошной разврат и мордобой. Вот и пришлось как-то так входить... чтобы замечать, что происходит в квартире. Если дверь открывают, я слышу.

— Я рад, что у тебя все нормально, Ромка.

Оборотень кивает:

— А я как рад! У меня есть стример, но весь диск восстанавливать — тяжело. Ты меня искал, чтобы узнать, как я?

Очень хочется сказать «да», но это будет ложью.

— Не только. Я еще посоветоваться хотел...

— А теперь раздумал?

Он прав, я передумал. Но после этих слов у меня не остается выхода.

— Ромка, со мной случилась странная история... — Встаю, наливаю себе на два пальца джина, добавляю тоник. — Я наткнулся в сети на человека... который не совсем человек.

Ромка терпеливо ждет.

— Даже не знаю, где правда, а где ложь, — говорю я. — Может быть, он пришелец со звезд, может быть — гость из параллельного мира. А может быть, порождение компьютерного разума или мутант, входящий в сеть напрямую, без машины. Его ищут. По крайней мере две большие фирмы...

Оборотень кивает. Ему не надо называть «Лабиринт» и «Аль-Кабар».

— И Дмитрий Дибенко.

— Дибенко?

— Он самый. Они хотят добиться от него хоть чего-нибудь полезного. А он собирается уйти. Навсегда.

— И ты думаешь, стоит ли его выдать? — спрашивает Ромка.

— Задержать его никому не под силу. Уверен. Но все-таки... это ведь иной мир, Ромка. Иные знания, иная культура. Может быть, его смогут уговорить. Узнать хоть что-нибудь. Крупица его знаний может стать для человечества новой ступенью развития.

— Может, — охотно соглашается Ромка.

— Он ведь сумел... как-то... изменить меня. Я не нашел бы твой след без новых способностей. Я не знаю, вправе ли молчать и прятать его.

— Ты хочешь моего совета? — с каким-то неожиданным испугом спрашивает Ромка. — Серьезно?

— Да, Ромка. Именно потому, что ты еще пацан, а я старый циник. Скажи, имеет ли один человек право на чудо?

— Нет.

Я киваю, я не ожидал иного ответа. Но Ромка еще не закончил.

— Никто не имеет права на чудо. Оно всегда само по себе. Потому и чудо.

— Спасибо, — говорю я, вставая.

— Ты обиделся? — спрашивает Ромка.

— Нет, наоборот. Я пойду домой. Здорово, что у тебя все в порядке...

Уже в дверях я на миг останавливаюсь и добавляю:

— И не налегай так на спиртное. Ты и так взрослый, Ромка, не старайся это доказывать. Ни пуха ни пера на контрольной!

— К черту! — вопит Ромка вслед.

Чудо — оно само по себе...

Я иду по гостиничному коридору, улыбаясь Ромкиным словам.

Это нетерпение разума, эта великая и неутолимая жажда...

Понять, объяснить, покорить!

Чудо должно быть ручным и послушным. Мы даже Бога сделали человеком — и лишь после этого научились верить. Мы низводим чудеса до своего уровня.

И это хорошо, наверное. Иначе мы до сих пор сидели бы в пещерах, подкармливая хворостом Красный Цветок, зажженный молнией.

Ты славный мальчик, Ромка. Ты ухитрился прийти к правильному выводу неверным путем. Словно шел зеркальным лабиринтом, тычась в стекло, — и все же прошел его до конца. Я еще не могу понять, почему ты прав, но ты все-таки прав, Ромка...

Прохожу мимо равнодушного портье, открываю двери. Улица Диптауна, люди, машины, огни реклам. Я знаю то, что способно изменить мир. Я могу отдать миру чудо.

Но не вправе — потому что оно живое.

Оно само по себе, за ним не наша жизнь, не наши радости, не наши беды. Что отделяет меня от Неудачника — холод космоса или непредставимая бездна иного пространства? Какая разница, он все равно живой!

Я иду по улице, не поднимая руки на радость «Дип-проводнику». Это знакомый вдоль и поперек русский район, дойду и пешком. Мне надо понять Неудачника до конца. Прежде чем он уйдет навсегда. Надо успеть что-то сказать, что-то сделать.

Церковный квартал — золоченые купола православных храмов, соборы католиков, скромные синагоги и мусульманские минареты. Кружево храма тюринцев, черная пирамида сатанистов, и как самая великолепная из всех насмешек — огненная реклама над пабом — логовом добродушной и страдающей легким ожирением секты Поклонников Пива.

Я мог бы многое тебе показать, Неудачник. Зоопарки, где живут стеллеровы коровы и мамонты. Книжные клубы, где спорят о хороших и умных книгах, выставки пространственных

дизайнеров, где рождаются новые миры, врачебную конференцию, где сходятся врачи со всего мира, консультируя больного из богом забытой провинции... На конференцию нас так просто не пустят, но я взломал бы дверь, и мы тихо постояли бы в сторонке, глядя, как американский анестезиолог и русский хирург продумывают операцию для чернокожего заирского шахтера... Я отвел бы тебя на оперу, где каждый музыкант — гражданин мира, и на спектакль, где каждый зритель — участник пьесы. В храмах мы поклонились бы всем богам, забывая о том, что они злы. Мы постояли бы на детской площадке, где малышня катается на «настоящих» гоночных машинах, и посочувствовали гринписовцам, спасающим ежей на европейских автострадах. Картинная галерея Диптауна могла бы отнять у нас целый месяц — попробуй пройди подряд Эрмитаж и галерею Прадо, Третьяковку и Лувр. Но хотя бы сутки ты мог пожертвовать... вместо того чтобы сидеть под багровым небом «Лабиринта». В студенческом квартале ты помог бы первокурснику из Вологды постичь тайны сопромата, а я объяснил бы канадскому художнику, почему не следует детализировать изображение осеннего леса. Это вовсе не злой мир, *глубина.* Вовсе не «мордобой и разврат». Разве я виноват, что твой путь прошел по боевым аренам и публичным домам, с погоней за спиной и неизвестностью впереди?

А ведь, наверное, это было неслучайно. Ты сам выбрал этот путь. «Лабиринт», «Звезды и планеты», «Всякие забавы», эльфийский Лориен... Ты вобрал в себя *глубину* и показал — не себе, а мне, какова она. Всю нетерпимость и глупость, всю агрессию, что живет в нас. И ты не хуже меня знаешь — не только из этого соткан виртуальный мир.

Как жаль, что ты все-таки прав, Неудачник. Мир судят не по лучшим его качествам. Иначе фашизм стал бы расцветом техники, верткими самолетами и могучими моторами, а не трубами концлагерей и мылом из человечьего жира.

Ты вынес свой приговор и объяснил, почему он таков.

Вправе ли мы обижаться?

Вправе ли бить себя в грудь и кричать: «Мы добры!»

Но ты не можешь, не должен унести с собой лишь это! Человеческую грязь и красоту безлюдных гор, технологию, ставшую на службу пороку! Иначе — зачем мы в *глубине?* Чего мы стоим?

...Я стою у дверей католического собора, роскошного и давящего, великого и нелепого. Можно пойти и помолиться древнему богу, которого все-таки нет. Можно вернуться домой и пожать Неудачнику руку на прощание.

И ни одно решение не будет правильным.

— Леонид?

Подошедший человек мне совершенно незнаком. Низенький, с невыразительным скучным лицом, в старых джинсах и вислом свитере. Скучный и обыденный, ему не в виртуальности место, а в очереди за разливным «Жигулевским». Но он знает мое имя — значит он враг.

— А вы от кого? — спрашиваю я. — «Аль-Кабар»?

Человечек не отводит взгляд.

— Леонид, ты видел меня в другом облике. Без лица.

— Дмитрий?

— Да. Может быть, все-таки будем на «ты»?

— Ты сволочь, — соглашаюсь я.

— Леонид, я прошу тебя о разговоре. О пяти минутах разговора.

Неужели это — основной облик Димы Дибенко? Я видел его фотографию, но давным-давно, на ней он был слишком молод. Значит, он — невзрачный и обыденный? Маленькая собачка — век щенок. Этот парень придумал дип-программу и уронил мир в *глубину?* Огреб миллионы и получил долю в «Майкрософте» и «Америка Он Лайн»? Первым понял, что Неудачник — пришелец извне?

— Пять минут.

— Леонид, отойдем...

Его голос все же не вяжется с внешностью. Если он и умел говорить просительным тоном — то это осталось в прошлом.

Мы обходим собор, Дибенко отпирает ключом причудливой формы калитку, ведущую в сад. Здесь тихо и спокойно. Ивы, тополя, ровные аллейки... камни... знакомой формы.

— Блин, — только и говорю я.

— Да, это кладбище... — бормочет Дибенко. — Я... я люблю сюда приходить. Как-то успокаивает... настраивает на философский лад.

Наверное, нет в этом ничего необычного. Но я смотрю на надгробные памятники, на аллеи, на девушку, что сидит вдали на траве, у маленького бюста, прижав ладони к лицу. Это не

скорбящий человек, это нарисованная плакальщица, электронный эквивалент мраморных ангелочков.

Виртуальность — это жизнь. Но жизнь немыслима без смерти. И друзья хоронят здесь тех, кто уже никогда не нырнет в *глубину,* не наденет виртуальный шлем.

«Он верил в чудо» — короткая, словно проклятие, фраза на ближайшем камне.

Прости, незнакомый мне человек. Ты верил в чудеса и прыгал в разноцветье виртуального мира. Но вот память о тебе лежит здесь, а где-то в настоящем твоя могила зарастает бурьяном. Твои друзья приходят сюда, затратив полдоллара, а земля, принявшая твой прах, рождает новую жизнь. Может быть, честнее было бы твоим друзьям потерять час-другой жизни — чтобы глотнуть водки на твоей настоящей могиле?

Свобода. Не мне судить!

— Я слушаю тебя, Дима, — говорю я.

У Дибенко красные, словно от недосыпания, глаза. У него мятое лицо. Он втащил меня в чудо — которому я не нужен, он расправляется с дайверами, как со слепыми котятами. Но он создал этот мир, и я обязан его выслушать.

— Не спрашиваю, как ты вырвался, Леня, — произносит Дибенко. — Я понимаю, ты все-таки получил свою награду...

— Какую еще награду? За что?

— За предательство. — Дибенко смотрит мне в глаза. — Что, слово коробит? А ведь это предательство! Всех нас, всех людей, что живут сегодня! Ты смог стать его другом. Я знал, что ты это сможешь, знал, потому и нанял тебя, именно тебя! Зря, наверное. То, что я мог предложить, — гроши...

— Дима, ты понимаешь, чем стала виртуальность?

— Свободой!

— Тогда в чем ты меня упрекаешь? Мы не вправе требовать от Неудачника ничего! Ни-че-го!

— Почему же не вправе? — Дибенко облокачивается на надгробие «верящего в чудо» и усмехается: — Да, пусть не формулы и чертежи... не вакцины и рецепты справедливого общества. Но хоть надежду он мог нам дать! Нам, всем! Если он пришел — значит все будет хорошо! Если он есть — значит мы не захлебнулись свободой!

Кажется, я снова чего-то не понимаю!

Но Дибенко продолжает, и я молчу.

— Думаешь, я знал, что делаю? Тогда... Нет! Я напился! Вдрабадан, вдрызг, в стельку! Прилип к машине, а спать не хотелось и играть тоже не хотелось, работа поперек горла стояла, начал подбирать цветовую палитру, ритм изображения... очень хотелось музыку наложить, а машина дохлая была, без саундкарты!

Значит, не врут легенды...

— Я не знаю как! — кричит Дибенко. — Это она захотела родиться, а не я ее родил! Это *глубина, глубина* пришла сквозь меня — в мир! Я понял, я почувствовал, но я — не творец! Лишь проводник, перо, которым двигала чья-то рука! Издалека, сквозь мрак, сквозь тишину — дотянулась и заставила сделать! *Ее!* Дип-программу!

У меня дрожь проходит по телу, и не потому, что Дмитрий сказал о тишине. Просто и мне это чувство знакомо. Ужас творца, который не понимает, как и что он создал.

— Меня одни называют гением... — Человечек с синяками под глазами хватает меня за руки. — Другие — тупицей, нашедшим жемчуг в навозной куче! А ведь все неправда! Сквозь меня *глубина* пришла в мир. Значит — кому-то это было нужно! Не сейчас... потом...

Дибенко смотрит на меня жадно и восторженно. Шепчет:

— Он хоть что-то тебе сказал? Хоть намекнул... откуда? Год, век, тысячелетие?

— Дима... — бормочу я. — Да с чего ты взял...

— Когда ты ушел... — шепчет Дибенко. — Ты попал в капкан, ты не мог вырваться с моей машины. Но ведь ушел... снес всю информацию с дисков и ушел! Это он тебя научил, дайвер? Он?

На него жалко смотреть. Я так не люблю жалость — она убивает не хуже ненависти, но Дибенко хочется пожалеть.

Вот только голос, голос у него не тот. Так может унижаться прославленный актер в трагической роли...

— Ты представить не можешь, — говорит Дибенко, — сколько сил я на это положил! Чем рискнул... положением в совете директоров «Аль-Кабара», агентами в «Лабиринте»... Ты не поймешь, вы, в России, до сих пор не понимасте... А я ведь тебя расколол! Отследил канал! Я знаю, кто ты! Леонид, я знаю твой адрес в Диптауне! Компания «Поляна», квартира сорок

девять. Ты в моих руках! И настоящий адрес узнать могу! Но я ведь не угрожаю! Я прошу... будем вместе!

Словно время пошло по кругу — уже не Гильермо, а Дмитрий Дибенко протягивает мне руку.

— Они не могут понять, — шепчет он. — Все, что угодно. Пришельцы из параллельных миров, инопланетяне, машинный разум... Нет этого! Ничего нет, кроме нас! В дне вчерашнем и в дне будущем — только мы!

Я понимаю...

— Можно верить, а можно смеяться! — Дибенко ударяет кулаком по несчастному памятнику. — Но единственное, что не имеет границ, — это время. Компьютерная сеть живет и будет жить, и память об этом пареньке переживет всех нас! Информация не имеет границ во времени. Неудачник, он заглянул в прошлое человечества. Из того прекрасного далеко, до которого нам не дожить, из будущего Земли — он шагнул в детство виртуального мира. Ну пусть, пусть мы безобразны и дики! Но хоть что-то он может сказать? Дать нам... веру...

— Дмитрий, но почему? Почему ты так решил?

— Потому что знаю! — Дибенко заглядывает мне в глаза. — Не мог я случайно создать дип-программу! Это все равно что с завязанными глазами стрелять — и попасть в тысячу мишеней подряд! Я никакой не гений, я обычный человек. Просто *там,* в будущем, решили создать виртуальность. Может быть, это было предопределено. Может быть, им просто нужен был плацдарм... смотровая площадка, чтобы заглянуть в наш мир. И я стал... пером в чьей-то руке...

— Плацдарм? — переспрашиваю я. — Плацдарм — это война.

— Да! А на войне надо убивать... и брать пленных.

— Ты знаешь, сколько есть версий о Неудачнике?

— Да.

— Если он не из будущего? А из другого мира?

— Пусть! Тогда — тем более! Он в нашем мире, и здесь — наши законы! Мы должны понять, кто он.

Да чего, собственно, он хочет от меня?

Смотрю на Дибенко — дрожащие губы, усталые глаза, неряшливый, опустившийся вид. Чего он добивается? Чтобы я передумал? Сдал ему Неудачника? Да это в любом случае — не в моих силах. Мы только потратим время...

Время...

Он знает мое имя и адрес. Знает, где я живу в виртуальности. Даже сумел отследить меня у Ромки.

А теперь тянет время.

Я отшатываюсь, бросаюсь к калитке. Дибенко смотрит мне вслед, не пытаясь помешать. Только на лице появляется улыбка — довольная улыбка актера, отыгравшего роль и вслушивающегося в аплодисменты.

101

Такси проносится мимо — словно моя поднятая рука больше ничего не значит в Диптауне. Я дергаюсь вслед машине, вновь машу рукой...

Бесполезно.

Это война.

Как Дибенко смог отсечь меня от транспортной сети Диптауна? Может быть, у него и там пай?

Но ведь я теперь не нуждаюсь в «Дип-проводнике»...

Уже знакомое ощущение, когда город вокруг схлопывается, превращается в схему. Парю над городом, тянусь сквозь расстояние, сквозь чужие компьютеры — к своему дому.

И ударяюсь в стену.

Я вижу дом, населенную вещами многоэтажку, — но внутрь проникнуть не в силах. Что-то изменилось в самом пространстве.

Делаюсь реальным — не в самом здании, а рядом, на тротуаре.

Дом пылает.

Не пожар, скорее невиданная иллюминация. Стены меняют цвет и яркость, каждая песчинка сияет, как драгоценный камень. Дом — как нелепый прямоугольный бриллиант под лучом прожектора.

И люди, очень много людей. Мундиры городской формы безопасности, охранники «Лабиринта», стражники «Аль-Кабара»... Кольцо оцепления вокруг дома, снайперы с винтовками, автоматчики за прозрачными щитами, парящие в воздухе стрелки с реактивными ранцами. Я возник внутри оцепления, и сотня стволов мгновенно нацеливается на меня.

Пауки договорились и раскинули паутину сообща.

— Леонид! Поднимите руки и приближайтесь! — раскатывается над улицей голос. За стеной охраны, в радужных отсветах иллюминации — группа людей. Урман, Вилли, Человек Без Лица, комиссар Джордан Рейд.

Надо же!

Какая честь для меня! Куда податься бедному дайверу? Официальные и неофициальные властители *глубины* сошлись у его дома!

— Леонид, медленно приближайтесь! — повторяет Рейд. Его голос эхом отдается вдоль улицы.

По крайней мере они стараются соблюсти видимость законности. Операцию проводит полиция.

Иду под прицелами стволов, под надзором сотен компьютеров, каждый мой шаг взвешен и оценен, каждый байт информации течет под незримым присмотром...

Охрана впереди расступается, пропуская меня. Гильермо отводит взгляд. Урман — который на самом деле лишь секретарь Урмана, ехидно улыбается. Дибенко, вновь надевший свою туманную маску, бесстрастен.

Обращаюсь к Рейду, игнорируя их всех:

— Что происходит?

— Вы обвиняетесь в незаконном проникновении в чужое информационное пространство, в применении оружия, повлекшем значительный материальный ущерб, в сокрытии информации, жизненно важной для Диптауна, — чеканит Джордан. — Вы задержаны до выяснения обстоятельств.

— А в чем обвиняется мой дом? — спрашиваю я. Но Рейда с позиций не сбить.

— Проводится поиск улик.

Оглядываюсь на пылающее здание. Поиск? Как бы не так. Консервация. Заморозка. Перенасыщение каналов информацией. Сможет ли Неудачник отразить атаку — или даже его сил не хватит?

— Я сдаюсь, — говорю я. — Признаю все обвинения. Прошу прекратить... это.

Джордан качает головой. С легким сочувствием во взгляде, но с непреклонной решимостью.

— Не пытайтесь скрыться в реальность, — предупреждает он. — Мы запросили «Интерпол» о вашем физическом аресте.

Накатывает страх — лишая воли, гася силы. Может быть, там, в настоящем, за моей спиной уже стоят угрюмые омоновцы в черных матерчатых масках?

Настоящая тюрьма, настоящий допрос — это не азарт виртуальных схваток. Это гнилой матрац, баланда, чей рецепт неизменен со сталинских времен, зарешеченное окошко и не обезображенный интеллектом конвоир.

Или моя родная полиция, при всей готовности обменять российского гражданина на десяток списанных портативных радиостанций, еще не научилась работать быстро?

Глубина-глубина... и бежать.

Я смотрю в нарисованные лица, на охранников с оружием. Нет границ для охотников за чудом. Со всех концов Земли они нырнули в *глубину* — чтобы вырвать, выдрать кусочек тайны — откуда бы ни принесла ее судьба в наш мир.

И меня охватывает ярость.

— Джордан... я даю вам десять секунд... — шепчу я. — Вам, всем. Десять секунд, чтобы убраться.

— Опомнитесь, Леонид... — это Рейд.

— Стрелок, давайте пойдем на взаимные компромиссы... — это Вилли.

— Твои силы тоже имеют предел... — Человек Без Лица.

Господи, да они же боятся! Боятся меня! Одного против всех, затравленного, с древним компьютером за спиной и пустыми руками!

Почему?

— Не знаю, как ты держишься, — начинает Дибенко, — но...

— Пять секунд, — говорю я.

И охрана начинает стрелять. То ли без команды, то ли я ее не заметил...

Огонь и боль.

Все, что было придумано за годы существования *глубины,* самое проверенное и самое секретное — все по мою честь...

Я стою в огне, а на лицах вокруг — страх, и даже в сером тумане Человека Без Лица — страх...

Почему я еще здесь, почему остаюсь в виртуальности, а не снимаю шлем перед серым дисплеем убитой машины?

Тянусь к охранникам — не руками, одним лишь взглядом. Тела мнутся, как тряпичные куклы под каблуком, рассыпаются пеплом, исходят паром, застывают, сворачиваются в точку,

растворяются в воздухе. Словно взгляд отражает всю пакость, что сыплется в мою сторону.

Пять секунд, отпущенных мной врагам, истекают, и улица пуста. Лишь полыхает мой дом и стоят рядом те, кто поджег его...

— Лишь в *глубине* ты — бог, — говорит Человек Без Лица. Он не угрожает, он напоминает...

— Разве? — Я подхожу к ним ближе. — Рейд, сейчас компьютеры налоговой полиции узнают, что ты присвоил пару миллионов... Урман! Вся информация «Аль-Кабара» — в свободном доступе! Вилли! «Лабиринт» — мертв! Уровни стерты, карты утрачены, монстры разбежались! Дима! Твои отпечатки пальцев — принадлежат серийному убийце!

Даю им пару секунд, чтобы осмыслить, и добавляю:

— Минута... и станет так!

Не знаю, возможно ли это. Я не знаю своих сил. Даже не знаю, откуда они появились.

Но они верят.

— Чего ты хочешь, дайвер? — кричит Урман. Рейд отталкивает его, ревет:

— Условия!

Может быть, я немножко угадал с налогами?

— Вы прекращаете охоту.

Перед ними — чудо. Но им есть что терять.

Урман и Гильермо переглядываются, директор «Аль-Кабара» кивает.

— Мы снимаем свои обвинения, Джордан, — говорит Вилли. — Не стоит... привлекать «Интерпол».

Он едва уловимо кивает мне. Значит, пугали?

Ложь. Везде — ложь.

Краем глаза я вижу, как по улице приближаются люди. Простые граждане Диптауна, теперь, когда оцепление повержено, они могут удовлетворить любопытство.

Пускай смотрят.

Джордан берет Дибенко за плечо, слегка встряхивает:

— Вы слышали? Операция прекращена! Все! Отключайте свои системы!

Значит, здание замораживал Дмитрий? У полиции силенок не хватило?

Человек Без Лица отмахивается от комиссара. Он смотрит лишь на меня. Ему, единственному, наплевать на мои угрозы.

Не потому, что он не верит в них, и не потому, что готов потягаться с американским правосудием, насквозь пронизанным компьютерными технологиями.

Он не готов отказаться от чуда. Как-никак мы земляки. Обоим высшая идея вывихнула мозги — пусть и в разные стороны. С туманной маски доносится шепот:

— Ты предаешь весь мир...

— Я его реабилитирую.

— Ты не хочешь делиться, дайвер. Ты получил свою награду... и предал нас. Ладно. Не забудь забрать Медаль. Будет чем оправдываться.

Я вспоминаю склад, коробки с софтом, стол, на котором осталась Медаль Вседозволенности.

Тянусь — сквозь расстояние, которого больше нет. И тяжелый жетон ложится в мою ладонь.

Секунду я разглядываю его. Белый фон и радужный шарик. Паутина сети, окруженная невинностью и чистотой.

— Это твое, — говорю я и бросаю медаль Человеку Без Лица. Жетон касается черной ткани плаща и прилипает. Красиво... — Я этого не заработал. А ты... ты создал *глубину*. И не повторяй, что не мог это сделать. Смог. Сам. Спасибо. Но не думай, что мы тебе чем-то обязаны. Этот мир будет жить, будет падать и учиться вставать. Он не заставит говорить того, кто хочет молчать. Не заткнет рот тому, кто хочет говорить. И может быть, станет лучше...

Я поворачиваюсь и иду к своему дому.

Дибенко так и не отключил программы, сковавшие здание алмазной коркой. Но я не собираюсь его о чем-то просить. Дергаю дверь и вхожу в подъезд, сияющий, словно пещера чудес Аладдина.

Вот только за моей спиной иллюминация гаснет, сходит на нет. Я рву чужую программу, отвоевывая у нее шаг за шагом.

Поднимаюсь. Всего лишь две с половиной сотни ступенек.

За каждой дверью — шорохи и шум. Мой нарисованный мирок оживает, когда я прохожу мимо. Вслед несутся обрывки музыки и невнятный шум разговоров, звон бьющегося стекла и ритмичный стук молотка, шлепанье босых ног и визг дрели.

Даже не вспомнить сейчас, когда и что я программировал, окружая себя несуществующими соседями. Странный я тип. Как и все люди...

Я знаю, что в силах удалить всю заморозку сразу, одним усилием. Но не делаю этого. Пусть будет путь вверх медленным, шаг за шагом. Сметая со стен фальшивый блеск, пробуждая жизнь в пустых квартирах. Никогда больше я не войду в этот дом.

Хныканье ребенка и гул неисправного крана, лай собаки и звяканье бокалов. Мне нечего запоминать и не о чем грустить. Это были мои костыли, но я научился ходить сам.

Последний изгиб лестницы, останавливаюсь на миг перед дверью, сложенной из алмазных зерен. В каждой песчинке — мое крошечное лицо. Одно из многих лиц, которые я надевал в *глубине*.

Дышу на дверь — алмазы тускнеют, меркнут, превращаясь в льдинки, стекая каплями воды. Поплачь за меня, *глубина*. Мне не о чем плакать.

Вхожу — и сразу же вижу, что в квартире ничего не изменилось. Здесь программа Дибенко власти не имела.

Неудачник и Вика стоят у окна, глядя на улицу.

Подхожу — Вика молча берет меня за руку, и мы смотрим на Диптаун втроем.

Улица забита народом. Густая, слитая толпа. Чуть дальше по сторонам замерли машины «Дип-проводника», а люди все подходят и подходят, чтобы замереть, глядя на дом.

И лишь под самым окном люди расступаются. Там круг пустоты, окружающий Человека Без Лица. Он тоже смотрит вверх, словно в силах увидеть нас. Мне даже хочется верить, что он видит.

— Он вовсе не злой, — говорю я Неудачнику. — Он просто нетерпеливый.

— Я никого не обвиняю, — соглашается Неудачник.

— Тогда уходи, — прошу я. — Самое время.

110

Он очень долго смотрит на меня, тот, кто пришел в *глубину* в обличье Неудачника. Словно хочет рассмотреть мое настоящее лицо, понять, что я чувствую сейчас.

— Ты обижен? — спрашивает он наконец.

— Нет. Расстроен, но это совсем другое.

— Я боялся, что ты обидишься. Ведь я разбил твою мечту.

— Какую?

— Ты мечтал, что виртуальность изменит мир. Сделает его чище. Даст людям доброту и силу. Терпел то, что возмущало тебя, улыбался тому, что раздражало...

Неудачник протягивает руку, кладет на наши с Викой сцепленные ладони.

— Ты верил в миг... один-единственный миг, искупающий все грехи и ошибки. Я убил эту веру.

Мне даже смешно слушать его слова. Неужели он и впрямь так считает?

Неужели я так думал?

— Не в *глубине* дело, Неудачник, — говорю я. — Не в этой *глубине.*

Он кивает.

— Помнишь зеркальный лабиринт, Леонид?

Конечно, помню...

— *Глубина* дала вам миллионы зеркал, дайвер. Волшебных зеркал. Можно увидеть себя. Можно глянуть на мир — на любой его уголок. Можно нарисовать свой мир — и он оживет, отразившись в зеркале. Это чудесный подарок. Но зеркала слишком послушны, дайвер. Послушны и лживы. Надетая маска становится лицом. Порок превращается в изысканность, снобизм — в элитарность, злоба — в откровенность. Путешествие в мир зеркал — не простая прогулка. Очень легко заблудиться.

— Я знаю...

— А я и говорю с тобой лишь потому, что ты знаешь. Я тоже хотел бы стать твоим другом, Леонид.

Он грустно улыбается, прежде чем добавить:

— Но это была бы очень странная дружба...

— Чужой и русский — братья навек? — интересуется Вика.

Значит, Неудачник не убедил ее. Ни в чем. Для нее он — человек, хитрый хакер, морочащий всем голову...

Мне невесело. Но я говорю:

— Я не спрашиваю, кто ты. Веришь, нет, но мне это — все равно... Пришелец со звезд или из другого измерения, машинный разум... Но ты все равно знаешь больше, чем мы. Скажи, что будет?

— Смотря в какое зеркало смотреть, дайвер.

— Тогда я буду выбирать, Неудачник. Очень придирчиво. А теперь — уходи.

Он отводит руку от наших ладоней.

Секунду ничего не происходит. Потом стена за его спиной начинает гнуться, скручиваться в воронку.

Неудачник делает шаг назад. В сияющий туннель, уходящий в непознанное. К голубому солнцу, под которым вьются оранжевые ленты. В свой мир.

Его тело дрожит, расплываясь. Каскады разноцветных искр срываются с кожи. На мгновение мне кажется, что я вижу — вижу того, кто приходил в наш мир.

Но скорее мне просто хочется дать чуду имя.

— Помни нас... — говорю я вслед уплывающим бликам света. — Помни такими, какие мы есть...

Дом начинает подрагивать. Стены становятся прозрачными, потом — бледно-зелеными, потом — кирпичными, потом — бумажными. Потолок уползает вверх и выгибается куполом. Пол превращается в зеркало, свет в окне проходит все части спектра и выжигает на бумажной стене наши силуэты.

Квартира превращается в огромный зал, словно все направления растянули на порядок.

Туннель медленно сужается, но еще можно успеть. Прыгнуть вслед Неудачнику — и увидеть, откуда он пришел. Сорвать с чуда маску.

— Леня, что это?! — кричит Вика.

— Информация, — отвечаю я. По квартире начинает гулять ветер, на подоконнике зацветает в горшке комнатный гранат, стопка компакт-дисков на полке принимается наигрывать все песни одновременно. — Он качает информацию! Уносит все то, что узнал!

Сквозь нас несутся полупрозрачные тени. Пробегает Алекс с винтовкой наперевес, проносится, перебирая лапами, монстр-паук, уходит в туннель та придуманная семья, что мы спасли в «Лабиринте». Вращаясь, как пропеллер, пролетает исполинское дерево, семенит хоббит с испуганной мордочкой, огромными прыжками шествует летающий охранник Человека Без Лица с огнедышащим ракетным ранцем за спиной.

Потом проходим мы с Викой. Взявшись за руки.

— Помни нас... — повторяю я. — Помни...

Туннель начинает сужаться, словно диафрагма фотоаппарата. В последний момент в него протискиваются, хлопая крылышками, летающие тапочки Компьютерного Мага.

И комната становится прежней.

— Я все равно не верю, что он — чужой, — говорит Вика. Неуверенно, но упрямо. — Если он хороший хакер, то мог все это...

Она замолкает, когда я обнимаю ее за плечи.

— Не надо, Вика, — прошу я. — Он ведь ушел. Навсегда. Теперь не обязательно спорить. Теперь можно и верить.

На улице шум, на улице — обмен мнениями. Видели они хоть что-то из того, что открылось нам? Все равно. *Глубина* породила новую легенду.

— Он ушел, но мы остались, — говорит Вика. — И за тобой — охота.

Киваю, осторожно размыкая наши объятия. Подхожу к окну, смотрю вниз. Человек Без Лица по-прежнему неподвижен.

— Дайвер Леонид тоже должен уйти, — соглашаюсь я.

— Ты будешь грустить по своему дому? — спрашивает Вика. Как здорово, когда не нужно ничего объяснять.

— Чуть-чуть. Как по трехколесному велосипеду.

Я возвращаюсь к ней, обнимаю. Ее губы находят мои.

И это — то, что уже никогда не уйдет.

Глубина... — молча зову я.

Дом снова вздрагивает, когда в далеком Минске прокатный сервер получает команду. Магнитная головка скользит по диску — стирая.

Оборот — исчезает первый этаж со скандальным пенсионером. Оборот — шестой этаж с тихим графоманом, оборот — десятый этаж с коллекционером виниловых пластинок.

Оживает мой компьютер, и меркнут стены квартиры. Я не смотрю на стол, но знаю, что на дисплее нарисованная Вика улыбается мне — в последний раз. Программы не грустят, когда их стирают. Грустят люди, но у меня нет другого выхода. Если заблудишься в зеркальном лабиринте — бей зеркала. Выходи на свет...

Толпа разражается криками, когда мой дом тает в воздухе. Бедолаге Джордану еще придется доказывать, что это не его работа.

Мы плывем над Диптауном, обнявшись и глядя друг другу в глаза.

— Здорово... — шепчет Вика.

— Я и сам не знаю, как это делаю...

— Не знаешь, как целуешься? — удивленно спрашивает она.

...Нет, никогда я женскую логику не пойму.

Возле супермаркета, на стыке украинского и прибалтийского кварталов, я нахожу тихий закоулок: между телефонными будками и фонтаном. Оттуда мы и выходим. Правда, не сразу.

— Ты стираешь свои следы? — интересуется Вика.

Молча киваю.

— Надеешься, что тебя не найдут?

— Попробую. Может быть, они смогут вычислить город... но и то вряд ли. Лучше, чтобы не узнали даже этого.

— А мне ты можешь довериться?

— Санкт-Петербург, — говорю я. Очень хочется услышать в ответ, что мы земляки. Но Вика морщится.

— Питер... Леня, подожди меня здесь, ладно?

Я жду. Она убегает в супермаркет, а я еще раз тянусь к минскому серверу, проверяю, не осталось ли хоть какого-то следа. Потом прохожусь по всем запасным адресам, даже по тем, которые никогда не использовал, — и бью их, безжалостно выскребая информацию отовсюду. Со стримеров и магнитооптики, накопителей Бернулли и оптических дисков. Самым последним я чищу винчестер своего интернетовского провайдера. Все. Теперь — я никогда не входил в *глубину*.

Вика возвращается.

— Представляешь, в очередь попала, — смеется она.

— Срочные покупки?

— Одна покупка.

Она взмахивает перед моим лицом предусмотрительно сложенным авиабилетом. Я вижу лишь, куда она собралась.

— Утром свободен?

— Ты ведь летать боишься.

— Что поделаешь, ехать долго... Ты встретишь меня?

— Какой рейс?

— В десять утра жди у справочного.

Маленькие игры в самостоятельность... я могу сейчас дотянуться до авиакассы в супермаркете и узнать, кто и откуда брал билет в Питер.

Но я, конечно, этого не сделаю.

— Как я тебя узнаю?

Вика дергает плечиками:

— Посмотрим. А как я узнаю тебя?

— У меня в зубах будет красная роза, — мрачно сообщаю я.

Я прекрасно понимаю Вику. Одно дело — полюбить друг друга в виртуальном мире. Другое — встретиться наяву. Страшно говорить о себе.

Не знаю, хватило бы у меня смелости первому предложить встречу.

— Тогда в десять у справочного, — решает Вика. — Попытаемся не обознаться?

— Попробуем.

— Я пойду? — полуспрашивает-полусообщает она. — Надо собраться...

— У нас уже холодно, — предупреждаю я.

— И у нас тоже...

Вика делается полупрозрачной и рассыпается ворохом искр. Красивый у нее выход из *глубины*.

И мне пора.

Подмигиваю прохожему, который приостановился, наблюдая за Викиным уходом. И исчезаю из виртуальности.

На экранчиках была темнота. Полная.

Я снял шлем.

На дисплее мерцал золотистый фон «Виндоус-Хоум». Вики больше нет. Хватит любить нарисованных людей.

Выходить из Интернета будем вручную...

Я раскрыл окошко терминала и непонимающе уставился на мигающую строчку.

No dial tone!

Надо вовремя платить по телефонным счетам.

Я все-таки взял трубку и вслушался в тишину. Потом проверил логи — телефон мне отключили три часа назад. Под самый конец рабочего дня, как это водится у работников АТС.

Виртуальный секретарь Фридриха Урмана, а ты ведь был прав... Возможно входить в *глубину* без всяких технических приспособлений.

Я стянул комбинезон и поплелся к кровати.

111

Меня разбудил телевизор. Я лежал, кутаясь в одеяло — отопление еще не включали и было холодно, — слушал болтовню дикторов. Политика, экономика, курсы валют... Интересно, попадет ли вчерашний переполох в виртуальности в выпуски новостей? Может, и попадет. Где-нибудь между известием о приезде популярного певца и спортивными новостями. Среди прочих курьезов. Телевидение любит делать репортажи из Диптауна. Обывателю смешно смотреть на мультяшные пейзажи и нарисованных людей. Хорошо, наверное, что над нами смеются. Лишь бы не боялись... не завидовали... не ненавидели...

Я вскинул голову, с испугом посмотрев на часы. Они стояли, видимо, еще с вечера. Обычное дело, всегда забываю заводить. Нашарил валяющийся на полу у кровати пульт, вывел время на телевизионный экран.

Семь. Нормально, успею.

Во всем теле была разбитость, и в голове тяжесть, как всегда после серии долгих и частых погружений. Человек не очень-то приспособлен к виртуальному миру. Может быть, пройдет год-другой, и для всех граждан Диптауна придет час расплаты. Какие-нибудь параличи, слепота, инфаркты. Тогда имя Дибенко смешают с грязью, компании, сделавшие ставку на виртуальность, разорятся, а серьезные ученые сообщат, что давным-давно все это предвидели и неустанно предупреждали...

Поживем — увидим. В любом случае у меня будет шанс почувствовать беду одним из первых.

А может быть, наоборот, он случится, тот прорыв, о котором мечтал я и которого ждал Дибенко. То, что я смог совершить вчера, станет доступным для всех. Два мира, слитые воедино. Виртуальность и настоящее, сделай лишь шаг — и войди в *глубину*. Без всяких костылей...

Я встал и заправил постель. Вымыл пол, вытер пыль, затем выгреб из шкафа всю одежду и минут пять рылся, выбирая хоть что-нибудь поприличнее. Трудно следить за своим гардеробом, когда привык рисовать всю одежду, от плавок до смокинга.

Джинсы и свитер. Пойдет.

Одевшись, я еще раз прошел по квартире, косясь на компьютер, проработавший всю ночь. По экрану медленно ползла надпись: «Ленечка, *глубина* ждет!»

Пускай ждет.

Нет, мои попытки привести квартиру в порядок результата не дали. Застарелый холостяцкий бардак только подчеркивался чистым полом и убранным с глаз долой хламом. Что ж... предстанем во всей красе. Если Вика хоть немного общалась с хакерами, то не испугается.

Я выключил компьютер. Уже в дверях запоздало вспомнил, что даже не попытался прибрать на кухне... нет, хватит, этот подвиг не для меня.

Торопливо закрыв дверь, я вызвал лифт. Пластиковая кнопка, прожженная сигаретой, едва тлела под пальцем. В лифте почему-то было накурено.

Не так красиво, как в *глубине,* конечно, не так.

Лифт медленно потащил меня вниз, мимо десяти этажей, мимо соседей по бетонной коробке, которых я не знал, да и не пытался узнать. Можно придумывать чужие судьбы, можно грустить и насмешничать над несуществующими людьми... Как трудно узнать их — живых и настоящих. Сделать хоть шаг навстречу.

Может быть, Вика не прилетит? Передумает, в последний миг, ощутив то же, что и я, — нельзя смешивать два мира воедино?

Я представил, как стою в аэропорту. Нелепая фигура, беглец из виртуального мира, выползший в мир живых. Бледная незагорелая морда, одежда, не требующая утюга, красные, как у наркомана, глаза. И появляется Вика, красивая и стройная, модно одетая... или нет, может быть и хуже. Появляется сутулая очкастая девушка в мешковатом платье и плащике позапрошлогодней моды...

Что хуже — бог знает...

Я тихонечко застонал, заранее переживая наш общий позор и взаимное разочарование. Двери лифта как раз разошлись, и маленькая девочка с эрделем на поводке испуганно отступила на шаг.

Ну вот, даже дети шарахаются...

Я протиснулся мимо жизнерадостного пса и побрел вниз.

— Доброе утро! — тихо сказала девочка вслед.

Отвык я здороваться...

— Доброе утро, — сказал я, запоздало улыбнувшись, и выскочил из подъезда.

Почему-то я уверен, Неудачник не забыл бы поздороваться. Он бы еще потрепал эрделя по загривку, и пес шлепнулся бы на пол от удовольствия.

У меня хватало сейчас денег, можно было даже гордо поехать в аэропорт на такси, но спешить не хотелось. Боялся я этого ожидания, ох как боялся... Я позавтракал у какого-то ларька гамбургерами, разогретыми, но явно несвежими. Хотелось пива, однако под снисходительным взглядом продавца я решился лишь на лимонад.

Автобус, идущий в аэропорт, был почти пустым. Какая-то сонная компания с огромными баулами, очень ярко, под очередные требования моды, раскрашенные девчонки. Я стоял сзади, глядя на уползающую ленту дороги.

Может, не ехать...

Без четверти десять автобус остановился у аэропорта. Я выполз из него с оптимизмом приговоренного к казни, постоял под моросящим дождичком, прежде чем пройти в здание.

Может, погода нелетная...

В аэропорту было тепло и шумно. Носились вокруг родителей возбужденные предстоящим полетом дети, угрюмо перли свои тюки челноки, очередь легко одетых граждан тянулась к регистрации на какой-то южный рейс. Я изучил номера рейсов на табло — отложенных не было.

Может, Вика не полетела...

За последние полчаса сели четыре самолета. Вика могла прилететь из Ташкента, из Риги, из Хабаровска, из Москвы... А если она назначила время встречи с запасом, то в ее распоряжении — вся Россия и почти все зарубежье.

Я побрел к справочному бюро. Там стояло несколько человек, но ни одна женщина на Вику не походила. Это я почувствовал с первого взгляда.

Все лица — такие разные. Столько некрасивых, столько усталых и озабоченных. Этого нет в *глубине,* и может быть — зря...

Прислонившись к стене, я ждал. Полчаса — моя неизменная поблажка женской необязательности... Но для Вики сделаю исключение, буду ждать час. Или два. Прирасту к этой стене, пока милиция не отлепит.

Сейчас бы хороший ноутбук, с радиомодемом. Прогнать дип-программу, нырнуть, прочесать все файлы авиакомпаний...

Я закрыл глаза.

Глубина лежала передо мной.

Черный бархат, бездонная пропасть, пронизанная разноцветными нитями. Маленький шарик Земли, примерившей новый наряд. *Глубина* ждала. Я видел искры самолетов, взлетающих и заходящих на посадку, водовороты информации, перерабатываемой компьютерами, видел далекие здания Диптауна. Потянуться — и оказаться там. Мне больше не нужны машины.

Где-то рядом, прямо в аэропорту, кто-то использовал компьютер не по назначению. Входил в *глубину*. Я на миг встал за его спиной, посмотрел его глазами.

Это мой мир.

Щедрый и безграничный, шумный и безалаберный. Человеческий. Он станет лучше, изменится вместе с нами, только надо верить в это. Не блуждать в лабиринтах, когда выход рядом. Не влюбляться в отражения, если рядом живые люди.

И может быть, следующий гость *глубины* не станет единственным Неудачником, не умеющим стрелять в людей.

Я вышел из сети. На электронных часах сменились цифры — ровно десять.

— А где красная роза?

Это было страшнее всего — повернуться и посмотреть на Вику. Труднее, чем все подвиги в виртуальном мире...

Она была именно той девушкой, которую я рисовал. Той, что улыбалась мне с экрана по утрам. Той, что жила в моих снах.

Только волосы чуть светлее, а стрижка чуть короче, и глаза не смеются — они испуганные... как и у меня сейчас. Но это моя Вика. Перепуганная насмерть девушка в джинсах и легкой курточке, с сумкой через плечо.

Мы оба жили в своих настоящих телах, погружаясь в *глубину*. Лучшая в мире маска — собственное лицо.

— Эту розу еще растят, — говорю я.

Вика чуть-чуть расслабляется.

— Я боялась... вдруг ты пообещаешь ее нарисовать.

— Нет уж, — шепчу я. — Хватит нарисованных цветов...

Я беру ее за руку. Мы постоим так секунду, глядя друг другу в глаза.

Прежде чем пойти домой.

Алма-Ата
июнь — сентябрь 1996 г.

ФАЛЬШИВЫЕ ЗЕРКАЛА

Отражения, кривляясь,
Вырываются на волю,
Хладнокровно улыбаясь
Или плача, но без боли...
Зеркала следят за нами,
Научившись даже слушать,
Быть и мыслями, и снами,
Искажая наши души.
Тонут в зеркале желанья,
Замедляются движенья...
Нас отдали на закланье,
Нас поймали отраженья...

Rain

Часть первая

ДИПТАУН

00

Мне все чаще и чаще снится этот сон.

Вначале в нем нет ничего страшного, вообще ничего нет. Серая клубящаяся мгла. Только впереди — далекий, почти неразличимый огонек, белая искорка в тумане. Я иду — иду на свет, но мгла вдруг начинает редеть.

Как странно — когда исчезает темнота, перестаешь видеть свет!

Я застываю, пытаясь запомнить направление, удержать его в памяти. Но в этом уже нет нужды. Передо мной — мост. Тонкий, словно струна, натянутая над пропастью. Я ходил по таким мостам. Не раз. Но сейчас все гораздо труднее. Мне надо пройти между двумя стенами, вырастающими из тумана. Левая стена — синий лед, правая — алый огонь. Нить между ними.

Я иду.

Левая стена — в отпечатках ладоней. Иногда это просто отпечатки, с клочьями кожи и мяса, поросшими инеем. Иногда торчат осколки промороженных костей с обрывками одежды. А иногда — распятые на льду фигуры, покрытые снежной коростой.

С правой стеной — проще. Она сжигает быстро и дотла. Может быть, потому ее предпочитают реже.

Я иду.

Нить под ногами вибрирует. Может быть, ее опаляет огнем. Может быть, обдает стужей. А может быть, кто-то идет впереди или за мной.

Мне надо дойти. Очень надо.

Вот только каждый раз сон заканчивается одинаково.

Нить вздрагивает. Может быть, я сам качнул ее слишком сильно, не знаю...

И как падающий канатоходец я раскидываю руки, пытаясь удержать равновесие, цепляясь: за левую стену — синий лед, за правую стену — алый огонь...

01

Давненько я не опаздывал на работу!

Стою в пробке, вытянувшейся на полквартала. Рядом — длинный, неуклюжий автомобиль, кажется, «линкольн» последней модели. Стекла опущены, мрачный водитель косится на меня, будто именно мой мотоцикл повинен в творящемся на улицах безобразии.

— Огонек будет? — спрашивает он наконец. Наверное, ему просто скучно. Да и не поверю никогда, что в этом роскошном монстре вишневого цвета нет прикуривателя. Там, пожалуй, и для газовой плиты с грилем место найдется...

Молча протягиваю зажигалку. Усыпанная перстнями рука тянется к огоньку, раскуривается дорогая тонкая сигарета с фильтром неимоверной длины. Что сказал бы дедушка Фрейд о тяге к большим автомобилям и длинным сигаретам? А... ну его. Он бы у нас спятил, причем очень быстро.

— Что творится-то? — интересуется водитель.

Слишком приземистый лимузин, ему не видно. Отвечаю:

— Колонна идет. Грузовики.

У кого-нибудь другого эти слова вызвали бы вполне заслуженную реакцию. Гнать по центру города грузы! Да еще по русскому кварталу, в утренний час пик по московскому времени!

— Что ж, бывает, — легко соглашается водитель. — Надо.

Значит, предполагаемый «линкольн» не просто показуха. Его владелец никуда не спешит, и пробка в пять-десять минут — не повод для возмущения.

А мне — повод! Еще какой!

Опоздание в пять минут могут и не заметить. Десять минут — отметка в личное дело. Четверть часа — половина дневной зарплаты долой.

Я уже на четыре минуты опаздываю!

Полоса забита полностью, но стандартный мотоцикл не машина, собранная по спецзаказу. А моя тускло-стальная куртка, серые джинсы, лицо под зеркальным шлемом... да, конечно, это не яркая, примечательная внешность, не одежда от кутюр, но...

В непримечательности есть свои преимущества.

Газую, двигатель взревывает. Хозяин «линкольна» с живейшим интересом смотрит на меня, интересуется:

— Что, собрался...

Я не дослушиваю.

Оставляя на асфальте след горелой резины, «хонда» несется между машинами.

— Давай! — кричат вслед.

Наблюдение за чужими глупостями — вечное бесплатное удовольствие.

Перекрывшие движение грузовики ползут по перпендикулярной улице медленно, лениво. Обычные «КамАЗы», но с надписями на тентах: «2Т». Понятно, крупная фирма получила срочный заказ и предпочла заплатить за ненормативный трафик, чем терпеть неустойку из-за поздней доставки. Расстояние между машинами метра полтора, идут они аккуратно, след в след...

Может быть, и проскочу.

Я вижу отблески полуденного солнца на стеклах грузовиков, лица водителей, черные выхлопы дизельных движков. Шанс вписаться между двумя «КамАЗами» — минимальный.

Глубина-глубина, а пошла ты...

Миг перехода из виртуального пространства в обычное всегда забавен. Но сейчас различия минимальны — я был в мотоциклетном шлеме, а остался в виртуальном; сидел в седле — оказался в кресле, но на корточках.

Вот только город вокруг перестал быть реальным. Все огрубело, потеряло детали, небо приобрело равномерную голубизну с легкими облачками (раз в сутки они выстраиваются в надпись «Вспомните, кто придумал и оплатил для вас это небо!»), машины утратили царапины, пятна грязи, наклейки — все то, что додумывало воображение.

Колонна грузовиков с логотипами «2Т» осталась.

Проскочу!

В наушниках звучали чьи-то голоса, кто-то махал рукой из машины, пытаясь предостеречь меня. Покачивая джойстиком, я впихнул мотоцикл между «КамАЗами». Легкий толчок — наверное, бампер успел зацепить заднее колесо. Не страшно.

В виртуальности я мог бы и упасть, не удержать равновесия. Сейчас мне хватило одного движения джойстиком, чтобы выправить мотоцикл.

Я остановился за перекрестком. Посмотрел назад. Пальцы сами скользнули по клавиатуре.

deep

Ввод.

Миг я еще видел экраны перед глазами, подкладку шлема. Потом пробежавшая по экранам радужная волна смыла реальность.

Дип-программа работает быстро.

Я стою на перекрестке проспекта Гибсона и улицы А.Черткова в русском квартале Диптауна. Сквозь просветы в колонне грузовиков, ползущих по Черткова в сторону клуба «Вайт Биэр ББС», видны мои недавние коллеги по пробке. Многие свистят, аплодируют и прочим образом выражают свой восторг.

И на душе у меня — замечательно.

Как и должно быть у человека, забившего гвоздик любимым микроскопом.

Снова газую и уношусь по проспекту. Есть шанс не опоздать на работу.

Интересно, кто такой этот Гибсон...

К раздевалке я подкатываю с опозданием в семь минут. Плохо, но не фатально.

— Леонид... — укоризненно говорит охранник на входе. Развожу руками, пытаясь зеркальным шлемом отобразить всю гамму эмоций. Раскаяние, вина, стыд, заискивание... — Давай быстрее.

Заскакиваю в длинный коридор. Под потолками уныло покачиваются матовые шары ламп, напоминающие полузабытые школьные коридоры. Вдоль стен — шкафчики. Почти над всеми горят красные огоньки, лишь два или три — зеленые. Ну вот, явился в числе последних...

— Привет, — бросает мне Илья.

Он тоже опоздал. Возится у соседнего шкафчика, отпирая замок.

— С утра сегодня? — спрашиваю я, быстро набирая код — трудно запоминаемое простаками слово «gfhjkm».

— Я на чуть-чуть, у меня со вчера «хвост» остался. — Илья мрачно смотрит внутрь шкафа. Ему лет тридцать, он коротко стрижен, в меру мускулист и подтянут. Лицо нестандартное. Работа хорошего имидж-дизайнера, вряд ли собственная. — Вдруг успею с утра...

Он наконец сует руку в шкафчик и вытягивает оттуда обмякшее тело. Тощее и маленькое, принадлежащее мальчишке лет двенадцати.

— Смелее, он тебя не укусит! — подбадриваю я.

Мальчик дергается, как от гальванического удара, поворачивается ко мне. В одной руке он держит мужчину, извлекшего его из шкафа, — теперь у того тело сдутое и невесомое, а глаза пустые, без проблеска мысли.

— Твою мать... — с чувством выдыхает мальчик тонким голосом. — Тебе хорошо острить!

— Думаешь? — заглядывая в собственный шкафчик, спрашиваю я.

— Да! — Мальчик начинает пинками утрамбовывать импозантного мужика в шкаф. Тело гнется, словно восковое. Под нелепым углом торчит нога в лакированном ботинке, галстук выбивается из пиджака. — Как! Меня! Достало!

— Давай меняться? — предлагаю я. — Ты потаскаешь посылки, а я разнесу телеграммы.

Мое сменное тело тоже ничего не весит. Это мужчина. Ему лет двадцать. На нем спецовка. Он мускулист. Лицо добродушно-идиотское.

Строитель коммунизма с плаката двадцатилетней давности. И не поверишь, что рисовали в США.

Я ведь не стал моделировать или заказывать персональное тело. Обошелся стандартной личностью — «рабочий». Заглядываю ему в пустые глаза, прижимаюсь лбом ко лбу...

И начинаю впихивать бывшего мотоциклиста в шкаф, с не меньшим ожесточением, чем недавно Илья.

— Слушай, — мальчик тарабанит по кнопкам, закрывая шкаф, — а что у тебя все тела такие одинаковые?

Его новая личность тоже штучная и не менее хорошей работы. Симпатичный рыжеволосый мальчишка, удачные глаза и почти постоянная полуулыбка.

— Дорого стоит персональный дизайн, — отсекаю разговор.

— Брось. — Илья машет рукой. — Ничего он не стоит, сел да сам нарисовал!

— У меня совершенно нет способностей художника.

Я тоже утрамбовал свое прежнее тело и запер шкаф. Непонятно лишь зачем. Ведь этот облик и впрямь не стоит ничего. Он входит в стандартные двадцать из поставки «Виндоус-Хоум» — «дружелюбный рабочий».

Как будто где-то в Диптауне могут понадобиться недружелюбные...

— Давай я тебе нарисую? — внезапно загорается Илья. — Раз плюнуть. Будешь все-таки получше выглядеть, обещаю.

— Давай как-нибудь, — говорю я. Кажется, этот разговор у нас уже был. И его предложение, и моя ответная готовность — чистая фикция. Обмен ничего не значащими любезностями.

— Ну пока. — Илья машет рукой и убегает. Уже совершенно по-детски. Хорошая модуляция движений образа...

У меня — хуже. Иду неуклюжей походкой дрессированной гориллы. На выходе — окошко раздачи заказов. Илья уже схватил свой пакет и убежал. Мальчикам-письмоношам положен велосипед.

Мне — хуже. Грузчикам выдают мотороллеры.

Но вначале — заказы.

В окошечке скучает Таня. Славная девушка, если это и впрямь девушка.

— Опаздываешь, — замечает она. Беззлобно, ее это в общем-то не касается. — Есть два заказа. Кто там в раздевалке остался?

— Да вроде бы никого.

— Возьмешь оба?

— А что там?

— Пианино и рояль.

Шутит скорее всего...

— Давай, лишняя копеечка не помешает.

— Угу, — одобрительно бормочет Таня. Протягивает мне листки, я расписываюсь, отхожу. Заглядываю в первый заказ — «пианино». Во второй — «рояль».

Оборачиваться сил нет. Почти наверняка Татьяна смеется. Что может быть нелепее профессии грузчика в виртуальном мире? Нет, вы скажите, что может быть более не нужно в мире электронных импульсов, где нет на самом-то деле ни расстояний, ни тяжестей?

— Леонид! — окликает меня сзади Таня. — Звонил Игорь, он задерживается чуть. Вдвоем ведь справитесь?

А что может быть нелепее нарисованной квартиры, в которую покупают нарисованный рояль? Точнее, музыкальную программу, имитирующую звуки рояля и имеющую его облик?

Весь фокус — в подсознании. Если ты знаешь, что тебе не поднять рояль в реальном мире, то не взвалишь на плечи и его нарисованный образ. Если рояль доставят в виде резиновой игрушки и надуют посреди комнаты — ты не поверишь в его чистое и настоящее звучание.

Надо, чтобы на твоих глазах крепкие ребята в спецовках тащили, чертыхаясь и обливаясь потом, груз по лестнице... Как ни прост облик «дружелюбного рабочего», но имитация пото-отделения у него есть.

И тут меня охватывает злость. Привычная, частая гостья.

Не обращая больше внимания на извиняющийся голос Тани, я иду к стоянке, хватаю свой мотороллер, бросаю взгляд на симпатичное приземистое здание с эмблемой «HLD» на вывеске. «HLD» — У вас не будет проблем!», «HLD» — Доставка в срок и везде!», «HLD» — Ваш груз не заморозят!»

Будем следовать рекламным слоганам!

Под веселое тарахтение мотороллера я выруливаю обратно на Гибсона и неторопливо, в четвертом ряду, еду по первому из адресов.

Теперь, когда я на работе, расстояния сразу становятся короче. В нашей маленькой стране, в нашем славном Диптауне, все дифференцированно. Даже солнце встает по-разному — когда служащие делают перерыв на ленч, для их босса еще только близится рассвет. Проскакиваю третью улицу Дип-дизайнеров, первый тупик Оф-Лайна. Вот и указанный в заказе адрес.

Хороший особнячок.

Прелестный сад вокруг. Увитые диким виноградом каменные стены. В чаше фонтана — скульптура: обнаженный юноша держит в руках змею, изо рта змеи бьет в небо струя. Боже...

что за аллегория? Приглядываюсь, читаю надпись под статуей: «Укрощенная Глубина».

Становится тоскливо.

Отказался бы от заказа... пусть сами прут несуществующий рояль в несуществующую виллу. Но в Диптауне слишком много безработных, чтобы можно было выпендриваться.

— Сударь!

Девушка спускается по ступенькам с веранды. Игриво покачивает бедрами, улыбается. На ней самый минимум одежды, внешность моделирована в стиле «манга» — слишком большие глаза, пропорции фигуры от девочки-подростка.

— Сударь, вы грузчик?

— Да, сударыня, — мрачно говорю я.

— Вы приехали носить рояль?

«Носить»... Умница.

— Да.

— Знаете, а его не привезли... — никакой печали в ее голосе нет. — Говорят, много заказов. Вы сможете приехать завтра?

— Подавайте заявку, сударыня. Кто-нибудь да приедет. Но я...

— Извините, извините пожалуйста! — Девочка — само очарование. — Мне так неудобно! Это все муж, он вечно занят, это его вина... Но он попросил заплатить вам за беспокойство!

Молча подаю заявку.

Девушка не глядя подписывается, оплачивая полную стоимость погрузочно-разгрузочных работ. Думает, морща лобик. Потом достает из кармана банкноту.

— Спасибо, — опускаю деньги в карман для чаевых, заботливо предусмотренный на спецовке. Через миг денег там уже нет. Половина ушла на счет компании, половина — на мой. Как и положено в серьезной фирме средней руки.

— Может быть, выпьете кофе? — взгляд ее в меру интригующий, в меру скромный.

Смотрю на часы. Вздыхаю:

— Не знаю... так много заказов на сегодня...

— Знаете, а мне надо еще передвинуть в спальне трельяж! — вспоминает девушка. — Вы не поможете? Мы бы сразу оформили новый заказ.

Все с ней ясно.

Неопытная искательница приключений. А муж, вероятно, умный человек.

Как и я.

— Ваше желание — наше исполнение, — позволяю себе капельку двусмысленности.

Передвинуть трельяж занимает не больше времени, чем заполнить бланк заказа. Потом мы пьем кофе с ликером. Я улыбаюсь, меня крайне занимает развязка. Куколка хлопает большими глазами, потихоньку придвигается ближе. Наконец, она оказывается на моих коленях, мы долго и с удовольствием целуемся. Я бдительно слежу за продвижением ее шаловливой ручки.

— А... а? — произносит девушка. Голос уже подрагивает, но к возбуждению примешивается недоумение. Глаза все более и более округляются, посрамляя даже стандарты японских комиксов. Увы, *хентая* не будет...

— Сударыня, я ведь служащий серьезной фирмы, — объясняю я. — Это тело — только для физической работы. Для развлечений оно не приспособлено. Неужели вы не знали?

— Гад!

Впору смеяться, но я сижу с каменным лицом. Поднимаюсь с диванчика, одновременно ссаживая с колен хозяйку и застегивая спецовку.

— Сударыня, если что-то в моем поведении не удовлетворило вас, вы можете обратиться к руководству с официальными предложениями. Я тоже думаю, что небольшая доработка не помешает...

— Пошел вон, быдло!

Мне не обидно. Мне смешно. А выйдя из дома и оседлав мотороллер, я даже могу позволить себе расхохотаться.

Эта функция организма «дружелюбному рабочему» разрешена.

Но я не смеюсь.

В Диптауне — вечер. Как только я закончил работу, так и наступил вечер — это мне нравится. Конечно, например, вон для того бедолаги, спешащего по улице с портфелем, раннее утро. А для кого-то шумный, яркий, праздничный вечер царит всегда.

Ну и пусть. Мне не жалко.

В офисе «HLD» заступает на работу вторая смена. Над соседним шкафчиком горит красный огонек — Илья то ли еще не пришел, то ли уже ушел на работу. Кое-где переодеваются сотрудники, но их я почти не знаю, так — «привет-привет»...

А день был неплох. Три заказа, причем два в общем-то ни за что. Да еще и забавное недоразумение... неужели кто-то не знает, что пролетарские тела из комплекта «Виндоус-Хоум» — бесполы, как подобает мулам и рабочим пчелам?

Насвистывая веселенький мотивчик, вытягиваю из шкафчика тело мотоциклиста. Он вполне полноценный мужчина, одна беда, настолько стандартен, что любовные приключения ему не светят. Впрочем, он мне дорог не этим. Чем проще тело, чем непритязательнее, тем легче ему проскальзывать по перегруженным серверам. Кое-кто упрямо не желает этого понять, обвешивается побрякушками, рисует сложные, индивидуальные черты лица... Что ж, каждому свое.

Лоб в лоб... Гляжу в зеркальный шлем, жду, пока отработает программа. И запихиваю «дружелюбного рабочего» в шкаф. Отдохни до завтра, дорогой!

Я тоже отдохну...

В диспетчерской все еще дежурит Таня. При виде меня смущенно улыбается, и я подхожу к окошку.

— Леня, ты уж извини...

— Да ничего, больше заработать смог.

— Так ты серьезно... занес пианино в одиночку?

— Да.

Она смотрит на меня в полной растерянности. Вздыхаю:

— Таня, думаешь, я просто так в грузчики пошел? Я ведь семь лет в мебельном магазине отработал! Всякое доводилось делать. И тащить пианино одному — не впервые. Чао!

Ну вот... теперь девчонка станет гадать, насколько широки мои реальные плечи...

Меняю мотороллер на мотоцикл, размышляя о том, что легенда шита белыми нитками. Придется уходить из «HLD». Жалеть особо не о чем, но... но как же мне это надоело! Нелепый труд, безумные фирмы. Виртуальный садовник, расклейщик объявлений, маляр, грузчик...

Только на что еще рассчитывать?

Если во мне нет ничего, совсем ничего, что нужно этому яркому, праздничному, щедрому миру вокруг?

10

Последнее время я предпочитаю напиваться в *глубине*. Как и все виртуальщики, впрочем. Во-первых, для здоровья полезнее. Похмелье может случиться, организм его придумает, но хоть печень не пострадает. А во-вторых, и это главенствует, в виртуальности пить куда дешевле. Никто не станет платить за нарисованное спиртное ту же цену, что и за реальное. Бутылка «Бейлиса» тут стоит полдоллара, отличный шотландский скотч — восемьдесят центов. Русская водка — почти доллар, но водки я и в реальности могу выпить...

Есть, конечно, и подпольные кабаки, где все еще дешевле. Там могут продать коллекционное бургундское пятидесятилетней выдержки за пару баксов. Не пойму лишь зачем. Те, кто знает вкус такого вина, по дну жизни не ползают. А мне его пить бесполезно, все равно не отличу от молдавского каберне.

Так что я иду в честный, законный кабак — «Царь-рыба». Он славен тремя вещами: наличием общедоступных и понятных русскому человеку напитков, хорошей рыбной кухней и живой музыкой. Иностранцы здесь попадаются редко — и это особенно приятно. Разве что отдельные, пожившие в России, — вот они могут оценить ощущения от ухи с дымком, пива «Очаковское специальное» и старого рока.

Я не знаю, как кому. Мне больше всего нравятся именно такие места — и в реальной жизни, и в *глубине*. Не огромные и шумные рестораны, не популярные и дорогие заведения, куда толпой валят туристы, а что-то маленькое, неприметное, неяркое. Это правда для любого города мира... ну, пожалуй, кроме Москвы. В Праге есть «У Флеку» и «Черный вол», в Берлине — «Цитадель» и «Цур Летцен Инстанц», в Париже — «Максим» и «Ля Пти Вартэль». Выбирай, что тебе нужно, «шашечки или ехать»...

«Царь-рыба» притаилась на площади Свободы. Такие есть почти в каждом квартале Диптауна, вот только в американском или французском они отданы на откуп увеселительным заведениям сомнительного толка, а в нашем — сплошь занята офисами. Что ж, каждой культуре — свое.

Вывеска — неяркая, нарочито примитивная. В эту примитивность вложено куда больше сил и таланта, чем в яркие рекламные огни над дорогими ресторанами. Лубочный рисунок,

на котором карикатурные бурлаки тянут из реки чудовищных размеров осетра, небрежно написанное название...

Толкаю дверь, вхожу. Места есть, это уже радует. Последнее время «Царь-рыба» обретает все большую популярность, и я боюсь, что скоро перестану здесь появляться. Либо кабак расширится, превратится в известный ресторан, либо придется заказывать столик заранее и терпеть шумные и чуждые компании.

Но пока еще это место, куда я стараюсь прийти.

Выбираю столик у двери на кухню. Официантка незнакомая, но подходит сразу. Бросаю быстрый взгляд на меню.

— Сегодня запеченная в фольге форель — великолепна! — говорит девушка.

Эх. Форель в фольге я ел... давно, правда. Но она мне не понравилась. Значит, не оценю и сейчас.

— Фаршированную щуку, — решаю я.

Этого блюда я никогда не ел. Но наверняка оно будет выглядеть красиво, а фантазия додумает вкус.

— Ушицу... — продолжаю я, скользя взглядом по меню. — И графинчик водочки... самой обычной, пшеничной. Хлеба черного.

— Все?

— Томатный сок...

Запивать водку — вульгарно. Но сейчас я хочу именно вульгарности.

Остаюсь ждать заказа. Конечно, все могут подать мгновенно, но зачем портить иллюзию? Сижу, оглядывая зал. Некоторые лица уже примелькались. Другие — незнакомы. На сцене — одинокий гитарист, то ли группа еще не собралась, то ли он просто предпочитает выступать один. Вслушиваюсь в негромкий голос...

Этот метод прост:
Весь квартал под холст.
Он не художник, нет, он — эхо века,
Эхо нас... И это веха!

Как бензиновая радуга на лике реки
На черном асфальте цветные мелки,
Это мы. Ты видишь, это — ты и я.

Он наград не ждал,
Он не ждал похвал,

Он делал то, чего не мог не делать,
Раб и Бог цветного мела.

Как бензиновая радуга на лике реки
На черном асфальте цветные мелки,
Это мы. Портрет до первого дождя.

Да, есть дождь и снег,
Да, не вечен век,
Но не спеши кричать «ату» со смехом;
Мы живем в эпоху эха.

Как бензиновая радуга на лике реки
На черном асфальте цветные мелки,
Это мы. Портрет, как феникс из огня.

Певец опускает гитару. Смотрит на зал. Никто его толком и не слушал, народ увлечен процессом питания. На мгновение наши взгляды встречаются, и у меня возникает странное ощущение, что песня была предназначена именно для меня.

Так обычно и бывает с хорошими песнями.

Певец встает и уходит, странно, за гриф, держа гитару. Так не берут инструмент, но жест почему-то кажется абсолютно естественным.

Черт, почаще надо заходить. «Мы живем в эпоху эха...»

— Можно?

Оборачиваюсь. Ага...

В Диптауне редко встретишь старика. Все хотят быть молодыми и красивыми, если не в жизни, так хоть в сладостном сне. Решиться на такой облик — это поступок.

— Садись, Ежик, — приглашаю я.

Ежик — прозвище местного завсегдатая. Я довольно долго считал его программой, пока не поговорил сам. Как ни странно, но человек, проводящий в *глубине* большую часть суток, — вполне настоящий. Ему лет шестьдесят, он седой, морщинистый, полноватый. Лицо обрюзгшее, но чисто выбритое. Короткая, седенькая, военная прическа, за которую он и заслужил прозвище. Чуть опустившийся, но в меру приличия. Одет старомодно, но аккуратно. В общем — неприязни не вызывает, скорее — интерес.

— Слышал про взлом? — интересуется Ежик, присаживаясь. Косится на официантку, уже несущую водку и сок.

— Еще рюмку, — прошу я, хотя и вижу, что на подносе две рюмки. Скорее всего Ежик сидит в «Царь-рыбе» не по собственной инициативе, он наемный работник. Как в публичных домах девочки разогревают посетителей на дорогую выпивку, так и в кабачке Ежик раскручивает посетителей на пьянство. Такая работа.

— Благодарю, — не теряя достоинства, кивает старик. Чуть дрожащей рукой наполняет рюмки. Мы чокаемся, выпиваем. Ежик крякает, но не закусывает, занюхивает рукавом. Что-то новенькое.

— Так что за взлом? — любопытствую я, когда приличия соблюдены. Достаю пачку сигарет, протягиваю ему.

— Есть такая фирма... э... «New boundaries»...

— Да, слышал, — вспоминаю я. — Они софтом занимаются?

Ежик хихикает:

— Нет... всякой чепухой. Вроде новых эргономичных клавиатур, дизайна шлемов, особых кресел, на которых геморрой не заработаешь... Прикладные товары.

— Угу... — неопределенно бормочу я. Свою выпивку старик должен отработать любопытной историей, но пока она не тянет даже на сигарету.

— Мне уже уходить, — вздыхает Ежик. — Эх... был бы лишний бакс, время продлить...

Ничего себе! Смотрю ему в глаза. Что же, новости столь любопытные, что требуется оплатить его время в *глубине?* Доллар — не деньги, но все-таки!

Секунд десять мы играем в гляделки. Потом Ежик начинает вставать, и я сдаюсь, беру его за руку.

— Посиди. Я сегодня при деньгах.

— Благодарю. — Старик ухитряется так ловко усесться обратно, что и не понять — хотел он уйти или просто поерзал на стуле. — Так я говорю — фирма... небольшая... Вроде по контрактам с крупными работает... с самыми монстрами...

Мне приносят уху. Запах божественный. Кормить Ежика я не собираюсь, да он и не настаивает. Начинаю есть, демонстрируя, что пока ничего занятного не услышал.

— Так вот, ломанули их вчера, — сообщает Ежик.

Странно...

— Вчера?

Виртуальность живет в быстром темпе. Вчерашняя новость — уже не новость.

— Ага. — Ежик понимает, что я оценил маленькую деталь. — Ну... грабителя взяли сразу...

У меня чуть-чуть сдавливает сердце.

«Грабителя взяли сразу»...

Два года назад любой задал бы вопрос: «Дайвер ломал или хакер?»

Потому что в этом было принципиальное отличие. И между способами защиты, и между методами работы.

Было отличие... теперь никто вопроса не задаст.

Потому что дайверов больше нет.

— Пришили его, голубчика, — вздыхает Ежик. — Охрана-то была серьезная, не от «New boundaries», а от тех, чей заказ выполнялся...

— Каждый час в *глубине* что-нибудь ломают, — дохлебывая гущу, отвечаю я. И впрямь хороша ушица! Точно такую мы ели на Волге, ночью, у костра... — Каждую минуту ломают. Когда уйдет вор, а когда и нет. Чему удивляться?

— Нашли его и в реальности, — сообщает Ежик.

— Значит, на что-то серьезное замахнулся.

— Ага. Вот только он и в реальности мертв был.

Пока я медленно поднимаю голову, опускаю ложку, вытираю губы салфеткой, старик успевает наполнить рюмки.

— Упокой, Господи, душу раба твоего Падлы, хакера небесталанного, грубого, но с добрым сердцем... — торопливо бормочет Ежик. Мы выпиваем, не чокаясь.

— *Падла?*

— Говорят, да. А как мирское имя — не спрашивал.

— И что полиция? — Прозвище мне ничего не говорит. Но сам факт... человек, убитый в *глубине*, умер по-настоящему!

— Говорят; случайность. Говорят, может, сердце слабое было, перенапрягся да и умер. Что тут удивительного?

Пожимаю плечами.

Всякое бывает.

Один, глядишь, заиграется в *глубине*, а инфаркт схватит в обычном мире. Другой в такой депресняк скатится, что снимет шлем да и наденет вместо него петельку.

Все бывает. Все.

— Жизнь, — соглашаюсь я. — Мрачная история, старик.

— Да уж... А еще, говорят, полиция до сих пор на ногах.

Вот это — совсем интересно.

Мне всякое доводилось пережить. И на меня охотились. И за мою голову награду объявляли. Все, завязал я, пусть молодежь играется.

Но если хакера взяли и в *глубине*, и в реальности, а охоту продолжают...

— Занятно, — говорю я. — Занятно. Спасибо, Ежик. Развлек!

— Стоит моя история паршивого доллара? — хитро спрашивает старик.

Конечно, в рассказанном им нет ничего секретного. Все это можно узнать и так... если искать информацию. Но все новости никогда не узнаешь, в этом и беда, и спасение. А Ежик зарабатывает тем, что приглядывается — кому и что надо рассказать. Девяноста процентам здесь сидящих история эта совсем неинтересна. Еще девяти из ста — выслушать и забыть.

А вот меня чем-то цепляет...

— Стоит, старик, — соглашаюсь я. Протягиваю ему долларовую бумажку.

Ежик ловко прячет ее в ладони и удаляется. Сейчас кому-нибудь другому будет рассказано... да не все ли равно что? Каждому найдется что-нибудь занятное. Ежик не алкоголик, а профессионал высшей пробы.

Тем нам и дорог, всем нам, от посетителей до владельца «Царь-рыбы».

Между тем мне уже несут щуку.

— И как она приготовлена? — взирая на немалых размеров рыбину, интересуюсь я.

— Наш шеф-повар, — официантка улыбается, — был горд выполнить такой интересный заказ. Мясо щуки было провернуто в фарш вместе с вымоченным в молоке батоном...

Все как положено. Раз я не пробовал блюда, то мне надо объяснить, что именно я буду есть...

И в этот миг мир вокруг вздрагивает, будто при землетрясении, разламывается, окутывается темнотой.

Покушал, называется...

— Леня!

Я помотал головой, поморгал. Мир обретал краски медленно и неохотно.

— Леня, ты здесь?

Вика смотрела с легкой иронией. Снятый с меня виртуальный шлем она держала в руке, даже не выдернув из разъема, и в глубине его еще мельтешили какие-то картинки.

Первым делом я глянул на монитор. Надпись «ненормативный выход из *глубины*» меня не удивила. А вот время...

Пять часов вечера. Черт возьми, да я еще мог быть на работе!

— Вика, я не понимаю...

— Леня... — Она присела перед креслом. — Ты забыл? У нас сегодня гости. В шесть часов. У нас. Гости. В реальном мире.

— Черт... — Я закусил губу. Да. Забыл. — Машина, выход!

«Завершение работы?»

Вика вздохнула, поднялась, пошла на кухню. Я стал стягивать виртуальный комбинезон. Компьютер подождал еще немного, прежде чем погасил экран и отключился.

Да... завершение работы. Когда-то он спросил бы меня голосом, так похожим на голос Вики: «Ты серьезно?»

Очень серьезно. Я стал таким серьезным, что даже самому противно.

— Что надо купить? — крикнул я.

— Вспоминай... — отозвалась с кухни Вика.

— Картошка, зелень, помидоры... огурцы...

— Угадал. А теперь попробуй вспомнить, что еще.

— Курицу? — брякнул я наугад.

— Я уже мясо размораживаю. Сделаю котлеты. Возьми растительного масла, а то кончилось почти. Ну... понятно, что еще.

— Ты водку будешь?

Иногда Вика может выпить и водки. Под настроение.

— Нет, наверное, — отозвалась она после секундного раздумья. — Возьми мне бутылку сухого вина. Или пива.

— Чего лучше?

— Все равно. И побыстрее, ладно?

Да, нехорошо получилось. Вчера обсуждали, когда придут ребята, что я начну готовить, пока Вика будет на работе. Потом я надел шлем, *нырнул*.

И забыл о разговоре, начисто забыл.

На улице было холодно. Скверненько, мокро, неуютно. И температура еще плюсовая, и листья на деревьях остаются зе-

леными, но пронизывающая осенняя сырость уже поселилась в воздухе. Стоит лишь выйти — накидывается, вползает под свитер, заставляет ежиться.

Вика меня без труда убедила, что по сравнению с гнилой питерской погодой в Москве — почти тропики. Я и сам невысокого мнения о климате северной столицы. Вот только золотой пушкинской осени что-то не наблюдал за два года после переезда.

Наверное, окончательно разладилась небесная канцелярия. Все лето дожди, всю осень зябкая гадость. Скорей бы уж зима.

«Как тебе русская зима? Та, что с травой, еще ничего, а вот когда со снегом...»

Помахивая пустым пакетом, я обогнул дом и нырнул в магазин. Так... картошка, помидоры... морковка... Или морковки не надо? Ладно, лишней не будет.

За овощами стояла маленькая очередь, нормальные люди как раз возвращались с работы. Я пристроился в хвост, за хорошенькой, хоть и очкастой девчонкой. Девчонка читала самоучитель по языку «Ада». Надо же. Может быть, и в *глубину* ходит. Подрабатывает грузчиком или почтальоном...

Знакомиться с девушками в реальном мире — нехорошо. Особенно при наличии любимой жены. Это в виртуальности романчики простительны.

А еще нелепо знакомиться в очереди за картошкой.

— Два лимона, — сказала девушка.

Я поймал себя на том, что изучаю ее с любопытством. С совершенно неуместным. И что мне нравится ее покупка. Она обязана была купить два ярко-желтых лимона, а не два кило грязненькой картошки и кочан капусты! Теперь можно представить ее, сидящей в кресле, обязательно под торшером, пьющую чай с лимоном и читающую... нет, уже не справочник, а какой-нибудь хороший роман. Серьезный, настоящий, а не беллетристику.

Или — как девушка нарезает лимон ломтиками, посыпает сахаром и кофе, разливает в крошечные рюмочки коньяк и ждет... кого-нибудь. Например — меня.

Размечтался...

— Слушаю?

Продавец посмотрел на меня. Забавный у нас в овощном продавец, типичный интеллигент, ушедший в советские времена в торговлю — и нашедший там себя.

— Два лимона, — мрачно сказал я.

Девочка все не отходила, распихивая лимоны по карманам куртки.

— Еще? — Лимоны словно живые прыгнули на весы и перелетели в мой пакет.

— Три килограмма картофеля. Кило томатов.

Что со мной? Какого дьявола я назвал помидоры томатами? Ни разу в жизни не встречал такого ненормального!

— Из корнеплодов еще что-нибудь брать будете? Из крестоцветных, или из пасленовых?

Лицо продавца оставалось вежливым и добродушным.

— Пять баллов... — пробормотал я. — Еще кило огурцов и все. Спасибо.

Когда я рассчитался и отошел от прилавка, девушки уже не было.

Ну и правильно.

Раньше, встречая на улице интересное лицо, или просто забавную сценку, или даже такую мелочь, как пара лимонов, купленных в очереди за картошкой и капустой, я знал, что это останется со мной. У меня ведь был дом... большой многоквартирный дом. Пусть не в реальном мире, а в виртуальности. И в моей власти было поселить в него кого угодно.

Я пришел бы домой, сказал компьютеру: «Вика, погружение»... Я вспомнил бы лица и жесты, я додумал бы то, что мне неизвестно. Обставил бы квартиру, в которой поселится эта девочка.

Глупо жалеть о прошлом. Тем более о захламленной маленькой квартире, где в раковине неделями валялись грязные тарелки, в холодильнике из еды имелись заводские пельмени, бумажные сосиски и пиво, а рубашки в гардеробе выбирались по принципу наименьшей помятости...

Я и не жалею.

Растительное масло и водка продавались в одном отделе. Секунду я постоял, подозрительно изучая бутылки. «Кристалл» лучше, «Топаз» дешевле... Выбор я сделал просто — взял и то, и другое. Ребята тоже спиртного притащат, но водки все равно много не бывает.

Можно и возвращаться. Алгоритм пройден, программа завершена.

Return.

End.

Порой я замечаю, что все, что надо сделать в настоящем, человеческом мире, я мысленно разбиваю на этапы, будто строки примитивной программы. Зато в *глубине* живу обычной, нормальной, человеческой жизнью. Просто живу.

Наверное, об этом стоит рассказать Вике. Это ее специальность... ее поле боя. Но я не рассказываю — стыдно.

Я вышел из магазина, глянул в небо. Серые тучи. Со дня на день снег пойдет. Скорей бы уж... скорей. Ничего нет лучше плохой погоды, прав был болгарский писатель.

А ведь это тоже — симптом. Явный и опасный. Я не хочу выходить из виртуальности. Не желаю появляться в человеческом мире. Здесь плохо. Здесь грязно и неуютно. Иногда здесь убивают.

Впрочем, уже не только здесь. Если верить Ежику...

Падла... упокой, Господи, душу честного хакера...

Когда-то я мог улыбаться, встречая хакеров. Быть с ними на равных... и даже чуть выше. Ведь их было много, а нас — мало. И мы могли то, что для них оставалось недоступным.

Кончились те времена.

Даже в этом ничего страшного нет. Не я первый, чьи способности стали ненужными для общества. Где вы сейчас, виртуозы линотипов; где вы, шорники; где мастера-стеклодувы? Ушли в прошлое, в детские книжки с картинками, в исторические фильмы и строчки энциклопедий.

От нас вообще ничего не осталось.

Но, наверное, я единственный из дайверов... бывших дайверов, кто заимел дип-психоз в самой тяжелой форме. Настолько тяжелой, что даже Вика пока не замечает происходящего.

11

— Не мог сам открыть? — отпирая дверь, спросила Вика. Она была в фартуке, руки — в фарше. Я отдернул палец от звонка, словно ребенок, позвонивший в чужую дверь и пойманный на проказе.

— Ключ забыл.

— Неси все на кухню...

Вика вернулась к котлетам — первая партия уже жарилась. Я торопливо вывалил овощи в ящик холодильника, поставил водку в морозильник, масло поставил на стол. Спросил:

— Помочь?

Вика искоса посмотрела на меня. Потом — на часы.

— Не надо. Если хочешь, ныряй. Только поставь таймер на полчаса, поможешь на стол накрыть.

Неловкость и стыд кольнули меня — стремительно и мимолетно.

— Точно не надо помочь? — подстраховался я.

— Если ты так настаиваешь... — Вика не закончила. — Да иди, ныряй, что я, картошку сама не почищу...

— Угу. — Я выскочил из кухни. Полчаса. Таймер. Помочь накрыть на стол.

Компьютер ожил, едва я коснулся мыши. Монитор еще не успел прогреться, когда я натянул комбинезон, подключил кабель к разъему на поясе, надел шлем.

Пальцы пробежали по клавиатуре.

deep

Ввод.

И бешеная радуга, порождение нечаянного гения Димы Дибенко, вспыхнула на экранах виртуального шлема.

Все дело именно в ней, в дип-программе. В этих хаотичных переливах цветов; разгорающихся и гаснущих звездах; радужных каплях, расплывающихся по экранам, будто брызги бензина на воде. Без нее *глубина* мертва. Только дип-программа превращает схематичный виртуальный мирок в осязаемую и убедительную реальность. Никто до сих пор не смог объяснить, как взаимодействуют с сознанием и подсознанием цветные блики на экране, почему дип-программа работает на любых компьютерах и почти любых видеокартах, почему домысленные детали виртуального мира так похожи у людей любого возраста, пола и культуры. Выпущены в свет тысячи монографий и популярных книг, бодро шлепаются статейки в газетах и журналах, в академических лабораториях и секретных лабораториях велись и ведутся эксперименты...

Все тщетно. Есть дип-программа, которая работает. Есть программы, порождающие практически ту же картинку на мониторе, но не дающие эффекта. И никто не в силах объяснить, почему работающая только со зрением дип-программа вели-

колепно действует на дальтоников, но бесполезна для людей с врожденной глухотой.

Глубина...

Первый миг — самый трудный. Я встаю с кресла, уже не связанный путами кабеля. Смотрю налево, направо...

Комнатка дешевого отеля. Можно даже сказать обиднее — комнатка совковой гостиницы. Койка, тумбочка, гардероб. Стол с компьютерным терминалом, крутящееся кресло — единственная деталь, не укладывающаяся в аскетичный интерьер. Дверь, на ней — почтовый ящик, рядом — заботливо приготовленная мусорная корзина. Окно, за ним улочка, пустынная и унылая.

— Привет, — говорю я.

Глубина молчит. Ну и не важно. Мы не гордые.

Зачем я здесь? Именно сейчас — зачем? Когда Вика, только что пришедшая с работы, возится на кухне с обедом для гостей — не только ее, но и моих гостей, между прочим. Когда свободного времени — полчаса... черт, а ведь таймер так и не поставил...

Она ведь ждала, что я ей помогу. Отмахнулась от ритуально предложенной помощи, но ведь ждала. Сознавать, что поступаешь как сволочь, обидно. Но это уже почти привычная самообида. Сладенькая и мерзкая, как страдание мазохиста.

— Полчаса. — Я словно приказываю себе. — Нет, четверть часа.

Открываю почтовый ящик, проверяю накопившуюся почту. Десяток рекламных листков, пачка газет, три письма. Ничего важного.

Но зачем-то же я нырнул?

Поработать?

Смешно. Слишком мало времени.

Дообедать?

Зачем, когда меня ожидает настоящая еда.

Пообщаться?

С кем и самое главное — для чего?

Я вдруг осознаю, что стою посреди комнатки, кусая губы и глядя на выброшенную в корзину почту.

Что потащило меня в *глубину?*

Упокой, Господи...

В *глубине* не умирают. Нет, всякое бывает, конечно. Слабое сердце может не выдержать нагрузки. Если кто-то исхитрится отключить контрольные цепи, то возможен болевой шок от придуманной раны. Но к «хакеру небесталанному» это все вряд ли относится.

А ко мне-то — каким боком?

Хакер полез на охраняемую территорию. Был замечен и убит — в *глубине*. Умер и в реальном мире... вполне вероятно, что его отследили очень быстро, и посланные бандиты взяли его тепленьким прямо у машины, в шлеме и комбинезоне. Да. Скорее всего так оно и было. Не он первый, не он последний, пострадавший за виртуальные грехи от вполне реальных бритоголовых охранничков.

Но что-то ведь держит меня, дергает, тревожит...

Открываю дверь, выхожу в коридор гостиницы. Оглядываю себя. Серенькое, неприметное тело мотоциклиста годится лишь для скоростного передвижения по улицам. Сейчас мне нужно что-то другое.

Конечно, если действительно нужно.

Я стою, привалившись к выкрашенной унылой зеленой краской стене. Такой красят сортиры в дешевых многоквартирных домах. Краска в потеках, кое-где шелушится. Лампочки под потолком тусклые, пыльные. Гостиница переживает не лучшие времена, большинство предпочитает входить в виртуальность из собственных домов, а не из таких вот свинарников.

Что я делаю...

Зачем мне все это?

— Вам плохо?

Оборачиваюсь — коридорный подошел совсем неслышно. Только раньше я его все равно бы заметил...

— Нет, спасибо.

Облик коридорного стандартен — «внимательный клерк». На работе не возбраняется использовать тела собственной работы, но многие предпочитают стандартные. Особенно если работа скучная и постылая, вроде грузчика, продавца, работника гостиницы...

— Вы первый раз в *глубине?* Вам помочь?

— Спасибо. Все в порядке.

Понял. Кивает и уходит. Докучать не принято, по крайней мере служащие это понимают...

Решиться трудно. Очень трудно. И все-таки я иду по коридору, поглядывая на номера, косо прикрученные к дверям.

2008

Легонько дергаю ручку. И ничуть не удивляюсь, что номер не заперт. Свободно, можно вселяться...

А чего я хотел? Чтобы гостиница сохранила за мной комнату, которую я перестал оплачивать год назад?

Дальше...

2017

Дверь заперта.

Это еще ничего не значит, совсем ничего. Оплата была на пять лет вперед, но по ломаной кредитке. В любой момент могло открыться, что за эту комнату гостиница получает плату со своего же счета.

Номер могли отдать другому посетителю виртуальности. А могли сообщить в полицию — и тогда стоит лишь открыть дверь, чтобы влипнуть в засаду.

Я мысленно повторяю все это, а руки заняты чем-то своим. Ощупывают дверь, сдвигают заслонку замка, касаются клавиш.

Двенадцать цифр, составляющих код, — да я их уже и не помню... наяву... А пальцы — помнят. Я еще медлю мгновение, прежде чем нажать ввод.

Замок щелкает, открываясь.

Комната почти такая же, как в моем постоянном номере. Только картина на стене нарушает однообразно-дешевый уют. Это не стандартная репродукция старых мастеров, которые так любят лепить на стены в *глубине*. Не Айвазовский, не Шишкин, не Дали.

Стою на пороге, пытаясь овладеть собой. А где-то в груди стучит холодный метроном.

Засада — или все в порядке?

Полицейский участок — напротив гостиницы. Минута, две, никак не больше.

В коридоре по-прежнему тихо и пустынно. Стражей порядка нет. Ломаный вход выстоял почти два года. Надо же... Хорошо Маньяк поработал.

Надо просто войти.

И вдруг я понимаю, что не могу, не в силах этого сделать.

Войти сюда — все равно что открыть старый фотоальбом, все равно что поставить в видеомагнитофон полузабытую кас-

сету. Это — прошлое. Мертвое. Похороненное, оплаканное, забытое.

Никогда не возвращайся по своим следам. Там ждут лишь тени.

Глубина дарит эту возможность с необычайной легкостью. Надежнее и ярче фото и видео. Прошлое всегда рядом. Только пожелай — оно воскреснет.

Вот только лишь Богу позволено поднимать из могил мертвецов.

Я притворяю дверь, осторожно, бережно, будто боюсь разбудить кого-то, спящего в пустом номере. Замок разочарованно щелкает, закрываясь. До моего номера — двадцать шагов по коридору, но я не могу сделать ни шага.

Глубина-глубина... а пошла ты...

Сняв шлем, я повесил его на крючок, когда-то специально укрепленный в стене. Пробормотал:

— Машина, выход.

Так, надо переодеться... встречать гостей в виртуальном комбинезоне, больше всего напоминающем одеяние сумасшедшего профессора из голливудского фильма, — невежливо. Раздевшись до трусов, я сложил комбинезон поаккуратнее, пристроил на подоконнике рядом с компьютерным столом. Глянул — стол в гостиной был уже накрыт. Прислушался — на кухне тихо. Позвал:

— Вика?

— Я в спальне... Ты уже?

Проигнорировав нарочитое удивление в ее голосе, я зашел в спальню. Вика переодевалась.

— Застегни...

Я помог ей застегнуть молнию на платье. Вика и впрямь прихорошилась. Даже волосы уложила.

— Долго я там был? — тихонько спросил я. Зарылся лицом в ее волосы. Вика дернула плечами.

— Нет, не очень. Минут сорок.

— Извини. Мне показалось, что от силы четверть часа.

— Ничего, я тебя ждала позже.

Я продолжал стоять, держа руки на ее плечах.

Когда между нами все сломалось? Когда превратилось в прошлое — куда можно заглянуть, но нельзя вернуться?

Не знаю. Не могу понять. Не заметил — оттуда, из *глубины*...

Самое обидное, что ведь внешне ничего не изменилось. Ни при людях, ни между нами наедине. Мы не ссоримся, не бьем посуду, не ругаемся по поводу денег, семейных обязанностей, алкоголя, приезда Викиной мамы или прихода моих друзей.

Все прекрасно. Девяносто процентов семей нам могут позавидовать.

И невозможно назвать словами то, что исчезло.

— Хочешь что-то сказать? — не оборачиваясь, спросила Вика.

Я помолчал секунду:

— Я люблю тебя.

— Я тоже тебя очень люблю. Как ты думаешь, мне надеть сережки?

— Надень... — Я даже не могу понять, чего больше в этой фразе — ухода от моих пустых и ненужных слов, или ответного знака... пару сережек с желтыми топазами я подарил ей перед свадьбой.

— А пойдет к синему?

— Мне кажется, да.

— Ладно... ты надень серые джинсы и клетчатую рубашку, ту, что моя мама подарила. Тебе очень идет.

Вика выскользнула из моих ладоней легко и непринужденно. Еще секунду я обнимал воздух, потом открыл шкаф. Джинсы были совсем новые, я зубами перекусил пластиковую нитку с этикеткой.

— А ножницы еще не придумали? — укоризненно спросила Вика.

— Нет. Для лентяев ножи и ножницы всегда дальше, чем собственные зубы.

В прихожей тренькнул звонок.

— Давай быстрее, я открою. — Вика бросилась из спальни, обронив на ходу: — И носки смени, не забудь...

— И вымой уши... — прошептал я, втискиваясь в слишком тугие, не разношенные джинсы. Где эта чертова рубашка? Мне она не нравится, но не надеть ее — обидеть тещу, а значит, обидеть Вику, значит...

Любой поступок, безразлично, чем он был вызван, тянет за собой целую цепочку следствий. А вот каких, зависит совсем не от самого поступка, только от отношения к тебе.

— Андрей, спасибо... — донеслось из прихожей. Я застегнул рубашку. Воротничок жал, но, может быть, она и впрямь мне идет.

Ответная реплика Андрея Недосилова была едва слышна. Он всегда говорил негромко и мягко.

— Не заблудился? — спросила Вика. Андрей к нам приехал первый раз.

— Это я заблудился... — прошептал я. — В самом себе.

— Леня!

— Иду! — Я заправил рубашку и вышел в коридор.

Когда-то Андрей Недосилов был мне очень симпатичен. Он психолог, коллега Вики, занимается исследованиями *глубины* и всех феноменов, связанных с ней. Сейчас... сейчас даже не знаю.

— Леонид, добрый вечер. — Андрей здоровался так, будто мы с ним расстались пару часов назад, а не год назад на Московском вокзале в Питере, когда мы уезжали. В одной руке он держал укутанную в целлофан розу, в другой — бутылочку какого-то ликера.

— Не заблудился? — повторил я вопрос Вики.

— Все в порядке. У вас очень хорошо. — Он одобрительно обвел взглядом прихожую. — Чувствуется семейный уют и теплота.

Андрей — крупный, но того странного, массивного и мягкого типа людей, которых легко представить в массивном кресле или за трибуной перед притихшей аудиторией, но совершенно невозможно вообразить за штурвалом или с отбойным молотком. А еще он поразительно легко внушает доверие и уважение — первыми же словами, негромким и уверенным голосом.

— Проходи, — предложил я. — Так ты один?

— Мои ребята задерживаются. — Андрей сделал странный жест, будто собирался поправить несуществующие очки. Вот из таких маленьких деталей и складывается образ — лукавый ленинский прищур, ослепительная гагаринская улыбка, сдержанная леоновская печаль. Каждый неординарный человек придумывает — осознанно или нет — какую-нибудь метку: движением, мимикой, интонацией. И несет ее как знамя собственного обаяния.

— Как конгресс? — спросила Вика, забирая у него бутылку и цветы. — Леня, принеси вазу, ту, высокую...

— Крайне интересно. — Недосилов стал разоблачаться. Слово «раздеваться» к нему никак не подходило. — Витя Архонтов сделал любопытный доклад...

Я пошел за вазой, краем уха слушая отчет о конгрессе.

— Марк Петровский по-прежнему развивает свою тему... боюсь, ничего нового за прошедший год, хотя статистика собрана занятная...

Ваза была пыльная. Когда я последний раз дарил Вике цветы? На Восьмое марта... нет, потом еще летом... шел из магазина, старушка продавала гладиолусы, с дачи, по дешевке...

— Багрянов и Богородский поработали на славу, оценить сразу трудно, но результаты многообещающие...

Я поймал себя на том, что стою и медленно стираю пыль с горлышка вазы. Можно гордиться бутылкой вина, поросшей пылью, но уж никак не вазой для цветов...

— Плотников все в своем ключе... Многие критикуют, но я считаю перспективным это направление...

«Любопытно», «занятно», «многообещающе», «перспективно». Профессиональная этика, сдержанная и солидная...

— Виктория, а почему ты отказалась от участия в конгрессе? Тебе посылали приглашение?

— Теперь это уже не мой профиль, Андрюша... ты ведь знаешь. А как твой доклад?

— Тут не мне судить...

Они вошли в гостиную, а я бросил заниматься ерундой и двинулся с вазой в ванную.

— Какая тема?

Вика могла спрашивать сколь угодно непринужденно. Я все равно чувствовал ее тон, ее жадный интерес. Наверное, и Андрея ей не обмануть.

— «Неомифология на примере легенды о дайверах в субкультуре виртуального пространства». Феномен уже исследовался, но, к сожалению, слишком некритично...

Я запнулся, но все же вышел из комнаты. Рванул дверь ванной. Пустил воду, сунул вазу под струю. Хрусталь звякнул, налетев на чугунный край ванны, но устоял.

Легенды о дайверах, значит?

Выплеснув мутную воду, я заново наполнил вазу и рванулся в комнату. Слишком поспешно, наверное, но Андрею и Вике было не до меня.

— Теперь точка поставлена?

— На данный момент — да. — Недосилов уже расположился на диване. Ерзал, устраиваясь поудобнее. С людьми он сживался моментально, а вот с пространством — нет. Есть люди, которые могут, войдя в чужой дом, сразу стать его частью, — будь то сверкающая и богатая квартира, или захламленная комната в коммуналке. Андрей к их числу не относился, наверное, только в своем доме он был адекватен среде. — Я собрал весь существующий материал о так называемых дайверах...

Сорвав целлофан, я сунул розу в воду. Вика тревожно глянула на меня, взяла вазу. Мгновенно изменилась в лице:

— Леня, ты что? Тут же кипяток...

Она метнулась в коридор, на ходу выдергивая несчастный цветок.

Я сел рядом с Андреем. Молча откупорил бутылку водки. Вопросительно глянул на гостя.

— Если позволишь... — Недосилов открыл предусмотрительно принесенный ликер, что-то ирландское, сливочное. Налил мутной белой жидкости в рюмку. — Виктория, что будешь пить?

— Поскольку у нас лишь водка, — сказала Вика, входя, — то ликер...

Черт. Забыл, что она просила взять вина или пива...

— Вика, в магазине ничего приличного не было... — пробормотал я.

— Да ничего страшного, — ставя розу посреди стола, отмахнулась Вика. — Андрей же догадался...

— За ваш дом, — положив себе ложку салата, сказал Недосилов. — Наконец удалось к вам выбраться...

Мы сдвинули рюмки. Проглотив тепловатую, но не слишком противную водку, я попытался представить следующие тосты.

За хозяйку. За хозяина. За гостя и его успешную научную работу. За страну и народ... нет, вначале за здоровье присутствующих, потом — за страну и народ. Потом за наш ответный визит.

Впрочем, я переоцениваю Андрея — он даже слабенького ликера выпьет не больше трех-четырех рюмок за вечер. Так что страна и народ могут быть свободны, до них очередь не дойдет.

— А как ваша работа? — закусывая ликер салатом оливье, спросил Недосилов.

Вопрос, похоже, в равной степени относился к нам обоим.

Мы с Викой переглянулись.

— Нормально, — ответила Вика. — Развитие пространственного и образного мышления у младших школьников... я ведь тебе писала. Использование *глубины* как корректирующей методики при нарушениях восприятия...

— Скоро докторская? — по-деловому осведомился Андрей.

— Ага, — легко ответила Вика.

— Позови на защиту, обязательно! И давай напишу хороший отзыв.

— А если тебе не понравится? — спросила Вика.

— Как мне может не понравиться твоя работа? — удивился Недосилов. — Я ведь знаю твой уровень! Леонид, а как у тебя дела?

— Работаю в крупной фирме Диптауна, — сказал я. — Специалист по транспортным операциям.

Андрей кивнул.

— Грузчик, — уточнил я.

Недосилов улыбнулся. Похоже, счел, что это сленг.

— Андрей, так расскажи, что там с дайверами? — спросил я. — Существуют они или нет?

Психолог наконец-то устроился удобно, обжился на диване. Вздохнул:

— Понимаешь, Леонид, исходя из картины мира, как совокупности базовых представлений общества и сопутствующих субкультур множества социальных микросред, существует абсолютно все. Реальность Кащея Бессмертного или Бабы-Яги тоже нельзя подвергать сомнению — если рассматривать эти фигуры в контексте конкретной исторической и культурной обстановки. Что такое на самом деле мифология? Внесение в мир недостающих компонентов, оживших в человеческом сознании, но не имеющихся в материальной реальности. Согласен?

— Да, пожалуй.

Вика глянула на часы, встала, вышла на кухню, предупредив:

— Скоро будет горячее...

— Так вот, — Андрей, похоже, повторял какие-то фрагменты своего сегодняшнего доклада, — для создания полноценного, живого — именно живого — мифа необходимы следующие обстоятельства. Первое: общество, или его организованная и устойчивая часть, должно нуждаться в данном мифе. Суще-

ствовал ли этот фактор в начальном этапе созидания виртуальности? Конечно, в связи с несовершенством программного и технического оборудования. Многочисленные инциденты требовали мифа о спасителях-дайверах, которые найдут, помогут, защитят... Теперь второе! Должны наблюдаться те или иные реальные проявления действия мифологических персонажей. Зевс был реален для древних греков именно потому, что каждый видел молнии.

— Значит, и дайверов видели?

Недосилов погрозил мне пальцем.

— Не дайверов! Наблюдались события, которые можно было приписать дайверам. А именно в ситуации, когда обычный человек не мог самостоятельно выйти из виртуальности, некоторые выходили. Как это могло быть воспринято? Только как существование особых людей, полностью контролирующих свое сознание и не теряющих контакта с реальностью!

— А как ты объясняешь эти случаи?

Андрей тихо засмеялся.

— Леонид... ну все ведь так просто! Я понимаю, ты регулярно бываешь в виртуальном мире, в этом самом Диптауне... ты свыкся с его сленгом, культурой, мифами... Но попробуй отрешиться и представить ситуацию здраво, с точки зрения нормального, здравомыслящего человека!

— Трудно, но попробую... — Я налил себе еще водки. С кухни доносился какой-то шум, я быстро выпил и поставил рюмку на место. Андрей деликатно сделал вид, что ничего не заметил.

А может быть, и впрямь не заметил...

— Вначале я пошел по ложному пути, — самокритично сказал Недосилов. — Я решил, что несколько догадливых молодых людей нарисовали на своих виртуальных одеждах специальные кнопки — кнопки выхода. Когда они нажимали их в виртуальности, то в реальном мире отдавали компьютеру команду на выход.

— Не пойдет, — сказал я. — Понимаешь, ты можешь нарисовать себе тысячу кнопок. На всех частях тела. Но сознание под действием дип-программы не поверит в их реальность. Это ведь очень сладкая иллюзия, *глубина*. Слаще героина. Ты будешь жать на кнопку «выход», но не наберешь никакой команды наяву. И знаешь почему? Сделать это — признать нереаль-

ность *глубины*. Крыса, которой вживили в центр удовольствия электроды, не станет перекусывать провода. Она предпочтет давить на педаль и умереть от истощения. Люди ничем не лучше крыс.

— Согласен-согласен! — Андрей поднял руки. — Леонид, я ведь консультировался с великолепными специалистами по виртуальному миру. С теми, кто бывает там по несколько часов каждый день!

Я проглотил смешок. Конечно, когда тебе хвастаются, что знакомы с людьми, способными выпить стакан водки, хочется сказать, что можешь осилить пару бутылок. Но... как-то стыдно.

Сколько лет я прожил, выходя из *глубины* на несколько часов в день?

— Ошибочный результат не менее ценен, чем верный, — наставительно произнес Недосилов. — Я стал исследовать вопрос глубже. Если не может дать ответа фактор технический, то все дело в факторе человеческом...

— Ну да, — оживился я. — Естественно. Феномен дайверов и был именно человеческим. Они чувствовали грань между фантазией и реальностью...

Недосилов печально покачал головой:

— Вот сейчас ты излагаешь миф. Слепо доверяешься легенде. А почему, знаешь? Ты веришь в миф о героях-одиночках!

— Не понимаю, — честно признался я.

— Дайверы работали в паре, — со смешком сказал Андрей.

— Иногда — да, — сказал я. Вспомнил Ромку, поморщился, потянулся к бутылке. — Но в общем-то они страшные индивидуалисты, и...

— Миф! — торжествующе произнес Недосилов. — Миф! Дайверы, так называемые дайверы, делали ставку именно на человеческую тягу к индивидуализму. Но сами они всегда работали в паре. Один пребывал в виртуальном пространстве. — Он сделал паузу. — А вот второй сидел рядом, наблюдал за происходящим на мониторе и в случае необходимости отдавал команду на выход!

— Но... — Я замолчал, пытаясь представить себе подобную схему.

— Понимаешь? — Недосилов, казалось, хотел покровительственно похлопать меня по плечу. Но его дистанция комфортности была даже больше, чем у японцев, он и руку всегда жал

торопливо и вполсилы. — Весь секрет дайверов — работа в паре!

— Андрей, ты понимаешь, их работа была не из той... — Я замолчал. Не тот аргумент. Ну как ему объяснить, черт возьми... — Андрей, ну ты ведь был в *глубине?*

— Нет, конечно, — с ноткой удивления отозвался Недосилов. — Я исследователь, Леонид. Ученый, а не подопытный.

Проглотив «подопытного», я продолжил:

— Ну тогда поверь мне, работа по описанному тобой методу не даст абсолютно ничего. Картинка на экране компьютера имеет мало общего с тем, что ты видишь и ощущаешь, находясь *там.* Никакой самый внимательный и умный партнер не способен понять, когда тебе на самом деле необходимо выйти из *глубины.*

— Тебе лишь так кажется, Леонид. — Андрей мягко улыбнулся. — А я говорил со специалистами. Они убеждены, что все происходило именно так. Более того! Эксперименты подтвердили, что схема действует!

— В отдельных случаях — возможно. — Я не пытался спорить с его правдой. Моя правда была диаметрально противоположна его, но это еще ничего не значило. — Но не во всех, уверяю тебя! Да и нельзя сравнивать нынешнюю *глубину* и ту, что была раньше! Два года назад большинство людей находились в Диптауне по телефонному соединению, через модемы. Скорость передачи данных была очень низкой, проработка мира на дисплее — минимальной. Зачем были нужны все эти компании, «Дип-проводник», например, как ты думаешь?

— Для удобства виртуального перемещения, — спокойно ответил Андрей.

— Да нет же! Просто, пока ты ехал в такси по виртуальному миру, машина торопливо загружала данные о той точке, куда ты должен приехать. Сейчас это тоже происходит, но куда быстрее. А раньше по Диптауну путешествовали неспешно, и чем хуже у тебя была машина и телефонная линия, тем дольше приходилось ехать из одной точки в другую...

— Очень интересно, — кивнул Недосилов. — Я учту, спасибо. Но в целом ты не прав.

— Почему?

— Да потому, что ты находишься в плену мифа, Леонид! Ты слишком романтичен, пусть тебя не обидят мои слова. Это

даже хорошо — романтика! Конечно, дайверы существовали. Как миф. Как элемент среды обитания. Как символ. А в какой-то мере даже физически — как хорошо сработавшиеся группы хакеров. Но не более того. Разберем, к примеру, самые известные легенды о дайверах. Те, что были сложены в конце начального периода освоения виртуальности, в золотую эру виртуального мифотворчества. Легенда о мосте из конского волоса и волшебном яблоке «Аль-Кабара», легенда о Неудачнике, легенда о «Лабиринте Смерти»...

— Легенды? — тупо спросил я.

— Мальчики!

Мы посмотрели на Вику.

— Не ссорьтесь, а? — Вика поставила перед нами тарелки. — Лучше поешьте перед следующей рюмкой. А ты, Леня, налей мне водки.

— Ты ведь хотела пить ликер, — буркнул я.

— Я передумала.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

Она все слышала. Или почти все. И понимает, что я сейчас испытываю.

Это — мы понимаем.

Несмотря ни на что.

— Спасибо, Вика, — сказал я. — Не хочется пить водку в одиночестве.

Мы даже успели выпить, перед тем как в дверь раздался звонок.

Где-то часов в одиннадцать я стоял на балконе с Васей и Володей, молодыми аспирантами Недосилова. В руке у меня была полная рюмка, в голове — шум, в душе — пустота.

— Итак, что мы имеем в результате? — доносился из гостиной голос Недосилова. — Как мы убедились, неквалифицированные программисты развлекательного центра «Лабиринт Смерти» допустили падение сервера. Признавать ошибку — значит получить взыскание. И тогда рождается версия, что всему виной был дайвер. Если разобрать остальные мифы, то мы обнаружим, что в основе каждого лежит некомпетентность, непрофессионализм, самомнение. В средние века проще было признать причиной эпидемии злое колдовство ведьм, чем потоки фекалий, струящиеся

по улицам городов. В наши дни козлом отпущения стали несуществующие дайверы...

Я глубоко затянулся сигаретой, которую стрельнул у Володи. Курю я редко, но сейчас хотелось.

Ребята рядом жадно внимали голосу шефа. Правильно делаете, скоро станете кандидатами наук. Ниспровергнете все мифы, выправите кривду, подведете прочный базис под шаткую надстройку.

— А почему именно дайверы, а не хакеры? — спросила Вика. Она уже с полчаса сидела с рюмкой перед Недосиловым, слушая вдохновенный рассказ коллеги.

Интересно, Андрей не понимает, что его самого сейчас изучают?

— Хакерами мнят себя все, или почти все программисты, — моментально объяснил Недосилов. — Признать вину хакеров — все равно что расписаться в собственной некомпетентности. Другое дело — дайверы. Сверхсила, люди с особыми способностями. Им проиграть не стыдно... Виктория, ты ведь и сама занималась изучением дайверов?

— Мне это наскучило, Андрей.

— Зря, зря... Крайне любопытно.

— Но их ведь нет, Андрей.

Ирония в голосе была так глубоко, что я с трудом ее заметил.

— Реальность предмета исследований не важна, Вика! Исследование самоценно само по себе!

Я посмотрел на глубокомысленное лицо Василия. Кивнул ему, поднял рюмку:

— За важность несуществующего.

Мы чокнулись.

— Нам уже пора. — Володя посмотрел на товарища: — Скажи Андрею Петровичу... скоро поезд.

— Сам скажи, — огрызнулся Василий.

— Андрей! — обернувшись, крикнул я. — На поезд не опоздаете? Тут ребята волнуются!

Наступила неловкая пауза.

— Действительно... — сквозь тюль я видел, как Андрей неохотно отрывается от дивана. — Виктория, тебе надо приехать в Питер, попробуем освежить твои старые наработки. Обещаешь?

— Попробую. — Вика встала.

Собрались они быстро — и Недосилов, и его аспиранты. Вот что ценю в людях — это умение быстро прощаться.

— Леонид, рад буду вас видеть! — Андрей даже руку мне пожал необычайно крепко, видимо, и впрямь ему понравился вечер. Еще бы, после блистательного выступления на конгрессе — повторное выступление, перед когда-то известной, а ныне погрязшей в быту коллегой и ее наивным мужем...

— Взаимно, — ответил я.

Дверь за ними я запирал очень тщательно. Видимо, перебрал.

— Леня...

Я посмотрел на Вику. Она стояла, прислонившись к стене, как-то обмякнув и словно даже постарев.

— Меня нет, — ответил я. — Вика, нам же доказали? Меня нет и никогда не было. Я — легенда. Миф. Несколько абзацев в чужой диссертации.

Она молчала.

— Я не шел в «Аль-Кабар». Я не вытаскивал Неудачника из «Лабиринта». Я не прятался в публичном доме, ведь его хозяйка тоже не существовала в природе. Я лишь воплощение чужой некомпетентности. Человек, никогда не входивший в *глубину*, доказал это.

— Леонид, пойми, он очень талантливый ученый...

— Вижу.

— Он просто очень увлекается. Если принял какой-то тезис за истину, то никогда от него не отступит. Найдет опровержение всему, что не укладывается в теорию и доказательства самым сомнительным фактам.

— Прекрасный ученый...

— В одном он прав. — Вика посмотрела мне в глаза. — Дайверов нет. Теперь нет. И это надо признать.

Я мог бы сказать, что давным-давно это понял и признал. Но предпочел промолчать.

— Давай уберем завтра? — тихо сказала Вика.

— Давай.

— Пойдем спать?

— Не хочу... правда, не хочу.

— Сова... — негромко, с легкой-легкой насмешливостью произнесла Вика. И на миг мне захотелось наплевать на все.

Лечь спать. А завтра, рано утром, начать обзванивать знакомых — в поисках нормальной работы.

— Я не сова, — сказал я. — Не сова и не жаворонок. Таких зверей и не сыскать, как я сплю.

— Спокойной ночи, Леонид. — Вика повернулась и пошла в ванную.

— Спокойной ночи, — пробормотал я. Два года назад сама мысль, что я могу сесть за машину, когда Вика ложится спать, показалась бы мне чудовищной.

Как все меняется.

Когда дверь ванной закрылась и зашумела вода, я торопливо пошел в гостиную. Меня слегка вело — все-таки я выпил слишком много. На ходу я стянул рубашку и джинсы, бросил на диван. Ухватил со стола кусочек сыра, запил глотком апельсинового сока.

Комбинезон оказался влажным, давно пора хорошенько просушить... Я подключился к компьютеру, посмотрел, как оживает экран.

Меня нет. Никого из нас больше нет. Так?

Бешенство, холодное и яркое, начало закипать в душе.

Под ногами — желтый песок. Жарко, очень жарко, порывы ветра заставляют щуриться. Впереди — пропасть метров сто шириной, за ней — восточный город. Минареты, купола, все в оранжево-желто-зеленых тонах.

Ничего этого не было? Точно?

Крутой обрыв, схваченный цепким покровом низкого кустарника. Очень сильный ветер, я щурюсь. Небо затянуто тучами. Река не то чтобы горная, но порожистая и быстрая. Вдали вьется стая каких-то крупных птиц — не знаю, каких именно, они никогда не подлетают близко.

Да не было этого! Не было!

Голубое пламя сверкает в траве, не сжигая и не отбрасывая теней. Звезда упала в ложбину между двумя холмами. Чуть дальше — нагромождение скал, совершенно неуместное здесь, словно вырванное из другого мира.

Это все придумано. Неопытными пользователями и бесталанными программистами, уронившими свой сервер. Новая мифология. А были и есть лишь пыльные экраны мониторов, перегретые от натуги компьютеры, остекленевшие глаза и застывшие лица людей, воткнувшие штекер своего виртуального комбинезона в дип-порт машины...

Пальцы коснулись клавиатуры. Я почувствовал, что до боли закусил губу. Сейчас Вика выйдет из душа и обнаружит меня на привычном месте — за компьютером, со скребущими по клавишам пальцами, со скрытыми шлемом глазами — глазами, привыкшими смотреть в никуда, в поток безразличных импульсов, струящихся по сети. Она посмотрит на меня, может быть, подойдет и поправит спутавшийся кабель, может быть, прикроет плотнее балконную дверь, чтобы не слишком дуло.

И уйдет, чтобы заснуть в одиночестве. Ее ноутбук, стоящий на тумбочке у постели, зря будет ждать хозяйку.

deep

— Таких зверей и не сыскать... — сказал я кому-то. Может быть, Недосилову, который, ерзая в такси, все объясняет что-то водителю, своим внимательным аспирантам, холодной ночи вокруг...

Ввод.

Радуга, свернувшаяся кольцом, закусившая свой хвост.

Глубина.

100

Захлопываю за собой дверь номера, оказываюсь в коридоре. Как всегда в *глубине* опьянение отступает. Остается лишь порывистость движений и стремление что-то делать.

Меня нет?

Посмотрим.

Иду к номеру 2017. Оглядываюсь — коридор пуст. Прекрасно, хоть и нет ничего странного в человеке, вышедшем из одного номера и направившемся в другой.

Набираю код, дверь распахивается.

То, что несколько часов назад не давалось, происходит само собой. Я переступаю порог, захлопываю за собой дверь.

Тишина.

Не такая, как в обычном, обжитом гостиничном номере. Тишина кладбищенского склепа, заброшенного ангара, сырого оврага. Может быть, я придумал ее сам, эту тишину, но теперь она стала реальностью.

Стараясь не смотреть на картину, висящую на стене, подхожу к гардеробу. Здесь нет никакого замка — если уж вскроют наружную дверь, то эта никого не удержит.

Надеюсь, там, в настоящем мире, Вика не смотрит на монитор...

Открываю дверцы — они тихо, печально скрипят. Говорю:

— Привет...

Смятые, будто резиновые куклы, из которых выпустили воздух, в пахнущем пылью и нафталином нутре шкафа висят человеческие тела.

Протягиваю руку, касаюсь ладони одного из обитателей шкафа. Худощавый высокий мужчина, смуглый, глаза оттенка выцветшего неба, две кобуры на поясе.

— Здравствуй, Стрелок...

Он молчит. Он ничто без меня.

Они все — ничто без меня.

Бородач в странных одеждах...

— Здравствуй, Элениум...

Пожилой, очень благообразный джентльмен...

— Здравствуй, Дон...

Рыжеволосая, пышнотелая девушка...

— Здравствуй, Луиза...

Неприметный мужчина средних лет...

— Здравствуй, Скользящий...

Дряхлый старичок...

— Здравствуй, Протей...

Молодой, симпатичный парень...

— Здравствуй, Ромео...

Патроны в барабане. Смятые карнавальные маски. Старые ружья в арсенале.

Или — хуже?

Экспонаты музея?

Протягиваю руку, снимаю с вешалки старичка. Заглядываю в глаза — пустые, блеклые, подернутые белесой мутью...

И подхватываю падающее тело — никчемное тело мотоциклиста, очень удобное для поездок по Диптауну. Даже не вешаю в гардероб — отпихиваю в угол, к кровати.

Подхожу к зеркалу, разглядываю свое обличье. Касаюсь лица ладонями, разглаживаю морщины, оттягиваю вверх уголки губ, распрямляю нос... Тянусь вверх, расправляю плечи...

Я уже не старик. Человек средних лет, человек как человек, даже с умными мудрыми глазами.

И все-таки это не то, что мне нужно.

Ощущение такое, будто я изъеден молью и припорошен пылью. Два года... они не прошли бесследно.

Можно влезть в сексапильную матерщинницу Луизу. Можно натянуть жесткую шкуру Стрелка. Можно даже втиснуться в Скользящего, как бы я ни ненавидел этот облик.

Все не то.

Они слишком долго меня ждали, преданные как собаки, бессловесные и готовые услужить. Они устали — старые маски дайвера Леонида.

Но мне нужна от них одна-единственная служба. Короткая, последняя...

Лезу в карман ветхого пиджака. Достаю пейджер. Надо же... работает. На нем сотня записок, но самая свежая датирована весной этого года. Сбрасываю, не читая.

В отличие от реального мира в *глубине* пейджер — двустороннее средство связи. Вывожу на экранчик лист контактов. Длинный-предлинный лист...

Огонек рядом с именем МАНЬЯК тлеет фиолетовым. Маньяк в сети, но очень-очень занят.

Чем черт не шутит...

Включаю передачу.

— Шурка, привет...

Представляться не надо — он и так увидит, от кого пришло сообщение.

— «Три поросенка», этой ночью... Буду ждать тебя восемь часов начиная с момента сообщения. Постарайся прийти.

Несколько секунд смотрю на экранчик — словно ожидаю немедленного ответа. Потом прячу пейджер в карман.

Пожалуй, это все, что мне нужно от прошлого.

— Стрелок, ты уж извини, — говорю я, доставая из его кобуры револьвер. — И вы все... извините...

Я отхожу на несколько шагов, прежде чем открыть огонь.

Шесть тел в шкафу — шесть зарядов в револьвере. Я гляжу, как вспыхивает, исчезая, тело проказницы Луизы, рассыпается пеплом романтик Ромео, сгнивает непредсказуемый Скользящий, превращается в пар вежливый Дон, облачком искр разлетается мудрый Элениум. Стрелок — последний. Я закусываю губу, прежде чем нажать на спуск.

Тело Стрелка дергается, как гальванизированное. И продолжает висеть.

Ну конечно же... от собственного оружия он защищен. Надо было взять стилет у Скользящего или щепотку отравы у Элсниума. Но теперь уже поздно.

А Протей, в чьем теле я нахожусь, убивает голыми руками. Со Стрелком этого я не смогу сделать.

Даже с собственным прошлым трудно расправляться без посторонней помощи.

Я колеблюсь секунду, потом снимаю тело Стрелка, подхватываю никчемного мотоциклиста, тащу их по коридору в свой нынешний номер. Когда отпираю дверь, на мгновение замечаю движение у лестницы. Замираю, вглядываясь в полумрак коридора.

Наверное, показалось.

Закидываю оба тела на кровать. Мотоциклист и Стрелок лежат лицом к лицу, ревниво вглядываясь друг в друга.

Все?

Да нет, пожалуй.

Выхожу, запирая дверь. Делаю несколько шагов, замираю, быстро оглядываюсь. Коридор пуст.

Показалось.

Возвращаюсь в номер 2017. Снимаю со стены картину... замираю на миг, глядя в нарисованный пейзаж.

В нем нет ничего особенного. Просто горы — неестественно высокие, но почему-то не вызывающие ощущения нереальности. На склоне, у обрыва, маленькая горная хижина. В высоком небе — редкие белые облака. Вот и все.

С картиной в руках я выхожу в коридор.

И в меня стреляют — в упор.

Звук выстрела глухой, не похожий на оглушительный грохот полицейских винчестеров, и уже это радует. А вот вспышка ослепляет. Я падаю навзничь, чувствуя тупую боль в груди. Перед глазами плывут цветные круги, тело вялое и непослушное.

Темная фигура склоняется надо мной, перед самым лицом тускло отсвечивает ствол пистолета с навернутым глушителем.

Давно меня не убивали. Пожалуй, с тех самых пор, как я окончательно умер...

— Это предупреждение. — Голос глухой, искусственный. — Ты понял?

Протей молчит, Протей оглушен, Протей ничего не в силах сделать...

— Ты слышишь меня? Эй...

Когда рука незнакомца касается моего плеча, я начинаю изменяться.

Когти вспарывают чужое тело, мощная лапа одним ударом выбивает пистолет. Через мгновение я уже стою — на всех четырех лапах, скаля пасть. Снежный барс — зверь не очень крупный, но дело не в размере.

Вот только я по-прежнему ничего не вижу! Цветные разводы, словно пытаешься запустить дип-программу на древнем компьютере со старой видеокартой. Дерганые, ломаные движения, едва различимый силуэт...

— Повторяю — это только предупреждение.

Ни малейшей паники в голосе. И это очень плохо.

Глубина-глубина, я не твой...

Я даже не снял шлем. И так понятно, что произошло. Экраны шлема заполнены расплывчатой, мутной, грубой картинкой. Шестнадцать цветов не в силах передать многокрасочный мир Диптауна адекватно. Находясь в *глубине,* я видел куда лучше, чем сейчас, — подсознание отчаянно отфильтровывало помехи, додумывало изображение.

deep

Ввод.

— Кто ты? — не то кричу, не то рычу я.

Карикатурная фигура разводит руками:

— Ты все понял?

— Нет!

— Думай...

Выстрел.

Беззвучный. Звуки умерли. Насовсем. Теперь я не только полуослепший, я еще и оглохший...

Тело Протея реагирует само собой — вспышкой огня. Барс исчезает, превращается в огненный вихрь. Теперь само мое прикосновение — смерть.

Вот только я не знаю, к кому прикасаться. Ничего не вижу, ничего не слышу... рвусь по коридору, раскидывая руки...

Кто бы ни стрелял в меня — он уже ушел.

Выполнив то, что хотел сделать, — ушел.

Я остаюсь посреди коридора — сотканная из огня, могучая и абсолютно беспомощная фигура.

Глубина-глубина, я не твой...

На экране теперь была полная неразбериха. Что-то малиново-желто-алое. А еще — в наушниках полная тишина.

Хорошо меня свалили. Качественно. Вначале выбили зрение. Когда не понял — выбили еще и слух.

Я дотянулся до системного блока и нажал «ресет». Машина недовольно пискнула, уходя в перезагрузку.

Поставив шлем на край стола, я повернулся, поглядел на часы.

Только половина первого. За дверью спальни — темнота, значит, Вика уже спит.

Экран выкинул положенные строчки БИОСа, голубой фон с облачками, потом — рабочий стол. Секунду я думал.

Потом достал с самого низа стойки DVD-диск. Вставил в дисковод. И снова перегрузил компьютер.

Вначале все как обычно.

Только на голубом небе нет облаков.

А иконки на рабочем столе — прозрачные, едва заметные. Иначе они закрывали бы лицо.

— Здравствуй, Вика, — сказал я.

— Доброго времени суток, Леонид. — Лицо на экране нахмурилось. Нарисованной Вике доступно немного эмоций. Радость, грусть, любопытство, сомнение. Все чисто и просто, все не так, как в жизни. — Значительные изменения аппаратной базы с момента последнего включения. Начинать адаптацию?

— Да, — подтвердил я.

Честно говоря, и не знаю, может ли Вика — мой индивидуальный пользовательский интерфейс — встроиться в «Виндоус-Хоум» новой версии. На бета-версии я ее пробовал, но это было почти год назад.

Вика на экране терпеливо ждала.

Я встал, отключил разъемы, прошел в ванную. Сунул голову под холодную воду. Опьянения уже не было, лишь ныло в животе и пересохло во рту.

Кто меня подкараулил? И главное — зачем? Безобидный обитатель Диптауна, грузчик в компании «HLD»...

Да кому я нужен?

Значит, нужен не я... нужен дайвер Леонид...

Тоже чушь.

Дайверов больше нет... доказано...

И вдруг я поймал себя на том, что улыбаюсь. Не важно, от кого получаешь подтверждение собственной ценности — от друзей или от врагов. Главное, что оно есть.

Так, наверное, может улыбаться списанный в запас по болезни солдат, получая повестку. Радоваться-то вроде бы нечему... ничего хорошего клочок бумаги не предвещает...

И все-таки!

— Я не мертв, — прошептал я отражению в зеркале. — Черт возьми... а я ведь не мертв...

Отражение шевельнуло губами, беззвучно повторяя слова.

Как завороженный я провел ладонью по холодному стеклу. Дурацкая улыбка на все лицо... пускай. Я взял старенький бритвенный станок, выдул в ладонь пены из баллончика, начал бриться. Медленно, аккуратно. Плеснул на лицо одеколоном. Постоял еще, стараясь придать лицу серьезность. Нет, ну чему я радуюсь? Тому, что меня отделали, как щенка?

— Кому же я наступил на хвост? — спросил я отражение. — А? Как думаешь?

...В холодильнике нашлись кола и сок. Я выпил сока, сушить рот ортофосфорной кислотой, добавляемой в напиток умными производителями, было совсем не с руки. Так... времени без четверти час. Или Вика подгрузила все свои файлы, или машина повисла.

Компьютер работал. Вика на экране улыбалась.

— Статус? — подключая разъемы, спросил я.

— Система стабильна. Ресурсы достаточны.

— Вход в сеть. Режим обычный. Личность номер три — «Протей».

— Выполнено, — с секундной заминкой. Оптоволоконная линия — это не гнилой телефонный кабель...

Я надел шлем. Откинулся в кресле.

Черт возьми... все как прежде...

Почти как прежде.

deep

Ввод.

* * *

Мотоциклист и Стрелок по-прежнему скучают на кровати. Я встаю с кресла, гляжусь в зеркало. Ага, Протей сохранил те изменения, что я внес. Мужчина средних лет с мудрыми глазами...

Подойдя к двери на цыпочках, словно это что-то меняет, я рывком распахиваю ее и прыгаю в коридор.

Предосторожности смешны и излишни. Там никого нет. Только валяется на полу пробитая пулей картина.

Поднимаю, смотрю на холст. Пуля прошла как раз сквозь нарисованную хижину. Вместо нее теперь — пятно размазанной краски, разложенной на шестнадцать оттенков.

Хижины больше нет.

Я отношу картину в номер, кладу на неподвижные тела. Выхожу, запираю дверь, спускаюсь. Можно взять напрокат мотоцикл или автомобиль, стоянка рядом с гостиницей, но лучше довериться «Дип-проводнику».

Поднимаю руку — из-за угла немедленно выныривает крошечная желтая машинка. За рулем — похожий на панка парень, один из базовых типов программ-водителей.

— Ресторан «Три поросенка», — говорю я, садясь.

— Поездка займет три минуты. — Водитель отвечает с легким акцентом, напоминающим прибалтийский.

Машина трогается, и в этот миг у меня пищит пейджер. Нажимаю кнопку приема, уже догадываясь, кто отозвался.

— Хай... — глухо говорит Маньяк. — Я буду, жди.

Лаконично.

Показалось мне или нет, что в его голосе акцент не меньше, чем у водителя? Наверное, показалось. Всего-то год прошел.

Маньяк уехал в Штаты как-то очень вдруг. Многие ребята уехали... но обычно об их намерениях знаешь задолго. А Шурка оказался самым выдержанным — сказал, лишь когда у него был на руках билет в Сиэтл. Наверное, в советские времена так уезжали в Израиль евреи — скрывая до последнего.

А самое смешное, что я мог бы еще год этого и не знать. Как раз тогда мы с Викой переехали в Москву, и видеться мы все равно смогли бы лишь в *глубине*.

Впрочем, нет, не смогли бы. Ночью, когда я гуляю по виртуальности, у них день, и Маньяк работает. Виртуальность убирает расстояние, но никак не время.

Машина скользит по каким-то унылым переулкам, разок мелькают вдали башни «Майкрософта», потом мы выскакиваем на проспект и через несколько секунд притормаживаем возле ресторанчика.

Расплачиваюсь, выхожу. Стою секунду, глядя на здание. Вокруг многое изменилось — часть зданий снесли, другие перестроили. А ресторан остался неизменным. Эклектичное строение — на треть из камня, на треть из дерева, а треть — просто циновки.

Я понимаю, что самым умным был поросенок, строивший свой дом из камня. Я готов ему поаплодировать. Вот только самым хитрым, пожалуй, оказался младший, который обошелся соломенными циновками. К зиме-то он все равно перебрался под крепкую черепичную крышу, зато и лето провел в свое удовольствие.

Ухмыляясь, иду к двери в соломенной части ресторана.

Интересно лишь, что было после того, как мудрый старший поросенок приютил разгильдяев-братцев? Хозяйство у него было справное... пара батраков за кров и харчи никак не помешали бы...

Только у двери, уже протягивая руку, чтобы раздвинуть бамбуковую занавесь, я осознаю, что происходит.

Протей улыбается.

Я улыбаюсь.

С этой улыбкой на лице, ехидной, но все-таки улыбкой, я и вхожу в азиатский зал ресторана.

Шумно.

Я не был в «Поросятах» год. За это время, оставшись таким же снаружи, ресторан стал значительно больше внутри. В восточном зале появился бассейн, из крошечного каменистого островка в его центре тянется к потолку цветущая сакура. Столики вокруг частью старые, но добавились и новые. Официантов куда больше, и готов поклясться, что все они — живые люди, а не сервисные программы.

Попроситься, может быть, на работу? Хозяин наверняка возьмет, по старой памяти. Все не рояли таскать. Хорошая работа, с людьми опять же...

Подскакивает улыбающийся паренек в белом костюме. Лицо у него скорее корейского типа, чем японского или китайского, но проработано великолепно.

— Я один, буду ждать друга, — сообщаю я.

— Прошу вас...

Официант провожает меня к крутящемуся столику в углу, ловко убирает куда-то два лишних стула, ждет, пока я сяду, выкладывает на стол меню.

— Рисовый салат, темпура, саке, — не заглядывая в меню, говорю я. Сегодня не четверг, но будем считать, что у меня — личный рыбный день...

На лице официанта — сомнение.

— Если вы предпочитаете японскую кухню, я бы предложил вам пересесть...

Понятно, сам столик неправильный, скорее подходящий для китайского ресторана.

— Не беда, — отмахиваюсь я. — Мой друг скорее всего выберет китайские блюда. И пожалуйста, не перегрейте саке, я люблю чуть-чуть теплое.

Вежливый поклон, и официант убегает.

Какими гурманами мы становимся в *глубине!*

В реальном мире уминаем разваренные макароны и подгорелые котлеты из полуфабрикатов. А в виртуальности — то саке слишком горячее, то бифштекс пережарен...

Ну как здесь не получить дип-психоза...

Маньяка пока нет, уверен. Появится — сразу найдет меня, Протей — тело его работы, и наверняка имеет известные лишь ему метки.

Самое время посидеть и подумать.

Что я имею? Помимо пары устаревших дайверских тел, нескольких боевых программ, которые с натяжкой можно назвать эффективными, и растерянных контактов?

Нет... стоп. Не стоит перебирать арсенал, вначале надо понять, хочу ли я взять в руки ружье.

Что я имею? Рассказ Ежика, который меня чем-то неожиданно зацепил, и незнакомца, атаковавшего меня, едва я полез за всяким дайверским хламом...

Опять не то.

Зачем мне все это нужно — вот ведь в чем вопрос.

Пропустить мимо ушей услышанное в «Царь-рыбе» и принять к сведению предупреждение незнакомца. Вот и все. И никаких проблем.

Давно пора бросить никчемную работу в «HLD», заняться чем-нибудь полезным и выгодным. Ведь есть же какие-то навыки, умения. Дизайнеры и художники в *глубине* нужны, особенно сейчас, когда она растет так стремительно, уже совершенно не реагируя на кризисы и беды реального мира.

Вот только...

Таскать нарисованные тяжести — это ответная насмешка над судьбой. Пользоваться ненужными более нигде дайверскими способностями таким образом... все равно как безработному музыканту играть на гитаре в переходе. Напоказ, демонстративно. Словно дожидаясь чего-то... удачи, признания, освещенной сцены над темным провалом зрительного зала... Как там пел гитарист? «Он делал то, чего не мог не делать, Раб и Бог цветного мела»...

А вот если музыкант достанет из шкафа пожелтевший диплом кулинарного техникума, наймется на работу в столовую по соседству с домом — он проиграл. Раз и навсегда. Он будет уважаемым человеком, а не никчемным нищим. Он будет сыт и более или менее обеспечен.

Вот только гитару в руки брать перестанет. Совсем. Даже по вечерам, когда придут друзья... уже не нищие музыканты, а нормальные, обычные люди.

Не хочу.

Я ждал этого мига два года. Ну... полтора. С тех пор как дайверы стали не нужны. С тех пор как я осознал, что становлюсь человеком без профессии. Я не знал, что станет приметой возвращения. Лишь одно понимал — не дай Бог ее пропустить.

Первым звоночком, тихим-тихим, был рассказ Ежика.

Я ведь его едва услышал. А раньше знал бы о случившемся с хакером Падлой одним из первых...

Но я услышал. Я прошел двадцать шагов по коридору, в давным-давно запрещенном себе направлении.

И был вознагражден — выстрелом в упор.

Известный исследователь *глубины* Андрей Недосилов может сколько угодно считать дайверов мифом.

Но кто-то другой так не считает — вот ведь в чем дело!

Если тебя еще считают опасным — ты живой. Трупы врагов пинают ногами, скидывают в овраги, оставляют на съедение шакалам. Но в мертвых не стреляют.

Я снова улыбаюсь, глядя на спешащего с подносом официанта. Я — дайвер. А дайверы не бывают бывшими. Я — живой.

...В двух метрах от столика паренек оглядывается в сторону кухни, запинается — и падает. Поднос взлетает вверх.

Глубина-глубина...

Нет, я не первый раз в японской части ресторана. И знаю, что никаких неприятностей не предвидится. Просто... просто мне так хочется.

...я не твой...

Картинка потеряла реальность. Я услышал чей-то испуганный вскрик, увидел, как паренек падает лицом вниз, быстро переворачивается, поднимает руки. Сейчас он подхватит два блюда руками, поднос подкинет ногой, вскочит, поставит на падающий поднос блюда, остановит поднос у самой земли, превратив движение в сконфуженный поклон. Раскланяется посетителям, держа поднос в левой руке, а правую прижимая к груди.

Маленькое шоу на потеху обедающим.

Вот только я смешиваю ему карты.

Прыжок — это ведь так просто. Не игра, в которой приходится уворачиваться от выстрелов и падающих стен. Перелетев через официанта, я подхватил блюда в воздухе, а поднос локтем закрутил в воздухе. Обернулся и выполнил трюк официанта самостоятельно — по полной программе. Даже раскланяться не забыл.

Паренек лежал на полу, выставив руки. Сейчас выражения лица не понять.

deep

Ввод.

Официант поднимается, смущенно прижимает руки к груди. Потом начинает рукоплескать.

Молодец какой! Все равно превратил произошедшее в шоу.

Улыбаюсь, церемонно отдаю ему поднос, сажусь.

— Господин занимается кон-фу? — спрашивает официант, разгружая поднос.

— Немножко, — уклончиво отвечаю я. Вокруг шумно, посетители обсуждают случившееся. Наверное, меня сочтут подсадным. — Простите, у вас не будет неприятностей? Я понимаю, что выполнил ваши обязанности.

Официант ухмыляется. Похоже, он и впрямь не огорчен.

— Ничего-ничего. Даже интереснее. Сейчас я подам саке...

В кармане у Протея есть пачка сигарет, достаю и закуриваю, чтобы не есть под пристальными взглядами. Пусть все утихомиривается.

— Ты не в цирке подрабатываешь?

Я оборачиваюсь — и вижу Маньяка.

У него много тел, но узнать их довольно просто. Неприметность, если можно так сказать, вызывающая неприметность и обыденность. И какой-то общий темный фон. Ни разу не видел Маньяка блондином или рыжим, всегда темные волосы и смуглая кожа.

— Привет!

Жмем друг другу руки. Неизбежная натянутость, как всегда, когда давно не видишься. Маньяк садится рядом:

— Ты... снова?

Во взгляде Маньяка любопытство. Он в курсе всей ситуации с дайверами... не зря же предлагал мне помочь с работой — в Штатах или в России. Даже спрашивал, не хочу ли я заняться программированием... смешно. Старого пса новым трюкам не научишь.

— Нужна помощь, — сразу перехожу я к делу.

Подходит официант, я замолкаю, а Маньяк бросает:

— Юдзу хао мин, яйца с ветчиной, «Глаза дракона» и зеленый чай...

Официант с улыбкой удаляется. Меня начинает разбирать любопытство. То, что Маньяк любит жареную лапшу, я помню, но вот к экзотике вроде тухлых яиц, змеиных потрохов и прочих субпродуктов он никогда склонности не питал...

— Что такое «Глаза дракона»?

Маньяк улыбается:

— Пирожные такие...

— А...

— Так что стряслось?

Молчу.

Шурка трет переносицу. Кажется, он и впрямь серьезно загружен чем-то своим. И все-таки я не отвечаю.

— Тогда — что нужно?

— Оружие, — отвечаю прямо.

— Это не ко мне. — Маньяк мрачно поднимает глаза. — Я ничего не делаю, давно уже.

— Как? Ты же работаешь в «Virtual guns»!

— В отделе защитных средств, — уточняет Маньяк.

— Шурка...

— Мне надо будет поискать, так сразу ничего не найду, — сдается он. — Пойми, у нас все закрыто, вытащить файл за пределы сервера компании — самоубийственное занятие.

— А подсказать, где найти, можешь?

— У тебя ничего не осталось?

Пожимаю плечами:

— Старье. Револьверы Стрелка. И это тело... Протей, конечно, тоже кое-что может, но...

Маньяк понимающе кивает:

— Ламеров пугать они могут... Дай бумагу. И ручку.

Протягиваю ему блокнот, Маньяк быстро пишет что-то.

— Вот.

Читаю, хмурюсь. Имя — Чингиз. Фамилии нет. Есть адрес... странный адрес. Пытаюсь понять, в чем дело.

— Ты же в Москве сейчас живешь? — Шурка явно удивлен моим недоумением.

— Да... Маньяк, а где это находится?

— Рядом с метро «Красные Ворота», если не ошибаюсь.

— Черт...

Словно лицом в грязь упал.

— Я бы решил, что у тебя дип-горячка, — бормочет Маньяк, берет мои сигареты, жадно закуривает. — Не будь ты дайвером... Блин, как курить хотелось! У нас на работе запрещено...

— Почему?

— Для охраны здоровья!

— Какой вред здоровью могут причинить виртуальные сигареты?

— Забыл, где я сейчас живу? — мрачно спрашивает Шурка. — Эти тупые, помешанные американцы...

— Никто не курит?

— Дымят, — злорадно отвечает Маньяк. — Жрут свои холестериновые гамбургеры, чавкая и давясь. Часами болтают по мобильнику. Задницы отрастили, каждый второй. Но за здоровье борются, будь здоров! Как раньше мы за мир боролись, когда у нас танков было больше, чем во всем мире... Что Земля круглая они, пожалуй, почти все знают, но вот что на ней, кроме Америки, еще что-то есть, только догадываются. Достало...

Официант приносит его заказ, а мне — саке. На этот раз без показательных выступлений, хотя посетители поглядывают на нас с надеждой...

— Возвращайся, — не удерживаюсь я от иронии. Маньяк только хмыкает. Затягивается, откладывает сигарету:

— Так что случилось?

— Я сегодня полез за старыми телами. В общем-то просто так...

— Ну и?

— На меня напали.

Подробно рассказываю о случившемся.

— Полиция Диптауна, — однозначно решает Маньяк. — Отряд по борьбе с демонстрантами.

— Почему?

— Шоковые пули. Это наша разработка. И недавняя... они только поступили на вооружение.

— Какие от них последствия? Я получил два заряда...

— Никаких необратимых. Перегрузил компьютер и входи в *глубину*. Специально для разгона митингов и несанкционированных выступлений. Оружие гуманное, но очень мощное. Действует практически на все видео и звуковые карты, которые сейчас в ходу. Но их еще не использовали, приберегают для серьезных заварушек.

— А защита есть?

Маньяк молча кивает на записку.

— Понятно. Можно найти этого Чингиза в *глубине?*

— Найти-то можно. — Шурка улыбается. — Вот только это тебе ничем не поможет. Пока он не посмотрит тебе в глаза, на серьезный разговор не рассчитывай.

— Он поможет?

Маньяк кусает губы.

— Сошлись на меня. Скажи, я очень просил помочь. Но все еще будет зависеть от того, какое впечатление ты произведешь.

— Что ему можно говорить?

— Чуть меньше, чем мне. Но совсем чуть. Если вдруг... если вдруг сразу не признает... скажи, пусть вспомнит баржу на Васильевском.

— Баржу?

— Именно. Кораблик такой, ржавый и без мотора. Баржа. На Васильевском острове.

— Спасибо.

— Было бы за что... — Маньяк задумчиво поглядывает на меня. — Слушай, как ты вообще... это переносишь?

— Что?

— Ну... все случившееся с дайверами.

— А что тут переносить? — отвечаю я вопросом. — Мы были, теперь нас нет.

— Брось уж... нет.

— Как дайверов — нет.

— Наверняка можно найти применение твоим способностям.

Соглашаюсь:

— Я ищу. Попутно с работой для одного знакомого, большого спеца, по изготовлению каменных топоров и кремниевых наконечников для стрел.

Маньяк кивает и переводит разговор:

— Ты слышал что-нибудь о своих коллегах?

Настораживаюсь. Непроизвольно. Я мог раскрыться перед ним, даже в ту пору, когда за дайверами охотились все более или менее крупные фирмы. Это — мое решение и мой поступок. Но — только мой.

— Немного. Ты же понимаешь, я почти никого не знал реально.

— Чем они сейчас занимаются?

— Чем попало. Кто-то программирует, кто-то работает дизайнером, а некоторые — в обслуге. Некоторые вообще ушли из виртуальности. Ты же понимаешь... она была для нас меньшим наркотиком, чем для обычных людей.

— А ты не слышал о Темном Дайвере?

— Нет... не припомню. Кто это?

— Хех, — вздыхает Маньяк. — Понимаешь... ходят такие слухи... несмотря ни на что, один дайвер ухитряется использовать свои способности.

— Как?

Он пожимает плечами.

— Мне бы знать. Это все слухи, пойми. Может, и нет такого. Но, в общем... он занимается взломом, ничего особенного.

— Дайвер — взломом? — Я не верю своим ушам. — Сейчас? Как? Подожди... нет, я бы слышал.

— Попробуй узнать, — предлагает Маньяк. — Вдруг это правда? Тогда... сам понимаешь. Считай, что есть много-много работы для твоего приятеля, спеца по каменным топорам.

— Ты же теперь защиту разрабатываешь, — замечаю я. — Какая тебе будет радость от появления дайверов?

— Ну, я ведь не только на работе у компа сижу... — очень прозрачно уклоняется от ответа Маньяк. — А насчет защиты... появись сейчас снова дайверы, знаешь, как рынок бы ожил? Тем более... как ценился бы специалист, немного знакомый с их методами взлома...

Мы обмениваемся понимающими взглядами, и мне начинает казаться, что два прошедших года куда-то делись.

— Саке будешь? — спрашиваю я, наполняю рюмку.

— Нет, что ты, мне еще полдня работать, — с сожалением отвечает Шурка.

— Так что ты можешь сказать про Темного Дайвера?

Ох уж эта его манера коротких ответов и недоговорок...

— Чингиза спроси. Я от него и слышал.

Хм. Какая интересная личность.

— Шурка, а ты что-нибудь знаешь про компанию «New boundaries»?

— Которую хакнули на днях?

— Пытались хакнуть вроде бы.

— Хакнули, да еще как.

— Темный Дайвер? — с любопытством предполагаю я.

— Нет, это Падла работал. Дружок Чингиза, кстати. Хороший хакер.

Надеясь, что челюсть отвисла не слишком сильно, я смотрю на записку, по-прежнему валяющуюся на столе. Маньяк с удовольствием ест пирожные — шарики из полупрозрачного желто-зеленого желе и пьет чай.

Складываю записку, бережно прячу во внутренний карман пиджака.

Кажется, завтра... нет, сегодня, мне придется нанести визит. И не в *глубине*, в реальном мире.

— Шурка, а что там воровали? Серьезное что-то?

Маньяк пожимает плечами:

— Да Бог его знает... Какую-нибудь особенно эргономичную мышь, полагаю. С моторчиком и автопилотом. Или шлем с турбонаддувом. Или виртуальный комбинезон с шилом в заднице для имитации уколов шприцом... Это же компания безумная, делает всякий хлам для ламеров, нормальному человеку он в жизни не нужен.

— А зачем туда полез опытный хакер?

— Ленька, так, продать можно и полную ерунду, если она спросом пользуется. Вот только там защита оказалась хорошая... — Маньяк усмехается.

— Твоя? — догадываюсь я.

— Угу. Только Чингизу не говори, расстроится ведь человек.

— Падла погиб в реальности, — осторожно говорю я. — Действительно умер.

Шурка поднимает голову, внимательно смотрит на меня:

— Леонид, да ты что? Поверил?

— Говорят...

— Да они сами и пустили слух небось! Чтобы отвадить гостей. Уже сколько раз такие слухи ходили!

— Когда-то и вирусы, которые уничтожают железо, казались выдумкой.

Маньяк качает головой:

— Слушай... Леня... Ну ты словно первый день в *глубине!* У меня сейчас подруга — из отдела сбора информации. Все новости я первый узнаю. Поверь, если появится оружие, способное убивать из *глубины* по-настоящему, я узнаю раньше президента «Virtual guns»!

Я не могу ему не верить. И чувствую, как отпускает что-то, весь вечер сжимавшее грудь.

— Что за подруга-то?

Маньяк морщится:

— Да ничего... симпатичная. Только тупая как пробка. Веришь — я ее трахаю, а сам плачу...

Я начинаю смеяться первым. Шурка мрачно смотрит на меня, морщится, словно вспоминая, что сказал. Потом тоже улыбается.

— Нет такого оружия, поверь. Компьютер убить — можно. Человека — фиг! Я бы первый из *глубины* смылся, появись такая штука.

— Почему? По улицам тоже ходить опасно, машина может сбить...

— Ленька, да представь, что начнется в *глубине*, если в ней можно будет убивать! Если каждый пацан, дорвавшийся до компьютера, сможет уложить обидчика — по-настоящему!

— Представляю, — говорю я. Мне снова не хочется смеяться.

— Под виртуальность ведь до сих пор нет нормальной юридической базы, — размышляет вслух Маньяк. — И даже обвинить в убийстве будет невозможно.

— Да не в этом дело, — говорю я. — Представь пьяного в *глубине*. Представь обкуренного. Подростка без тормозов. Психопата. Человека в депрессии. Когда не видно настоящей крови. Когда все как бы в игре. Мрак!

— Вот именно. Если такая штука появится, *глубине* — конец...

Маньяк морщится, словно вслушиваясь во что-то.

— Мне пора, Ленька. Обеденный перерыв кончился!

Я едва успеваю пожать ему руку — Маньяк кидает на стол деньги и выбегает из ресторана. Да, научила его Америка трудовой дисциплине. Это не Питер, где он порой забегал в обед ко мне пива выпить.

Наверное, и мне пора.

Надо поспать, хотя бы немного.

Расплачиваясь с официантом, я на миг складываю ладони, сцепляю пальцы... Это самый безобидный и простой «внешний» знак дайверов. Его знают даже начинающие. Уж очень ловко парень орудует с тарелками... быть может, тем же способом, что и я?

Официант не обращает на приветствие ни малейшего внимания.

Что ж, глупо было надеяться на иной исход.

101

Я проснулся около десяти.

За окном стучал дождь. Тихий, монотонный. В такой хорошо уезжать. Стоять в тамбуре, глядеть на мокрое окно, курить... И чтобы в купе сидели друзья... нет, лучше не друзья, а приятели, с которыми нужно пить, а не открывать душу. А на столике чтобы ждала первая из бутылок, а кто-то уже разворачивал бутерброды и раскладывал нехитрую закуску.

В такой дождь надо уезжать от любимой. Нет... не обязательно от любимой, вообще — от любви. Из любимого города, от любимой работы.

Хотя уезжать от любимой — это лучше всего.

Причем навсегда.

— У меня дип-горячка, — сказал я. — Слышите?

Некому меня услышать. У Вики ведь нет дип-психоза. Она пошла на работу, нормальную человеческую работу. А я остался, чтобы побродить по квартире, что-нибудь сделать по хозяйству... и нацепить серый пластиковый шлем.

Нет уж. Сегодня у меня другие планы.

Я должен найти этого типа, Чингиза. И получить от него то, что необходимо в *глубине*.

С этой мыслью я и соскочил с кровати.

Лег я около шести, и голова еще была совершенно чумная. Я прошел в ванную, стянул майку и трусы, забрался под душ, повернул кран.

Вода хлынула ледяная. Совершенно. Чертыхаясь, я выключил воду. Не зря вчера перед домом шумел экскаватор и разрывали трубы.

Одна из самых больших радостей жизни — полусонному влезть под горячий душ, погонять температуру вверх-вниз, обтереться шершавым полотенцем.

И то не получается.

Летом я бы еще рискнул принять ледяной душ, но не сейчас, в промозглый холод.

Черт возьми, дело ведь даже не в гигиене, потерплю до вечера. Проснуться толком не получится, так и прохожу весь день полусонный!

Хотя...

В моем гостиничном номере в Диптауне тоже есть ванная комната.

Принять душ в *глубине*... замечательная идея...

И очнуться вечером, когда придет с работы Вика.

— Хрен, — коротко ответил я самому себе. Снова влез в ванну и с воплем облился ледяной водой.

Кажется, мне недавно хотелось спать? Судорожно растираясь полотенцем, я поискал в себе остатки сонливости и ничего не нашел.

Записка, врученная мне Маньяком, была распечатана и торчала из принтера. Молодец, Вика. Помнит, как надо поступать с информацией. Я оторвал листок, посмотрел.

Телефонного номера не было, только адрес. Чингиз жил в центре, у Красных Ворот. Это хорошо, добираться по прямой, и не слишком долго...

Я спрятал листок в карман и пошел одеваться.

Вот об этом надо было предупреждать...

Я постоял перед ажурными металлическими воротами, за которыми виднелась будочка охраны и два каменнолицых мордоворота в полувоенной форме. За будочкой — аккуратный, ухоженный сад, лишь дальше здание. Не очень высокое, этажей пятнадцать, зато такой причудливой формы, будто я не в Москве, а в Диптауне.

— Жаль, смокинг забыл, — буркнул я самому себе под нос.

Чингиз, оказывается, «новый русский».

А я думал — хакер.

Я протянул руки к воротам — и те плавно, беззвучно распахнулись. На каменных мордах охранников проступили ухмылки.

В конце концов!

Я подошел к будочке. На меня смотрели с любопытством, но здороваться не спешили. Никак я не походил на обитателя или гостя этого дома. Не заслуживал уважения.

— Мне в тридцать первую квартиру, — сказал я, украдкой заглядывая в бумажку.

Видимость вежливости со мной соблюдали.

— Вас ждут?

— Нет... наверное.

— Тогда — что?

Крепкие парни, и скучновато им тут. Весь день улыбаться нуворишам — щеки сморщатся. А тут пришло недоразумение в потертых джинсах и старой куртке, стоит без зонта под унылым дождем...

— Тридцать первая... — вдруг сказал второй охранник.

— А...

Рожи сделались кислыми. Так... похоже, в эту квартиру приходят разные гости...

— Как представить? — Охранник поднял трубку.

— Скажите, что пришел человек от... — Я запнулся. Нет уж! Сколько раз попадал в недоразумения, а сейчас и лицом в грязь уложить могут. — ...от Александра Летова.

— Ваше имя?

— Оно ничего не скажет.

Пожалуй, у охраны было свое мнение о процедуре, но тут на другом конце домофона ответили.

— Доброе утро, — отчеканил парень. — Проходная беспокоит. К Чингизу Сергеевичу посетитель. Да, пригласите, пожалуйста, будьте любезны.

Он ждал, косясь в маленький телевизор, по которому беззвучно шел футбол. Его напарник, развалившись на диване, смотрел в мониторы — видимо, по всему периметру здания камеры.

Я тоже ждал. Скрючившись под дождем.

— Чингиз Сергеевич? Проходная беспокоит... Да. Мужчина средних лет, обычной наружности, не представился. Сказал, что он от Александра Летова.

Когда охранник поднял голову, в глазах у него была искренняя радость:

— Какого еще Александра Летова? А?

— От Маньяка! — брякнул я.

— От маньяка, — сощурившись, повторил в трубку охранник. Его напарник чуть-чуть подобрался, рука легла на бедро. А кобура пистолета, кстати, открытого ношения... — От какого еще маньяка?

— Скажите, пусть вспомнит баржу на Васильевском острове в Питере! — отчаянно выкрикнул я, понимая, что сейчас мне светит КПЗ, а не квартира Чингиза.

— Он говорит про какую-то баржу на Васильевском острове... — Охранник замолчал. — Да. Понял. Спасибо, всего доброго.

Трубка брякнула об аппарат. С натужной благожелательностью в голосе охранник сказал:

— Пройдете по дорожке и налево. Третий подъезд. Охрана вас пропустит. Всего доброго.

С двумя буравящими взглядами в спине я пошел к зданию. Ощущение было такое, словно меня в последний момент помиловали и отвязали от электрического стула.

И не думал, что в обычной, реальной, московской жизни бывают такие захватывающие ощущения.

Может быть...

Нет. Нет. Об этом даже думать нельзя!

Если снова приступ...

Нет.

Это не *глубина*. Не виртуальное пространство, в котором блуждает мое сознание, возводя дворцы и руша города. Это обычная Москва, обычный дом миллионеров, обычная охрана.

Все в порядке, ничего страшного.

Сколько здесь было подъездов — не знаю. Может быть, всего три. По двенадцать квартир в каждом.

Внутри оказался еще один пост, тоже с двумя охранниками. Настолько похожими на парочку у входа, будто и в реальной жизни давным-давно создан типовой набор тел. «Новый русский», «бывший интеллигент», «бдительный охранник»... Вот эти — из третьего типа.

— Документы, — тоном, не терпящим возражений, сказали мне.

Пришлось достать паспорт и ждать, пока охранник, неумело тыча пальцами по клавиатуре, введет в компьютер мои данные. Кажется, он заполнил даже графу «пол» и «национальность».

Интересно, тут со всеми гостями так поступают? Не верю. Скорее сортируют по внешности.

— Нажмете двенадцать, — сообщили мне, наконец возвращая паспорт. — Лифт поедет до четырнадцатого этажа.

Лифтов было два. Как в обычном доме из «неплохих». Вот только здесь их было два на двенадцать квартир.

А почему четырнадцатый этаж, интересно? Тем более если нажимать двенадцать?

Часть квартир двухуровневые?

И к чему фраза о том, что лифт «поедет»? Неужели у них тут большую часть времени лифты стоят сломанные?

Сам лифт был таких размеров, что в нем хотелось установить джакузи. Сходство с ванной комнатой дополняли зеркальные стены и черный матовый потолок. На полу лежал ковер. Чистый.

А кнопок и впрямь только двенадцать. У каждой еще узкая прорезь, словно для магнитной карточки. Еще и на этаж не просто так поднимешься?

Но на нажатие двенадцатой кнопки лифт мягко пополз вверх. Откуда-то из стен заиграла мягкая музыка.

Черт, что я там делать буду, у этого Чингиза? Стоять в уголке холла и жалобно канючить запрещенные, классифицированные как оружие программы? Напоминать про какую-то баржу, где сам я и не был никогда?

Додумать не удалось — двери лифта открылись.

Прямо в квартиру!

В общем-то там был еще небольшой тамбур и могучая дверь, наверняка стальная под деревянной обшивкой. Но она была распахнута.

Я осторожно шагнул вперед, в холл. Квадратный, метров семь на семь. Высоченный потолок венчался чем-то вроде стеклянной пирамидки, по которой барабанил дождь. Квартира и впрямь была двухуровневая, на второй этаж вела спиральная лесенка.

И никого.

— Эй... — позвал я.

Слово подходило к обстановке не больше, чем мои старые джинсы. Но какого-то эффекта я все-таки добился. Из одной из двустворчатых дверей мягко вышла собака, двинулась ко мне.

Обожаю золотистых ретриверов!

— Привет, пес, — садясь на корточки, сказал я. — А где же твой хозяин?

Ретривер обнюхал мою ладонь и вежливо позволил почесать себе за ухом.

— Может, ты и есть Чингиз? — предположил я. — Тогда привет тебе от Маньяка.

— Привет давай мне. А его зовут Байт.

Мужчина появился вслед за псом, и так же неслышно. Подошел, протянул руку:

— Чингиз.

Откуда родители выкопали ему это имя — не знаю. Может, у него и были где-нибудь далеко-далеко восточные, например татарские, корни. Но в общем-то он скорее на шведа походил. На образцово-показательного шведа. Высокий, крепкий. Светлые волосы до плеч, и тип лица северный. Загорелый, но явно очень светлокожий. В спортивном костюме, вот только не в китайской подделке, а в настоящем «Адидасе», в кроссовках. Никогда не видел людей, которые по квартире ходят в кроссовках «Рибок». Впрочем, я и квартир таких не видел никогда.

— Леонид...

— А что охране не назвался?

— А чем бы это помогло?

— Логично. — Чингиз кивнул. — Не спешишь?

Манера сразу переходить на «ты» у него была настолько непринужденной, что никаких возражений не вызывала.

— Не очень...

— Ну и хорошо... Байтик, не приставай к человеку!

Пес вынул нос из моей ладони и обиженно побрел прочь.

— Что пьешь? — поинтересовался Чингиз. — Раздевайся, вешай все сюда.

Платяной шкаф в холле был размерами едва ли не с нашу прихожую. Я стянул куртку, пытаясь привести мысли в порядок. Не просто крутизна — а очень большая крутизна. Откуда у Шурки такие знакомые? Да и какой он хакер, этот тип с воинственным именем и повадками крупного мафиози?

— Что пьешь-то, Леонид?

— Да все, что горит. — Я решил держаться до конца.

— Уже хорошо. Пошли на кухню пока.

Длиннющим и широким коридором, с картинами на одной стене и окнами в другой, выходящей на площадь у метро, мы побрели на кухню. Чингиз шел впереди, под мокрой от пота тканью костюма гуляли мускулы. Могуч. И беззаботен, по сравнению с царящей внизу паранойей. Вот достал бы я сейчас нож и всадил ему между лопаток.

Впрочем, будь я киллером, все равно бы так не поступил. Убьешь хозяина, а в квартире потом заблудишься. Будешь блуждать неделю, временами натыкаясь на источники воды — биде и писсуары, месторождения пищи — какие-нибудь шоколадные скульптуры под стеклянными колпаками...

Шоколадная скульптура на кухне и впрямь стояла, почти метровой высоты. Только без колпака. Мальчик-негритенок с веткой какао в руке. У мальчика было отломано одно ухо — видимо, кто-то очень проголодался.

Зато сама кухня как-то успокаивала... было в ней некое подобие привычного. Словно взяли обычную кухню, растянули по всем измерениям раза в два и успокоились. Ну еще заполнили пространства уютной мебелью из лакированного дерева, техникой, пакетами с едой...

А ведь очень по-холостяцки тут все. Один он живет, похоже.

— Коньяк для знакомства... не пойдет... — размышлял вслух Чингиз. — Водочку... напьемся.

Он пристально посмотрел на меня, кивнул, будто удовлетворенный чем-то.

— Точно напьемся... Пиво не хочу, хотя... Ты пиво хочешь?

Я разглядывал кухню, пытаясь обнаружить на барной стойке в уголке пивные краны. И обнаружил. «Гиннесс», «Килкенни» и еще две какие-то марки...

— Если альтернативой будет вино или виски — то лучше пиво, — каким-то незнакомым голосом сказал я. Вспомнилась старая кинокомедия про мальчика, что в один миг стал взрослым, разбогател и поставил посреди квартиры автомат по продаже кока-колы, работающий от пинка...

— Решено, — согласился Чингиз. Подошел к холодильнику — таких же чудовищных размеров, как и все остальное тут. Открыл, порылся среди пакетов в блестящих обертках. Вынул несколько пластиковых подносиков с крошечными кусочками сыра разных сортов. — А есть-то хочешь?

— Пока нет.

— И правильно. Открывай, не стой. Вон на столе нож валяется.

Пока я возился с сыром, Чингиз достал две здоровенные хрустальные кружки, вопросительно глянул:

— Что будешь пить?

— Чешское есть? — спросил я, втайне надеясь поставить его в тупик.

— Только «Пилзнер Уркvел».

— Пойдет, — тоном человека, использующего лучшее в мире светлое пиво для мытья ног, согласился я.

С кружками пива в руках мы уселись в кожаные кресла, стоявшие перед барной стойкой.

— Прозит, — сказал я.

— Прозит, — согласился Чингиз.

Пиво было превосходным.

— А ты ничего, — вдруг заявил хозяин. Протянул руку, хлопнул меня по плечу. — Тебя это все не слишком угнетает?

Я еще раз обвел взглядом кухоньку, обнаружил еще одну милую деталь — лестницу вверх, на второй этаж, спросил:

— Там что?

— Столовая. Со стеклянной крышей.

Чтобы иметь стеклянную крышу в Москве, надо вначале обзавестись железобетонной. Я покачал головой:

— Даже боюсь предположить, сколько стоит твоя хата. Ее содержать, наверное, может лишь миллионер.

— К сожалению, — без малейшего позерства согласился Чингиз. — Значит, нормально?

— Шокирует... но — терпимо.

— Это хорошо. Когда люди начинают впадать в ступор, меня это смущает. А я очень, очень не люблю смущаться, Леонид... Так, как дела у Маньяка?

— Жив и здоров. Во всяком случае — в *глубине.*

— А где он сейчас обитает телесно?

— Сан-Франциско.

Чингиз кивнул. Проверял он меня незатейливо и не скрываясь.

— Как ты думаешь, он бы какое пиво предпочел?

— «Гиннесс».

— Сколько человек собралось на барже в первый раз?

— Не знаю.

Чингиз удивленно приподнял брови.

— Я там не был. Вообще не знаю, о чем речь идет. Маньяк велел напомнить о барже, если ты не вспомнишь его имени.

— Раньше его звали Тьма, — буркнул Чингиз. — Ладно. Какая помощь тебе нужна?

Все, церемонии кончились?

— Мне нужны боевые и защитные программы от «Virtual guns». Самые новые.

Чингиз пожевал губами, глотнул пива. Вид у него был такой, словно он с большей охотой подарил бы мне «мерседес», чем диск с программами.

— Чем ты живешь?

— Подсобной работой в *глубине.*

— Ты там не просто работаешь... ты там живешь. Но зачем тебе оружие от «вигов»?

— Обязательно отвечать?

— Да. — Чингиз отставил пустую кружку. — Ответишь — будут тебе игрушки...

— Тогда отвечу. Я и сам пока не знаю.

— Ну ты и жук, — с удовлетворением сказал Чингиз. — Еще вопрос... перепродавать будешь?

— Нет. Исключительно для личного пользования.

Чингиз молча полез в карман куртки. Я бы не удивился, достань он диск с программами. Но в руках Чингиза появился крошечный, с зажигалку размером, мобильник.

— Не думай, что я от жира с ума схожу, — косо глянув на меня, сказал Чингиз. — Действительно удобно...

Ну... у богатых свои причуды... Странно, конечно, звонить из дома по сотовому телефону...

— Пат? — буркнул в «трубку» Чингиз. — Отлипни от машины. Возьми мой подарок, сделай копию... Да. Именно. И спускайся в кухню.

Странно, конечно, звонить из одной комнаты в другую по телефону...

— У меня ощущение, что я в *глубине*... — сказал я.

— Признак дип-психоза, — коротко ответил Чингиз. Спрятал сотовый. — Возьмешь программы и уйдешь?

— Если выпустят, — усмехнулся я.

— Выпустят. Но я бы предпочел с тобой поговорить. Ты меня заинтриговал.

— Это взаимно. — Я поднялся, наполнил кружку пивом. — Тем более у меня к тебе есть несколько вопросов.

Чингиз протянул мне кружку:

— Ну спроси. Только налей чего-нибудь.

— Ты знаешь Падлу?

— Знал, — лаконично отозвался Чингиз.

Значит, все-таки Ежик был прав. А Маньяк ошибся...

— Он ломал «New boundaries»?

— Да. — Чингиз явно ничего не опасался. Впрочем, человек, живущий подобной жизнью, вряд ли имеет проблемы с полицией Диптауна.

— Чингиз, мне надо узнать про это подробнее...

— Ты хакером решил стать, Леонид? — Чингиз усмехнулся. — Или пишешь книгу о жизни великих хакеров?

— А Падла великий?

— Не будь он самым ленивым, стал бы самым великим.

— Никогда о нем не слышал, — не заметив, что выхожу из образа никчемного обитателя Диптауна, сказал я.

— Леонид, те, о ком все слышали, — не хакеры. Хакер работает во тьме и в одиночку. Хакер не оставляет следов.

— Ты — хакер?

Чингиз засмеялся:

— Был. А вот кто ты такой... хотел бы я знать. Моя очередь задавать вопросы, не находишь?

Я кивнул. Но задать вопрос Чингиз не успел.

— Чинга...

Мы повернулись к дверям.

— Вот диск...

Пацан был полной противоположностью Чингиза. Неуклюжий тинэйджер, смуглый, черноволосый, угловатый, с мрачным, насупленным лицом. В вытертых джинсах и белой футболке.

— Дай Леониду диск, — сказал Чингиз. — Надеюсь, он чистый?

— С софтом... — Паренек с видимой неохотой подошел и протянул мне диск.

— Пат, я имею в виду закладки. Мы не будем следить за Леонидом, и все, что записано на диске, сработает правильно. Договорились?

Мальчишка мрачно посмотрел на Чингиза. Тот ухмылялся. Это походило на какую-то давнюю, привычную обоим игру.

— Я сейчас... проверю... — Пат убрал руку с диском за спину.

— Так будет лучше, — спокойно сказал Чингиз. — Договорились?

— Ты мне обещал этот софт! — вскинулся мальчишка. — Только мне!

— Обстоятельства изменились. — Чингиз вовсе не выглядел смущенным. — Я обещал одному человеку выполнить любую его просьбу. И обещал давным-давно, когда ты еще писал в штанишки.

По взгляду тинэйджера я понял, что за этого гнусного «человека» он принял меня.

— Понятно... — по-прежнему держа руку с диском подальше от меня, мальчик подошел к стойке, взял какой-то бокал, наполнил его «Гиннессом» и вышел из кухни.

— Побыстрее! — крикнул вслед Чингиз.

— Ему не рано? — растерянно спросил я. Мальчишке было от силы лет тринадцать.

— Пиво пить? А как я могу запретить? — Чингиз выглядел удивленным.

— Ну...

— Я ему не папа и вообще не родственник... Ладно, вернемся к тебе, согласен?

— Да. — Я прикусил язык и решил, что выяснять что-либо о Чингизе, Пате, происхождении этой чудовищной квартиры или отношениях проживающих в ней лиц не стану. Себе дороже.

— Кто ты?

— Леонид...

— Паспортные данные можешь оставить при себе. Захочу — и так выясню. Кто ты?

Я сделал глубокий вдох, прежде чем ответить:

— Дайвер.

Чингиз задумчиво изучал пену на дне кружки. Ничего интересного не обнаружив, спросил:

— Бывший дайвер? Настоящий? Не верю.

Надо же! Не все ему удивлять меня.

— Дайверы не бывают бывшими.

Он помолчал.

— Ты работал вместе с Маньяком?

— Иногда. Он помогал мне в технических вопросах. Оружие... и защита...

— И сейчас работаешь снова?

Я промолчал. Не хотелось говорить, что работы у меня давным-давно нет... и вряд ли будет.

Да он и сам это должен понимать...

— Не совсем.

— Хорошо, пытать не буду... Тебя кто-то нанял?

— Нет.

Чингиз встал, прихватив и мою пустую кружку. Мне налил «Урквела», а себе «Гиннесса».

— А что же тогда?

— Мне интересен один вопрос, и я собираюсь его выяснить.

— Хорошие у тебя ответы... информативные, как инструкция по пользованию туалетной бумагой. Допустим, это не мое дело... я обещал Маньяку, и я выполняю обещанное. Пат сейчас принесет диск... — Чингиз бухнул на стол кружку, наклонился, заглядывая мне в глаза. — Но тебе ведь еще кое-что от меня надо? А? Я прав, дайвер?

— Прав.

Взгляд у него был пронзительный. Не угрожающий, не давящий, а именно пронзительный.

— Тогда решай, что хочешь узнать и что за это отдашь.

Я помедлил секунду.

— Чингиз, где у тебя ближайший туалет?

Хозяин усмехнулся.

— Рядом. Три метра по коридору. Сходи подумай.

Он был не совсем прав. Я не пытался тянуть время, говорить все равно придется. Чингиз располагал той информацией, которая нужна мне, и самое главное — информацией из реального мира, а не из *глубины*.

Мне действительно нужно посетить это заведение!

Дверь в нужник тоже была складывающаяся, «ширма», из дуба и матового стекла. Я вошел и даже не удивился интерьеру.

Нежно-розовый, как мечты нимфетки, кафель. Потолок из черных зеркал, как реальное воплощение этих самых мечтаний.

Не просто сортир, а совмещенный санузел... как неуклюже здесь звучит термин совковых времен! Гигантский унитаз... баскетболисты, что ли, в гости заходят? Биде. Писсуар... боже ты мой, действительно — писсуар в квартире! Чуть в стороне, под окном, наискось, как в мансарде, смотрящем в небо, — треугольная джакузи. Полная, с бурлящей водой.

В полной готовности увидеть внутри ванны живого крокодила или человеческий труп я склонился над джакузи.

Реальность оказалось одновременно и приземленнее, и удивительнее.

Джакузи оказалась заполнена зелеными пол-литровыми бутылками. Этикетки давно отклеились и крутились в пузырящихся струях. Опустив руку — вода оказалась ледяной, — я выловил одну.

«Жигулевское».

Староватое, кстати... завтра срок годности истекает...

Я сошел с ума. Точно, сошел. Это даже не дип-горячка, это шизофрения. Подобный дом можно найти в *глубине* — но не в центре Москвы!

Или же я в виртуальном пространстве. До сих пор. Я не вышел из *глубины*, я придумал этот выход. Сейчас утро, Вика давным-давно ушла на работу, а я сижу перед машиной, и оцепеневшие пальцы скользят по дорогой сенсорной клавиатуре... подаренной Викой на Новый год...

Мне лишь показалось, что я вынырнул. Лишь показалось. Как уже было однажды...

— *Глубина-глубина, я не твой...* — прошептал я. — *Отпусти меня, глубина...*

Ничего не происходило. Но это ничего не значит. Последние два года — ровным счетом ничего.

Успокоиться. Первым делом — успокоиться.

Губит не *глубина*. Виртуальный мир бесстрастен, он лишь отражает то, что внутри нас. Ничего страшного не происходит...

К тому же у меня есть способ проверить, где я нахожусь.

Достав из кармана перочинный ножик, я открыл маленькое, отточенное лезвие. Закатал рукав рубашки.

Так... самым кончиком... Но как не хочется этого делать...

Примерившись, чтобы не зацепить вену, я резанул руку. И взвыл.

Как больно-то! Особенно когда сам себя режешь.

Зализывая царапину, неглубокую, но кровоточащую, я вытащил из заднего кармана джинсов пакетик с пластырем. Вполголоса матерясь, залепил ранку.

Это не *глубина*. Боль была слишком сильной, меня должно было выбросить из виртуальности. Это реальный мир и реальная квартира. Тут просто живут психи.

Подойдя к писсуару, я все-таки сделал то, ради чего пришел. Поплескал в лицо холодной водой, мрачно посмотрел в зеркало на свою физиономию. Красные глаза, легкая небритость... теперь понятно, почему меня так не желали пропускать. А еще понятно, почему Чингиз легко опознал во мне постоянного обитателя виртуального мира...

Хозяин по-прежнему пил пиво на кухне. Наверное, я его здорово развлекаю своим появлением.

— Я готов говорить, — сказал я, садясь.

— А я готов слушать.

— Вчера я узнал, что хакер, известный как Падла, взломал компанию «New boundaries», занимающуюся разработкой компьютерной периферии...

Чингиз кивнул. Уже хорошо.

— Его взяли, — продолжил я. — Охрана фирмы оказалась неожиданно хорошей, и хакер влип.

— Было дело, — легко согласился Чингиз. — Я полагаю, там Маньяк силки ставил. Его почерк.

Я торопливо продолжил, уходя от скользкой темы:

— Охрана взяла след взломщика и убила его при попытке уйти. Но все дело в том, что хакер погиб и в реальном мире. Это может означать... если мы отвергнем невозможные совпадения, а их стоит отвергнуть... Это означает, что кем-то разработано и поступает на вооружение виртуальное оружие третьего поколения.

— А третьего — это как?

Странный дружок Чингиза стоял в дверях. Снова с диском, теперь уже, вероятно, не содержащим ловушек.

— Я ведь тебе объяснял, — лениво сказал Чингиз. — Первое поколение виртуального оружия уничтожает твои программы. Второе, которым имеет право пользоваться только полиция, — может убить и машину. Перегрев процессора, стирание или перешив БИОСа, прожигание монитора...

— Да знаю я, не тупой, — огрызнулся мальчишка. Милые у них отношения. — Ты про третье поколение ничего не говорил!

— А его просто не существует, — ответил Чингиз. — Это фантастика. Оружие, которое убивает человека из виртуального пространства. Все это ерунда. Писанина желтой прессы, вроде «Птички кар-кар».

— Но ведь хакера убили, — возразил я. — Имеется труп. И это реальность.

— Пат, отдай человеку диск, — велел Чингиз. — И поднимись в столовую. Там на полу валяется тело. Глянь, не слишком ли оно протухло, и пни пару раз в бок.

— Прямо так и пнуть? — у тинэйджера вспыхнули глаза.

— Да, это моя просьба. И ответственность на мне.

Пацан просиял. Сунул мне в руки диск, которым так не хотел делиться, и бросился вверх по лесенке.

Я ошарашенно посмотрел на Чингиза.

Нувориш ухмылялся. Нувориш лениво поднялся, взял со стойки бара хрустальную пепельницу, наполовину засыпанную окурками, пачку сигарет и массивную зажигалку «Ронсон». Нувориш прикурил и лениво перекинул пачку мне.

Я автоматически достал сигарету, щелкнул зажигалкой... и едва ее не выронил.

Сверху, из столовой «со стеклянной крышей», раздался рев.

— А тело-то еще способно на какие-то реакции... — меланхолично сказал Чингиз. — Это хорошо. Это радует.

Так и не прикурив, я отложил сигареты.

Наверху что-то падало. Донесся детский визг, пронзительный, как звук кабельного модема, коннектящегося на 115200 бод, падение чего-то тяжелого и чего-то бьющегося. Повторился утробный рев.

— Там... ничего не случится? — спросил я. Особой симпатии к Пату я не испытывал, желания поглядеть на человека, умеющего так орать, — тоже, но все-таки ребенок...

— Все, что могло биться, там уже разбилось. — Чингиз печально покачал головой. — Кроме потолка, но там стекло бронированное.

На лестнице послышался топот, тонкие деревянные перила задрожали. Вначале я увидел две пары ног. Одни принадлежали Пату и доставали до ступенек лишь эпизодически. Вторая пара была босой, голой и обросшей рыжеватой шерстью.

Через мгновение «тело» появилось полностью.

Это был кряжистый мужик среднего роста, лет сорока, наверное. Его пропорции удобнее всего было бы вписать в квадрат. Короткая шея была скрыта могучей бородой, баки тоже вызвали бы трепет у парикмахера. Зато голова оказалась совершенно лысой.

В довершение всего новое действующее лицо пьесы абсурда оказалось одетым лишь в черные сатиновые трусы до колен. Впрочем, где-то на поросшей щерстью груди запутался маленький крестик, а выпученные глаза прятались под очками в тоненькой золоченой оправе.

— Чинга!!! — от рева здоровяка в кружках заколебалось пиво. — Ты велел Пату меня пнуть?

— Велел, — без особого страха сообщил Чингиз. — Два раза. Он послушался?

— Он? — Мужик посмотрел на свою правую руку, в которой болтался Пат. — Он послушался. На редкость дотошный мальчишка. Обычно пнуть меня второй раз не получалось... ни у кого. Что ты за него хочешь?

— Твой ноутбук, Падла.

Я не удивился, конечно. О каком теле идет речь, я догадался сразу. Вот только поверить в удачу было трудно.

Хотя можно ли назвать встречу с этим типом удачным знакомством?

Падла задумчиво смотрел на молчавшего Пата. Я успел даже удивиться такой выдержке пацана, прежде чем заметил, что тот намертво вцепился зубами в волосатую руку хакера.

— Нет... он того не стоит, — сообщил Падла, стряхивая пацана. Пат, оказавшись на полу, тут же отпрыгнул в сторону и стал отплевываться.

— Хоть с гостем поздоровайся, — предложил Чингиз.

Падла медленно перевел взгляд на меня. Крякнул. И заговорил почти нормальным, только чуть громким, голосом:

— Прошу прощения. Моя излишне эмоциональная реакция вызвана ранним и несколько необычным пробуждением.

Я встал, уже не пытаясь осмысливать происходящее:

— Леонид...

Падла аккуратно, явно соизмеряя силу, пожал мне руку:

— Падла. Вы позволите?

— Что? Да...

Хакер взял мою кружку, сделал глоток. Скривился.

— Опять пьете помои... Чинга, сволочь, так какого хрена ты велел пацану меня пнуть? Тем более два раза!

— Так ты же труп, Падла. Тебе не больно. А еще... — раскинувшийся в кресле Чингиз кивнул насупившемуся Пату, — Пат давно любопытствовал, проснешься ты от пинка или нет...

Мальчишка юркнул за его кресло с удивительным проворством. Но Падла, похоже, не спешил за ним гоняться.

— Почему — труп? — почесывая грудь, спросил он.

— Тебя убили. В виртуальности, из оружия третьего поколения. И ты умер по-настоящему.

Чингиз рассмеялся. Но Падла веселиться не стал:

— Убили, — подтвердил он. — И умер. Только не я.

Отставив мой опустевший бокал, он вышел в коридор. Через мгновение загремели извлекаемые из джакузи бутылки.

Я глянул на Чингиза и Пата. У мальчишки лицо было радостное и возбужденное. У Чингиза — каменное.

— Значит — фантастика? — спросил я.

110

Когда хакер вернулся из ванной, он уже был слегка одет. В роскошный халат, правда, слишком длинный и узковатый в плечах, явно принадлежащий хозяину. На ногах образовались

тапочки — совсем уж маленькие, пятки и часть ступни торчали наружу.

В каждой руке Падла держал по две бутылки «Жигулевского».

— Ты опять охлаждал пиво в джакузи? — риторически вопросил Чингиз.

— А фиг ли... — буркнул Падла. — В холодильнике трудно добиться идеальной температуры. Только проточная вода придает пиву вкус.

— И мой халат надел...

— Жалко? Скурвился совсем? — подтянув поближе к нам еще одно кресло, хакер уселся, закинув ногу за ногу. Пальцами содрал с бутылки пробку, жадно припал к пиву.

— И мои тапочки одел! — пискнул Пат.

— Тю-тю-тю! — передразнил его Падла. — Кто ел из моей чашки, кто сидел на моем стульчике, кто форматнул мой винт... И не одел, а надел! Грамотей хренов!

— Падла, не заговаривай зубы, — довольно спокойно сказал Чингиз. — И не ругайся при ребенке, пожалуйста.

— Если б ты слышал... — Падла запрокинул бутылку, опорожнил до конца, поставил под стол, — что этот ребенок мне сказал вчера вечером...

— Вечером, ха! — возмутился Пат. — В полтретьего! Ты пришел пьяный в задницу!

— Видишь? — Падла вскрыл вторую бутылку.

— Слышу, — кивнул Чингиз. — Пат, язык с мылом будешь мыть.

— А он пьяный был! И пытался... — мальчишка замолчал на миг, словно подбирая слово, — проститутку протащить! В сумке!

— Что серьезно? — восхитился Чингиз. — Прямо в сумке?

— Да!

— Ябеда, — отставляя бутылку, ответил Падла. — Предатель, блин. Ну хорошо, мои руки, блин, развязаны. Рассказать, куда ты ходил в Диптауне на прошлой неделе? И чего там делал?

Пат часто задышал. Очень неуверенно возразил:

— Ты не знаешь. Не можешь знать.

— Знаю. Что, рассказать?

— Я все твои скрипты вычистил!

— У-тю-тю. Вычистил. Когда все вычистишь, я тебе свой ноутбук подарю.

Пацан и взрослый уставились друг на друга с таким видом, будто были готовы схватиться за ножи. Господи, они оба психи! Причем малолетние!

— Врешь, — упрямо сказал Пат.

— Пошли. — Падла поднялся, подошел к Пату, сгреб того в охапку. — Одного троянца я тебе сдам. Для примера. Дальше сам ищи.

— Падла, ты уходишь от разговора... — напомнил Чингиз.

— Три минуты, — удаляясь с пацаном под мышкой и бутылкой в руке, ответил хакер. — В целях уменьшения спеси и воспитания уважения к старшим.

— Придется подождать, — вздохнул Чингиз. — Я не рискну его останавливать, Леонид. Да, пива налить?

— А почему Падла пьет «Жигулевское»?

— Ему нравится. Простой ответ, да?

Я молча взял кружку. Четвертую по счету. Если выпить столько «Жигулевского», то уже стало бы неуютно.

— Падла подтвердил, что кого-то убили, — сказал Чингиз. — Так что... попрошу прощения за недоверие. Пока Пата нет. А то он разозлится, что ты оказался прав, а я нет.

— Ничего. Мне тоже было трудновато поверить.

— Какие последствия ты видишь, дайвер?

— Смерть из *глубины* — это смерть *глубины*.

— Не факт.

— Подумай сам. Диптаун всегда был вольной территорией. Миром с особыми законами, своей моралью, собственной культурой. Отношение к преступлениям здесь было своеобразным. Мы привыкли, что можно заткнуть собеседнику рот боевой программой, что взлом чужой машины не преступление, а искусство, что подделка кредитки — повод похвастаться перед друзьями.

— Убийство — это другое. Если знаешь, что твой выстрел не машину подвесит, а остановит чье-то сердце...

— Чингиз, скажи, ты бы дал оружие третьего поколения Пату?

— Я еще не рехнулся.

— А сколько таких вот подростков бродят по Диптауну?

— Вряд ли каждый пацан сумеет добыть...

— Падле бы доверил? — спросил я.

— Вот тут не суди быстро. — Он покачал головой. — Падле можно ядерную кнопку доверить. Впрочем, он и так к ней доступ имел, пусть без ведома президента.

— Чингиз, у тебя есть охрана?

Хозяин усмехнулся.

— Допустим.

— Понятно, что есть. В той или иной степени. И наверняка есть враги.

— Враги есть у всех. Без этого скучно жить. Да и вообще... некоторые враги могут быть таким же предметом гордости, как и друзья.

— Ты ведь ходишь в *глубину?* Если кто-то решит тебя заказать? В реальности — это одно. Чревато неприятностями. Ответным ударом. А вот что можно противопоставить выстрелу в *глубине?* Где и следов никаких не останется? Где не работают обычные законы. Где...

— Все я понимаю. — Чингиз махнул рукой. — Хватит, уговорил. Я лишь не хочу принять происходящее.

— Я тоже. Потому и дергаюсь.

— Думаю, поздно. Любая появившаяся программа становится доступной всей *глубине.* Вопрос времени.

Вернулись Падла и Пат. Мальчишка брел следом за хакером, и вид у него был такой, словно он только что получил ремня.

— Кто выиграл в споре? — спросил Чингиз.

— Это нечестно! — вскинулся Пат. — Там терминал был встроен в антивирусную программу! Которую Падла мне сам дал! Для защиты от других хакеров!

— Я дал, ты проверь. — Падла спрятал пустую бутылку под стол, открыл последнюю. — Пива притащи.

— Нечестно! Ну это же нечестно! — продолжал кипятиться Пат. — Ты меня обманул!

— В чем? Программа тебя защищала? Еще как. Какие претензии-то? То, что друзья дали, в первую голову проверять надо! Тащи пиво!

— Рассказывай, Тоха. Хватит веселиться. — Тон Чингиза вдруг неуловимо изменился. — А ты, Сашка, принеси ему пива.

Стоило хозяину перейти с прозвищ на имена, как поведение безумной парочки изменилось. Пат закрыл рот и пошел за пивом. Падла вздохнул, погладил бритую голову.

— Я есть хочу, Чинга...

— Рассказывай, а я тебе сосисок сварю.

— Да хрен ли их варить, подержи в микроволновке, чтоб лед растаял!

— Как скажешь. Говори. — Чингиз поднялся, подошел к холодильнику, извлек оттуда длинную гирлянду сосисок.

— У меня заказ был, на взлом. — Падла пожал плечами. — Ничего особенного... кроме заказчика.

Пришел Пат, прижимая к груди охапку мокрых бутылок. Падла, не прекращая рассказывать, стал выставлять их на стол.

— Короче... как он на меня вышел — не знаю. Колоться не стал. Ты же знаешь, я человек простой, рекомендаций не требую, если заплатить хотят.

— Вот и зря, — запихивая сосисочную плеть в микроволновку, сказал Чингиз. — Как вышел? В реале или в *глубине?*

— Да в ней, в родимой... Сидел я в Диптауне, в одном кабаке. Подошел. Выложил все как на духу. Оказалось, он дайвер...

У меня заколотилось сердце.

— А, так это и есть заказчик? — стоя у гудящей микроволновки, сказал Чингиз. — Я не соотнес обе истории... Давай, продолжай.

— Сашка, переодень майку, ты весь мокрый, — посоветовал Падла мальчишке. Вскрыл очередное пиво. Вздохнул: — Да там поначалу... яйца выеденного дело не стоило. Взлом, копирование, уход... чистый уход, даже без закладки скриптов на будущее. Процент с вырученных денег, ну и полштуки зеленых в любом случае.

— Ты уверен, что этот человек — дайвер? — спросил я.

— Да, вполне. Он мне продемонстрировал все их штучки... вход-выход по команде, нечувствительность к боли, еще кое-что...

— Падла, ты понимаешь, он ведь мог просто сидеть у компьютера, не запуская дип-программу...

— Не мог. Что я, дайверов не видел? Или тех, кто пытался по *глубине* без *дипа* ходить? Дайвер это был. Ему надо было взломать «New boundaries», а там работа для хакера, не для дайвера.

— Для дайверов больше нет никакой работы, — сказал я. — Они никому не нужны.

— Этот как-то приспособился. — Падла пожал плечами. — Он не на исповеди был, так что деталей не расскажу... Вот... поговорили мы. Сошлись на цене, на условиях. Я провел разведку — защита была стандартная, ничего особенного. Их и грабить-то никто смысла не видел. Только этот, дайвер малахольный... позарез ему был нужен проект «Sweet immersing». Он состоял из двух разделов: «Deep box» и «Artificial nature». Лучше было добыть оба, но в крайнем случае заказчик согласен был и на «Artificial nature». Особо подчеркнул, что эта часть сведений — важнее. Ну я и пошел. Взял с собой паренька одного и пошел.

— Что за паренек? — заинтересовался Чингиз. Микроволновка наконец прекратила гудеть.

— Ты его не знаешь. Наивный, неумелый, но упорный. Все просил в ученики взять. Думал, я учеников чему-то хорошему учу...

Пат захихикал. Но Падла глянул на него так, что мальчишка мгновенно замолчал.

— Мертв он уже, — резко сказал хакер. — Достал меня своим упрямством... я и решил взять парня на взлом. Опасностей не предвиделось, а я хоть увидел бы его в деле.

— И что стряслось? — Чингиз покусывал губы. — Падла, не тяни ты, ради Бога!

— Бога не рожу, а тянуть не стану, — мимолетное богохульство Падла сопроводил вскрытием очередной бутылки. — Общую защиту компании мы прошли чисто. Кое-что паренек сам вскрыл. Кое-где я помог... задатки у него были, хоть и невысокие. У нас были заготовлены тела сотрудников фирмы, все их пароли, в общем... нормально. Без проблем дошли до кабинета «Sweet immersing», и право на доступ у нас было. Никаких, блин, проблем не предвиделось! Я потому и остался в коридоре, он вошел — ему три минуты требовалось на извлечение файлов. Он их достал и уже почти получил оперативный доступ, когда сработал еще какой-то скрипт.

— Как это выглядело? — спросил я.

— Стальная дверь, опустившаяся из потолка. Окна, видимо, так же перекрыло. Визг сирен, охрана... все как положено. Защита двойная была, и от хакеров, и от дайверов. Дайвер бы сдох.

— Хакер тоже погиб, — напомнил я.

— Не сразу, Леонид. Я его вытащил.

— Как?

— Дверь взломал. — Падла ухмыльнулся. — Пацан хоть запаниковал, но трансфер файлов до конца довел. Вот только у меня времени не было забирать данные. Я пробил выход прямо на улицу и стал напарника прикрывать, чтобы уйти успел. Он сразу и рванул... глаза вытаращил и ходу... испугался, наверное.

— Откуда ты работал? — полюбопытствовал Пат.

— Из дип-кафешки одной. — Падла глянул на мальчишку. — Сбегай, курево притащи...

— Ты пока не рассказывай только!

Едва Пат скрылся на лестнице, как хакер быстро сказал:

— Дурака я свалял. Увлекся. Первая волна охраны была от самой фирмы. Салаги. Три живых человека и два десятка программ. Я увлекся. Надо было уходить вслед за пацаном, забрать данные да и разбежаться, а мне пострелять захотелось. Как в тире, смех один...

Вернулся Пат. Падла забрал у него пачку «Беломорканала», извлек папиросу и тем же тоном продолжил:

— Никакого выхода не было, кроме как стоять до последнего. Первую волну я отбил. Человек тридцать положил... Чего уставился, Пат?

Мальчишка, горящими глазами взирающий на него, отчаянно замотал головой.

— А вот дальше все стало плохо, — вздохнул Падла. — Откуда-то появилось охраны в два раза больше. Часть кольцом вокруг здания встала, часть на меня... Пат, а спички?

— Тут ведь есть зажигалка! — пискнул мальчишка.

— Я от газа не прикуриваю! Это опошление святой идеи Вечного Огня! Прикуривать надо от спичек, блин!

Пат снова пулей метнулся вверх по лестнице. И Падла, понизив голос, уточнил:

— Семь человек их было. Все живые, а не *боты*. Мои программы их не брали.

— Совсем? — удивился Чингиз.

— Просто абсолютно. Даже не оглушали. Не знаю, откуда такая защита, но я словно голый перед танками оказался.

Вернулся Пат, на ходу открывая коробок, чиркнул спичкой, поднес Падле. Хакер прикурил, снисходительно кивнул. Допил очередную бутылку и сказал:

— Поиграл я и с этими ламерами, что уж тут... Ну и ушел, тихо и мирно...

Пат счастливо засмеялся. Он сидел от Падлы сбоку и не заметил той гримасы, что скорчил хакер.

— А паренька догнали. Через пять с половиной минут. На площади Билла Гейтса. И расстреляли. Народ поглазел и разошелся, тело уволокли в экспертизу.

Кулак Падлы вдруг хлопнул по столу.

— Ну откуда ж мне было знать, хрен моржовый! Откуда мне было знать, что третье поколение оружия уже существует!

Чингиз поставил опрокинувшуюся кружку. Вот как полезно вовремя допить пиво. Спросил:

— Ты уверен, что он погиб и в реальном мире?

— Да... знал я его. Встречался пару раз. Совсем ведь пацан еще, семнадцать лет было! Я едва ушел, сразу стал ему звонить — занято. Он по телефонной линии сидел, представляешь? В наше время — по телефону в *глубину* входил!

— Ты уверен? — Голос Чингиза вдруг стал опасно громким.

— Да! Я сразу к нему поехал, роутеры — роутерами, но вдруг отследили парня? А раз оказалась такая охрана — то всего можно ожидать... и визита ментовского тоже...

— Какого дьявола ты втянул в этот хак ребенка? — Чингиз закурил, и я тоже взял сигарету. — Зная, что это ребенок?

— У него опыт взломов был! — огрызнулся Падла. — Ну что, рассказывать дальше или уже все понятно?

— Рассказывай, — сказал я. — Давай.

...Падла приехал к напарнику через десять минут. Тот жил недалеко от дип-кафе, из которого орудовал хакер. Родители паренька его знали и впустили, хотя знакомый сына и не вызывал у них особого восторга.

Парнишка сидел у своего компа. В шлеме и комбинезоне. С руками, мертво вцепившимися в клавиатуру...

— Отследить его не отследили. — Падла мрачно комкал в руке не зажженную папиросу. — Уже шли, но не успели. Я включил горячий выход из *глубины*... только некому было на огонечки смотреть. Вызвали скорую, но поздно было.

— Как он умер? — спросил я. Было горько. Я представил этого незнакомого юнца слишком реально. Наверное, он так же восторженно смотрел на Падлу, как смотрит Пат... Впрочем, Пат сейчас смотрел себе под ноги. Ковырял ногой пол, то

ли пытаясь керамические плитки продырявить, то ли дырку в носке расширить до размеров большого пальца.

— Паскудно он умер, — мрачно отозвался Падла. — Тетанический спазм.

— Тетанический спазм? — удивился Пат. — Это как?

— Тетанический. Это когда все мускулы сжимаются судорогой. Похоже, он задохнулся, просто-напросто задохнулся.

— Может быть, мальчик болел чем-то? — спросил Чингиз. — Эпилепсия, например? А тут волнение, азарт, погоня, перестрелка... Он и не выдержал. Простое совпадение.

— Родители говорили, что здоров был абсолютно. Они мало что говорили... но эти слова мать все повторяла и повторяла.

— Что у него было в логах? — Чингиз явно был не расположен к лирике.

— Не было у меня времени логи смотреть, Чинга. Не до логов тут. Я глянул, что добычи на машине нет, значит, не успел файл перекачать. Нашел у него программку, старую, но верную, «Pure conscience». Запустил и ушел. Родителям сказал, что мы просто общались в *глубине*, когда парень замолчал и перестал двигаться.

— Все равно, Падла. Вовсе не обязательно, что мальчика убили из *глубины*. Сколько уже было случаев — инфаркты, инсульты...

— Убили его. Я чую. — Падла взял новую бутылку. — Новая эпоха наступает, Чинга. Фиговая эпоха. Теперь в *глубине* начнут убивать по-настоящему.

— Слышал, Пат? — Чингиз посмотрел на мальчишку. — Твои прогулки в Диптауне кончаются.

— Нет!

— Да. — В голосе Чингиза опять возникла ледяная жесткость. — И не спорь. Завтра у нас снимут оптоволокно. Просто физически обрежут и унесут. И модемы с компьютеров я сниму. Во избежание недоразумений.

— Я же не хакаю!

— Но мечтаешь этим заняться. И уже пробовал. За мелкие игры с фальшивыми кредитками тебя не убьют, конечно. Но рано или поздно захочется тебе настоящих подвигов... и получишь пулю из *глубины*.

— Ты же за меня отомстишь... — буркнул Пат.

— Я бы предпочел не мстить, — с неожиданной нежностью сказал Чингиз. — Я не люблю ездить на кладбище и класть цветы на могилки.

Он глянул на Падлу:

— А тебе, старый козел, это еще предстоит! Грехи замаливать долго будешь! Ты втянул подростка во взлом! Причем не оценив должным образом возможных трудностей! Решил, что в мелкой фирме не будет серьезной защиты!

— Да! — рявкнул Падла. — Виноват! Но разве всегда и все можно учесть? Да и мальчишка в *глубине* не первый день! Он два года назад хакал «Аль-Кабар»!

...Тетанический спазм — это, наверное, так?

Когда начинают мелко дрожать руки, ноги костенеют в коленях, челюсти сводит судорогой, и нельзя произнести ни слова?

— Обычный мальчишеский гон, — поморщился Чингиз. — Ты ни разу не слышал, что Пат дружкам втирает?

...Нет, это не так. Я ведь могу дышать, легкие исправно сосут наполненный дымом воздух. Могу смотреть, как плещется пиво в кружке, едва не вылетающей из моей руки. И сердце стучит по-прежнему, пусть заходясь в истерике, но колотится, гоняет кровь, ему наплевать, что оно болит, у него все равно есть своя работа...

— Как его звали? — спросил я. Мне казалось — совершенно нормальным голосом. Но почему-то вся троица вздрогнула.

— Я имен не называю... — начал Падла.

— Ему — скажи! — вдруг резко сказал Чингиз.

— Ромка его звали.

— Он ломал Аль-Кабар, — сказал я. — Два года назад. Ему пятнадцать было, только я об этом не знал.

— Ты кто такой, Леонид? — Падла выпучил глаза.

— Д-дайвер. — Я вдруг стал заикаться. — И Ромка дайвером был. Потом мы стали никем. Я смирился. А он, значит, хакером стать решил...

— Блин, живой дайвер! — выпалил Падла. — В реале! Настоящий! Живой!

Как смешно. Его больше удивляет мое ушедшее прошлое, чем не случившееся будущее Ромки!

Кружкой, еще почти полной пива, перегнувшись через стол и сметая бутылки, я заехал Падле по морде.

И почувствовал, что взлетаю в воздух.

Сила действия равна силе противодействия — этот закон верен лишь для физических объектов. С биологическими сложнее.

Особенно если кулак, приложившийся к моей голове, почти равен ей по размерам.

— Да не сюда, дурак! Это же биде!

Это Чингиз...

— И что с того? Оно же для умывания очень удобно!

Это Падла...

— А если дать уксуса понюхать?

Это Пат...

Ледяная вода. Бутылки «Жигулевского» на дне джакузи.

Вот так кончают слишком наглые дайверы. Их топят в ванне с пивом. Дышать совсем нечем...

Собрав последние силы, я попытался дернуться. И был вынут из воды.

— Живой? — с тревогой спросил Чингиз. — В глазах не двоится?

В джакузи меня засовывал он.

Падла стоял в сторонке. Потирал щеку, на которой я с удовольствием увидел кровоподтек. Одно стеклышко в очках треснуло. И взгляд у него был смущенный.

— Говорить можешь? — с еще большей тревогой спросил Чингиз.

— Д-да... — выдавил я. Челюсть болела, из носа стекала струйка крови. Вода в ванне тоже приобрела нежно-розовый оттенок.

Но говорить я мог.

— Он сам виноват! — с интонациями школьника перед завучем воскликнул Падла. — У меня же рефлексы, блин! Получил — верни!

— Ты убил Ромку... — сказал я. — Ты... хакер хренов...

— Я его не убивал!

— Ты живой. Ромка мер...

Чингиз впихнул меня головой в джакузи так ловко, что я захлебнулся остатком фразы. И тут же вынул.

— Эй, Леня. Не надо так. Если Падла не рвет на себе волос — это не значит, что он рад смерти пацана. Он слишком много

смертей видел, понимаешь? А Ромка твой для него был одним из сотен мелких хакеров. Остынь!

— Мне правда очень жаль, — сказал Падла. Снял очки. Взгляд у него стал близоруким и беззащитным. — Дайвер... ты мне влепи сейчас, если хочешь. Я смирю естество!

— Он же сразу к пареньку рванулся, — мягко сказал Чингиз. — И между прочим, позвонил мне по дороге. Сказал, что может потребоваться спрятать одного чайника от розыска. Деньги там, фальшивые документы...

— Не знал я, что эта хрень уже существует. — Падла по-прежнему стоял, ожидая удара. — Оружие третьего поколения... Ты ударь, ударь. Легче станет. Я же знаю.

— Он правда умер? — спросил я. Мне хотелось плакать. Но очень трудно плакать с мокрым лицом.

— Правда.

— Быстро?

— Не думаю, — поколебавшись, ответил Падла. — Фиговая была у него смерть, дайвер. Ты прости... но это правда.

Вырвавшись из рук Чингиза, я шагнул к хакеру.

Падла по-детски прикрыл глаза.

Сев на корточки возле роскошного биде, я все-таки заплакал.

Плохо. Правда, плохо. Совсем.

Я слышал, как они выходили из ванной. И долго еще сидел так, всхлипывая, то вытирая слезы, то ощупывая гудящую челюсть, прежде чем моего плеча коснулась рука, и я понял, что все-таки не совсем один.

— Он был твой лучший друг?

— Нет... не знаю... — прошептал я. — Нет, наверное.

Пат присел рядом:

— Ты не плачь, — серьезно сказал он. — Ромка ведь в бою погиб. В *глубине*. Как настоящий хакер. Значит, он все-таки стал хакером. Хотел им стать и стал.

— Мальчик, погибнуть — не доблесть...

— Знаю. Падла тоже так говорит. И Чинга. Только Ромка ведь знал, что это опасно будет?

— Знал... наверняка... Он совсем не хакер был. Не тот склад ума.

— Но он пошел. Для него это был подвиг. Значит, он рискнул. И победил.

— Проиграл он, малыш. Проиграл.

— Точно?

Я посмотрел на Пата, даже не стесняясь слез. Он слишком долго стоял рядом, слушая, как я реву. Слишком долго, чтобы можно было чего-то стесняться.

— Ты о чем?

— Никто ведь не знал, что это уже есть. Оружие такое. Теперь мы все знаем. Ромка нас как бы предупредил.

Самый обычный пацан на вид. Не заподозришь ни способности сопереживать незнакомым людям, ни умения убеждать.

— Ты в кого такой умный, парень?

— Не знаю, — пожал плечами Пат. — Папа слесарь. Мама штукатур. Дед был учитель, разве только в него.

— Пойдем, — сказал я. Встал, плеснул пару раз в лицо водой из джакузи. Взял несколько бутылок, и мы с Патом пошли на кухню.

Оказывается, не все бутылки с «Жигулевским» я разбил. Часть осталась. Но я все-таки поставил перед Падлой принесенные. Разогретые, но уже остывшие сосиски были сейчас аккуратно разложены по тарелкам — большая часть перед хакером, остальные мне и Чингизу.

— Спасибо, братка. — Падла до сих пор держал очки в руках. Теперь — водрузил на переносицу. Словно в знак того, что не ожидает больше удара. — Не держи зла. Не хотел я беды твоему другу.

— Я и сам виноват не меньше, — сказал я, садясь на прежнее место. Поглядел за окно. Уже темнело. — Чингиз...

— Никаких проблем, — тот развел руками. — Оставайся. Я бы тоже не рискнул появиться дома в таком виде.

— Ну рефлексы... — сдирая крышку с бутылки, вымолвил Падла. — Я уже и к психотерапевту ходил... отучи, говорю, бить в морду не думая...

— Не смог? — спросил я, массируя челюсть.

— Сказал, что это невозможно... я и не сдержался, — буркнул Падла. — Ты-то в чем виноват?

— Я Ромку знал только виртуально, — сказал я. Словно прыгая в холодную воду. — Когда дайверство исчезло как профессия... все мы растерялись. Ему было очень трудно, пожалуй. Он, пацан, уже привык содержать семью, понимаете? Ну и сам, конечно... водить девочек в бары, хорошо одеваться, оплачивать дорогой лицей... в обычной школе ему делать было нечего.

— Он просил тебя помочь? — Падла нахмурился.

— Да. Не деньгами, конечно. Он просто искал, чем заняться в *глубине*, не мог уже без нее жить. Способностей к математике у него не было. Дайвер — отличный, от Бога. Хакер... хакер фиговый. Хотел заняться дизайном, и тут я мог бы ему помочь.

— И что? — спросил Чингиз.

— Я на тормозах все спустил. Некогда мне было ему помогать. Решил, что вполне проживет пацан без виртуальности, еще здоровее будет. А он уже не мог прожить, значит. Хоть и дайвер.

— Никто из нас не может... — Чингиз поднялся, отошел, открыл холодильник под стойкой бара. Вернулся с бутылкой водки. Пат, не ожидая просьбы, притащил два пакета с соком.

— Правильно, — сказал Падла. Отставил пиво.

Я помолчал, глядя, как Чингиз разливает по крупным, граммов на сто, рюмкам дорогую датскую водку. Пат молча налил всем сока.

— Тебе плеснуть? — спросил мальчишку Чингиз.

— Да. Так ведь положено?

Нормального тинэйджерского энтузиазма от легальной выпивки Пат не проявлял. Или очень хорошо сделал вид, что это ему не нужно.

Мы подняли рюмки, Пат, присевший у стола на корточках, потянулся было чокнуться, с явным проблеском энтузиазма, но вовремя спохватился и, ойкнув, убрал руку.

— За хакера Романа, умершего как положено хакеру, — сказал Падла. Посмотрел на меня.

— За дайвера Ромку, который остался дайвером, — сказал я.

— За человека, который ушел, — коротко сказал Чингиз.

— Пусть *глубина* к нему будет доброй. — Пат неуверенно посмотрел на Падлу, потом — на меня.

Я кивнул.

Мы выпили.

— Нельзя прожить жизнь за другого человека, — сказал Чингиз. — Леонид, не убивайся.

— Прожить-то можно, ясен пень, — буркнул Падла. Занюхал рюмку рукавом халата. — Только это значит украсть у него жизнь, а что в этом хорошего?

Я промолчал. Они оба правы. Только где-то есть еще одна правда. Что каждый друг, умер ли он в *глубине* или по-настоящему, — это твоя вина.

— Похороны завтра, — неожиданно сказал Падла. — Леонид, ты пойдешь?

Я покачал головой.

— Нет.

— Чего так? — спросил Падла.

— Я его знал лишь в *глубине*. Он там — живой. До сих пор. Пусть даже *глубина* его и убила...

Чингиз пристально посмотрел на меня:

— Ой ли? Не виртуальность нажимала на спуск. Ей нажимать нечем. Леонид... подумай о такой штуке... твоего друга убили из оружия, существование которого прежде считалось немыслимым.

— Да. Пат уже это говорил.

— Пат — умница, конечно. А второй шаг ты сделал?

Я недоуменно посмотрел на него.

— Леонид, если ты подойдешь к маленькому офису на окраине Москвы... ну, с целью поживиться канцелярскими скрепками и спереть обмылок в туалете... а охрана наставит на тебя лазерные пистолеты. Что ты подумаешь?

Он был очень серьезен.

И я вдруг почувствовал дрожь. Стадо пьяных мурашек, пробежавших по коже. Словно открыл дверцу шкафа и обнаружил в своем единственном приличном костюме скелет.

— Это были очень серьезные файлы... — сказал я. — Настолько серьезные, что, помимо привлечения для охраны лучшей фирмы виртуального оружия, были использованы какие-то уж совсем секретные разработки. Военные... правительственные...

— Или корпоративные, — мягко поправил Чингиз. — Все-таки способность к сохранению тайны куда выше у нормальной, жесткой, ориентированной на прибыль корпорации. Всякие ЦРУ и ГРУ идут следом.

— Что может быть серьезнее такого оружия, Чингиз? Это само по себе — взрыв невиданной силы. Изменение всего общественного отношения к компьютерам, к *глубине!* Что может быть более важно?

Чингиз и Падла переглянулись.

— Это тебе выяснять, дайвер, — хмуро сказал Падла.

— Почему это вдруг?

— Да потому, что я от тех пуль случайно ушел! — уже не пытаясь отослать Пата и сохранить лицо, рявкнул Падла. — Только потому и ушел, что по старой дурной привычке таймер выставил на плюс пять минут с начала взлома! А иначе — пустил бы кровавые слюни из прокушенного языка...

Он замолчал, но слишком поздно. Я понял, что он увидел, стащив с Ромки виртуальный шлем.

— Я же ничего не могу, — сказал я. Обвел взглядом их всех — нового русского хакера, панкующего хакера и мальчика, мечтающего стать хакером. — Ребята... ну вы же все понимаете прекрасно! В чем была наша сила и чем она обернулась! Ребята, я же не смогу вскрыть простейшую защиту!

— Я не знаю, что ты реально можешь, — сказал Чингиз. — Вот только выйти из *глубины*, увидав, что пахнет жареным, — должен суметь. А Тоха не сумеет. И я не сумею.

— Вам вообще теперь лучше не соваться туда. Чингиз, я понимаю, ты человек серьезный, но...

— Пат не войдет больше в *глубину*, — спокойно сказал Чингиз. — Все входы перекрою. Кроме своей машины, но ее он не тронет... *ведь верно?*

— А я отсюда, кроме как по кабакам и девкам, все равно не хожу. — Падла ухмыльнулся. — Где живу, там не гажу! Да и не запустит он мой ноут...

— Нечестно! — В голосе Пата послышались слезы.

— Посмотри на Леонида. И спроси его мнение.

Чингиз снова потянулся за бутылкой. Я, взглядом спросив разрешения, взял со стола его телефон.

— Ты это, главное, на занятость и денежный интерес дави! — посоветовал Падла. — Мол, контракт офигительный, деньги сами с неба сыпятся... Что-нибудь такое, женщины это...

— Вика?

— Леня? — В ее голосе было искреннее удивление. — Ты где?

— Да вот, к друзьям одним зашел. Попили пива, потом водки выпили... как ты отнесешься, если приду очень поздно? Может быть, даже заночую.

Мне хотелось сказать ей про Ромку. Мне надо было сейчас выкричаться, рассказать все это. Тем более она Ромку знала.

Но я смолчал. Я — не один. Мне есть с кем выматериться, кому выплакаться, с кем выпить водки.

Снова — есть с кем. Как-то неожиданно легко и быстро.

А ей — нет.

И ошарашивать ее по телефону произошедшим нельзя.

— Да позови ты ее... — предложил Чингиз.

— Конечно, посиди, если что, так заночуй... — сказала Вика. С неуверенностью и растерянностью. — А по голосу ты не пьян... Если будешь возвращаться поздно, открой дверь сам и не шуми...

— Наверное, вернусь под утро, — сказал я. — Так что любовников не зови, конфуз выйдет, Слушай... может быть, ты тоже подъедешь? Интересный дом... интересные люди.

Я буквально почувствовал, как она колеблется. Мы не выбирались никуда вместе уже чертову уйму времени. В *глубину* Вика ходить перестала, а в реальности... в реальности у нас оказались слишком разные интересы.

— Знаешь, я наверное, не соберусь. Поздно уже. Не пей слишком много, ладно?

— Конечно.

— Отдыхай. Я правда рада, что ты куда-то выбрался.

Когда я положил трубку, то поймал восхищенный взгляд Падлы.

— Нет, слушай, где ты взял жену, которой можно сказать, что решил выпить пива и водки с друзьями?

— В *глубине*.

Падла мрачно кивнул.

— Да... Бывает. Я тоже однажды такую там встретил... А потом оказалось, что ей сорок лет, и она — мужчина, глава клуба мазохистов...

— Падла, ты можешь что-нибудь выяснить у своего нанимателя? У этого... дайвера.

Хакер дернул плечами.

— Вот уж вряд ли. Деньги он перевел сразу и очень профессионально. А встреча была назначена лишь при успехе операции.

— Ты все равно сходи.

— Схожу, ясен перец. Но удачи не жди. Что имеем, от того и пляшем — компания «New boundaries» с ее хитрой охраной.

— Он знал, — сказал я. — Наверняка знал, что дело нечисто...

— Что с того?

— У нас это не принято... было не принято. Подставлять привлеченных сотрудников. Как он выглядел, этот дайвер?

— Мы три раза встречались. Первый раз — тощий паренек-очкарик, наивный такой, растерянный... лицо европеоидного типа. Нестандартный, но и не слишком хорошо сработанный. Второй раз — роскошная блондинка, штучная работа «от кутюр». Третий раз — пожилой, усталый, чем-то озабоченный...

— Понятно. Хоть какие-то общие детали в облике сохранял?

— Европеец. Все три раза. — Падла подумал. — Нет, больше ничего особенного.

— А проследить ты его не смог?

— Он пользовался старой защитой, Леонид. Где-то полуторалетней давности. Но очень качественной и отлаженной. Я не рискнул отслеживать слишком уж рьяно, у него в кармане могла оказаться пара запасных тузов.

— Ну что, остаешься? — спросил Чингиз. — Постель найдем, не сомневайся.

— Наша постель — коврик от компьютерной мыши! — рявкнул Падла и захохотал. — Давай, дайвер. Оставайся.

Я посмотрел на DVD-диск на столе.

— Нет... наверное, я все-таки поеду домой. Пока метро еще ходит.

— Очнись, метро еще три часа будет ходить, — глянув на часы, отрезал Чингиз. — А вообще-то я тебя сам отвезу.

— Ты же пьяный! — вскинулся Пат.

— Хорошо, я посижу, но доеду на метро... — сдался я.

Чингиз молча подвинул ко мне рюмку.

111

Туман.

Серая мгла.

Снова нет ни направлений, ни расстояний. Бреду сквозь слоящиеся молочные пласты. Чем-то пахнет... то ли свежим бельем, занесенным с мороза, то ли отшумевшей грозой...

Оглядываюсь — ни огонька, ни проблеска.

Ведь он же был... я помню, он был...

Где-то там, за нитяным мостом, там, где сходятся стены огня и льда...

Я не выбираю направления. Почему-то я уверен, что куда ни иди, куда ни беги, рано или поздно впереди вспыхнет

свет — и встанут из тумана мерцающие стены: алый огонь, синий лед.

И свет вспыхивает. Едва-едва, призрачный, колдовской огонек, мутный и неясный.

Не бегай за блуждающими огоньками, когда идешь по болоту!

Я бегу.

И все сильнее ощущение, что кто-то идет совсем рядом. Не то крадется за мной, не то конвоирует, не то охраняет... Ступает мягко, неспешно, но не отстает.

Пусть.

Левая стена — синий лед, правая — алый огонь. Они уходят в небо, в серый туман без конца и начала, они поднимаются из бесконечной бездны.

Я стою, занеся ногу над туго натянутой струной. Левую руку пробирает холод, правую жжет огонь. Это как игра, сорвавшись — можно начать снова. Это как игра, как игра...

Только очень больно.

И каждый раз начинаешь сначала.

— Ты не пройдешь, Леня...

Что-то новенькое!

Первый раз в этом царстве мертвых туманов и обжигающих скал я слышу голос.

Знакомый голос.

Я пытаюсь обернуться, но тень за спиной ускользает, смещается в сторону, так быстро, что мне не успеть посмотреть ей в лицо.

— Но ведь я должен? — спрашиваю я.

— Да. Но это не значит, что ты пройдешь...

Все. Голос уходит, растворяется...

Только нить под ногами. Только стены вокруг.

И слабый, дрожащий, умирающий огонек впереди...

Я иду.

Сегодня — легче. Почему-то легче. Может быть, тот, кто идет позади, наконец-то попал в ногу. Может быть, он остался на той стороне моста.

А может быть, я сам научился ступать в такт...

Левая стена — синий лед, распятый силуэт на колючих иглах. Он предпочел упасть в эту сторону, он испугался правой стены, чье пламя сжигает дотла.

Может быть, это мое собственное тело...

Я не успеваю додумать. Не успеваю уклониться. Тот, на стене, вздрагивает, когда я прохожу мимо. Движение мертвого воздуха или тепло моего тела — что-то отдирает его со стены, бросает на нить. На миг мне кажется, что мост перережет его напополам, но все куда прозаичнее, облепленное изморозью тело срывается, падает вниз, в бесконечную пропасть. Струна под ногами вибрирует, раскачивается, амплитуда нарастает, словно падение стронуло какой-то спусковой механизм.

Левая стена — синий лед, правая стена — алый огонь, левая — лед, правая — огонь, левая — правая...

И оттолкнувшись от дрогнувшей нити, я бросаюсь на правую стену...

— Чего кричишь-то?

Я открыл глаза.

— Кошмар приснился, что ли?

В машине было тепло. Не обжигающе жарко... тепло. Может быть, потому я и выбрал во сне правую стену?

Водитель даже не повернул головы. Коротко стриженный квадратный затылок, огоньки на приборной доске, тихий шум кондиционера. Мотор не работает.

Да, Чингиз не повез меня домой сам. Вызвал водителя... или охранника...

Чтоб я так жил...

— Мы что, приехали? — оглядываясь, спросил я.

— Адрес тот, — меланхолично отозвался водитель. — Смотри. Я тебя первый раз вез.

— Что, думаешь, еще придется? — Я глянул на часы. Так... от Чингиза я вышел в два часа ночи. Сейчас — четыре. Не могли же мы ехать два часа!

— Конечно, — равнодушно отзывается водитель. — Ты вроде ему понравился, значит, будешь гостем...

— А если я не захочу быть гостем?

Водитель коротко засмеялся.

— Хотел бы я на того посмотреть, кому у Чингиза не нравится.

В чем-то он прав. Наверняка для другого гостя — тоже понравившегося хозяину — все было бы организовано по-друго-

му. Не пиво с водкой и сосисками на кухне, а великосветский раут с коллекционным шампанским, икрой и осетриной.

— Мы давно у дома стоим?

— Полтора часа. Чингиз велел, чтоб ты поспал в машине, если отрубишься. До пяти.

— Пожалуй, я уже пойду, — пробормотал я.

— Хорошо. — Охранник вынырнул со своего места, и когда я выбрался с заднего сиденья скромного «форда», уже стоял рядом.

— Да вот мой подъезд, — попытался я отказаться. — Эй... я же не девушка, провожать меня...

— Велено, — коротко ответил водитель, и я смирился.

Это его работа.

Дверь я открыл с ловкостью опытного домушника, завязтого алкоголика или молодого компьютерщика. Тихо вошел, оба замка закрыл совершенно беззвучно, свет вообще включать не стал.

Было тихо. Совершенно непривычно для этого времени. Ночью должен шуметь вентиляторами компьютер, шуршать винчестер, клацать клавиатура... может, потому Вика мне и подарила сенсорную?

В ванной я торопливо поплескал в лицо холодной водой, на цыпочках прошел в гостиную. Разделся, как можно аккуратнее сложил одежду на диван. Заглянул в спальню.

Вот чего я не ожидал... так этого.

Вика сидела на краешке кровати, и слабые отсветы с экрана ноутбука падали на ее шлем. Шлем очень изящный, не новый, но до сих пор ценимый знатоками «Creative-Diana», топовая женская модель двухлетней давности, цвет — темно-синий... полтысячи баксов я за него выложил когда-то... Тело Вики слегка подрагивало, намечая движения. Иногда рука касалась клавиатуры и отпрыгивала, прижимаясь к груди.

Вика была в *глубине*.

Это одновременно и красиво, и пугающе. Завораживающий танец тела, уже и не принадлежащего нашему миру. Вот вскинулась голова — Вика смотрит в небо, или в потолок... не знаю. Под эластичной лентой, крепящей шлем снизу к подбородку, мелькнула полоска белой кожи.

— Нет, — донеслось до меня. — Это меня не интересует.

Она давно не входила в *глубину*. Порвала с ней полностью. И даже докторскую пишет по совершенно другим материалам, не связанным с виртуальностью.

Что ее заставило вернуться в призрачный мир?

Я мог сейчас подойти, перегнуться через ее плечо. Сесть рядом, в конце концов. Прибавить громкость в динамиках ноутбука.

И стать свидетелем мультфильма, который для Вики — абсолютная, ужасающе достоверная реальность. Подглядеть кусочек ее сна. Она все равно ничего не заметит. А выход из *глубины* у нее достаточно долгий, около десяти секунд в среднем, успею убежать.

Ах, Недосилов... умненький-разумненький Недосилов. Одного ты не понимал, когда рассуждал о паре дайверов — один в шлеме, другой за экраном...

Никто и никогда не пустит чужого человека в свой сон.

Даже самого близкого человека.

— Доброй *глубины*, Вика... — прошептал я, закрывая дверь.

Можно лечь на диване.

А можно уже и не ложиться.

Я тихонечко подошел к машине. Прошептал, наклоняясь над микрофоном:

— Вика, проснись...

Зашуршал винт. Тихо запели вентиляторы — в корпусе столько дополнительных плат, что к двум стандартным пришлось добавить еще пару. Иначе машина перегревается через четверть часа работы.

— Звук убрать. Вика, статус.

«Статус нормальный. Ресурсы достаточны».

Я кивнул появившейся надписи и стал натягивать комбинезон.

— Вход в сеть. Режим обычный. Личность номер три — Протей.

«Выполнено».

Конечно, стоило бы поставить таймер.

Но я не знаю, сколько времени мне придется провести в *глубине*.

Я иду не работать и не развлекаться.

Я иду мстить.

Шлем — касание мягкой подкладки. Экранчики перед глазами. Тихо-тихо шумит вентилятор, подавая воздух, пока еще не охлажденный и не нагретый, самый обычный. Тишина в наушниках.

deep

Ввод.

И крутящаяся радуга перед глазами, воронка, водоворот...

Зев *глубины.*

Часть вторая

ХРАМ ДАЙВЕРА-В-ГЛУБИНЕ

00

Я выхожу из гостиницы в теле Протея. Чуть измененном, теперь мне лет сорок. В карманах — револьверы Стрелка. Еще со старыми программами, с новыми придется разбираться, и достаточно долго.

Куда пойти, куда податься...

Я знаю, где мне нужно побывать. Останавливая машину «Дип-проводника», называя адрес, глядя на проносящиеся за окном здания, повторяю себе, как заклинание: «Надо. Надо. Надо».

Вот только это очень страшно.

Словно прийти на пепелище. Словно увидеть любимую в чужих объятиях. Словно встретить старого друга, который обиделся на что-то и не подает руки. Словно прийти туда, откуда был с позором изгнан.

Не опаздывай. Никогда не опаздывай. После драки не машут кулаками. Разбитое доверие не склеишь слезами и соплями. Утонувшему бесполезно кидать спасательный круг.

А я — опоздал.

— Точка назначения, — говорит женщина-водитель, молодая негритянка с огромными серьгами в ушах, с затейливой татуировкой на шее. Первый раз вижу такую татуировку — белые узоры. Наверное, специально для чернокожих.

Очень красиво, кстати.

— «New boundaries», — уточняет водитель.

Расплачиваюсь, выхожу. Машина уносится на поиски следующего клиента. Я оглядываюсь.

Улица как улица. Нормальная офисная улица Диптауна. Здания в меру оригинальны и затейливы. Вход в офис компании, которую ломали Падла и Ромка, совсем рядом.

Но мне не туда.

Достаю сигару, закуриваю.

Бросаю взгляд на часы и неторопливо иду в сторону площади Билли Гейтса. Она видна отсюда, выложенная бело-голубой плиткой прямоугольная площадь, в центре которой возвышается статуя самого Билли. Излюбленное место сбора противников «Виндоус-Хоум», между прочим. Статую регулярно взрывают, мажут краской, разрисовывают надписями, раз в год закидывают кремовыми тортами.

А компания «Майкрософт» безропотно реставрирует скульптуру, каждый раз получая бесценную информацию о методах виртуального терроризма. Гейтс честно признал, что доход от этой несчастной скульптуры превзошел самые смелые его ожидания. Умный человек...

Но малолетние хакеры все равно стараются...

Подойдя к статуе — вокруг сидят какие-то хиппующие личности, попивая пиво и покуривая марихуану, — я останавливаюсь и вновь смотрю на часы.

Четыре минуты. Ну, четыре минуты и десять секунд, если быть более точным.

Ромка добрался до площади за пять с половиной минут.

Почему?

Пусть у него была более слабая машина. Пускай даже он входил в *глубину* по телефонной линии. Пусть он заметал следы, кружил, боролся с преследователями...

Но ведь он еще ко всему и бежал! Что-что, а убегать дайверы умели всегда...

Как ни крути, но минута, а то и две, где-то были потеряны.

Где именно был убит Ромка, я не знаю. И не хочу знать, не хочу спрашивать. Просто — здесь. Я покупаю в ближайшей лавке бутылку водки. Делаю глоток — а остальное выливаю на веселенькую мостовую.

Ромка всегда пил спиртное в неимоверном количестве. Пил и не пьянел. Потому что не умел пьянеть, не употреблял алкоголь в реальной жизни, в свои пятнадцать лет.

— Доброй тебе *глубины*, партнер, — шепчу я. — Прости, что меня не было рядом.

Хотя чем я мог помочь?

Он ведь сам — дайвер... был дайвером...

И мог выйти из виртуального мира в любую секунду.

Кстати, еще одна странность. Почему Ромка не ушел?

А почему два года назад он принял безнадежный бой с «драконом» — охранной программой «Аль-Кабара», пока я убегал с украденным файлом?

Ромка тянул время. Он ведь не знал, что пущенная в него пуля может убить по-настоящему, а компьютером был готов пожертвовать. Он ждал... чего?

Пока файл скопируется?

Но куда?

На Ромкиной машине Падла ничего не обнаружил. А этому колоритному типу я верю.

Стою, глядя на лукавый прищур Гейтса из-под очков. Может быть, у Ромки был еще один напарник?

Нет. Вряд ли. Он не любил работать в толпе. Да и Падлу бы предупредил.

Может быть, убегая, Ромка встретил кого-то знакомого... перекинул ему файл...

Тоже вряд ли.

Просто спрятал добытую информацию по пути?

Но как?

Это ведь все-таки не настоящий мир, где можно остановиться, сунуть дискету в щель между камнями или бросить в канаву — и броситься наутек. Для подобного фокуса нужен заранее подготовленный тайник... или мощная программа, которая сумеет за минуту пробить защиту чужого сервера, уложить туда файл и закрыться...

Сомнительно. Возможно, но сомнительно.

И все-таки факт остается фактом. Меня не было здесь. Но поведение Ромки говорит о случившемся однозначно. Он както спрятал похищенное и отбивался, тянул время, ждал. Наверное, самое страшное, чего он ожидал, — гибели машины. Применения оружия второго поколения.

Стоп. А ведь даже это — странно.

Компьютер, тем более для нас, дайверов, не просто набор микросхем и программ. Даже бухгалтеру, рассчитывающему годовой баланс на древней «четверке», не все равно, за какой машиной сидеть. Привыкают ко всему — к старой, западаю-

щей клавиатуре, к мыши, которую бесполезно чистить, а давно пора менять, к шумящим китайским вентиляторам, к медленным и битым винчестерам...

Да, мы очень любим усовершенствовать свои машины. Вставлять новые платы, вешать свежие программы...

Но наткнуться на столь яростное сопротивление охраны, понять, что здесь возможно оружие второго поколения... и все ради небольшого вознаграждения и сомнительного процента в будущем?

Я бы в такой ситуации вынырнул. Ромка — тем более, он всегда трепетно относился к своей машине...

Мог он успеть просмотреть файл? Хотя бы понять, о чем в нем идет речь?

Если не пришлось вскрывать дополнительные пароли, наложенные уже на сам текст, то мог.

Бросить беглый взгляд. Хотя бы в тот момент, когда оказался запертым в кабинете и ждал помощи от Падлы. Доступ к информации у него уже был, перекачивать ее целиком было бесполезно — слишком долгий процесс. Он стоял возле вскрытого сейфа, держа в руках «ярлычок» — доступ к файлам. Не знаю, как он выглядел, этот ярлычок. Может быть, волшебным яблоком «Аль-Кабара». Может быть, компьютерной дискетой или заурядной бумажной папкой. В последнем случае Ромка наверняка заглянул внутрь.

И что-то потрясло его настолько, что он забыл о себе, о компьютере, о Падле, оставшемся прикрывать его отход. Бросился убегать... с вытаращенными глазами, как высказался хакер.

— Что там было, Ромка? — спрашиваю я. — Что тебя напугало?

Что тебя убило...

Облизываю губы. Пинаю ни в чем не повинную бутылку.

В Диптауне дворники не нужны, раскупоренная бутылка просуществует пару часов и исчезнет...

Найти бы файл. Это ключ ко всему. К тому, кто заказал взлом. К тому, кто стрелял в Ромку. К тому, кто отдал приказ стрелять. К тому, кто придумал и вручил охране оружие третьего поколения.

В «New boundaries» уже не войти. После попытки взлома там все на ушах ходят. Тем более после удачной попытки. Падла может колотить себя в грудь и реветь, что выпотрошит из

недр компании все файлы, включая личные дела сотрудников и левые налоговые отчеты, не то что какой-то несчастный бизнес-проект. Не пробиться ему. И друзей позовет — не пробьются. Идеальная защита от взлома все-таки существует, и компания вполне могла ею воспользоваться. Взять да и отключить отдел, занимающийся «Sweet immersing», от *глубины*.

Иди после этого... ломай.

А название-то какое придумали... «Сладкое погружение». Не люблю слишком много сладости.

Я найду кондитера, чьи торты пахнут горьким миндалем.

Путь от «Новых горизонтов» до площади Гейтса я прохожу еще трижды. Первый раз — просто внимательно осматривая местность. Второй раз — выйдя из *глубины* и разглядывая настоящую прорисовку местности. Третий раз — снова в виртуальности, с программой-сканером, способной обнаружить следы взлома.

Ничего.

Во всяком случае, при беглом осмотре.

Ловлю машину и еду в «Три поросенка». По моим часам, а уж тем более по мнению желудка, уже наступило время завтракать.

— Дороги загружены, — сообщил водитель. — Вы спешите?

— Нет...

Ни к чему платить за использование резервных каналов «Дип-проводника». Совсем ни к чему. Все равно надо подумать.

Как бы поступил я сам, убегая с очень-очень ценным файлом? Перекачать на свою машину — времени нет. Прятаться — бесполезно. Прятать «ярлычок»?

А ведь это не поможет. Возьмутся за дело программисты компании, и доступ по «ярлычку» будет закрыт. Золотое яблочко из «Аль-Кабара» тоже сгнило бы в моих руках, не утащи я его на свою машину...

Значит, Ромка отдал кому-то файл. Отдал, попросил переписать и сохранить для него. Значит, по пути он встретил знакомого...

Тупик. Я не знаю его нынешних друзей. Никого, кроме Падлы. А Падла был почти не знаком с ним реально.

Не ходить же по Диптауну с плакатом «Ищу знакомых Ромки...»

Какого Ромки, о чем я?

Его могли знать под многими именами.

Полный тупик.

Файл скорее всего существует. И хранит в себе тайну смерти Ромки. Причину, по которой его не побоялись убить реально.

Но кто держит его в руках — мне не узнать никогда.

Так.

Отбросим закрытые пути. Файла не найти и снова не украсть. Что у нас имеется еще?

Дайвер.

Темный Дайвер, заказавший похищение файла. Продолжающий «работать по специальности», когда для всех это стало невозможным.

Он знает хотя бы часть правды о «Новых горизонтах». И несет часть ответственности за случившееся с Ромкой, кстати.

Есть слабая надежда, что он выйдет на Падлу.

А если нет?

А если выйдет, но шумный хакер окажется не столь крут, как пытается казаться? И не сумеет переиграть «мифическое существо»?

Достаю из кармана пейджер. Вывожу запароленный список абонентов... он очень короткий. Шестеро. Дайверы не любят давать адресов. Даже своим.

Каждому из абонентов посылаю одну фразу.

Cito.

Не знаю, работают ли еще их пейджеры. Мой пролежал, забытый, почти два года... и, может быть, слышал это слово много-много раз...

И даже если работают — кто решит откликнуться на призыв. На короткое латинское слово, что иногда пишут на рецептах.

Cito.

Это действительно срочно, я знаю. У меня нет никаких доказательств, ничего, кроме пятого чувства, кроме ощущения, что небо на Диптауном готово вот-вот рухнуть.

— Ресторан «Три поросенка».

Расплачиваюсь. С деньгами плоховато. А на работу в «HLD» я опоздал так основательно, что можно не сомневаться — уже уволен. В *глубине* с этим быстро.

Можно еще связаться с Маньяком. Можно найти Зуко — самого безалаберного специалиста по компьютерной защите, которого я знаю.

Но это потом. Подход к Темному Дайверу надо искать от своих.

Перед входом в ресторан я замедляю шаг. Дерево, камень, циновки...

Решено. Камень.

Покушаем блюд европейской кухни...

У входа на стене плакат. Нарочито торопливым, неразборчивым почерком написано: День чешской кухни.

Здорово.

Кидаю взгляд на стойку бара. В европейской части ресторана, на приготовлении коктейлей, иногда работает сам Андрей, хозяин заведения. Обычно, конечно, вместо него программа-бармен...

А вдруг?

Подхожу.

— Привет. Это я, Леонид.

Андрей поднимает голову. Хмурится, глядя на меня. И расплывается в улыбке.

Сразу улучшается настроение.

Редко я сюда захожу последнее время. А последние два года не называюсь. Не хочется выслушивать вопросы, не хочется, чтобы жалели и утешали.

— Надо же... Леня, все за наш счет! Как ты?

— Нормально. Много не выпью, я на работе.

Андрей понимающе кивает:

— Слышал, что кто-то из дайверов ухитряется работать... так и думал, что ты. Чего не появлялся-то?

Вот так!

Забился в угол. Сдыхал себе потихоньку. Пианино таскал. Поставил крест и на себе, и на будущем.

В то время как все знают — из тупика найден выход. Кто-то из дайверов работает.

— Работал... — уклоняюсь я.

Андрей ловит за рукав пробегающего мимо официанта. Взглядом указывает на меня.

— Почетный клиент. За счет заведения. Быстренько!

Официант застывает в ожидании. Недолгом, меню мне не нужно.

— *Печено вепрево колено* и кружку светлого «Будвайзера». И — действительно быстро.

Официант уносится на кухню.

— Ладно, мешать не буду. — Андрей разводит руками. К стойке уже приближается очередной клиент. — Подойду потом, ладно?

— Слушай, а что говорят-то о работающем дайвере?

Андрей морщится:

— Да ничего конкретного. Просто какой-то дайвер работает в Диптауне... уже с год, кажется.

Идиотизм!

Я ухитряюсь целый год не знать про коллегу, нашедшего выход!

А самое печальное, что это очень плохой знак. Если бы возродились все дайверы, я бы об этом узнал. Значит, Темный Дайвер предпочитает оставаться одиночкой.

Очень, очень печально...

Для кого именно — решим попозже.

Оглядываю зал, выбирая свободное местечко. И вдруг натыкаюсь на знакомое лицо.

За одним из столов сидит, поджав ноги и мрачно уставившись в тарелку, рыжеволосый мальчишка.

Подхожу, сажусь напротив. Спрашиваю:

— Почему не на работе?

Илья награждает меня мрачным взглядом исподлобья. Спрашивает:

— Ты кто такой?

Да, действительно...

— Леонид. Шкафчик слева от твоего.

— А... — Он проявляет проблеск дружелюбия. — Привет, Леня... Чего ты так вырядился?

— Ну, не в мотоциклетном же шлеме гулять.

Сжимая губы, Илья изучает меня, потом говорит:

— Фиговая морда. Ты и впрямь рисовать не умеешь. Хоть и лучше, чем мотоциклист.

— Спасибо, утешил, — отвечаю я. Мне уже несут «печено вепрево колено» — жареную свиную ногу. Изумительно вкусная вещь. И сервирована она, как положено — на грубой деревянной доске, изрезанной ножами, с горками хрена и горчицы, лучком и огурчиками...

Конечно, это блюдо не совсем для завтрака. Но если не спал целую ночь — можно посчитать завтрак поздним ужином?

— Гадость, — изрекает Илья, с отвращением взирая на блюдо.

— Сам ты гадость, — отбиваюсь я. Судя по пустым упаковкам от соуса, Илья ел в «Трех поросятах» макдональдовские гамбургеры. У каждого свои причуды, впрочем...

Отрезаю изрядный кусок мягкого, сочного мяса. Отправляю в рот и запиваю хорошим глотком пива.

— Лады, приятного аппетита, — бормочет Илья, вставая.

— Так чего ты не на работе? — все-таки уточняю я, разделывая свиную ногу.

— О! — Илья останавливается. — Я тебя еще не пытал! Ты слыхал про Храм Дайвера-в-Глубине?

Вначале я поперхиваюсь куском мяса, кашляю и только потом пытаюсь ответить:

— Д-да... Слышал.

— Точно? — Илья вновь садится напротив. — Давай рассказывай! Где это? И возьми мне пива, ага?

Делаю большой глоток, подзываю официанта, пытаясь собраться с мыслями.

Что-то сегодня слишком много сказано о дайверах, не находите? Недосилов, тебя бы сюда... историк-теоретик... мастер умных слов.

— Ты что, никогда этого сладкого вранья не слышал? — спрашиваю я. Очень резко, я невольно становлюсь злым и циничным. Защитная реакция организма...

— Слышал, только совсем мало.

— Два года назад весь Диптаун слухами полнился.

— Меня тогда в *глубине* еще не было. Ты давай, говори!

— Когда все дайверы передохли, — начинаю я.

— По-настоящему? — у него округляются глаза.

— Да нет... — Я отодвигаю великолепное творение виртуального повара и не менее виртуальной свиньи. — Если бы. Ну... когда они стали никому не нужны.

— Рассказывай! С самого начала!

Недоуменно смотрю на Илью. Какого дьявола? Неужели так быстро тает слава?

— Никто из посещающих *глубину* не в силах выйти из нее самостоятельно, — говорю я.

— Это все знают...

— Ты же просил «сначала»? — уточняю я. — Тогда слушай сначала.

01

Это как выдавливать гнойник. Больно, противно и приятно.

— Дип-программа, созданная Дмитрием Дибенко, вызывает у человека особый вид гипнотического состояния, — говорю я. — Человек, увидевший дип-программу, причем не важно, на мониторе компьютера или на экранах шлема, впадает в состояние контролируемого психоза — *глубину*. При этом он воспринимает нарисованный мир как настоящий. А если добавить звук, объемное видение от виртуального шлема, тактильные ощущения от комбинезона, то иллюзия будет полной. Подсознание добавляет запахи, вкус, все то, что не предусмотрено программистами. Как ты понимаешь, этот ресторанчик нарисован, еды этой не существует, я сижу у себя дома, ты — у себя...

По лицу Ильи видно все его отношение к подобным лекциям, и я закругляю известную каждому младенцу часть.

— Когда возникла *глубина* и виртуальный город Диптаун, то оказалось, что вошедший в виртуальность человек может выйти в реальный мир лишь из специально оборудованной точки выхода. Из места, где будет стоять такой же компьютер, как у него, где он сможет набрать команду выхода и увидеть дип-программу, запущенную наоборот...

— Ты про Храм что знаешь? — тонко выкрикивает Илья.

— Слушай... — мною овладевают замашки садиста. — Кому это нужно? Тебе? Тогда — терпи!

Может быть, я ожидал другой реакции. Наверное, детский облик провоцирует, я был уверен, что он уйдет прочь. Но Илья откидывается на стуле и всем видом изображает готовность слушать хоть до посинения.

— И очень, очень редко встречались люди, способные выйти из *глубины* в любой момент, — говорю я тоном Мальчиша-Кибальчиша, который выдал буржуинам главную военную тайну за пачку печенья и ложку варенья. — Их называли «дайверами». Их было мало, и работа их очень ценилась...

...Еще бы не ценилась! Когда добропорядочный семьянин попадал в Висячие Сады Семирамиды, оплатив пребывание на месяц вперед, когда тинэйджер с папиной «визой» на пару недель убегал в «Лабиринт Смерти», когда новоявленный нувориш устраивал в виртуальности индивидуальный пыточный зал для нарисованных коллег по бизнесу, — это очень плохо кончалось. Одно дело, если было, кому сорвать виртуальный шлем, вызвав тем самым легкий психоз, но все-таки вытащив человека из *глубины*.

А если это было некому сделать?

Мы были стражами на грани настоящего и выдуманного мира. Теми, кто никогда не терял связи с реальностью. Кто мог уговорить, успокоить, утешить и узнать настоящий адрес — чтобы потом, в реальном мире, взломали дверь и оттащили от компьютера высушенного жаждой, гадящего под себя, утонувшего в сладостном сне человека...

Это была одна грань. Хорошая. Добрая. За нее нас любили все.

А еще были фирмы, которые сообразили, что в виртуальном мире куда удобнее заниматься интеллектуальным трудом. Они строили своим сотрудникам роскошные офисы, стоившие копейки... они нанимали опытных хакеров для охраны этих офисов...

А *глубина* жила по своим законам. И почти неуловимый ляп в чужой программе, дырочка в защите, на поиск которой лучший программист потратил бы месяцы работы, для дайверов были просто-напросто видны. В виде двери в стене, дыры в заборе, приоткрытой форточки, слишком широкой решетки.

Не знаю, чем мы за это платили. Головной болью, мучительными приступами мигрени — это пусть те, кто никогда ее не испытывал, считают мигрень болезнью истеричных пресыщенных дамочек... Иногда — инсультами. Часто — психозами, депрессиями, суицидами. Наши мозги горели в огне, работая с тем стопроцентным КПД, которого нет и не было в мире.

И мы ломали программную защиту, даже не понимая, как это делаем. Может быть, потому больше всего дайверов было из России? Мы ведь привыкли... так вот... на халяву. Не уметь, но делать. Не работать, но получать...

Это была та сторона дайверов, из-за которой мы таились...

— Лафа... — коротко говорит Илья. — Но я это знаю. А Храм?

Мною все больше и больше овладевает беспокойство. Что-то не то. Что-то не так. Именно в нем, уже полгода как моем коллеге — а полгода в *глубине* куда больше полугода в реальном мире...

— Два года назад лафа кончилась, — резко говорю я. — Напрочь. Во-первых... люди перестали тонуть. Дип-программа погружала в *глубину*, но теперь это было контролируемое погружение. Словно ты прыгнул в воду на «тарзанке». Через сутки, ровно через сутки, плюс-минус десять минут, все возвращаются в реальный мир.

— У меня еще никогда не выходило сутки просидеть, — мрачно сообщает Илья. Отпивает пива, морщится. — А ломать чужие сервера?

— Дайверы перестали видеть дыры в программах, — говорю я. И ухмыляюсь, словно испытываю глубочайшую радость от этого факта. — Они могли входить и выходить из *глубины* в любой момент, не ставя таймера. И еще — ограничение по времени в двадцать четыре часа на них не действовало. Только... это все ерунда. Работы у них не стало. И дайверы передохли. Пошли заниматься всякой фигней.

— Блин... жалко, — похоже, Илья и впрямь не знал всех деталей недолгого взлета и падения дайверов. — А почему так вышло?

— Неизвестно.

Ответ достаточно короткий, чтобы исключить длинные расспросы.

— А Храм?

Я вздыхаю. Абсолютно искренне. Это тоже часть того, что лежит на моей душе.

— Когда м... хм. Когда дайверы поняли, что исчезают... один из них предложил создать памятник... ну и клуб своего рода... назвать его Храм Дайвера-в-Глубине. Все должны были принять участие в его создании. Ведь кое-что они умели и помимо своих особых способностей. Это должно было быть здание, недоступное никому, кроме дайвера. Несмотря на все случившееся, только дайвер должен был суметь в него войти...

— Его построили?

— Вот чего не знаю... Многие отказались. Сразу и начисто. Все были озабочены, как теперь жить. Мир перевернулся. Исчезла возможность заработка, исчез особый, привилегированный статус. И тратить время, силы, деньги на такую дребедень...

— Так он есть? Храм Дайвера-в-Глубине?

В глазах Ильи по-прежнему вопрос. Я невольно засматриваюсь на него — чертовски выразительное лицо. Живое. Настоящее.

Я умею рисовать лица. Любые. Не на планшете — не так рисуют подлинные лица в *глубине*. Но я — дайвер. А он — нет.

— Илья, этот твой облик... Он — настоящий?

— А какая, фиг, разница? — Илья сразу напрягается.

— Ты и впрямь... мальчишка?

— Да! Так есть этот Храм?

Мне захотелось помотать головой. Полгода общаться, пусть мимоходом, со взрослым человеком, и вдруг узнать, что ему двенадцать лет!

— Я не знаю, — отвечаю я. — Честно — не знаю. Может быть, и есть.

Нет. Наверняка Илья врет. Не может он быть ребенком. Что, не видал я детей в *глубине?* Либо малолетние вундеркинды, невыразимо скучные и старые, либо... либо дети. У Ромки почти не ощущался возраст, но он все-таки был постарше...

— Ясно... — Илья встает. Хорошо, что ему не видно мое настоящее лицо. На нем сейчас наверняка такая гамма эмоций! — Хрен с ним, поищу...

— А в чем дело?

Запас неожиданностей на сегодня выбран до дна.

Но мы привыкли нырять глубже, чем дно.

Я словно заново вижу свой путь от офиса «Новых горизонтов» к площади Билли Гейтса. Стены. Окна. Водосточные трубы... хотя еще никто не додумался учинить над Диптауном дождь.

Не может этого быть!

— У меня письмо в этот долбаный Храм! — Голос Ильи срывается, становится совсем тонким. — Вот!

Я протягиваю руку и беру конверт. Большой конверт из плотной бумаги, с вензелем компании и несколькими марками. Конверт кажется пустым... да он и будет пустой, пока его не доставят по назначению...

Адрес написан от руки. Буквы — сикось-накось...

Я ведь даже помню, как Ромка мне хвастался купленным планшетом. Возможностью писать от руки, своим почерком...

Храм Дайвера-в-Глубине.

Ром.

Ничего сейчас не соображаю. Пытаюсь разорвать конверт... будто забыл все хваленые — и ведь не попусту — лозунги «HLD».

— Ты чего? — удивленно спрашивает Илья.

— Садись, — говорю я, держа в руках конверт. — Садись. В общем... тут такое дело...

Он садится, еще ничего не понимая. А я готов выть от ярости и нетерпения.

Наша фирма действительно надежна. Это письмо невозможно вскрыть, пока оно не будет доставлено по назначению. Любой взлом приведет к уничтожению всей хранящейся в письме информации. Да и отобрать его невозможно. Тот же самый фокус... горстка бумажной трухи в ладонях, едва письмо окажется непозволительно далеко от почтальона.

Храм Дайвера-в-Глубине...

Значит, он есть?

Вы его построили, ребята?

Стены. Окна. Водосточные трубы.

Почтовые ящики.

Ты увидел что-то такое, что нужно было донести до всех, Ромка. Обязательно донести. Ты остановился у почтового ящика. Взял из нескончаемой стопки поверх ящика конверт. Написал адрес. Тот адрес, где обязаны поверить, где сумеют помочь.

Ты вложил ярлычок от украденного файла в конверт. Конверт опустил в ящик. И бросился бежать. Ты петлял, отстреливался из какой-нибудь допотопной дряни, пока «HLD» выкачивал бесценный файл через тебя... через твой, уже обреченный, вход в *глубину*.

А потом — может быть, тебе не хватило секунд. Может быть, ты решил посмеяться над преследователями.

И так и не понял ничего, когда судорога свела твое тело, когда легкие отказались дышать, а из закушенной губы потекла в шлем струйка крови...

— Вот ведь какое дело, Илья...

Мне трудно говорить. Я вроде бы совсем разучился это делать.

— Ты не найдешь этот Храм. А если и найдешь — не войдешь внутрь. Это сможет сделать лишь дайвер.

Мне очень хочется добавить, что я-то как раз — дайвер. Посмотреть на его расширившиеся глаза.

Но я вовремя останавливаюсь.

Дайвер — это как проказа.

Не лечится.

И хвастаться этим тоже не стоит.

Компания «HLD» занимается транспортными услугами в Диптауне уже три года. Рынок ею подмят почти полностью. И вполне заслуженно.

Во-первых, перевозка тяжестей. Глупо, но необходимо, для придания полноценной реальности нереальному миру.

Во-вторых, доставка проблемной корреспонденции. А это порой бывает крайне необходимо.

Диптаун изменчив. Очень изменчив. Разорилась компания или, наоборот, разбогатела и переехала в другой район. Человек перестал появляться в *глубине*, возник снова, но уже с новым именем и по другому адресу. Что делать, когда надо кого-то разыскать, но не знаешь точно, где и кого?

Правильно. Отправлять письмо через нашу фирму.

Мне эта работа не нравится, я предпочитаю таскать рояли. А многим она — в удовольствие. Приходит, к примеру, письмо на имя какой-нибудь Ольги Н., работавшей три года назад в библиотеке имени Мошкова. И начинается.

Библиотека давно находится по другому адресу. Весь персонал сменился. Концов не найти. Если даже удается откопать личные дела персонала, то вовсе не факт, что там есть какие-то зацепки. И начинает человек рыскать по Диптауну, выискивать концы давно порванных ниточек. С какой энергией он это будет делать, зависит от цены наклеенных на письмо марок, ведь половина суммы достается почтальону...

Наконец, ценой невероятных усилий, интриг и чистого везения адресат находится. Только зовут его теперь Олег М. С удивленным видом он вскрывает письмо и обнаруживает записку от давнего ухажера Ольги... признания в любви, просьбы о про-

щении, мольбу о новой встрече... После чего со смехом рассказывает, что под видом Ольги Н. в библиотеке подрабатывали трое бедных студентов-психологов, входя в *глубину* по очереди.

Впрочем, это уже не наше дело. Главное — письмо доставлено.

Конечно, такие случаи погоды не делают. Сумасшедших влюбленных и охваченных ностальгией друзей бывает не столь уж много...

А вот поиски деловых партнеров, например, дают очень неплохой доход.

Мы обязуемся найти любое здание в Диптауне. Рано или поздно, даже если адрес нигде не указан.

Ромка сделал великолепный ход, отправив письмо в Храм Дайвера-в-Глубине.

Если Храм все-таки построен — там письмо с файлом получат и смогут прочесть лишь свои. У нас были хорошие специалисты по безопасности.

Если Храма нет, или Илья просто его не найдет, — конверт поступит на бессрочное хранение в офисе. И хранить его будут очень-очень тщательно. Я немножко знаком с правилами. В любой момент Ромка мог прийти в «HLD» и потребовать письмо обратно.

Идеальный тайник.

Великолепный.

Вот только Илья не найдет Храма, а если и найдет — не сможет в него попасть. Он ведь не дайвер.

А Роман никогда не сможет забрать письмо. Пароль, которым он его закрыл, я не знаю, и представиться им не смогу.

Вот незадача...

— Давай, — бормочет Илья, тянет у меня из рук письмо. — Найду и войду... первый раз что ли...

В последний миг я успеваю бросить взгляд на марки.

Две по двести долларов. Одна — на пятьдесят.

Вот оно что!

Понятно, почему он носится по Диптауну, ища то, чего нет...

Вот оно как...

Ромка заплатил за письмо больше, чем мог заработать на взломе. Все свои сбережения наверняка просадил.

— Илья, я ведь совершенно серьезно говорю... — начинаю я. И в этот миг лицо пацана мутнеет. Миг он выглядит куклой из матового стекла, потом, с тонким звоном, стекло лопается.

Программный выход из *глубины*. Таймер сработал.

Как все плохо. Как досадно.

Я нашел то, из-за чего погиб Ромка, нашел совершенно случайно.

И не могу взять.

Мне уже не хочется ни есть, ни пить. Я сижу за опустевшим столом, глядя на остывающее мясо и пиво, упрямо держащее пенную шапку.

— Можно присесть?

Поднимаю голову — возле столика эффектная черноволосая девушка. Высокая, стройная, длинноногая, красивая. Как большинство женщин в Диптауне, понятное дело...

Вечный поиск приключений...

— Можно, — отвечаю я.

Глубина-глубина, я не твой...

Я стянул шлем. Посмотрел на экран — девушка продолжала стоять, будто ожидая еще какого-то ответа.

Действительно хорошая работа дизайнера, она не утратила индивидуальности и без наложенного *глубиной* макияжа.

— Вика, выход, — сказал я.

«Точно?»

— Утихни.

Картинка на экране исчезла.

— Завершение работы, — приказал я, поднялся. Глянул на часы — без пяти семь.

Настоящая Вика, похоже, еще спит. Я стащил комбинезон, бросил на кресло. Прилег на диванчик, стянув на себя плед... видимо, Вика с вечера приготовила, на случай, если приду и лягу спать здесь...

В голове был полный сумбур.

Ромка мертв.

По Диптауну бродят люди с оружием, убивающим по-настоящему.

Информация, в которой ключ ко всему, — в руках паренька, с которым я полгода работал рядом. Но добыть ее столь же

просто, как если бы дискета с файлом валялась на поверхности Луны.

Слишком многое случилось за сутки. Такое бурное начало не сулит ничего хорошего. Это насмешка судьбы.

Мне будто разом вручили все замки, которые необходимо отпереть. И забыли сущую малость — ключи.

Конечно, любой ключ можно подобрать. Было бы время.

Но времени как раз всегда не хватает...

Я закрыл глаза, проваливаясь в тот тяжелый, рваный сон, что приходит лишь под утро после бессонной ночи.

10

...Левая стена — синий лед.

Правая стена — алый огонь.

Но на этот раз я не блуждаю в тумане. Я начинаю путь, уже стоя перед пропастью.

«Как будем строить, вдоль иль поперек?» — вопрошал персонаж старой басни...

Мост натянут вдоль пропасти. Это как раз самое неприятное. И стены изо льда и огня не помогут... наоборот.

Проверено, и неоднократно.

Оглядываюсь — вдруг нежданный попутчик вновь окажется рядом.

Нет. Никого нет. За спиной лишь туман.

Странные они, эти сны о мосте над пропастью... Сны, в которых всегда понимаешь, что спишь. Сны, в которых помнишь прежние сны.

И еще — в них нет той чудесной власти над происходящим, которую дает лишь сон. Я не могу взмыть в воздух и перепрыгнуть пропасть, одним махом перенестись к тусклому огоньку вдали.

Впрочем... есть одна вещь, которую я еще не пробовал делать...

— *Глубина-глубина, я не твой,* — шепчу я.

Вначале мне кажется, что ничего не происходит. Все-таки сон — не виртуальный мир.

Потом пространство немного меняется.

В нем будто появляется легкий намек на нереальность. Лепестки огня шевелятся уже не столь прихотливо, примерзшие к ледяной стене тела грубеют, обращаются в припорошенные инеем силуэты.

Теперь я стою перед узким каньоном, прорубленным ударом чудовищного лезвия. Лезвия, что обратило левую стену в лед, а правую в огонь...

Я даже улыбаюсь во сне, занося ногу над пропастью. Теперь — никаких проблем. Что стоит пройти по меловой черте на асфальте? Когда жизнь становится мультфильмом, мы можем творить чудеса...

Вот только его больше нет, нитяного моста над пропастью. Когда исчезла реальность, исчез и он. Моста — нет, а пропасть — есть...

И падая вниз, я с криком хватаюсь за левую стену.

Холод вцепляется в ладони, пронизывает руки. Я чувствую, как стынет кровь, разрывая сосуды, слышу, как похрустывают ставшие ломкими кости, вижу, как обрастает инеем кожа...

Потом руки ломаются в локтях.

Потом я падаю вниз, прилипая к стене, срываясь...

И путь мой отмечают кровавые клочья на синей стене...

— Леонид!

Я открыл глаза. Втянул воздух — жадно, взахлеб. Во сне я уже не мог дышать. От боли, от ужаса, от бесконечного крика.

Все-таки стена огня гораздо гуманнее.

— Леня, что с тобой? — Вика присела рядом. Она, наверное, уже собиралась уходить на работу. В костюме, и губы подкрашены, и даже на ногах туфли...

— Я кричал? — спросил я, садясь на диване.

— Еще как кричал. Будто тебя резали на части.

В ее глазах был настоящий испуг.

Есть с чего напугаться, пожалуй. Я еще помнил свой собственный крик.

— Сон, — сказал я. — Мне приснился страшный сон.

— Про мост над пропастью?

— Угу.

Я рассказывал ей два своих первых сна о ледяной и огненной стене. Не то чтобы они меня сразу поразили — у любого, регулярно пользующегося дип-программой, бывают яркие и

сюжетные сны. Меня поразило повторение одного и того же сюжета.

Но когда Вика заметила, что регулярные и однотипные кошмары — признак дип-психоза, я перестал делиться с ней снами.

— Уже третий раз. — Вика немного напряженно засмеялась.

Если бы третий...

— Ты не слишком много времени проводишь в *глубине?*

— Не больше других, — почти честно говорю я.

— Леня, «не больше других» — это ответ алкоголика на вопрос, не много ли он пьет. Как вчера посидел с друзьями?

— Нормально... очень занятно было.

— А вернувшись, полез в виртуальность?

— Да... ненадолго. Обещал кое-что сделать.

Вика кивнула, поднимаясь.

— Мне это не очень нравится, Леня. Я бы заподозрила дип-психоз... не будь ты дайвером.

— Может быть, я первый дайвер, который потерял иммунитет к *глубине...*

— О... — Вика засмеялась. — Тогда меня ждет блистательная научная карьера! Такой уникальный случай, да еще под боком... временами под боком... Я пойду, Леня, уже и так опаздываю изрядно.

— Вика...

Я запнулся — в углу тихонько включился компьютер. Почему-то мне не хотелось признаваться, что я вновь поставил на машину старую программную оболочку.

— Ты помнишь о Храме Дайвера-в-Глубине?

— Да, конечно... — ожившего компьютера Вика не заметила. — Что так вдруг?

— Меня расспрашивали о нем... — Я попытался славировать, пройти между правдой и ложью. С Викой это очень трудно, но сейчас она торопилась. — Ты не знаешь, его построили?

— Мы ведь вместе решили не работать над этим. — Вика в прихожей торопливо надевала плащ. — Даже не знаю. Это у тебя была куча друзей-дайверов, не у меня. Спроси их.

— Никого уже не найти...

— Ну обратись по поводу Храма в адресное бюро Диптауна.

— Как будто там может быть адрес.

— Адреса не будет, но существует ли он — скажут... Пока, Леня. Я буду к шести, сготовь что-нибудь, ладно?

Хлопнула дверь.

А я едва удержался, чтобы не хлопнуть себя по лбу.

Конечно, адресное бюро Диптауна — штука бестолковая. Все мало-мальски конспирирующиеся организации своего адреса не оставляют. Но есть одна хитрость...

— Вика, вход в сеть, — крикнул я. Подбежал к машине.

«Выполнено».

— Режим работы — без погружения. Соединение с адресным бюро Диптауна.

«Выполнено».

Я вздохнул, глядя на открывшееся окошко терминала.

— Найти список религиозных и культовых учреждений. Войти в подкаталог «Храмы».

Список оказался немаленький. Чего там только не было... и храмы настоящих, старых религий, и Храм Восходящего Солнца, и Затерянный Храм, и Храм Крепкого Сна, и даже Храм Вкусной и Здоровой Пищи.

Фантазия у людей есть, а полсотни долларов в год — тоже не самые большие деньги.

Храма Дайвера-в-Глубине в списке не оказалось. Но это еще ничего не значило.

Я присел, левая рука легла на клавиатуру, правая — на мышь...

«Начать регистрацию строения».

Выполнено.

«Оформление заявки».

На экране появился бланк. Здоровенный бланк, но мне сейчас важна первая строчка...

«Храм Дайвера-в-Глубине», — набрал я.

Бланк исчез.

Сменился сочувственной надписью:

«К сожалению, строение с данным именем уже зарегистрировано. Смените название или повторите попытку позднее».

Вот так.

Вся информация о Храме закрыта. И скорее всего она вся липовая.

Построить здание в *глубине* можно и тайком, если обладаешь достаточным количеством машинных ресурсов. Конечно,

оно будет вне закона и подлежать сносу, но вряд ли бы это испугало строителей.

Регистрация Храма преследовала лишь одну цель — избежать появления двойников. Фальшивых Храмов Дайвера-в-Глубине.

— Есть... — прошептал я. — Есть...

Остается сущая малость. Найти этот Храм, притащить туда Илью... пусть получит свои деньги за доставленное письмо и радостно побежит домой. А я возьму файл. В Храме письмо утратит защиту и станет доступным мне... ведь я дайвер. Вряд ли создатели Храма поделили всех на праведников и отступников. Кто-то строил Храм, кто-то — нет. Но только дайвер сумеет пройти туда.

— Вика, — попросил я. — Проверь пейджер Протея.

Я совершенно не ожидал найти хотя бы один отклик. Но ответ был. Напротив прозвища «Крейзи Тоссер».

«Жду тебя в конторе «Лабиринта Смерти». Спросишь Ричарда».

Вот так.

От кого я меньше всего ожидал... да и меньше всего хотел, если честно, получить отклик.

Однажды я снес ему голову. Пусть и виртуально, но от своего брата-дайвера такой пакости не ожидают... и не прощают.

Если бы не случившееся на следующий день... если бы мы вдруг не обнаружили, что стали никому не нужны...

Тяжело бы мне пришлось.

Крейзи Тоссер был одним из самых старых и уважаемых дайверов. Мне перед такими на цыпочках полагалось ходить, а не ссориться...

А ведь он должен, обязан знать, где стоит Храм! Если не он, то кто же!

Я едва удержался от того, чтобы нацепить шлем, комбинезон и нырнуть. Слишком хотелось есть — виртуальная пища может на несколько часов унять голод, но я ведь даже в «Трех поросятах» не пообедал.

На кухне я нашел оставленный Викой завтрак. Два вареных яйца, пару завернутых в пленку бутербродов с сыром... она явно не ожидала, что я проснусь в ближайшие часы. Чайник еще не успел остыть, я сделал растворимый кофе и торопливо поел.

Глубина ждет.

А еще где-то там, в *глубине*, тикают незримые часы, отсчитывая часы и минуты до того дня, как разразится паника.

У меня больше нет ничего, что можно записать в актив. Ничего.

Кроме некоторых старых связей.

Кроме желания победить.

И — дип-психоза в придачу...

Поставив чашку в мойку, я пошел к компьютеру. Медленно, словно оттягивая время, влез в комбинезон. Подключился к машине, запустил тестовую программу, походил, попрыгал.

Все отклонения были в пределах нормы. Можно работать.

Идти на встречу с человеком, которого два года назад сделал врагом... а теперь попросил о помощи.

Я надел шлем, некоторое время посидел, глядя в экраны. Наушники чуть заметно фонили. И вентилятор в шлеме жужжал сильнее обычного.

Гиперчувствительность — тоже признак дип-психоза.

Впрочем, и шлем давно пора менять...

— Вика, вход. Личность... номер семь. Стрелок.

deep

Ввод.

Лежу, глядя в лицо мотоциклиста. Глаза у того пустые, кожа гладкая, розовая, рот полуоткрыт. Кукла. Штамповка. И выкинуть не жалко...

Встаю, смотрю на себя в зеркало.

Эх, Стрелок, Стрелок...

Укатали сивку крутые горки...

Он старомоден. Два года назад его облик был не просто хорош для Диптауна, а мог бы послужить одним из эталонов. Сейчас другие времена. В моде не джинсы и кожаные куртки, скрывающие сухое жилистое тело. Теперь время крепко сбитых амбалов в дорогих костюмах, время инфантильных красоток в полупрозрачных одеяниях, напоминающих пеньюары. В моде большие выразительные глаза и затейливые украшения. В моде унисекс и варварская пышность.

Вскидываю руку — к своему отражению в зеркале, к цепкой руке, протянувшейся навстречу.

— Ты всегда был последним Стрелком этого мира, — говорю я отражению. — Потому мне и нравился.

Я не стану раскрашивать волосы Стрелка яркими красками, менять джинсу на бархат, а дубленую кожу на ухоженную шкурку.

Я — Стрелок.

Проверяю револьверы. Заряды пока старые, но я иду к Крейзи не воевать, а мириться.

Распахиваю дверь, выхожу из номера. Запираю, краем глаз контролируя коридор. Но время очередных сюрпризов, видимо, еще не пришло.

Выхожу из отеля, ловлю машину.

Как странно — вновь быть в этом теле и вновь называть тот адрес!

— «Лабиринт Смерти», — говорю я водителю. Вовремя спохватываюсь и добавляю: — Административное здание...

Путь недолог. У «Лабиринта» хорошие машины, а посетителей администрации вряд ли слишком много.

Расплачиваюсь, с тревогой замечая желтый огонек на своей кредитной карточке. Предупреждение — осталось меньше пятидесяти долларов.

Трудно воевать, когда не на что купить патроны...

Здание прежнее: двухэтажный особняк, облицованный ракушечником. Солидные фирмы порой ценят стабильность выше показухи. Только охранник у входа вооружен чем-то новым... каким-то диким гибридом гарпунного ружья и швабры футуристического дизайна...

Впрочем, какое мне до этого дело?

В приемной три столика. У одного стоит молоденькая девчушка, что-то тихо объясняет парню-администратору. Два других свободны. Разумеется, меня ожидают две улыбающиеся девушки. Одна блондинка, другая брюнетка.

Мне в общем-то все равно...

— Добрый день, — говорю я. — Как мне увидеть Ричарда?

— Ричарда? — поскольку я остановился между столиками, сотрудницы переглядываются и делают выбор сами. Мне отвечает блондинка.

— Ваш сотрудник по имени Ричард...

Девушка едва заметно хмурится.

— Ричард... Вы имеете в виду Ричарда Паркера?

— Наверное.

Хоть Паркера, хоть Зиппо, хоть Ронсона...

— Как представить?

— Леонид.

— Запишитесь, пожалуйста...

Пока девушка набирает номер на коммутаторе и что-то говорит в трубку, записываю имя на специальный бланк.

«Попытка внешнего контроля системы, — шепчет незримая Вика. — Получен запрос на идентификацию. Разрешить доступ к системной информации?»

— Да, — говорю я.

«Виндоус-Хоум» у меня зарегистрирована на имя Пользователь из компании Компания.

Это чрезвычайно ценная информация, конечно, но я готов ею пожертвовать...

— Следуйте за указателем. — Блондинка улыбается. Ей велели меня пропустить.

В воздухе вспыхивает розовый огонек. Приплясывая, летит к одной из дверей. Киваю секретарше, иду за огоньком.

Коридор короткий, и таблички на дверях вполне впечатляют. Особенно на той, которая мне нужна.

«Ричард Паркер.

Служба внешней безопасности».

Я открываю дверь и вхожу.

Черт возьми, не только я надел старое тело!

Крейзи Тоссер тоже в том облике, что знаком мне по дайверским сходкам.

Толстенький, пожилой, с редеющей и аккуратно зачесанной шевелюрой. Костюмчик, галстук... все очень цивильно.

Стою, ожидая его первых слов. Начнем вспоминать обиды?

— Леня, старый ты козел! — радостно вопит Крейзи. Выскакивает из-за стола с прытью, доступной лишь в *глубине*. — Все такой же!

Пожимая ему руку, я все еще жду подвоха. Любого.

И только усевшись в кресло и взяв предложенный бокал виски, понимаю, что он совершенно искренне мне рад.

— Ты куда пропал? — Крейзи разводит руками. Он канадец, и либо говорит через программу-переводчик, но программу отлаженную и вылизанную до блеска, либо здорово попрактиковался в языке. Раньше он владел русским превосходно, но

акцент имелся, сейчас его нет совсем. — Я посмотрел... двадцать четыре письма тебе кидал!

— Забросил я свой пейджер.

— Зачем? — удивляется Крейзи.

— А смысл? — вопросом отвечаю я. Поднимаю бокал. — За встречу!

— За встречу! — соглашается бывший дайвер. — Как ты живешь?

— Нормально.

— Бизнес?

— Никакой, — не вижу смысла кокетничать.

— Вот! — Крейзи Тоссер будто чуть меняется. Не внешностью — поведением, интонациями голоса... теперь это и впрямь Ричард Паркер, крупный сотрудник «Лабиринта Смерти». — Я посылал тебе предложение пойти к нам на работу.

— Кем?

— Начальником отдела внутренней безопасности. — Дик улыбается. — Понимаешь?

— Честно говоря, нет... — признаюсь я.

— О'кей. — Дик вздыхает. — Ты очень хорошо шел по «Лабиринту»... два года назад. Конечно, теперь дайверы-спасатели нам не нужны, сам понимаешь. А вот заводила...

Крейзи делает паузу, но я все еще не понимаю.

— Для интереса любой массовой игры в ней должен быть ярко выраженный лидер. Кумир. Культовая фигура. Он не должен быть в игре постоянно — иначе все почувствуют свою ущербность. Но вот иногда... иногда появляться и быть примером...

— На эту роль ты метил Стрелка? — спрашиваю я.

— Да. Он ведь уже стал одной из легенд «Лабиринта»! Тебе работа не нравится?

Пожимаю плечами. Работа как работа. Нескучная, непыльная и уж наверняка лучше оплачиваемая, чем таскание нарисованных роялей. Соглашаюсь:

— Пожалуй, я бы пошел.

— Еще не поздно! — восклицает Дик. — Конечно... прошло слишком много времени. Но пара-тройка твоих проходов по «Лабиринту», и...

— У вас ведь все наверняка изменилось.

— Еще как! Но ты потренируешься...

— Крейзи, я пришел не за этим.

Дик садится в свое кресло, кивает:

— О'кей. Тогда говори. А потом обсудим мое предложение еще раз.

— Ты и впрямь не держишь на меня зла? — на всякий случай интересуюсь я. — За ту... тот инцидент.

— Какой? А... «Варлок»... — Крейзи ухмыляется. — Держал, тогда... Но теперь-то что?

— Ладно. — Я киваю. — Тут такое дело...

Крейзи Тоссер — весь внимание.

— Помнишь Храм Дайвера-в-Глубине?

— Еще бы, — на миг Ричард утрачивает оживленность. — Помню. Ты сразу отказался его строить?

— Да. — Я отвожу глаза.

— Молодец, — кивает Дик. — Ты прав был. А я долго тянул... почти до конца.

— Почему?

— Нельзя цепляться за прошлое. За ушедший мир. — Дик наставительно поднимает палец. — А уж строить монументальный памятник самим себе... глупо и смешно!

Вот как, значит...

Да, конечно. Он прав. А я еще правее, выходит. Вот только мне почему-то стыдно... что в этом Храме нет ни одного моего кирпичика.

— Храм построен? — спрашиваю я.

— Да, уже с год. Ты там был?

Как все просто!

— Нет, Дик. Но мне надо там побывать. Можешь это устроить?

Крейзи почему-то мнется.

— Видишь ли... Леонид... Вначале над Храмом работало больше ста человек... но уже через полгода лишь семеро. Когда все было практически готово, нас осталось только трое. Мы его и завершили... в общих чертах...

— Вы молодцы, — говорю я. — Это очень здорово, что Храм построен. Где вы его поставили?

— В размазанном пространстве.

— Что?

— Ты совсем не в курсе? — Дик вздыхает. Достает пачку сигарет, закуривает. Либо у него статус выше, чем у Маньяка,

либо хозяева «Лабиринта» не такие идиоты, как владельцы «Virtual guns». — Это ведь планировалось совсем особым проектом, Леонид...

— И что с того?

— Храм должен был быть вечным. Как сама *глубина*. А значит, не зависеть ни от одного сервера. Создающие Храм программы свободно блуждают по сети, их фрагменты дублируются, рекомбинируются, самостоятельно организуются для работы. Чтобы Храм исчез, надо уничтожить *все* машины в сети. Точнее, более девяноста трех процентов на нынешний момент.

— Лихо, — только и говорю я. — Вы его делали на основе вирусной технологии?

— Конечно. Этим занимался не я лично, большинство дайверов работали над созданием самого Храма. Программный базис для него писали профессионалы.

— Значит, Храм существует... значит, он не имеет точного места в Диптауне... — Я закусываю губы. — Так. Как в него попасть?

— Когда мы остались втроем, — говорит Дик, — то поняли, что проект пора завершать. Пускай и не все еще получилось, что задумали. Тогда мы создали три точки входа, каждый придумал и спрятал в *глубине* свою собственную... и на этом все завершилось. В данный момент Храм даже не существует. Но стоит подойти к одним из ворот, как он самоорганизуется в какой-либо свободной точке Диптауна. Красиво?

— Красиво, — соглашаюсь я. — И где твой вход? Ты можешь мне его дать?

— Конечно. Ты же дайвер. Но... ты понимаешь...

— Что? Не тяни, Крейзи!

— Мне тогда уже надоела вся эта затея, — признает Дик. — И я со злости запихнул свою точку входа в очень своеобразное место... на последний этап «Лабиринта Смерти».

— Идиот... — только и говорю я, соображая, во что превратилась самая большая игра Диптауна за последнее время. — Как быстро можно пройти «Лабиринт»?

— Он же теперь командный, — бормочет Дик. — Месяц... два. Леонид, если ты хочешь посмотреть, что мы наделали с Храмом, так иди другим путем!

— Чьим?

— Вторым из нас был Пауль. Помнишь его?

Я вспоминаю... хотя и смутно. Тощая жердина в шортах, всегда ходил голый по пояс, с цветной татуировкой на груди...

— Да, помню.

— Так вот, он очень долго прятал свою точку входа... подошел к вопросу очень серьезно... наконец разместил ее в подвале одного из офисов «Майкрософта».

— Надежно.

— Да, но это было то здание, которое весной взорвали террористы.

От неожиданности присвистываю.

Все про это слышали. Весь Диптаун был в панике. Под здание заложили логическую бомбу второго поколения, и серверы были начисто выведены из строя.

— Вход погиб?

— Да. Восстановлению не подлежит. Но ты обратись к Роману, вы ведь приятели, так?

— Были приятелями, — автоматически поправляю я. Дик не обращает на оговорку внимания.

— У него очень простой вход, через его же особняк. Роман чужим серверам не доверял, держал все на собственной машине.

Я молчу, пытаясь сообразить, возможно ли восстановление диска после запущенной Падлой программы. По всему выходит, что нет.

— А через мой вход в Храм идти — сплошное мучение, — самокритично признает Дик. — Если бы я и впрямь держал на тебя зло, за тот случай... вот тогда предложил бы воспользоваться.

— Что ж, значит, мы квиты, — говорю я. — Ромка мертв, Крейзи. И на машине все стерто. Я потому и иду в Храм Дайвера-в-Глубине, что хочу отомстить его убийцам.

Поднимаю глаза и вижу, как медленно меняется лицо Дика.

— Мертв он, — повторяю я. — Убит. Причем убит из *глубины*, а умер в реальности. Что это значит, понимаешь?

Кажется, что добродушный и спокойный хозяин кабинета близок к обмороку. Но я все-таки высказываю вслух то, что он сейчас наверняка думает.

— Представь, что у всех игроков, что сейчас бегают по «Лабиринту», меняется оружие. Незаметно... чуть-чуть. И они начинают убивать друг друга по-настоящему.

Очень надеюсь, что у Крейзи Тоссера, а он ведь по-настоящему пожилой человек, крепкое сердце.

11

Карт нет никаких. Как и раньше.

И служебных входов — тем более. В них абсолютно не осталось нужды с тех самых пор, как люди перестали тонуть в *глубине*.

— Попробуй, — говорит Крейзи. — Глянь... что да как.

— Может быть, все-таки пойдешь со мной? — спрашиваю я.

Арка из черного мрамора, вход в «Лабиринт Смерти», не изменилась. Клубится багровый туман, пролетают медленные, будто сонные, разряды молний и бредут нескончаемым потоком люди.

Часть — настоящие, часть — добавленные компьютером. Для массовости.

— Я уже стар для этой игрушки, — говорит Крейзи.

Мы стоим чуть в стороне от потока. Я по-прежнему в теле Стрелка, а Крейзи надел более молодое и крепкое. Спрашиваю:

— Сильно изменили местность?

— Не только местность. Это уже второй этап игры, первый, старенький, перенесен на дополнительный полигон. Там, как и раньше, отбивают нашествие инопланетных захватчиков.

— А тут?

— Ответный удар. Земной крейсер с десантниками высаживается на вражескую планету.

Ой-ей-ей...

Как я отстал от жизни. Интересуюсь:

— Но основа не изменилась?

— Основа, черт возьми, со времен «Волчьего логова» не менялась. Убей все, что движется. Собери все, что под руку попадется.

— Тогда в чем проблема?

Крейзи пожимает плечами. Смотрит на нескончаемый поток.

— Леонид, понимаешь ли... нет, лучше сам сходи... Я буду ждать тебя в кабинете. Удачи!

Правильно. Нечего заранее паниковать.

— К черту! — Я хлопаю его по руке. И делаю шаг к неспешно бредущей колонне.

Лица вокруг — самые разные. Безусые пацаны, крепкие мужчины, пожилые, седовласые ополченцы. Можно подумать, что вся Земля собралась на бой с пришельцами. Старый милитарист Хайнлайн был бы в восторге от этой картины.

Есть и женщины, конечно. Но их куда меньше.

А иногда попадаются инвалиды — на костылях, и даже на колясках.

Политкорректность, в общем... куда нынче без нее.

— Привет...

Легкое дежа вю...

Но со мной здоровается не Алекс, на одной лишь ненависти не отставший от меня когда-то до тридцать шестого этапа...

Молоденькая, лет семнадцати, девчонка. Черные волосы очень коротко подстрижены. Лицо, может быть, даже слишком молодое и наивное. Но фигурка крепкая и ладная. Джинсы, клетчатая мужская рубашка...

Где-то я ее видел...

— Тоже не взяли на работу? — спрашивает девушка. И я вспоминаю. Это она стояла перед секретаршей, что-то доказывая, когда меня направляли к Ричарду.

— Сам не пошел.

— Условия не устроили?

Бросаю взгляд вперед — до арки еще далеко. Давящий гул потихоньку нарастает.

Почему бы и не поговорить...

— Вроде того.

— А ты неразговорчив.

Киваю.

— Меня зовут Нике.

— А я Стрелок.

— Ты давно играешь?

— Я давно не играю.

— Давай вместе пойдем вначале? Там очень сложно.

Я едва сдерживаю улыбку.

— Нет, извини. Я одиночка по натуре.

Будет неприятно ее убивать, когда она направит пистолет мне в спину. Лучше уж не доводить дело до греха.

— Ладно, — легко соглашается девчонка.

— Предложи кому-нибудь другому, — говорю я.

— Найду кого-нибудь настоящего — предложу. — Она сразу утрачивает ко мне интерес и внимательно оглядывает идущих рядом.

Что ж, похоже, и впрямь вокруг в основном компьютерные муляжи. В «Лабиринт» ежесекундно входит один игрок, но никак не два-три десятка...

— Стрелок, тебе никогда не казалось, что и в жизни все так же? — вдруг спрашивает Ника. — Что вокруг — манекены. С разными лицами, с разными характерами. Где-то свободы воли побольше, где-то поменьше. Но все равно девяносто процентов — куклы. Кем-то сделанные, чтобы нам веселее жить было.

— С чего бы это? — Я даже немного теряюсь от такого допущения.

— Ну, если верить в переселение душ... Людей-то все больше и больше становится. Откуда каждому брать душу? Вот и бродят — манекены. С виду нормально, а души нет.

Можно, конечно, сказать, что не верю в переселение душ. Только это не аргумент.

Портал уже рядом. Гул давит на сознание, воздух пахнет озоном, кое-кто вокруг сбивается с шага, неуверенно оглядывается по сторонам. Да, вход в «Лабиринт» всегда впечатляет и настраивает на своеобразный лад.

— Бывай, Стрелок! — кричит девчонка и переходит на бег. Ныряет в клубящийся туман.

Правильно. Нечего тянуть!

Бегу следом, и арка закрывает небо. Туман. Тишина.

Я ожидаю, что сразу же окажусь на чужой планете. В первом «Лабиринте» все начиналось быстро. Но меня ждет неожиданность.

Огромный зал. Металлические стены, низкий потолок с холодным светом ламп. Вдоль одной стены — открытые душевые кабины, вдоль другой — низкие, прикрытые стеклянными колпаками ванны.

Толпа людей — кое-кто еще одет в свое, другие, голые, моются в душевых или растерянно бродят по залу.

И небольшое количество крепких, поджарых мужчин и женщин в форме, с короткими дубинками в руках.

— Чего вылупился! — ко мне подходит, покачивая дубинкой, молодая негритянка. Она жует жвачку, на щеке — шрам,

на груди — планки незнакомых орденов. — Новобранец хренов... в душевую, быстро!

Спорить не хочется. Устраивать разборки — тоже, тем более что в кобурах уже нет револьверов.

Раздеваюсь, бросаю одежду на пол — в гору чужих тряпок. Вхожу в душевую.

Вода зеленоватая и резко пахнет химией. Как они добились такого четкого медицинского запаха?

Моюсь долго, тщательно. Происходящее начинает забавлять. Сержанты расхаживают по залу, загоняя «новобранцев» в душевые, а после душевых — в ванны. Колпаки ванн немедленно наполняются белесым туманом.

— Размылся, блин! Не в бане!

Удар дубинкой по ребрам не слишком болезненный, но обидный. Тем более когда стоишь голый, а бьет женщина.

— Зря это делаете, сержант, — говорю я.

Негритянка щурится.

— Ты еще поговори... В анабиозную камеру, живо!

Иду к ближайшей свободной ванне, сзади негритянка, как конвой. Дурацкое ощущение, что сейчас получу пинок под зад.

А к соседней кабинке подходит Нике. Тоже обнаженная. Наши взгляды встречаются.

Пусть мир виртуальный, а тела нарисованы, но всё равно чувствую неловкость. Женщина-сержант не в счет, она на работе...

Впрочем, и мы теперь тоже.

— Быстро!

Подмигиваю Нике и забираюсь в ванну. На дне — лужица ледяной жидкости, торчат какие-то форсунки и электроды. Гибрид джакузи и электрического стула... точнее, электрической ванны...

В последний миг негритянка еще раз вытягивает меня дубиной — теперь уж совсем гнусно. Среагировать не успеваю — стеклянный колпак опускается, из форсунок валит туман.

— Ты мне попадешься! — кричу я, корчась от боли и упираясь коленками в стекло.

Но тут из тупых конусов электродов бьют синие разряды, и наступает темнота...

Времени нет. Темнота.

И далекий, заунывный вой сирены...

Открываю глаза и тупо смотрю в разбитый колпак. Сквозь дыру в стекле медленно улетучивается белый туман.

Прилетели уже?

А что ж так темно — горят только две или три тусклые лампы на весь потолок?

И колпак анабиозной ванны... зачем имущество портить?

Толкаю колпак — не поддается. Пытаюсь расширить дыру в стекле — режу руки, но выламываю здоровенный кусок. Теперь можно и протиснуться...

Картина жуткая.

Половина зала смята и сплющена. Там ванны разбиты, из некоторых торчат изуродованные тела, на полу лужицы крови.

Что-то нехорошее случилось с нашим десантным кораблем...

Заглядываю в соседние ванны, но их колпаки открыты, и никого нет.

Значит, меня посчитали мертвым? И ушли?

Быстро обхожу зал в поисках хоть какого-то оружия. Ничего нет. Зато обнаруживаю мертвого сержанта, вполне подходящего по габаритам. Парню размозжило голову какой-то циклопической балкой... аккуратно так размозжило, форма не пострадала и даже не испачкалась. Стягиваю с тела одежду, не испытывая ни малейших колебаний. Для того он тут и лежит, страдалец, чтобы я смог одеться.

Но где же оружие, черт возьми?!

Какое-то неправильное начало игры.

Легкой трусцой выбегаю из зала в какой-то коридор. Свет везде тусклый, нереальный. Обшариваю несколько отсеков, но оружия не нахожу. Только какой-то фонарик, забытый на неработающем пульте.

Мне становится все интереснее и интереснее. Зря пренебрегал «Лабиринтом», ох зря!

Через четверть часа я наконец-то обнаруживаю выход из корабля. Это не люк, а пробитый участок стены с оплавленными краями. Осторожно касаюсь металла — тот еще горячий. Пригибаюсь, выглядываю.

Пейзаж великолепен.

Высокое, сиреневое небо, на порядочной высоте плывут облака. Кружат какие-то птицы, временами доносится печальный гортанный клекот.

Спрыгиваю на землю, слегка отбивая ноги. Отхожу подальше от корабля, окидывая его взглядом. Корабль лежит на грунте, он наполовину раскололся, ударившись о скалу. Жесткая посадка. Исполинская же была машина, метров триста в длину...

И никого.

Где же мои уцелевшие товарищи по несчастью?

Лишь через пять минут, приближаясь к цепочке скал, я нахожу первого.

Точнее — первую. Это Ника. Частично Ника, частично куски кровавого грунта. Ее вдавило в землю и перемешало так, что и Босху бы не приснилось.

Зато ее мертвая рука сжимает пистолет...

— Вот оно как, девочка, — говорю я. — А ты говоришь куклы... марионетки...

Теперь она для меня — такая вот марионетка. Появившаяся и погибшая для того, чтобы снабдить оружием.

Или все-таки это совпадение?

Осматриваю оружие. Пистолет стреляет разрядами голубого пламени, причем, удерживая спуск нажатым некоторое время, можно добиться более мощного выстрела. Судя по индикатору, заряд оружия практически неисчерпаем.

Да уж... сложное дело. С таким оружием только последний дурак способен проиграть.

Куда в лучшем расположении духа я иду к скалам.

Птицы все так же тоскливо вопят над головой. Борюсь с искушением пострелять по ним.

— Я — Стрелок! — говорю сам себе. Настраиваюсь на тот прежний, задорный боевой лад, что всегда выручал до момента, когда требуется включать настоящую ярость. — Я — Стрелок!

Пещера в скалах — самое подозрительное место. Беру пистолет на изготовку, включаю фонарик, иду. Пещера почти сразу переходит в какой-то туннель, грубый, но явно искусственного происхождения. Давно пора начаться стрельбе.

И противник не заставляет себя долго ждать.

Вначале я слышу тяжелое сопящее дыхание, гулкие шаги. Занимаю позицию поудобнее, у поворота, прижимаюсь к стене. Жду.

Существо, появившееся передо мной, напоминает чудовищно раскормленного и слегка побритого медведя, идущего на

задних лапах. Существо выше меня на две головы. Нажимаю на спуск, и серия голубых вспышек бьет в грудь чудовища.

Прямо в тусклые пластины брони.

Чудовище не издает ни звука. Не снисходит до этого. Зато с плеча его срывается короткая тупорылая ракета.

Ой...

Больно...

Я умираю секунд пять. По моему предвзятому мнению — излишне много для человека, размазанного по полу. Я еще успеваю заметить, как существо склоняется надо мной и протягивает лапу к пистолету, вижу, что пластины брони немного потемнели и вмялись от моих выстрелов...

Потом — умираю.

— В душ, мать твою! Что вылупился?!

На этот раз меня обругал молодой парень, но тоже в сержантской форме. И не бьет дубиной, что уже прогресс.

Значит, каждый раз придется начинать с погрузки в корабль? И оживать вот так — голым, вымазанным в кровавой жиже?

Снова вижу Нике.

Девчонка растеряна. Ага...

Ну как, кто настоящий, а кто куклы? Уж не все ли мы вместе?

— В штаны наложили? — Сержант уже обращается ко всем. Похоже, никто из вошедших не прожил достаточно долго, чтобы опоздать ко второму заходу. Компания та же. Я уже начинаю выделять отдельные лица, кроме Нике, это пожилой, очень интеллигентного вида господин, двое парней-близнецов (чем черт не шутит, может быть, и впрямь близнецы), крепко сбитая дама, напоминающая мне Луизу, и прыщавый юнец, явно нарисованный человеком, ненавидящим всю молодежь в мире.

— Нечестная игра! — высказывает общее мнение один из близнецов. Второй лишь кивает.

— Никого силой не держим. — Сержант сплевывает на пол. — Трусы могут уходить.

Я молча иду в душ.

Остальные — тоже.

— Спасибо за пистолет, — говорю я Нике.

— Какой? — Она смывает с себя грязь и кровь в соседней кабинке. Уже никто ничего не стесняется.

— Я твой труп видел. И подобрал оружие.

Девушка отворачивается. Потом говорит:

— Если держать спуск нажатым три секунды, генерируется более мощный заряд.

— Спасибо, я понял. В том мире лишь мух давить такими зарядами.

Нас опять разгоняют по ваннам.

Шипение белого газа. Короткая боль от электрических разрядов. Темнота.

На этот раз я пробуждаюсь вместе со всеми. Теперь зал пострадал меньше, но что-то случилось с аппаратурой большей части анабиозных ванн. Там покоятся поджаренные тела.

— Это те, у кого не было души, — говорит Нике, победно усмехаясь.

Вынужден согласиться. Погибли самые невзрачные персонажи. Явно программные порождения.

Все, кого я определил как настоящих игроков, живы.

Еще живы три сержанта. Они раздают нам пистолеты и обмундирование унылой серой окраски. В ярком мире за пределами корабля эта защитная форма будет лишь мишенью.

Небольшим отрядом выбираемся наружу. Там я останавливаюсь.

— Пошли! — рявкает сержант.

— Иди сам... по известному адресу, — держа руку на рукояти пистолета, говорю я.

— Что???

— Я — Стрелок. Я пойду сам.

Прыщавый юнец в восторге. Интеллигент и близнецы смотрят неодобрительно. Нике размышляет.

Сержант колеблется. Потом кивает:

— Давай... дурак. Иди один.

Группа уходит. Нике стоит, глядя на меня. Спрашивает:

— Почему ты отделяешься?

— Этот отряд — одна прекрасная мишень, — говорю я. — Для ракетного оружия цели лучше не придумать.

— А что ты сделаешь в одиночку?

— Подумаю.

Нике смотрит в сторону удаляющегося отряда. Пожимает плечами и убегает следом.

Я же действительно сажусь на камень и размышляю. Довольно долго. Потом иду вслед за отрядом.

С одной стороны, это полное свинство — пустить перед собой группу зачистки местности. С другой — я сюда не играться пришел.

И самое основное — я не верю в их успех.

Правильно делаю, что не верю...

Туннель похож на разделочный цех бойни. Ошметки тел повсюду. Оружия нет, увы...

Зато вновь слышны тяжелые шаги.

— Я Стрелок, — повторяю, закусывая губу. Не устарело ли заклинание...

Шаги все ближе и ближе.

Когда монстр должен вот-вот появиться из-за поворота, нажимаю на спуск. Пистолет мелко вибрирует, набирая усиленный заряд. И выплевывает темно-синий сгусток пламени в грудь врага.

Хоть бы что!

Прыгаю вперед. Кручусь перед самым носом урода. Не станет же он палить из ракетомета себе под ноги?

Не стал!

Зато удар толстой лапы, хоть и пришедшийся вскользь, чувствительно швыряет меня о стену...

Все это время я стреляю не переставая. Пистолет делает все более внушительные интервалы между выстрелами, заряд не успевает восстановиться. Но я все-таки добиваюсь своего.

Грудная броня лопается, и монстр падает.

Встаю. Голова гудит, бок болит, руки трясутся.

Хорошо поиграли!

Кровь в висках «бум-бум-бум»...

Какая еще кровь в висках! Навстречу выскакивает второй, точно такой же монстр. Только он свеженький, полный сил и жажды деятельности. А я уже полудохлый, с едва стреляющим пистолетом...

Глубина-глубина, я не твой...

Будем играть без правил!

Мир, как ни странно, изменился очень умеренно. Великолепная проработка среды, потрясающая! Но я уже был не в

«Лабиринте Смерти», я стоял в своей квартире, в шлеме и комбинезоне, сжимая в вытянутой руке нарисованный пистолет.

Выстрел — я бросился вправо. Монстр разворачивается на экране, грузновато, но все-таки слишком быстро.

Откатиться...

Вскочить...

Отпрыгнуть...

Монстр палит не переставая. Ракеты садят по стенам, меня шатает ударной волной.

Танец меж огненных цветов.

Полупридавленная пчела, порхающая перед огнедышащим медведем, вот кто я сейчас.

И жалить могу редко-редко...

Но все-таки могу.

Я выпустил последний заряд, уже понимая, что не могу дальше поддерживать безумный темп. Решение подобраться к врагу вплотную было, бесспорно, правильным, но я не ожидал появления второго монстра...

Враг издает глухой рев и валится замертво.

deep

Ввод.

Сажусь возле разодранного в клочья тела. Кладу на колени пистолет, вытираю со лба пот.

И это — самое начало игры?

Первый этап?

Но я же все-таки справился...

Обшариваю помещение. Движения замедленны — я ранен. Но под какими-то пустыми ящиками удается найти аптечку. Вечная и, наверное, неизбежная уступка создателей игр — и людям, и монстрам помогают одинаковые медикаменты.

Прикладываю маленький аппаратик к телу, боль уходит. Сразу прибавляется сил, из глаз исчезает розовый туман.

Ну, вперед! Я все-таки Стрелок!

Выхожу из туннеля на холмистую равнину. Вдали какие-то хижины.

Печально кричат птицы. Все громче и громче кричат...

Поднимаю голову как раз для того, чтобы получить в лицо удар клювом.

Больше всего птичка походит на миниатюрного птеродактиля. В раскрытом клюве — тонкие острые зубы...

Да что же это такое!

Почти минуту ухитряюсь вертеться под натиском стаи, паля во все стороны.

Одну птичку я даже сбиваю.

А потом пять секунд наблюдаю, как летучие твари пируют на теле Стрелка.

Клочьями формы они тоже не брезгуют, глотают запросто. На закуску, наверное.

— Ага, вот и добегался! — победоносно провозглашает сержант. Тот самый, которому я угрожал пистолетом. — Ну... Стрелок...

Он вдруг оглядывает меня с проблеском интереса.

— Историй наслушался, решил в Стрелка поиграть, — без особого осуждения говорит интеллигент. — Господа, давайте подойдем к вопросу серьезно! Нам необходимы коллективные усилия! Командная игра!

Сержанты вовсе не протестуют против его инициативы. И даже не обхаживают никого дубинками. Видимо, это и было целью, сколотить из нас дружную боевую единицу?

А еще они с любопытством смотрят на меня. На покрытое кровью тело.

— Птички, что ли? — спрашивает негритянка. Цокает языком.

Неужели по моему виду можно понять, как далеко я зашел?

— Или мухи?

Там еще и мухи есть?

Молча захожу в душ. Смываю кровь. Поднимаю свою одежду.

На меня смотрят понимающе. Но и с некоторым презрением.

— Не кипятись. — Парень-сержант кладет мне руку на плечо. — Задатки у тебя есть. Но в одиночку, да еще без всякого опыта...

У меня нет ни малейшего желания вставать в строй. Играть в дружной команде. Соревноваться с другими командами. Я не играть сюда пришел!

Пройти новый «Лабиринт Смерти» до конца действительно потребует месяца усилий.

Столько времени мне попросту не отпущено.

100

Пьем с Ричардом кофе.

— Ты уверен в существовании оружия третьего поколения?

Он должен был задать этот вопрос раньше. Видимо, шок был слишком велик.

— Да.

— Надо проверить карточку медицинского страхования Романа, — говорит Ричард. — Потом... у вас обязательная служба в армии, его должны были тщательно обследовать военные медики...

— Дик, — качаю головой. — Мы не в Канаде живем. Не в Израиле. Проверка военных медиков сводится к приблизительному подсчету количества конечностей.

— Если это оружие создано — Диптаун превращается в душегубку, — говорит Крейзи. — Нет принципиальной разницы между программой локального действия, которая атакует конкретного человека, и бомбой, выжигающей целые области виртуального пространства. Достаточно одного-единственного психопата, Леонид.

Киваю. Аналогия понятна — если бы атомную бомбу можно было собрать на коленке из старого пистолета, мир давно бы превратился в радиоактивную пустыню.

— Что могло быть в похищенном файле?

— Не знаю, Крейзи. Фирма занимается прикладной мелочью, периферийными девайсами разного рода. Но...

— Неужели они разработали это оружие?

Да, конечно, это самый правдоподобный вариант. Очередной сумасшедший гений, вроде Димы Дибенко. Придумал и написал программу, убивающую всерьез. Обалдевшее руководство фирмы вооружило охрану новой разработкой и пытается тянуть время. Может быть, торгуются, шантажируют крупнейшие электронные фирмы мира. Может быть, чем черт не шутит, вынашивают грандиозные планы по завоеванию виртуального мира.

— Не знаю, Крэйзи.

— «Лабиринту» конец, — рассуждает Крейзи. — Жалко, но не это страшно. Всей *глубине* конец.

— Сотни тысяч человек, в один миг умирающие перед своими компьютерами, — вот о чем ты должен думать! — не сдерживаюсь я. — Вот о чем!

— Достаточно будет пустить слушок, и никто не сунется в виртуальность. — Крейзи разводит руками. — Вот только необходима полная уверенность...

— Слуху никто не поверит, Дик. Ты вспомни, сколько безумных историй ходит по *глубине*...

Крейзи извлекает бутылку виски, щедро плещет в стаканы себе и мне.

— Пойдем с другой стороны, Леонид. Кто такой этот Темный Дайвер, заказавший похищение файла?

— Никакой конкретной информации.

Дик кивает, поднимает указательный палец:

— Но мы его имеем в виду, так? Он явно догадывался о происходящем!

— Если догадывался, то он преступник, Крейзи. Он подставил вместо себя людей, не способных вовремя уйти из *глубины*.

— Мораль его оценивать пока не будем. Лучше решим — как на него выйти?

— Один человек этим занят. Если он не сумеет, то вряд ли это вообще возможно.

Крейзи ничего не уточняет. Мы все-таки предпочитаем доверять друг другу. В случае крайней необходимости.

— Где сам файл?

— В компании «HLD», в которой я работаю... точнее, работал.

— Леонид, не проще ли организовать взлом твоей конторы?

Вздыхаю.

— Слушай. Ситуация примерно следующая...

— Письмо с файлом у какого-то паренька, ты говоришь?

— Да оно могло быть и у меня, Дик. Ничего это не меняет! Все устроено очень просто — в конверте находится лишь ярлычок, линк к файлу. Файл — в конторе. Закрыт на ключ длиной четыре тысячи девяносто шесть байт...

Крейзи только морщится.

— Если письмо доставлено по назначению, его можно вскрыть. Защиту самого письма тоже не так-то просто обойти, между прочим. Когда оно будет вскрыто и программы убедятся в правильности доставки, файл будет передан по адресу.

— По адресу? — уточняет Крейзи. — Не получателю, а по адресу доставки?

— Да. Именно.

— Но у Храма Дайвера-в-Глубине нет четкого адреса! Храма вообще нет, пока в него кто-нибудь не входит!

— О чем я и говорю. Обойти защиту невозможно. Если даже похитить закриптованный файл, вскрыть его практически невозможно. Если нейтрализовать курьера, отобрать и вскрыть письмо — информация будет направлена в Храм.

— В Храм, которого нет... Зачем вы ставите такую длину ключа? Вы секретами Пентагона торгуете? Или ролики интимной жизни президентов пересылаете?

— Мы просто гарантируем безопасность... — Я невольно ухмыляюсь. — Мы... да я там никто. Мелкая сошка. Наемный работник за копеечные деньги.

— Обратиться к руководству, — предлагает Крейзи. — Рассказать им всю правду. Наверняка они имеют какие-то аварийные варианты.

— Тебя сильно изменила официальная работа, — мне даже не хочется спорить. — Пойдем. Скажем, что мы дружки погибшего хакера, укравшего ценный файл у весьма уважаемой компании. Расскажем, выпучивая глаза, байку про Темных Дайверов и оружие третьего поколения. Дождемся полиции...

— А что ты предлагаешь делать? — устало спрашивает Крейзи. — Что?

— Зачем ты спрятал вход в Храм в «Лабиринте»? Все было бы просто!

— С твоей же подачи! Ты продемонстрировал, что дайвер способен идти по «Лабиринту», как по бульвару! Логично было устроить вход в место, куда способны войти лишь дайверы, в конце самой сложной игры в мире!

— Надо войти в Храм, — говорю я. — Зафиксировать его в какой-то точке Диптауна... это ведь возможно сделать? Хотя бы на время?

— Да.

— Потом сообщить пареньку, где находится Храм, получить письмо и... и понять, что происходит. Для начала — понять. Дальше уже можно будет бороться.

— «Лабиринт» теперь невозможно преодолеть в одиночку, Леонид. Опытная команда будет проходить его около месяца. Рекорд... э... да, двадцать семь суток, причем ребята шли по

десять часов в день. Из команды в тридцать человек к цели дошли четверо. Остальные отстали. У нас есть это время?

— Нет. Мне кажется — нет. Все надо решить в ближайшие трое-четверо суток.

— Я всегда верил твоим предчувствиям. Так что ты будешь делать? Идти по «Лабиринту»?

— Вначале посоветуюсь с друзьями. Да, наверное, придется собирать команду. Крейзи... ты не хочешь взять отпуск?

Он удивленно поднимает на меня взгляд.

— Как ты понял?

— Дик, спасибо.

— За что?

— Будет куда проще идти с тобой, ведь это твоя работа...

Я замолкаю. До меня доходит, что на самом деле имел в виду Ричард.

— Леонид, я собираюсь взять отпуск и провести его вне *глубины*.

Молчу.

Не ожидал все-таки. От него — не ожидал.

— Считаешь, не прав? — спрашивает Ричард.

— Прав. — Я встаю. — Ты совершенно прав, Крейзи. Здорово, что твое прозвище — от обратного.

— Леонид, и тебе лучше не появляться в *глубине*...

— Знаю. Вот только я не умею поступать разумно.

— Тогда ищи другие пути, — устало говорит Дик. — Я поступил неправильно, спрятав свой вход в Храм в конце «Лабиринта». Признаю. Но мне осточертела вся затея... вся эта гальванизация трупа... И в голову прийти не могло, что однажды понадобится экстренно туда отправляться.

— Какие такие пути?

— Леонид, найди опытных хакеров. Пусть придумают, как взломать защиту, похитить и расшифровать файл. Проще будет.

Киваю и выхожу. С каменным лицом.

Хотя и стоило бы признать, что совет дельный. «Лабиринт» не пройти.

Глубина-глубина, я не твой...

Я снял шлем.

Смешно...

Не ожидал я, никак не ожидал от Крейзи Тоссера решения удрать от опасности!

Все мы не герои, если честно. Мне кажется, настоящим героем может быть лишь дебил. Но всегда есть два пути — убегать или идти навстречу своему страху.

Ведь у меня и мысли такой нет, сдаться и бросить *глубину*.

Хотя...

— Вика, выход...

Я отключил разъемы. Подошел к окну, отодвинул занавеску. Посмотрел вниз.

Шел дождь. Гнусный, плотный, на грани мокрого снега. Плыли над тротуаром зонты, брели люди в плащах и куртках. Приятно смотреть на все сверху вниз. Приятно видеть дождь через стекло.

Приятно быть бесстрастным свидетелем.

А ведь Крейзи не совершает ничего аморального. Даже по нашему забытому кодексу чести, которому ныне грош цена. Крейзи уходит от опасности. Почему бы и нет? Есть ему, что защищать в Диптауне? Наверняка что-то есть... работа, места развлечений... и ничего, за что стоило бы рискнуть жизнью по-настоящему.

Что собираюсь защищать я?

Ромку не спасти. Мстить? Кому? Вряд ли охранник знал, чем он стреляет и что произойдет. А конкретный изобретатель оружия третьего поколения и слышать не слышал про Ромку. Нельзя же предъявлять иск Калашникову за то, что из его автомата бандит стрелял по толпе заложников...

Уйти.

Просто уйти — навсегда. И сразу станет легче. Найду я себе работу, не связанную с *глубиной*. Вместо походов в виртуальные рестораны начну покупать пиво. Пусть даже «Жигулевское». Падла его пьет, так почему же мне должно быть западло? Съездим с Викой куда-нибудь к морю... или сходим в поход, по настоящему лесу и настоящим горам. Заведем друзей побольше. И будем читать в газетах, что творится в Диптауне.

Или...

Ведь даже лишаться чудес дип-программы не обязательно! Соорудим ресторанчик для нас двоих. Маленький, уютный... Запрограммируем прислугу. Нарисуем себе дом. Вот такой, как у Чингиза я видел, например.

Вика может повторить свои горы. Исходники программ у нее есть.

Не обязательно лишаться виртуального мира. Достаточно схлопнуть его, закрыться в раковину. Телефонные провода обрезать, выделенную линию отключить.

Сделаем мирок — маленький, уютный, безопасный. На двоих. Днем — работаешь. А вечером уходишь в свой персональный рай.

— *Глубина...* я не твой... — сказал я.

Дождь припустил еще сильнее. Пронеслась девчонка со сложенным зонтом в напрасной попытке успеть на троллейбус. Прошагал мальчишка, отважно ступая по лужам.

Ведь живут люди без всякой *глубины!*

На кой ляд она сдалась?

В Диптауне регулярно бывают около тридцати миллионов человек. Можно называть их интеллектуальной элитой общества, сливками науки и искусства. И все-таки — это очень тоненький слой. Погибни они все в одночасье — мир взвоет от боли, содрогнется... но устоит.

Потому что держится мир все-таки другим. Полуграмотными китайцами, собирающими на конвейере компьютеры. Не видавшими этих компьютеров в глаза пастухами. Строителями, что после рабочего дня отправляются домой, к женам и детям. Политиками и бизнесменами, для которых Диптаун просто модная игрушка... они и так способны понежиться на гавайских пляжах и устроить прием на сотню человек.

Мы — лишь особая каста. Вросшая в свой придуманный мир и почти забывшая о настоящем.

Мы готовы защищать *глубину* до конца.

Потому что мы — ее часть.

...Это даже не я все думаю. Это думает дип-психоз во мне. Тот воспаленный участок мозга, что уже не в силах жить без *глубины.* Это не мне — ему нужны бескрайние леса, небо невиданной голубизны, роскошь ресторанов и, самое главное, — информация.

Новые встречи. Новые лица. Слухи и сплетни. Интриги и опасности. Безумный ритм.

Потому я и хочу драться до конца. Искать защиту против новой беды виртуального мира. *Глубина* обрела самосознание. Не впрямую, конечно, не стоит придумывать электронный разум, его нет. Мы сами стали нейронами его сознания, клетками его организма. И каждая клетка обрела свою функцию. Стро-

ить *глубину*. Мыслить за *глубину*. Заманивать в *глубину*. Оборонять *глубину*.

Не зря же художники и дизайнеры тратили месяцы и годы, придумывая и создавая Диптаун...

Не зря же программисты и техники выжимали из компьютеров все, куда больше того, что те могли дать, — возводя Диптаун...

Не зря же писатели сочиняли книги, прославляя и романтизируя Диптаун...

А я — фагоцит электронного мира...

Единственная опасность, которая ему грозит, — само человечество. Стоит человечеству по-настоящему испугаться виртуального мира — и клеточки начнут отмирать одна за другой.

Когда-то главным страхом Диптауна был страх остаться в виртуальности навсегда. Не суметь выйти, умереть от голода, объедаясь придуманными яствами.

Поэтому и были мы, дайверы. Те, кто мог выйти и вывести.

Потом что-то случилось... никто не знает, что, почему и как. Люди перестали тонуть. И мы оказались ненужными. Нет, *глубина* не убила нас, просто отвергла.

Теперь стряслась беда покруче. Что такое страх утонуть по собственной глупости, когда появилась опасность, что тебя утопят?

Настоящий страх всегда направлен извне.

Вот и всполошилась *глубина*... пораскинула несуществующими мозгами.

И Темный Дайвер, кем бы он ни был, узнал про существование оружия третьего поколения. И мальчик Ромка погиб, пытаясь вытащить из офиса самую страшную тайну Диптауна. И Ежик рассказал мне сплетню о погибшем хакере.

В невидимых жилах быстрее понеслась кровь. Заиграли электронные гормоны, ударили по всему, что было нам дорого.

И старого, полудохлого фагоцита кинуло в мясорубку. Науськало на нового врага.

Глубина не умеет думать, она лишь живет. И борется за жизнь, как умеет.

В списанных бойцах возникла потребность. В тех, кто еще умеет бороться. Причем бороться по-настоящему. От души.

Вот Ричард Паркер — он был подлинным дайвером!

Глубина для него всегда оставалась лишь местом работы. В реальном мире, наверное, имелось достаточно много интересного и волнующего. И он вышел из игры. Отстранился.

И Вика сумела уйти. Легко, по крайней мере внешне легко. Забросила «перспективные темы», наплевала на налаженный бизнес, на способности пространственного дизайнера...

А мне уже не выйти. Хоть тушкой, хоть чучелом — лишь бы в *глубину*... Когда не осталось иного выхода, я готов был таскать нарисованные рояли, но не уходить из Диптауна.

Так и Ромка не смог уйти. Был великим дайвером-оборотнем, стал неумелым хакером.

Мы попали в ловушку. Нам казалось, что умение вовремя стянуть виртуальный шлем — знак нашей свободы от *глубины*. Оказалось, не так все просто. Подлинная свобода — совсем иное. Цепных псов регулярно отпускают побегать, но лишь в пределах крепкой ограды.

Так у кого больше свободы — у болонки, гуляющей на поводке с хозяином, или у волкодава, что носится всю ночь по двору, опьяненный свободой и метящий доски забора?

Приятно считать себя волкодавом, пока умеешь не замечать ограды...

— Ты меня держишь, сволочь, — сказал я. Посмотрел на компьютер. Вика нахмурилась, пытаясь уловить ключевые, командные слова. — Ты ведь и сейчас здесь, *глубина*...

— Не поняла, Леонид...

— Молчи! — рявкнул я на ни в чем не повинную программу. — Ты ведь здесь, я знаю! Ты следишь... ждешь... ты не умеешь думать и говорить, но ты умеешь жить!

Нарисованная Вика молчала.

Придуманная любимая — лучше настоящей. Она всегда выслушает. Согласится. И скажет лишь то, что ты хочешь услышать.

— Ты поймала меня, да? У меня дип-психоз? Я не могу без тебя?

Чего я жду? Ответа? Громового голоса: «Да, я компьютерный разум, и ты в моей власти!»?

Тогда это полноценный психоз. Без всяких приставок.

Я наклонился над столом, прижался лицом к холодному стеклу монитора. Прошептал:

— Да, ты права. Не могу без тебя. Мне нужен Диптаун. Нужна эта роль... особая роль... пусть даже роль фагоцита...

Безумие — ругаться с грудой холодного железа.

Но ведь не большее безумие, чем умирать от нарисованных пуль?

— Я согласен, — сказал я. — *Глубина*... я твой.

Я буду тебя защищать. Буду драться с любой угрозой, что может прийти к тебе.

Вот только если окажется, что у нас были разные цели и результат тебя не устроит — не обессудь...

Но вслух я этого не скажу.

Никогда — при включенном компьютере.

Будем считать, что я полностью спятил.

deep

Ввод.

Сколько я продержусь в режиме рваного сна, по три-четыре часа в сутки? Наверное, достаточно долго. Раньше ведь держался.

Личность номер один.

Мотоциклист. Байкер. Безликий, стандартный, никому не интересный.

Вот только в кармане куртки-косухи лежит тяжелый тупорылый пистолет с зарядами второго поколения.

Не так уж и много по сравнению с тем, что может противопоставить мне неведомый враг. И все-таки получше прежнего. Пострашнее «Варлока» в чем-то.

Мне еще не приходилось убивать чужие компьютеры.

Наверное, меня мог бы понять какой-нибудь бравый гусар девятнадцатого века. Одно дело — взять врага в плен, другое — зарубить... а вот как насчет того, чтобы убивать под противником лошадь? Даже не лошадь, скажем гордо и красиво — коня! Который не просто средство передвижения, а еще и верный любимый друг, напарник, не раз выручавший и помогавший...

Ничего. Придется — убью.

Фагоциты совести не имеют.

Достаю из кармана Протея пейджер. Маньяка вообще нет в сети... что ж.

— Шурка, это очень важно. То, чего не может быть, есть. Надо поговорить. Очень срочно. Назначь место и время.

Все. Сообщение отправлено. Теперь остается лишь ждать... и искать другие пути.

Кто у меня еще остался из знакомых хакеров? Версию со взлом письма все-таки надо отработать до конца.

Ищу по пейджеру Падлу. Не нахожу. Надо было спросить... Впрочем, номер Чингиза я помню!

— Телефонный звонок в Москву, — сообщаю я. Пейджер мигает зеленым огоньком — значит, денежный лимит до конца еще не выбран. Звонок из виртуальности в реальный мир не очень дорогой, но все-таки платный...

Набираю номер на клавиатуре, не доверяя пейджерным программам распознавания голоса. Жду — минуту, другую, слушая размеренные гудки...

Черт возьми, да ты же по квартире с сотовым ходишь! Ответь!

— Да.

Голос Чингиза резок и напряжен, будто он ждет какого-то неприятного, но неизбежного разговора. Ладно, это его проблемы, а я сейчас ищу, на кого бы вывалить часть своих.

— Это Леонид.

— Привет. Уже проснулся?

По крайней мере интонации меняются, он не против разговора...

— Можно считать, что и не спал.

— Что так?

— Все то же... Чингиз, тут новые проблемы со старыми неприятностями.

— Ясно. Подъезжай ко мне.

— Хорошо, но мне надо еще кое-что сделать.

— А ты здесь подъезжай. В Диптауне. Адрес простой — «Хакерское подворье».

— Падла будет?

— Все будут. Очень хорошо, что ты позвонил. Давай...

Все? Наверное, имеется в виду еще и Пат.

Чингиз прерывает связь первым.

Что ж, предложение неплохое... Выхожу из гостиницы, по-прежнему озираясь, но ничего подозрительного нет. Диптаун живет и здравствует, в Диптауне все спокойно... Над городом — темное, вечернее небо с первыми звездами. Опросом было выяснено, что

для отдыха и развлечений семьдесят с лишним процентов людей предпочитают ранний летний вечер...

Ловлю машину, называю адрес.

И совершенно не удивляюсь, когда после трехминутного пути машина подъезжает к точной копии здания, стоящего в реальности в Москве.

Даже морды охранников похожи...

А что, собственно говоря, можно было ожидать от человека, чья квартира похожа на горячечный бред обитателя Диптауна? Взять да и поместить эту квартиру в виртуальное пространство. Стереть разницу между мирами окончательно. Я сам когда-то так экспериментировал... вот только хоромы были не столь роскошные.

— К Чингизу, — говорю я охране, и никаких возражений не следует.

Это пока все так просто. Если в Диптауне появится настоящее оружие — проверки будут посильнее, чем в настоящем мире.

Поднимаюсь в лифте. На этот раз внутренняя дверь квартиры заперта, звоню и некоторое время жду.

«Внимание! Производится внешний контроль системы!» — предупреждает Вика.

Что ж, пусть производится.

Дверь открывает Пат.

Он несколько более растрепан, чем в настоящем мире. Одет в виртуальный костюм с радиоудлинителем, что уж совсем ни в какие ворота не лезет. Зачем носить в *глубине* то, во что ты одет на самом деле?

— Приветики... — бормочет Пат, отступая в сторону. — А ты быстро...

Вхожу, с любопытством озираюсь, пытаясь сравнить впечатления. Вроде бы интерьер выдержан точно... Впрочем, чего можно ждать от Чингиза — за свои деньги тот способен нанять лучших пространственных дизайнеров Москвы...

— Привет, Пат. А где хозяин?

— Тут хозяев нет, — солидно отвечает Пат, пожимая мне руку. — Только в своих комнатах каждый хозяин.

У меня вертится на языке все, что я думаю о подобных играх в коммуну и хакерскую вольницу, но я молчу. В чужой монастырь...

— Лады. Тогда — где Чингиз?

— Пошли...

Иду за мальчишкой на кухню, по пути заглядывая в окна. За окнами — Москва. Причем живая, настоящая. Ездят машины, ходят люди, плывут облака, моросит дождик...

Это даже не закрученный в кольцо ролик, готов поручиться. У каждого окна настоящего дома стоят камеры, транслирующие в *глубину* изображение.

Не просто круто!

Изящно...

Навстречу лениво выдвигается ретривер. Тянется носом к моей ладони.

— Байт, отвяжись! — бросает Пат. Собака покорно отходит. Слишком уж покорно. Ну хоть собака сделана программно. А то я готов поверить, что они и на пса натягивают комбинезон...

Я ожидаю, что Чингиз будет пьянствовать на кухне. Но Пат указывает на винтовую лестницу и пропускает меня вперед. Похоже, предпочитает замыкать наше шествие.

Поднимаюсь в столовую, куда в настоящем мире так и не попал.

Помещение округлое, часть стен — стеклянная. В потолке — стеклянный купол. Пол выложен плотным ковровым покрытием. В общем-то обстановка даже аскетичная. Никакой мебели. Стола и стульев — и то нет!

Зато на полу, вокруг нескольких бочонков пива, сидят по-турецки Чингиз, Падла... и Маньяк!

— Ага! — вопит Падла. Оглаживает рукой лысину. — Вот и наш дайвер!

Здороваюсь с ним и с Чингизом, обнимаюсь с Маньяком. Спрашиваю:

— Шурка, ты мое сообщение не получил?

Маньяк хмурится, достает пейджер. Смотрит на табло, потирает переносицу:

— Получил... оказывается.

Ладно. Все равно все собрались.

— Садись, будь как дома, — дружелюбно предлагает Чингиз. — Пат, сгоняй за чипсами!

— Почему это... — начинает Пат, но под взглядом Чингиза стихает и уходит вниз.

Сажусь на пол. Мне наливают пива — «Балтика», седьмой номер... Наверное, это некий компромисс между вкусами Падлы и всех остальных.

— Мы пытались выяснить реальность оружия третьего поколения, — говорит Чингиз. — Вот... кое-что накопали. Саша, ты повторишь?

Маньяк кивает. Вид у него растерянный, будто даже ошарашенный.

— Я там попытал... у нас. Кстати, Леня, ты учти — я взял на работе отпуск.

Повторяется история с Крейзи Тоссером?

— Не хочу пользоваться нашими рабочими каналами, — уточняет Маньяк. — Они все контролируются. Я сейчас нахожусь в *глубине* через нелегальный вход, которого вообще не существует в природе. Итак... я поспрашивал. Работа над оружием третьего поколения ведется уже почти два года. Руководит ею...

Он делает паузу. И мне кажется, что я уже знаю продолжение...

— Лично Дмитрий Дибенко.

— Черт, — только и говорю я. — Черт, черт, черт...

— Накличешь, — бормочет Падла, наливает себе еще пива. — А чего удивляться? Подумай, кто еще может это сделать?

Все верно. Оружие, убивающее из *глубины*, может действовать одним-единственным способом: создавать некую гипнотическую картинку, воздействующую на подсознание. Так же, как и сама дип-программа. Далее — по вкусу. Остановка сердца. Остановка дыхания. Тетанический спазм — так, чтобы невозможно было вдохнуть.

Вариантов не так уж и много.

Наверное, есть и менее кровожадные разработки. Какие-нибудь виртуальные пули, вызывающие расслабление сфинктеров. Мало приятного — обделаться, сидя за компьютером. А еще можно придумать слезоточивый газ для *глубины*. Или — рвотное средство... впрочем, для человека в шлеме рвота может стать фатальной...

Возвращается Пат с пакетами чипсов. Он явно обижен, но на его демонстративно надутые губы никто внимания не обращает.

— Дибенко добился успеха? — прямо спрашиваю я.

— Видимо... — говорит Маньяк. — Последние полгода режим секретности ужесточен настолько, что ничего выяснить нельзя. Я даже и пытаться не стал, себе дороже. Обычно введение таких мер предосторожности, как отключение лаборатории от *глубины*, делается лишь на этапе отладки разработанных программ.

— Это ваша фирма ведет работы?

— Нет. Всем занимается лично Дибенко с небольшим коллективом. Некая компания «Shield and Sword». Но туда переманили двух наших сотрудников, специалистов по психологическим воздействиям. Так и удалось кое-что узнать. Косвенно... до них теперь не достучаться.

— А не пробовал поговорить с ними в обычном мире? — интересуюсь я.

— Чтобы меня убили по-настоящему? — Маньяк удивленно смотрит на меня. — Леня, очнись! Если кто-то решился сделать подобное — он ни перед чем не остановится!

— Значит — оружие третьего поколения есть? Никто больше не сомневается? — подытоживаю я.

Все молчат. Лишь Падла крякает и опускает глаза. Уж ему-то чего стыдиться... он первый поверил.

— Ты тоже что-то узнал? — вступает в разговор Чингиз. — Не так ли?

— Да, узнал... Шурка, а этот «Щит и меч» как-то связан с «Новыми горизонтами»?

— Почти никак. Кроме разве что того, — Шурка невесело улыбается, — что «Shield and Sword» полностью принадлежат Дибенко, а в «New boundaries» у него лишь пакет акций. Даже не контрольный пакет.

— Прямая связь.

— Вот именно. Дибенко мог вооружить охрану «Новых горизонтов». В качестве эксперимента, например.

Качаю головой. Это уж слишком... не верю.

— Скорее все-таки там шли разработки, имеющие для него еще большую ценность.

Возражений нет, но и согласия — тоже. Все это лишь версии...

— Так вот, ребята... — оглядываю хакеров. — Самое удивительное в произошедшем, что Ромка, хакер-недоучка, успел все-таки спрятать похищенные файлы!

— Как? — Чингиз удивленно приподнимает брови. — У него не было времени...

— Было. Он отправил украденный файл письмом. Через компанию «HLD», где я, кстати, работаю.

— Ёптыть! — вопит Падла. — А! И в голову не приходило!

Еще бы. Кто из хакеров додумается довериться официальным путям пересылки данных?

— Куда отправил? — у Маньяка все-таки куда более деловой подход.

— В Храм Дайвера-в-Глубине.

— Он что, реально существует?

— Может существовать.

Наливаю себе пива. И подробно пересказываю услышанное от Крэйзи Тоссера.

По мере рассказа каждый реагирует по-разному. Маньяк все больше мрачнеет. Падла веселится, особенно узнав, что именно мой поход по «Лабиринту» подал Дику идею спрятать вход в Храм в конце игры. Пат, кажется, впадает в азартное возбуждение. Что он задумал, даже не надо спрашивать. Чингиз полностью уходит в себя. Размышляет... то ли об услышанном, то ли о своем...

— Леонид, идти через «Лабиринт» — это биться лбом о стену, — говорит наконец Маньяк. — Может быть, рано или поздно, стена рухнет. Но гораздо вероятнее, что треснет голова.

— Согласен. — Я киваю. — А ты можешь предложить другие варианты?

— Украсть файл?

— И что? Ну, оглушить парнишку любой из боевых программ несложно, отобрать конверт... так он самоуничтожится.

— Это обойти можно. — Маньяк только усмехается. — Я знаю, как устроены подобные программы идентификации.

— А открыть файл?

— Сколько там у вас ключ?

— Четыре тысячи девяносто шесть байт...

— Да. Понятно. Вопрос снят.

— Уверен? — неожиданно спрашивает Чингиз. — Ты вроде бы не специализировался на дешифровке.

На лице Маньяка появляется тихая улыбка.

— А что, появились новые методы факторизации? Чингиз, дорогой, ты совсем обленился...

— Оки, — соглашается Чингиз. — Но, может быть, еще с кем-нибудь посоветоваться?

— Давай пригласим Зуко, — предлагает Шурка. — Он любит возиться с ключами. Но я тебя заранее скажу, что он ответит. «Дайте мне все ресурсы сети и несколько лет».

— Значит, надо идти через «Лабиринт»! — вскидывается Пат.

— Есть еще вариант, — говорю я. Все смотрят на меня — с неожиданной надеждой. — Если мы создадим ложный Храм? Письмо попадет туда и...

— И? — насмешливо говорит Маньяк. — Ключ, которым можно вскрыть шифр, встроен в саму программу. В само здание... если это будет понятнее. Да, первая часть операции пройдет успешно. Письмо будет доставлено по адресу. Файл принят. Но открыть его мы не сумеем все равно.

— Значит, «Лабиринт», — говорю я.

— Нет, почему же, — Чингиз пожимает плечами, — есть еще вариант. Наплевать и забыть. Уйти самим.

Я долго ждал, пока кто-нибудь это скажет.

Не хотелось предлагать первым.

101

— В конце-то концов, — говорит Маньяк, стоя у окна. — Что нам нужно от *глубины?* Что для нас главное в Диптауне?

Нам всем надоело сидеть на полу вокруг бочонков. Мы стоим с кружками в руках, смотрим на настоящий город — из *глубины*, из виртуального пространства. Пьем пиво и рассуждаем. Пока еще есть время просто рассуждать, живо и непринужденно, чувствуя себя в безопасности.

Пат лежит на полу, болтая ногами. То ли придуривается, то ли вторая кружка пива была ему лишней. Скорее, второе. Падла кряхтит, временами скребет пятерней лысину. Интересно... что за манера так стричься к наступлению холодов?

Чингиз и Маньяк самые сдержанные в нашей компании. И по манерам, и по тону.

— Общение, — говорит Чингиз. — Общение, приключения. По большей части. Все остальное может дать простая электронная почта.

— Можно закрыться, — говорит Маньяк.

Да... мысль лежит на поверхности. То же самое, о чем размышлял и я.

— Можно, — соглашается Чингиз. — Чего уж тут... не проблема.

— Объединим воедино наши участки виртуального пространства, — продолжает Маньяк. — Вы трое, я, Леонид, Зуко, ну... найдем десятка два людей, кому можно доверять. Позовем к себе тех, кто никогда не принесет в *глубину* настоящее оружие. Сделаем все сами. Дома, рестораны, пляжи... бордели. Все, что нам нужно. А в остальную часть Диптауна — контролируемый выход. Если уж вдруг нам понадобится...

— Это тупик, — говорит Чингиз, и я киваю, потому что согласен. — Тупик по всем параметрам. Во-первых, нам придется иметь настоящее оружие. Чтобы обороняться в случае необходимости.

— Но мы же не станем стрелять друг в друга? — спрашивает Маньяк. Голос его почти серьезен.

— Ты, я, Падла... мы не станем. А вот...

— А чего я-то? — вопит с пола Пат. — Что я? Я тебя хоть раз пальцем тронул?

— Ты, блин, меня ногами пинал, спящего! — напоминает Падла.

— Так то ногами!

— А в Леню стрелять не будешь? — спрашивает Чингиз.

Мальчишка смотрит на меня и неохотно говорит:

— Не... он хороший.

— Тогда второе возражение, — говорит Чингиз. — Каждый из нас захочет привести в этот маленький безопасный Диптаунчик своих друзей. Верно? И каждый будет готов поручиться за них... и каждый будет им верить. Но друг твоего друга не обязательно станет и твоим товарищем. Увы, это так.

— Ограничим прием. — Маньяк не то чтобы спорит. Они просто отрабатывают вариант до конца.

— Не выйдет. Если нас будет слишком мало — нам надоест. Начнутся ссоры и склоки. Проблемы всякого разного рода. Рано или поздно кто-то из нас войдет в маленький, безопасный район с настоящим оружием. Просто, чтобы защитить себя. И рано или поздно мы начнем стрелять. В друзей своих друзей.

Со всеми вытекающими последствиями. Саша, твое предложение — утопия.

— Пусть бы и утопия, — говорит Маньяк, доставая сигарету, закуривая. — Хотя бы отсрочка. Альтернатива — бросить *глубину* совсем.

Я встаю между ними. Смотрю вниз, на улицу.

И впрямь — белеет.

— А ведь снег ложится, ребята...

Минуту мы все молча смотрим вниз. Даже Пат поднялся с пола и приник к окну.

— У нас жара... — говорит Маньяк. — Я бы хотел сейчас... под настоящий снег.

— Прилетай, — бросает Чингиз.

— У меня не твои доходы, — беззлобно огрызается Маньяк. — Может, на тот год.

— Лето — тоже хорошо, — тихонько шепчет Пат.

— Лето кончилось, — отвечаю я ему.

— Оно давно кончилось, старик, — вдруг замечает Падла. — Ты просто этого не хотел видеть. А сейчас пришла зима.

Так мы и стоим, у нарисованного стекла в нарисованном доме... хакеры и дайвер.

— Это не станет концом *глубины*, — говорю я. До меня вдруг начинает доходить, что истина куда страшнее той картины, которую я представлял вначале. — Ребята, да вы только подумайте... когда всем станет известно про появившееся оружие...

— Массовое бегство, — сухо изрекает Чингиз.

— А вот это фиг. — Падла качает головой. — Смотря сколько народа по первости положат. Ленька, а ты прав!

— Кто-то уйдет, — говорю я. — Но основная часть предпочтет остаться, приняв меры предосторожности. Именно те, которые вы сейчас обсуждали. Диптаун развалится на множество маленьких районов. В каждом будет своя полиция, а в перспективе — армия. Люди начнут группироваться по каким-либо признакам — по национальности, по специальности, по интересам, по сексуальной ориентации...

— Тысячелетняя война садистов и мазохистов! — радостно подхватывает Падла. Он, похоже, готов веселиться по любому поводу. — Французское княжество «La profondeur» предъявило ультиматум Вольному Союзу Системных Администраторов!

— Любители стратегичек против... против... — Пат подпрыгивает на месте, не в силах найти достойного неприятеля.

— Против поклонников «тетриса»! — Падла вдруг замолкает. Мрачно смотрит на меня: — Да. Как в жизни, выходит, станет?

Я киваю:

— *Глубина* стала для мира свободой. Новой свободой, равной которой не было и быть не могло. Ее душили, травили, регламентировали. Ничего не вышло. *Глубиной* пугали, *глубиной* клялись, *глубину* старались не замечать. Ничего не менялось. Диптаун рос. Все больше и больше людей входили в виртуальность, начинали там работать и развлекаться. И страх смерти ничего не изменит. Наверное, не изменит. Просто добавит всю грязь, что есть в реальной жизни. Настоящие правительства, настоящая полиция, настоящая армия. Настоящие похороны.

— Как много времени у нас есть? — спрашивает Маньяк.

— Все зависит от того, ищет ли враг похищенный файл.

Я сам не замечаю, как легко произношу слово «враг».

Слово, которому в Диптауне раньше не было достойного применения.

— Как быстро можно пройти «Лабиринт Смерти»? — Шурку, похоже, вопрос времени тоже тревожит в первую очередь.

— По мнению Крейзи Тоссера — за несколько месяцев. За месяц, в лучшем случае. Я думаю...

Все снова смотрят на меня. Пат даже открыл рот.

— Думаю, у нас есть на это двое-трое суток.

Жду смеха, но никто не смеется.

— Давно не играл, — вздыхает Чингиз. — А когда-то... помнишь, Сашка?

Маньяк покусывает губу, вопроса он не слышит:

— Так... мне надо поесть, отоспаться и перенастроить машину... Часов через восемь—десять начнем, ага?

— Ёшкин свет! — вопит Падла. — Так что, для спасения мира надо хорошенько в игрушки поиграть?

— Только попробуйте меня не взять! — Пат кидается вперед, хватает меня за куртку. — Вот только попробуйте! Сами пожалеете! Я же игры лучше вас всех знаю! Чингиз, скажи им! Чинга!

И в этот миг где-то далеко-далеко хлопает дверь.

Секунду Чингиз еще улыбается, глядя на Пата. Потом его лицо обретает странное, настороженное выражение:

— Леонид, Саша! Вы слышали что-нибудь?

— Стук. Дверь вроде... — Маньяк медленно делает шаг от стекла к винтовой лестнице.

— Значит, это здесь. В виртуальности. — Чингиз немного расслабляется.

— Чингиз, кто может войти в этот дом?

— Ключей не знает никто, кроме меня, Пата и Падлы. — Новый русский хакер делает легкое движение рукой и извлекает откуда-то из-за спины длинноствольный пистолет. — От меня они никуда не уходили.

— Я не давал! — вопит Пат.

— Гад буду, никому не давал! — ревет Падла.

Ой-ей-ей.

А дела совсем плохи?

Маньяк нехорошо щурится и крадучись идет к винтовой лестнице. При этом он достает из кармана маленький перочинный ножик.

В жизни не поверю, что над этим изделием фирмы «Victorinox», в рекламных целях распространяющимся в *глубине* бесплатно, не поработали его шаловливые ручки.

Смотрю на Падлу — у того в руках пустая пивная бутылка. Откуда? Мы же пили пиво из бочек!

А короткий винчестер, который Пат торопливо собирает, свинчивая казенную часть с прикладом, крепя ствол и одновременно запихивая патрон? Где он его прятал?

Возникает ощущение, что я голый. Достаю револьвер Стрелка, и ощущение пропадает. Нет, не фиговые листочки использовали Адам с Евой, чтобы прикрыть наготу от Бога. Сделали себе по дубинке — и сразу стыд пропал.

— Я бы посоветовал тебе выйти, — негромко говорит Чингиз. — Ты единственный из нас, кто может это сделать в любой момент.

— И что? — Я не отрываю взгляд от лестницы, за перилами которой притаился Шурка.

— Возможен вариант, что ты останешься единственным свидетелем, — очень серьезно отвечает Чингиз. Делает шаг, заслоняя собой Пата.

Он не шутит.

Вот только меня уже захлестнула багровая волна ярости.

— Я Стрелок... — говорю я.

Даже в этом теле я был и буду Стрелком.

Мы стоим так почти минуту. Ждем. Потом Маньяк выпрямляется, заглядывает через перила вниз, пожимает плечами, вопросительно смотрит на Чингиза.

— Пошли, — решает хозяин.

Он делает шаг вперед, я двигаюсь следом. Падла остается на месте, крепко схватив протестующего вполголоса Пата.

И вот в этот миг все и происходит.

Движение — рывок — серая тень взмывает над ступеньками.

Маньяк коротко размахивается — и безобидный перочинный ножик в полете превращается в копье из голубого света. Визитер пытается уклониться, но луч пронзает его, отбрасывает к дальней стене. Там он и замирает, пришпиленный, будто жук на булавке.

— Ёпрст, — говорит Падла. Что он имеет в виду под этим невразумительным сочетанием букв — не знаю.

Может быть, то, что незваный гость — точная копия Чингиза?

Даже одет так же — спортивный костюм и кроссовки.

— Кто ты? — Чингиз реагирует на появление двойника очень спокойно. Целится в него, но стрелять не спешит.

Лже-Чингиз морщится, берется за пылающее копье, резким рывком выдергивает из плеча. Кровь течет, как и положено. Коротко отвечает:

— Гость.

— Незваный, и с чужим лицом...

— Откуда ты знаешь, каково мое лицо, Чингиз? — Незнакомец криво улыбается. — Впрочем...

Он проводит ладонью по лицу и преображается. Рост делается ниже, плечи — шире, волосы исчезают с головы, зато появляются на груди. Из одежды остаются только старые мятые шорты.

— Неправда, я не такой урод! — восклицает Падла. Чингиз взмахивает рукой, и хакер замолкает.

— Кто ты? Чего ты хочешь? Как и зачем проник в мой дом?

— Отвечать по порядку? — Гость ничуть не чувствует себя смущенным. То, что нас пятеро, а он один — будто бы и не важно.

Учитывая, как легко он преодолел оружие Маньяка, — его самоуверенность оправданна.

— Да.

— Я тот, кого зовут Темным Дайвером.

— Опаньки! — говорит Падла. — Опять морду лица сменил?

Его двойник не реагирует, а продолжает:

— Я хочу вас предостеречь.

— Как ты вошел? — повторяет Чингиз.

— Очень просто. Я стал тобой, — насмешливая улыбка в награду. — Господа хакеры... кстати, привет Шурка. Как-то с этой суетой и не поздоровались...

Маньяк щурится, но молчит.

— Господа хакеры, уважаемый дайвер... — легкий кивок в мою сторону. — Мне кажется, вы делаете большую ошибку.

— А именно? — Чингиз остается невозмутимым.

— Наш маленький контракт, — Темный Дайвер смотрит на Падлу, — очевидно, расторгнут. Вы не смогли добыть файлы из «New boundaries». Я очень переживаю, что Роман погиб. Но больше нас ничего не связывает... и связывать не должно.

— Ты не прав, браток. — Падла отпускает Пата, который, похоже, чуть утратил агрессивность, и подходит к Темному Дайверу. — Файл-то мы добыли...

— Он у вас? — Двойник Падлы улыбается так широко, что играть нет смысла.

— Нет. Но скоро будет.

— Не будет. Вам его не достать. Никак.

— Достанем! — Падла жизнерадостно машет пустой бутылкой. — И передадим тебе. Все как условлено.

— Вы не понимаете. — Темный Дайвер очень натурально вздыхает. — Храм Дайвера-в-Глубине недостижим для человека, не обладающего способностями дайвера...

Он и впрямь все знает!

Я вдруг понимаю, что это — всерьез. Легкое оцепенение, наступившее после появления незнакомца, спадает.

Передо мной и впрямь стоит дайвер, не утративший своих способностей. Человек, который продолжает играть с *глубиной* по своим правилам!

Мы сходили с ума и глушили водку. Мы учились программировать и нанимались на подсобные работы. Мы решили, что наш век кончился.

А он продолжал идти по Диптауну, легко и беззаботно, играя с реальностью и вымыслом в старую-старую игру...

— Пусть даже вы пройдете «Лабиринт», — говорит Темный Дайвер. — Допустим. Тряхнете стариной, примете в команду десяток помешавшихся на играх тинэйджеров, протащите с собой вирусное оружие... Пройдете. Найдете вход в Храм. Что, думаете, дальше все просто?

Все молчат.

— Войти сможет лишь дайвер, — говорит незнакомец.

— У нас в команде есть дайвер, — вступает в разговор Маньяк. — Очнись. Мы пройдем «Лабиринт» и войдем в Храм. Или — он войдет.

Двойник Падлы смотрит на меня. И что-то меняется. Становится не по себе. Будто он видит меня насквозь.

— Леонид... бывший дайвер... — движение руки, взмах снизу-вверх, будто шторка прошла перед его лицом.

Я смотрю в собственные глаза.

— Он давно уже не дайвер, — говорит мой двойник. — Он списан с корабля. По состоянию здоровья. Дайвер с дип-психозом — смешно...

— Я пройду, — говорю я. Мне самому не верится в эти слова. Но я все-таки их произношу.

— Нет... нет, не пройдешь. Расслабься, Леонид. Очнись. Ты — не Стрелок. Ты — не дайвер. Твое время кончилось два года назад. У тебя был шанс — ты его упустил. Теперь ты никто, и звать тебя — никак.

— Не стоит так говорить, — произносит Маньяк. — Не стоит.

— У меня предложение ко всем присутствующим. — Темный Дайвер оглядывает нас. Улыбается.

Черт возьми, у меня улыбка куда обаятельнее!

— Говори, — разрешает Чингиз.

— Прекратите гоняться за файлом. Вам он ни к чему. Вы не сможете ничего сделать с полученной информацией, даже если найдете ее. Все происходящее касается лишь меня.

— То, что Ромка погиб, — твое дело? — говорю я. — То, что Диптаун превратится в такое же дерьмо, как реальный мир, — твое дело?

Темный Дайвер снова поворачивается ко мне:

— А откуда ты знаешь, какие отношения были у меня с Ромкой? И что для меня — Диптаун и реальный мир? Вы — дети... заблудившиеся в *глубине* дети. Это вы превратили вир-

туальный мир в скверное отражение своей жизни, уже давным-давно...

Может быть, разговор бы длился еще долго. Мне даже кажется, что мы смогли бы услышать что-то важное... Но тут Пат вскидывает свой обрез и вопит:

— Ты сам заблудился! Тебе здесь не рады!

В чем-то он, конечно, прав...

Обрез в руках Пата строчит как автомат, пули дырявят стену. Но Темный Дайвер успевает прыгнуть на пол, и заряды проходят мимо. Зато ответный выстрел — из такого же, как у меня, револьвера! — достигает цели.

Пат скрючивается и падает на пол.

Вот тут начинается безумие.

Чингиз стреляет, пули ложатся в тело Темного Дайвера, но, похоже, не причиняют тому ни малейшего вреда. Падла с уханьем прыгает на врага, бьет того по голове бутылкой.

Нуль реакции.

Я целюсь, пытаясь не попасть в Падлу. И вдруг замечаю, что из всех присутствующих Темный Дайвер выбрал в качестве цели меня.

Будто зная, чем заряжен мой револьвер.

Мы стреляем одновременно. Или все-таки я на долю секунды раньше?

Ведь я успеваю увидеть, как голова Темного Дайвера разлетается кроваво-серыми клочьями, а тело изгибается в судороге.

Потом его пуля настигает меня.

Темнота.

Не самое большое удовольствие — сидеть с кастрюлей на голове.

Экраны шлема темны и безжизненны.

Я отстегнул крепление и снял свою потрепанную «Sony». Первым делом посмотрел на дисплей — та же картина.

Черт.

— Вика, старт! Включись. Работаем.

Надежда на то, что оружие Темного Дайвера просто отключило питание компьютера, была слабая. И все-таки я нажал кнопку питания и подождал минуту.

Машина не оживала. Даже не пыталась включиться.

Отцепив все провода, я вытащил системный блок, стянул корпус, который никогда не закручивал, и уставился внутрь. Будто мог что-то увидеть глазами.

На вид все было цело. Дым не валил, винчестеры не разлетелись на кусочки, револьверных пуль, застрявших в материнской плате, тоже не наблюдалось.

Я снял телефонную трубку и набрал номер Чингиза. Он ответил сразу:

— Леонид?

— Да. Что с Патом?

— Ревет у компа. У этого гада было что-то второго поколения... Как ты?

— Аналогично.

Чингиз помолчал. Спросил:

— Ты сам разберешься с железом?

— Нет.

— Ясно. Знаешь что... я попрошу Падлу к тебе подъехать.

— Что с Темным Дайвером?

— Ты его убил. Из чего стрелял?

— Заряды второго поколения. Те, что у вас взял.

Чингиз коротко и зло рассмеялся:

— Хоть это радует. У нас всех было более гуманное оружие. Леонид... не раскисай. Падла подъедет. Жди.

— Жду, — согласился я. Мне ничего больше и не оставалось.

Так меня и застала Вика, когда пришла с работы. Сидящим у раскуроченного компьютера.

— Мне убили машину, — просто сказал я, когда она вошла. — Вика... мне убили машину.

— Как — убили? — стягивая шарф, спросила она.

— В *глубине*. Из оружия второго поколения. Повредили железо.

Вика присела рядом. Заглянула мне в глаза, потом посмотрела в компьютерное нутро. Улыбнулась:

— Леня... ты уверен? Кому могло понадобиться использовать *такое* против обычного человека?

Она даже не поняла, что сделала мне больно.

— Вика... я должен тебе кое-что рассказать.

— Говори. — Она вздохнула.

— Ромку убили.

— Оборотня? — Она еще улыбалась. — А что у него?

— Ромку. Убили. По-настоящему.

Я видел, как улыбка медленно исчезает с ее лица.

— Господи... Как?

— Из *глубины*. Оружием третьего поколения.

— Леонид...

— Выслушай меня, Вика. Пожалуйста. Поверь и выслушай.

Как быстро можно изложить события двух суток, если избавиться от эмоций. Быстро и легко. Взлом. Погоня. Смерть. Поиски. Маньяк. Чингиз. Письмо. Темный Дайвер.

К концу рассказа она встала и села на диван. Сжала в ниточку губы. Взгляд ее стал жестким и холодным... взглядом Мадам, а не Вики...

Я не люблю этот ее взгляд. Ненавижу.

Но нельзя смотреть на мир чужими глазами. И уж тем более нельзя решать за других, как им смотреть.

— Леня... это все правда?

— Это правда, какой она видится мне. Вика, *глубине* — конец. Почти конец. Она превратится в копию реального мира. Со смертью, опасностью, подозрительностью, недоверием. Если мы не справимся...

— Как вы хотите справиться? Леня? Оружие уже существует, так? Оно уже пущено в ход. Ничто из того, что появлялось в *глубине,* не оставалось тайной.

Я промолчал. Она была права, конечно же. Как обычно.

— Леонид... сейчас.

Я молча смотрел, как Вика достала из сумочки сигареты, зажигалку. Курит она крайне редко. Только если ей очень хорошо... или очень плохо.

— Выпущенного джинна в бутылку не загонишь. — Вика затянулась. — Ты прав, это конец виртуальности в том виде, в каком мы привыкли ее знать.

— Дай сигарету, — попросил я. Закурил легкий «Mild seven», сказал: — Если можно попытаться предотвратить беду — надо пытаться.

— Леонид, ты неправильно ставишь вопрос. Предотвратить уже нельзя. Процесс пошел. Вы уже опоздали — ты, Шурка, вся эта хакерская тусовка... Давай признаем неизбежное.

— Что?

— Диптаун живет по своим законам. Но это человеческие законы, от них никуда не деться. Несколько лет назад виртуальность была всего лишь ребенком. С детской восторженностью, с детской жестокостью. С драками в песочнице. Ты меня ведерком по голове, а я тебя совочком по попе. Все это было. Игры в доктора, потасовки, обидки, сказки про черную руку и кровавую простыню. Но детство проходит. И сейчас Диптаун обретает зрелость. А это — немножко другой расклад. Леонид, в *глубину* приходит нормальный человеческий мир.

— Убивать — это нормально?

— Леня, но ведь мы говорим не о том, что такое хорошо и что такое плохо. Мы говорим о норме. А норма человеческой жизни — война и убийство. Нельзя вечно спускать пар в «Лабиринте Смерти» или на арене «Смертельного Поединка». Маленький мальчик может бегать с пластмассовым автоматом, но когда ему исполнится восемнадцать, он получит боевое оружие. Смерть не могла не прийти в Диптаун. Вот она и пришла.

Вика помолчала. Стряхнула пепел на газету, валяющуюся на диване.

Крепко же ее проняло.

— Вот... открой газетку... Что ты прочитаешь на первой странице? Пьяный мужик пришел домой, выпил еще стакан, зарезал жену и выкинул в окно детишек, выпил еще сто граммов, погонялся за тещей, не догнал, допил бутылку и повесился в туалете. Американские ВВС совершили миротворческий полет над Европой. Уничтожено двадцать военных целей, включая кондитерскую фабрику, больницу и жилой квартал. Арабские террористы подложили бомбу в пассажирский самолет. В знак протеста против другой миротворческой миссии...

— Я не читаю газет.

— Леня... — Вика вздохнула. — Леня, милый, ты все-таки их читаешь. Слышишь. Догадываешься. Нельзя прятаться в *глубине* вечно. Понимаю — хочется. Но не выходит. Рано или поздно кто-то должен был принести в Диптаун подлинное оружие. И раз уж оно появилось — надо решать. Что для тебя реальность, а что вымысел? Если разницы нет — живи в *глубине*. Не все ли равно как умирать?

В прихожей тренькнул звонок.

— Это Падла, — быстро сказал я.

— Кто?

— Падла... хакер, я же говорил.

— И что? — Вика встала, быстро оглядела комнату, будто надеясь за двадцать секунд навести в ней порядок. — Ты предупредить мог?

— Извини... — Я поднялся с пола. — Забыл.

— Иди открывай. — Вика быстро оправила волосы. — Давай, давай... твой друг пришел. Чего уж теперь.

Да...

Лучше бы приехал Чингиз.

Я представил себе, как Падла с воплями и матюгами ввалится в прихожую, заполнив ее целиком, вывалит из рваной сумки двадцать бутылок «Жигулевского», и мне захотелось не открывать дверь.

Впрочем, с Падлы станется ее просто вынести плечом. На всякий случай. Вдруг я звонка не услышал.

Глубоко вдохнув, я подошел к двери, открыл замок.

— Добрый вечер, Леонид, — вполголоса сказал Падла. — Я не слишком задержался?

Поперхнувшись заготовленной фразой о том, что жена дома, и желательно не употреблять ненормативной лексики в полный голос, я отступил от двери.

Падла пошаркал ногами по половику и вошел.

В одной руке у него был здоровенный букет чайных роз. В другой — огромный баул. Наверное, именно в нем он пытался протащить в квартиру Чингиза проститутку?

— Супруга дома? — тихо спросил Падла. В ответ на мой кивок уточнил: — Как зовут?

— Вика...

— Ага...

Хакер заозирался в поисках тапочек. Я молча сбросил с ног свои.

— Добрый вечер. — Вика появилась в прихожей.

— Вечер добрый! — Падла неуклюже поклонился. Протянул букет. — Безумно рад встрече, Леонид так много о вас рассказывал. Меня зовут Антон.

Я сглотнул.

— Спасибо, какая прелесть... — Вика взяла цветы. — Леонид, может быть, ты представишь нас?

— Вика, моя жена, — пробормотал я. — Па... Антон. Замечательный специалист в области компьютеров.

— Как лучше — Антон или Падла? — поинтересовалась Вика. По ее глазам было видно, что ситуацией она наслаждается.

— Честно говоря, Виктория, мне будет привычнее называться Падлой. Но некоторых это имя шокирует...

— Ничего страшного, Падла. Раздевайтесь, проходите. Извините, у нас немного неубрано. Я весь день на работе, Леонид занят в *глубине*...

— У вас очень уютно и мило! — с жаром произнес Падла. Стянул с головы облезлую ондатровую шапку. Если бы он так встал у метро — ему бы быстро накидали туда мелочи. Вздохнул. — Не обращайте внимания, пожалуйста, на мой несколько необычный вид... я всегда бреюсь наголо к зиме.

— Как интересно... а можно узнать, зачем? Куртку вешайте сюда... И будьте как дома.

Падла хлюпнул носом. Поставил баул, спросил:

— Вы уверены, что я могу быть как дома?

— Конечно.

— Ну, блин... я предупреждал... — Падла стащил куртку, набросил на вешалку. Следом бережно повесил шапку. — Вот... в общем-то из-за нее и бреюсь. Старенькая она у меня...

— Кто старенькая?

— Шапка. Старенькая, дряхлая и села изрядно. Если наголо не стричься, то на голову не налезает.

Я попытался сообразить, получится ли быстро вытолкать Падлу в подъезд. По всему выходило, что никак не получится. Ни быстро, ни долго.

— А купить новую? Я понимаю, нынче все дорого, но...

— Понимаете ли Виктория, восемь лет назад я вступил в Общество Защиты Животных. С тех пор считаю, что использовать мех для изготовления одежды — варварство и фашизм. Поэтому я не вправе приобретать новую меховую шапку. Однако зимой в Москве настолько холодно, что ходить с непокрытой головой небезопасно для здоровья...

— Очень достойная позиция, — сказала Вика. — А вас не шокирует, что рядом висит моя шубка?

— Не шокирует, — с достоинством ответил Падла. — Но расстраивает. Если вы не против, то впоследствии мы с вами поговорим о защите окружающей среды и гуманном отношении к братьям нашим меньшим.

Я искоса посмотрел на Вику.

Она улыбалась. Улыбалась так хорошо, как я давным-давно не видел.

— Проходите, Падла. И будьте как дома, только чуть-чуть аккуратнее. Вы сразу станете пить пиво или после починки компьютера?

— Мы могли бы совместить... э... процесс, — осторожно предложил Падла. — Виктория, а вы употребляете пиво?

— Употребляю. Лучше Вика, договорились?

— Ясен пень, договорились! — Падла расплылся в улыбке. — Так, Ленька, тащи стаканы и показывай, где твое горелое железо.

— Я сама покажу, — сказала Вика. — Леня, нарежь хлеба, сыр и посмотри, что еще найдется в холодильнике.

Со смутным ощущением, что я немного лишний, я отправился на кухню.

110

— Понятное дело, — сказал Падла. — Чего-то такого я и ожидал...

Он сидел на корточках, обложенный вытащенными из компьютера платами и вертел в руках извлеченный из гнезда процессор.

— Что? — жалобно спросил я. Ощущение было — как на приеме у врача, который посмотрел твои снимки, анализы, постучал по коленке, прослушал легкие — и теперь с загадочным лицом пишет в карточку невнятные каракули.

— Двадцать четыре вольта на процессор — и опаньки! — жизнерадостно сообщил Падла. — Вика, пивка открыть?

— Спасибо, пока есть.

Позиция у Вики была самая выигрышная. Поджав ноги, она сидела на диване, наблюдала за нами, попивая пиво и временами подхватывая оливки из банки.

— Сдох твой проц, слушай! — Падла вздохнул. Открыл бутылку «Ярославского янтарного» — очередной компромисс между «Жигулевским» и вежливостью. Глотнул. — Есть запасной?

— Шутишь? Откуда...

— Эх... для себя берег... — Хакер полез в карман, достал носовой платок не первой свежести, в краешек которого не-

давно сморкался. Развернул — я был уверен, что он жестом фокусника извлечет оттуда процессор.

Но Падла только снова прочистил нос.

— Поставлю тебе проц на один и два. Материнка хорошая, выдержит... молодец, что с запасом брал...

— Что было, то и взял... вперед не загадывал. Падла, как возможно подать на процессор такое напряжение? Откуда, черт возьми?

— БИОСы пошли слишком умные... — в объяснения он вдаваться не стал. — Сейчас посмотрим. Может, у тебя еще что погорело...

— Падла, ну ведь с блока питания выходит двенадцать вольт!

— Что такое плюс и минус двенадцать — знаешь?

Я не знал. Но на всякий случай кивнул.

Из баула был извлечен маленький чемоданчик. Из него — процессор. Падла воткнул его на место старого, даже не глядя на плату переставил джампера. Стал соединять разложенное железо проводами. Буркнул:

— Монитор подключай...

Я подключил дисплей, Падла торжественно вдавил кнопку питания.

— Не заводится, — прокомментировала Вика.

— Минутку. — Падла приподнял палец. — Леонид, шнур в розетку воткни.

Он снова нажал питание, и винчестер мягко зашуршал.

— Вот и все дела, — торжественно сказал Падла, когда на экране возникла заставка «Виндоус-Хоум». — А вы боялись.

— Падла, у меня сейчас не найдется денег за процессор.

— Я с Чингиза сдеру, — безмятежно отозвался Падла. — Он не обеднеет. В конце концов в чьем доме твою машину грохнули?

— Падла, это неправильно...

— Правильно, неправильно... надо, чтобы машина работала... Тем более тебе сейчас нужен быстрый конь. Давай мозгов еще добью до гигабайта...

Отказываться сил не было. Я представил себе ощущение от работы на тысяча двухсотом процессоре, да еще с гигабайтом оперативной памяти, и совесть, испустив пронзительный вопль, стихла...

— Вы все-таки собираетесь искать этот Храм? — спросила Вика.

— Конечно! — не прекращая возиться с машиной, ответил Падла. — Что еще остается, а, подруга?

— Не маяться дурью, дружок.

Падла чуть втянул голову, что при короткой шее было практически незаметно. Опасливо глянул на меня:

— Извините, Вика... это я так, фигура речи...

— Ты не лавируй, Падла. Лучше объясни, чего хотите добиться?

— Найти файл. Прижать к ногтю тех, кто соорудил новое оружие.

— Удастся ли?

— Ну... попробуем... — Падла закончил крепить материнскую плату, принялся втыкать в нее остальные компьютерные потроха. — Попытка не пытка? Да?

— Может быть, и пытка. Время не повернуть вспять. Оружие уже есть.

— Ломать — не строить! — с хрустом втыкая в разъем графический акселератор, сообщил Падла. — Главное — ввязаться в бой, а там — посмотрим!

— Ребята, я вам не советчик. Я вообще давным-давно в *глубину* не хожу...

Я вспомнил, как недавно обнаружил ее в шлеме, у включенного ноутбука, но промолчал.

— Ну так мы попробуем! — сообщил Падла.

— Есть простое правило безопасности, — сказала Вика. — Избегать опасных мест. Сейчас опасной стала вся *глубина*. Проще всего какое-то время обойтись без нее. Понимаете?

— Понимаем, — согласился Падла. — Но послушаться не можем. Завтра пойдем в «Лабиринт».

— Я бы не советовала, — повторила Вика. — Всем вам. Особенно Лене.

— Нам один уже не советовал... — упрямо сказал Падла. — Сейчас небось тоже над машиной плачет...

Я посмотрел на Вику. И отвел глаза. Мне вдруг стало не по себе.

— Это эскалация, — сказала Вика. — Падла, еще с год назад ты был бы возмущен самим фактом, что какой-то гад убил чужую машину. Теперь — злорадствуешь.

— Ха! — воскликнул Падла. — Что с Ленькой стало, видишь? А кто первый начал?

— Кто? — поинтересовалась Вика.

Мы с Падлой переглянулись.

— Ну, Маньяк не в счет... — заявил Падла. — У него оружие было чистое, это раз. И ни фига не сработало, это два. Вот Пат...

Может быть, мне не следовало рассказывать ей о случившемся так подробно...

— Так он же ребенок еще, — смущенно сказал Падла. — Ну, пожурить там... выдрать, как сидорову козу... Зачем же машину убивать?

— Падла, вы перешли к оружию второго поколения без малейших угрызений совести, — сказала Вика. — Так произойдет и с оружием, которое убивает. Едва оно попадет вам в руки — найдутся основания пустить его в ход.

— Никогда, — хмуро сказал Падла.

— Тогда убьют вас. Вы сами влезаете в ситуацию, которая требует все более и более серьезных действий. Ведь этот Темный Дайвер, он лишь хотел вас предостеречь! Вероятно, что он и впрямь владеет информацией в большей мере.

— Вот и поделился бы ею...

— Может быть, он собирался?

Падла крякнул.

— Вика, что ж ты его защищаешь? Он Романа подставил — это раз! К Чингизу в дом ворвался — это два! Леониду машину покалечил — три!

— Я не защищаю. Я стремлюсь к объективности. Чем глубже вы будете влезать в происходящее, тем больше риск, что вы станете жертвами нового оружия. Или... примените его сами.

— Никогда! — повторил Падла.

— Не зарекайся. — Вика пожала плечами. — Впрочем, вам решать.

— Леониду ты запрещаешь входить в *глубину?* — невинно спросил Падла.

— Ты чего-то не понимаешь в наших отношениях. — Вика улыбнулась.

Неудивительно... я-то и сам давно уже ничего не понимаю.

— Конечно, не понимаю, — согласился Падла. Кивнул мне: — Запускай тачку...

Я не воспользовался предложением.

— Все очень просто, — спокойно сказала Вика. Наши глаза встретились, и я отвел взгляд первым. — Мы любим друг друга. Но, наверное, мы любим в первую очередь тех, кем были в *глубине*. Два года назад, когда встретились... когда прошли вместе очень... очень многое... Жить вместе, под одной крышей, жить в настоящем мире — немного другое. Мы живем, как ты видишь. Мы любим друг друга. Но...

Вика аккуратно отставила пустой стакан.

— С той минуты, когда я, прилетев в Питер, чтобы впервые увидеться с Леней, простояла час в аэропорту, прежде чем поняла, что Леонид меня не встретил, мы выработали правило. Простое правило. Наша жизнь в Диптауне — это одно. Наша жизнь в реальном мире — совсем другое. И живя вместе, мы не вправе вмешиваться в то, как поступаем в *глубине*. Мне очень не нравится мысль, что Леонид ввяжется в эту авантюру. Но я не вправе ни на чем настаивать.

Падла неуклюже поднялся, откашлялся. Подхватил сумку:

— Пойду я, пожалуй... Спасибо большое, Вика. Очень тронут знакомством.

— Заходи, — любезно сказала Вика. — Всегда рада буду тебя видеть.

В коридоре Падла сгреб меня за воротник и прогудел в ухо:

— Что ж ты, уродец такой, невесту встретить не мог? А?

Я освободился, с некоторым трудом оторвав от себя его руку. Вполголоса сказал:

— Ты понимаешь, Падла, я-то был уверен, что встретил Вику.

Он не понял. Но я уже отпер дверь и показал взглядом на темную лестничную клетку.

— Э-хе-хе, — вздохнул Падла. — Так что... ты идешь?

— Когда?

— Завтра, в десять ноль-ноль, сбор у Чингиза.

— В *глубине?*

— Давай там.

— Я буду.

Падла снова вздохнул и вышел.

Когда я вернулся в гостиную, Вики там уже не было. Бутылки и стаканы так и остались стоять где попало. Я собрал

все и отнес на кухню. Бутылки — в старый полиэтиленовый пакет, стаканы — в мойку...

Вика легла спать, не дожидаясь меня.

Я постоял немного, борясь с искушением сесть за машину. Новый процессор. Добавленная память. Хорошо бы погонять компьютер в разных тестах, посмотреть, насколько выросли цифры быстродействия...

Раздевшись, я выключил свет и лег рядом с Викой. Она всегда засыпала быстро. Может быть, действительно уснула.

— Спокойной ночи, — сказал я.

Но Вика не ответила.

Что ж. Будем считать, что она и впрямь спит.

— Я не проспал тогда, Вика. Я думал, что встретил тебя. Я поехал в аэропорт. Я дожидался у справочного. Ты подошла. Ты была такая же, какая есть. Такая же, как в *глубине*. Я сказал, что никогда не стану дарить тебе нарисованных цветов.

Она молчала. Дышала тихо и спокойно.

— А на самом деле у меня просто начался дип-психоз, Вика. Это был первый приступ. Самый тяжелый, наверное. С тех пор полегче.

Она и впрямь спала.

Я еще с полчаса лежал молча. То ли надеялся, что она все-таки ответит. То ли боялся этого. Лежал и смотрел в фосфоресцирующие звездочки, наклеенные на потолок. Звезды светили все слабее и слабее.

Нарисованными бывают не только цветы.

Потом я уснул.

Холодный душ. Горячий душ.

Есть такая хорошая русская традиция — перед боем помыться и переодеться в чистое.

Может, потому мы и воевать любим — хочется иногда чистыми походить?

Вики уже не было, она ушла совсем рано. Я слышал, как она собирается, но продолжал лежать, пока не хлопнула дверь...

Теперь надо поесть. Немного.

Я сделал себе горячий бутерброд, прожевал, не ощущая вкуса. Выпил крепкий кофе — растворимый, но неплохой.

На часах было самое начало десятого.

Можно еще погонять компьютер в разных режимах...

— Вика, работа, — сказал я. Достал из гардероба чистый подкостюмный комбинезон, надел. Старый, пропотевший за три дня работы, отстегнул и вытащил из костюма, бросил в тазик для стирки.

Вика на экране ждала.

Я немного постоял у окна. Шел снег. Совсем уже зима. Даже метет немного. И судя по небу, снегопад будет долгим...

— Вход в сеть, — сказал я. — Режим входа обычный. Личность номер семь... Стрелок.

Шлем. Застежки. Чуть-чуть увеличить яркость картинки на экранах...

deep

Ввод.

Огненная радуга...

Наверное, оружие третьего поколения действует именно так. Переливы красок, мерцание далеких звезд... и обезумевшее подсознание начинает корежить тело. Возможно ли остановить сердце усилием воли? Возможно ли войти в кататонический ступор? Да, возможно. Для йога, для очень серьезно тренировавшегося человека... или для любого, подвластного гипнозу дип-программы...

Цветная метель стихает.

Встаю.

Я — в *глубине.*

А *глубина* — во мне.

Все, как обычно.

Делаю шаг по гостиничной комнатке, смотрю на часы. Время есть, еще довольно много времени. Впрочем, у меня найдется еще одно дело...

Выхожу в коридор, уже с привычной осторожностью оглядываюсь. Рука — на рукояти револьвера.

Никого.

Спускаюсь, беру мотоцикл со стоянки у входа. Пароль простенький, ведь и мотоцикл стандартный, не стоящий почти ничего.

По улице — поток машин. Сегодня мне будет несколько труднее, все-таки тело Стрелка штучной работы.

Еду к офису «HLD».

Добираюсь довольно быстро. Сегодня серверы не перегружены. Может быть, где-то протянули новый оптоволоконный

канал. Может быть, наоборот, упал крупный провайдер, и все его клиенты оказались отрезанными от Диптауна...

В диспетчерской дежурит Галочка. Жалко... хорошая девчонка, наверняка смутится, сообщая мне об увольнении.

— Привет... я Леонид, — заглядывая в окошко, говорю я. — Как всегда — я без шоколадки.

Она и впрямь смущается. Ко всему еще мой новый облик произвел на нее какое-то впечатление. Надо же. Вечно так — держишь себя, старого, в запасе, не думая, что кому-то еще нужно это морщинистое лицо, злые голубые глаза, жилистые руки...

— Леонид... ты знаешь...

— Догадываюсь, — говорю я.

— Ты не появился на работе...

— Галочка, оставь. Все я понимаю. Пришел официально уволиться. Мне ведь надо где-нибудь черкануть подпись?

Галя виновато, будто именно она меня уволила, кивает. Достает бланк, кладет передо мной. Быстро проглядываю.

«В соответствии с пунктами 2.1 и 2.4 контракта... Невыход на работу без предупреждения руководства... В случае если будет обнаружена упущенная выгода компании... Согласно пункту 3.7 выходное пособие может быть выплачено лишь...»

Расписываюсь. Щелчком пальца отправляю бланк к Гале. Снова улыбаюсь:

— Все нормально, поверь. Мне просто надоело ходить на службу.

— А у тебя есть куда податься? — интересуется она.

— О... с этим у меня проблем нет совершенно. — Улыбка выползает на лицо сама собой. У меня не такой умный шлем, как последние модели, которые регистрируют и отображают мимику. Это только пальцы — коснувшиеся клавиатуры, вбившие в нарисованное лицо символ улыбки. Может, оно и к лучшему. Я могу улыбаться, даже если я плачу.

— Удачи тебе, Леонид...

— И тебе, Галя...

Перегибаюсь вперед, чмокаю ее в щеку.

Вот теперь, пожалуй, с формальностями покончено. Можно заняться и делом.

— Если у тебя есть вещи в раздевалке, можешь забрать... — Галя улыбается. Похоже, она довольна, что все разрешилось

так хорошо. Я не в обиде, расстаемся друзьями, подпись получена...

— Сейчас гляну.

Иду в раздевалку. На самом деле мне нечего там забирать.

Но мой сосед по шкафчикам в это время обычно уходит с работы. Илья всегда работал по утрам и вечерам.

Так и есть.

Я застаю его в тот момент, когда Илья традиционным пинком отправляет мальчишку-письмоношу в шкафчик. Судя по выражению лица, он опять пробегал по Диптауну в поисках того, чего нет.

— Привет, Илья.

Недоуменный взгляд. Да, конечно... эту личность он не видел.

— Я Леонид.

— А...

С легкой заинтересованностью Илья осматривает Стрелка. Кивает:

— Ничего... только старомодный какой-то... На Клинта Иствуда похож.

— Я вообще старомодный. Как твои успехи?

Илья мрачно разводит руками.

— Не собираешься отказаться от этого письма? — небрежно интересуюсь я.

Разумеется, он клюет...

— С чего бы? Не собираюсь. Сам хочешь найти Храм, что ли?

Отвечаю только на второй вопрос:

— Хочу тебе помочь.

Вот теперь цель достигнута. Полностью. Во взгляде Ильи подозрительность и решимость искать Храм Дайвера-в-Глубине до скончания веков.

Откуда ему знать, что апокалипсис и впрямь близок...

— Сам справлюсь.

— Илья, тут такое дело... — начинаю мяться. — У меня есть завязки на одного дайвера... он может сказать, где Храм...

— Подумаешь. У меня есть знакомые хакеры! Они могут найти Храм за пару часов!

Как интересно...

— Так чего же ты двое суток с письмом носишься?

— Они сейчас заняты. Очень. — Илья мрачно смотрит на меня. — Я тебе не могу сказать, что они делают... это слишком круто.

А все-таки он действительно ребенок.

Обо всем, что делал тот же Маньяк, я узнавал лишь постфактум. Хотя он был хакер, а я — его друг. Хакеры, которые говорят, что «делают что-то крутое»... как интересно...

— Ну смотри... — пожимаю плечами. — Вот откажутся от письма за позднюю доставку — останешься вообще без награды.

— Погодь... — Илья быстро запирает шкафчик. Раздумывает. — А сколько ты хочешь?

— Половину.

— Ого! — Он крутит пальцем у виска. — Нашел дурака!

— Ты же получишь сто двадцать пять долларов за это письмо, — продолжаю гнуть свою линию. — Ну... пятьдесят баксов мне.

— Нет!

Судя по тону, Илья настроен серьезно.

— Хорошо. Сколько дашь?

Он размышляет минуту. Похоже, вопрос и впрямь принципиальный.

— Двадцать... пять... — с видом спартанского мальчика, откусывающего на страх врагам собственный палец, решает Илья. — Больше не дам.

Теперь моя очередь размышлять.

— Я не жадный, — вдруг говорит Илья. — У меня просто звуковая карта совсем позорная. А за сто баксов мне продадут хорошую... очень...

Господи... да не нужны мне ни сто, ни двадцать пять, ни десять баксов с причитающейся ему суммы... И не стану я их брать, если все получится, и он доставит письмо по назначению.

Мне просто нужно уверить его, что игра ведется по-честному. Что Храм будет найден, что он сможет доставить письмо. Что нельзя сдавать его на хранение в архив.

А доверие бывает лишь в двух случаях: если ты друг или если ты деловой партнер.

На дружбу у меня нет времени.

Значит, надо стать деловым партнером.

— Договорились, — решаю я. — Как отыщу того дайвера и узнаю адрес Храма, так сразу тебе сообщаю. И все по-честному. О'кей?

Илья кивает, мы молча бьем по рукам.

— Если мои друзья раньше адрес узнают, ты ничего не получаешь! — торопливо уточняет Илья.

— Конечно, — соглашаюсь я. — Давай обменяемся пейджерами... если что, так сообщишь, чтобы я зря не искал.

— Ага...

Я записываю его номер, он — мой.

— Когда тебя можно найти в *глубине?* — уточняю я.

— Утром и вечером. Еще ночью.

— Днем бываешь?

Илья мрачно качает головой:

— Телефон нельзя занимать...

Бедолага. Так он по модемному соединению...

— Я когда не на работе, то сижу в баре «У погибшего хакера», — говорит Илья. — Если что, можешь меня там найти. Только пускают лишь хакеров.

— Круто, — киваю я. — Жалко... я не хакер.

— Назовешь пароль и пустят, — решает Илья. — Только он очень секретный, учти.

— Правда? Я никому не скажу.

— Сердце и Любовь! — торжественно произносит Илья.

Давлю смех. Пароль, имеющий хоть малейший смысл, уже не пароль. Однажды, когда военный генератор пароля случайно выдал осмысленную фразу, подтверждая древний тезис об обезьяне, которая способна сочинить «Войну и мир», паника поднялась на весь бывший СССР...

— Договорились!

Что ж, вот теперь и впрямь все. Осталась сущая малость — найти сам Храм. Смотрю на часы — без десяти десять...

— Мне пора, — сообщает Илья.

— И мне тоже, — говорю я. — Пойду играться в игрушки.

— Какие игрушки?

— Ну, «Лабиринт Смерти» проходить.

— Детство какое-то, — презрительно говорит Илья. — Я когда был маленьким, тогда играл. А сейчас работаю.

— А у меня теперь такая работа — по «Лабиринту Смерти» бродить.

Нехорошо, конечно, провоцировать зависть. Но я ведь не вру...

...На этот раз дверь в жилище Чингиза открывает Падла. В руках у него — «моссберг маринер», очень серьезный полицейский карабин. Наверняка его виртуальный аналог не менее опасен.

— Ты, что ли? — изрекает Падла.

— А ты не видишь?

— Мало ли, что я вижу, — вздыхает хакер. — А ну-ка скажи, какой проц я тебе вчера поставил?

— Тысяча двухсотый...

— Ощущаешь радость бытия?

Честно признаюсь:

— Пока не заметил разницы.

Падла все-таки не торопится меня впустить, а золотистый ствол карабина продолжает смотреть мне в живот.

— Чего я принес с собой?

— Пива... цветы Вике.

— Какие цветы, какое пиво?

— Букет роз, желто-кремовых, пиво было «Ярославское»...

— Проходи, Ленька...

Да. А ведь, пожалуй, мы теперь всегда будем обмениваться воспоминаниями при встрече в гл*убине*. Напугал нас Темный Дайвер.

Сегодня вся толпа собралась не в столовой, а в библиотеке. Комната очень приятная... обилие книг наводит на странные мысли. Создать такую комнату в гл*убине* — несложно, как правило, любая выпущенная в свет книга быстро становится общедоступной. Но если у Чингиза на самом деле такая библиотека... все эти стеллажи до потолка, заполненные классикой, фантастикой, детективами, альбомами, справочниками, энциклопедиями, какими-то миниатюрными и репринтными изданиями...

Понятно, почему он перестал быть хакером. Столько читать и сохранять при этом профессиональный уровень — невозможно. А для интерьера, как мне кажется, он книг держать не станет...

Комната длинная, в конце, между двумя зашторенными окнами, пылает камин. Возле него все и толкутся. Пат сидит

на полу, обхватив руками коленки. Он мрачный как туча, мне лишь едва заметно кивает. Похоже, вчера у него был серьезный разговор с Чингизом.

Чингиз развалился в кресле. Он в халате, весь расслаблен и вальяжен. Сигара, тлеющая в руке, дополняет картину. Буржуй чертов...

— Позор русского хакерства, — бормочет Падла. — Буржуй. Сибарит фигов. Расселся тут, понимаешь...

Впрочем, это не мешает ему усесться во второе и единственное кресло, более того — немедленно потянуться за собственной сигарой.

— Здравствуй, Леонид, — говорит Чингиз. — Садись куда-нибудь...

Маньяк, сложив руки на груди, стоит у камина. Меня он приветствует кивком и едва заметной улыбкой. Одет он во все черное, на голове какой-то темный берет.

— Вот все и в сборе, — решает Чингиз, когда я, недолго думая, сажусь перед камином рядом с Патом и протягиваю к огню руки. — Будем обсуждать тактику?

— Вначале обсудим вчерашние дела, — негромко замечает Маньяк. — Мне кажется, так будет вернее...

В последний момент я замечаю, что он косится на что-то за моим плечом. Пригибаюсь — и вовремя.

— Привет, Ленька! — кричит кто-то, прыгнувший на меня сзади. Увы, плеча, на которое он хотел навалиться, уже нет. Имеются только мои ноги, о которые он благополучно запинается и с протяжным воплем влетает головой в камин.

— О Господи... — тихо-тихо говорит Чингиз.

Высокий, нескладный парень уже выдергивает голову обратно. Голова урона не понесла. Голова — это кость.

Где же он прятался? Компьютерный Маг, или просто Маг, или «Зуко» — из-за любви к химическим растворимым напиткам. Он бывший программист в виртуальном борделе, где когда-то работала Вика. Один из самых талантливых и одновременно безалаберных программистов, которых я знаю. И наверняка самый шумный.

— Здравствуй, Зуко... то есть — Маг, — обреченно говорю я.

— Ага! Узнал! — Компьютерный Маг присел, схватился за голову. — Он меня узнал! Видите? Все видите? Ага! Ну, сколько лет я тебя не видел, а?

— Месяц, — признаюсь я, вставая.

Зуко виснет на мне, пытается приподнять. Увы, виртуальное тело Стрелка весьма тяжелое. Стрелок сухопарый, но ширококостный...

— Растолстел как! — кричит Зуко. — Заматерел, мать-перемать, прости за каламбур! А что, ты раньше с Чингизом не был знаком? Почему ж я тебя не познакомил, а? Ведь Чингиз — мой лучший друг! Правда, Чингиз? Ты, конечно, человек скромный и нелюдимый, но когда я прихожу — сразу все на стол, все дела — к черту, и на все готов!

Оглядываюсь — в глазах Чингиза и Падлы какое-то жалкое, пришибленное выражение. Пат начинает медленно отползать в сторонку. Похоже, Маньяк это замечает.

— Сергей, у нас времени немного, — вполголоса говорит он Зуко, берет его за плечо. — Давай потом отметите встречу?

Маг стряхивает его руку, укоризненно кивает головой:

— И ты, да? И ты? Поздороваться не даешь! Нет, все, я обиделся...

— Маг, давай вначале дела сделаем? — прошу и я. — Ты ведь в курсе, что произошло? Тебе ведь сказал... кто-то... интересно, кто...

Смотрю на Шурку — тот разводит руками и слегка втягивает голову в плечи.

— Давно думал, что дело к этому идет! — садясь рядом, шепчет Компьютерный Маг. Его шепот еще пронзительный, чем когда он говорит в полный голос. Это настоящий театральный шепот, которому артисты учатся долго и трудно. — Да... бардак, бардак... Ленька, а как там Мадам?

— Ничего, нормально, — шепчу я. — Маг, давай послушаем Шурку?

Зуко с громким хлопком закрывает рот обеими ладонями. Жест этот ему явно нравится, значит, три минуты тишины нам обеспечены.

Маньяк это тоже понимает и начинает говорить без лишних церемоний:

— Вчера мы все вели себя непрофессионально. Более того — смешно.

Падла кряхтит, Чингиз кивает, Пат забивается куда-то в дальний темный угол и делает вид, что разглядывает корешки книг.

— Во-первых, Чингиз, твоя система защиты оказалась примитивна.

— Это хорошая система... — возражает хозяин. — Просто...

— Просто она не работает, — говорит Шурка. — Во-вторых, мы сразу же, едва появился Темный Дайвер, проявили агрессивность. Тут моя вина, конечно. Я использовал очень неплохую разработку нашей фирмы, противник должен был полностью лишиться подвижности, но... в общем — моя вина. Я как бы задал дальнейшую линию нашего поведения.

Мне лично кажется, что поведение Маньяка было вполне оправданно. Но я не спорю. Если ему хочется разделить вину на всех, включая себя, то мешать не стоит.

— Совершеннейшим образом сглупил Падла, — жестко говорит Шурка. — Пока враг не проявил активности, ему надо было контролировать Пата. Это в-третьих. В-четвертых... Пату не стоило начинать стрельбы. Как бы оскорбительно ни вел себя визитер! Можно многое списать на возраст, на характер, но в *глубине* мы все равны. Вошел в Диптаун — будь добр повзрослеть!

Интересно, а какую плюху он отвесит мне...

— И в-пятых... То, как вел себя Леонид, мне вообще не понятно! — говорит Маньяк. — Абсолютно! Ты же дайвер, черт возьми! Ты должен был сразу выйти из г*лубины* и контролировать происходящее по монитору! Это ведь дает выигрыш во времени в условиях боя! Ты мог бы застрелить его сразу, едва дело приняло серьезный оборот...

Все. Серьги розданы всем сестрам...

Опускаю глаза.

Да. Маньяк прав, конечно же.

Не объяснять же ему, что Темный Дайвер не врал, что у меня действительно дип-психоз.

Технически мне по-прежнему легко выйти из г*лубины* в любой момент. Практически же... я этого не хочу делать.

Зуко рядом со мной начинает подпрыгивать на месте и тянуть руку.

— Хочешь выйти? — тоном учителя спрашивает Маньяк.

Пат в углу облегченно хихикает.

— Нет, я только узнать хочу, а я в чем виновен?

— Ты? — Маньяк на миг задумывается. — Ты еще год назад обещал доделать свою систему опознания и входного контроля

и дать всем ребятам, включая Чингиза, на тестирование. Если бы доделал — никто не смог бы проникнуть в дом.

Ошарашенный, Зуко стихает.

— Ладно, Саша. — Чингиз стряхивает пепел с сигары. — Все ошибки понятны. Давай разберемся с выводами из вчерашнего прискорбного происшествия.

— Давить гада, вот и все выводы! — Падла бьет кулаком по журнальному столику. Столик скрипит, но выдерживает.

— У него оружие второго поколения! — тихонечко подает голос Пат и шмыгает носом.

— Плюс иммунитет к большинству видов оружия, — добавляет Маньяк.

— Он преследует какие-то свои цели и не собирается работать с нами вместе, — говорит Чингиз.

Да уж... теперь точно — не собирается. Если мои заряды нанесли ему урон, аналогичный тому, который получил я...

Все смотрят на меня, и я вставляю свое замечание:

— Он знаком с Шуркой.

— Да, я помню эту фразу. — Маньяк кивает. — «Кстати, привет, Шурка...»

— Так вы знакомы? — уточняю я.

— Он со мной знаком, вероятно. В каком обличье, где и когда я его видел — мне неизвестно. Увы.

— А давайте я скажу? Давайте? — Зуко оглядывает нас. — Ребята, да видно же сразу — этот Темный Дайвер знает о нас все! Ну — или почти все! А мы о нем — ничего! И тут дергаться бесполезно, надо работать исходя из имеющейся ситуации. Что он будет делать, как вы думаете?

— Идти в Храм. — Маньяк пожимает плечами.

— Ясно даже пьяному ежику... — бормочет Падла.

— А единственный вход в Храм где? В «Лабиринте Смерти»! — Зуко торжественно поднимает указательный палец.

— И этот дайвер уже там, — кивает Падла. — Это уж будьте-здрасьте! Он, зуб даю, еще вчера туда рванул!

— Тогда чего мы сидим? — спрашивает Маг. — Если кому-то еще неизвестно — я специально взял отпуск на три дня! Фирму свою без руководства оставил, на придурка-компаньона, который только языком трепать умеет и пошлые шуточки отпускать! Так что давайте быстренько все двинемся в «Лабиринт» и поможем Леониду войти в Храм!

— Остается последний вопрос: кто именно пойдет? — говорит Чингиз. — Все... или? Лично я, разумеется, иду.

Несколько секунд слышно лишь, как потрескивают в камине дрова.

— Я специально взял отпуск... — робко повторяет Зуко.

Падла шумно вздыхает и косится на Чингиза:

— Ты видел, что я с утра пива не пил? Ну... почти не пил.

Маньяк лишь усмехается.

— В отношении меня вопросов как бы и нет, — говорю я. — За неимением других дайверов...

Пат в углу встает. По лицу видно, что он готов к долгой и безнадежной схватке:

— Чингиз... если вы меня не возьмете... ты мне больше не друг... знать тогда тебя не хочу!

Мы все смотрим на мальчишку. Тот подозрительно хлюпает носом и продолжает:

— Если я вчера сглупил, то это еще ничего не значит! Между прочим, каждый ошибается! А если никогда не давать возможности исправить ошибки, то они так и останутся неисправленными, и ошибшийся человек будет с этими ошибками жить, и... и ошибки эти...

Он путается в своей пылкой сумбурной тираде, смолкает и в полном отчаянии кричит:

— Чин, ну так вы меня берете или нет?

Чингиз давит в пепельнице сигару, будто обычный бычок.

Я знаю, о чем он думает.

— Если меня часто убивать будут, так ладно, я тогда отстану, я вас не заторможу! — говорит Пат. — Тогда вернусь домой! Честное слово!

Он так и не может понять до конца, что все изменилось. Что не после любой смерти в *глубине* можно будет вернуться домой. Что вчера мы уже готовы были его похоронить.

— Чин... — совершенно безнадежно говорит Пат.

— Да что ты кричишь, будто программист при виде калькулятора... — Чингиз встает. — Конечно, берем. Ты из нас самый образованный в играх. Куда мы без тебя...

Я бы ему поаплодировал. Но нельзя.

Когда человек берет на себя ответственность за кого-то другого — это не нуждается в аплодисментах.

А то все станут озираться на редкие звуки в глухой тишине.

111

Мы подходим к арке из черного камня такой слаженной группой, что вряд ли кто-то может принять нас за компьютерных фантомов-массовиков.

И результат не заставляет себя долго ждать — к нам начинают прибиваться другие игроки. Двое парней, делающих вид, что болтают исключительно между собой, нервная девица потрясающе некрасивой наружности, какой-то бесцветный субчик...

Честно говоря, мне это не особо нравится...

Переглядываемся.

Чингиз кивает.

В общем, двух мнений тут быть не может. Служить тараном, который потянет за собой других игроков, мы не собираемся.

— Эй, братишки-сестренки! — громко произносит Падла. — Мы сами по себе, вы — сами.

— «Лабиринт» — игра командная, — замечает невзрачный тип.

— Конечно, — миролюбиво говорит Шурка. — Кто бы спорил? Вот только наша команда уже укомплектована.

Споров не возникает. Кто-то ускоряет шаг, кто-то отстает, кто-то отходит в сторону.

Бесконечная река из человеческого мяса и крови течет в жадный зев «Лабиринта»...

— Эй, Стрелок!

Вот это интереснее.

Оглядываюсь.

Ага...

Это вчерашняя девица, Нике. Она чуть изменилась — стала блондинкой, и глаза, кажется, побольше. Но лицо осталось вполне узнаваемым.

— Тоже решил повторить попытку? — Она подходит ближе. С любопытством смотрит на моих спутников.

— *Мы* повторяем. — Я сразу расставляю необходимые акценты.

— Группой? И все Стрелки? — Нике улыбается. Подмигивает Пату — тот сразу начинает пыжиться и шагать неестественно прямо.

— Конечно. А где *твоя* команда? — спрашиваю я.

Нике морщится.

— Я отстала. Помнишь, там был такой, очень культурный? Мы его Профессором прозвали...

— Который призывал к коллективной игре? — вспоминаю я.

— Да. Он, конечно, призывал... Мы объединились еще с тремя командами. Но темп Профессор задал такой, что половина отряда отсеялась. Остальные, наверное, уже этапов десять отмахали. — Нике улыбается, но как-то неуверенно.

— А ты?

— Я на четвертом отстала. Там появились такие... такие бестии... Сержанты ведут группу только до четвертого этапа, дают первичные навыки. Дальше лишь на себя надо полагаться.

Гул от портала уже заглушает слова. Молнии сшибаются прямо над головами.

Смотрю на Чингиза, на Маньяка. Чингиз пожимает плечами, Маньяк прикусывает губу.

Все может быть.

Возможно, что в этом свое лике Темный Дайвер собрал команду из достаточно крепких парней и пошел к цели.

А может быть, это чистой воды совпадение.

Идущий чуть впереди Падла исчезает в арке. Зуко хохочет и радостно прыгает вперед.

Следующая очередь моя.

Багровый туман.

И знакомый уже зал.

Судя по всему, из нашей команды в новом «Лабиринте» был только Маньяк. Он уверенно двигается к душевым, на ходу раздеваясь.

— О, мадемуазель! — Зуко оценивает обстановку и бросается к негритянке-сержанту. — Скажите, а вы не сможете потереть мне спинку мочалкой?

Для меня ее ответ вполне ожидаем. Получивший дубинкой вдоль хребта Маг летит на пол. Встает, обиженно произносит:

— Можно было и на словах объяснить... нет мочалок, так и не надо... никакой культуры обслуживания...

Нике проходит мимо него, начинает раздеваться. Маг мигом пристраивается к соседней кабинке и, поглядывая на девушку, начинает разоблачаться синхронно. Сержанты, ухмыляясь, наблюдают за странным стриптизом. Нике абсолютно

равнодушна. Наверное, за время всех своих попыток уже насмотрелась всякого.

Зато начинает комплексовать и нервничать Пат. Уж не знаю, куда он забредал в гл*убине,* но обилие обнаженных девушек и необходимость раздеться самому его явно смущают. А я-то был уверен, что он играл именно в «Лабиринт»!

— Извините, а это обязательно? — спрашивает он мужчину-сержанта вполголоса. Но акустика в зале неожиданно хороша, и слова доносятся до всех. — Я два часа назад душ принимал!

Вот дурачок. Не хватало, чтобы его приняли за настоящего ребенка, а не за взрослого, выбравшего детское тело в целях увеличения подвижности и уменьшения зоны обстрела! Официально «Лабиринтом» разрешено пользоваться лишь после шестнадцати лет, слишком жестокая и кровавая это игра. На практике никто не проверяет, соблюдается ли игроками правило, но если специально нарываться...

К счастью, реплика Пата воспринимается сержантами лишь как продолжение шутовства Компьютерного Мага.

— У нас свой душ, — многозначительно помахивая дубинкой, сообщает сержант. — Для того чтобы всякие умники не протащили в «Лабиринт» неразрешенного оружия — в одежде или на теле. Ибо был прецедент!

Маньяк на миг поворачивает голову и всем лицом изображает огорчение.

Да. Мы понимаем, о каком «прецеденте» говорит сержант. Оружие сделал Маньяк, применял его я. Замаскированный в виде пояса вирус «Варлок-9000»...

Смирившийся Пат юркает в какую-то кабинку и начинает раздеваться.

Моемся. Стою, запрокинув голову, ловя губами пахнущую химией воду. Вот оно как, значит. Не просто душ для антуража. Противовирусный контроль...

— Ну, размылись...

На неприятности нарываться не пробую. Иду к анабиозной камере. В соседнюю справа ложится Нике, подмигивает мне напоследок. Над ней опускают крышку. В соседнюю слева пулей прошмыгивает Пат.

— Счастливого полета, — бросает мне чернокожая девушка-сержант. Опускает крышку.

В ванну льется густой белый туман. Бьют электрические разряды.

Темнота...

Туман.

Протягиваю руки. Что-то странное... Крышки надо мной нет. А туман — остается.

Подтягиваю ноги, сажусь на корточки. Выпрямляюсь.

Что за черт?

Кожу прошибает ознобом.

Я начинаю понимать, но это... это слишком неожиданно!

Темнота. Сероватая клубящаяся мгла.

Нет расстояний. Нет ориентиров.

Я один здесь — голый, дрожащий человечек в бесконечном мире. Но я слишком хорошо знаю по прежним снам, что мне надо сделать...

Шаг...

И впереди вспыхивает едва заметная белая искорка. Далекий огонек...

Вытираю вспотевшее вмиг лицо.

Еще никогда эти странные сны не накатывали на меня в глу*бине.*

*Г*осподи, что же делать? Сидеть и ждать, пока меня разбудят?

Или идти — в очередной безумной попытке преодолеть мост?

Ждать как-то... скучно, что ли...

Иду.

И снова ощущение чужого присутствия. Кто-то идущий рядом. Так, что я не могу его видеть, но слышу шаги.

Останавливаюсь — звуки стихают.

— Эй! — кричу я. — Может быть, хватит играть в эти игры?

Тишина.

Что это, я ищу собеседника в собственном сне?

Ладно. В конце концов я знаю, как проснуться. Проверено... всем, кроме электроники, черт возьми.

Почему бы не провести очередной эксперимент?

Иду на свет.

Туман постепенно светлеет. Он уже белый, чистый, яркий, будто флюоресцирующий.

И вот впереди вырастают скалы.

Левая стена — синий лед, правая — алый огонь...

Стою перед волосяным мостом. Как просто было преодолеть его — в «Аль-Кабаре». Там он и построен-то был, как ловушка на дайверов... Но здесь, в моем зациклившемся сне, не помогает старый верный стишок. Исчезнет иллюзия — исчезнет и мост.

Чего я еще не пробовал, интересно...

Представим себе, что это канат. Канат над бурной рекой. А я — сумасшедший старый турист или не менее сумасшедший малолетний скаут. Будем переправляться?

Будем!

Приседаю на корточки. Берусь за нить. Руки она не режет, прекрасно.

Оплетаю канат ногами. Повисаю над пустотой. И начинаю ползти.

Смех, да и только! Как все было просто!

Если я пройду этот мост, может быть, сны перестанут меня терзать?

Ползу.

Небывалый аттракцион... человек на канате... ваши ставки, господа... посмотрите, как он по канату ползет...

А ведь не все так просто!

Нить начинает резать ладони. Вначале просто неприятно. Будто тащишь слишком тяжелую сумку со слишком узкой ручкой.

Черт...

Нить уже впивается в руки. Пальцы скользят в крови — моей собственной крови.

Дьявол...

Нет, нить не становится тоньше. Просто я ползу слишком долго. Просто я не рассчитал длины моста. Не понял, что капля точит камень, время стирает горы.

А волосяные мосты режут самоуверенные ладони...

— Не так!

Голос едва слышен — я все-таки отполз достаточно далеко от начала своей безумной переправы. И даже запрокинув голову, не могу увидеть того, кто кричит мне, пытаясь то ли предупредить, то ли напугать и помешать...

— Не так!

Капля крови срывается с нити и падает мне на переносицу. За ней — вторая.

Начинаю ползти, сцепив зубы, уже понимая, что сил не хватит... и все-таки...

Левая стена — синий лед...

Правая стена — алый огонь...

Неизменный выбор...

Огонь — это быстрее.

Быстрее и дотла.

Резким рывком бросаю тело вправо и срываю израненные руки с нити...

Только одного нельзя сказать о правой стене — что она убивает чище.

Я еще замечаю, как мои руки превращаются в черную, густую, смрадную копоть.

Боли, правда, не успеваю испытать.

И на том спасибо повелителям снов...

Рассеивающийся туман над головой. Пробитая крышка анабиозной камеры.

Лежу, закусив губу. Да... сюрприз, сюрприз...

Не ожидал, что этот сон будет преследовать меня даже в виртуальном мире. Видимо, все дело в том, что по дурацким правилам игры я лежал во сне достаточно долго.

Открываю крышку, на этот раз ломать стекло не приходится. Подозрительно смотрю на свои ладони, будто ожидаю увидеть на них тонкие нитяные порезы...

Нет — и хорошо.

Наплюем на сны. У нас другие дела. Куда серьезнее.

Нахожу неизменный труп, натягиваю его форму.

Знакомой уже дорогой иду к пробитой обшивке корабля.

Тому, что вся наша команда сидит на травке, поджидая меня, удивляться не приходится. Я — единственный дайвер. Наконечник тарана, острие стрелы. Космический корабль, который будет выводить на орбиту многоступенчатая ракета...

О судьбе отработанных ступеней думать не хочется.

— А вот и я! — кричу, спрыгивая вниз.

Падла ухмыляется, почесывает затылок и протягивает мне пистолет.

— Откуда? — удивляюсь я. На отставшего оружия вроде бы не предусматривается...

— Мы же не в бирюльки играем, — туманно объясняет Падла.

Логично. Светлая память безвестным героям «Лабиринта Смерти». Интересуюсь:

— Кто-то ушел вперед?

— Да. Два сержанта, девчонка и еще трое парней, — сообщает Маньяк.

— Ребята, кто из нас играл в этот вариант «Лабиринта»? — спрашиваю я.

Пат тянет руку, будто на уроке:

— Я играл! Только не здесь, а в локализованной версии! Там, впереди, пещера с двумя кабанами, да? Они бьются лапами и пускают ракеты?

— Скорее медведи, чем кабаны, — поправляю я.

— Я их сделаю! — азартно говорит Пат. — Я знаю тактику!

— Кто еще играл? — игнорирую его чистосердечное предложение.

Маньяк усмехается, поигрывая пистолетом. Все остальные, увы, лишь разводят руками.

— Тогда пошли, — непроизвольно беру командование на себя. — Первую парочку уродов делаю я... с Патом. Хорошо? Вы наблюдаете издалека, стараясь не попасть под ракетный залп. Дальше — посмотрим.

Возражений нет, и мы направляемся к скалам. Над головой кружат проклятые птицы. Я уже понял, что поначалу они не нападают, но все-таки поглядываю временами вверх.

У входа в пещеру останавливаются все, кроме нас с Патом. Что они оттуда увидят? Да ничего, пожалуй... Ладно, хотя бы не попадут под удар.

Стены все ровнее, пещера превращается в туннель. Пат, сдвинув на затылок пестрый армейский берет, крадется чуть впереди, временами бросая на меня азартные взгляды. Не проворонил бы...

Но нас поджидает неожиданность.

Вместо двух монстров — на полу ошметки плоти и железа.

— Ого, а та команда прошла, — разочарованно говорит Пат. — Леня, а здоровски-

Почему-то мне так не кажется. Хотя... если «не наша» половина группы продержится достаточно долго, время мы сэкономим.

Подзываем остальных.

Зуко радостно улюлюкает при виде поверженных врагов. Приходится объяснять, что в этой победе нет нашей заслуги.

Идем вперед. Аптечки, увы, не находим, трофей кем-то подобран.

Выбираемся на холмистую равнину.

— Вон в тех хижинах еще тварюги будут! — возбужденно говорит Пат. — Мерзкие, жуть! С ними долго так надо возиться...

— Я покажу, как быстро, — бросает Маньяк. — Но вначале будут птички...

Я качаю головой. В небо я начал смотреть, едва мы вышли из-под каменных сводов.

— Нет, Шурка... Похоже, и птичек перебили...

— Хорошая команда, — с уважением произносит Чингиз. — Но так мы не потренируемся на легких мишенях, а ведь сложность должна нарастать с каждым этапом...

Не сговариваясь прибавляем шаг.

И отходим от туннеля метров на сорок, прежде чем по нам открывают огонь.

Из таких же, как и наши, пистолетов...

Бежать бесполезно. Отстреливаться — тоже. Ушедшая вперед часть десантников не пошла расчищать нам путь, они залегли за раскиданными в стороне валунами. Их позиция идеальна. Мы же, пусть и залегшие в траве, — как на ладони. Вполголоса матерится Падла, которому первым же выстрелом обожгло руку. Открывает быструю, но бестолковую стрельбу Компьютерный Маг. Редко, прицельно палит Шурка. Чингиз прижимает к земле Пата и тоже ведет огонь короткими очередями.

Бесполезно... не та позиция... нас поймали.

Вот только чужой огонь начинает вдруг стихать. Через несколько секунд по нам стреляет лишь один пистолет. Потом раздается чей-то рев:

— Су-у-ука!

Еще один выстрел. Не в нас. И тишина.

Переглядываемся, ничего не понимая.

Кажется, помощь пришла вовремя. Как всегда... ведь если она приходит не вовремя, то помощью уже не является.

— Ребята, не стреляйте!

Над валунами поднимается фигурка.

Падла испускает громкий восторженный рев. Кажется, он готов забыть даже о ране:

— Ох и девка!

Нике, держа пистолет за ствол в опущенной руке, идет к нам. Маньяк все-таки держит ее на прицеле, но, похоже, чисто из принципа.

— Все, я готов, я влюблен, я капитулирую... — бормочет Зуко, вставая и отряхивая с комбинезона мусор.

А я смотрю на Нике и улыбаюсь.

Почему-то мне чертовски приятно, что она не стреляла по нам, а пришла на помощь. Несмотря ни на что. Еще приятнее — что не ее убили ребята, добывая мне пистолет.

— Что произошло? — резко спрашивает Чингиз.

— Разве непонятно? — вопросом отвечает Нике.

— И все-таки объясните, — уже более вежливо просит хакер.

— Вы убили паренька, чтобы взять пистолет для своего товарища... — Мне достается едва заметная улыбка, и я едва заметно машу Нике рукой. — Сержанты объяснили, что это неспортивно и нечестно, предложили устроить вам засаду. Но...

Она замолкает, будто затрудняясь сформулировать. Потом продолжает:

— Но мне кажется, что это не менее неспортивно. Так что я сделала выбор. Заняла такую позицию, чтобы видеть всю свою группу... свою прежнюю группу.

Мы переглядываемся.

— М-да... — тянет Зуко.

— Ситуевина... — соглашается Падла. — Ребята... ну что?

Маньяк опускает пистолет. Говорит:

— Мы бы тут все полегли. Одного-двух сняли, но полегли...

— Берете в команду? — прямо спрашивает Нике.

И вдруг по взглядам товарищей я понимаю, кто будет делать выбор. Мы с Чингизом.

Вот так дела...

Отходить и советоваться нам не надо. Мы смотрим друг на друга, оба прекрасно понимая, что поступок Нике может быть неслучайным.

Темному Дайверу не обязательно носить только мужские тела.

А прибиться к нашей команде и вместе с ней пройти весь путь по «Лабиринту Смерти» — что может быть для него более забавным? Уверен, что шуточка в его вкусе...

И в то же время...

Демонстративным жестом засовываю пистолет в кобуру.

— Не пришлось бы пожалеть... — туманно изрекает Чингиз. — Девушка...

— Нике.

— Нике, мы несколько странная команда. Мы собираемся пройти «Лабиринт» как можно быстрее. Затрачивая, если понадобится, двадцать четыре часа в сутки, на протяжении нескольких дней кряду. Мы готовы на абсолютно неспортивные методы. Вас это не пугает?

— Я вполне свободный по времени человек, — говорит Нике.

Фраза такая, что ее мог бы сказать мужчина... а могла бы и женщина, особенно феминистка. Пожалуй, теперь нам придется вслушиваться в ее речь, ловить на неизбежных проколах...

— Рискуете? — столь же бесполо спрашивает Чингиз.

— Конечно. Я хочу устроиться на работу в «Лабиринт». Сержантом. — Нике усмехается. — Это очень неплохая и хорошо оплачиваемая работа. Но они берут лишь тех, кто отличился в прохождении нынешней версии «Лабиринта». Я готова.

— Мы не станем тебя ждать, если что... — говорит Чингиз, вызывая утробное неодобрительное бормотание со стороны Падлы.

— Это справедливо, — говорит Нике. — Я не буду иметь никаких претензий.

— К тому же отсутствие в нашей команде девушки являлось бы проявлением дискриминации по половому признаку, самого заурядного сексизма... — добавляет Маньяк.

Я смотрю на него, уверенный, что замечу улыбку. Но Маньяк вполне серьезен. Ой... что с людьми делает Америка!

Зачистка местности...

Маньяк пинком распахивает дверь в жалкую деревянную лачугу. Мгновенно скользит в сторону, а на то место, где он только что стоял, с тихим свистом сыпятся тонкие белые иглы.

Пистолет в руках Шурки подрагивает, накапливая заряд.

Он снова бросается в проем — стреляет, отшатывается, пропуская очередную серию игл, врывается в хижину. Я вижу, как он стреляет куда-то вверх, в потолок, длинной очередью...

Шмяканье чего-то тяжелого и мягкого.

Тварь висела, прицепившись к потолку. Бурдюк с хоботом, из которого летели иглы...

— Кто ни разу не убивал таких? — спрашивает Маньяк. — Чингиз, Падла, Леня — проверяйте остальные хижины.

День начинается удачно. Каждый из нас убивает по твари. Обходится даже без ранений.

— Что-то слишком легко, — высказываю общее мнение. — Когда я вошел в «Лабиринт» первый раз, мне показалось, что тут будет куда тяжелее, чем в старой игре...

— Тут и будет тяжелее, — обещает Маньяк. — Первые пять этапов — вводные. Они достаточно жестко сформированы, изменяются очень медленно и в небольших пределах. Все драки в основном с программными монстрами... разве что иногда друг друга пострелять приходится...

— А дальше?

Во взгляде Шурки появляется легкое удивление.

— Ты про «Защити свой дом» слышал?

— Это какая-то конкурирующая с «Лабиринтом» игра, да? — вспоминаю я.

Маньяк фыркает. Косится на Пата, обнаружившего в одной из хижин автомат и радостно подстраивающего приклад под свою руку.

— Конкурирующая? Ну, если можно сказать, что ноги конкурируют с руками... Это альтернативный вариант игры.

Я начинаю понимать.

— За монстров?

— Да, конечно. Чем отличался старый «Лабиринт Смерти»? По-настоящему разумными были лишь люди. Потому и самые интересные схватки завязывались друг с другом, а вовсе не с монстрами. Теперь есть возможность занять сторону чужих. Защищать свой дом, свою планету от человеческого десанта. Ты что, не читал рекламных проспектов?

— Ты же знаешь, я давно не играю в эти игры...

— Я тоже. Но стараюсь быть в курсе. Это же совершенно открытая информация, Леня! Сейчас почти все виртуальные игры завязаны на «Лабиринте Смерти»! Ты можешь пойти в «Звездный патруль» и стать пилотом истребителя, прикрывающего десант, воевать с монстрами в космосе. Причем как на нашей, так и на их стороне. Можешь отправиться в «Звезды и

Планеты», начать службу в Генеральном Штабе Космических Сил Земли...

Вот это номер.

Какое-то время перевариваю услышанное. Я ожидал, что «Лабиринт», как и раньше, сведется к поединкам с могучими, но туповатыми монстрами... пусть даже изрядно поумневшими, но все равно предсказуемыми, и кровопролитным схваткам с другими игроками, равными тебе по силе...

Но если теперь все по-другому...

Если в бронированном теле монстра, вооруженного самонаводящимися ракетами, окажется человек? Способный затаиться, выждать удобный момент, поступить нестандартно, а не тупо бросаться в бой?

Если летающая тварь с зубами-пилами не станет кидаться на нас с неба, а затаится в кустах и тяпнет за ногу?

Много чего может придумать человек, получивший нечеловеческое тело...

— Идем? — прерывает молчание Нике. — Я знаю, где выход с этапа.

Я взглядом указываю Маньяку на автомат в руках Пата. Шурка качает головой, вполголоса говорит:

— Бестолковая штука... Пусть забавляется. Пока поработаем пистолетами.

К обеду мы доходим до конца четвертого этапа. Достаточно чисто и грамотно, лишь на третьем едва не теряем Зуко... в общем-то — по его вине. Маг решает продемонстрировать нам свое мастерство в борьбе с «мухами». Больше всего «мухи» похожи на стрекоз размером с крупного голубя, и попасть в них не очень-то легко. Двух «мух» Маг убивает действительно красиво и быстро, зато третья заходит на него с тыла и начинает клевать в затылок. Выглядит это совсем не страшно, скорее забавно, и мы не сразу соображаем, что дикие вопли и прыжки Мага не обычная дурашливость, а предсмертная агония. Стрелять по «мухе» невозможно, почти наверняка выстрел зацепит и нашего друга. Спасает положение Пат — подскакивает к Магу и бьет «муху» прикладом своего автомата.

Оказывается, тварь весьма уязвима... главное, лишь попасть.

Полуживого и слабо стонущего Мага приходится тащить на себе до конца этапа, прежде чем удается найти аптечку.

— Забодай меня комар, — бормочет Зуко, приходя в себя и обретая способность говорить. — Руки-ноги еле шевелились! Гадость какая! Ребята, в следующий раз пристрелите меня, не хочу так мучаться!

Но нам не слишком весело.

— Шесть часов, — глядя на часы, говорит Чингиз. — Так... ребята. В «Лабиринте» сто этапов. Если мы прошли первые три за шесть... два часа на этап...

— Двести часов! — радостно сообщает Пат то, что и так не нуждается в подсчетах.

— Почти восемь суток. — Чингиз морщится. — Но нам надо спать, есть, отдыхать, ходить в нужник... иногда — думать. Накидываем еще два дня. Десять суток.

— Мы еще ни разу не теряли никого из команды, — добавляет Маньяк. — А ведь в этом случае нам придется либо бросать своего, либо возвращаться к началу этапа и проходить его заново...

— Сложность будет нарастать... — Зуко становится серьезным. — Пока воюем только с роботами. Дальше пойдут перестрелки с конкурентами... и люди в облике монстров.

— Зато опыт появляется, — возражает Падла. — Скажешь, нет?

— Опыт и усталость, — замечает Нике.

Умница девчонка...

Сажусь с ней рядом, достаю из кармана пищевой рацион, найденный в разбитой боевой машине... может быть, поставленной для антуража, а может быть, кто-то и впрямь пытался пройти «Лабиринт» на миниатюрном танке...

Молча делим пайку.

И я вдруг ловлю себя на том, что не предложил еды больше никому. Ни Чингизу, ни Падле, ни Шурке, ни Зуко, ни Пату...

Эта еда не существует в природе! Она просто-напросто нарисована! И мы можем сейчас, после третьего этапа, выйти из *глубины*, поесть настоящей пищи, передохнуть. Никто из нас не умрет от голода.

Но я распорядился своей находкой так, будто мы в настоящем боевом рейде на чужой территории. Поделился лишь с симпатичной мне девочкой...

Молча отдаю свою половину пищевого брикета Пату.

— Будешь? — быстро спрашивает Пат Чингиза.

Чингиз мотает головой, и Пат начинает грызть брикет, не спрашивая больше никого.

Вот так.

«Лабиринт» заставляет относиться к себе вполне серьезно.

— Вопрос питания вскоре встанет со всей остротой, — говорит Падла. И тут же переходит в другой свой образ, более обычный: — Эх, а жрать-то хочется, ёшкин свет!

— Сержанты говорили, что тут можно охотиться, — замечает Нике. — Часть местных животных и растений условно съедобны. На одних пайках не протянуть, они встречаются редко...

— Перерыв на обед... точнее, на ужин, — решает Чингиз. — Сейчас выходим на четвертый уровень, записываемся и возвращаемся обратно...

Он замолкает, прикидывая что-то в уме.

— Конец этапа — переход через ту речушку, — показывает Нике. — И что? Минут десять, чтобы добраться до дома... мне во всяком случае. Потом выход из *глубины*, четверть часа, чтобы поесть... Еще десять минут на обратную дорогу. Минут пять пока все соберемся.

— Теряем сорок минут, — итожит Маньяк. — Теряем темп. Заново привыкаем к этому миру...

Чингиз снова смотрит на часы.

— Сейчас шесть вечера... по московскому времени. Идем еще шесть часов. Найдем пищу — едим. Не найдем — подтягиваем пояса потуже. Есть возражения?

Возражений нет. Лишь Нике интересуется:

— Ребята, а зачем вы так гоните? На рекорд идете?

Все молчат...

— На рекорд идут, предварительно хорошо потренировавшись, — рассуждает Нике вслух. — А у вас вроде большинство первый раз в «Лабиринте»...

— Нике... — Я понимаю, что должен вмешаться, прежде чем любопытство заведет ее слишком далеко. — Ты нам помогла. Мы приняли тебя в команду? Так?

Девушка кивает.

— Если хватит сил — иди с нами. Будем рады. И поможем, если сумеем... Но причины, по которым мы сюда отправились, тебя не касаются.

— Тогда назовите хотя бы внешнюю цель своего похода, — неожиданно резко говорит Ника. — Вы все мне очень нравитесь. Но я не могу идти с командой, поступков которой не понимаю. Вдруг вся ваша задача — догнать какого-нибудь обидчика, разделаться с ним, а дальше — хоть трава не расти! А мне потом что, барахтаться в одиночестве?

— Хорошо, — внезапно произносит Чингиз. — «Внешний» мотив нашего поведения ты должна знать. Мы хотим, чтобы Стрелок, — кивок в мою сторону, — как можно быстрее достиг последнего этапа «Лабиринта Смерти».

— Именно Стрелок? — Ника с любопытством смотрит на меня.

— Да. При этом мы вынуждены сохранять свой отряд в полном составе как можно более долгое время, но лишь для облегчения основной задачи. Поэтому все время будем соблюдать баланс между скоростью передвижения и общей боевой силой группы. Не исключено, что на последних этапах «Лабиринта» мы будем бросать отстающих.

— Понятно, — кивает Ника. — Скорость эскадры равна скорости самого тихоходного корабля... но лишь до тех пор, пока на след эскадры не сядут подводные лодки... Скажи, Чингиз, а если нашу группу будет тормозить Стрелок? Пока он не производит... извини, Леонид... слишком уж сильного впечатления.

...Небо фиолетовое... птички кружатся... Дожил, Стрелок. Дожил. Но кто же знал, что от умения играть в виртуальные игры однажды станет зависеть жизнь? Тысячи жизней?

— Я уже назвал основной мотив нашего похода, — спокойно отвечает Чингиз. — В таком случае, пользуясь твоей аналогией, более быстрые корабли станут подставлять свои борта торпедам.

— Мне безумно интересно, — говорит Ника. — Но я больше не стану ничего спрашивать. Ваши игры, ребята, понимаю...

— Готовность подставить борт относится и к тебе. — Голос Чингиза становится все жестче и жестче. — Это ясно?

Девушка смотрит на меня. Кивает:

— Слушаюсь. Любопытно, конечно, чем загружена эта тихоходная калоша, но я спрашивать не стану...

Если бы она не улыбалась, я бы обиделся.

Так — улыбаюсь в ответ.

Встаю, поправляю сбившуюся куртку. До сих пор мы не нашли ни одного бронежилета... обидно...

Бреду к ручейку. Конец этапа?

Значит, бросаем играть.

Начинаем жить.

Часть третья

МОСТ

00

Пятый этап «Лабиринта Смерти» — как водораздел.

Грань между монстрами программными и монстрами настоящими.

«Лабиринт Смерти» не скован жесткими пространственными границами. Можно развернуться и уйти в сторону от основного пути, по которому двигается наш отряд. Попытаться обойти опасные места, сократить дорогу. Не удивлюсь, если в интересах игры в «Лабиринте» смоделирована целая планета. Но это тупиковый путь — рано или поздно игрокам придется записаться, отметить свое положение в игре перед выходом... а компьютера на пути не будет.

И начинай проходить этап сначала...

Кручу в руках тяжелый шестиствольный ракетомет. Что-то есть в этом... какая-то странная мысль начинает вырисовываться в сознании. Сейчас подходит к концу десятый час игры, мы заканчиваем пятый этап... быстрее идти невозможно...

Так что же — восемь суток?

Нет у нас этого времени. Уверен, что нет.

Мы премся напролом. Хорошо, слаженно, четко. Но это не поможет. Есть простые, естественные ограничения — пять километров в час, если идти пешком, пятнадцать — если бежать резвой трусцой. Но по «Лабиринту» нельзя только бежать, приходится отстреливаться, убегать, искать оружие и боеприпасы... Не меньше часа на этап. Никак не меньше!

— Леонид! — меня нагоняет Падла. Подозрительно заглядывает в глаза: — Ты в порядке?

— Да.

— Сашка говорит, в конце пятого этапа традиционно устраивают привал. Там не принято стрелять друг в друга.

— Ну?

— Если там окажется какая-то чужая группа, положено посидеть с ними...

Киваю. Бросаю взгляд на индикатор ракетомета.

Семь зарядов. Прекрасно. Полный залп, и еще одна ракета напоследок...

— Положено, говоришь... Ясно.

Мы идем в узком ущелье. Кое-где попадаются следы боев, причем недавних: раскрошенные ракетами камни, обугленная земля, обгоревшие деревья.

Один раз на нас выскакивает монстр. С такими уже приходилось встречаться — очень подвижная, повыше человека ростом, передвигающаяся на двух ногах рептилия. На расстоянии тварь палит из двух мощных лучевых пушек, вблизи бросается в рукопашную, ловко орудуя когтистыми лапами и гибким хвостом. В одиночку с такой сражаться не очень-то приятно.

Но нас семеро.

Тварь успевает сделать лишь один выстрел — и корчится, умирая, под выстрелами четырех пистолетов, автомата и странного излучателя, который нашла Нике. Излучатель бьет вспышками голубого пламени, растекающегося по цели.

Я не стреляю.

На меня косятся, но ничего не спрашивают.

Выход из ущелья завален каменными глыбами. На них многочисленные граффити. Попадаются и банальные «Макс и Слай были тут», творение безвестных недорослей, и длинные цитаты из Шекспира, Данте и Элюара, и какие-то закодированные сообщения, видимо, оставленные для отставших товарищей. Но главенствует одна надпись, выплавленная в камнях... сколько же времени пришлось трудиться ее неведомому автору?

«ПЕРЕМИРИЕ!!!»

Шурка опускает пистолет в кобуру и карабкается вверх по камням. Пат со вздохом забрасывает на плечо свой бестолковый автоматик.

Я поступаю так же со своим ракетометом. Мне доверили самое мощное оружие, найденное группой. Пока я не сделал из него ни единого выстрела...

Карабкаемся по камням.

А вот и выход с этапа...

Пейзаж так спокоен и тих, что все наше оружие начинает казаться лишним грузом.

Опушка леса. Озерцо. Мягкая темно-зеленая трава... горящий костер...

Семеро у костра.

— Наконец нагнали кого-то, — комментирует Маг. — Ух, покушаем, пообщаемся!

Спускаемся со скал. Мы прекрасные мишени, но перемирие и впрямь соблюдается. Нам даже машут руками, зазывая к костру.

Группа производит приятное впечатление. Трое молодых мужчин, крепкие, подтянутые, причем отчего-то создается ощущение, что они и в жизни такие же, а не только в *глубине*. Две девушки, симпатичные, нестандартные — одна европейской наружности, вторая — китаянка. Парнишка чуть старше Пата. Пожилой, костлявый мужчина... он, похоже, старший в группе.

— Чтим перемирие? — спрашивает старик. Судя по легкой заминке, с которой доносится его голос, говорит он отнюдь не по-русски.

— Чтим! — откликается Маньяк. — Давно идете?

— Двадцать часов чистого времени, — охотно откликается кто-то из мужчин.

Не похоже, что они неопытные новички. Скорее были заняты в первую очередь сбором снаряжения, а не беготней от начала к концу этапа. Почти все — в бронежилетах, вооружение куда серьезнее нашего. У всех есть и автоматы и пистолеты, два излучателя, таких же, как у Нике, три ракетомета, еще какая-то незнакомая бандура...

— А мы — десять часов! — радостно сообщает Маг.

Снисходительные улыбки.

— Оно и видно, — беззлобно говорит старик. — Присаживайтесь...

Нам дают место у костра. Рассаживаемся. Наступает короткая неловкая пауза... хорошо, что с нами Компьютерный Маг!

— Люди, а у кого-нибудь есть кряки под «Visual Board»? — осведомляется он.

Люди переглядываются.

— Найдешь, скажи, — сообщает кто-то. — Пока никто еще не сломал...

Маг довольно скалится. Наверняка ему хочется сообщить, что он и есть автор этой программы... известной даже не столько удобством в работе, сколько патологической устойчивостью к взлому. Но он гасит душевный порыв. Зато разговор быстро приобретает светский характер. Как, где и что взломали, кого и на чем удалось поймать, кто отвертелся, а кто теперь сидит за решеткой...

Минут через десять отношения налажены. Скучаю лишь я и, кажется, Ника. Для нас эти профессиональные разговоры слишком заумны.

Впрочем, вскоре разговор возвращается к «Лабиринту Смерти» и тактике его прохождения. Ледок недоверия взломан...

— Вы зря так спешите, — говорит китаянка. Она лежит на траве, опустив голову на колени одного из парней. — Первые пять этапов надо использовать для сбора снаряжения. Искать, искать и искать...

— Мы должны пройти «Лабиринт» как можно быстрее, — сухо говорит Чингиз.

— По два часа на этап? — Китаянка улыбается.

— Желательно быстрее, — вежливо отвечает Чингиз.

— А быстрее вообще нельзя. Это теоретически возможный предел.

Вот так.

Переглядываемся. Похоже, такой информации ни у кого не было.

— Не сомневайтесь, — вступает в разговор старик. — Проверено, рассчитано, доказано. И все равно нереально. Мы идем на рекорд. Четыре часа на этап. Четыреста часов.

— Слишком долго, — качает головой Чингиз.

Старик улыбается и ничего не отвечает.

— Судьба у нас такая, — мрачно вздыхает Падла. Ложится на траву, морщится, задевая раненую руку. Пока все найденное мы тратили на Мага, ему слишком сильно досталось. Не до мелочей...

— Возьми! — Старик протягивает Падле аптечку.

— Не откажусь. — Хакер прикладывает к руке белый пластиковый кубик. Довольно ухмыляется. — Спасибо... не ожидал.

— Не за что. У нас есть запас.

Вот оно преимущество планомерного похода по «Лабиринту Смерти». Как жаль, что этот путь не для нас.

— Пора, ребята. — Я встаю.

Первой, вздохнув, поднимается Ника. Затем остальные.

— Простите, ребята, — говорю я чужой компании. — Но мы спешим...

Возражений нет. Китаянка улыбается, второй девушке мы в общем-то безразличны. Как и мужчинам, как и подростку. Старик... интересно, сколько ему на самом деле лет... старик слегка разочарован.

— Удачи...

Наши уже уходят. Не прощаясь, не споря со мной. Вряд ли кто-то доволен моим решением, но споров нет...

Протягиваю старику правую руку. Обмениваемся крепким рукопожатием.

Левой рукой я в это время вдавливаю спусковую кнопку ракетомета. Мягкое чмоканье уходящих в стволы ракет почти не слышно.

Тут главное — не отпустить кнопку слишком рано или слишком поздно. Выстрел произойдет, едва я сниму палец с кнопки, или после того как зарядится шестой ствол...

— И вам успехов, — говорю я, убирая руку.

Поворачиваюсь и бегу за своей командой. Со стороны моя рука на прикладе ракетомета выглядит вполне естественно — человек придерживает оружие...

Чмок...

Третий или четвертый заряд ушел в стволы?

Чмок...

Останавливаюсь, сбрасывая ракетомет в руки. Взгляд на дисплей.

Там горит цифра «5».

Чмок...

Они успевают понять, что происходит. К сожалению, успевают. Кто тянется за оружием, кто пытается вскочить... Лишь на лице старика растерянность, губы шевелятся... может быть, он собирается мне напомнить о перемирии?

Ствол — по центру группы... чуть левее...

Шестой заряд уходит в ствол. Ракетомет дергается, выплевывая огненный веер. От шести одновременно стартовавших

ракет отдача достаточно ощутима — меня кидает на землю, из выпускных прорезей стволов бьют струи раскаленного газа.

Там, где только что мирно отдыхали наши конкуренты, протягивается черная полоса. Земля перемешана, будто по ней скользнул нож бульдозера. Слегка угадывается шесть воронок.

В общем-то я попал неплохо.

Мужскую часть команды убило на месте, от подростка словно бы вообще следов не осталось. Только китаянка еще жива и вяло тянет руку к кобуре — у нее сохранились какие-то жалкие проценты жизни.

Как раз на один выстрел из пистолета. Тратить ракету у меня нет ни малейшего желания. Девушка перестает тянуться к пистолету, замирает...

— Ты что? — кричит Падла.

Пат застыл с открытым ртом. Чингиз задумчив.

Маньяк хмуро проходит мимо меня. Присаживается у одной из воронок, выуживает оттуда совершенно неповрежденный излучатель. Так и должно быть... за что боролись... Интересно, сколько уцелеет бронежилетов? При гибели владельца они сохраняются с вероятностью в пятьдесят процентов...

— Леня... это... — Маг утрачивает всю свою веселость. — Ну нельзя же так!

— Догонять нас они не станут, — говорю я. — У них иная тактика.

— Леня, ну тут же перемирие! — с укором говорит он. — Нельзя!

И вот тут я свирепею.

— Перемирие? Нельзя? Мы в песочнице сидим? Ребята, да вы поймите... то, ради чего мы все затеяли...

Замечаю настороженный взгляд Нике и замолкаю.

Все-таки чужой человек в команде — помеха.

Но меня понимают. Маг со вздохом разводит руками и тоже лезет в одну из воронок — собирать трофеи.

— Если хочешь, можешь уйти, — говорю я Нике. — Стрелять вслед не стану. Клянусь.

Может быть, она и не верит моим словам...

— Пожалуй, теперь я точно не уйду. Вы меня безумно заинтересовали.

Через минуту в дымящихся воронках роются уже все.

Кроме Чингиза.

— Я думал, современные бизнесмены обладают большей моральной гибкостью, — говорю я ему.

— Да я не о том... — Чингиз досадливо морщится. — Я вот думаю, если мы дождемся здесь следующей группы, компенсирует ли добавочное снаряжение потерю времени?

— Думаю, нет.

— Пожалуй, ты прав... — кивает хакер.

— Ура! — Пат выскакивает из воронки, потрясая бронежилетом. — Мой размерчик! Теперь повоюем!

За что люблю детей — так это за непосредственность.

Спрыгиваю вниз, начинаю раскопки. Бронежилет... увы, разорванный в клочья. Ракетомет... без зарядов. Не везет...

— Леонид, — предостерегающе говорит Падла.

Оборачиваюсь и перехватываю ракетомет поудобнее. Заряд всего один... но это хоть что-то.

Вот так потери времени...

Из леса выходят трое. Молодой высокий парень и две девочки-подростка. Парень на вид обычный, а вот у девчонок внешность не совсем человеческая — слишком большие глаза, длинные остроконечные ушки, из-под шлемов выбиваются чересчур уж сверкающие золотистые волосы.

Впрочем, важно не это... важно то, что троица вооружена ракетометами и держит их на изготовку.

— А говорили — тут перемирие, — укоризненно произносит парень.

Несколько секунд наши группы изучают друг друга. Начинать стрельбу — коллективное самоубийство.

— Ты кто? — интересуется Чингиз.

— Друг эльфиек, — сообщает парень, покосившись на своих спутниц. Надо же — раньше любители ролевых игр не заглядывали в «Лабиринт»...

— Нам очень нужно оружие, — откровенно говорит Чингиз. — Так уж получилось.

— Оружие здесь всем нужно, — соглашается парень. — Оружие, броня, заряды...

Краем глаза я вижу, что Падла тянется к пистолету, быстро качаю головой. Не поможет... влипли мы. Хорошо влипли.

— Вот и хорошо, — невозмутимо говорит Чингиз. — По первому пункту мы пришли к пониманию. Предлагаю перейти ко второму. Продайте немного зарядов?

— Чего? — Парень явно теряется, а эльфийки растерянно переглядываются.

— Я куплю часть вашего снаряжения. За настоящие, реальные деньги. Десять долларов за ракету. Сто — за ракетомет.

Это безумие. Такого, наверное, еще не было в истории «Лабиринта» — чтобы нарисованное оружие покупали за настоящие деньги.

— Ты псих? — с любопытством спрашивает друг эльфиек.

— Нет. Бизнесмен.

— Сумасшедший бизнесмен... Ракета — пятнадцать баксов. Ракетомет — двести.

— Да я настоящий дешевле куплю! — возмущенно орет Падла.

— А оно тебе надо? — интересуется парень. — Настоящий ракетомет — здесь?

— По рукам, — быстро говорит Чингиз. — Один ракетомет и два десятка зарядов. Мы с тобой выходим из «Лабиринта», я перевожу деньги на твой счет, мы возвращаемся и расходимся довольные.

Падла и Пат, похоже, переживают за деньги Чингиза куда больше, чем он сам. Но спорить не пытаются. Маньяк просто хватается за голову, садится на край воронки и отворачивается, не в силах взирать на происходящее.

За что люблю наших бизнесменов — так это за находчивость.

01

То, что пора заканчивать, мы поняли на девятом этапе. Хотя труднее всего, пожалуй, был седьмой. Там впервые убили Маньяка, которому ранее везло как заговоренному, там против нас провели прекрасно скоординированную атаку около пятидесяти монстров всех сортов, включая подземного червя, с одинаковой легкостью сожравшего и Падлу, и его купленный за две сотни ракетомет, и глыбу гранита, за которой Падла прятался от шквального огня монстров-рептилий.

Но у нас еще был задор. Мы отбили атаку. Мы дождались, пока нас догнал Маньяк, злой как черт и вооруженный лишь автоматом, о происхождении которого он почему-то упорно не

желал говорить. Мы вернулись за Падлой и застали его зажатым в какую-то скальную щель, отчаянно отстреливающимся от трех похожих на улиток тварей, выползших из мелкого водоема. А ведь когда мы проходили мимо всей группой, они даже не попытались высунуться...

Восьмой этап оказался почти легким. Сплошное болото. Видимость великолепная. Почему-то вспоминая сталкера из фильма, я начал усеивать дорогу перед нашей группой ракетами.

Результат превзошел все ожидания. Всплывшие трупы монстров образовали на поверхности болота затейливый узор. Те твари, что затаились подальше, ринулись в атаку... безуспешную, но впечатляющую.

А вот девятый этап нас ломает.

Ничего особенного в общем-то. Не слишком высокие горы. Каменоломни, в которых неуклюже ворочались причудливые механизмы, глотая и дробя камень. Строения, остатки древнего, циклопического храма. Пара боевых машин... кто в них прятался, мы так и не поняли. Машины сгорали лишь после десятого попадания ракеты, но зато и горели на славу.

Их просто было слишком много...

Мы прошли каменоломни с третьей попытки.

Мы потеряли все снаряжение.

Того, что удалось найти среди строений, никак не может хватить на нашу маленькую армию.

Я сохраняю ракетомет с пятью зарядами. Нике — что-то похожее на пулемет, палящее зарядами голубых игл, очень скорострельное и довольно мощное, Маньяк — автомат.

Все остальные вновь остаются при пистолетах.

Никакой брони, конечно, у нас уже нет...

Мы выходим на десятый этап через длинный, пустой, безопасный и невыразимо скучный туннель, пробитый в склоне у храма. Туннель винтом шел сквозь чрево горы....

Компьютер, у которого можно было записаться, стоит на вершине. Наполовину погруженный в камни, наружу — лишь экран и клавиатура.

Даже обсуждать ничего не приходится. Восемнадцать часов без сна. Восемнадцать часов на ногах.

— Сбор в десять Москвы у портала, — говорит Чингиз. Оглядывает нас — возражений нет. Толкает Пата к клавиатуре, тот вяло набирает какой-то пароль, наводит курсор на «выход» и исчезает. Чингиз уходит следом.

— Ничего повеселились, да? — говорит Зуко, натужно изображая оптимизм. Даже его жизнелюбие дало сбой.

— Форму потеряли, — бурчит Маньяк. — Давай... не тормози...

Зуко, разводя руками, исчезает.

За ним уходит Маньяк.

Падла задумчиво оглядывает окрестности. Здесь красиво, очень красиво. Дизайнеры «Лабиринта» потрудились на совесть. Уходит вниз пологий склон, искрится в лучах заходящего солнца снег. Плывут в сиреневом небе блекло-фиолетовые облака. Мы стоим на гребне горного кряжа, который нам предстоит перевалить... выйти к тем вот озерам — темно-синим кляксам внизу... пройти через леса... пересечь море... что там еще придумали создатели игры? Заводы, вулканы, космодромы, поля? Где-то в конце пути лежит город, где игроков поджидает злобный Император...

— Леонид, мы задумали невозможное, — говорит Падла. — Дело не в мастерстве. Ты видишь — тут практически нет настоящих схваток? Старых, добрых дуэлей... ты с пулеметом, я с мотопилой... кто кого перехитрит... Леонид, мы сражаемся не с другими игроками... не важно, в каком теле они находятся, человеческом или улитки-переростка. Мы сражаемся с миром. С миром «Лабиринта», миром внутри Диптауна. Мы сражаемся с расстоянием, временем... эх, матерь нашу, да ты ж сам все понимаешь! Завтра в десять, короче...

Он кладет руки на клавиатуру, и мы с Нике остаемся вдвоем.

— Стрелок...

Я смотрю на девушку.

— Скажи, тот Стрелок... про которого часто вспоминают в «Лабиринте»...

Я молчу.

— Это — ты?

— Да.

— Ты играешь не в полную силу.

— Да.

— Твои товарищи это понимают?

Качаю головой.

— Куда вы так спешите?

— Нике, у нас был уговор не задавать вопросов?

— Извини, Стрелок... — Она улыбается, скорее грустно, чем обиженно. — Я не хочу лезть в чужие тайны. Если ты действительно тот самый...

— Да.

— Если я мешаю вам... Давай я уйду. Прибьюсь к другой команде...

Сам не знаю, почему я это говорю...

— Я очень хочу, чтобы ты осталась с нами.

— Почему?

В камуфляже мы все одинаковы. Бесполы, бесформенны, унифицированы. Куски мяса в военной форме несуществующей армии, добровольные волонтеры придуманной битвы, самоотверженные герои никому не нужных подвигов.

Лишь лица над высокими воротниками курток — разные. Лица, которые мы сами же придумали. Это так просто — рисовать лицо. Точка, точка, запятая... вышла рожица кривая. Рисуй сам, собирай из деталей, как в детском конструкторе. Подбородок волевой, подбородок вялый... Уши оттопыренные, уши прижатые... Нос прямой, нос курносый...

С трудом мне давалось лишь одно. Глаза. Порой приходилось переделывать их десятки раз, прежде чем они становились живыми. С тех пор я понял, что́ самое главное в нарисованных лицах.

Я смотрю только в ее глаза.

— Ты мне нравишься, — говорю я наконец. — Я от этого не в восторге. Но ты мне нравишься.

Руки на клавиатуру.

Пароль.

Выход.

А выход из «Лабиринта Смерти» прежний... такая же уютная, просторная раздевалка и тот же самый зал, что два года назад.

Снимаю комбинезон, прячу в шкафчик. Ничуть не удивляюсь, что меня поджидает обычная одежда Стрелка.

Принимаю душ в маленькой кабинке. На этот раз самый обычный душ, никаких противовирусных химикатов. Одеваюсь, на секунду замираю перед дверью...

Что сейчас будет...

Возвращение легенды, что ни говори! Стрелок вернулся в «Лабиринт Смерти». И не один, а с группой товарищей. При-

чем на этот раз Стрелок и впрямь действует не слишком-то честно...

Выхожу в колонный зал, из которого видны улицы Диптауна. Вот будет смех, если сейчас повторится погоня и мне придется убегать, прятаться в виртуальном публичном доме...

В зале пусто. Почти пусто. Лишь стоит, смеясь и болтая, какая-то компания. Лица незнакомы, это явно не те, кого я расстрелял на пятом этапе...

Черт возьми!

Где же униженные и оскорбленные?

Где жаждущая моей крови толпа?

Подхожу к компании, делая вид, что ищу кого-то. На меня не обращают внимания — идет какой-то свой треп...

— Слышал, Семецкого убили? Три раза подряд?

— Ну?

— Так вот, он ожил и догнал своих...

Дружный взрыв хохота.

— Ребята, вы не слышали про такого игрока — его зовут Стрелок? — спрашиваю наугад.

Недоуменные взгляды. Вялое пожимание плечами.

Из раздевалки выходит молодой парнишка. Его приветствуют, машут руками. Кто-то кричит:

— Круз, да сколько тебя ждать, а?

Вся толпа вываливается из колонного зала.

Я уже забыт, и мой вопрос вместе со мной.

Стою, опустив глаза. Растерянно улыбаясь. Сжимая в кармане рукоять револьвера.

Слава — штука преходящая.

Удивительно еще, как Нике меня вспомнила. Наверное, девочка серьезно готовится к карьере в «Лабиринте Смерти».

А чего я, собственно говоря, хотел?

«Лабиринт Смерти» уже не тот. Не веселая возня в песочнице. Не азартная перестрелка на узких кривых улочках. Для этого, наверное, теперь существуют другие игровые зоны.

А «Лабиринт Смерти» больше всего похож на военный полигон. Здесь учат не геройствовать в одиночку, оттачивая рефлексы и повышая скорость реакции. Пришло время командной игры. Долгих и нудных походов. Взаимной страховки, отбраковки слабых, поддержки сильных, безусловного повиновения командирам...

Почему мне это не нравится?

Что же я — индивидуалист до мозга костей?

Или не доиграл тогда, два года назад, не прошел все то, что должен был пройти?

Поздно искать ответы. Мир изменился. А я и не заметил, забившись в свою тесную, уютную, надежную скорлупу...

Выхожу из колонного зала на улицу. Уже стемнело, зажглись фонари, огни реклам, людей стало словно бы больше... Все правильно, это квартал развлечений, а сейчас наступает очередной людской прилив. В европейском и российском секторе Диптауна все закончили работу и отправились на поиски приключений. Хорошо... Пусть для меня в Диптауне всегда будет вечер. Ранний летний вечер, первые звезды на темно-синем небе, запах отшумевшего дождя...

Глупость мы делаем. Собрались, герои... самоуверенные, как немцы в июне сорок первого... что нам «Лабиринт Смерти»...

Неверна сама наша идея.

Надо было довериться инстинктам, которые увели меня из «Лабиринта» после первой неудачи.

Но что тогда? Что? Искать Темного Дайвера? Проще иголку в стогу сена найти... да и не станет он нам помогать.

Пробиваться на прием к Дмитрию Дибенко, заварившему всю эту кашу? Только подставляться под удар. Он понимает, на что идет, не может не понимать. Когда-то он создал *глубину*, теперь создает для нее смерть. Чем он руководствуется? Не знаю. Я не психиатр. Любому поступку можно найти самое гнусное и самое благородное истолкование. И какое получу я, если достучусь до Дибенко, роли не играет. От своей новой игрушки он не откажется.

Что мы еще не попробовали?

Пойти в редакции виртуальных газет и журналов? Ну, в «Вестнике Глубины», «Вечернем Диптауне» или «На Волге» меня вежливо выслушают, угостят кофе и выпроводят взашей. Они и не таких психов повидали. В каком-нибудь русскоязычном желтом издании, вроде базирующейся в Воронеже «Птички каркар» или липецкой «Шелухи», встретят с распростертыми объятиями. Поблагодарят, пожмут руку и выпустят номер с аршинным заголовком: «Двадцать семь хакеров погибли от вирусного оружия пятого поколения!»

Не верю я в силу *такого* печатного слова.

Вот в силу глупости, наглости, невежественности — запросто.

На миг мне становится так тоскливо, так безысходно, что я готов прошептать свой верный стишок. Выйти из *глубины* — пусть голова отзовется болью. Слопать что-нибудь, завалявшееся в холодильнике. И лечь спать... сейчас четыре утра, между прочим...

Вот только спать еще не хочется. Слишком много гормонов бушует в крови. Мы преодолели тот миг, когда хотелось спать, пошли дальше — и добрались до тугой, бессонной усталости...

Поднимаю руку, ловлю такси.

— Бар «У погибшего хакера».

Водитель кивает, значит, адрес ему знаком. Что ж. Посмотрим, где собираются самые крутые хакеры современности?

Едем долго. Похоже, виртуальный бар размещен на каком-то задрипанном сервере, может быть, даже на частной машине владельца заведения. Наконец останавливаемся под сияющей вывеской — на узкой темной улочке она одна.

«У погибшего хакера».

Великолепный метод маскировки, что ни говори. Я думаю об этом совершенно серьезно, без всякой иронии. Что может быть лучшей маскировкой для хакера, чем такая открытая яркая вывеска? Никто ведь всерьез не воспримет.

Надо быть либо неприметным, либо ярким. Иных вариантов не существует.

Расплачиваюсь, подхожу к двери. Толкаю — дверь заперта.

Чувствуя себя полным идиотом, произношу вслух:

— Сердце и Любовь!

С протяжным скрипом дверь отворяется.

Вхожу. Грохот за спиной. Ну закрыли и ладно. Зачем такие шумовые эффекты?

Бар небольшой и, на что я уже и не надеялся, уютный.

Прямоугольная комната, сумрачное освещение. Стены, пол, потолок — все из каких-то маленьких квадратиков... присматриваюсь.

Дискеты.

Надо же, как стильно.

Дискеты самые разные. Некоторые вроде бы новые. Некоторые — подписаны. Тут и программы, и игры... точнее — кусочки программ, кусочки игр.

Мне начинает тут нравиться.

За стойкой бара — явное порождение программы. Розовощекий, плотный, улыбчивый бюргер.

— Кружечку пива, — говорю я, тыча наугад в один из кранов.

Бармен кивает, наполняет кружку.

«Попытка внешнего контроля системы. Получен запрос на идентификацию. Разрешить доступ к системной информации?»

Шепот Вики слышен лишь мне. Я улыбаюсь, киваю бармену, говорю:

— Да...

Денег за пиво с меня не берут. Логично. Раз здесь собираются хакеры, то пиво должно быть ворованным. Бесплатным для своих. А чужие тут и не ходят...

С кружкой в руках отхожу от стойки, оглядываю бар. Народу немного. У одного столика сидят молодые парни самого что ни на есть хакерского вида. Хакерско-голливудского. У них нечесаные длинные волосы, горящие безумием глаза, они неряшливо одеты, оживленно жестикулируют и о чем-то спорят. Именно такие в боевиках подбирают самый сложный пароль за секунду до взрыва, взламывают компьютеры Пентагона, говорят не буквами, а цифрами, падают в каждую лужу, но в решающий момент проявляют отвагу и сноровку, достойную не мирного программиста, а вышедшего поразмяться коммандос.

Опять же ничего определенного сказать нельзя. Это может быть имидж. Может быть маскировка. А может быть инфантильная игра в «крутых хакеров».

Прохожу мимо парней. На меня внимания не обращают — раз вошел, значит, имел право.

В конце зала еще одна группа. Всматриваюсь.

Молодая женщина. Лицо симпатичное, но нервное, дерганое. Крепкий мужчина, немного старше ее. И еще мой недавний сослуживец. Сейчас он во взрослом теле.

Подхожу, взглядом спрашиваю разрешение присесть.

Мужчина и женщина переглядываются.

А Илья, похоже, просто дремлет перед полной кружкой пива, глядя в пространство.

— Ты кто? — спрашивает мужчина.

— Леонид.

Взгляд незнакомца становится почти дружелюбным.

— Садись. Пароль тебе сказал Илья?

— Да, — присаживаюсь рядом. Отпиваю пива. Я так и не посмотрел, какой это сорт, и теперь пью просто пиво — некий абстрактный, усредненный напиток. Ну и ладно.

— Хакер? — резко спрашивает женщина.

— Нет, — честно говорю я. — Ни в малейшей мере.

— Здесь собираются только хакеры, — объясняет мужчина. — Настоящие хакеры.

Пью пиво и жду продолжения. Почему-то кажется, что меня не попросят выйти вон.

— Но если уж наш друг поручился за тебя, — вставляет женщина, — то ты можешь здесь находиться.

— Спасибо, — киваю, всем видом демонстрируя благодарность.

Пауза начинает затягиваться. Женщина легонько толкает Илью в бок, тот слегка качается, но продолжает сидеть.

— Оставь, спит он... — морщится мужчина. — У него четыре утра... Так ты Леонид?

— Да.

— Ты вроде бы хотел помочь Илье найти Храм Дайверов? — интересуется женщина.

— Храм Дайвера-в-Глубине.

— Есть такой, — задумчиво говорит мужчина. — Помню... Они так и будут говорить — по очереди?

— А зачем тебе ему помогать? — спрашивает женщина.

— Я в доле, — позволяю себе загадочную улыбку.

— Не пудри мозги, — моментально отзывается мужчина. — Какая там доля... мелочь это все. Решил Храм хакнуть?

— Как догадался? — спрашиваю я.

Женщина усмехается, закуривает. Протягивает мне пачку сигарет.

«Маркер», — шепчет Вика.

Беру сигареты и закуриваю.

Хакеры переглядываются. Я сразу съехал вниз по той шкале, которой они классифицируют людей.

— Это сразу видно, — туманно говорит женщина. — Не хакнешь ты Храм. Его даже Дао не смог хакнуть. А он был лучшим хакером в мире.

Про хакера по имени Дао мне не приходилось слышать. Молчу.

— Так, значит, ты хочешь стать хакером? — спрашивает мужчина.

Отвечать «нет» просто невежливо.

— Конечно.

Снисходительные улыбки.

— Тогда заходи сюда почаще, — говорит женщина. — Здесь все — наши ученики и товарищи. Видишь, вон там сидит мальчик в очках?

Смотрю на мальчика в очках. Мальчику лет тридцать, очки у него и впрямь внушительные.

— Он вчера хакнул «Крей», — говорит мужчина.

Хорошо, что я в этот момент не пью пива. Поперхнулся бы, точно. А так... выражение моего лица можно толковать поразному.

— Талантливый паренек, — снисходительно говорит женщина. — Ты не удивляйся. Внешность обманчива. Два года назад он пришел к нам, не умея даже инсталлировать «Виндоус-Хоум». А теперь добился кое-каких успехов.

Я все еще не могу произнести ни слова. Я думаю о том, как можно «хакнуть «Крей». Суперкомпьютеры не подключены к сети, они не используются для поддержания Диптауна и работы с виртуальной реальностью. Они имеют собственное программное обеспечение, несовместимое с обычными операционными системами. К тому же...

Хакнуть «Крей» — все равно что угнать паровоз.

Причем паровоз, который стоит на земле, а не на рельсах.

Столь же просто и столь же оправданно.

— Так что... все в твоих руках, — добавляет мужчина.

— Здорово, — только и говорю я. — Никогда о таком не слышал!

Несколько минут мы курим, пьем пиво. В общем-то мне уже все ясно.

Но надо же отстреляться до конца...

— Можно узнать ваши имена? — спрашиваю я. — Просто для удобства?

Опять улыбки.

— Зови меня Кис, — говорит женщина.

— А меня — Берд, — кивает мужчина. — Настоящих наших имен не знает никто.

— Я, собственно говоря, почему пришел... — начинаю мяться. — Илья говорил, что вы можете за пару часов найти Храм Дайвера-в-Глубине...

— Можем, — кивает Кис.

— Не проблема, — добавляет Берд.

— Честно говоря, я тут подсуетился... — смущенно улыбаюсь. — У меня знакомый дайвер есть... бывший дайвер. Обещает показать, где Храм. Но возни много. Если вы сами его найдете... какой мне смысл время тратить?

Хакеры переглядываются.

— Ищи, — говорит женщина. — У нас сейчас нет времени на детские забавы. Правда, Берд?

— Правда, Кис, — кивает мужчина. — К сожалению, правда.

Повисает торжественная тишина.

Понимаю, что должен проявить любопытство. Но ничего не могу поделать с внезапно проснувшимся ехидством. Молчу.

— Наш друг хакнул один швейцарский банк, — говорит Кис. — Он скрывается в Диптауне. Единственное место, куда он может прийти, — этот бар... здесь не бывает чужих.

— Нам необходимо его дождаться, — уточняет Берд.

Как-то грустно это все.

Нет подлинного напора. Я могу просчитать все, что будет сказано, если я просижу здесь еще час, и что прибавится, если задержусь на три часа.

— Мы не можем тебе все рассказать, — со вздохом произносит Кис. — К сожалению, это...

— Слишком страшные тайны... — не удерживаюсь я.

— Слишком мрачные тайны... — эхом отзывается Кис, не успев остановиться.

Маленький конфуз.

Спасает положение Берд. Теперь он пихает Илью, пытаясь того разбудить, не добивается эффекта и задумчиво произносит:

— Ты слышал про операционную систему «Друг»?

— Нет, не доводилось.

— Ее придумал и написал Дао, — торжественно произносит Кис. — Это единственная в мире операционная система с искусственным интеллектом. Она способна самообучаться, совершенствоваться, развиваться.

— За ней идет охота, — понизив голос, сообщает Берд. — Очень большая и серьезная охота.

— Мы работаем на машинах с операционной системой «Друг». — Кис щелкает пальцами, и бармен приносит ей новую кружку пива.

— Она существует в мире всего в двух экземплярах, — говорит Берд.

— Один у меня на машине...

— И один у меня...

— За ними идет охота.

— Ты из Москвы? — внезапно спрашивает Берд. Торжествующе улыбается.

— Да.

— И работаешь на «Виндоус-Хоум»? Я как-нибудь поставлю тебе систему «Друг». Увидишь, что это такое.

Вот это интересно. Обожаю эксперименты с непроверенными программами. Правда, вначале отдаю их Маньяку для вивисекции...

— Только это опасно, — уточняет Кис. — Тогда и за тобой будут гоняться.

— Не привыкать... — машинально отвечаю я. Тянусь за сигаретой. Маркером больше, маркером меньше... существовать им до перезагрузки компьютера.

А так хотелось поверить, что у Ильи есть знакомые хакеры, способные найти Храм Дайвера-в-Глубине...

— Ты даже не заметишь, что у тебя изменилась операционная система, — сообщает Кис. — Внешне все будет выглядеть как и раньше. «Друг» ставится поверх «Виндоус-Хоум», изменяя некоторые важнейшие файлы. Интерфейс сохранится прежний. Только машина начнет работать лучше, гораздо лучше.

— Система будет приспосабливаться к твоему компьютеру, — сообщает Берд. — Ты не хакер, поэтому вряд ли заметишь это сразу... но для профессионала эффект налицо...

— Так что не забывай дорогу в наш бар, — резюмирует Кис.

Киваю. Смотрю на Илью, спрашиваю:

— А он что, всегда спит в *глубине?*

— Да, ему это нравится, — добродушно подтверждает Берд. — Растет настоящий хакер.

Вставать мне лень, поэтому я смотрю на часы и озабоченно говорю:

— У меня вот-вот сработает таймер...

Понимающие улыбки. На всякий случай спрашиваю еще:

— Берд, а ты видел Храм Дайвера-в-Глубине?

— Да. — Хакер задумчиво разминает в руках сигарету. — Их Храм — высокая белая башня, увенчанная хрустальным

шаром. Он имеет семь уровней защиты, и дайверы попросили меня проверить защиту на прочность...

— Стоит ли рассказывать об этом, Берд? — озабоченно спрашивает Кис.

— Дело давнее. — Берд разводит руками. — Чего уж тут. Я тогда прошел шесть уровней, Леонид. Седьмой мне не позволили проверить, видимо, испугались, что я увижу то, что скрывается в зале из хрусталя. Но прозондировать помещение я успел и в общих чертах все понял. Именно там дайверы обретали свои особые способности, и когда кто-то все же взломал защиту, они их утратили... Это было три года назад... помню как сейчас...

Пожалуй, мне пора.

Глубина-глубина, я не твой...

Я снял шлем. Посмотрел напоследок на экран. На двух хакеров и мальчика, который любит спать в *глубине*. Прошептал:

— Вика, имитация выхода по таймеру.

Изображение гаснет. Там, в баре «У погибшего хакера», тело Стрелка еще с минуту посидит, окостеневшее, неподвижное, внимательно слушающее рассказ про Храм.

Потом оно рассыплется звонкой хрустальной пылью...

Тело ныло, словно меня заставили десять часов ехать по проселочной дороге в кабине старого грузовика. Я отключил комбинезон, стал раздеваться. На экране ждала нарисованная Вика.

— Вика, разбуди меня в девять тридцать.

— Принято... — тихий, ласковый шепот. — Будильник на девять тридцать...

— Завершение работы, — сказал я.

Что же делать... что же делать? Идти сквозь «Лабиринт» бессмысленно. На хакеров надежды нет. Уж если они побывали в Храме до того, как тот был построен...

Я так и стоял у компьютера, когда экран погас и тихий, ровный шум, к которому привыкаешь и перестаешь замечать, стих.

Полпятого.

Время, когда последние ненормальные жители Диптауна начинают выходить из *глубины* в надежде вместить в три-четыре часа сна то, на что требуется вся ночь.

Ничего. Уже скоро Диптауна не будет. По крайней мере в том виде, в котором мы привыкли его знать.

Может быть, оно и к лучшему?

Я заглянул в спальню. Тихо-тихо... Постоял, слушая тихое, ровное дыхание Вики. Настоящей, а не нарисованной... реальной и оттого далекой.

Она права. Она во многом права, отказавшись от *глубины*... или почти отказавшись.

Но ведь и ее путь — не для всех...

Я закрыл дверь, прошел в темноте к дивану — такой знакомой и привычной утренней дорогой. Лег, подтянув под голову твердую подушку.

И подумал, что хочу спать без всяких снов...

10

Туман.

Левая стена — лед.

Правая стена — огонь.

Пропасть и мост.

Я сажусь на краю пропасти, свешиваю ноги. Из темной, кажущейся бесконечной глубины тянет промозглой сыростью.

— Хватит, — говорю я бескрайнему туману. — Хватит. Наигрался. Бывают сны, как говорил дедушка Фрейд. Просто сны!

Но мне уже не верится, что бывают обычные сны, в которых бежишь по извилистым коридорам, едешь в разваливающихся лифтах, не можешь зажечь свет или потушить пожар, окликнуть уходящего друга или выстрелить в хохочущего врага. Нет больше для меня нормальных, человеческих снов. Остался лишь этот, знакомый до последнего шага, с единственным выбором в конце — лед или огонь...

— Леонид...

Искоса смотрю через плечо. Я уверен, что никого рядом не окажется, что мой неведомый спутник вновь спрячется в сером мареве.

Но он стоит за моей спиной, пронизанный нитями тумана, сотворенный из него, сгустившийся призрак человека, которого уже нет.

— Ты не помнишь, — спрашиваю я, — увидеть во сне мертвеца — это к беде или к удаче, Ромка?

Ромка подходит и садится рядом. Он словно плотнеет, обретает большую иллюзию плоти.

— Леонид, ты не спишь.

— Сплю.

Ромка качает головой.

Он весь из сгустившейся серой мглы. Кожа лишена всякого цвета; глаза, волосы — все лишь оттенки серого. Он словно ожившая статуя, вытесанная ловким скульптором из неожиданного плотного тумана...

Я вижу его в том теле, в котором он обычно ходил в *глубину*. В реальности мы встречались лишь один раз, слишком пронзительным было ощущение неловкости, охватившее обоих. Что может быть общего у шестнадцатилетнего мальчишки и взрослого мужчины? То, что оба — дайверы? Это годится лишь для *глубины*... Там мы были равны и могли быть друзьями.

— Хорошо, — говорю я. — Не сплю. Брежу. У меня дипсихоз.

— Ленька, меня убили...

— Я знаю, Роман. Ты похитил файлы с технологией вирусного оружия третьего поколения...

Ромка улыбается.

У него не было такой улыбки, когда он был живой. По-настоящему взрослой, ироничной улыбки. Наверное, он действительно вырос с тех пор, как мы виделись в последний раз.

А может быть, он вырос после того, как умер.

Призраки памяти, что бы их ни породило: тоска, приязнь, совесть, — не статичные куклы. Они живут своей жизнью в нашем сознании, стареют и меняются, становятся то добрыми, то злыми. От разговора к разговору, которые мы ведем с ними, сами и задавая вопросы, и отвечая на них...

— Леонид, дело не в вирусном оружии. Все куда хуже, Леонид.

— Куда уж хуже?

— Ты поймешь... — Ромка наклоняется вперед, будто хочет сплюнуть в пропасть. Но он, видно, разучился плевать. Просто смотрит вниз, потом выпрямляется. — Ты обязательно узнаешь и поймешь. Главное, чтобы ты понял вовремя.

Мне становится не по себе.

Это уже совсем не похоже на сон. Даже на бред не похоже... хотя откуда мне знать, каким бывает бред?

— Что было в тех файлах, Роман? — спрашиваю я. Мне безразлична нелепость вопроса, который я задаю во сне, за-

даю, по сути, самому себе. Безразлична, потому что я уже не знаю, где граница между жизнью и сном.

— Ты узнаешь сам. Узнаешь, если дойдешь до Храма.

— Как я до него дойду? Это недели пути, а этого времени у меня нет...

— Нет, — соглашается Ромка.

— Что мне делать?

Я редко спрашивал у него совета. И даже снящийся Ромка кажется растерянным.

— Леонид... ты же дайвер. Не иди общим путем. Ищи свой.

— Свой... я ведь уже не дайвер. Дайверов больше не осталось.

— Конечно. Ведь ты так хотел...

— При чем тут я?

Снова я задал тот вопрос, на который не будет ответа...

— Мне надоел этот сон, Ромка, — говорю я, чтобы хоть что-то сказать. — Ты бы знал, как он мне надоел! Эти стены льда и огня... эта дурацкая проволока... эта чертова пропасть...

— Это все последний раз, — отвечает Ромка охотно и успокаивающе. — Больше снов не будет, Леня. Честное слово.

— Правда? — Я ловлю в своем голосе восторг атеиста, помолившегося первый раз в жизни и услыхавшего ободрительный глас свыше.

— Да. Снов больше не будет, Леня. Да и это не совсем сон.

— Если не сон — то что же? — спрашиваю я. Спрашиваю, зная, что не получу ответа. — Ромка, ты можешь мне хоть что-то сказать?

— Что? — как-то вяло спрашивает он.

— Кто такой Темный Дайвер? — спрашиваю я. И вдруг понимаю, что задал единственно правильный вопрос. Угодил в яблочко своей последней пулей...

Ромка отвечает не сразу.

— Ты уверен, что хочешь знать ответ?

— Да.

— Ты ведь и сам понял, Леонид. Понял, но не хочешь поверить.

— Роман... ответь. Я прошу тебя. Ответь!

— Зачем?

— Чтобы знать, кто послал тебя на смерть! — резко говорю я.

— Я не держу зла, — очень по-книжному говорит Ромка. — Правда. Никто не знал, что все так получится. Если бы я ушел сразу...

Он вдруг дергается, будто порыв ветра ударил по туманной фигуре. Губы еще шевелятся, но я не слышу слов.

А читать по губам я не умею...

— Леня...

Я открыл глаза.

Вика сидела на краю дивана. Ее ладонь медленно и ласково гладила мое лицо.

Со всхлипом втянув воздух, я присел. Тело все еще ныло. Голова раскалывалась от боли.

— На тебе лица нет... — сказала Вика.

— Есть, но оно мне не нравится, — пробормотал я.

— Голова?

— Да...

— Подожди... — Вика встала, быстро прошла на кухню. Я слышал, как она роется в шкафчике, как гремит посудой, как булькает вода. Анальгин всегда был моим самым любимым из всех человеческих изобретений...

— Выпей...

Я разжевал и проглотил две таблетки. Вика стояла рядом, напряженная и... какая-то не своя...

— У тебя снова был кошмар? Ты дергался и что-то шептал.

Я кивнул.

— Леонид, ты уверен, что у тебя нет дип-психоза?

— Абсолютно уверен. — Я жадно допил воду, не уточняя, в чем именно давно перестал сомневаться.

— Что тебе снилось?

— Ромка. Он был мертвый и в то же время — живой. Мы разговаривали. — Я вздрогнул, окончательно признавая, что во сне верил в реальность Ромки.

— Тебе надо отдохнуть, Леня...

Ее рука по-прежнему гладила мои волосы.

— Уехать куда-нибудь... где нет компьютеров, нет сетей, нет *глубины*...

— В деревню, — поддакнул я.

— Хотя бы в деревню. Хочешь? Поедем вместе?

Я посмотрел ей в глаза.

— Обязательно. Как только все это закончится.

Вика вздохнула.

— И что вы делали в *глубине*, Леня?

— Шли через «Лабиринт Смерти».

— Как успехи?

— Вышли на десятый этап.

— Всего их сто?

— Да. Не надо говорить, сколько времени уйдет на прохождение всего «Лабиринта». Я устал от арифметики в рамках первого класса.

— Не похоже... — Она встала.

Я сидел, смотрел, как Вика собирается, роется в книгах. А думал лишь об одном.

Какие у нее усталые глаза. Красные, усталые глаза не выспавшегося человека. Проплакавшего всю ночь... или просидевшего почти до утра в виртуальном шлеме.

— Когда тебя ждать? — спросил я.

Вика поморщилась.

— В шесть... в семь. Какая разница, когда я приду? Ты же все равно будешь в *глубине*.

— Вика, ну ты же понимаешь...

— Конечно. Я все понимаю. Это моя обязанность.

Она никогда не плакала. При мне, во всяком случае...

— Сегодня мы пройдем «Лабиринт» до конца... — сказал я. Вика посмотрела на меня, но промолчала. — Может быть, я буду в шлеме очень долго. Не беспокойся, ладно?

— Девяносто этапов за сутки?

Я промолчал.

— Успехов, Леня. — Вика сказала это совершенно искренне. — Но ты словно сам себя убеждаешь.

— Вначале всегда убеждают себя. Потом — других.

Она кивнула. Мягко хлопнула дверь.

Я встал с дивана. Прошел в спальню.

Ноутбук стоял на тумбочке, там, где нормальные женщины держат духи, крем, тушь и прочую косметику. Шлем и виртуальный костюм висели на стене.

Я сунул руку за отворот костюма, пощупал трикотажную подкладку. Она была чуть-чуть влажной.

Значит, у меня дип-психоз, а Вика на *глубину* наплевала...

Можно было запустить компьютер и посмотреть логи. Но вот этого я сделать как раз не мог... не должен был. Не имел права.

«Не заглядывай в чужие окна...» — как говорилось в старой доброй детской книжке...

Я провел ладонью по крышке ноутбука, будто возвращая полученную от Вики ласку. И пошел в душ.

•

deep

Ввод.

Танец цветных снежинок. Вспышки в темноте.

Работай... работай, творение нечаянного гения — Димы Дибенко. Ломай барьеры между правдой и ложью, между нарисованным миром и живыми людьми. Заставь меня почувствовать запах травы и услышать шорох ветра, ощутить твердость камня и тепло огня. Заставь поверить в реальность Диптауна. Я так хочу обмануться!

Нам всегда и всего мало. Крыша над головой, солнце в небе, рука в твоей руке, кусок хлеба на столе — что это значит по сравнению с придуманным миром? Словно джинн, вырвавшийся из заточения, ты волен строить дворцы, рушить города, заводить гаремы и устраивать пиры. Диптаун — сказка, ставшая явью. Наркотик невиданной силы...

Первый шаг — самый трудный.

Сознание еще дергается в путах дип-программы... и мир вокруг чуть-чуть плывет, меняется. Тесный гостиничный номер. У меня были дворцы, у меня были унылые панельные многоэтажки, у меня были хижины в лесу и бунгало на затерянном в море острове.

Я вернулся к началу. К копеечному стандартному номеру виртуальной гостиницы. Одна иллюзия не может быть слаще другой.

Я делаю шаг. Смотрю в зеркало.

Стрелок хмурится. В глазах цвета весеннего неба — черные точки зрачков. Почему глаза остаются зеркалом, даже если они нарисованы?

— Поработаем, — говорю я.

Отражение в зеркале кивает в ответ на мой кивок.

Время еще есть. Я перекусил в реальности, но сейчас мне хочется обмана. Красивого, вкусного обмана, а не стаканчика йогурта и бутерброда с сыром. Выхожу из гостиницы, ловлю машину.

— «Царь-рыба»...

* * *

Наверное, это смешно — приехать в рыбный ресторан, чтобы выпить чашечку кофе. Но кофе здесь великолепный.

Смотрю, как священнодействует официант, на моих глазах готовя кофе по-арабски. Желтый горячий песок, в котором стоит турка, бодрящий уже на расстоянии запах...

— Простите, а мы не знакомы?

Я смотрю на Ежика. Нюх у него какой-то. В теле Стрелка он меня ни разу не видел.

— Знакомы, — признаюсь я. — Леонид... мотоциклист такой унылый...

Ежик светлеет лицом, вопросительно поглядывает на соседний стул.

— Садись, — без всякого удивления говорю я. И понимаю, что именно из-за него и приехал в «Царь-рыбу».

— Эх... время у меня кончается, — не слишком оригинально заявляет Ежик. Оглаживает коротенькую стрижку.

— Продлим твое время, — говорю я. — Расскажешь что-нибудь интересное?

— Скучно все... — Ежик вздыхает, присаживаясь. — Официант... мне кофе с коньяком...

— Ничего нового? — удивляюсь я.

— Ну... как сказать. — Ежик снова вздыхает. — Говорят, в «Лабиринте Смерти» какие-то разборки идут... игроки палят друг по другу, правил не соблюдают...

Откуда у него такой нюх?

— Там всегда палят, — говорю я.

Ежик вздыхает, согласно кивает. Что поделать, такова жизнь... он вполне со мной согласен...

— «Шелуха» про Падлу написала. — Он возвращается к теме нашего прежнего разговора. — Что, мол, действительно его шлепнули из оружия третьего поколения. Что Падле — пятьдесят четыре года, он самый старый в мире хакер. Жил в Магадане...

Молчу.

Ежик задумчиво чешет затылок. Сегодня ему не везет — ну вот никак я не проявляю заинтересованности...

Вряд ли он на самом деле жаждет раскрутить меня на пару долларов. Скорее всего болтовня с посетителями ресторана давно стала его хобби. Понять, что и кому нужно услышать...

— Говорят, недавно Дибенко в *глубине* видели...

Кажется, он все-таки попал.

— Серьезно? Где?

— На конференции по новым коммуникационным программам. Он там инкогнито был, но знающие люди догадались.

— Почему бы создателю *глубины* в ней не появиться? — спрашиваю я. Улыбаюсь. Дибенко меня интересует, конечно же. Но только не тот факт, что он где-то мелькнул...

— Докладов он не делал, — продолжает Ежик гнуть свою линию. — А так, в разговорах, высказался. Что *глубина* в нынешнем виде — мерзкое подобие реальной жизни. Что он мечтал совсем о другом. И скоро все в Диптауне должно измениться... кардинально... в лучшую сторону...

А вот это интересно.

Я тоже не сомневаюсь, что Диптаун изменится после появления в нем реального оружия. Но вот насчет «лучшей стороны»...

— Его бы устами...

Ежик хихикает, делает глоток коньяка, потом глоток кофе:

— Насчет него не волнуйся, уж для Дибенко меду выпить — не проблема. Вот что значит вовремя запатентовать программу.

— Ежик... а ты принимаешь персональные заказы?

— Что? — Он отставляет чашку.

— Ежик, — повторяю я. — Ты толчешься в «Царь-рыбе» и рассказываешь посетителям всякие сплетни. Это здорово. Но мне нужна персональная сплетня. Понимаешь? Сплетня из сплетен. Царь-сплетня.

— О Темном Дайвере?

Нет, он действительно уникум. Мы ведь ни разу не говорили с ним о Темном Дайвере. Вообще о дайверах не говорили.

— Да.

— А что тут говорить? — Ежик вопросительно смотрит на меня. — Есть такой. У всех дайверов два года назад полностью исчезли их особые способности. У него — нет.

— Кто он?

Ежик разводит руками.

— Чем занимается?

Старик со вздохом заглядывает в пустую рюмку. Я киваю официанту, тот без вопросов приносит бутылку коньяка.

— Дибенко он подсиживает...

Моя очередь удивляться.

— Что?

— В чем-то они не сошлись. Темный Дайвер гоняется за Дибенко... ну, как гоняется... пытается тому навредить. Кишка тонка, конечно. Даже у дайвера. Дибенко не Билл Гейтс, конечно, но тоже миллионер.

— Откуда информация?

— Сплетни... — вяло говорит Ежик. — Вся информация мира — это сплетни. Если умеешь их слушать, то можно научиться и вычленять истину.

— А пускать сплетни ты умеешь? — спрашиваю я. У меня вдруг рождается план, настолько безумный, что удержаться от реализации нет сил.

Ежик бросает на меня быстрый взгляд. Нет, он не старик. Взгляд молодой, цепкий. Если, конечно, можно верить взгляду в *глубине*.

— Невелик труд... если знаешь кому, как и что рассказать. Завтра вся *глубина* будет новости обсасывать, послезавтра «Птичка кар-кар» передовицей разродится.

— Сколько это будет стоить? — Я задаю вопрос в лоб.

— Смотря, что именно надо рассказывать, — ни оскорбленным, ни удивленным Ежик не выглядит.

— Надо рассказать, что бывший дайвер по имени Стрелок получил от Дмитрия Дибенко заказ найти и обезвредить Темного Дайвера. Дибенко выдал Стрелку оружие второго поколения, но это не помогло. Тогда Стрелок получил оружие третьего поколения. Смертельное.

Ежик задумчиво смотрит на мой револьвер.

— А это правда?

— Разве мой ответ может дать тебе хоть какую-то полезную информацию? — интересуюсь я. — Единственным доказательством будет выстрел в тебя...

— Понимаю, — кивает Ежик. — Вопрос снят.

— Так берешься?

Он кивает.

— Сколько?

— Нисколько. Это из любви к искусству.

— Когда об этом станут говорить?

Ежик задумчиво смотрит в потолок.

— Ну... значит, Петр сюда приходит обедать... Макс ближе к вечеру заглянет... Учитель тоже... так... К ночи по Москве

русский сектор Диптауна будет в курсе. К утру просочится повсюду.

— Спасибо, — говорю я.

Действительно удачно. Когда я выйду из «Лабиринта Смерти», Диптаун будет в курсе очередной сплетни. Разумеется, подобных сногсшибательных историй за день проходит несколько десятков. Но мне важно, чтобы эту информацию получили два человека — Дмитрий Дибенко и Темный Дайвер.

Причем один из них будет знать, что это ложь. Другой — вполне может предположить, что история правдива.

Вот на этом и можно сыграть.

Я достаю деньги и подзываю официанта.

Портал сегодня гудит особенно сильно. Может быть, что-то изменили в диапазоне звука — гул почти физически неприятен. И молнии над каменной аркой бьют куда чаще.

— Привет, Леня! — кричит Пат.

Троица хакеров уже здесь, и Маньяк тоже. Зуко и Нике опаздывают.

— Ждем? — спрашивает Чингиз, здороваясь.

— Конечно.

Падла мрачно жмет мне руку. Он сегодня неразговорчив, дымит «Беломором», не реагирует на вопросы Пата и вообще похож на невыспавшегося и разочаровавшегося в жизни человека. Ждать, к счастью, приходится недолго. Зуко и Нике появляются под ручку, Компьютерный Маг что-то оживленно втирает девушке. Пожалуй, он единственный из нас полон оптимизма.

Нет, вру. Я тоже улыбаюсь.

— Леонид, ты что-то придумал? — спрашивает Маньяк. Пожимаю плечами, и ему этого ответа вполне хватает.

— Вот и мы! — кричит Маг. — Заждались, а?

Становимся тесным кружком. Нас обтекает толпа — компьютерные призраки и живые игроки. Любопытные взгляды, перешептывания... но никто не подходит.

— Будем совещаться? — спрашивает Чингиз. — Или как вчера, беги и стреляй?

По его лицу видно все отношение к такому плану.

— Будем, — говорю я. — Свежие идеи есть?

— Пойти к руководству «Лабиринта», — внезапно говорит Падла. — Пусть останавливают всех монстров, выгоняют игроков... дают нам проход. Надо объяснить ситуацию, пусть прочувствуют...

У Пата глаза делаются круглыми от удивления. Не ожидал он от Падлы такой капитуляции. А ведь Падла прав... беда в одном, что никто нам не поверит.

— У меня есть план получше, — отвечаю я. — Шурка...

Маньяк вопросительно смотрит на меня.

— Давай начистоту. «Варлок» с тобой?

— Ты чего? — очень натурально удивляется Маньяк. — Забыл, как нас вчера чистили перед «Лабиринтом»? Не пронести с собой оружия!

Я молчу. Смотрю на него и молчу. Секунд десять мы играем в гляделки.

Потом Шурка сдается.

— Любой новый вирус используется в полную силу только раз. Леня, ты же должен это понимать.

— Я понимаю.

— Только в критической ситуации. И больше никак. Второго шанса не будет — отработает защита «Лабиринта», опознает и нейтрализует вирус. Что тогда?

— У нас не будет никакого «тогда», если сегодня мы не пройдем «Лабиринт», — просто говорю я.

Зуко недоуменно переводит взгляд с меня на Маньяка. Спрашивает:

— Так ты что, Саш, пронес что-то вчера?

— Пошли, — решаю я. — Чем меньше мы сейчас будем болтать, тем лучше.

Возражений нет. Чингиз несколько оживляется, Падла задумчиво смотрит на Маньяка. Наверное, пытается понять, что именно придумал Маньяк.

— Как ты узнал? — спрашивает Шурка, когда мы уже входим в арку.

— Да я в жизни не поверю, что ты не придумал, как обмануть их защиту, — просто отвечаю я.

На этот раз никаких анабиозных камер. Правильно, мы ведь уже на пути, нам не нужно повторно десантироваться.

Но душ по-прежнему обязателен.

Под пристальными взглядами сержантов мы раздеваемся и входим в кабинки.

Вода остро пахнет химией. Стоим под тугими струями и пялимся на моющегося Маньяка, неосторожно выбравшего кабинку у противоположной стены. Выглядит это даже недвусмысленно, но что поделать... всех нас интересует один-единственный вопрос: где Шурка спрятал вирус. Маньяк явно начинает злиться.

Помывка заканчивается. Кто-то из персонала молча указывает нам на терминалы у стены. Идем к ним.

— Сашка, а я догадался где! — страшным шепотом говорит Зуко. Уворачивается от оплеухи, с хохотом набирает свой пароль и исчезает.

Идем следом.

Вершина.

Сиреневое небо, фиолетовые облака. Искрящийся снег.

Мы появляемся здесь уже одетыми и с тем оружием, с которым вышли на десятый этап.

Вот только мы не одни. У края пропасти сидит человек. Худощавый, невысокий, про таких говорят «маленькая собачка — весь век щенок». Рядом с ним лежит на камнях какая-то немыслимая пушка, больше всего похожая на гибрид снайперской винтовки и кочерги. Кажется, такой были вооружены охранники в офисе «Лабиринта».

Зуко держит человека под прицелом пистолета. Вряд ли того можно убить с одного выстрела — на нем очень неплохая броня. Но удар почти наверняка сбросит незнакомца с обрыва.

— Что будем делать? — спрашивает Маг весело.

Рядом с нами возникает Маньяк и сразу же берет на изготовку автомат.

Человек медленно поворачивается.

— Отбой, — облегченно говорю я. — Ребята, не стрелять! Это свой!

Оружие они все-таки не опускают. А я подхожу к Крейзи Тоссеру.

— Я дурак, — говорит Дик.

Мы пожимаем друг другу руки.

— Не выдержал? — просто спрашиваю я.

Дик качает головой. В глазах у него какая-то растерянная тоска:

— Ты понимаешь, Леонид... Я взял отпуск. По болезни. Сердце пошаливает последнее время, честное слово!

Киваю. Я верю.

— С внуком погулял, — неожиданно говорит Дик. — Он маленький еще. В *глубину* не ходит. Я вдруг подумал, что он в нее и не попадет. Никогда. Если ты не справишься. А это неправильно, Леонид, совершенно неправильно, если внуки не могут того, что было доступно дедам. У тебя есть внук?

— Нет.

— Тем более я тут ориентируюсь лучше, чем вы, — продолжает Крейзи. Он то ли себя уговаривает, то ли меня. — Да и пройдете вы «Лабиринт», а что дальше? В Храм попасть не так-то просто. Два дайвера лучше, чем один, верно?

— Верно.

— Это твоя команда?

Оглядываюсь и киваю.

Первой к Дику подходит и пожимает руку Нике. За ней — остальные.

— Я обузой не буду, — быстро говорит Крейзи. — Это ведь моя работа, я в «Лабиринте» с первого дня. Я девять этапов прошел за четырнадцать часов.

— А как же предел — «два часа на этап»? — спрашиваю я.

Крейзи усмехается. Падла вполголоса бормочет:

— На каждый предел найдется свой беспредел...

— Никто не против Дика? — спрашиваю я на всякий случай. Возражений не слышно.

Крейзи поднимает свое ружье, забрасывает на спину. Озабоченно говорит:

— Сейчас будут два этапа, они тяжелые. Если ничего не изменилось, то по два часа на каждый уйдет. Потом чуть легче...

— Дик...

Он замолкает.

— Мы не собираемся идти по этапам, — мягко говорю я. — У нас нет на это времени.

Крейзи хмурится.

— Помнишь «Варлока-9000»?

— Противовирусную обработку не обманешь, — качает головой Крейзи.

— Уверен?

И вот теперь у него на лице появляется растерянность.

— Зачем...

— Пробьем лаз на сотый этап. Сразу. Шурка, это возможно?

— Посмотрим... — уклончиво отвечает Маньяк.

— Леонид... — у Крейзи что-то происходит с программой перевода. Несколько следующих слов просто неразборчивы. — Тебе мало тех неприятностей?

— Выхода нет, Дик. Я сразу говорю, что мы собираемся делать. Ты можешь отказаться и не участвовать.

Крейзи Тоссер оглядывает всех, будто надеется найти поддержку против меня. Но поддержки нет.

— Леонид, ты пойми, Леонид... Сто этапов «Лабиринта» — это наращивание сил игроков! Приобретение более мощного оружия, брони, да и просто самая обычная тренировка! С девятого этапа прыгнуть на сотый — это все равно что человека, едва научившегося держаться на воде, заставить переплыть Берингов пролив!

— Ну мы же с тобой умеем нырять и выныривать, Крейзи?

Он молчит. Он, похоже, и впрямь обеспокоен не столько неприятностями со стороны владельцев игры, сколько перспективой немедленно оказаться на сотом этапе.

— Ты идешь с нами? — спрашиваю я.

— Иду, — наконец решает Крейзи. — Но это теория. Только теория. Вирусное оружие в «Лабиринт» теперь пронести невозможно!

— Шурка... теперь дело за тобой, — говорю я. — Возможно или нет?

Маньяк вздыхает:

— Ты уверен? Твой друг говорит правильные вещи.

— Я уверен.

— Псих ты все-таки... — беззлобно говорит Шурка. Поднимает свой автомат, широко улыбается.

И со всего маху бьет себя прикладом по зубам.

11

Очень тихо.

Маньяк стоит, держась за челюсть. Потом сплевывает красным.

— Ой... — тихо говорит Зуко.

— Редчайшее извращение — аутосадомазохизм, — говорит Падла. — В полной мере возможно лишь в *глубине*.

Шурка одаривает его очень выразительным взглядом и снова поднимает автомат.

В этот миг рядом с ним вспыхивает голубой свет. Мы не реагируем, мы уже готовы поверить, что это результат его самоистязания. Но во вспышке появляется крепкий парень, одетый в броню и с ракетометом наперевес. Похоже, это опытный игрок, он готов начать палить во врага, едва выйдя на этап. И шансы уложить половину нашей команды у него есть. Вот только первое, что он видит, оказавшись на этапе, это человек, который с тоскливым выражением лица садит себе прикладом по зубам.

К такой картине чужак не готов, и секундное промедление оказывается губительным. Тоссер движением плеча сбрасывает винтовку, жмет спуск. Из ствола с визгом вырывается похожее на бумеранг лезвие и аккуратно обезглавливает незнакомца.

— Я не ошибся? — спрашивает Дик.

Броня у чужака трескается и рассыпается. Но ракетомет и заряды остаются, ими немедленно завладевает Пат.

— Не ошибся, — говорю я.

В тот же миг незнакомец появляется вторично. Теперь он без брони и с одним пистолетиком. Его расстреливают Чингиз и Зуко, Падла занят тем, что безуспешно пытается вырвать у Пата ракетомет.

Третьего появления не происходит. Чужак, видимо, решает повременить.

А Маньяк, не реагируя на эту суету, отплевывается кровью и роется в снегу. Поднимает выбитый зуб.

— Понял! — радостно вопит Маг. — Ты вирус встроил в тело!

— Контроль все равно бы его обнаружил! — протестует против очевидного Крейзи.

— Не вирус, — слегка шепеляво отвечает Маньяк. — Фрагменты вируса...

Он вешает автомат на шею и достает из-за пояса нож.

— Ой... — Маг закрывает глаза руками, не забыв, правда, растопырить пальцы. — Только не то, о чем я подумал, Сашка! Я не вынесу такой картины!

— Вынесешь, — срезая прядь волос, отвечает Маньяк. — Тоха, подержи...

Падла подставляет ладонь, и Маньяк бросает туда окровавленный зуб и прядь волос.

— Тьфу, какая гадость... — бормочет Падла.

— Это гадость? — удивляется Шурка. — Скажи спасибо, что я не использовал более безболезненные и естественные варианты...

Он отрезает кусочек ногтя и добавляет его в неаппетитную кучку.

— Еще нужен жабий глаз, дерьмо крокодила и яйца иволги, — морщась, сообщает Падла. — И будет замечательное средневековое средство от колотья в боку...

— Остри, остри... — подбадривает его Шурка. Поднимает левую руку над ладонью Падлы.

Неужели палец?

Нет, просто кровь...

— Тебе больно? — тихо спрашивает Нике. Сегодня она совсем молчалива. Стоит рядом со мной и послушно следует за командой... Шурка секунду смотрит на нее, потом кивает:

— Конечно. Я же не дайвер.

Несмотря на все ощущение безумия, охватившее нашу команду, лица слегка меняются.

Мы его понимаем. Правда, все по-своему. Для ребят ясно, что порезаться или выбить зуб в *глубине* — столь же неприятно, как и в реальности. Для меня — наоборот. Я привык уворачиваться, уходить от боли. *«Глубина-глубина, я не твой...»* И можно спокойно смотреть, как твое тело уродуют нарисованные монстры.

А вот самый талантливый хакер, самый лучший программист в *глубине* этой способностью не обладает...

— Извини, Саша, — говорит Падла. — Давай сыпь, что там еще...

Маньяк медлит. Потом задумчиво сообщает:

— Последний этап, сборка, очень прост. Ты должен проглотить эти компоненты...

— Да ты что! — вопит Падла. — Никогда! Я суп выливаю, если в кастрюлю волос попадает!

— Это тебе за аутосадомазохизм! — ехидно говорит Маньяк. Наклоняется и плюет в ладонь Падлы.

Мгновение ничего не происходит, и я пытаюсь решить, что будет проще — удержать Падлу или сразу застрелить Маньяка.

Потом из ладони Падлы начинает валить дым.

— Так и думал, что ты не удержишься от эффектов! — радостно говорит Маг.

Дым рассеивается.

— Это чего? — подозрительно спрашивает Падла.

У него на ладони стоит маленькая коробочка. Мы толпимся вокруг, пытаясь разглядеть, что же это такое.

— «Варлок-9300», — отвечает Шурка. — Наконец получилось так, как задумывал...

Коробочка — это крошечная лифтовая кабина. Самая обычная, коричневого цвета, с раздвигающимися дверями, с обрывком троса наверху.

Вот только высотой лифт десять сантиметров.

— Наиболее удобная форма, — говорит Маньяк. — «Девятитысячник» тоже должен был так работать, но не реализовалось...

— Саша... Сашенька, дорогой ты мой, — хрипло говорит Падла. — А ты уверен, что не напутал с размером? А?

— Вот о размере я как-то не подумал, — самокритично сообщает Маньяк, и я понимаю, что Падлу ждет еще один этап наказания за шуточку. — Видимо, где-то с запятой ошибся...

— Саша, я больше не буду острить в твой адрес, — жалобно и одновременно угрожающе говорит Падла. — Питером Нортоном клянусь. Только скажи честно, получилось или нет?

— Ставь лифт на землю, — Маньяк меняет гнев на милость, — тогда и увидим.

Падла с кряхтением нагибается, опускает лифт на снег.

— Из зубов дракона вырастали безжалостные воины, убивающие сеятеля... — вдруг говорит Нике. — Хорошо, что ты не дракон, Саша.

Лифт начинает распухать. Неравномерно, выпячивается то одна стенка, то другая. Внезапно приобретает нормальные размеры кусок троса, почти скрывая собой кабинку. От снега валит пар.

— Отходите, живо! — подхватывая в охапку Пата, приказывает Чингиз. Совет вполне уместен, мы разбегаемся, глядя как вырастает лифт.

— Обнаружат, — качает головой Крейзи. Он оказался рядом со мной и явно настроен жаловаться: — Леонид, вирус обнаружат. Начнется сканирование всего пространства «Лабиринта».

— Игру остановят?

— Не знаю. Не сразу, вероятно. Видимо, вначале закроют вход...

Лифт уже надулся до нормальных размеров. Единственное отличие от нормального лифта — кнопка вызова прямо на двери. Правильно, шахты ведь нет...

— Транспорт подан, — говорит Маньяк. Подходит к кабинке, нажимает кнопку — двери рывками расходятся. Внутри горит свет.

— А ведь ты все-таки ошибся с размерами, — замечает Падла. — Лифт-то мелкий. На четверых.

— Ограничения по грузоподъемности нет, — усмехается Маньяк.

— А по габаритам?

Ответ очевиден. Мы стоим перед крошечной кабинкой, и нас восемь человек.

— Втиснемся, — решает Маньяк. — Никогда в «Запорожце» вшестером не ездил?

— Пат, на плечи, — командует Падла, видимо, решив не тратить времени на пустые споры. Пригибается. Тинэйджер молча садится на его могучие плечи и тут же возмущенно кричит:

— И какого черта ты бреешься? Мне за уши твои держаться?

Падла с Патом забираются в лифт первыми. И словно бы занимают больше половины пространства.

— Леонид... и Нике, — решает Чингиз.

Вздыхаю, нагибаюсь. Девушка усмехается, забирается мне на плечи. Спрашивает:

— Не тяжело?

— Я грузчиком год отработал... — сообщаю я, не уточняя, что это было в *глубине*. Впрочем, мне и впрямь не тяжело. Таскать на плечах симпатичную девушку — не то же самое, что таскать мешок с картошкой.

Становлюсь рядом с Падлой. Наши седоки, скорчившись в три погибели, упираются спинами в потолок.

— Давайте, втискивайтесь. — Чингиз указывает на лифт. Маньяк, Зуко и Крейзи подходят к кабинке. В общем-то они люди не крупные, один из них поместился бы свободно...

Вмещаются все трое. Маньяк, распластанный по стене, дотягивается до кнопок и кричит Чингизу:

— Ну а как ты?

Вместо ответа Чингиз разбегается и с уханьем вонзается в толпу. Чувствую, что у меня хрустят ребра. Пат восторженно вопит, Зуко издает сдавленный писк. Его совсем прижали.

Маньяк жмет на какую-то кнопку, и двери закрываются. Кнопки в лифте великолепные: пластиковые, пожженные сигаретами, некоторые светятся, а некоторые нет... наверное, лампочки перегорели... Да и весь лифт такой же. Заслуженный ветеран панельных девятиэтажек, исписанный надписями — преобладают ругательства и похвалы в адрес «Спартака», но есть какие-то телефоны, матерщина, сердечки и просто имена.

— Поехали! — торжественно говорит Маньяк. Выгнувшись в три погибели, он нажимает кнопки — единицу, ноль и снова ноль. Пожалуй, все отличие лифта от настоящего и заключается в этой кнопке «ноль».

Двери медленно сходятся. Рывок. Другой.

— И ты уверен, что пробьешь канал на сотый этап? — спрашивает Крейзи. Вопрос остается без ответа. Лифт дергается и медленно едет... судя по ощущениям — вверх.

Как это выглядит снаружи, интересно... Мы взмываем в небо? Или растворяемся без следа? Не понять. «Варлок-9000» в этом плане был зрелищнее....я вспоминаю, как проваливался вместе с Неудачником по бесконечному туннелю, сквозь уровни «Лабиринта» и какие-то совершенно незнакомые пространства...

Хорошо тогда было. Просто. Весело.

Наверное, Вика права. Это было детство Диптауна. А в детстве все по-другому. И драки кончаются лишь слезами, и краски чище и ярче, и любовь может быть только одной и навсегда...

Лифт дергается и замирает. Снова набирает ход.

— Сашка, а если застрянем — кнопку вызова лифтера жать? — выдавливает Маг. — А? Я тут долго не выдержу. Я резко заболел клаустрофобией!

Лифт начинает мелко вибрировать. Стою, пытаясь держаться на полусогнутых ногах, чтобы Нике было чуть просторнее. Так неудобно, но зато она может немного распрямиться. Лицом я упираюсь в лезвийную винтовку Крейзи Тоссера. Интересно, где там прячутся лезвия, ствол широкий, но ведь не настолько же...

— Нас обнаружили, — говорит вполголоса Крейзи. — Наверняка. Еще две-три минуты, и конец вирусу.

В общем-то называть новый «Варлок» вирусом — неправильно. Это какая-то троянская программа, которая встрои-

лась в серверы «Лабиринта» и пытается сейчас перекинуть нас на сотый этап. Но так уж повелось, что в обиходе все хакерские творения зовутся вирусами...

— Кишка у них тонка, — не удерживается Маньяк.

Лифт начинает трястись. Будто он стоит в кузове грузовика, несущегося по раздолбанной мостовой.

Потом из стены с хрустом вываливается кусок.

Падла шумно вздыхает и отодвигается от дыры. Всем нам приходится туго, но резервы пространства, как ни странно, еще есть. Падлу можно понять — в дыре нет ничего. Ровная серая клубящаяся мгла. И это страшнее любого пейзажа, который может родить человеческая фантазия. Руки Нике, лежащие на моих плечах, напрягаются.

— Что это? — сдавленно спрашивает Пат.

Маньяк крутит головой, пытаясь заглянуть себе за спину:

— Ничто...

Очень содержательный ответ.

— А поточнее? — это Чингиз...

— Программа видоизменяется, уходит из-под атаки, — объясняет Маньяк. — Если уж так хочется точности... мы сейчас в бут-секторе одного из серверов «Лабиринта»...

Зуко хихикает, будто услышал что-то невероятно смешное.

Мгла в пробоине исчезает. Вместо нее — уходящий в бесконечность коридор. Стены выкрашены казенной зеленой краской, потолок плохо побелен, на полу истертый линолеум. Где-то вдали — медленно идущий по коридору человек. Он начинает оборачиваться, но поздно — мы уже проскакиваем дальше...

Что это было? Где? Не знаю, но я бы не хотел там оказаться...

— Ищем обходные пути? — спрашивает Падла.

Им интересно. Им очень интересно происходящее. Они понимают гораздо больше, чем я. Для меня это лишь захватывающее кино, магическое приключение, ну и часть обычной жизни, конечно же. Они знают то, что скрывается под яркими картинками.

Но зато я могу выйти из *глубины* в любой момент...

В дыре снова серая мгла. Блеск металла. Клочок голубого неба. Холодная, свинцовая вода. Языки пламени. Серая мгла.

Программа ищет пути...

Снова серая мгла. И...

Я вскрикиваю, дергаясь так, что Нике упала бы с моих плеч, будь в лифте чуть больше свободного места.

Сквозь пробитую обшивку видна пропасть. Узкая щель между скалами, и левая скала — синий лед, а правая скала — алый огонь... Я не успеваю заметить ниточку моста, но знаю, что он там есть.

— Ленька! — Маньяк смотрит на меня, ничего не понимая. — Что? Что случилось?

В дыре вновь серая мгла. Мой кошмар исчез, испарился бесследно...

— Померещилось... — выдавливаю я. Вдаваться в объяснения нет сил.

Лифт заваливается набок. Скользит, раскачиваясь, будто на волнах.

— Приготовиться! — командует Шурка. А мы и так давно готовы. Ко всему.

Толчок. Тишина. Только хрустит обшивка.

— Дверь выбивайте, — сдавленно произносит Маньяк. Упрашивать никого не надо. Чингиз, устроившийся на животе Падлы, с неожиданной силой всовывает ствол автомата между дверцами и налегает на приклад.

В проеме — сиреневое небо.

Я помогаю выбраться Нике. Это не самое мудрое решение, мы не знаем, что там, снаружи. Но мысль приходит запоздало. Нике выскакивает из лифта как чертик из коробки, резко поворачивается — и оружие в ее руках заходится длинной очередью.

— К бою! — возбужденно кричит Пат, пытаясь вырваться следом. Но за Нике выскакивают Чингиз и Маньяк, лишь потом удается выбраться ему. Затем выбираются Зуко и Падла.

Мы с Крейзи покидаем лифт последними.

От прежних пейзажей — диких, природных — нет и следа.

Лифт валяется на крыше здания неимоверной высоты. Порывами налетает ледяной ветер. А на крыше — десятка два ящеров.

Нас спасает неожиданность появления. Это явно не люди в телах монстров, это порождения программы. Но и у них есть какая-та заданная скорость реакции. Они возились возле какого-то оружия, напоминающего зенитную пушку с прозрачным щитком вокруг ствола, нацеливали его вниз...

Теперь им приходится отбивать атаку с тыла...

Ракетомет у Пата тяжело чмокает, набирая в стволы ракеты. Это слишком долго... Я начинаю стрелять одиночными, и первые же заряды расшвыривают нападающих.

Оружие, нам нужно тяжелое вооружение...

Двое монстров прорываются к нам вплотную. Нике упирает свою пушку в живот и начинает расстреливать их уже не очередями, а какими-то пакетами голубых игл, словно картечью. Одного ящера сразу уносит в сторону, второго убивает Крейзи из лезвийной винтовки.

Монстры наконец-то перегруппировались. Двое начинают разворачивать в нашу сторону свою странную пушку, а остальные открывают огонь из лучевого оружия.

И в этот миг Пат дает залп. Отдача слишком сильна, его подбрасывает в воздух и зашвыривает обратно в кабинку лифта.

Зато поле боя остается за нами.

Клочья мяса и брони. Лужи крови. У моих ног дергается оторванная взрывом лапа, длинные когти царапают ботинок, оставляя на нем глубокие царапины.

— Пат! — Чингиз вытаскивает пацана из кабинки. Тот очумело вертит головой, но оружия не выпускает. — Дай!

— Я что, плохо стрелял? — возмущается Пат.

— Хорошо, — признает Чингиз, но ракетомет все-таки отбирает. — Ты сильный, ты очень сильный. Только легкий.

— Ну и влипли. — Маньяк морщится, прижимая ладонь к боку. Из-под пальцев сочится кровь.

— Влипли? — Крейзи смотрит на него. — Юноша, мы должны благодарить Господа за столь удачное место появления! Это сотый этап! Сюда доходят единицы! И не с этими... пукалками! — Он потрясает своей чудовищной винтовкой. — Хорошо, что мы оказались в стороне от основных вражеских сил...

Крыша по площади невелика, с волейбольную площадку. Со стороны здание наверняка смотрится как вонзающаяся в небо игла. Не сговариваясь, начинаем искать спуск вниз.

Спуска нет.

На вертолетах, что ли, сюда доставляли команду монстров?

Финалом безрезультатных поисков служит негромкий взрыв. Наш несчастный лифт окутывает пламя, и через несколько секунд от него остается лишь горстка пепла.

— Готова твоя программа, — насмешливо замечает Крейзи. Тяжело ему. Он все-таки пытается играть сразу за две команды...

Маньяк демонстративно смотрит на часы:

— Пять с половиной минут. За это время я бы выпотрошил весь ваш сервер... если бы хотел.

Крейзи начинает злиться, но спорить не пытается.

— Так где мы оказались? — спрашивает Чингиз. — Сусанин! Нам срочно нужен проводник... отсюда.

Дик, держа винтовку за цевье и чем-то напоминая сейчас Натаниэля Бампо, подходит к краю крыши. Мы следуем за ним.

Черт... как все-таки высоко.

Ненавижу высоту. Даже придуманную.

Здание вздымается чуть ли не на километр. Вокруг полно таких же или чуть поменьше. Улицы с высоты кажутся узкими, но на самом деле должны быть шире любого проспекта.

И ветер.

Падла одной рукой держит Пата, а другой цепляет за пояс Маньяка. Тот против столь трогательной заботы не возражает... у кряжистого хакера куда меньше шансов быть сдутым с крыши.

— Вон там начало этапа! — кричит Крейзи. — Там вы должны были выйти, обычным порядком! Потом проход по городу, к императорскому дворцу... И схватка с Императором...

— Кто играет за Императора? — интересуется Маньяк.

— Программа. Но радоваться не спешите, ее показатели такие, что справиться будет нелегко. Это особая, самообучающаяся программа, она анализирует и запоминает все удачные действия противников, собственные удачи и промахи. Стоила нам чертову уйму денег... куда проще справиться с настоящим, живым игроком, чем с ней. Можно сказать, что вам придется противостоять всем, кто проходил «Лабиринт» до вас...

— Вначале нам надо спуститься. — Нике перебивает Крейзи Тоссера. — Давайте решать проблемы по мере их поступления, о'кей?

В режиме метания ракетомет почти не дает отдачи. Блестящие цилиндрики уносятся из ствола и падают по навесной траектории.

Чтобы пробить дыру в крыше, потребовалось три заряда. Смотрю на индикатор — осталось еще пять. Негусто.

Подходим к дыре — и останавливаемся в недоумении.

Изнутри здание представляет собой пустую коробку. Только по стенам кое-где есть лампы. А все внутреннее пространство заполнено решетчатой арматурой.

— Это что? — спрашивает насмешливо Маньяк. Крейзи почему-то смущается:

— Ну... невозможно создать все элементы столь большого игрового поля... никто не предусматривал появления здесь столь неожиданного десанта...

— Муляж, — продолжает издеваться Маньяк. — Эх, помню, как в «Думе» сквозь стены ходили...

— А если бы здание было пустым изнутри или, наоборот, целиком из бетона? — отстаивает честь создателей «Лабиринта» Крейзи. — Тогда бы ты посмеялся!

— Мы бы посмеялись, — поправляет его Падла, тяжело опуская руку на плечо Крейзи. — Ты забыл, что мы в одной команде?

— Мне это еще много раз напомнят. — Крейзи сбрасывает его руку. — Ну что? Спускаемся?

Километровая бездна под нами. Ложусь на край пробоины, дотрагиваюсь рукой до гнутой арматурины. Вроде бы держится крепко...

— Пошли, — говорит Нике. Свешивает ноги, примеряется и ловким движением перескакивает на решетку. Ничего себе гимнастка!

Глубина-глубина, я не твой... Отпусти меня, глубина...

Это нечестно. Просто-напросто нечестно по отношению к остальным. Но я не выдержу этого спуска, если иллюзия сохранится.

Голова отзывается легкой давящей болью.

Ничего.

Зато теперь передо мной всего лишь картинка. Уходящая вниз шахта, заполненная такими удобными перекладинами. Я прыгнул вниз, уцепился за арматуру.

Проще пареной репы.

— Так... кто боится высоты? — донесся из наушников голос Крейзи.

— Я! — честно признался Пат.

— Тогда цепляйся мне на спину. А лучше привяжите его покрепче!

— Ты уверен? — конечно же, это Чингиз.

— Я дайвер. Прошу прощения, но я выйду из виртуальности для этого спуска. Так что мне все равно, с кем спускаться...

Я запоздало понял, что его слова вполне логичны. Задрал голову — картинка в шлеме сместилась. Посмотрел на нарисованные лица друзей, только что бывшие такими реальными и живыми...

— Давайте и я кого-нибудь потащу...

— Уж извини, я привык убиваться по собственной глупости, — пробормотал Падла и осторожно перебрался на арматуру.

— Ура! Меня повезут! — восхитился Маг. Я подставил ему шею, Зуко повис на мне и непринужденно поинтересовался: — Хочешь, буду песни петь, чтобы тебе веселее было? У меня голос — во! Мог оперным певцом стать, честное слово!

— У меня нет слуха, все равно не оценю...

Все остальные спускаются сами.

Где-то через полчаса мы уходим в отрыв. Я, Крейзи и Нике. Наверное, нам все-таки мешают седоки, а может быть, у девушки прирожденные способности к альпинизму. Спускается она сосредоточенно, не глядя вниз, как автомат, перебирая руками и ногами.

— Не грохнулись бы ребята... — вздохнул на моей спине Маг. — А то снесут нас, к чертям собачьим...

Одна рука на стальную балку. Другая — на другую. Ногу влево. Перебирая руками — вниз. Ногу вправо. Правой рукой цепляемся, левую отпускаем...

Все очень просто. Решетка из арматуры строго геометрична. Будь на моем месте Маньяк, за минуту написал бы скрипт для спуска и пошел пить кофе.

Почему тот, кто может выйти из *глубины*, не умеет писать программы, и наоборот...

На метр у меня уходит около десяти секунд. Пять метров в минуту. Расчет несложен. Три с небольшим часа...

Ногу влево. Руку вправо. Вниз. Перецепиться...

— Нормальный человек не сможет поддерживать эту скорость долго, — сказал Крейзи. Он, похоже, озабочен тем же вопросом. — Ребята устанут. Им придется отдыхать. Пять, шесть часов... может быть, больше... они уже отстали.

— Альтернатива есть? — интересуюсь я.

— Раньше надо было думать... — Крейзи вздохнул.

Внезапно Маг на моей спине хихикнул:

— Да вот она, альтернатива... у стены.

Я повернул голову, с одинаковой вероятностью ожидая увидеть там сотню монстров, вертолет, Карлсона или лифтовую кабину.

Да нет, только арматура...

— Чего, дайверы, не замечаете? — веселится Зуко. — Так-то...

deep

Ввод.

Радужная метель. Мир обретает реальность. Цепляюсь за арматуру с силой, поражающей меня самого. Ракетомет — пудовый. Зуко, даром что тощий, начинает весить центнер.

Но я понимаю, что он имел в виду.

У стен здания строгая правильность решетки нарушена. Там идут сверху вниз какие-то туго натянутые канаты. Гладенькие, аккуратные. Видимо, арматуру в здание напихивали не случайным образом, а все-таки с каким-то расчетом прочности. Останкинская телебашня тоже, если не изменяет память, «подвешена» на тросах.

— Ждем ребят, — решаю я. — Маг, держись тоже, блин, мне ведь тяжело, грохнусь!

Зуко мгновенно цепляется за решетку.

Минут через пять отставшая группа догоняет нас. Падла пыхтит, лицо у него красное и потное. Маньяк, наоборот, бледный, но собранный.

Чингиз матерится. Непрерывно. Тихо. Потрясающе затейливо.

— Ребята, вам так долго не выдержать, — говорю я.

— Сами видим, — соглашается Маньяк.

— Есть вариант, — киваю в сторону тросов.

Первым готовится к скоростному спуску Крейзи.

— Я в команде все-таки чужой, — поясняет он без лишних комплексов. — Если окажется, что все в порядке... тогда пойдете следом.

Свой бронежилет он отдает Маньяку. Объяснение тоже вполне логично:

— Если что, будешь тормозить, прижимаясь грудью. Костюм тоже должен выдержать, но он нагреется, обожжешься.

— А ты?

— А мне не будет больно... — усмехается Крейзи.

Одна петля охватывает трос от пояса. На нее основная нагрузка. Еще надо сжимать трос ботинками. И петля в руках, для подтормаживания.

— Ох лететь тебе высоко... — вздыхает Маг. — Мне, право, неловко, что я предложил...

— Расслабься, — отрезает Падла. — Кто-нибудь из нас за время спуска обязательно бы грохнулся.

— Постараюсь встретить вас внизу, — говорит Крейзи.

— Как мы узнаем, что ты спустился благополучно? — Чингиз умеет ставить правильные вопросы, но почему-то лишь в последний момент.

— Я крикну.

— А мы услышим?

— Эхо... Я громко крикну. — Крейзи все-таки старается не смотреть вниз.

— Из *глубины-то* выйди, — советую я.

— Нет. Больше шансов чего-то важного не заметить. Пока...

Он сходит с арматурины, виснет на тросе. Вроде бы петли держат...

Крейзи расслабляет петлю и сразу проваливается вниз. Мы смотрим, как его фигура все уменьшается и уменьшается. Она пока на тросе, но скорость Дик набрал пугающую.

— Я не выдержу, — честно признается Пат. — Чин, я не выдержу!

Мальчишка начинает паниковать...

— На мне поедешь, — неожиданно говорит Нике. — Доверяешь?

Пат смотрит на ее насмешливую улыбку и теряется.

— Ну?

— Если Чин разрешит...

— Ты уверена? — интересуется Чингиз. — У нас все-таки есть дайвер в команде...

— Мага мне будет труднее удержать.

— Твое мнение? — спрашивает Чингиз меня.

Я думаю. Мне не нравятся кое-какие догадки...

— Она справится, — решаю я наконец. — Не хуже меня, полагаю.

— Только бы доехал Крейзи, — говорит Маньяк.

Ждем.

— А если он шмякнется, мы услышим? — любопытствует Пат. Получает от Падлы довольно чувствительный подзатыльник.

— Я тебя самого сброшу, послушать, на что этот звук похож...

Снизу доносится слабый, невнятный шум.

— И что это должно означать, — задумчиво говорит Маньяк.

Шум повторяется.

— Никогда не поверю, что Крейзи упал с троса двумя частями и с таким интервалом! — заявляет Маг. — Поехали?

— Цепляйся, — говорю я.

Лишних ремней нет, поэтому Магу приходится просто держаться за меня.

— На шею не дави, — предупреждаю я. — А хотя... дави сколько влезет.

Глубина-глубина, я не твой...

Мигрень к вечеру я точно заработал.

Я посмотрел на свои нарисованные руки на нарисованном тросе. В наушниках пыхтел Маг.

Спуск...

— О-го-го! — завопил Зуко. Не испуганно, скорее восхищенно.

Ему можно позавидовать. Для меня сейчас нет страха. Но зато нет и подлинного восторга.

Стена неслась мимо. Мелькали переплетения арматуры. Я опустил голову, посмотрел вниз и начал подтормаживать. Пол приближался слишком быстро.

— Не разобьемся? — кажется, Маг тоже оценил скорость.

Я сжал петлю, охватывающую трос.

Как все просто... только в *глубине* приключения обретают столь волнующий и в то же время безопасный характер. Любой альпинист или скалолаз при описании *такого* спуска на *таких* подручных приспособлениях либо покроется нервным потом, либо начнет смеяться, как безумный. Так не бывает!

Но я погасил скорость, и ременные петли держат, и Зуко не слетает, разжав ослабевшие от страха руки. Понарошку, все здесь понарошку, и пусть он не дайвер — все равно знает, что в Диптауне смерти нет. Не было раньше.

Для того мы и пришли сюда — чтобы смерти вновь не стало...

deep

Ввод.

Пожалуй, экспериментировать на тросе не стоило, но мне хотелось все-таки понять, на что это похоже...

Больше всего — на кошмарный сон.

От ременных петель идет дымок. Еще — они пронзительно скрипят. Мы скользим, пожалуй, быстрее, чем падает парашютист на запаске. Я уже вижу внизу Крейзи, размахивающего руками и что-то кричащего.

Прошло минуты четыре... высота была девятьсот метров, плюс-минус пятьдесят...

Зажимаю петли почти намертво, пытаюсь тормозить о канат ботинками. Ноги отбрасывает в стороны, трос больно бьет по груди, по бронежилету. От визга трущегося металла начинает ломить зубы.

— Тормози! — вопит Маг, отцепляет одну руку, протягивает к тросу, но вовремя спохватывается. Сейчас бы его и унесло вверх... вцепись он как следует.

Торможу... пытаюсь...

Удар все-таки силен. Ноги подкашиваются, я падаю, а Маг в последнюю секунду успевает соскочить с меня.

— Жив? — Крейзи склоняется надо мной, протягивает руку. Встаю, отряхиваюсь, хотя особой нужды в этом и нет. Пол — ровная бетонная площадка, из которой вырастает арматурный лес. Чисто и пусто.

— Жив... хотя аптечка бы не помешала.

Крейзи протягивает руку к поясу, где висит одна из наших немногочисленных аптечек. Но останавливается.

— Подождем, Леня. Как еще остальные спустятся.

Да, он, конечно же, прав...

— Ты не выходил из виртуальности? — интересуюсь я.

— Вышел, на полпути. — Крейзи не пытается изображать героя. — Жутковато стало.

Смотрим друг на друга — с одной и той же мыслью: у ребят такой возможности не будет.

— А как ты это делаешь? — спрашиваю я. Вопрос на грани фола... во всяком случае, раньше мы рисковали спрашивать такие детали лишь у близких друзей. Но теперь-то что...

Крейзи не обижается и не удивляется вопросу:

— Представляю мысленно лицо одной девушки, живущей в соседнем доме.

— И все?

— Вполне хватает. — Он усмехается. — Ты не подумай лишнего... просто девушка, живущая по соседству. Она на двадцать пять лет меня младше. А как ты выходишь из *глубины?*

— Стишок один бормочу. Сам его придумал.

Теперь очередь Крейзи недоуменно пожать плечами.

— Покричать надо, — предлагает Маг, поглядывая на нас. — А то ребята волнуются.

— Меня слышно было? — спрашивает Дик.

— Вполне...

Мы зачем-то становимся рядом, Маг командует:

— Раз, два, три...

Вопим, дружно и с удовольствием, сбрасывая напряжение от спуска. Люблю аттракционы, но этот был максимально простым и занимательным...

— Еще два раза, — командует Зуко. — Нас ведь теперь трое внизу.

Теперь остается только ждать. Стоим у троса, смотрим вверх. Осторожно кладу руку на металл и то ли чувствую, то ли придумываю легкую дрожь.

— Кто-то едет...

— Крейзи, — спрашивает Маг. — А с какой высоты надо упасть на территории «Лабиринта», чтобы убиться насмерть?

— Если не ранен, если в бронекостюме... — Дик морщится, вспоминая. — Около пятидесяти метров.

— Добрые вы, — признает Маг. — В Диптауне вроде бы десять метров забито как смертельный удар...

— В Диптауне хотели даже пять сделать, — вставляю я. Мы как-то разговаривали с Викой о совпадениях и противоречиях между реальным миром и виртуальным пространством. — Чтобы жители не чувствовали себя героями и не прыгали потом случайно с настоящих балконов.

— У нас же все-таки игра, — начинает оправдываться Крейзи. — Дырку в полживота тоже аптечкой не вылечишь, а здесь это норма...

— Вижу! — прерывает нас Зуко.

И впрямь — по тросу скользит неуклюжая фигура.

— Падла, что ли... — рассуждает Маг. — Нет, Падла пошире будет...

Еще десяток секунд, и мы понимаем, что это спускается Ника с повисшим на ней Патом.

— Надо было и мне кого-нибудь захватить, — замечает Крейзи. — Все-таки я дайвер...

— Ты дорогу разведывал, — утешаю я.

Маг, прислонившись к какой-то трубе, задумчиво смотрит вниз. Потом достает из кармана бутерброд, разрывает обертку.

— Ранен? — спрашиваю я.

— Нет, просто жрать хочу.

— Это ведь пять процентов жизни! — протягиваю руку, отбираю бутерброд. — Я амортизатором поработал?

— Ешь, — со вздохом соглашается Маг. — Смотри, что-то слишком быстро они...

— Вы точно так же неслись, — качает головой Крейзи. — Все нормально, лишь бы смогла затормозить...

Через минуту Нике финиширует. Пожалуй, даже лучше меня — почти полностью сбросив скорость и устояв на ногах. Секунд пять мы отдираем от нее Пата, прежде чем тот понимает, что спуск окончен.

— Молодец, — качает головой Крейзи. — Девочка, ты молодец.

Нике усмехается:

— Гожусь я на работу в «Лабиринт»?

— Я бы принял, — соглашается Крейзи. — Даже не сержантом, по первым этапам новичков водить, а заводилой, подставным игроком в группу.

— Нас теперь всех так примут! — грубо обрывает мечты Нике Маг. — По три раза! И по тому самому месту, кованым сапогом! Близко к «Лабиринту» не подпустят.

Крейзи откашливается, будто хотел что-то сказать, но передумал.

— Ура! — вдруг тихонько произносит Пат. — А здорово мы спустились, да?

— Великолепно, — подтверждает Маг.

Пат вдруг шагает к Нике и неловко чмокает ее в щеку, явно приходя в ужас от собственной смелости. Девушка улыбается, ерошит ему волосы и возвращает поцелуй.

Маг откашливается и бормочет:

— Ну и молодежь пошла, нам теперь только у стеночки стоять в теплом тихом месте... Давайте покричим, что ли, все хором!

Начинаем вопить, подтверждая удачный спуск. Пять раз подряд. Пат сияет.

Шестым спускается Падла. Очень медленно, аккуратно. Но когда он отцепляется от троса, его всего колотит. На восторженные вопли и объятия Пата он просто не реагирует.

Седьмой — Маньяк. Его спуск очень быстрый, почти как у нас и Нике. Но это не столько отсутствие страха перед падением, сколько неудачное торможение. Мы помогаем ему отцепиться от троса, переглядываемся... Мне почему-то не по себе.

— У меня тоже нехорошее предчувствие, — неожиданно говорит Крейзи.

— Не зови беду! — немедленно обрывает его Падла. — Спустится Чин, никуда не денется.

Разумеется, никто не спорит.

...Но я почему-то представил себе, как Чингиз стоит наверху, вслушиваясь в наши далекие вопли. Вокруг — паутина стальных труб, перед ним — натянутый, как струна, канат. Слабый свет редких ламп, оставленных заботливым строителем внутри декорации.

И никого.

Он пристегивается к тросу. Закрепляет «тормозную» петлю. Виснет на тросе, еще сжимая его, но уже начиная сползать, и спуск все быстрее переходит в падение, почти неконтролируемое падение, пусть даже и рядом с опорой...

Черт. Не люблю дурные предчувствия! Они иногда сбываются.

— Это ведь все равно понарошку... — неуверенно говорит Пат. — Даже если что... мы сами все сделаем, а Чингиз пусть завидует...

Он даже хихикает, но так неуверенно, что в веселье не верится.

— Спускается, — говорит Падла. Прижимая ладонь ко лбу, словно в этой бетонной коробке есть солнце, от которого стоит закрываться, он смотрит вверх. — Нормально... вроде... чуть быстрее Сашки...

Я молчу. Мне не хочется объяснять, что Шурка и так спускался слишком быстро и наверняка потерял десяток процентов жизни при ударе о пол...

— Чин! — радостно вопит Пат, глядя на скользящую по тросу фигуру. — Давай-давай! Не спи!

На мой взгляд, он и так не спит... даже слишком.

Чингиз был уже совсем низко. Так... на высоте двадцатиэтажного дома.

Тут все и случается.

Вначале я вижу, что Чингиз раскидывает руки. Обрывков ремня не видно, но нетрудно догадаться, что они летят следом.

— Нет! — кричит Пат и кидается к тросу. Падла молча и молниеносно ловит его за воротник.

А Чингиз уже летит вдоль троса, летит головой вниз. Ремень на поясе, которым он пристегивался, выдержал рывок. Но его падение теперь — просто падение. Со всеми вытекающими последствиями.

— Мир вашему дому, — неожиданно говорит Падла. Пат начинает отчаянно его пинать, но хакер словно не замечает этого.

Уже в последние секунды Чингиз ухитряется вцепиться в канат. Разумеется, полностью затормозить он не успевает, но все-таки падение замедляется.

Абсолютно беззвучно Чингиз падает к уходящему в бетон основанию троса.

Зато Пат кричит в полный голос.

Первой к Чингизу подбегает Ника. Секунду смотрит в лицо, потом выхватывает аптечку... надо же, и не знал, что у нее есть запас, прикладывает к телу.

— Не может быть... — доставая свою аптечку, говорит Крейзи.

После третьей и последней нашей аптечки, припасенной Маньяком, Чингиз открывает глаза.

— Ты похож на зомби, — говорит Пат. Как только Нике достала аптечку, он немедленно прекратил вопить. И теперь, похоже, отчаянно стыдится своей реакции.

— Верю... — коротко отвечает Чингиз.

Он весь в крови. Это немножко неестественно, ведь никаких ран не видно, но программы «Лабиринта» привыкли показывать тяжесть повреждений именно так. Один глаз у Чингиза заплыл, перчатки на руках стерлись.

— Как ты умудрился сорваться? — Падла наклоняется над ним, одним движением ставит на ноги. Чингиз покачивается, но стоит.

— Ремень выскользнул, — просто отвечает Чингиз. — Странно...

— Что странного? — интересуется Крейзи. — Удивительно, что это случилось только с тобой.

— Странно, что я живой...

— Больше аптечек нет? — Ника оглядывает нас всех. Я молча даю Чингизу отобранный у Мага бутерброд.

— Спасибо, я сыт по горло.

— Это пять процентов жизни.

Чингиз мрачно съедает пищу. Видимых изменений в его облике, правда, не происходит.

— Пустим тебя впереди. Монстров пугать, — ехидно говорит Пат.

— К ним еще надо выбраться... тут есть выход?

Мы с Крейзи не сговариваясь расходимся. Я иду налево, он — направо. Мы обходим здание по периметру, возвращаемся к ребятам. Дверей нет.

— Тогда стреляй, — кивает мне Чингиз. — Я бы очень хотел найти пару аптечек.

— Подождите. — Крейзи подходит к Маньяку. — Мне нужны твои официальные банковские реквизиты.

Улыбка на лице Маньяка появляется медленно и плавно.

— А номер кредитки и пин-код?

— Сам введешь. Когда будешь снимать штуку баксов.

— Какую штуку баксов?

— Утром я направил в совет директоров «Лабиринта» докладную записку. О проведении инспекции «Лабиринта» с привлечением сторонних лиц. Ты ведь брался доказать, что в «Лабиринт» по-прежнему возможно пронести вирусное оружие?

Кажется, даже Чингизу стало лучше.

— Значит, судебных преследований мы можем не опасаться? — уточняет Маньяк.

— За что? За проверку систем безопасности, о которой мы договорились еще вчера? — с легкой улыбкой отвечает Крейзи.

— Ты мог сказать это раньше?

— Мне показалось, что это уместнее сейчас.

Я понимаю Крейзи. Нам сейчас очень кстати положительные эмоции. Для хороших новостей иногда надо подбирать время, как и для печальных.

— Штука баксов?

— Девятьсот девяносто девять, если точнее. У меня нет права выписывать чеки на четырехзначные суммы.

Нике улыбается. Для нее это и впрямь радостная информация. Чего только она пошла с нами, когда мы решили нарушить закон, — это же убивало ее мечту работать в «Лабиринте»?

А у Пата на лице задумчивое выражение человека, мечтающего, как здорово он бы мог потратить чужие деньги...

Пока Маньяк вполголоса диктует Крейзи свои реквизиты, я высматриваю место для выхода. Пожалуй, двадцати метров вполне хватит, чтобы нас не задело взрывом...

— Давай работай... — ободряет меня Падла. — Время не ждет.

Чмок...

Я отпускаю гашетку, и крошечная ракета с визгом уносится к противоположной стене.

Результат превосходит все ожидания — из стены с грохотом вываливается здоровенный кусок, метров пять в ширину и метра три в высоту. В проеме — широкая пустынная улица.

И мало того!

С визгом рвутся несколько тросов, таких же, как тот, по которому мы спускались, но натянутых у противоположной стены. Уносятся вверх, будто резиновые, по пути сшибая арматурные распорки.

Вся бетонная игла над нами вздрагивает.

Над пробоиной появляется и, змеясь, уходит вверх трещина.

Здание начинает дрожать. Сверху нарастает гул — и волной начинает опускаться темнота. Лампы гаснут одна за другой, начиная с крыши.

Вот так проверка с привлечением сторонних лиц!

— Дурак ты, боцман, и шутки твои дурацкие... — сдавленно говорит Падла. — Атас, мужики! Бежим!

Никого не надо уговаривать.

100

Мы выбегаем дружной толпой. Выносимся, словно футболисты из раздевалки на первый тайм, еще веселые, бодрые и полные надежд...

В качестве зрителей — сотня-другая монстров. Самых разных. Гигантские улитки, ящеры, пауки. Несколько тварей высотой в десятиэтажный дом — они топают впереди, неуклюже и гордо. Вся эта орава перлась куда-то по улице и едва миновала здание, как нам приспичило выйти. Если верить Крейзи, среди них практически не должно быть компьютерных манекенов — только игроки со стороны врагов...

Судя по ошалевшим лицам монстров, так оно и есть.

Никто не пробует помериться с ними силами, даже наш воинственный тинэйджер. Мы начинаем улепетывать в противоположную от монстров сторону. С дружным воем вся толпа кидается за нами.

А за нашей спиной рушится здание...

Теперь я понимаю, что чувствовали строители Вавилонской башни, когда она начала разваливаться. Сей процесс в Библии детально не описан, но мне кажется, что был он достаточно быстрым и красочным. Бог любит эффектные зрелища, мы, люди, только обезьянничаем в этом вопросе...

Увлеченные погоней, монстры не сразу соображают, что происходит. Такого в «Лабиринте» еще не было.

Вначале начинает идти каменный град. Отдельные куски стен хлопаются и вокруг нас, но львиная доля сыплется аккуратно на голову вражеской армии. Через полминуты, за которые мы побили все рекорды по бегу на короткие дистанции, улица за нами превращается в карьер по добыче щебня. Сюда надо подогнать машины с девятого этапа... то-то будет работы!

Из обломков некоторое время еще возвышаются самые крупные твари, похожие на сказочных троллей. Один даже ухитряется запустить нам вслед обломком стены, к счастью, не прицельно.

Потом несчастный небоскреб разваливается окончательно и погребает под собой этих героев борьбы с земным десантом.

Останавливаемся мы, лишь преодолев не менее километра. Крейзи, совершенно обалдевший, крутит головой, оценивая размеры разрушений. Над каменным курганом стоит грибовидное облако пыли.

— И рассеял их Господь оттуда по всей земле... — говорит Нике, переводя дыхание. — И перестали они строить город и башню...

Не только у меня возникли такие ассоциации...

— Ну почему ты никогда не можешь сделать все чисто, тихо и аккуратно?! — с болью в голосе спрашивает меня Крейзи.

— Характер... — пытаюсь я оправдаться.

— Мы можем рассчитывать на премиальные? — невинно спрашивает Маньяк.

— Да мы вывели из строя чуть ли не всю группу охраны Императора! — в сердцах кричит Крейзи. — Кто-то явно во-

шел на последний этап! Он теперь пройдет к дворцу, как на прогулке!

— Разве же это плохо? — интересуюсь я.

Секунду Крейзи молчит. Потом вздыхает, безнадежно машет рукой:

— Что сделано, то сделано... идем к дворцу.

— Вначале записаться надо! — встревает Пат. — А то шлепнут кого-нибудь...

— Система не даст записаться. Формально нас нет на этом этапе.

Маньяк, прищурившись, смотрит на него:

— Уверен? Нам что, проходить последний этап с одной попытки?

— Уверен. Считай, что это минусы черного хода.

— Плохо, — только и говорит Шурка. — Тогда надо поискать снаряжение... хорошее оружие, аптечки, броню.

— Нет здесь ничего. Последний этап проходишь с тем, с чем вошел.

На этот раз все вообще молчат. Общее мнение выражает Падла, громогласно откашлявшись и произнеся:

— Так... мы добились своего, но рады ли мы этому...

Дворец Императора — небольшое, почти уютное здание из черного камня.

Мы наблюдаем за ним, затаившись за деревьями парка. Деревья забавные, причудливых очертаний, с разноцветными листьями. Вокруг порхают крупные, с ладонь, бабочки. Когда мы их впервые увидели, все потянулись к оружию, но Крейзи протестующе замахал руками. Бабочки не опасны. И деревья не опасны. Все здесь дышит покоем, умиротворением. Все к месту — и сиреневое небо, и цветная листва, и густо-синяя вода в прудах. Никаких ловушек. И охраны у дворца быть не должно — Император в охране не нуждается.

Теперь мы ждем.

— Уверен, что он нас засек? — спрашиваю я Крейзи.

— Наверняка. Это же не человек, программа. Любой, входящий на территорию парка, попадает в его базу данных. Он просто никогда не торопится...

Леность Императора — лишний шанс для нас. Нам нужно приблизиться к дворцу в такой узкий промежуток времени,

чтобы Император не успел выйти навстречу, а приближающаяся чужая команда нас не обнаружила. Теперь все, или почти все, зависит от того, насколько правильно выбран момент...

— Идут... — облегченно произносит Маньяк. Он наблюдает за входом в парк — высокими воротами в символическом ажурном заборе.

— Идет... — эхом откликается Крейзи.

Команда, вошедшая в парк, мне не знакома. Зря я грешил на своих первых спутников, зря подозревал, что среди них Темный Дайвер. Им еще ползти и ползти по этапам, погибая и возрождаясь, пугая близких рассказами про «вот таких вот мух» и «змей, плюющихся ядом». Им еще далеко до конца «Лабиринта».

Эта команда, должно быть, вышла в свой крестовый поход месяц или два назад...

Их больше десятка. Мужчины, женщины, девчонка-подросток. Кто они на самом деле, каков их возраст, пол, родной язык — мы никогда не узнаем. Они для нас не друзья, и не враги... просто пушечное мясо.

Мясу не обязательно знать, для чего оно предназначено.

А Император, убийство которого является целью всей игры, только что вышел из дворца...

Насмешка программистов — Император не просто антропоморфен, это человек. На нем белоснежная тога. Он высокий, белокурый, с красивыми чертами лица. Наверняка у него голубые глаза. Живое воплощение нацистской мечты.

И столь же смертоносное, как нацизм.

— Согласно легенде игры, — бормочет Крейзи, — многие тысячи лет инопланетяне воруют на Земле детей, чтобы вырастить из одного из них своего Императора... дать ему исполинскую силу и жестокую мощь... ведь люди — самые совершенные и смертоносные существа во Вселенной... Это глубоко философская и символическая мысль...

Глубина-глубина, я не твой...

Я посмотрел на Императора, оценивая противника. Понять что-либо пока было трудно — я не знал скорости его движений в боевой обстановке, не знал, какое оружие он станет применять. Но даже в неспешном движении нарисованного персонажа была некая хищная грация, и она мне не нравилась.

— Цель игры — не простое убийство лидера врагов. Игрок должен понять, который в каждом враге это он уничтожает

самостоятельно, непосредственно, отца, брата, сына, друга. Таким образом, «Лабиринт» не пропагандирует насилие и ксенофобию, напротив, относительно противоположного...

Сложно все-таки слушать иностранца через программу-переводчик.

deep

Ввод.

— И мы доказали комиссии Конгресса, что не являемся проповедниками насилия и жестокости... — Голос Крейзи становится слишком уж нервным. Император упорно идет в нашу сторону, идет своим прогулочным шагом, не обращая на новых визитеров никакого внимания.

К счастью, они его замечают...

Трое из команды слаженно становятся на колени, наводя на Императора стволы ракетометов. Над их головами вскидывается остальное оружие... кое-что мне знакомо, но некоторые причудливые пушки я не придумал бы и в пьяном бреду.

Я не слышу далекого чмок-чмок-чмок заряжающихся ракетометов. Я отсчитываю его про себя.

Третья ракета пошла, четвертая, пятая...

Что сейчас будет...

Это и впрямь хорошо сработавшаяся команда. Они все стреляют одновременно.

Фонтан огня.

Восемнадцать ракет одновременно... да плюс еще все остальное... кольца синего света, снопы голубых игл, сгустки пламени, крутящиеся лезвия, комки ядовито-зеленого геля...

— Пора! — кричит Крейзи, когда Император выныривает из огненного шторма, целый и невредимый, ничуть не пострадавший, даже белокурые локоны не растрепались. Он разворачивается к чужой команде и идет легко, быстро, словно бы пританцовывая на ходу.

Все уже обговорено и просчитано.

Первым вскакивает Чингиз. Он полуживой, потому и вызвался на разведку боем.

Но Император не обращает на него внимания.

Возможно, чужая команда и заметила нас. Но они сейчас слишком сосредоточены на Императоре. Они шли к нему долгие недели, преодолевая самую сложную игру в истории человечества. Они сражались с программами, которые не умеют

думать, но зато и не промахиваются. Они дрались против людей, которые сочли их конкурентами, они прорывались сквозь ряды монстров, которыми управляли такие же люди.

Теперь цель игры — перед ними.

И Крейзи может сколько угодно доказывать, что «Лабиринт» воспитывает человеколюбие и терпимость. Они с ним даже согласятся, пожалуй.

После игры.

Залпы.

Трое игроков бросаются вперед, к Императору. То ли пытаются завязать ближний бой, то ли жертвуют собой, отвлекают...

Взмах руки — будто жест с трибуны. И гирлянда белых огней срывается с ладони Императора, окутывая троицу. Вопль почти не слышен за грохотом взрывов. Идиллический парк пылает, огромные бабочки, складывая крылья, падают на траву. Одна валится прямо перед моим носом и несколькими движениями зарывается в землю.

Неужели запрограммировали?

Или, чем черт не шутит, сами эволюционировали?

— Идем!

Вскакиваю, и мы бросаемся ко дворцу. Впереди — Чингиз. Мы бежим следом вчетвером — я, Крейзи, Пат и Нике.

Остальные занимают позицию для обороны.

Нам не справиться с Императором. Или его убьет чужая команда, или он разметет нас. Но мы пришли сюда не для того, чтобы сражаться с несуществующим врагом. Наш враг реален, и цель реальна. И группа прикрытия знает, что пришла умирать.

— Вход в тронном зале, — повторяет на бегу Крейзи. — Надо уничтожить трон... это не входит в условия игры, и никто этого не делал... не менее пяти ракет...

Чингиз уже ныряет в двери дворца, выскакивает обратно, машет нам — путь свободен.

А Император заканчивает разбираться с чужой командой.

Я слышу особенно пронзительный крик, оборачиваюсь на бегу. Император убивает игроков голыми руками. Просто хватает, встряхивает — и бросает на землю беспомощные куклы с переломанными костями. Он только что расправился с девчонкой.

Как хорошо, что Неудачник, которого я вытаскивал из прежнего «Лабиринта» два года назад, так и не дошел до конца игры... Кто бы он ни был... не нужно ему видеть наши игры.

Вообще-то мы хорошие. У нас просто игры дурацкие.

В эту секунду начинает стрелять Падла.

Что его перемкнуло — не знаю. По договорснности они должны были ждать, пока Император не расправится со всеми чужаками. Но Падла вдруг вскакивает и открывает огонь... из дохлого пистолетика, которым и обычного-то монстра сразу не свалишь...

Император оборачивается, словно бы даже недоуменно. Вспышка света — будто его глаза превратились в ослепительные прожекторы.

Вот он как еще умеет...

Жаль, что Падла этого даже не оценит.

Хакер мгновенно чернеет, секунду продолжает стоять — и под порывом ветра разлетается облачком пепла.

Быстро, зрелищно и нелепо.

Почему-то я был уверен — уж Падла продержится дольше нас всех!

Мы уже у дверей. Пат пытается оглянуться — и я увесистым шлепком забрасываю его в двери. Нечего ему смотреть на происходящее.

Вся наша команда уже палит. И остатки чужой — тоже. Мне показалось, или движения Императора несколько замедлились?

Нике и Крейзи вслед за Патом исчезают в дверях. Киваю Чингизу:

— Бежим...

— Я остаюсь.

— Ты что!

— Это игра! — кричит Чингиз. — Очнись, дайвер! Ищи вход в Храм! Это все игра! Все понарошку! Иди, я дам вам лишние десять секунд!

Хлопаю его по плечу и заскакиваю в двери.

Он прав. А я, дурак, заигрался.

Длинный коридор аскетически холоден. Барельефы на стенах — какие-то причудливые гербы. Товарищи нетерпеливо поджидают меня.

— Ты знаешь, где тронный зал? — спрашиваю я Крейзи. Тот лишь молча кивает, и мы устремляемся вперед.

— Ребята Императору всыпят! — без особой уверенности заявляет Пат. Ракетомет он держит в руках, будто ожидая встретить впереди засаду. Зря. Крейзи говорил, что во дворце никого больше не будет... — Мне Падла говорил, у всех монстров есть уязвимая точка, он ее найдет...

Круглая комната в конце коридора. Дик шарит по стене, нажимает неприметную кнопку, и только после этого я понимаю, что комната — лифт.

Медленно и торжественно поднимаемся вверх.

— Может, не стоило так сразу в него палить? — спрашиваю я, пытаясь отдышаться. — А, Дик? Поговорить о мире и о любви, перевоспитать...

Крейзи вяло улыбается. Он что-то слишком бледен. И время от времени касается левой стороны груди.

— Не поговоришь с ним... он не умеет. В Императора эта возможность не закладывалась, чисто боевая программа...

— Зря, упущение... А как насчет слабых точек?

— Тыльная сторона голеней, — абсолютно серьезно отвечает Крейзи. — Височные кости. Что-то еще... да бесполезно это. Даже у той команды было слишком слабое вооружение. А уж нам...

Лифт останавливается.

— Тронный зал, приехали, — облегченно произносит Крейзи. Мы выскакиваем в обширное ромбовидное помещение. Тоже все без затей, строго и монументально. Лишь трон в дальнем углу ромба впечатляет — внушительных размеров сооружение из сверкающего серебристого металла.

И два охранника у трона!

Они нас не ожидают. Наверное, еще никто не пытался прорваться внутрь дворца, ведь целью игры это не является. Первым стреляет Пат, и рептилия разлетается кровавыми клочьями. Улиткообразный монстр медлит несколько секунд, прежде чем откидывает голову и плюет в нас ядовитой зеленой слюной.

Плевок не долетает. Шипит и испаряется на мраморных плитах пола.

— Тоже мне, сэр Макс недоделанный, — презрительно говорит Пат, стреляя второй раз. Улитка ловко уворачивается, и тогда начинает стрелять Ника. Ее игольчатый пулемет превращает монстра в дергающееся решето.

— Мечта совкового интеллигента, — поглядывая на Пата, говорит Нике. — Харкнуть во врага, и чтобы помер... может, тут наши программисты руку приложили? Молодчина, Пат!

Лифт за нашей спиной дергается и уходит вниз.

— Чингиз? — робко спрашивает Пат.

— И не надейся. — Крейзи кивает на трон. — Пять ракет, живо!

Мы с Патом стреляем одновременно. Две. Четыре. Шесть. С запасом...

Металлическая конструкция будто взрывается изнутри. Разваливается, расходясь лепестками почерневшего металла. И в центре этого цветка — багрово-красное, дрожащее, пленительное сияние.

— Живо!

Крейзи и Нике бросаются к входу, а вот Пат тормозит, с надеждой глядя на лифт. Тот уже идет вверх.

Я хватаю мальчишку в охапку и волоку к разваленному трону.

— Там Чингиз и Падла! — упрямо вопит Пат.

— Они все давно мертвы! — без лишних сантиментов отвечаю я и швыряю Пата в сияние входа. Он исчезает, как исчезли перед ним Нике и Крейзи.

Прыгая следом, я оглядываюсь на лифт. И успеваю заметить белокурые волосы, под которыми наливаются обжигающим светом голубые глаза.

Поздно, дружок.

Темно. Серый туман. Подо мной ворочается Пат, я слегка придавил его в падении.

— Леонид?

Крейзи помогает мне встать, криво улыбается:

— Ну вот, считай, прорвались...

Вокруг — туманное ничто. Лишь плотный грунт под ногами, лишь мы четверо. И туман. Дежа вю в чистом виде.

— Что это? — спрашиваю я, поднимая Пата. Тот возмущенно сопит, отряхивается.

— Это — пауза, — отвечает Крейзи. — Сейчас Храму нужно время для сборки. Ничего, теперь все в порядке...

— А войти? Ты говорил о каком-то тесте для дайверов.

Крейзи кивает:

— Да. Ну, на самом-то деле все очень просто, Леонид. Пройдем. Вдвоем, но пройдем...

Я смотрю на Нике.

Пулемет она по-прежнему держит на изготовку.

И я тоже не спускаю палец с курка.

— Положи оружие, Нике, — говорю я.

У нее сильный взгляд. Очень сильный и собранный.

— Ты уверен, Стрелок?

— Конечно. Я не хочу, чтобы тебе пришла в голову мысль пройти в Храм одной.

— Леня, успокойся, — быстро говорит Крейзи. — Войти сможет лишь дайвер...

Нике слабо улыбается.

— Дик, очнись, — только и говорю я. — Вспомни, как она спускалась по канату. Она дайвер, Крейзи! Такой же дайвер, как я или ты!

Нике наклоняется, кладет оружие на землю. Поднимает руки:

— Ребята, я не собираюсь в вас стрелять. У нас одна цель...

Я вижу, как расширяются глаза Пата, как его начинает бить дрожь. И понимаю, о чем он подумал.

Да, неприятно, наверное. Уже считать ее другом, а может быть, слегка по-детски влюбиться...

И понять, что другом был враг.

Темный Дайвер.

— Вы все ошибаетесь... — тихо говорит Нике.

Крейзи сегодня тугодум. Но вот и он нацеливает свою винтовку на девушку.

— Ты дайвер, — говорю я.

— Да. Как и вы двое. И что? Это основание меня убить? Тогда убивайте.

Мы переглядываемся, и тут я слышу рядом знакомое «чмок»...

Успеваю вывернуть ствол ракетомета, и пущенная Патом ракета уходит в туман.

— Прекрати!

— Она мой комп пожгла! — со слезами кричит Пат. — Она, она...

Не комп ему сейчас жалко. Он самого себя готов сейчас расстрелять, свою симпатию к Нике, благодарность за помощь, привязанность... те минуты, когда он висел на ней, обмирая одновременно от высоты и от женского тела под руками...

— Пат, не спеши с действиями, никогда не спеши... — говорю я.

В этот миг все переворачивается.

Проблеск света — туман расходится.

И среди нас появляется Император.

Он медлит долго, очень долго, словно порожден не программой, в которую заложено было лишь убивать. Осматривается, совсем по-человечески поворачивая голову.

А Крейзи Тоссер с остановившимся взглядом отступает на шаг.

Этого не может быть, очевидно?

Нике уже наклоняется за оружием, она за спиной Императора, и тот ее не видит. Но на это нужно время.

Глубина-глубина, я не твой...

Я дернулся, нащарил на столе мышь. Движения, которые отслеживаются комбинезоном, — это удобнее. Но мышь все равно быстрее.

— Кто вы? — ровным голосом спросил Император, который не умел говорить.

И Крейзи Тоссер нажал на спуск.

Лезвия вылетели из винтовки серебристой лентой и мгновенно отсекли неуязвимому Императору левую руку.

Либо он прорвался к нам почти мертвым... либо был неуязвим лишь на своей территории.

Впрочем, его боевые способности сохранились.

Вспышка. Крейзи на глазах чернеет, потом винтовка, целая и невредимая, падает из рассыпавшихся пеплом рук.

Пат, я тебе говорил, что никогда нельзя спешить с действиями... так вот, я ошибся...

Перекрестье прицела — на висок... Император будто почувствовал — рывком сместился в сторону, схватил уцелевшей рукой Пата и заслонился мальчишкой. Из обрубка хлестала кровь, лицо Императора стремительно белело.

Самообучающаяся программа?

— Кто я? — спросил Император.

И я понял, что сейчас нервы не выдержат у меня.

Мы слишком заигрались с *глубиной*. Мы делаем интерфейсы, которые приноравливаются к хозяину. Мы создаем программных слуг, которые обучаются лучше живых людей.

Чем может стать программа, которая день за днем убивает и которую убивают? Программа, которая работает непрерывно, подтягивая на себя, по мере надобности, огромные ресурсы сети? Программа, которая обязана соответствовать любой новой тактике и стратегии противника, которая должна адекватно оценивать человеческие реакции, слышать и понимать разговоры, наносить удары не просто грамотные и точные, но еще и психологически устрашающие?

— Стреляй, Леня! — закричал Пат.

Была ли заложена в Императора возможность взятия заложников?

А возможность мирных переговоров?

— Стреляй!

Я смотрел на экран и видел, как наливаются светом глаза Императора. Нарисованный Пат в руке нарисованного Императора, нарисованная кровь струится из нарисованной раны. Сейчас они оба одинаково нереальны, одинаково мультяшны. Что кукла, которой управляет находящийся в дип-гипнозе мальчик, что кукла, которая создана программой.

Не веди переговоров с террористами...

Я нажал спуск.

Взрыв откинул меня в сторону. Костюм чуть сжался, изображая удар от падения.

deep

Ввод.

Радуга в сером тумане...

Встаю, сжимая ракетомет. Кажется, там уже нет зарядов... нет, один еще есть...

Останки Императора и Пата равномерно раскиданы вокруг. Меня начинает подташнивать.

— Леонид...

Я поворачиваюсь и смотрю на Нике.

Ей тоже досталось от взрыва. Она стоит на коленях, и оружие в ее руках смотрит на меня.

— Ты все правильно сделал, — говорит девушка. — Пат умница, он правильно сказал. Это все — неправда. Это игра. Это *глубина*. Они умерли не взаправду. Важно, чтобы кто-то прошел в Храм. Все это понимали.

— И кто же пройдет в Храм? — спрашиваю я. Мой палец тоже на спуске ракетомета. Кто из нас умрет быстрее, если мы

выстрелим одновременно? И сколько шансов у меня, если я выстрелю первым?

— Разве это важно?

— А что тогда важно?

— Получить письмо. Выяснить, что Дибенко прячет от мира.

— Это важно для меня, — говорю я. — Пройти в Храм.

Нике кивает:

— Да, Стрелок. Я понимаю. Но ты ведь уже пытался это сделать...

— Кто ты? — спрашиваю я. — Кто ты, Нике?

Она молчит, потом чуть улыбается и качает головой:

— Пока ты не поймешь сам...

— Я пройду! — говорю я. И нажимаю спуск.

У Нике есть полсекунды, пока последняя ракета уходит в ствол, и еще полсекунды, пока она преодолевает разделяющие нас пять метров. Вполне достаточно, чтобы превратить меня в решето!

Вот только она не стреляет!

— Нет! — кричу я, когда огненный фонтан вспыхивает в тумане.

Но даже в *глубине* не все можно отыграть назад.

Я стою один в туманном море, рядом с горсткой пепла — останками Крейзи Тоссера, рядом с кровавыми клочьями — телами людей и программы-императора.

Один.

Почему-то всегда в конце оказываешься один.

Я кидаю ракетомет на землю. Теперь он мне точно не нужен.

Я знаю, что должен сделать, но не знаю как.

Может быть, знал Крейзи. Но его нет рядом.

Я делаю шаг — и поле боя будто утягивает из-под ног, я вновь наедине с туманом и темнотой.

Наедине со своим самым страшным сном.

Шаг, другой. Вначале всегда приходится делать шаги наугад. И когда видишь свет вдали — можно сколько угодно ободрять себя, что выбрал правильное направление. Но я-то знаю — я не мог его не увидеть.

Куда бы ни пошел.

101

Глубина — это несколько больше, чем кажется на первый взгляд.

Да, основа проста и понятна. Трехмерные миры, соединенные в виртуальный город Диптаун. Возможность перемещаться, говорить, действовать — используя или дорогие виртуальные комбинезоны и шлемы, или обычную клавиатуру и мышь. Дип-программа все равно сведет отличия к минимуму, заставит поверить, что ты не давишь на курсорные клавиши, а идешь по реальному миру. Она главная волшебница виртуального мира, дип-программа.

Но есть что-то еще. Что-то большее, позволяющее видеть ошибки в чужих программах, как незапертые двери и покосившиеся заборы. Что-то, дающее дайверам возможность выходить из *глубины* в любой момент, — когда для остальных это недоступно.

Два года назад мне показалось, что я достиг новых границ.

Я вошел в *глубину*, вообще не пользуясь компьютером. Я научился проходить сквозь любые стены. Я смог делать в *глубине* все — все, что только мог пожелать.

Жалко, что сны кончаются.

Это был дип-психоз. Всего-навсего. Я придумал свои особые возможности, вообразил себя суперменом виртуального мира. Как говорит Вика — «гиперкомпенсация».

Что ж, я привык жить и с дип-психозом.

Тем более что время дайверов кончилось...

Конечно, что-то все-таки было. Неудачник не приснился мне. И пока он оставался в *глубине,* я и впрямь был способен на маленькие чудеса. Вот только я светил его отраженным светом... кто бы он ни был, пришелец с далеких звезд, порождение сетевого разума, путешественник во времени — все было в нем. Вся сила, все чудеса, все подвиги и приключения.

Он ушел, и я остался самим собой. Бывшим дайвером. Подлинным неудачником.

Но почему же тогда я стою перед мостом, который месяцами видел во снах?

Перед мостом, ведущим в Храм Дайвера-в-Глубине?

Нитяным мостом, по которому мне не дано пройти...

Есть он или нет — этот мост?

Что со мной — новый приступ, галлюцинации, невозможное совпадение?

Или все-таки вернулось что-то из прошлого?

Не знаю.

Левая стена — синий лед. Правая стена — алый огонь. Я так долго пытался пройти между ними, я испробовал все, что мог придумать! А там, в конце каньона из огня и льда, — искорка живого теплого света. Там Храм. Кусочек ушедшего прошлого. Ответ на будущие вопросы.

Я должен пройти. Обязан. Второй попытки не будет.

Касаюсь нити подошвой. Она натянута как струна, тонкая линия между правдой и ложью, мост между добром и злом, проводник из прошлого в будущее...

Ответ где-то рядом. «Все очень просто», — сказал Крейзи. Любой дайвер должен догадаться, в чем загвоздка. Это не коварная ловушка, не капкан для врага. Просто тест, сортирующий своих и чужих.

Я свой... я свой и, значит, я должен понять...

Левая стена убивает медленно и постепенно. Стоит лишь схватиться — в поисках опоры, в надежде предотвратить падение. Холод сковывает руки, холод доползает до сердца, холод замораживает твою кровь.

Не хочу льда!

Правая стена добрее. Вспышка, и даже не успеваешь почувствовать боль. Огненная купель. Щедрое пламя. Свобода быть пеплом.

Не хочу огня!

Все очень просто, все обязано быть простым. Мне не поможет выход из *глубины*, то, что приходит в голову дайвера в первую очередь. Я пробовал. Мост исчезает, остается лишь огонь и лед.

Что же вы придумали, ребята?

Что я должен понять, стоя перед мостом, выстроенным поперек бездонной пропасти?

Нет. Начнем от противного...

Что я не могу понять?

Что я утратил, получив свой дип-психоз?

Возможность видеть дыры в чужих программах? Да нет, это утратили все, и строители Храма в том числе...

Контакт с реальностью?

Нет. Я могу выйти из *глубины* — в любой момент. Я просто разлюбил это делать.

Я перестал верить в нереальность *глубины*. Я готов считать ее подлинной жизнью. Она заменила мне все, или почти все.

А *глубина* все-таки лишь отражение мира.

В сверкающие небоскребы и роскошные дворцы вложено слишком мало труда. В сказочных садах и парках стоит слишком хорошая погода. На нарисованных лицах редко встретишь живые глаза.

Глубина — игрушка в наших руках.

И добрая, и злая, и просто равнодушная.

Этот серый туман, этот огонь и лед, эта нить через пропасть — выдумка. Рисунок на экране. И бездонная пропасть под ногами — фикция. Придуманные страхи.

Я делаю шаг — маленький шаг вперед, встаю одной ногой на струну, а другой еще остаюсь на надежной и твердой земле.

Я должен дойти.

Это не в человеческих силах, километровый путь по тонкой, вздрагивающей нити. И способности дайвера ничего не дадут — мост растает под ногами.

Не надо ждать, пока исчезнет мост.

Не надо тянуть, пока кончатся силы.

— *Глубина*... — говорю я, делая шаг. — *Глубина*, ты моя.

Ты ничто без нас, *глубина*...

И я шагаю мимо нити. В пропасть. В ничто.

Левая стена — синий лед, правая стена — алый огонь...

Ветер бьет мне в лицо, одновременно обжигающий и холодный.

Так хочется коснуться — чего угодно, огня или льда! Прервать падение, закончить этот бесконечный полет!

И это станет поражением, как в прошлый, как в позапрошлый раз...

Я теряю чувство направления.

Остаются лишь две плоскости, огненная и ледяная, между которыми я падаю...

Или лечу.

Это как посмотреть.

Крошечный теплый огонек — далеко-далеко. К нему вел мост, по которому невозможно пройти.

Но мне не нужны мосты.

Я не падаю. Я так летаю.

Каждый летает, как умеет.

Надо отрешиться от всего. От «Лабиринта Смерти», который мы прошли. Даже от Императора, от тупой программы, вдруг спросившей «Кто я?»

Все это теперь не важно.

Все это вторично, все это обречено, если умрет сама *глубина.*

Ничего не было.

И я не падал с обрыва.

Я лечу. Лечу как умею, между двумя плоскостями, прикосновение к любой из которых одинаково смертельно.

У меня есть ориентир.

Теплая искорка света в вечной тьме...

Там — всё. Там каждый из нас, бывших дайверов. И быть может, даже ключ к нашей общей беде — там...

Так трудно заставить себя поверить в полет. Забыть все. Сказать, что не было моста, и не было шага навстречу бездне... Развернуть пространство, раскинуть руки.

И отдаться полету.

Огонь — подо мной. Клокочущее, вечно голодное огненное море. Лед — сверху. Потолок, который не пробить, цепкий ледяной потолок.

Мне хочется, чтобы было именно так.

А свет — впереди.

Не снизу, не сверху, именно — впереди.

Отрешиться от всего. Повернуть мир так, как хочется. Заставить его быть послушным. Где земля, где небо, на чем удобнее стоять — каждый решает сам. Испокон веков. Еще не было *глубины,* еще не было первых компьютеров, были только пещеры и робкие лепестки украденного огня.

И право вертеть мир вокруг себя.

Наверное, те, кто не разучился, и стали дайверами. И этого у нас не отнять никогда. Никакому дип-психозу, никаким потерям. Даже когда уходит то, что давало нам силу. Хватит одной слепой веры, хватит памяти, что была эта странная сила — крутить мир вокруг себя...

И свет будет становиться все ближе...

Все действительно просто, Крейзи Тоссер прав.

Надо сделать шаг в пропасть, которая для тебя — настоящая. Сделать шаг, не убегая от *глубины*, не прячась за холодным стеклом монитора. Да, мы можем уйти из виртуальности в любой момент. Это наш дар.

Потому только так и можно пройти в Храм Дайвера-в-Глубине. Отказавшись от себя самого. Ощущая не телом, не взглядом, не слухом, а рвущейся в ужасе душой, этот бесконечный полет.

И не касаясь стен...

И наградой станет далекий теплый свет, которого не достичь никак иначе...

Я что-то кричу. Не знаю что, не слышу своих собственных слов. И пускай — я сам не хочу их слышать.

Как жаль, что пропасть была такая короткая!

Почему-то я знаю, что теперь уже можно все. Можно сказать *«глубина-глубина, я не твой!»* Можно посмотреть на экран — и понять, как был реализован этот проход. Но я не хочу.

Теперь уже — не хочу.

Стены внизу, такие жалкие и смешные стены огня и льда. Туман. И край пропасти, мягко бьющий в ноги.

И Храм Дайвера-в-Глубине, в который я шел так долго... задолго до того, как узнал, что он построен.

Я смотрю на него и начинаю смеяться. Тихо-тихо.

Он возникает на моих глазах. Сгущается туман, плотнеет, превращаясь из белого молока в белый камень. Все прочнее и надежнее, все реальнее, все узнаваемее.

Как это могло случиться?

Ну не было его три года назад в природе! Дайверы только-только начали искать друг друга и встречаться в маленьком неприметном ресторанчике. Витала в воздухе идея клуба, но всем было лень ею заниматься.

Не мог три года назад хакер Берд увидеть Храм! И уж тем более не привлекли бы для проверки защиты стороннего человека, нашли бы своего специалиста. Разыгрывали меня в баре хакеры, фантазировали, развлекались, сочиняли на ходу красивые сказки!

Вот только она вырастает передо мной — белая башня, высотой в десятиэтажный дом... увенчанная хрустальным рифленым шаром.

Где правда, где ложь... и по каким законам наши фантазии и розыгрыши перерастают в правду, порой забавную, порой жутковатую...

Иду к башне.

Сейчас оживают тысячи серверов по всей планете. На каждом из них был крошечный фрагмент Храма... и все это пряталось, дублировалось, перекрывалось, копировалось, жило своей тайной незримой жизнью, ожидая лишь сигнала.

Храм дождался.

Начинает рассеиваться туман. Какое-то время все еще смутно и неясно. Но вот вокруг начинают проступать деревья. Понятно. Храм выбрал для себя место на самой окраине Диптауна, в лесном кольце, которое отделяет основной город от нескольких полуизолированных анклавов. Где-то здесь мы с Ромкой уходили от преследования, хакнув «Аль-Кабар»...

Я найду того, кто послал тебя на смерть, Ромка. Уже скоро. Потерпи... тебе ведь теперь проще терпеть...

Когда я подхожу к башне, она окончательно обретает реальность. Стены — из белого мрамора, узкие окна-бойницы, закрытые поверх стекла решетками. И одна-единственная дверь, массивная, могучая, из полированного светлого дерева. Бронзовое кольцо вместо ручки.

А дальше?

Как попасть внутрь?

Касаюсь кольца — и дверь мягко открывается. Что ж... раз я прошел через мост, значит, вправе войти...

Я изменился и сам. Даже не заметив, в какой момент. Вместо военной формы — на мне одежда Стрелка.

Вот и прекрасно. Ненавижу форму.

Еще раз оглядываюсь и вижу, сквозь последние клочья тающего тумана, тусклый алый свет и холодный синий блеск. Прощай, мой долгий и страшный сон. Прощай.

Я вхожу — и в этот миг в кармане Стрелка оживает пейджер. Пронзительные, заливистые трели, осторожный стук... как на кого было настроено. В пространстве «Лабиринта» он не работал, они перекрывают почти все пути. Значит, я и впрямь уже в обычном мире Диптауна.

Так... Чингиз, Падла, Пат, Маньяк, Маг...

Только Крейзи Тоссеру хватает терпения не искать меня первому.

Подношу пейджер к губам, включаю передачу на Маньяка.

— Шурка, я дошел. Все нормально. Передай всем, все уже хорошо, и... и дайте мне немного побыть одному.

Все, хватит. Включаю на пейджере режим «Не беспокоить!», прячу его в карман. И осматриваюсь.

Небольшой круглый зал, метров шести-семи в диаметре. Он занимает весь цоколь башни.

Стены изнутри такие же, из белого полированного камня. Кое-где на чистеньком паркетном полу разбросаны маленькие подушки... на полу, что ли, полагается сидеть... В центре зала — деревянная винтовая лестница, уходящая в круглое отверстие в потолке.

Все очень просто и строго. Камень и дерево. Да что ж они так возились с Храмом? Я сделал бы такой дизайн за сутки.

Подхожу к лестнице. Касаюсь перил, прохладного гладкого дерева. Поднимаюсь на ступеньку, оглядываюсь, будто хочу увидеть хоть что-нибудь необычное...

Ничего.

Что ж. Пойдем вверх.

Поднимаюсь на второй этаж башни.

Стены каменные. Одна дверь.

И фрески — фрески, спиралью тянущиеся вдоль лестницы...

Вот этого я бы не смог сделать за сутки. Вообще бы не сумел.

Первая фреска — серый, клубящийся туман. Лишь кое-где в нем проглядывают здания — маленькие, невзрачные, однообразные. И руки — руки, тянущиеся вверх из тумана, и лица — полуразмытые контуры лиц...

Шаг вверх. Следующая фреска.

Туман почти рассеялся. Здания растут, город ширится. Неуклюжие фигуры на улицах, машины...

Шаг.

Теперь в городе можно узнать Диптаун. Немыслимые небоскребы, пышные дворцы, террасы и каналы, сады и площади, пестрая толпа, всполохи реклам, расчертившие небо...

Шаг. Я перед дверью. Медлю секунду, но все-таки открываю ее.

И замираю на пороге.

Это очень похоже на парк Императора из последнего этапа «Лабиринта». Только нет давящего ощущения угрозы. Я почти

уверен, что этот парк бесконечен, можно выйти в него — и блуждать годами. Тропинки будут стлаться под ногами, солнце светить с безоблачного неба, плескать рыба в озерах, петь на деревьях птицы. Иногда будет идти дождь, иногда — налетать ветер... Нагибаюсь, срываю травинку... и чувствую легкий стыд.

Будто намалевал на скале масляными красками «Леня был тута...»

Тут хорошо. Тут очень хорошо.

Я бы добавил «как в детстве». Но в детстве тоже бывает повсякому.

Закрываю дверь, ловя на лице непрошеную улыбку. Я сюда еще вернусь, мне бы только выбрать день...

Шаг — и следующая фреска.

Водоворот. И выныривающий человек, выгребающий одной рукой, а другой волочащий за собой чье-то безвольное тело.

Легендарный первый дайвер... настолько легендарный, что мы так и не узнали его имени. Есть очень серьезные основания полагать, что им был Тейлор, ходячая насмешка над английской пунктуальностью, человек, который не вел логов...

Наверное, потому он изображен со спины.

Шаг — и фреска.

А, это знаменитый взлом «Майкрософта»! Если Антонио, которого все звали просто Проныра, не врет, он действительно увидел дыру в защите в виде расшатанного штакетника, которым прикрыли неприступную каменную стену... Ничего он там и не взял, если честно. Кроме автографа у Билла Гейтса.

Шаг. Фреска.

Да, Богомил, загадочный болгарин, про которого подлинно ничего и никому не было известно, и впрямь поставил свое дело на серьезную основу. Может быть, этот хак стал его последним хаком по очень печальным причинам. А может быть, он просто лег на дно, наплевав и на *глубину,* и на свои способности дайвера? Того, что он унес из банка, должно было хватить и ему, и детям его, и даже внукам.

Но чувство юмора у него было своеобразное... ну зачем иначе, скажите на милость, грабить швейцарский банк в костюме Вильгельма Телля?

Фреска.

Это кто-то из наших, из русских. Надо же, забыл имя... А саму историю со спасением заигравшегося в какую-то игру

мальчишки — помню. Его родители уехали на неделю, не отключив перед этим сеть. Паренька вытащили через трое суток, полуживого...

Фреска...

Фреска...

Фреска...

Все мы здесь. Каждый по разу. Без разбора сил и известности, без деления поступков на плохие и хорошие. Ни убавить, ни прибавить, всякое случалось.

У каждого было что-то, ставшее его визитной карточкой.

Фрески и ступени.

Ступени и двери.

Я поднимаюсь этаж за этажом, рассматривая каждую картину, заглядывая в каждую дверь...

Конечно, зачем было делать Храм большим, когда существуют пространства в пространствах?

Бесконечный сад и огромные, гулкие лабиринты коридоров и залов...

Светлый, пронизанный солнцем, ресторан на вершине горы. Стены из хрусталя и серебра. Надпись «Олимп» на столовых приборах вполне уместна...

Речная излучина, в вечернем тумане... дремлющая у берега маленькая яхта...

Облачная пена, густая и упругая. Хочешь походить по небу?

Я вдруг понимаю, что завидую строителям Храма. Завидую безмерно, слепо, с острой ненавистью к себе, идиоту, строившему маленький реальный мирок... так и не сумевшему его толком построить... и не вложившему ни капли труда в этот затерянный в *глубине* Храм...

Бегство никогда не бывает окончательным выходом. Куда бы ты ни бежал — ты всегда бежишь от себя.

Фрески. Двери. Лица. Поступки.

Все здесь есть. Ничего не забыто. Можно спорить, чем больше прославился Рыжий Пес, взломом невскрываемой программы — эмулятора запахов для *глубины*, или своей работой в Интерполе. Но я рад, что на фреске он — в форме.

А вот и Крейзи Тоссер!

Черт возьми... здесь не его работа в «Лабиринте Смерти»! Здесь установка печально знаменитого почтового фильтра, который полгода контролировал большую часть переписки в *глуби-*

не! Не ради какой-то определенной цели, не для поиска компромата или отлова чужих паролей, ради доказательства — конфиденциальности нет нигде.

Вот только я и не подозревал, что фильтр ставил Крейзи!

Я иду. Все выше и выше. Фрески, лица, дела и делишки.

А ведь где-то здесь буду и я!

Мне становится не по себе.

Что я увижу? Кто, по какому принципу отбирал эти мгновения — для того чтобы занести на недоступные никому скрижали? Что будет взято из моей жизни, что ляжет яркими красками на сырую штукатурку, что останется в Храме — навсегда?

Я делаю еще несколько шагов — и смотрю на ответ.

Желтый песок. Серая каменная туша демона, сжимающего в руках нить моста. Башни «Аль-Кабара» вдали. Волк, сидящий на бархане почти в человеческой позе. И человек, в смешном облачении русского витязя, сбегающий вниз по склону, к протягивающему лапу демону...

Что ж. Стыдиться нечего. Я ведь даже не украл файлы «Аль-Кабара»! Мне их подарили.

С какой-то растерянной улыбкой иду вверх. Башня уже кончается, я почти вышел к хрустальному шару.

Фреска. Фреска. Фреска...

Стоп.

Пора лечиться от самомнения.

Смотрю на последнюю фреску в ряду, на конец спирали. Достойный конец...

Вот он — я.

А та фреска... она касалась Ромки. Это был его миг торжества — когда он ассистировал мне при взломе.

Мне досталась другая карта.

Стрелок с поднятой в ударе рукой. Синяя, огненная плеть «Варлока-9000». Тающий в фиолетовой воронке человеческий силуэт.

Мой первый прорыв из «Лабиринта Смерти», когда я увел оттуда Неудачника...

Что же... это и было главным в моей жизни?

Нет... я не спорю. Я всегда считал, что этим стоило гордиться. Да, я так и не узнал, кто он такой. И никто в мире этого не узнал. Он ушел в свои звездные дали, глубины электронных сетей, в прекрасное далеко, которое когда-нибудь настанет... Просто ушел — из нашего неловкого и нелепого мира.

Но почему именно этот миг?

Почему именно удар, удар по своим? Безжалостный, пусть и виртуальный, удар по дайверам «Лабиринта»? Почему не тот миг, когда я тащил Неудачника сквозь ряды монстров, когда прикрывал собой, когда вытаскивал с эльфийского сервера, когда разгонял полицейскую облаву?

Кто выбрал именно этот миг?

За что?

Наверное, все-таки за дело. Напоминанием и мне, и другим. Лепи добро из зла в свое удовольствие, но не смей забывать, что положено в основу.

С горящим лицом отворачиваюсь от фрески.

И поднимаюсь на последний этаж башни. В хрустальный шар.

В ослепительный свет.

Шар не гладкий, он собран из тысяч крошечных многоугольников. Солнечный свет пылает в каждом, отражается, словно бы становится ярче. Я стою среди тысяч крошечных солнц.

Подхожу к наклонной стене, ложусь на нее, распластавшись, раскинув руки, обнимая огонь.

Солнце в глазах.

Мир подо мной.

Трудно смотреть сквозь свет.

Дворцы и небоскребы Диптауна. Мосты, эстакады, площади, улицы, парки, сады, бассейны, аллеи. Там светит солнце и идет дождь. Там рассветает, и там наступает закат.

Да, мы лишь отражение реального мира. Гротескное, усиленное, более плотное. А так — никакой разницы...

Я достаю пейджер, где по-прежнему тлеют ожиданием огоньки напротив имен ребят. Дик все еще на связь не вышел... ладно, позже.

Посылаю письмо Илье:

— Парень, я нашел. Адрес в письме.

Щелкаю по кнопке «добавить адрес». Теперь, когда Храм материализовался в пространстве Диптауна, у него наконец-то есть реальный адрес. Он автоматом будет добавлен к письму.

Пожалуй, все. Теперь остается лишь ждать.

Я получу письмо, отправленное мертвым другом. Я узнаю, какие тайны Диптауна способны убивать. Может быть, я стану шантажировать Дибенко. Может быть, просто подниму шум.

В любом случае я отомщу.

Уже кладу пейджер в карман, когда он начинает слабо вибрировать. Я в режиме «не беспокоить», но программа все-таки робко сообщает о полученном письме.

Крейзи?

Кидаю взгляд на панель. Странно. Абонента нет в списке.

Проще всего оставить это письмо на потом. Никуда уже оно не денется. Но...

Любопытство — не порок...

Запрашиваю информацию по отправителю.

Ее немного.

«Дмитрий Д.»

Меня пробирает мелкой дрожью.

Я нажимаю кнопку ответа.

— Леонид, нам надо поговорить.

Значок письма исчезает, вместо него мигает символ телефонной трубки. Вызов на прямой разговор.

Принять...

Пейджер медлит несколько секунд, прежде чем маленький экран раздвигается, увеличивается, и на нем появляется лицо.

Серый туманный контур над глухим воротником черного плаща.

— Здравствуй, дайвер, — говорит человек, у которого нет лица.

— Здравствуй, Дибенко, — отвечаю я.

Мы молчим несколько секунд. Смотрим друг на друга... хотя что тут смотреть. Не слишком-то все изменилось.

— Нам надо поговорить, — произносит Дмитрий Дибенко, создатель дип-программы, отец *глубины*. — Это неприятный, но необходимый разговор.

— Понимаю, — соглашаюсь я. — Но есть ли нам еще о чем разговаривать?

— Думаю, есть, — судя по голосу, Дибенко абсолютно спокоен. — Я снова недооценил тебя. Кстати, поздравляю...

— С чем?

— Ну как с чем? Ты все-таки дошел до Храма.

Ладно. Намек понятен.

— Давай поговорим.

— Не так, — даже несуществующее лицо словно бы улыбается. — Не через пейджер... это одна большая дыра. Лучше встретимся.

— Где?

— Ну у тебя, в Храме Дайвера-в-Глубине... если ты не возражаешь. Я уже еду, буду минуты через три.

Вот так.

И впрямь — одна большая дыра...

— Хорошо, — надеюсь, что мое лицо ничего не выражает, что я, сам того не замечая, не отдал программе команду «растерянность». — Я впущу тебя.

Прерываю связь.

Как быстро все закрутилось!

Включаю было вызов на ребят. Позвать всю команду... стоп!

Да что же я делаю?

Я — дайвер.

Единственный из нас, кто сумеет увернуться от оружия третьего поколения.

Разве что Крейзи можно позвать...

Тоже не стоит.

Все, что я скажу, может быть использовано против меня и против тех, кто рядом со мной.

Я подхожу к лестнице, начинаю спускаться...

Стоп!

А фресок-то нет!

Точнее, есть спираль из пустых прямоугольников. Но они не заполнены. Спираль вьется в обратную сторону первой, подобно нити ДНК.

Правильно. Я поднялся сквозь прошлое дайверов. Сейчас я спускаюсь — в будущее. Эти фрески еще предстоит нарисовать... если будущее наступит.

Иду вниз, мимо грядущих побед и поражений, мимо геройства и подлости, мимо закрытых дверей. Будущее уже стоит у дверей, надо лишь открыть.

И я открываю — как раз в тот миг, когда Человек Без Лица выходит из машины. Он не один, конечно. Рядом с ним два охранника, и я вздрагиваю от невольной мысли, что кто-то из них, возможно, стрелял в Ромку.

110

Секундное замешательство. Общее, слава богу. Дмитрий Дибенко со своими мордоворотами у роскошного «роллс-ройса», стоящего посреди леса, охрана с руками на пистолетах, любопытная морда водителя сквозь стекло... И я на пороге Храма Дайвера-в-Глубине.

Дибенко идет ко мне, делает повелительный жест двинувшимся было следом телохранителям.

Те мнутся, им явно неприятно оставаться в стороне от объекта охраны. Но терпят.

— Впустишь, Леонид? — спрашивает Дибенко, останавливаясь передо мной.

— Впущу. Тебя одного. — Я не знаю, как работают механизмы защиты Храма, но уточнить не помешает. Делаю шаг в сторону. Дибенко пытается пройти — и застывает, упершись в незримый барьер.

— Дай руку, черт! — шипит он.

Охрана таращится на всесильного босса, завязшего в незримой паутине.

— Не хочешь терять лицо? — усмехаюсь я и протягиваю руку. Мы обмениваемся рукопожатием, и Дибенко входит внутрь. Риторически спрашивает:

— Как можно потерять то, чего нет?

Я не отвечаю, закрываю дверь.

— Значит, вот он какой, Храм... — задумчиво говорит Дибенко, озираясь. — А что выше?

— Не важно.

Он кивает, со своей невидимой усмешкой, несчастный создатель виртуального мира.

— Как хочешь... мне не нужны ваши тайны.

— Тогда зачем ты пришел?

— За своими... — Дибенко разводит руками. — Исключительно за своими.

— Боюсь, они уже не твои, Дмитрий.

Дибенко медлит, а я все размышляю, не стоит ли немедленно выйти из *глубины*. Оружие третьего поколения вовсе не обязано выглядеть оружием. Как я смогу увернуться, если в меня выстрелит пуговица?

— Я пришел как друг, — неожиданно говорит Дибенко. — Я не собираюсь на тебя нападать. Поверь.

Позволяю себе вопросительно приподнять брови. Надо же... какие слова! «Как друг»...

— Ну если ты не веришь мне, то ведь можешь поверить своим товарищам, строившим этот Храм! — резко говорит Дибенко. — Что я, не понимаю, чем мне грозит нападение на тебя *здесь?*

— Чем? — как можно ироничнее спрашиваю я.

— Смертью. — Дибенко разводит руками. — Ну? У нас перемирие?

— Садись, — сдаюсь я. — Поговорим.

На полу, точнее, на мягких подушках, сидеть вполне удобно. Восток — дело тонкое... что-то они в жизни понимали.

Я ничего не говорю. Жду. Дибенко, похоже, собирается с мыслями.

— Итак, я не враг тебе... — произносит он наконец. — Поверь.

Молчу.

— Из принадлежащей мне фирмы были похищены некоторые перспективные разработки, — продолжает он. — Я бы очень хотел их вернуть.

— Хочешь сказать, что у тебя не осталось копии? — начинаю «играть дурочку».

— Осталось, — не спорит Дибенко. — Хак был чистый, вежливый, только копирование информации... Леонид, все дело в том, что время для украденных разработок еще не пришло...

Впору торжествовать победу. Дибенко сознался! Он паникует.

— Абсолютно согласен.

— Значит, ты готов вернуть файлы? Или уничтожить их при мне и безвозвратно?

— Нет.

Дибенко вздыхает.

— Леонид, ну ведь ты видел документы, ты понял, о чем идет речь...

А вот это хорошо. Он считает, что файлы уже доставлены в Храм, более того, что я с ними ознакомился...

— Переход к новому миру должен быть плавный...

Ничего себе плавный! Я не выдерживаю:

— Скажи это родителям Ромки! Скажи, что смерть их сына была частью плавного перехода в будущее!

Похоже, я переоценил информацию, которой он владеет.

— Ромки? Тот молодой человек, который... которого...

— Которого.

Были бы наши мозги на шестеренках — сейчас стояло бы сплошное щелканье.

— Твой бывший напарник? Молодой дайвер? Это был он?

— Да.

— Я не знал.

— Зачем ты вооружил охрану оружием третьего поколения, Дмитрий?

Он молчит... он думает о чем-то своем.

— Я не вооружал, Леонид. Поверь. Это случайность...

— Что? Парень случайно умер?

— Взлом. — Дибенко переходит на какие-то короткие, рубленые фразы. — Тревога. Паника. Вся охрана на ногах. И три десятка молодых идиотов, программистов. Один из них схватил прототип. И бросился помогать охране. Он не знал, понимаешь?

— Не знал, что берет?

— Не знал, что в обойме — смертельные заряды.

Я не хочу ему верить. Потому что поверить — значит простить. Отказать себе в праве на месть. Отказать Ромке в праве на отмщение.

— Да, мы работали над виртуальным оружием третьего поколения, — говорит тем временем Дибенко. — По заказу полиции Диптауна. По собственным интересам. По целому ряду серьезных причин. Но никто не собирался охранять лаборатории подобным образом... это же просто нецелесообразно. Для отпугивания хакеров вполне хватает предыдущего поколения боевых программ, кто согласится потерять кучу дорогого железа?

— Не верю, — говорю я. — Ты мог захотеть натурных испытаний.

— Натурные испытания проводятся другим образом, — резко говорит Дибенко. — На хорошо оплаченных добровольцах, вокруг которых бригада врачей с дефибрилляторами, капельницами, наполненными шприцами и прочей хренотенью!

— Чем ты докажешь?

— А что тебя устроит? Чеки на выплаты? Подписанные мною распоряжения? Согласованные планы испытаний? Официальный заказ от полиции Диптауна? Отчеты лаборатории?

— Кто убил Ромку? — Я понимаю, что сдаюсь, понимаю, что теперь моя очередь терять лицо.

Но я верю ему. Случилось самое страшное — я верю.

— Парень двадцати двух лет от роду, — говорит Дибенко. — Молодой, талантливый, интуитивный программист. У него молодая беременная жена. У него старая мать в Ростове. Парень был уверен, что в прототипе — парализующие заряды. Он решил поиграть в героя. Тебе его сдать, Леонид?

Он кричит — кричит на меня, а я молчу в тряпочку, сидя посреди Храма Дайвера-в-Глубине, на своей территории.

— Что, я не понимаю, чего ты хочешь, дайвер Леонид? Мести ты хочешь! Справедливости! Покарать убийцу! Ну что, будешь карать лично? Наймешь бандитов? Передашь полиции? Этот мальчик даже не знает, что он убийца! Я сказал, что слух про смерть — ложный, распущен мной для отпугивания хакеров... Иначе... рук он на себя не наложит, но работник из него будет никакой. И так нервы ни к черту. Ну? Сдать? Имя, фамилия, адрес?

— Поклянись, что он не знал, — говорю я. Это нелепо. Требовать клятв в мире, где все — обман. Требовать клятв от человека, создавшего этот мир и получившего право делать в нем все что угодно. Но я прошу.

— Клянусь, — говорит Дибенко. — Понимаю... будешь потом анализировать голос... не вру я. Не вру, Леонид.

— Зачем ты это сделал? — спрашиваю я. — Дибенко, ну зачем ты пошел на это? Оружие третьего поколения... надо ли было нести его в виртуальный мир? Заказы полиции... да не обязан ты их выполнять.

— Заказы на шоковое и парализующее оружие!

— Ты что, не понимаешь, что от этого — полшага до оружия, которое убивает? Паралич может коснуться сердечной мышцы, болевой шок может быть невыносимым. Главное — преодолеть рубеж между техникой и психикой. Без тебя эту границу никто не смог бы перейти, это твой дар...

— Никто? — в голосе Дибенко ирония. — А что встроено в этот Храм?

Я молчу. Я не знаю, как защищен Храм.

— Поверь, у меня нет никакой личной ненависти к дайверам, — говорит Дибенко. — И я не считаю вас преступниками. Но... раз вы создали оружие третьего поколения... самое главное всегда — баланс сил.

— Кто тебе сказал? — спрашиваю я.

— Темный Дайвер.

Мне кажется, что сейчас он улыбается...

— Ты знаешь, кто он такой?

— Темный Дайвер? Если бы... если бы, Леонид. Как я понял, и тебе это неизвестно? Ты для того и пустил слух, что я вручил тебе оружие третьего поколения... чтобы выманить его... так?

Молчу.

— Не знаю, кто он такой, — говорит Дибенко. — Но с каких-то пор я боюсь появляться в *глубине*, Леонид. У меня есть Медаль Вседозволенности. У меня есть... теперь есть... оружие, которое убивает. Но у Темного Дайвера оно есть давным-давно. И я в любую секунду жду пули в лицо. Вспышки ослепительного света, боли, переставшего биться сердца.

— Я тоже не в восторге от его действий, — говорю я. — Он послал на взлом твоей фирмы моего друга. Подставил его. Ты говоришь, что охрана не имела оружия третьего поколения... все равно. Он был не вправе.

— Теперь у тебя остался только один объект для мщения, — неожиданно говорит Дибенко. — Так?

— Доволен?

— Конечно. Я же говорю — я пришел как союзник. Ты пустил слух, что я нанял тебя на работу... мне это показалось забавным...

Дибенко лезет в карман плаща. И достает пистолет.

Свет. Столб яркого света падает с потолка, заключает в себя Дибенко. Его силуэт становится совсем серым, лишенным красок. Движения — замедленные, плавные...

Очень неспешно Дибенко протягивает пистолет мне, держа за ствол. Кладет на пол между нами.

И свет исчезает.

Что бы ни готовилась сделать защитная программа, она отключилась, едва Дибенко выпустил оружие из рук.

— Бери.

Похоже, он и не заметил, что был на прицеле...

— Что это? — спрашиваю я.

— Прототип оружия третьего поколения. Тот самый, из которого убили твоего друга... если это важно.

Я смотрю на пистолет. С виду самый обычный «Smith & Wesson».

Но дело в том, что внутри...

— Чем он заряжен? — спрашиваю я.

— Первые пять патронов — парализующие программы для полиции Диптауна, — отвечает Дибенко. — Они вызывают временный паралич, продолжающийся пятнадцать—двадцать минут и проходящий без последствий. А следующие пять... честно говоря, это новая разработка, боюсь, она не пойдет в серию. Слишком велика вероятность смертельного исхода. Такой же временный паралич... но затрагивающий и сердечную мышцу.

— И ты готов дать мне это оружие?

— Подпишем небольшой договор? Ты обязуешься провести испытание нового программного обеспечения. К сожалению, пока нет никаких законов, регламентирующих подобные опасные продукты... Надеюсь на твое благоразумие, дайвер.

Беру пистолет в руки, глядя на Дибенко. Если меня возьмет в круг света, вряд ли он сохранит невозмутимость... хотя бы вздрогнет.

Но похоже, что мне в Храме разрешено все.

— Зачем мне это, Дмитрий? — спрашиваю я. — Брось... Я верю твоим словам. Мне жалко Диптаун, мне страшно от того, что с ним произойдет, когда *это* вырвется на волю... но я не остановлю будущего. И мне некому мстить. Я не стану гоняться за юным дурачком, решившим поиграть в полицейских и воров. И тебя расстреливать не стану... да хотя бы из-за того, что ты создал *глубину,* — не стану. Все кончилось фарсом, Дибенко. Началось трагедией, а кончилось фарсом. Я нашел этот Храм... получил это проклятое оружие... зачем? Все впустую. Хотя нет. Ты знаешь, у меня появились новые друзья. Это уже очень много. Вот только жалко, что за это заплатил Ромка.

Туманная маска взирает на меня, потом Дибенко произносит:

— Так ты уничтожишь украденный у меня файл?

— Нет. Здесь ему ничего не грозит, поверь.

— Я не понимаю, — с легким удивлением говорит Дибенко. — Нет, я действительно не понимаю.

— Чего?

— Ты собираешься не входить в *глубину?*

Так. Непонимание и впрямь есть. С обеих сторон.

— Почему же. Собираюсь.

— Тогда — уверен, что сможешь вовремя выйти, увернуться от пули?

— Чьей пули?

— Темного Дайвера.

Опять двадцать пять...

— Зачем ему меня убивать, Дмитрий?

— Затем, что у тебя то, что ему нужно! — кричит Дибенко. — И пока ты хранишь этот файл, ты — на прицеле. И все твои друзья на прицеле! Он будет выколачивать его из тебя с тем же упорством, с которым доставал у меня!

— Да зачем он ему нужен! — теперь моя очередь кричать. — Если Темный Дайвер и так владеет оружием третьего поколения, если он тебе угрожал им давным-давно...

Я понимаю, что сказал лишнее, когда Дибенко встает, отшвыривая ногой подушку.

— Так ты еще не смотрел, что у меня украли? — спрашивает он. — Так?

— Не смотрел, — притворяться поздно. — Там исходники оружия третьего поколения, я правильно понял?

Дибенко смеется так долго, что я успеваю мысленно надеть себе дурацкий колпак, пририсовать длинные упрямые уши и пришпилить на спину бумажку с надписью «осел».

— Леонид... ну... ты молодец, Леонид. Хорошо. Я не стану требовать отдать файл немедленно. Посмотри его сам. Потом — решай. Пистолет... пистолет носи с собой. И будь готов пустить в ход. Потому что жизнь твоя теперь — мелкая разменная монета. А друзьям скажи, чтобы не входили в *глубину.* Теперь ты — объект охоты Темного Дайвера. До тебя куда проще дотянуться, поверь.

— Не так уж просто, я тоже дайвер...

— Леонид, — Человек Без Лица склоняется надо мной, по-прежнему сидящим на полу, — поверь, прежние способности дайверов... даже если ты их сохранил... они ничто по сравнению с его способностями! Мне порой кажется, что, когда все вы утратили свои таланты, они собрались в ком-то одном. И превратили его в Темного Дайвера. Он может почти все. Половина разработок моих фирм — это средства защиты и обнару-

жения в виртуальном пространстве. Знаешь почему? Потому что Темный Дайвер атакует меня непрерывно. Я почти не рискую появляться в *глубине!* Я и сейчас окружен чудовищным количеством барьеров. Меня спасает одно: Темный Дайвер, как большинство из вас, неважный хакер. Это словно схватились магия и технология, Леонид. Он бьет моих программистов интуитивно, вашими способами. Пока мне удается держать равновесие... ценой чудовищных усилий. Но ему нужен файл, который теперь есть и у тебя. Берегись!

— А если я отдам этот файл? — спрашиваю я, пытаясь хоть как-то сбить этот напор.

— Посмотри его вначале. Потом решай. А лучше уничтожь и позволь мне вести борьбу дальше. Да, Леонид, ты прав, я готов убить Темного Дайвера. Если это сделаешь ты — твоя фантазия о контракте превратится в реальность. Я могу заплатить очень и очень много.

Он ждет с минуту, но я молчу. Пока файла не будет в моих руках, пока я не пойму, чего боится и что прячет Дибенко, что ищет и чего жаждет Темный Дайвер, я не вправе ничего говорить.

— Желаю тебе выжить, — произносит Дибенко. — Выпустишь?

— Иди, — отвечаю я. — Дверь откроется перед тобой.

Остается надеяться, что так и будет, что Дибенко не поймет, что я в Храме — неопытный и неумелый новичок...

Дверь открывается. Дибенко еще раз оглядывается у порога, смеется:

— Когда соберешься и прочтешь документы, — свяжись со мной. Поговорим.

И я остаюсь один.

С пистолетом, из которого можно убить по-настоящему. С тем, что я считал главной тайной Дибенко. С тем, что на самом-то деле является мелкой фишкой в настоящей, большой игре... о которой я понятия не имею!

Черт возьми... ну когда же появится в *глубине* этот мальчишка!

Достаю пейджер, мрачно смотрю на огоньки. И вдруг, словно ожив под моим взглядом, вспыхивает новый. Где-то в реальном мире Илья сел за компьютер, и перед ним вспыхнула обезумевшая радуга, превращающая мир в сказку...

Мне хватает терпения ждать, пока он стоит где-то — бог весть где, и проглядывает пришедшие письма.

Ответ.

«Еду».

Интересно, если Дибенко перехватывает мои пейджерные сообщения... поймет ли он, в чем дело, где на самом деле файл...

Впрочем, что он получит, если перехватит Илью? Ничего. Файл пока даже не у паренька. В офисе компании. Туда не вломишься даже с возможностями Дибенко.

Может быть, туда способен вломиться Темный Дайвер, со всеми его сверхспособностями. Но ему нужен расшифрованный текст, а не закриптованный файл.

Прикидываю, как долго Илья будет добираться до Храма. Это зависит в первую очередь от мощности его машины... если он мечтает о стодолларовой звуковой карте, то вряд ли она очень велика. Дряхлый «пентиум-два», а то и просто «пентиум». Сплошная нагрузка на мозги... в Штатах и Японии запрещено несовершеннолетним входить в *глубину* с машины слабее «пентиума-два» с частотой процессора четыреста и ста двадцатью восемью мегабайтами оперативной памяти... Но у нас-то не Штаты. У нас всякое бывает.

Значит, минут десять при хорошей связи, пока в память машины будет перенесена и обработана полная картинка места, где он никогда не бывал. Приятная поездка в такси или не менее приятная прогулка на велосипеде обеспечены.

Выхожу на Маньяка — теперь уже по прямой связи, не письмом. Он откликается сразу, значит, ждал с пейджером в руках.

— Гад!

Почти согласен... пока я тут рассматривал Храм и общался с Дибенко, они там изнывали от нетерпения. Да еще и волновались за меня наверняка.

— Тут был неожиданный визит, — отвечаю я. — Приезжайте.

Посылаю адрес.

— Я тебе еще как-нибудь устрою такое же бдение на полчаса! — грозит Маньяк и отключается.

Да, нехорошо получилось.

Но кто же ожидал, что все так получится?

Что Дмитрий Дибенко следит за мной и только и ждет момента, когда я войду в Храм?

Пытаясь успокоить совесть, прохаживаюсь взад-вперед. Быстрее бы приехали ребята. Быстрей бы Илья привез файл.

Что в нем, если Дибенко почти уверен, что, прочитав документы, я буду на его стороне?

Что может быть важнее возможной гибели виртуального мира?

Самое гадкое состояние — ожидать, не имея возможности ничего сделать.

111

Такси подкатывают парой. Из первой машины выбираются Падла, Чингиз и Пат. Из второй — Маньяк и Маг.

Я стою на пороге башни, пристыженно опустив голову. Сейчас меня начнут ругать...

— Леня! — вопит Пат, подпрыгивая на месте. — Получилось!

Чингиз и Падла тоже не выглядят особенно обиженными. Маг стоит, оглядывая башню со скептическим выражением заказчика, приехавшего принимать свежепостроенный объект.

Только Маньяк мрачно показывает мне кулак. Но это ничего, это правильно.

Такси отъезжают, программным водителям неинтересна башня посреди леса. Стоит, и пусть себе стоит. Не все ли равно...

Я впускаю друзей в Храм, хлопая каждого по плечу и словно невзначай не отпуская руку, пока они не перейдут порога. Падла, кажется, понял, в чем дело. И Маньяк тоже. А остальные не обратили внимания.

— Это и есть Храм? — с некоторым разочарованием уточняет Чингиз, оказавшись внутри. — Небогато...

— Что вверху? — спрашивает Падла.

Пат просто молча кидается вверх по лестнице, и через секунду доносится его довольный голос:

— Тут картинки! Прикольные!

Маг плюхается на пол, сгребает под себя гору подушек и с довольным видом глазеет на нас.

— Где письмо? — Маньяк переходит к делу раньше всех.

— Сейчас доставят, — успокаиваю я его. — Ребята, как у вас все было?

— Хреново, — только и говорит Чингиз. — Эта императорская скотина разорвала меня напополам...

Маньяк фыркает:

— Это ничего. Я вот узнал, что чувствует человек, чья голова катится по земле отдельно от тела. А Мага...

— Не надо! — вопит Маг. — Нечего сплетничать!

— Так что там вышло с Нике? — спрашивает Чингиз. — Дайвер?

— Да. Темный Дайвер, очевидно. Все-таки он нас переиграл... почти.

Чингиз кивает:

— Пат рассказал, что там у вас произошло... А Крейзи еще не объявился?

Смотрю на пейджер.

— Нет пока. Странно, честно говоря.

Какая-то волна настороженности, тревожной тоски окатывает всех. Действительно странно. Но делать нечего — только ждать...

— Шурка, ты сообщил Дику, что со мной все в порядке?

— Да. Оставил письмо на его пейджер.

— Ну не мог же Крейзи погибнуть от рук Императора по-настоящему? — спрашиваю я, будто ожидаю получить ответ. — Всех вас он тоже прикончил... и ничего.

— А чем ты был занят? — спрашивает Падла.

— Сюда заходил Дмитрий Дибенко. Мы разговаривали.

Наступившую тишину прерывает осторожный вопрос Чингиза:

— Чего он хотел?

— Чтобы я уничтожил файл, разумеется. Он говорит, что Темный Дайвер будет охотиться за ним... что и мне, и всем вам грозит опасность, пока файл существует. Самое смешное... он даже дал формальное разрешение ознакомиться с ним. Уверен, что после этого я соглашусь с ним.

И в этот момент раздается осторожный стук в дверь.

— Письмо, — потирая руки, говорит Маг.

— Или Темный Дайвер... — добавляет Маньяк.

Размышлять можно долго. А еще меня могут спросить, есть ли в этом великом дайверском храме самый обыкновенный дверной глазок.

Ответа я не знаю, поэтому иду открывать.

— Компания «HLD», служба доставки проблемной корреспонденции... — выпаливает рыжеволосый мальчишка, стоящий у дверей. — Это Храм...

Он поднимает на меня глаза и немедленно меняется в лице:

— Леонид? Ты?

— Я.

Интересно, к какому выводу он придет...

— Прикалываешься? Да?

Я вспоминаю все, что произошло за последние дни. Поиски Падлы. Гибель Ромки. Попытки пройти через «Лабиринт». Визит Темного Дайвера. Почти обманувшую (или обманувшего?) нас Нике. Императора, который повел себя так, как не позволено программе. Мост. Визит Человека Без Лица.

Совсем немного усилий мне потребовалось ради минутной шутки над тинэйджером. Несколько веселых приключений...

— Это Храм Дайвера-в-Глубине, — говорю я. — Давай письмо...

— А ты что здесь делаешь?

— Работаю, — почти честно отвечаю я. — Все в порядке, ты свое письмо доставил.

Илья с сомнением смотрит на меня, потом лезет в кожаный планшет, пристегнутый к поясу.

— Кто стучится в дверь ко мне... — говорю я. — Да ты заходи.

Легонько подталкиваю его за локоть, завожу внутрь.

Разношерстная компания, собравшаяся в башне, Илью не смущает.

— Здорово! — бросает он им. — Кто расписываться будет?

— Он, — кивает на меня Маньяк. — Он и распишется.

Из планшета появляется письмо. Большой плотный конверт, уже слегка замусоленный и помятый. Конверт кажется пустым.

— Ну? — бормочет Илья, глядя на конверт. — Ну?

Ему не меньше нашего хочется, чтобы письмо появилось, чтобы адрес Храма был признан правильным, и серверы «HLD» отправили в пустой конверт файл. Вряд ли все наши причины перевесят его желание заработать на новую звуковую карточку...

Конверт начинает распухать. Тяжелеет, Илья даже слегка опускает руку. И начинает улыбаться, так светло, искренне и радостно, будто получил теплое письмо от умирающего родственника-миллионера.

— Расписывайся!

Какие проблемы... Оставляю свой автограф на карточке доставки. Забираю письмо.

— Так... сейчас... — начинает бормотать Илья, забираясь обеими руками в карманы. — Я тебе двадцатку должен, да? Сейчас...

— О, Леонид еще и заработает на письме... — драматическим шепотом сообщает Падла. Вот гадюка...

— Не надо, — говорю я.

— Как не надо, мы же договорились... — Илья начинает выуживать из карманов мятые долларовые купюры.

— Хорошо, — быстро соглашаюсь я. Забираю деньги и протягиваю обратно. — На чай. Как положено.

Илья сопит, но чаевые принимает. С любопытством спрашивает, кивая на ребят:

— Что, дайверы хорошо платят?

До меня наконец-то доходит весь комизм ситуации. Конечно, какой я дайвер? Такой же, как Илья обитатель Диптауна, раньше подвизавшийся на черной работе, а теперь нашедший теплое место.

— Нормально... — Я искоса смотрю на ребят. Маг и Падла веселятся. Остальные, похоже, настолько изнывают от нетерпения, что улыбаться не способны. — Ладно, старик, спасибо...

— Не за что. — Илья протягивает руку, мы обмениваемся рукопожатием. — Ты это... в кабачок заходи... поболтаем как-нибудь...

— Хорошо.

Неужели ему не интересно? Совсем-совсем не интересно поговорить с дайверами? Впрочем, они же бывшие дайверы. А Храм... ну что тут смотреть... пустая круглая комната, лестница какая-то...

Я закрываю за ним дверь. Поворачиваюсь к ребятам.

— Давай, — кивает Маньяк. — Думаю, лучше тебе лично вскрыть этот конверт.

Бумага твердая, я даже надрываю уголок зубами, прежде чем вскрыть конверт.

— Может, Пата позвать? — вдруг начинает беспокоиться Падла, поглядывая на лестницу.

— Сам виноват, он знает, что мы не на экскурсию пришли, — отрезает Чингиз. — Давай, Леонид...

Я достаю из конверта увесистый томик, затянутый в тугую пластиковую пленку. Так... это и есть невскрываемая защита... открытый ключ Храма Дайвера-в-Глубине.

Тяну пленку за край. Несколько секунд ничего не происходит.

Потом пленка с треском рвется, вся сразу, на мелкие, как конфетти, клочки. Ключ опознан.

«Компания «Новые горизонты, — читаю я вслух. — *Предварительный отчет по проекту «Приятное погружение». Только для членов совета директоров».*

— Давай, — подбадривает меня Чингиз.

Я сажусь на пол. Открываю томик. Белая бумага, черные строчки... Сухо, официально, традиционно. Никаких красивостей, анимации, звуков и видеороликов. Впрочем, это же не для презентаций на публику, это рабочий материал...

— Тут что-то вроде преамбулы, — говорю я, глядя на первую страницу. — *«Дип-программа, революционное открытие в области психотехники, повлекла за собой создание нового, виртуального мира — Диптауна. Сбылись самые смелые мечты человечества. Возникли совершенно новые индустрии науки, производства, развлечений. Однако пять лет, прошедшие со дня закладки первого квартала Диптауна, показали и негативные эффекты данной реализации виртуального мира. Мир Диптауна стал всего лишь отражением реальной жизни, ни в малейшей мере не свободным от пороков и недостатков человеческой натуры. Проект «Приятное погружение» направлен на преодоление этих недостатков...»*

— Леня, а про судьбоносный съезд партии там ничего нет? — резко спрашивает Падла. — «Революционное открытие», «самые смелые мечты»... Сопли в шоколаде!

На лестнице появляется взъерошенный Пат:

— Что за шоколад, Тоха?

— Уймись, тебе он не понравится! — не оглядываясь, очень резко отвечает Падла. — Иди сюда и слушай, пока не гоним!

Умолкший Пат с грохотом ссыпается с лестницы и садится рядом с хакером. А я переворачиваю страницы.

Это, должно быть, где-то рядом. Совсем рядом, у Ромки не было лишнего времени. Он мог перелистнуть несколько страниц, прочитать несколько абзацев... и что-то ударило его, напугало, заставило забыть обо всем.

— Тут про проект «Глубинный контейнер», — сказал я. — Техническая документация... они и впрямь больше железячники, чем программеры...

— Дай! — Чингиз протягивает руку. Я делаю вид, что не замечаю.

Это не его. Это мое. Моя борьба! Фраза вымазана в грязи и крови, но это — моя борьба. Чингиз мне более чем симпатичен. Он умный, сильный и добрый человек. Самое главное тут — добрый... и добрый не слепой, всепрощающей добротой, а добротой зрячего человека.

Но он не прыгал в пропасть между стенами огня и льда. Не его друга убили. Не его предали. Не его покупали. Я рад, что у него все сложилось именно так... но этот томик, стоивший жизни Ромке, только мой. И мне выбирать, что я скажу, а о чем, быть может, и умолчу.

— Сейчас... — невпопад бормочу я, перелистывая страницы. Маньяк вздыхает, но терпеливо ждет. Маг возлежит в позе пресытившегося радостями жизни султана и демонстративно зевает...

— Что там? — снова не выдерживает Чингиз. И на этот раз мне есть что ответить.

— Тут чертежи. Я бы сказал, что это особо эргономичное кресло... только это скорее эргономичное ложе...

...Когда вокруг стоят пять человек, беззастенчиво пялясь в книгу, что держишь в руках, очень трудно контролировать процесс утечки информации.

Скажем честно — невозможно.

— Да что за хренотень! — выражает общее мнение Падла. — Эти чудаки изобрели гибрид кровати и зубоврачебного кресла, а за него идет такая схватка?

— Они даже не изобрели, а собрали, — поправляет его Маньяк, перелистывая через мое плечо несколько страниц. — Видишь, сплошные указания на купленные патенты? Эти использовались в медицине для ухода за больными, пребывающими в коме. Эти — в космических исследованиях... системы дистанционного контроля и бесконтактные интерфейсы...

— Периодический массаж тела, опционально — зондовое и внутривенное питание, а комбинезоны и шлемы можно выбрасывать на помойку, — подводит итог Чингиз. — Лихо. Все на поверхности, но лихо. Я бы не отказался от такого рабочего

места. У меня всегда затекает спина, если сижу в *глубине* больше десяти часов. Но убивать из-за этого... или бояться этого... чушь какая-то, ребята!

— Темный Дайвер особо просил вторую часть проекта, — напоминает Падла. — Давай, Леня, ищи. Искусственная природа, или как-то так...

— Искусственная натура, — говорю я, открывая книгу. — А вот это софт... сплошной софт.

— Системы фильтров. — Маньяк щурится, глядя на перелистываемые страницы. Я сдаюсь и начинаю листать быстрее, не пытаясь вникнуть в строчки. — На изображение, на звук, на пространственные перемещения... Ох ты... да не могли они такой степени компрессии достичь!

Он трет лоб и неуверенно признает:

— А может, и смогли...

— Что это, Шурка? — спрашиваю я.

— Похоже на систему слежения... верно? — Маньяк и Падла переглядываются. Падла кивает:

— Очень похоже. Самообучающаяся система, отслеживает и фиксирует поведение объекта, очевидно — человека. Да еще и с обратной связью... Ёптыть! С прогнозированием, с элементами ИИ...

— Да не может быть искусственного интеллекта на современной технической базе! — возмущается Маньяк.

— Не может, — признает Падла. — А тут не о конкретной машине речь идет. Тут привязка к общесетевым ресурсам. Перераспределение информации... общие базы данных, личные базы данных, потоковое кодирование и декодирование...

— Журналы надо начинать читать с конца, — говорю я. И открываю томик на последних страницах.

— Резюме, — радостно говорит Пат, повисший на плечах Чингиза и Падлы. — Я тоже с конца начинаю смотреть!

«Проект «Искусственная натура» прошел предварительную проверку в трех режимах, — начинаю я. — *В первом случае, как видно из заключения...»*

Ничего нам не видно. Не читали мы отчеты об экспериментах, они где-то там, между описанием программ и резюме. Но я верю тем, кто составлял отчет. И наверное, поверил Ромка, тоже начинающий читать с конца...

«Использование внешних баз данных, вложенных при программировании первичных поведенческих реакций, копирование реакций партнеров-людей и анализ эффективности собственных действий позволили добиться некоторых результатов, не укладывающихся в стандартные схемы искусственного интеллекта. Представляется возможным предположить, что при дальнейшем наращивании мощности операционной системы и расширении доступного модели жизненного пространства, она вплотную подойдет к тем параметрам, которые оценены как пороговые для разума. Однако некоторые особенности вложенных в модель первичных поведенческих реакций, при всей их эффективности для быстрого развития и самосовершенствования, заставляют считать нецелесообразным дальнейшее ее развитие. Свертывание работы рекомендуется провести в течение двух-трех месяцев, после чего возобновить эксперименты на моделях с меньшей исходной агрессивностью».

— А я знаю, про кого это, — неожиданно говорит Пат. — Знаю.

Наши взгляды встречаются, и я киваю. Мне кажется, мальчишку начинает слегка колотить.

Одно дело — быть заложником в игре, заложником программы.

Другое — понять, что тебя держало за шкирку, прикрываясь от ракетомета, живое существо. Уже почти разумное. Несчастный Император, прикованный к последнему этапу игры. Раз за разом выходящий на бой... непобедимый, могучий и все равно проигрывающий.

— Да они там все... закрой уши, Пат! — ревет Падла. — Они там все...

— Тихо, — обрывает его Чингиз. — Они проводят опыты с ИИ. Использовать в качестве экспериментальной модели монстра из сетевой игры — прекрасная мысль. Это оправданно экономически... им ведь еще и приплатили за программирование центрального персонажа, помните, Крейзи жаловался? У «Лабиринта Смерти» прекрасные защитные системы — модель не сможет вырваться, и хакеры к ней не подберутся. Постоянный приток новых игроков, меняющих тактику и стратегию.

— Хрен ли стратегия, он меня взглядом сжег! — возмущается Падла.

— И что? Это изначально агрессивная модель, ты же слышал? И в этом нет ничего странного, увы. Необходимость за-

щищаться и нападать — движущий фактор эволюции. То, что данная эволюция происходит в виртуальном пространстве, а вместо тела у Императора — пакеты электрических импульсов, ничего не меняет. Все разумно. Гнусно, но разумно.

Падла тяжело дышит, но молчит.

— Я как-то листал одну книгу, — добавляет Чингиз. — Так в ней главный положительный герой учил главную положительную героиню, как добиваться победы. «Стань злее злых, стань подлее подлых...» И это положительные герои книги, претендующей на гуманизм. А чего ты хочешь от бизнесменов, Падла? Если писатель, считающий, что учит добру, пропагандирует такой лозунг? И чего ты хочешь от программы-императора? Его убивают! Каждый день! Его приходят убить, а не выпить чая в саду! Он не мог стать иным, черт возьми!

— Да понял я все, — неохотно отзывается Падла. — Тебя послушать, так всех на свете оправдать можно...

— Меня этому жизнь научила. — Чингиз пожимает плечами. — Не всех, конечно... но почти всех. Леонид, читай дальше.

«Второй режим проверки, — начинаю я. Пока Чингиз и Падла спорили, Маньяк и Маг уже успели забежать вперед, и теперь терпеливо ждут, пока я перелистну страницу. — *Эксперимент проводился на добровольцах, проводящих в глубине не менее двенадцати часов в сутки. Технические характеристики их компьютеров варьируются от средних до максимально мощных по США на момент начала эксперимента. В качестве вспомогательных ресурсов использовались свободные и общедоступные мощности серверов, поддерживающих Диптаун. Как видно из графиков...»*

— А где графики? — недоуменно спросил Пат. Я игнорирую вопрос, Чингиз что-то быстро и тихо объясняет. Наверное, значение слова «резюме»...

«Первые проявления послежизни замечены на пятом месяце эксперимента. Опережение скорости нормальных человеческих реакций, фиксируемое только на аппаратном уровне, отставание между выходом человека из дип-гипноза и исчезновением виртуального персонажа. К концу года у всех участников эксперимента возник эффект «ведения». Находясь в виртуальности, они испытывали состояние, сходное с состоянием наркотического опьянения, ощущение, что тело действует самостоятельно, беседа ведется кем-то со стороны. При этом практически не возникало

ощущение насильственности «ведения», все, сказанное или сделанное, воспринималось как собственная нормальная реакция на происходящее. Окончательным доказательством существования послежизни является поведение виртуального персонажа после принудительного разрыва связи с человеком-оператором. Вначале наблюдались кратковременные паузы, «замирания» персонажа, неадекватные реакции на окружающий мир, после чего следовал короткий период внешне осмысленных и укладывающихся в рамки поведения оператора действий. В ходе повторных экспериментов период «замирания» сокращался, пока не перестал фиксироваться аппаратными методами. Время самостоятельного существования виртуальной модели достигало в отдельных случаях нескольких часов, а в рекордном случае — двадцати шести часов тринадцати минут, что превышает доступный человеку естественный период пребывания в глубине. Внешне модели выглядели вполне естественно, поддерживали общение на бытовые и специальные темы. Отмечены субъективно удачные шутки, проявления эмоций, депрессивные реакции. В трех случаях зафиксированы творческие действия, аналогов которым не обнаружено. Однократно виртуальная модель проявила ярко выраженные интуитивные способности».

— Блин, — говорит Падла. — Блин и блин. Они создали ИИ!

— Да не в этом дело. — Чингиз садится рядом со мной. — Леонид, ты понял?

— Копия, — соглашаюсь я. — Копирование личности. Перенос себя в виртуальный мир. Без переписывания памяти, которое все равно никто не умеет делать. Ты просто оставляешь слепок своей личности в *глубине*... и слепок оживает. Подтягивает доступные ресурсы. Имитирует человеческое поведение...

— Но это имитация. — Падла косится на Пата. — Послушай, дите, ты бы согласился поселить в *глубине* своего двойника?

Парнишка размышляет недолго:

— Ну это же эф пять, а не эф шесть... верно? Пускай. Здорово даже. Я вышел, а он там оттягивается по полной! Потом мне все рассказывает.

Он хихикает, явно размышляя, что натворил бы в *глубине* без всякого контроля.

«Третий режим проверки проводился с использованием технических возможностей «Глубинного контейнера». К сожалению, чистота экспериментов несколько нарушалась двадцатичасовым

барьером пребывания в виртуальности, перейти который пока не удалось. Тем не менее результаты выглядят наиболее успешными. На данный момент подопытные находятся в Диптауне около трех месяцев. Эффект послежизни стал проявляться к концу первой недели пребывания в глубине. К середине второго месяца виртуальный персонаж полностью переходит на круглосуточную активную деятельность. Ощутимых изменений в реакциях и поведении во время сна человека-оператора, равно как во время его выходов из дип-гипноза, не замечено. Независимыми экспертами персонаж воспринимается адекватно, участвует в общественной жизни своего круга, проявляет свойственные оператору интеллектуальные, эмоциональные и сексуальные реакции. Значительные изменения отмечаются лишь в поведении людей-операторов. Резко снижается интерес к реальному миру. Отмечается эмоциональная холодность и некоторая принужденность в общении с людьми вне Диптауна, в том числе и с ранее значимыми индивидуумами. Вне «Глубинного контейнера» или без обычного компьютера оператор нервничает, легко возбудим, повышается склонность к алкоголизации и употреблению наркотиков. Сексуальные реакции снижаются до минимума. Способности к анализу ситуации и интеллектуальная деятельность, однако, не страдают. Операторы проявляют максимум изобретательности, чтобы добиться дальнейшего продолжения эксперимента. В поведении выявлена значительная корреляция с процессами, возникающими при наркозависимости. Интерполяция данных позволяет предположить, что у операторов, задействованных во втором режиме проверки, подобные эффекты появятся к концу второго года эксперимента».

Все молчат.

Все думают о своем.

Я тоже.

Именно это убило Ромку. Не просто известие о том, что Дибенко довел дело до появления искусственного интеллекта. Не только информация о возможности копирования своего «я» в виртуальный мир.

Вот что заставило его паниковать, убегать с файлом, прятать его, путать следы.

Будущее он увидел. Человеческое будущее. Не людей, которые ходят в *глубину* работать, отдыхать, дружить и любить. И даже не людей, для которых *глубина* — лишь воровство, свара, подлость, разврат.

Миллионы придатков к виртуальным сознаниям. Миллионы живых автоматов с красными воспаленными глазами и дряблыми мускулами, миллионы разрезанных на куски половинок, рвущихся к мониторам, шлемам, «Глубинным контейнерам», к чему угодно — лишь бы электронная игла пронзила разум, сшивая их в единое целое с потерявшейся в *глубине* частью...

Вот оно, наше будущее. Сладкий рай элоев, живущих в виртуальных садах.

Ну и стада морлоков, конечно же. И не обязательно, что по ночам морлоки будут обчищать квартиры элоев и вгрызаться в сладкую плоть. Время ночных монстров прошло, мистер Уэллс. Вам повезло, британский мечтатель. Информация — власть, всемирная сеть — власть, шарахнуть ядерной ракетой вполне можно из *глубины*, роботов-полицейских тоже можно научиться делать. А обнести бетонные бункеры с «Глубинными контейнерами» колючкой под током и поставить к автоматическим пулеметам того же Императора из «Лабиринта» — совсем не сложно.

Впрочем, к чему все эти страхи?

И без того будет невесело.

«Учись хорошо, сынок, сможешь в раю жить...»

«Да к чему нам этот отпуск? Лучше купим себе «Глубинный контейнер»! В *глубине* отдохнем!»

«А сосед-то, слышал, помер неделю назад? Мне вчера его виртуал рассказал. Посидели, выпили за упокой бренного тела...»

— Это бессмертие, — резко говорит Чингиз. — При достаточно долгом пребывании под «искусственной натурой» виртуальная личность может стать полностью автономной. Наверняка.

— В гробу я видал такое бессмертие... — как-то не слишком убедительно бурчит Падла.

— Вот не зарекайся. Станет гроб поближе — задумаешься.

— А я бы попробовал, — радостно сообщает Пат. — В полный рост!

— И остался бы в *глубине* навсегда наглым пацаном... — замечает Чингиз.

— Захотел бы, так остался. Какая разница?

— Ребята, что мы собираемся с этим всем делать? — спрашивает Маньяк.

Вот так всегда. Сидишь, переваривaешь полученную информацию, а тебя заставляют отвечать на вопросы.

И что самое обидное — на вопросы, не имеющие ответа.

— Уничтожить файл, как хочет Дибенко, это необратимый поступок, — говорит в пространство Маньяк. — Я бы не советовал...

— Отправим на мою машину? — предлагает Чингиз. — А?

— Почему на твою? — Я захлопываю томик. — А на мою? На машину Маньяка?

— В мою квартиру, полагаю, войти труднее, чем в чью-либо другую.

— А в виртуальности?

— Ключи. Закроем моим, твоим... несколькими ключами. После этого файл будет доступен, лишь если мы примем общее решение.

— Закрывайте вы, ребята, — говорит Маньяк. — Вчетвером. Вы живете в одном городе... это разумнее. Наше мнение вы учтете в любом случае, полагаю?

Часть четвертая

ЗЕРКАЛО

00

Глубина-глубина, я не твой...

Я снял шлем. Подумал немного и водрузил его на монитор, поверх забавных фигурок из яркого синтетического меха. Они у меня давно, с какой-то крупной компьютерной выставки... сидят тихонечко, приклеенные к монитору, смотрят на меня прозрачными бусинками глаз. Может быть, шепчутся иногда о своем... когда я ныряю в очередной раз.

Ну что, дайвер, доигрался?

— Вика, выход. Окончание работы.

— Выполняю.

Я успел заметить время на гаснущем экране. Половина первого ночи. Ничего... нормально поработал. Голова болит, но не так сильно, как я боялся.

«Лабиринт» мы хакнули. Мост я преодолел. В Храм вошел. Файл получил. Да еще и оружие из рук Дибенко... запретное оружие, о котором я так и не сказал ребятам.

Почему мне совсем не радостно?

Да, Дмитрий Дибенко убьет *глубину*. Но вовсе не так, как я думал.

Будет ли оружие третьего поколения эффективным против странных симбионтов — наполовину людей, наполовину программных порождений? Не знаю, но инстинкты говорят, что не будет.

А я, как любой дайвер, привык верить инстинктам.

Кстати, это ведь дополнительный аргумент в пользу «искусственной натуры». Не только пряник, но и кнут...

Беда не в «Глубинном контейнере», штука это дорогая, сложная, и массовой забавой не станет. Разве что для желающих как можно быстрее перенести свою личность в *глубину*. Всякие тяжелобольные, алчущие успеть обрести бессмертие, пусть даже в такой странной форме. Или совсем уж не считающие денег люди, Чингиз, например.

Дип-программа победила именно своей простотой. Она не требовала ничего! Даже виртуальные шлемы и комбинезоны стали полезным, приятным, но не обязательным дополнением. А в общем-то хватает компьютера, модема, выхода в Интернет и маленькой программки...

Чтобы обрести в *глубине* бессмертие, чтобы получить электронный слепок себя — потребуется лишь еще одна программа. Большая, признаем сразу. Но и мощности машин возросли.

Копия... новая личность... электронный симбионт...

Можно долго путаться в терминах. Можно проверять, экспериментировать, спорить. Скорее всего тут все сразу. Не просто соблазн, а настоящее искушение.

Кто устоит?

И чем станет Диптаун, когда количество электронных копий сравняется с количеством живых людей? Все ли построенное в *глубине* им нужно? От чего они откажутся с легкостью, что оставят для несовершенных людей, что снесут, как не заслуживающее внимания? Что в них будет от прототипов, а что — собственное?

Или я все-таки боюсь невозможного? Виртуальный персонаж оттягивает на себя часть общих ресурсов сети, обычный пользовательский компьютер физически не в состоянии поддерживать виртуальную личность. Пока идут эксперименты и нагрузка растет незаметно... но если количество виртуальных персонажей станет измеряться десятками, сотнями? Сколько способна выдержать сеть?

И что предпримут электронные мороки, когда осознают, а они сумеют это осознать, что скованы материальными рамками?

Прекратят появление новых виртуальных личностей? Возьмут в руки оружие?

Или...

Машины, на которых мы сейчас работаем, практически достигли своего предела. Из кремния и германия выжали все доступное. Но количественный рост рано или поздно сменяется качественным. Вот-вот появятся компьютеры, созданные на

совершенно новых принципах. Я прекрасно помню времена, когда «386» считался могучей профессиональной машиной. Сейчас сказать, что работаешь на «пентиуме» или «пентиуме-2» — все равно что пожаловаться на несложившуюся жизнь.

Все зависит от того, когда и как Дмитрий Дибенко собирается выбросить на рынок свое новое изобретение... программный комплекс «Искусственная натура». События пойдут либо в одном, либо в другом направлении.

Но Дибенко я в конце концов могу спросить.

Остается еще вопрос, что с этой программой собирается делать Темный Дайвер.

Опубликовать в сети открыто?

Пиратски продавать за бешеные деньги?

Использовать для себя лично?

Начать компанию борьбы с «Искусственной натурой» раньше, чем Дибенко выдвинет ее на рынок?

Поискать в программной оболочке слабые места?

Сплошные вопросы. Я не знаю о Темном Дайвере ничего. Мне кажется, что я догадываюсь... но я предпочел бы не знать.

Я медленно встал из тонко скрипнувшего кресла. Привычно разделся в темноте, положил расстегнутый комбинезон на спинку. Посмотрел на дверь спальни.

Слабая-слабая ниточка света под притолокой. Мост между явью и сном...

Я подошел к двери, тихонько приоткрыл, заглянул...

Вика не спала. Сидела на разобранной постели, перед включенным ноутбуком, смотрела в пустой экран, на свою любимую заставку — лес, девушка с луком в руках, рядом сидит волк...

Лучше бы она уже спала! Я не стал бы ее будить. А завтра — уже не рискнул бы задавать вопросы...

— Доброго времени суток... Нике... — сказал я.

Вика зябко повела голыми плечами. Сказала, не оборачиваясь:

— Доброго... Стрелок...

01

Я сел рядом.

Странно это все, если посмотреть со стороны. Сидит почти обнаженная женщина... сидит рядом полуголый мужчина...

Сидят люди, которые любят друг друга. Которые испытали в жизни чуть больше, чем обычно достается человеку.

Сидят и молчат, потому что каждое слово будет лишь приближать беду.

— Вика...

Она чуть повернула голову, посмотрела на меня. Спросила:

— Леонид, разреши, я закурю?

Все не то. Все не так. Она спрашивает у меня разрешения закурить...

— Дай и мне тоже...

Вика достала из тумбочки пачку сигарет, крепких, не дамских, зажигалку, пепельницу. Вот те раз. Конечно, я в ее вещах не роюсь. Но хотя бы запах заметить должен был? Наверное, должен...

— Ты вошел в Храм? — спросила Вика, щелкая зажигалкой. Протянула мне огонек. Опять все не то... опять все не так...

— Да. Вошел.

— Я очень рада, Стрелок. В чем была проблема?

— Мост, Вика. Мост из моих снов. Мост, по которому невозможно пройти.

— Как странно... — Она глубоко затянулась, отложила сигарету. — Я ожидала чего-то, связанного лично с тобой... но настолько прямо...

— Как это могло случиться, Вика?

— Не знаю. Может быть, там система с обратной связью, каким-то образом проецирующая твои страхи...

— Я не о том. Как случилось, что ты стала ходить в *глубину* и не говорить мне об этом?

— Ты поверишь мне?

— Да.

Вика улыбнулась. Протянула руку, погладила меня по плечу.

— Я хотела помочь. Просто помочь тебе... когда ты заблудился. Больше ничего.

Я молчал.

— У тебя дип-психоз, Леня. Давным-давно. Ты тонешь, дайвер. Может быть, в этом и моя вина. Я всегда любила что-то здесь, в настоящем мире. Твоя любовь, твоя радость, твоя жизнь — там.

— Неправда...

Слова — тяжелые, неповоротливые, неудобные. Говорить — словно грызть камни.

— У меня есть ты...

— Да, наверное. Но даже я — там. В *глубине*. Ты не хочешь в этом признаться, самому себе не хочешь. Но для тебя я все равно осталась в *глубине*. Вот и вернулась в Диптаун... чтобы стать собой.

— Давно?

— Давно. У меня не сразу получилось.

— Нике... — сказал я, глядя на нее. — Нике... я дурак. Я сразу должен был догадаться. Нике — Виктория. Греки-римляне... Ты даже не пряталась.

— Зачем? Я знала, что, когда ты поймешь, случится беда. Но обманывать... не хочу. Тебя — не хочу.

— Вика, почему ты так ненавидишь Дибенко?

— Я? — Вика повернулась, удивленно посмотрела на меня. — Я его вовсе не ненавижу. Может быть, не люблю. Но это другое.

— А почему так не любишь?

— Леонид, это важно? Сейчас, здесь, когда мы вдвоем... и не в *глубине*... это важно?

— Да! — резко сказал я.

— Ну хорошо... Он преждевременный гений. Он сделал то, к чему человечество еще не готово. Морально-этически не готово. Такое часто бывает, творцы атомной бомбы тоже поспешили. Но представь себе Эйнштейна или Бора, на смертном одре твердящих, что атомное оружие — благо, и применять его надо почаще. Преждевременные гении всегда могут остановиться... Дибенко — может, но не хочет. Поэтому я его и не люблю.

— Бог с ним, с Дибенко... — Я сглотнул. — Бог ему судья... Вика... а Ромка?

— Что Ромка?

— Тебе не жаль его?

— Леня, о чем ты?

— Зачем ты втравила его в эту авантюру?

Я смотрел ей в глаза. И видел, как они медленно-медленно темнеют... то ли в непонимании, то ли в обиде.

— Кто втравил?

— Темный Дайвер...

Я замолчал.

— Леня... почему ты решил, что я — Темный Дайвер?

Почему я так решил? Хотел бы я сам это понять. Вот просто решил, и все. Хотя нет, кажется, понимаю. Вначале я решил, что Темный Дайвер — это Нике. Потом я понял, что Нике — это Вика.

И приравнял половинки уравнения, забыв, что в одной еще остался неизвестный член.

— Стрелок, я не Темный Дайвер. Я пошла с вами в «Лабиринт»... я не хотела оставлять тебя одного и не хотела признаваться, что хожу в *глубину.* Я обманула тебя. Прости. Но я не Темный Дайвер.

— Вика...

— Мне нечего искать в *глубине,* Леня. И некого терять... кроме тебя.

— Вика... — повторил я. Все слова куда-то делись. Были колючей холодной галькой... были злым песком обиды на губах.

Все слова исчезли. Только имя осталось.

— Вика...

— Ты не любишь, когда тебе помогают, Леня. Ты привык быть сильным. Привык помогать сам, привык спасать, привык вытаскивать и защищать, привык бороться и побеждать... — Она улыбнулась. — Дайвер... ты будешь тащить утопающего за волосы, даже если сам наглотаешься воды... И оттолкнешь чужую руку... в лучшем случае — позволишь плыть рядом.

— Вика... Это неправда...

— Это часть правды, и довольно большая. То, что два года назад сломало нас всех, ударило по тебе сильнее всего. Ты не нашел себя, Леонид. Даже Ромка нашел. Несмотря на то, что с ним случилось. А ты закрылся. Обрезал все ниточки, отказался искать выход. Ты сказал себе, что ты больше не дайвер.

— Но я действительно не дайвер, Вика. Я никто.

— И поэтому ты пошел таскать нарисованную мебель? Пить нарисованную водку в дешевых виртуальных барах?

— Да. Потому что я теперь — никто.

Вика покачала головой. Снова коснулась моей руки.

— От кого ты бежишь, Леонид? От кого или от чего?

— Я хотел бы знать, куда я бегу, Вика. Я знаю, что потерял, но я не знаю, к чему приду.

— Леня...

Она обняла меня, обняла так неожиданно, что я вздрогнул. Прижалась к груди.

— Леня, ты ничего не потерял...

Я не ответил. Сидел, обнимая ее, уткнувшись лицом в волосы... сидел и молчал. Она не права, но я не скажу этого.

— Леня, дайвер — это то, что дается свыше. Богом, судьбой, игрой генов... тут пусть каждый верит в свое. Что ты потерял, Леня? Умение выйти из *глубины* в тот миг, когда захочешь? Оно с тобой. Умение видеть то, что невидимо другим? А разве это было главным, Леня?

Главным... не главным... Разве в этом дело.

Это было моей судьбой...

— Я знаю, о чем ты думаешь. Ты мог творить чудеса... маленькие чудеса, пока был просто дайвером. Большие чудеса, когда встретился с Неудачником. Потом это исчезло, не только у тебя, у всех... но разве это было главным, Леня?

— Это было моей судьбой.

— Это было лишь тем, как ты строил свою судьбу. Формой, инструментом, но никак не сутью. Леня, сколько было подлецов среди дайверов?

— Мы воровали. Чужие программы, чужие деньги, чужие секреты.

— Многие? Часто?

— Нет, но...

— Сколько среди нас было подлецов, Леня? Сколько дайверов обратили свой дар во зло? Азарт, игра, взлом, кража... Так или иначе — никто не опустился до подлости. Можно преступить законы общества, нельзя преступить законы морали — помнишь?

— Пока мы все были вместе. Пока у нас был свой кодекс чести. А что теперь?

— Ты о Темном Дайвере?

— О нем в первую очередь... про других мы ничего не знаем. Он сохранил свой дар в полную силу. Если верить Дибенко...

Вика вздрогнула.

— Я говорил с ним сегодня. Если он не врет — Темный Дайвер не просто сохранил, он преумножил свои способности. Он гоняется за тем файлом, за которым послал Падлу и Ромку. Он ненавидит Дибенко... и пытается навредить ему.

— Так вот почему ты спросил меня о Дибенко...

Я не ответил — лишь взял ее за руку.

Почему я не увидел ее глаз в глазах Нике? Почему не услышал ее голоса, не почувствовал тепла ее ладони?

Потому что забываю ее — настоящую? Не ту, что на экране, не ту, что в памяти... ту, что делит со мной кров и постель.

Сказки не зря кончаются свадьбой. Впрочем, иногда после свадьбы прилетает дракон. Большой, злобный, огнедышащий... любитель похищать чужих невест. Вот тогда у сказки есть маленький шанс продлиться подольше.

Неужели надо специально выращивать этого тупого дракона, если не хочешь, чтобы сказка кончилась слишком быстро?

Ненавижу драконов... и тех, кто их растит.

— Я не Темный Дайвер, Леня... Я не Темный Дайвер.

— Вика...

На миг мне показалось, что она готова заплакать. Я привлек ее к себе, обнял сильнее, провел ладонью по лицу. Лицо было сухим... не умеет она плакать. Я не учил этому нарисованную Вику, а живая разучилась сама.

— Мне не нужно оружие третьего поколения... я не собираюсь никого убивать. Ни в жизни, ни в *глубине*...

— Там не оружие, в этом файле...

— А что там?

Я по-прежнему баюкал прижавшуюся ко мне Вику. У меня не хватит рук, чтобы обнять всех, кто нуждается в утешении. У меня не хватит сил вытащить всех, кто тонет. У меня не хватит жизни, чтобы прожить ее так, как я хочу.

Делай что можешь, и будь что будет.

— Там не смерть, Вика... Там жизнь. Но я не знаю, нужна ли она *глубине* — такая жизнь...

Я рассказал ей все. Все, начиная с того момента, когда я нажал на спуск, уже догадываясь, что стреляю в нее. Догадываясь — и все же стреляя.

Храм, где каждый из нас впечатан в стену...

Визит Дибенко...

Приезд ребят...

Письмо с файлом...

«Искусственная натура»...

— Эта новая жизнь уже убивает... — прошептала Вика. — Еще не обретя полную силу.

— Убивает не она...

— Не важно, кто нажал на спуск. Наемный охранник, знающий, чем стреляет; восторженный паренек, не понимающий, что творит... Она уже убивает, эта вторая натура. Цепляется за жизнь, за место под нарисованным солнцем. Пока — нашими руками.

— Им не выйти в реальный мир. Никогда. Ни Императору из игры, ни электронным симбионтам...

— Зато мы можем уйти туда насовсем. И никаких дайверов не хватит, чтобы спасти каждого.

— Никто и не станет просить его спасать. Вот что страшно... — Я перевел дыхание и сказал, будто прыгая в воду: — Я уйду из Диптауна. Мне хватит сил, Вика...

— Нет, ты не уйдешь. — Она подняла голову и улыбнулась. Слабо, но все-таки улыбнулась. — Чего придумал... бежать?

— Что я могу сделать?

— Ты дайвер!

— Я никто!

— Ты дайвер! Пока ты можешь смотреть на мир без розовых очков, пока способен уйти и вернуться, пока готов ввязаться в бой — ты дайвер! Вот что главное, Леня! Объективность, свобода и отвага. А вовсе не умение видеть дыры в программах или ломать их...

— Ты забыла совесть, Вика...

— А совесть тут ни при чем. Ее нет — человек остается дайвером. Только Темным.

— Он не потерял своих способностей.

— Значит, и ты можешь их найти. Ты ведь прошел мост!

— Это... это другое.

— Уверен? Помнишь, мы смеялись с тобой над твоими фантазиями... как тебе пригрезилось, что ты вошел в виртуальность с отключенной телефонной линии... что поехал меня встречать... Но что было сном, а что явью, Леня? Когда на самом деле тебе отключили линию? Ты же мог, ты действительно мог то, что никому не подвластно! Пройти сквозь стены, рассмеяться в ответ на пули, дотянуться до любого уголка сети. Это было! Мы целовались, взлетев в небо над Диптауном, — ты помнишь?

— Неудачник ушел и унес все, что дал мне...

— Все ли? Мост, Леня! Мост! Ты же начал проходить его во сне, помнишь? Два, три раза?

— Больше, Вика. Я просто не говорил тебе... каждый случай.

— Почему? — Она чуть отстранилась.

— Ну... чтобы ты не поняла, что со мной происходит.

— Ты думаешь, я могла этого не понять? — Она лишь покачала головой. — Не говорить — да. Но не понять?

— Прости.

— Не за что. Но ты шел этим мостом, Леонид. Без всякой сети, без компьютера и модема...

— Ты же сама давала другое объяснение.

— Мало ли, что я могу сказать...

Она замолчала.

— Я не знаю, что мне делать... — сказал я тихонько, будто жалуясь.

— Думай. Ты дайвер. И скажи... — Вика вдруг замялась. Немного отстранилась от меня, посмотрела строго и испытующе.

— Что?

— Когда ты заподозрил, что Нике — дайвер?

— После того, как Нике не отстала от нас на тросе.

— Да... я поторопилась. А когда подумал, что Нике — это я?

— В самом конце. Уже после дворца.

— Значит, когда ты говорил Нике, что она тебе нравится, ты еще не знал, что это я?

— Ну это же была ты!

— Но ты этого не знал?

Ну вот. Проблема.

— Чувствовал... — Я улыбнулся. — Вика, наверное, я просто чувствовал, что это ты. Знаешь... как в сказке принц находит принцессу среди сотни девушек, закрывших лицо...

Я могу сейчас сказать много красивых слов.

Так много, что сам поверю — чувствовал, догадывался, знал...

Я надену красивую маску, сродни тем, что надевал в Диптауне. Я уговорю Вику поверить — она хорошо чувствует ложь, но ей захочется поверить. Моя ложь не станет стеной — наоборот, мостом. За мной нет никакой вины... не может быть виной комплимент, даже по самой пуританской морали. А Вика далеко не пуританка.

Я просто чуть-чуть совру.

— Ничего я не чувствовал, если честно, — сказал я. — А если и чувствовал, то совершенно неосознанно. Просто мне понравилась Нике. Симпатичная, боевая девчонка.

Совершенно не представляю, как Вика отреагирует. Раньше догадался бы легко. Сейчас — не знаю.

— Она мне самой понравилась. — Вика улыбнулась. — После Мадам — самая приятная личность. Мне даже захотелось пойти работать в этот дурацкий «Лабиринт Смерти».

— А как же реальный мир?

— Тогда — подрабатывать...

— Не надо. Хватит в нашей семье одного ненормального, не выбирающегося из *глубины*.

— Леонид...

Я посмотрел Вике в глаза.

— Найди Темного Дайвера. Найди и поговори. Выясни, чего он хочет.

— Он найдет меня сам, Вика. Я ведь пустил дезу, что Дибенко нанял меня убить Темного Дайвера.

— И дезинформация стала реальностью... Леонид, ты ведь не собираешься этого делать?

— Нет. Наверное — нет.

— Вот про «наверное» — забудь. Тот паренек мог не знать, что творит, когда стрелял. Ты — будешь знать. И будешь помнить, всегда.

Она была сейчас очень серьезной, моя Вика.

— Он уже стрелял в нас, Вика.

— В ответ на ваши выстрелы.

— Не важно. Он ворвался в чужой дом.

— Он все-таки хотел диалога!

— Вика, у него есть оружие третьего поколения.

— Это только слова Дибенко. Темный Дайвер мог блефовать, мог угрожать. Но разве он кого-то убил?

— Когда он убьет, Вика, я тоже это буду помнить всю жизнь. И не знаю, что будет для меня больнее: знать, что убил я, или что убили моего друга.

— Леонид... — Она вздохнула. Снова прижалась ко мне. — Ну Леня, Леня...

Почему я как каменный?

Я хочу отомстить?

Или не готов простить?

Или, вот ведь что самое страшное, завидую тому из нас, кто сохранил в полной мере всю свою силу? Сохранил — и отбросил все те правила, нормы, что всегда опутывали дайверов.

Может быть, я и этому завидую?

Этой лихой бесшабашной свободе, с которой Темный Дайвер преследует Дибенко, заставляя скрываться создателя самой *глубины?* Веселому азарту, с которым он вошел в дом Чингиза, принуждая нас к разговору, легкости, с которой нажал на спуск — не на игровом полигоне «Лабиринта», а в обычном мире Диптауна?

Я не знаю, кто и почему назвал его Темным Дайвером. Может быть, прозвище заслуженное. Если он так назвал сам себя — это еще хуже. Это позиция.

— Не делай необратимого, Леня!

— Знаю.

— Никогда не делай необратимого. Одно слово «ненавижу» не искупит десять слов «люблю». А одну смерть...

— Знаю, но одна смерть уже случилась!

Я замолк, услышав собственный голос. Хочу отомстить, или не могу простить? Вот в чем вопрос.

— Вика...

Ее лицо все-таки стало мокрым, я ощутил соль на губах.

— Вика, я попробую. Я действительно попробую.

— Ты — дайвер, Леня... помни это...

— Я...

Руки вдруг стали горячими.

А слова — просто ненужными.

— Я не дайвер, Вика... сейчас и здесь.

— Ты черт знает сколько не спал... — Она улыбнулась. — Уверен?

Я кивнул.

— Уверен. Этой ночью я не хочу смотреть на звезды. И говорить о врагах — тоже.

Вика кивнула. И я увидел, как сквозь слезы проступила ее улыбка:

— Ладно... звезды подождут. Я их попрошу. А врагов и спрашивать не станем.

10

Проснуться утром — это хорошо.

Именно утром, не к полудню, когда бьет сквозь шторы резкий солнечный свет, шумят машины, визгливо кричат дети, а голова с самого утра не отдохнувшая, а усталая.

Встать в восемь утра... для обитателя Диптауна это почти подвиг.

Вика поднялась раньше. Я слышал, как она ходит по кухне, что-то негромко напевая, как бормочет включенный телевизор. И пахнет чем-то вкусным. И можно понежиться в кровати, не вспоминая ни о какой *глубине*, о мелких и крупных дрязгах, о ненужных подвигах, о хитрых интригах виртуального мира... интригах, которым место в мусорной корзине, которые успеют пожухнуть к вечеру и рассыпаться в прах на следующий же день.

Ритм... бешеный ритм Диптауна. Я люблю его. Но иногда так хочется забыть о жестяном ящике, набитом микросхемами, не открывать волшебные ворота в огромный и пленительный мир. Побыть в обычной комнате, где отстают у потолка обои, где скрипит рассохшийся паркет, тянет холодком из форточки... где женщина, которую любишь, напевает на кухне, готовя завтрак для тебя, лоботряса...

— Ленька, внимание...

Когда Вика появилась с подносом в руках, я оторопел.

— Я тебя хоть раз поила кофе в постели?

— Нет, — честно сказал я.

— Исправим упущение.

...Это только в фильмах красиво выглядит. Или у них там кровати другой системы. И пищеводы иначе устроены. Пить полулежа — это еще ничего, а вот есть — совсем другой коленкор. Континентальный завтрак — дело хорошее, но тосты имеют обыкновение крошиться, причем не на поднос, а на постель. Яйца всмятку — и те плохо бьются о поднос, когда тот лежит на толстом одеяле, а под одеялом собственный мягкий живот.

— Можешь честно хвастаться друзьям, что жена приносит тебе завтрак в постель, — сказала Вика. — Только не уточняй, как часто. Ладно?

— Ладно.

И все равно мне безумно приятно. Пусть даже я предпочитаю завтракать сидя, умывшись и почистив зубы.

— Вика, — отхлебывая кофе, спросил я. — Как у тебя планы на сегодня?

— Работать. Я позвонила, что немного задержусь... но именно немного.

— Ты можешь сегодня забыть про работу? Давай куда-нибудь сходим. В театр. На концерт. Просто побродим где-нибудь...

Вика смешно надула губы.

— Ага... хорошо бы... Но не выйдет.

— Почему?

— Потому что ты тоже работаешь сегодня.

Она улыбнулась, чмокая меня в лоб.

— Не хочу, — тоном капризного ребенка воскликнул я.

— Это очень хорошо, что не хочешь. Но надо. Ты поедешь к своим друзьям. Вы решите, что делать с файлами Дибенко. Вы свяжитесь с ним... попробуете найти Темного Дайвера. И разберетесь наконец, что со всем этим делать.

— Кто и что хочет делать, — уточнил я.

— Именно. Найдите баланс интересов. Мое мнение — не стоит сейчас этой штуке появляться в мире. Во всяком случае, широко и открыто. Человечеству не хватает только искусственного интеллекта и людей, обретших бессмертие в электронном мире... для полного психоза. Мне кажется, что Дибенко это понимает. И этот... Темный... не может не понимать. Чего-то же он хочет? Вряд ли раздать файлы всем желающим или довести Дибенко до банкротства и самоубийства. Деньги, власть, слава, уязвленное самолюбие... Ищите мотив. Ищите компромисс. Это мое вам напутствие... со стороны прекрасной части человечества.

— Ладно. — Я улыбнулся. — Попробуем...

— И береги себя. — Лицо Вики стало серьезным. — Пожалуйста. Если увидишь Темного Дайвера — выныривай. Вдруг Дибенко прав, и он вооружен?

— Хорошо.

— Леня... я понимаю, что это не шутки. И что теперь вы все рискуете жизнью. Мальчишку вы лучше вообще не берите с собой в Диптаун — он потенциально самый удобный заложник.

— Да. Я скажу Чингизу.

— Мне очень не хочется забывать то, что я говорила вчера. Забывать, чтобы взять в руки оружие и самой выходить на охоту. Но ты же знаешь, я это сделаю.

— Знаю.

— Тогда береги себя. И причешись.

Я поперхнулся кофе от столь причудливого переплетения советов. Но Вика уже отставила поднос на тумбочку, встала с кровати, оправила юбку. Улыбнулась.

— Мне пора. Удачи, Леня. Крепкого коннекта, быстрого пинга...

Интересно, как на самом деле провожают на войну?

Не знаю... слава богу. Сам не провожал, меня не провожали. Крутятся в памяти картинки — из школьных учебников, из книжек, из фильмов. «Со щитом или на щите...» Разноголосый бабий вой... Молчаливый, даже не молящий — смирившийся загодя со всем, что может случиться, взгляд...

Или так — «крепкого коннекта, быстрого пинга». Даже это пожелание устарело. Не через модем я вхожу в *глубину*, чтобы замирать истуканом на время разрыва и восстановления связи, притормаживать с ответами, когда связь просто ухудшается. Но нового пожелания еще не придумано... или мы его просто еще не слышали.

Надо попытать Пата или Илью. Молодежи лучше знать.

А еще неделю назад я бы подумал, что надо найти и спросить Ромку...

Хлопнула в прихожей дверь. Я встал, стряхнул с постели крошки прямо на пол. Вечером обязательно устрою уборку. Вике будет приятно. И пол помою. И даже с полок и шкафов пыль сотру.

А сейчас — собираться.

Душ. Ледяные и горячие струи. Мускусный запах геля.

Кто там собирался не идти сегодня в *глубину?*

Да был тут один такой...

Я провел по запотевшему зеркалу мокрой рукой. Посмотрел на себя. Краснота из глаз почти ушла. И чуть-чуть разгладились губы, привыкшие сжиматься в тонкую нить.

Компромисс?

Посмотрим. Как получится. Худой мир лучше доброй ссоры.

Но ведь если бы Темный Дайвер не подставил вместо себя Падлу и Ромку — пацан был бы жив...

— Я попробую, Вика... — сказал я, заставляя губы разжаться. — Я, честное слово, попробую.

В метро было людно. Я отвык ездить в часы пик, что ни говори. Стоял у самой двери, между бомжеватым стариком,

заранее усталой женщиной и мрачным тинэйджером, закупорившим уши плейером. Вряд ли я выглядел лучше их... ну, исключая, конечно, старика в грязном пальто. В меру затрапезный вид, помятое, бледное лицо, напряженный взгляд.

А ведь это страт, социальный срез общества. Стоит, конечно, добавить еще нувориша вроде Чингиза... но они в метро не ездят. Но и без таких неплохо. Старик, которому уже все равно... Женщина, привычно тянущая какую-то унылую лямку... Мальчишка, не желающий видеть и слышать ничего вокруг...

Ну и я, конечно же.

Не столько вынырнувший дайвер, сколько свежевсплывший утопленник. От старика — равнодушие к своему бренному телу и внешнему виду. От женщины — усталость, только не из-за пребывания за прилавком или в конторе, а по собственной глупости. От подростка — пробки в ушах... когда дело касается реального мира.

Чего не хватает нам всем, чего? Здесь, в настоящем мире? Я не верю в то, что плохих людей больше, чем хороших. Я не верю в то, что мы слабее. Я не верю, что каждый желает каждому зла. Да, можно привести сколько угодно примеров против. Убийцы, психопаты, дегенераты, просто хамы, эгоисты и подлецы. Полно их в мире. Но все равно они в меньшинстве — иначе мир давно превратился бы в окровавленную мясорубку...

«Разве он еще не превратился?» — спросил я сам себя.

Нет. Наверное, нет. Иначе крепкий паренек пинал бы валяющегося на полу старика, изгоняя из мира старость и грязь. Женщина подхватывала бы монетки, высыпавшиеся из карманов жертвы. Все остальные пассажиры заключали ставки — на какой минуте старик испустит дух.

А я сидел бы дома, в шлеме и комбинезоне, слабо подергиваясь в кресле, в то время как в райских дебрях Диптауна гурии ублажали бы мое виртуальное тело...

Ведь все-таки я еду сейчас к Чингизу не потому, что беда грозит лично мне. И мальчишка плюнул бы мне в лицо, а женщина влепила пощечину, услышав мои мысли.

Даже не потому, что эти мысли — лживый бред. Паренек брезгливо морщится, когда его взгляд падает на старика. А для женщины, явно немалая сумма те два доллара в день, что я не задумываясь отдаю фирме «Ньюком-порт» за право ходить в *глубину*.

Вот только есть во всех нас что-то еще, помимо звериного оскала, помимо бодрых животных инстинктов и веселого гогота. В ком-то больше, в ком-то меньше. Но все равно есть во всех. Барьером между зверем и человеком. Крепкой решеткой, которую можно пилить или вкопать поглубже — как хочешь. Мостом над пропастью.

Я не знаю, когда не станут нужны эти решетки. Может быть, и впрямь, лишь когда козленок возляжет рядом с барсом.

Только если бы я верил, что они навсегда, — еще вчера бы взял подаренный Дибенко пистолет и пошел наводить в Дип-тауне свои порядки.

Дверь мне открыл Чингиз. Чисто выбритый, подтянутый, в джинсах и клетчатой байковой рубашке.

— Проходи, — без всякого удивления сказал он.

— Не разбудил?

— Нет. Я всегда встаю рано. Это Пат и Падла спят до полудня.

Из-за спины Чингиза вышел ретривер. Я протянул руку любопытному Байту, пес ткнулся носом в ладонь и по-свойски потерся о мою ногу.

— Пошли на кухню? — предложил Чингиз.

— Пиво? — подозрительно спросил я.

— Нет, думаю, кофе. Кофе с коньяком. Или с рижским бальзамом. Ты любишь рижский бальзам?

— Конечно. Как положено любому бывшему советскому человеку.

Видимо, судьба у меня сегодня такая — пить кофе...

На кухне с наших прошлых посиделок ничего не изменилось. Совсем. Даже пустые бутылки из-под «Жигулевского» присутствовали, только я очень сомневался, что они те самые. Падла, похоже, пиво пьет как воду.

— Сейчас...

Растворимый кофе Чингиз явно презирал. Кофеварки — тоже. Я сидел и смотрел, как он засыпает в маленькую ручную кофемолку горсть зерен — «Коломбо», от «Московской кофейни на паях», неторопливо, аккуратно мелет...

— Ничего, что кофе наш? — спросил Чингиз. — Некоторые кривят нос, но... действительно хороший кофе, правильно обжаренный. Я не покупаю импортных товаров, если есть дос-

тойные отечественные заменители. — Он подумал секунду и добавил: — Только вот редко они находятся...

— Ничего. Я сам такой пью.

Хорошо быть богатым. Можно и повыпендриваться.

— Чингиз, на чем ты деньги делаешь?

— Компакты, — спокойно ответил Чингиз. — Пиратские компакты. Сидишники, ДВД. «Виндоус-Хоум» за пару долларов, свежие игры, сборники программ... Когда ты идешь на митинский радиорынок или просто подходишь к лотку — ты отстегиваешь мне немножко денег. На кофе.

Он высыпал молотые зерна в турку.

— Вот я сейчас тебе и компенсирую этот позорный факт...

— Ясно.

— Переводы игр... если игра нравится, я порой и сам этим занимаюсь. Если нет — отдаю ребятам. Иногда Пату. Ему хочется самому зарабатывать...

— Теперь понятно, кому я обязан дешевыми шуточками. «Ваш корабль пристал к острову сирен, те пели «Депеш Мод», так клево, что часть команды дезертировала».

— Это точно не Пат, он «Депеш Мод» не любит...

Чингиз разлил кофе по чашкам. Достал и поставил на стол бутылку рижского бальзама, маленькие серебряные рюмки.

— Ты как будешь, в кофе или отдельно? Я обычно отдельно.

— Я тоже.

Мы оба невольно усмехнулись.

— Удачи нам... — Чингиз поднял рюмку.

— А мне? — мрачно донеслось с лестницы. — Ты, что ли, Леня?

Падла стоял, почесывая живот, близоруко щурясь.

— Опять очки потерял? — спросил Чингиз.

— Не потерял. Я помню, они где-то в квартире... кажется.

Подтягивая свои чудовищные сатиновые трусы, Падла уселся рядом.

— Кофе в турке, бери, пока не остыл, — посоветовал Чингиз.

— Нет бы налить старому другу... совсем стыд потерял... — буркнул Падла и потянулся к плите. — Вот придут тебя раскулачивать, слова поперек не скажу!

Он крякнул, торжествующе бухнул турку на стол. Поискал глазами чашку, вздохнул, отхлебнул прямо так. Плеснул в кофе бальзама. Изрек:

— Лепота... что ни говори... Чингиз, я у тебя, наверное, до весны поживу. Хорошо?

— А если я скажу нет, ты, можно подумать, уедешь.

— Нет, конечно. Ты мне должен. Червонец. Еще с баржи.

Чингиз ухмылялся. Чингиз веселился от души.

— Ничего я тебе не должен. Ты мне червонец честно проиграл. Ты не уложился в срок.

— Уложился, ты поздно выключил секундомер! — рявкнул Падла. — Вот на что только эти бизнесмены не идут, чтобы денег нахапать... нет, ты глянь на него, Леня!

— А что это за баржа? — спросил я. — Уже сколько раз слышал...

— С баржи той пошло все хакерство российское! — торжественно сказал Падла. — За хакеров!

— И за дайверов, — поднимая рюмку, добавил я.

— «Экстишку» мы сперли тогда, — сказал Чингиз.

— Не сперли! Позаимствовали! Мы же ее честно вернули!

— Да, через четыре года. Кстати, зря. Надо будет выкупить... если жива еще. Пусть стоит старушка, будем иногда в «Диггера» играть.

— «Диггер»... — мечтательно сказал Падла. — Да...

— Собиралась там компания... начинающих программистов. На старой, стоящей на приколе барже. Вокруг единственного компьютера. — Чингиз улыбнулся, явно вспоминая что-то свое. — Учились. Всему. Пили дрянное пиво, дрянной кофе, ели трехкопеечные булочки и котлеты из опилок... Хорошо было. Правда, Тоха?

— Правда, — кивнул Падла. — Только у меня тогда «харлея» не было. «ИЖ-Юпитер». А так — хорошо.

Он шумно втянул в себя кофе. Вытер рот тыльной стороной ладони.

— Ну... братцы-кролики. Что делать-то будем?

— А зачем что-то делать? — ответил Чингиз вопросом. — Помешать Дибенко распространять программу — не в нашей власти. Самому ее распространять... да, я понимаю, как будут улетать диски с программой, позволяющей создать свою бессмертную копию в виртуальном мире. Но знаешь, мне на жизнь и так хватает.

— Что Дибенко намерен делать с программой? — спросил у меня Падла.

— Не знаю. — Я пожал плечами. — Можно попробовать спросить. Вдруг и ответит честно.

Чингиз вздохнул:

— Программы такого рода, на разработку которых ухлопано море денег, над которыми трудились десятки специалистов, не кладут под сукно. Это вообще невозможно. Весь вопрос в том, когда ее выбросят на рынок.

— Темного Дайвера надо спрашивать... — сказал я. — Чего он хочет...

— Придет он. — Чингиз прищурился. — Куда денется...

— Приветики...

На кухню зашел Пат. Заспанный, протирающий глаза, в джинсах и босиком.

— Чего вы так рано... — открывая холодильник, буркнул он. Замер на миг, высматривая добычу, потом вытащил коробочку йогурта и плюхнулся за стол. — Орете тут, на весь дом слышно...

— Иди умойся, — велел Чингиз.

— Угу. Поем только...

— Правильно, — поддержал пацана Падла. — Лишняя гигиена — это происки изнеженного западного общества. Настоящий хакер должен быть грязным, непричесанным, с желтыми зубами и лицом серого цвета.

Пат исподлобья посмотрел на хакера, но упрямо продолжал есть йогурт.

— У меня сегодня дела, — сказал Чингиз. — В *глубину* смогу пойти лишь вечером. Давайте встретимся здесь же... но в *глубине*. В семь часов. Нет, лучше в восемь. Всех устраивает?

— Пораньше бы... — сказал Пат. — А?

— Парень, тебе лучше пока не ходить в *глубину*, — сказал я.

— С чего это?

— Из детей традиционно получаются самые лучшие заложники.

Пат фыркнул:

— Я сегодня буду ростом в два метра и с бородой...

— Леонид прав, — кивнул Чингиз. — Думаю, пару дней тебе надо провести без виртуальности.

По взгляду мальчишки я понял, что упал в его глазах... значительно глубже той несчастной пропасти перед Храмом.

— Ленька, я на тебя вообще обижен!

— Но послушай...

— Ты в меня из ракетомета пальнул! — облизывая ложку, сообщил Пат. — И убил насмерть. А если бы у меня болевой шок случился? Или аппендицит лопнул?

— Не заговаривай зубы, — спокойно ответил Чингиз. — Ты сегодня без *глубины*.

— Ну и посмотрим, чего вы там без меня навоюете... — буркнул Пат. — Программу ту откроем? Я поюзать хочу немножко... не в *глубине*, так просто... Хелпы почитаю...

— Я свой ключ забыл, — усмехнулся Чингиз. — Поел? Иди умывайся.

— Гады, — бросил Пат, вставая. — Что, троим мужикам легко с ребенком справиться?

— Как обижаться, так ты ребенок, — доставая папиросу, сказал Падла. — А как порнуху гигами таскать — совсем взрослый.

Похоже, с Падлой тинэйджер предпочитал не спорить. Засопел и вышел.

— Сам не полезет? — спросил я.

— Нет. Он видит, что мы не шутим. — Чингиз тоже закурил. — Программу ему... поюзать...

— А что мы, собственно говоря, испугались? — Падла выпустил густой клуб дыма. — Ну да... непривычно. Новая декорация в театре жизни. Искусственный разум... разумный, или почти разумный электронный двойник, возможность пребывать одновременно и в *глубине*, и в реальном мире...

— Это не новая декорация, — сказал я. — Это новая сцена, на которой нам придется... даже не играть, жить.

— И все равно. Мы привыкли сразу видеть плохое. Привыкли подозревать, привыкли опасаться. А вдруг это — чудо? Спасение? Наступление золотого века? Вкалывают, понимаешь, роботы! Счастлив, не поверите, человек!

Падла обвел нас торжествующим взглядом. Я промолчал. Чингиз — тоже.

— Вот... — Падла старательно забычковал папиросу, положил на подоконник. — Не выбрасывайте, может, докурю еще... Пойду я спать, боевые товарищи. Прав мальчик, орете тут ни свет ни заря...

Вставая, он ловким движением прихватил почти полную бутылку бальзама. Чингиз не заметил или не счел нужным возражать. Сказал, глядя в окно:

— В чем-то он прав... не находишь?

— Насчет сна? — не удержался я.

— Насчет подозрений и опасений. Насчет нацеленности на худшее. Да... это нужно. Это спасает порой. Вот только, что, если сейчас совсем другой случай?

— Не знаю, — честно сказал я. — Не знаю, Чингиз.

— То-то и оно...

Чингиз встал. Подошел к окну, постоял, засунув руки в карманы.

— А что тогда делать, Чингиз? — спросил я. — Что делать, если не знаешь, какая дорога ведет к добру, а какая — к злу?

Чингиз задумчиво поднял заначенный Падлой чинарик. Щелкнул зажигалкой, раскурил. Поморщился:

— Как он курит эту гадость...

— Стоять на месте? — сам себе ответил я. — Тогда далеко не уйдешь. Вернуться назад? Совсем плохо...

— Ты идешь по лесу и натыкаешься на высокую стену, — неожиданно сказал Чингиз. — Твои действия?

— Я знаю этот тест.

— Тогда вспомни, как отвечал.

— Иду направо, километр примерно. Если стена не кончается, иду налево — два километра. После этого пытаюсь перелезть.

— Обязательно пытаешься? — заинтересовался Чингиз.

— Да.

— А я сказал, что это зависит от цели. Куда я иду и зачем...

Чингиз затушил окурок, достал свои сигареты. Что-то он сегодня много курит.

— Настоящая зима пришла. Верно, Леня?

Я тоже встал и посмотрел вниз.

Снег. Белый, чистый, мягкий. Он не искрится на солнце — небо затянуто облаками. Но это уже настоящий снег. Он не сойдет до весны.

— Новый год, — сказал Чингиз. — Апельсины, пирог в духовке, салаты, шампанское... Елка, мишура, бенгальские огни, гирлянды... Гости, музыка, шутки, куранты... Похоже на тест на свободные ассоциации, верно?

— Похмелье, мусор, усталость, потерянная запонка... — сказал я. — Ты ведь не это вспомнил в первую очередь?

Чингиз кивнул. Улыбнулся:

— Я больше люблю лето. Только оно всегда кончается. Как ты думаешь, Леонид, может быть, это и хорошо? Бесконечное лето. Пусть в электронном мире. Пусть даже там будешь не совсем ты... но ведь там всегда будет лето. Помнишь, когда мы стояли там, в *глубине*, и ты говорил, что лето кончилось? Так ведь теперь оно может стать вечным.

— Тут каждый решает сам, Чингиз, — осторожно сказал я. — Что важнее... лето, или бесконечное лето. Жизнь, или иллюзия жизни...

Чингиз не просто улыбался, Чингиз веселился.

— Я — живой! — сказал он. — Я живу. Я буду жить. Лето кончится не скоро.

Как его зацепило...

А он меня словно уже и не видел. Смотрел в окно, смотрел на белый снег, столбик пепла сползал с сигареты, улыбка как будто приросла к лицу.

— И сейчас — тоже лето. Только очень морозное. Но будет новое лето... я чувствую его дыхание, легкую поступь по заснеженным листьям... Лето...

Он жадно втянул дым.

Так не разговаривают. Даже на сцене, если пьеса не из девятнадцатого века.

Уж тем более так не говорят богатые бездельники, какими бы симпатичными и образованными они ни были.

— Жаркий ветер на щеке, вкус земляники на губах, звезды в небе, касание теплой воды... Лето... Оно уходит так быстро, что не успеваешь крикнуть «постой!» И кажется, долго кажется, что оно еще здесь. В кончиках пальцев — память, память о лете. Дрожью, судорогой, головой вскинутой навстречу дождю, тихим смехом и случайной улыбкой — лето... Все-таки лето. Тебе говорят, что оно уже ушло, но ты ищешь его следы, бежишь, опаздываешь, не успеваешь... Но все-таки лето. И ты идешь по его тающим следам... два часа в машине, три часа на самолете, немного пешком — поехали! Куда — не знаю. Приедем. Все ради лета. Маленького-премаленького. Робкого кусочка отставшего лета. А больше и не надо, иначе умрешь от тепла... Лето...

— Чингиз... — тихо сказал я. Он не слышал. Он догонял свое лето.

— Дайте мне мой кусочек лета... А он и так со мной. Навсегда. Мое лето. Какое было, какое есть, какое будет. Лето навсегда!

Я ведь помню, как оно уходит. Как желтое солнце плавится в алый закат. Как ветер начинает пахнуть снегом. Я улыбался ветру. Я просил его: «Подожди!» Чуть-чуть! Оставь мне немножко лета! А ветер видел таких, как я, не раз. Пока было тепло — он не спорил со мной. Но стало холодно, и ветер прошептал: «Лето кончилось». Я поверил не сразу. Но лето кончилось. Пошел дождь. Холодный, унылый, серый. Я протянул руку и поймал каплю воды. Мне не понравилось отражение. «Это не я!» — сказал я воде. Но капля застыла крупинкой льда. И я понял, что это — мое отражение. И самое страшное — оно не тает на моей ладони. Значит, ладонь не теплее льда.

Чингиз засмеялся.

— И вот тогда я понял — лето кончилось.

— Что с тобой, Чингиз? — только и спросил я.

— Да все в порядке...

Он кинул в пепельницу истлевшую сигарету. Спросил:

— Неужели ты еще не почувствовал, Леонид? Этого великого искуса? Этого дыхания вечного лета? Да чего стоит придуманное Дибенко оружие! Не он — так другой бы сумел... рано или поздно. Давай судить его не этим. *Глубиной.* И вечным летом. Жизнь, иллюзия жизни... я, или мой двойник... Да какая разница? Если он войдет в лето? Леонид... джинна не удержать в глиняном кувшине. *Глубина* станет иной. Будем мы что-то делать или нет — все равно. Может быть, поможем прийти новому миру? Раскроем ключи, поставим на машины «Искусственную натуру». И уйдем в лето...

— Нет, — сказал я.

— Почему?

— Есть еще Маньяк, Маг, Крейзи. От их слов зависит, вспомню ли я свой ключ. Есть Вика. От ее слов зависит, уйду ли я в лето. Есть Дибенко. И поверь, он думает над всем этим не первый день. Есть Темный Дайвер. И я хотел бы узнать, чего он добивается.

— Столько условий... — Чингиз кивнул. — Столько условий и одно лето на всех.

За нашей спиной раздался всхлип. Я обернулся.

Падла стоял у стены и утирал слезы грязным носовым платком.

— Чингиз... — Он трубно высморкался. — Чингиз, спой еще разок про лето? А? Я не все запомнил. Как там... «малиной во рту», «я буду долго гнать велосипед»...

— Сволочь ты бессердечная, — огрызнулся Чингиз. — Бессердечная и неромантичная.

— Я? Я за папиросой спустился. А ты ее уже скурил. Но я тебе все прощу, Чингиз. Ты только еще про лето... Слушай, а про весну так же можешь?

— Не могу. Весна — это промежуток между зимой и летом, она не самодостаточна.

— А говоришь, что я не романтичен, — вздохнул Падла. — Ладно... замяли. Ты только не забудь, поэт, тебе сейчас на разборки ехать.

— Сколько раз я тебе говорил, что на разборки не езжу! Это деловые переговоры!

— Да какая разница, как назвать? — Падла подмигнул мне. — Сигарет оставь и езжай. Ствол только не забудь почистить...

Чингиз посмотрел на меня:

— Веришь, что я однажды выставлю этого типа из дома?

— Нет. — Я покачал головой.

— Вот и он не верит. Ладно... шутки шутками... Откуда пойдешь в *глубину*, Леонид? Пат не в счет, значит, свободная машина есть. А канал у меня хороший.

— Лучше я от себя. Привычнее.

— Хорошо. Приходи в восемь.

Чингиз вышел из кухни. Прикорнувший под столом ретривер поднялся, потоптался на месте, глядя то вслед хозяину, то на нас.

Количество перевесило качество. Байт испустил почти человеческий вздох и улегся обратно.

— Находит на него порой, — весело сказал Падла. — Романтик фигов... Тут, главное, выслушать и вовремя съязвить. А то ведь не выживет в своем бизнесе. Расскажет деловому партнеру о несовершенстве мироздания, о красоте, скрытой в серых камнях, об уходящем лете, о том, как горько кричит птица, заблудившись в ночном беззвездном небе... И поставит кто-нибудь галочку в уме — «Чингиз слабеет». И все. Оцеола промахнулся. Или Акела промахнулся? Кто там был вожаком стаи, а кто вождем семинолов?

— Акела.

— Что — Акела?

— Акела промахнулся.

— Не врешь? — подозрительно спросил Падла. — Давно Киплинга не перечитывал...

— Теперь не промахнется? — поинтересовался я.

— Теперь... теперь, скорее, загрызет кого-нибудь. Чингиз на работе, и Чингиз в кругу друзей — разные люди. С первым я, слава всевышнему, почти не знаком.

11

deep

Ввод.

Цветная метель...

Почти для всех дип-программа ассоциируется со снегом. С теплым, цветным, но все-таки со снегом. Но теперь Дибенко готов подарить миру вечное лето.

Почему же оно кажется мне снежной пустыней?

Я не прав. Нет... не то. Я не вправе. Не вправе решать за других. Если даже для Чингиза «Искусственная натура» — обольстительный искус... то что говорить про других? Про паренька из провинции, который остается на ночь на работе, запертым на ключ, лишь бы влезть через чахлую линию в *глубину*, без всякого комбинезона и шлема... лишь бы оказаться под небом Диптауна, вдоволь наиграться на эльфийских пространствах, забежать в дешевый бордель и посетить недоступный в жизни ресторан... Что говорить о прикованном к креслу инвалиде, для которого *глубина* — единственный шанс ступить собственными ногами пусть по нарисованной, но такой настоящей траве. Что говорить о всех несчастных, тоскующих, измученных, уставших, разочарованных?

Глубина...

Танец, танец теплых снежинок. Затягивающий в темноту водоворот. Калейдоскоп, фейерверк...

Свет.

Стою в своем гостиничном номере. Все нормально. На кровати — Протей и мотоциклист. Усталые старые куклы...

Ты придешь ко мне, Темный Дайвер. Придешь, и мы поговорим.

Проверяю карманы. Вот подаренный Дибенко пистолет.

Значит, к разговору я готов.

А вот и пейджер с мигающим огоньком. Ну... наконец-то Дик проявился...

Видно, сильно сдали нервы от прорвавшегося вслед за нами Императора...

Самого Дика в *глубине* нет, он оставил сообщение на пейджере.

Включаю прием, и появляется изображение.

Вот те раз... Мы редко знаем друг друга в лицо.

— Привет, Леонид.

А он и впрямь старик. Черт возьми. Ему за пятьдесят. Точнее не определю. У меня было слишком мало знакомых чернокожих.

Ну никогда я не предполагал, что Крейзи Тоссер — негр!

— У меня совсем мало времени, — говорит Крейзи. Пытается улыбнуться. В лице — боль. Он лежит, и вокруг суетятся какие-то тени. — Я выпросил... одну минуту. Ничего. В наше время от первого инфаркта не умирают. Верно?

— Верно, Дик, — говорю я, хоть он и не может меня слышать, его давно увезли в больницу, над ним сейчас колдуют врачи и сиделки, и я верю, что все будет нормально, Ричард обеспеченный человек, американская медицина не чета нашей, и все обязательно будет хорошо, не может не быть...

— Дочка отправит тебе письмо... а со мной все будет хорошо. Нервы сдали, Леонид. Старый я стал. Старый и глупый. Ничего...

Дик смотрит куда-то в сторону, едва заметно кивает. Его торопят. Не знаю уж, что он сказал, что соврал, чтобы ему позволили наговорить перед камерой это сообщение. Что-нибудь о важном контракте, о сделке в миллион долларов, наверное...

— Я верю, что ты дошел. И что все сделаешь, как надо, тоже верю. Удачи тебе... дайвер. Поработай и за меня... слабонервного глупца. Удачи.

Изображение исчезает.

Такие дела... такие дела.

Я вспоминаю, как изменилось лицо Дика, когда Император спросил «кто вы».

Вот такой зарождающийся искусственный интеллект. Вот такой прогресс. Убивает, во всяком случае, почти по-настоящему.

Нет, я не думаю, что Император ударил Крейзи Тоссера чем-то вроде оружия третьего поколения. Скорее, тут действи-

тельно виноваты нервы. Напряжение, усталость... и больное сердце.

И все-таки сотворенная Дибенко жизнь уже готова убивать.

Открываю дверь. Осторожно выглядываю в коридор, выхожу, запираю.

Пока спускаюсь по лестнице, кидаю на пейджер Дибенко просьбу о встрече. Не люблю ждать. Поэтому, наверное, и приходится вечно этим заниматься.

Только поймать такси в Диптауне никогда не проблема. Едва поднимаю руку, как притормаживает машина. Водитель — молодой панк с гребешком цветных волос на голове и в рваной куртке на голое тело. Кажется, программа. Называю адрес и раскидываюсь на заднем сиденье.

Сегодня на улицах постоянные пробки. Такси еле ползет. Минуем Виртуальную площадь, потом машина сворачивает куда-то в китайский квартал.

— Так будет быстрее? — интересуюсь у водителя.

Чайна-таун появился в *глубине* недавно. Китай очень долго не желал входить в общую виртуальность. Но все-таки и их проняло...

Теперь квартал стремительно разрастается, раздвигая Диптаун вокруг себя. Пространства в виртуальности — сколько угодно. Наверное, китайцам это нравится.

— Быстрее, — говорит водитель.

— Уверен? Смена маршрутизации...

— Уверен.

И тут манера ответа перестает мне нравиться.

Я смотрю в крепкий, бритый затылок. Прокручиваю в памяти короткий разговор.

Программы-водители изначально вежливы. Лаконичным до грубости умеет быть лишь человек.

Додумывать не успеваю. Что-то вопит внутри — инстинкты, чутье, интуиция.

В следующий миг я прикладываю к затылку водителя ствол пистолета. Мягко, но ощутимо.

— Останови машину!

Цветные фонарики над лавками. Бумажный дракон в сочно-синем небе. Улыбающиеся, все сплошь улыбающиеся, лица прохожих.

— Машину, — повторяет водитель. И начинает набирать скорость:

Это не программа! Я отдал приказ и не получил ни отказа в выполнении, ни послушания. Только человеку дано лгать и тянуть время.

— Парень, ты пожалеешь. У меня оружие третьего поколения.

Водитель поворачивает голову. Улыбается.

У меня перехватывает дыхание — он смотрит на меня, но продолжает мчаться по улице, продолжает рулить.

— Правда? И что с того?

Со мной не может случиться ничего страшного. Не должно. Я в виртуальности, черт возьми, и самая большая из возможных неприятностей...

Самая большая — смерть.

Толчок, глухой удар о капот — чье-то тело отлетает к обочине. Крики. Ничего страшного, конечно, у человека сработает выход по недопустимо сильному физическому воздействию. В Диптауне можно было сделать любые столкновения абсолютно безопасными, человек мог бы встать, отряхнуться и пойти дальше. Но тогда, рано или поздно, он мог бы шагнуть на реальную дорогу, не боясь несущихся машин...

Водитель, даже не оборачиваясь, начинает хохотать. Он не мог не понять, что произошло... и он смеется.

— Останови! — повторяю я.

Чего он добивается? Задержать меня в *глубине?* Доставить куда-то, куда я ехать не собирался?

— Потерпи немного, — советует водитель.

Он смотрит в дуло пистолета и улыбается. Потом открывает рот и медленно обхватывает ствол губами.

Безумие. Какой-то немыслимый сексуальный извращ. Минет с пистолетом.

И я вдруг понимаю Крейзи Тоссера, который открыл стрельбу по Императору.

— Зря, — говорю я, пока палец сдвигает предохранитель. — Зря.

Мы по-прежнему несемся по узким улицам Чайна-тауна, и уже нет никаких сомнений, что это не кратчайший путь к дому Чингиза. Впереди машины будто катится волна — люди разбегаются, освобождая дорогу.

— Три... — говорю я.

Да чего он хочет, черт возьми?

— Два...

Снова насмешливая, человеческая улыбка. Какой он веселый парень! Я, впрочем, тоже умею шутить. Первые пять зарядов — парализующие... если верить Дибенко.

— Один...

Водитель тормозит.

Я даже не успеваю порадоваться за его благоразумие. Машина — в каком-то узком, захламленном тупичке. У стены — человек в темном плаще.

И в его руках пистолет.

Я успеваю пригнуться, когда звучит выстрел, и пуля разбивает стекла. Лежу на заднем сиденье, а водитель, перегнувшись через спинку кресла, ухмыляется, сжимая зубами ствол моего пистолета. Потом начинает откидывать голову, с неожиданной силой выдирая оружие из рук.

И тогда я нажимаю спуск.

Белая пыль, запах горелой кости. Крошево выбитых зубов облачком висит в салоне.

— Ай-яй-яй... — шепеляво произносит водитель. И улыбается.

Пистолет он выпустил. Вот только умирать не собирается. И на парализованного никак не похож.

На стволе пистолета — отпечатки зубов.

Сволочь Дибенко!

Все снова на инстинктах, я достаю левой рукой револьвер Стрелка, взвожу курок, вскидываю оружие и стреляю в улыбающееся лицо...

А вот со вторым поколением все в порядке... и даже более чем...

Я должен был убить его машину. Пережечь процессор, так же как пережгли его мне. Виртуальное тело должно было застыть или исчезнуть мгновенно.

Но сегодня все идет неправильно.

Пуля входит ему в шею. Вирус, пакет электронных импульсов, троянец — я не знаю, как правильно назвать этот заряд. Но для меня это именно пуля.

И для водителя, видимо, тоже.

Он кричит, вскидывая руки к горлу, зажимая рану ладонями. Кровь хлещет сквозь сжатые пальцы, пальцы проваливаются в рану, раздирают ее...

И под скрюченными пальцами — блеск металла и путаница проводов...

Киборг. Панк-киборг. Классический, можно сказать.

Мне сводит руку, я стреляю повторно, и вторая пуля добивает киберпанка.

Голова, украшенная петушиным гребнем, разлетается вдребезги. Кровь, грязь, липкое серое месиво, крошево микросхем и жгуты кабелей.

Какая гадость этот классический киберпанк...

Открываю дверь, вываливаюсь из машины. Падаю в пыль, укрываясь за колесом от того, кто стрелял в меня.

— Эй, Леонид!

Голос смутно знакомый. Молчу, пытаюсь определить, где враг. В голове — полный сумбур.

Заряды третьего поколения не сработали. Но не потому, что Дибенко меня обманул.

Я стрелял не в человека.

Я стрелял в искусственный интеллект. Или — в чью-то «вторую натуру».

Заряды второго поколения помогли. Не знаю, убит ли он полностью, или ему нужно время, чтобы собраться заново, перенести части своего сознания из одного участка сети в другую. Но даже если я нанес киберпанку непоправимые повреждения — убийцей себя не чувствую.

— Леня, зачем же так сурово?

Голос насмешливый, голос даже веселый.

— В ответ на твой выстрел! — кричу я и рывком перекидываюсь за другое колесо.

— О, я стрелял парализующим... Я не собираюсь тебя убивать, поверь.

— Ты Темный Дайвер!

— Да, меня зовут и так...

Вот и дождался.

Лежу в грязи, где-то на окраине китайского квартала. Прячусь за машиной, в которой валяется убитый мною искусственный разум. Беседую с Темным Дайвером, у которого в руках оружие...

Снова прячу револьвер Стрелка, достаю пистолет «от Дибенко». Через мгновение достаю обратно и револьвер.

Так будет надежнее.

— Я не сержусь, что ты убил водителя, Леонид. Хватило ума стрелять вторым поколением, да? Ничего, я не в обиде. Их уже довольно много, спасибо Диме Дибенко. И они легко поддаются манипулированию. Импульсивные, как подростки... иногда не могу понять, по-настоящему ли они разумны...

— Чего ты хочешь от меня?

Где же он? Мне видна стена, но я не вижу Темного Дайвера.

— Поговорить, Леонид. Только поговорить! Я ведь за этим и к Чингизу приходил, но вы оказались столь негостеприимны...

— Говори! — советую я.

Тихий смех.

— У тебя не лучшая позиция для разговора...

— Ничего, я сумею найти аргумент и в этой позиции... — поводя стволами, отвечаю я. — Давай, вещай!

— Файл, Леонид.

— Какой файл?

— Не валяй дурочку! Мне нужен файл, который достали у Дибенко Падла и Ромка. У нас был договор.

— Ты подставил их, сволочь! Договор расторгнут!

В этом китайском районе есть вообще полиция? После столь шумного проезда по улицам нас должны были арестовать десять раз... попробовать арестовать, точнее.

— Остынь!

Мне показалось — или его голос становится абсолютно серьезным.

— Я не мог предвидеть, что за ними предпримут охоту с новым оружием! Да, это я настоял, чтобы Падла взял Ромку на взлом!

Надо же...

А Падла этого мне не сказал. Пожертвовал возможностью полностью обелить себя!

Вот такой грубый, шумный, язвительный хакер...

— Пацану это было нужно! Он хотел найти себя в жизни. Понимаешь? И нашел бы, не случись нелепой трагедии. Я хотел ему помочь. Веришь?

Я лежу в пыли, прижимаюсь лбом к грязному протектору. Я смотрю в пыль.

Я верю.

Почему так происходит? Стоит добраться до самого дна — и видишь, что никто и ни в чем не виновен по-настоящему.

Мне кажется, что Темный Дайвер не врет. Вряд ли у него были основания желать Ромки смерти. Да и не было никаких оснований к тому, что Ромка серьезно пострадает при взломе «New boundaries».

— Веришь?

— Зачем тебе файл? — кричу я в ответ.

— Веришь или нет?

Неужели это для него важно? Мой ответ... мое отношение к нему.

— Верю, — говорю я вполголоса.

Но он явно слышит.

— Хорошо. Мне нужен файл. Отдай его, и у нас не будет больше взаимных недоразумений. Или ты и впрямь нанялся работать на Дибенко? Милая провокация, но я никогда не поверю. Ты слишком хорошо помнишь, как тонул в *глубине*.

— Зачем тебе файл? — повторяю я.

Тупое упрямство — иногда единственный выход.

— Он пойдет в свободный доступ. Всем желающим. Если хочешь, я дам время, чтобы Чингиз успел выпустить его в продажу.

— Что произойдет вслед за этим — ты подумал?

Темный Дайвер смеется.

— А ты как считаешь? Виртуальщики станут ходить в *глубину* с «Искусственной натурой» на машине. Каждый желающий сможет перенести свою личность в сеть. Нынешние мощности Диптауна этого не позволят... прогресс будет подстегнут. Виртуальный мир вырастет тысячекратно.

— Смысл?

— Я люблю *глубину*.

Мне кажется, что это длится бесконечно. Разговор с оружием в руках...

— Я не готов дать ответ. Встретимся через сутки...

— Леонид, не пытайся меня обмануть. Тебе никуда не скрыться. Я достаточно наглядно продемонстрировал свои возможности? Или еще нет?

Возможности, значит...

Глубина-глубина, я не твой...

Я так привык к эффекту этой короткой фразы!

А мир вокруг не обретает мультяшных очертаний. Мир остается прежним. Я в *глубине*, и *глубина* стала реальностью.

Первая и последняя из способностей дайвера, основа основ — утрачена.

Глубина-глубина, я не твой...

Бесполезно.

— А теперь — наглядно?

Он смеется.

Он знает, что я пытался сделать, и знает, что я потерпел неудачу.

Господи, да откуда у него эти возможности? И есть ли им предел?

Не может не быть... иначе бы он достал и расшифровал файл давным-давно. Темный Дайвер не всесилен.

Значит...

Я вскакиваю, перекатываюсь через капот машины. Падаю.

Больно-то, черт...

Темный Дайвер по-прежнему у стены. Только он не стоит на земле, он висит в метре над асфальтом, медленно-медленно перебирая в воздухе ногами. Вот почему я его не видел.

— Я даю тебе два часа, Леонид, — говорит он очень спокойно. — Далее начнутся очень серьезные проблемы. Пока.

Может быть, я успел бы выстрелить. Но сейчас его лицо — лицо Ромки. И это меня останавливает. Сволочь он все-таки...

Темный Дайвер проводит по стене рукой — и в выщербленных кирпичах раскрывается узкая щель. Вот в эту щель он и уходит, втягивается, расплющиваясь в тонкий цветной лист.

Еще одна демонстрация силы...

Хочется плакать. От обиды. Как ребенку, поставленному в угол с напутствием «подумать».

Прячу револьвер Стрелка в кобуру, пистолет просто в карман. Бросаю последний взгляд на машину, где застыло расстрелянное тело панка.

— Стоять!

Голосок у полицейского тонкий, пронзительный. С таким тонким воплем надо кирпичи пяткой разбивать. По внешности — вылитый Джеки Чан.

— Стою, — меланхолично отвечаю я. Как-то не пугает меня полиция Диптауна после общения с Темным Дайвером.

— Кобуру снять, бросить на землю!

Подчиняюсь.

Полицейский, держа меня на прицеле своего массивного револьвера, приближается. Осторожно заглядывает в машину. Глаза его округляются.

— Он не мертвый, он просто так пахнет, — любезно сообщаю я.

— Тебе это будет стоить дорого... — с каким-то даже восторгом сообщает полицейский. Скорби по водителю в его голосе нет, он же понимает, что все понарошку...

— Не думаю.

Кобура с револьвером под ногами, но вот пистолет Дибенко рядом. Колебаться некогда. Мне дали два часа на раздумья. Разборки с полицией не входят в мои планы.

Взгляд у полицейского удивленный-удивленный. Он костенеет и падает на спину. Рука продолжает крепко сжимать пистолет.

Подхожу, с легкой дрожью заглядываю «Джеки Чану» в лицо. А если Дибенко соврал насчет первых пяти патронов?

Полицейский начинает говорить так быстро, что программа-переводчик захлебывается, и я слышу его родную речь. Эх, не силен в китайской грамоте.

— Что ты сделал? Что ты сделал, негодяй? Что ты со мной сделал? — наконец программа справляется с задачей.

— Не волнуйся, — успокаиваю я стража порядка. — Через четверть часа паралич пройдет. Вы ведь заказывали разработки парализующего оружия? Так вот, они закончились удачно!

Я оставляю его лежать и любоваться небом.

Полиции Диптауна полезно подумать о последствиях своего заказа. Я не знаю, возможно ли повернуть время вспять, возможно ли загнать джинна обратно в бутылку.

Но вдруг комиссар Джордан Рейд ухитрится проделать этот фокус? Он все-таки неглупый мужик.

100

— Опаздываешь, — замечает Чингиз.

Киваю и вхожу.

По моему виду уже не скажешь, что я недавно барахтался на грязной дороге, выделывал несложные кульбиты и был забрызган кровью вперемешку с кремниевым крошевом.

Хорошая у нас в Диптауне грязь. Электронная. Быстро отсыхает и отваливается. Только почему-то помнится. Забраться, что ли, в джакузи? Или она и здесь набита пивом?

— Я общался с Темным Дайвером.

— Ого... — Чингиз кивает на двери в библиотеку. — Пошли расскажешь. Все уже здесь.

— Все?

— Кроме Пата. Его я усадил уроки делать. Иногда полезно.

В библиотеке и впрямь вся наша команда. Настроение не то, которое было перед походом в «Лабиринт». Более спокойное, пожалуй... и в то же время — более тоскливое. Маньяк и Маг о чем-то разговаривают, сидя у камина и попивая виски. Приучились к всякой ерунде в своей Америке... Падла в своем амплуа. Длинный ряд бутылок «Жигулевского», половина пустая, половина еще полная. Меня уже разбирает дикое любопытство, надо будет попробовать его в реальности. Вдруг и впрямь за последние годы вкус улучшился?

— Мне предъявлен ультиматум, — сообщаю я вместо приветствия. — У меня есть два часа... точнее, уже без десяти минут два часа, чтобы выдать Темному Дайверу файл от Дибенко. После этого обещаны скверные последствия.

Маньяк молча наливает мне виски, я беру бокал и рассказываю все случившееся в Чайна-тауне.

Когда я заканчиваю, от срока надо отнять еще пятнадцать минут. Чингиз курит сигарету за сигаретой, мрачнея все больше.

— Киберпанка, значит, прибил, — вздыхает Падла. — Силен, бродяга...

— Кто что думает? — спрашиваю я. — Честно говоря, я не готов решать один.

— Каковы возможности Темного Дайвера на самом деле? — спрашивает Маньяк. Опять он сводит все к четким... и неприятным вопросам.

— Насколько я увидел — очень большие. Он проделывал то, на что я был тоже когда-то способен... пока меня подпитывала сила Неудачника. А это... это очень многое. Я поражен, что Дибенко еще ухитряется ему как-то противостоять.

— Мы сможем выстоять? — продолжает Маньяк.

— Я вот допишу свою сторожевую программу... — начинает Маг. Неловко улыбается, машет рукой и замолкает.

— Нет, — честно отвечаю я. — Он легко мог меня прикончить там, у машины. Взлетел бы повыше и расстрелял. Или стал бы невидимым и расстрелял. Он мог сделать все что угодно.

— В «Лабиринте» бы так геройствовал... — зло говорит Падла. — Императора побил, дорогу облегчил...

— Нике не Темный Дайвер.

Как не хочется все это говорить. Оттягивал, пока было возможно...

— Уверен? — скептически спрашивает Чингиз. — Ты ее снова видел?

— Я с ней вижусь каждый день. Нике — это Вика. Моя жена.

— Мадам! — восторженно вопит Маг, оживая. — Ну я же сразу это понял, сразу, как увидел! Почувствовал знакомый почерк! Только не стал говорить... раз не хочет сознаваться, значит, не хочет...

— Ну-ну, — бросает Маньяк. — Леонид, ты уверен?

— В Нике — не уверен. Но Вике я верю. Она не Темный Дайвер.

Вопросов больше не возникает. Маньяк и Маг, полагаю, верят Вике. Чингиз и Падла — мне.

— Надо сказать Пату, — задумчиво говорит Чингиз. — Он до сих пор надутый ходит... Ладно, с Нике понятно. А с Темным Дайвером? Что будем делать?

— Твое мнение?

— Отдать ему программу. Использовать ли самим... пусть каждый решает для себя. А от Темного Дайвера отвязаться. Выпускать ее на дисках я не стану... и вообще этот канал в России буду тормозить до последнего. Как-нибудь и без сомнительных поступков заработаю на кусок хлеба.

— С икрой и маслом, — бормочет Падла. — Ребята, можно просто уничтожить программу. Темный Дайвер на психопата не похож. Заниматься местью ради мести не станет. Отпадет надобность нас преследовать — переключится на Дибенко. А тот сам виноват... это все его порождение. Мое слово — уничтожить. Безвозвратно! К едрене фене! На чьем винте она сейчас лежит?

— На моем. — Чингиз медлит мгновение. Смотрит на меня, улыбается... и я вижу в его глазах свет бесконечного лета. — Хорошо. Я согласен. Убьем. Вместе с винтом. Начисто. Не по-

лагаясь на форматирование и перезапись. Дырочка дрелью, и пузырек кислоты внутрь.

Маньяк пожимает плечами:

— Все равно Дибенко ее в свет выпустит... уверен. Ну позже... ну после еще двух лет экспериментов... О'кей. Как хотите. Уничтожить.

— Люди работали... старались... — Маг вздыхает и чешет затылок.

— Мы же не оригинал уничтожаем, — замечает Маньяк. — А копию. Украденную.

— Тогда — тереть! И не надо винт губить, у меня есть одна программка, после нее...

— Винт, — ледяным голосом говорит Чингиз.

— Ну как хочешь, если денег не жалко, винт-то хороший, не сомневаюсь... — слегка обиженно говорит Маг. — Давай, бей винт...

Все смотрят на меня.

Последнее значимое мнение...

— Подбивать итог? — спрашиваю я. У меня нет никаких колебаний, я знаю, что сейчас скажу.

— Приветики, Лень!

Пат входит в библиотеку. Он одет в комбинезон, как две капли воды похожий на обмундирование из «Лабиринта».

— Пат... — Чингиз явно начинает злиться. — Что ты мне обещал?

— Я сделал уроки! — вскидывается пацан. — Все! И еще скин клевый нарисовал! Вот, похвастаться хотел!

— «Скин» хороший, — соглашается Чингиз. — Только ты обещал не входить в *глубину*. Помнишь?

Пат умоляюще смотрит на Падлу, и тот не выдерживает. Кряхтит и произносит:

— Ладно, Чин. Уймись. Здесь-то пусть... К тому же Пат имеет право решать. Как и все мы.

Последний аргумент, похоже, действует.

— Садись, — резко бросает Чингиз. — Рисовальщик... Мы решаем, что делать с программой Дибенко.

— И что? — устраиваясь между Чингизом и Падлой, спрашивает Пат.

— Общее мнение — уничтожить. Темный Дайвер предъявил нам ультиматум, требует файл. Проще всего файл уничто-

жить, тогда он от нас отстанет. Противостоять ему мы не в силах.

— Как не в силах? — переводя взгляд с Чингиза на Падлу, а потом на меня, спрашивает Пат.

Вот как рушатся идеалы. Крутой бизнесмен Чингиз, великий хакер Падла, последний дайвер Леонид — все пасуют перед Темным Дайвером...

— Абсолютно не в силах. Его возможности в *глубине* скорее мистического характера. В отличие от наших. Или надо наплевать на Диптаун и перестать здесь появляться, либо уничтожить файл.

Надо отдать должное Пату, он не колеблется.

— Тогда давайте файл потрем! Или отдадим ему, пусть подавится!

— Нет, отдавать не станем. Сотрем. — Чингиз снова смотрит на меня. — Леонид? Твое слово?

— Тереть, — говорю я. — Тереть подчистую. И я объясню почему.

Похоже, объяснений, хотя бы каких-то, ждут все.

— Дибенко сделал очень хитрую штуку. Он решил создать искусственный интеллект, но не самоценный, а как придаток к живому человеку. Фактически это киборг. Только половинка этого киборга не механическая и электронная, а виртуальная, программная. Вначале она лишь копирует реакции человека. Потом начинает упреждать их. А потом... потом обретает какую-то собственную жизнь. Я прав?

Маньяк кивает, и я продолжаю:

— Самостоятельно эта штука тоже может развиваться... Император тому примером. Он начал как тупая программа с рядом вложенных в нее рефлексов. Кончил... кончил тем, что вышел из заданных программных барьеров. И спросил «кто я?». Так что, игрушка у Дибенко вышла на славу. Вот только одно меня смущает...

— Я понял, — кивает Чингиз. — Да, ты прав. Император — раз. Твой таксист — два.

Он действительно понял...

— Можно говорить, что Император изначально был нацелен на убийства и сражения, — говорю я. — Такова его роль в «Лабиринте». В этом направлении он и прогрессировал. Но вряд ли реальный человек, чья ожившая виртуальная половинка сошлась

с Темным Дайвером, был психопатом, веселящимся при наезде на пешехода, жующим ствол пистолета, похищающим людей. Он таким стал. И в этом нет ничего удивительного, к сожалению. Ему требовалось развиваться. Обретать свою электронную плоть и кровь. А борьба, агрессия, война — идеальные стимулы развития. Обезьяна когда-то взяла палку не для того, чтобы сбить с ветки банан... а чтобы ударить врага. Программа Дибенко — это миллионы пещерных людей, которые ворвутся в Диптаун. Миллионы цивилизованных, умных, электронных неандертальцев. Я не знаю, в кого они превратятся. Может быть, создадут свой прекрасный и добрый мир. Только вначале им потребуется борьба... схватка... драка. Для того, чтобы обрести сознание в полной мере. Для того, чтобы начать думать.

— Фиг с ним, с этим винчестером... — говорит Маг. — Чингиз, ты потом еще молоточком по нему пройдись, ладно? Хоть на годик оттянем это дело... и то хорошо.

— Все согласны? — спрашиваю я.

— Все. — Маньяк встает. — Ребята, мне пора. Бейте этот файл, сообщайте Темному Дайверу, что у нас его нет. А Дибенко передайте то, до чего мы додумались. Может быть, оценит?

— Я тоже пойду, — говорит Маг. — Мне еще дела расхлебывать...

— Запустил работу? — вяло интересуется Падла.

— Да не работу... — Маг досадливо морщится. — Вчера... как-то я расстроился от всех наших подвигов... Пришел в фирму, и так мне захотелось выматериться! Кинул по локальной сетке другу письмо... ничего особенного! «Если тебя жизнь трахает, значит, ты еще живой!» Он наш, русский, эмигрант. Должен шутки понимать!

— Почти афоризм, — насмешливо говорит Маньяк. — Ну и что? Не понял твоего юмора?

— Я не по той иконке кликнул... письмо на всех сотрудников ушло.

Маньяк присвистывает.

— Двадцать три человека, из них пять женщин... Обвиняют теперь в сексуальных домогательствах... Все женщины и трое мужчин...

— Американцы... — качает головой Падла. — Извинись. Премии выплати. Не доводи до суда, короче. А то без штанов останешься... тогда и убедишься, что еще живой.

— Пошли... — Маньяк, покачивая головой, толкает Мага в плечо. — Молодец... что еще сказать...

Только когда они выходят из библиотеки, Падла позволяет себе захихикать.

— Тоха, не смешно... — Чингиз укоризненно качает головой. — У него теперь и впрямь серьезные проблемы.

— Да я понимаю... — Падла с трудом перестает ухмыляться. — Я представил лица добропорядочных сотрудников, получивших от главы фирмы такое послание...

— По-моему, смешно! — осторожно встревает Пат.

— В твоем возрасте смешно любое неприличное слово. — Чингиз как-то устало смотрит на меня. — Ну что? Не будем тянуть? А то срок ультиматума истечет...

— Не будем, — соглашаюсь я. — Выходите и уничтожайте винт. У тебя есть там что-то ценное?

— Ничего такого, что стоит жизни. Это машина не для работы, а для отдыха. Доверишь нам самим уничтожить винт? Или приедешь?

— Доверю, — соглашаюсь я. — Мне кажется, такое бесконечное лето тебе не нравится...

— Леня, а правда я скин здорово нарисовал? — спрашивает Пат.

Ох... у каждого свои проблемы. Но по крайней мере радует, что Пат так легко отказывается от новой, не-опробованной игрушки...

— Сто пудов! — соглашаюсь я. — Молодец.

— Даже пистолет почти как настоящий... — вытаскивая из кобуры оружие, говорит Пат. — Ведь правда?

Он очень легко отказался от «Искусственной натуры»...

Очень легко нарушил запрет Чингиза.

Очень быстро создал «скин»...

— Чингиз! — кричу я, вскакивая.

Поздно.

Первый выстрел Пат делает в меня.

Второй — к недоуменно поворачивающемуся к нему Чингизу.

Третий — в Падлу, начинающего привставать с кресла.

Это не вспышка синего игрушечного пламени, как в настоящем пистолете из «Лабиринта Смерти». Это короткий миг, когда перед глазами возникает и прокручивается свинцово-серая спираль, молниеносно вытягивая из тела жизнь.

Какое странное ощущение!

Будто новокаиновая анестезия... только по всему телу. Тело есть, я его чувствую... вот только оно не повинуется. Я деревянный, как Буратино, и подвижный, как полено.

Зато падать не больно.

И упасть я ухитрился удачно — вижу Чингиза и Падлу, обвисших в креслах.

И стоящего рядом с ними Пата.

Темного Дайвера...

Как глупо.

— Пат! — кричит Чингиз. Говорить мы можем. Это хорошо. Это какой-то шанс. — Что с тобой?

Да с ним-то как раз ничего...

Пат опускает пистолет, подходит ко мне.

— Пат! — еще раз выкрикивает Чингиз.

Темный Дайвер склоняется надо мной. Говорит вполголоса:

— Два часа истекли, Леонид. Я жду ответа.

Говорить довольно трудно. Как Чингиз ухитряется кричать — не представляю. Но я все-таки проталкиваю слова сквозь онемевшее горло:

— Смени маску... не издевайся.

Пат усмехается и знакомым жестом поднимает руки к лицу. Вверх-вниз. Снимая лицо, надевая лицо. Его плечи раздаются, он тянется вверх. «Скин» меняет цвет, рвется, превращается в черный плащ.

Теперь это Дмитрий Дибенко. Не Человек Без Лица, а Дибенко с фотографий. Со старых фотографий — растерянно улыбающийся, ошарашенный, еще не осознавший, что натворил, человек.

— Чингиз, это никакой не Пат... — говорю я. — Это Темный Дайвер.

Чингиз издает легкое рычание, словно пытается приподняться.

— Так удобнее? — почти весело говорит Темный Дайвер. — Нормально? Или нужна другая внешность? Вика, Маньяк, комиссар Рейд, Крейзи... Цирк окончен. Файл, Леонид!

Я молчу. Четверть часа — и паралич пройдет. Должен пройти.

— Вы не совсем правильно оцениваете ситуацию. — Темный Дайвер оглядывается на замолчавшего Чингиза, на Падлу, который свирепо вращает глазами, но молчит. — Пока я ис-

пользую гуманные методы. Вы парализованы на короткий срок, пятнадцать—двадцать минут. Если за это время я не получу раскриптованный файл, мне придется повторить процедуру... но вот беда...

Он делает короткую, выразительную паузу.

— У меня остался только один парализующий заряд. Все остальные — подавляют водители ритма миокарда. Я думаю, это не так неприятно, как оружие, от которого погиб Ромка. И все-таки обидно... не находите? Голова думает, руки-ноги еще теплые, а сердце — остановилось. Пятнадцать минут... мозг не выдерживает. На испытаниях у Дибенко этих психов-добровольцев спасали непрямым массажем сердца. Но у вас-то под рукой нет бригады врачей?

— Ты готов убивать? — спрашиваю я.

Темный Дайвер пожимает плечами.

— Я? Не знаю. Вы можете считать, что я блефую. Ваше право — на ближайшие четверть часа. Но за мной стоит новая жизнь, которая хочет родиться. Новый мир. Новые горизонты. За мной миллионы людей, которые не обретут вечности — пока Дибенко колеблется, осторожничает, экспериментирует. Вы слышали о таком человеке — Вольф Мейрман? Думаю, нет. Это молодой ученый, вплотную подошедший к созданию единой теории поля. Он умирает от лейкемии. Ему осталось жить полгода, год... программа Дибенко позволит ему перенести свой разум в *глубину*.

— Не разум... — вдруг произносит Чингиз. — Иллюзию разума.

— Любой разум иллюзорен. — Темный Дайвер даже не соизволит обернуться. — Он скопирует в виртуальный мир свой склад мышления, свои неожиданные, парадоксальные озарения, свой метод анализа данных... Да, что-то потеряет. А что-то — обретет. К его услугам будет вся информация сети. Ему достаточно будет задать вопрос, чтобы получить ответ... если ответ существует.

— Это демагогия. — Чингиз, кажется, тоже решил тянуть время. — Ставить на одну доску возможную пользу и реальную жизнь людей...

— Не вам учить меня морали, — спокойно отвечает Темный Дайвер. — Хакеры, дайверы, воры-бизнесмены... Учтите, я еще беру самые явные ваши проступки. Хватит тянуть, Чин-

гиз. Мне нужен файл. Я не собираюсь шутить... я получу его. Вы ведь и сами долго сомневались, не отдать ли его мне? Ну так отдайте. На одной чаше весов — принятое вами решение. На другой — очень вероятная смерть. Уверены, что хотите рискнуть?

— Если мы умрем, файл для тебя потерян, — возражает Чингиз. — Он закрыт на четыре пароля...

— Да, я знаю. Но я буду вынужден так поступить. Хотя бы для того, чтобы Дибенко стал сговорчивее. Убивать совершенно непричастных людей, чтобы доказать ему серьезность своих намерений, я не считаю возможным. А вот вы... вы сами искали этой ситуации. Я ведь вас предупреждал?

Ему никто не отвечает. Я, к примеру, занят тем, что повторяю свой стишок. *«Глубина, глубина, я не твой...»*

Не хочет она меня отпускать. Никак не желает. Хотел бы я знать, как Темный Дайвер это делает. Ведь тут речь уже не о контроле над виртуальным пространством. Тут, скорее, прямое воздействие на меня.

— Вам всем есть что терять. — Темный Дайвер отходит к камину. Протягивает руки к огню. — Погибать за идею — красиво. Но стоит ли эта идея жизни? Сделаем так... я досчитаю до семи. На цифре семь...

Что-то есть в его голосе — уверенность, равнодушие, сила. Что-то, не дающее нам и тени надежды.

Он нажмет на спуск. И я почувствую, как сердце гулко ударяет в последний раз, перед тем как остановиться. Ненадолго, на пятнадцать минут...

Я еще буду жить, чувствуя, как проваливаюсь в бесконечную пропасть. Может быть, стены огня и льда сомкнутся вокруг — вот только не будет впереди теплого света.

И полет станет вечным.

И Вика, подошедшая ко мне, увидит под снятым шлемом белое, мертвое лицо.

— Ты подлец, Дайвер... — Я слышу свой голос, но кажется, будто кто-то говорит за меня. — Ты подлец, но ты прав. Это не стоит жизни. Я готов отдать файл.

Темный Дайвер кивает и улыбается. На оскорбления ему наплевать.

— Ты получишь файл...

Это Чингиз.

— Остался еще наш великий хакер... — Темный Дайвер смотрит на Падлу. — Ну, ну... Не надо делать вид, будто ты всегда говорил через клавиатуру. Хорошая мысль, но я знаю, что это не так. Ты согласен с товарищами?

— Да! — рявкает Падла.

— Тогда мы сделаем так... — Темный Дайвер берет с камина телефонную трубку, прикладывает к уху, кивает. — Я позвоню... настоящему Пату, который честно учит ненавистный русский язык. Ты, Чингиз, попросишь его раскрыть файл и переслать в *глубину*. Вот сюда, на журнальный столик. Думаю, он справится.

— Он не знает наших ключей, дурак... — не выдерживает Чингиз.

— А вы ему скажете. Все, по очереди. Кто закрывал файл первым?

Он говорит, уже набирая номер.

— Леонид, потом я, потом Падла, потом сам Пат. — Чингиз, похоже, сдался полностью.

— Прекрасно. И... не надо намеков и обманов. Вдруг мальчик кинется сюда вас спасать? — Темный Дайвер вслушивается и подносит трубку к лицу Чингиза.

— Привет, Пат...

Голос Чингиза самый обыкновенный. Будто он сидит перед камином со стаканом виски в руке, курит сигару и философствует с нами на отвлеченные темы.

— Трудишься? Молодец. Такие дела... отвлекись-ка на минутку. Возьми файл, который мы зашифровали... да. Лениво идти? А по локальной сетке взять трудно? Вот... Сейчас мы все по очереди назовем тебе свои ключи. Ты раскроешь файл и перешлешь его в *глубину*. Куда-нибудь в библиотеку. На журнальный столик. Нет, не шучу. Ну трудись, передаю трубку Лёне...

Темный Дайвер одобрительно кивает, хлопает Чингиза по плечу и подходит с трубкой ко мне.

— Хей... — говорю я в микрофон.

— Леня, а чего вы вдруг решили ключи назвать? — с любопытством спрашивает Пат.

— А по приколу. — Я даже ухитряюсь усмехнуться. — Готов набирать ключ?

— Ага...

— Диктую... Вначале цифры. Семь. Четыре. Шесть. Ноль. Шесть. Два. Четыре. Семь. Теперь буквы. W. H. O. Все про-

писные. d. s. Все строчные. Снова цифры. Один. Три. Шесть. Восемь. Один. Строчная у. Прописная Z. Символ доллара. Собака.

— Которая в адресах? Или слово собака? — деловито спрашивает Пат.

— Значимые слова в шифрах используют только ламеры, — говорю я. — Знак, конечно. Теперь три открытые скобки, цифра восемь. И восклицательный знак.

— Набрал, — сообщает Пат. — Сейчас, ключ генерится...

— Ну, возвращаю Чингизу...

Темный Дайвер, оставив трубку в сторону, шепчет:

— Хороший ключ! Одобряю!

Я молчу. Это мой общий ключ. Теперь придется переупаковывать все базы данных. Темный Дайвер подносит трубку к Чингизу. Тот почему-то смотрит на меня почти с таким же негодованием, как и на Темного Дайвера. Но голос сохраняет спокойным:

— Открыл первый шифр? Хорошо. Теперь набирай ключ... он простой... ламерский...

Вот оно в чем дело!

— Это фраза, первая буква строчная, все остальные прописные. Пробелы значимы. В конце должна стоять точка. Набирай... и повторяй по буквам.

Чего он тянет...

Чингиз выдыхает и ледяным голосом произносит:

— Сорок тысяч обезьян в жопу сунули банан.

Темный Дайвер сгибается от беззвучного хохота. Трубка в его руке пляшет у лица Чингиза. Падла издает хрюкающий звук, пытается скосить глаза на Чингиза, потом смотрит на меня.

Я держусь. С трудом, но держусь.

— Что? — Чингиза вдруг покидает самообладание. — Какой еще «абезьян»? Ты в зоопарк ходишь на «абезьян» посмотреть?

Я не выдерживаю.

Мы проиграли. Мы капитулировали перед Темным Дайвером. И неясно еще, оставит ли он нас в живых, получив файл.

Но сейчас я валяюсь, парализованный, одновременно и в *глубине*, и в своей квартире. И веселюсь даже не столько от выбранного Чингизом пароля, сколько от нагоняя, который он сейчас устраивает.

— Да! Банан!

— Один на всех? — спрашивает Падла и заходится мелким, хихикающим смехом.

— Все... теперь Тоха свой ключ скажет. Двоечник...

Темный Дайвер подходит к Падле. Оглядывается на меня, улыбается. Я не могу улыбнуться в ответ... но чувствую, что мог бы это сделать. Надо же. В чем-то мы с ним сошлись.

Я все понимаю. И что ключ, состоящий из значимых слов, удобнее. И что используя такой ключ, надо составлять фразу смешную, нелепую и запоминающуюся. И что она настолько не подходит к образу Чингиза, что является вполне надежной.

И все-таки... все-таки смешно...

— Здоров, старик... — басит в трубку Падла. — А хорош ключик у Чина, да? Мы тут чуть не померли от смеха...

— Не тяни, — тихо говорит Темный Дайвер.

— Значит, вот что... У меня тоже ключ несложный. Но вот какие-то слова тебе могут показаться незнакомыми... если что, так по буквам уточни. И вообще... ты на смысле не фиксируйся.

Чингиз явно настораживается.

— Ну... шутки у меня такие, дурацкие. Сленг, ненормативная лексика... ты парень-то большой...

— Быстрее! — В голосе Темного Дайвера появляется легкая угроза.

— Если что, так потом я тебя к психологу на прием свожу...

— Ты из каких слов ключ составил? — шипит Чингиз.

Падла вздыхает и почему-то понижает голос:

— Короче, слушай... буквы чередуются, первая строчная, вторая прописная, третья строчная и так далее... пробелов нет вообще. Набирай отстраненно...

И он произносит свой ключ.

Секунд десять в библиотеке висит гробовая тишина. Темный Дайвер стоит, застыв как изваяние, и краска заливает его лицо.

Мне тоже хочется покраснеть. Но я не могу.

Потом раздается ледяной голос Чингиза:

— Ты что говоришь ребенку?

Падла сопит, не отвечая.

— Я же тебя убью, панк ненормальный...

Падла хмурится и очень сухим, академическим тоном говорит в трубку:

— Да, малыш, я понимаю, что данное слово редко используется во множественном числе и поэтому звучит как-то непривычно. Нет, в словаре ты его не найдешь... ни в одном. Но согласно общепризнанным грамматическим правилам, множественная форма должна строиться именно так.

Чингиз шумно выдыхает воздух.

— Что? — Падла на миг задумывается. — Нет, нет, конечно! Это невозможно на самом деле. Противоречит анатомии, физиологии и психологии человека. А если ты покажешь специалисту по сопромату, то поймешь, что и законы физики против. Это просто некая ироническая фантазия, выраженная ненормативной лексикой. Хорошо, потом обсудим. Все, все. Не зацикливайся, ладно? Вводи свой ключ... и посылай нам файл.

Темный Дайвер, не произнося ни слова, относит трубку обратно на каминную полку. Возвращается к столику.

У меня возникает ощущение, что теперь он боится подойти к Падле близко.

— Чингиз, ну что делать-то? — жалобно говорит Падла. — Умирать-то не хочется! Твой ключ... тоже хорош был.

— Да мой ключ на елочке в детском саду можно читать! — вопит Чингиз. — По сравнению с твоим!

— Ну не утрируй... Ну будь более объективен, Чингиз!

— Как у тебя язык повернулся!

— Зато никому и никогда этот ключ не подобрать!

— Конечно! Такие уроды, как ты, рождаются раз в столетие!

— Мне правда очень жаль, — тихо говорит Падла. — Извини. Правда.

Я слушаю их перебранку, но не встреваю.

Я занят крайне важным делом — шевелю пальцами на ногах.

Паралич проходит. Может быть, у всех нас, просто Чингиз и Падла заняты сейчас выяснением отношений. Может быть, у меня первого...

Хлопок.

На журнальном столике появляется маленький пухлый томик. Темный Дайвер хватает его, быстро начинает листать.

Вот он и добился своего. Вот и пришла в Диптаун новая жизнь. Вопреки физиологии и сопромату...

Чуть-чуть сгибаю ногу в колене. Прекрасно. И чувствительность к телу возвращается.

— Хорошо, — говорит Темный Дайвер. — Все честно. Я тоже играю честно... прощайте, господа. Желаю вам придумать новые, столь же интересные и необычные ключи...

Он изменяется, снова преображаясь в Пата. Наверное, это ему нужно, чтобы выйти из квартиры Чингиза.

Утрированно-детской походкой, вприпрыжку, фальшивый Пат идет к выходу из библиотеки. И останавливается.

Я приподнимаю голову и вижу, что происходит.

В дверях стоит другой Пат. В виртуальном костюме, а не в «скине» из «Лабиринта». И с какой-то короткоствольной бандурой в руках.

— Падла при мне никогда не матерился, — говорит новый Пат. — Даже когда пьяный был. Я сразу подумал, что он только под дулом пистолета такой ключ бы назвал.

101

Темный Дайвер стоит ко мне спиной. Я не знаю, может ли он сейчас наблюдать за мной. Вполне вероятно, что да.

Но дальше валяться на полу нельзя.

Я начинаю приподниматься. Очень медленно и неловко. Руки-ноги уже не деревянные, ватные.

Чингиз тоже поворачивает голову. Кривится, как от боли или чрезмерного усилия, но поворачивает.

Что сейчас происходит с нашими телами? Робкие подергивания мышц, неуклюже ползающие по клавиатуре пальцы? Выйти бы из *глубины*... выйти... выйти...

Но я не могу. Темный Дайвер отнял у меня и это последнее умение.

А только ли у меня?

И только ли это?

Кто был причиной того, что дайверы потеряли свои силы?

Глубина... глубина, отпусти меня...

Я словно бьюсь в невидимую, упругую стену. Или пытаюсь сорваться с туго натянутого поводка.

— Пат, пропусти его... — говорит Чингиз.

— Пропусти, — почти кричу и я. — Пат, он тебе не по зубам! Он нам всем не по зубам! Пусть уходит!

Только Пат сейчас нас знать не знает и слышать не слышит.

Перед ним стоит враг, который обидел его друзей, сжег его машину, притворялся другом... он же до сих пор думает, что Нике была Темным Дайвером!

Перед ним стоит тот, кто ворвался в его дом, кто обворовал его, кто заставил Падлу не просто играть в панкующего циничного урода, но и стать им, пусть даже на миг. Перед ним тот, из-за кого уже погиб какой-то парень... пусть незнакомый ему, но друг Падле и мне.

Он сейчас не отступит...

— Мальчик, не надо изображать героя, — ровным голосом произносит Темный Дайвер. — С твоими друзьями все в порядке. То, что я унес, принадлежит мне. В полной мере. Опусти оружие.

— Я выстрелю, и твоей машине каюк! И ничего ты не успеешь унести! Понял?

Ты бы уж лучше стрелял... ты бы лучше стрелял, дурачок... Но тебе надо накрутить себя. И ты накручиваешь, не понимая, что Темный Дайвер готов ударить в любой момент, что он быстрее, что ему доступны потерянные всеми тайны, и уговаривать себя ему не нужно. Просто какие-то огрызки совести у него еще есть, и даже парализующим зарядом он в тебя стрелять не хочет...

— Мальчик, перестань, — говорит Темный Дайвер. — Я не хочу тебя обижать, ты мне симпатичен. Твои друзья уже сменили свою точку зрения, спроси их.

— Пат, все путем! — громко кричит Падла. И тоже дергается, пытаясь привстать. — Пусть уходит!

— Пропусти его! — рявкает Чингиз таким голосом, что вздрагивает даже Темный Дайвер.

— Пат, не психуй, все нормально! — говорю я. Спокойно и убедительно. Для контраста. Чтобы снять эмоциональный накал, повисший в воздухе. — Мы все объясним! Пусть он уходит.

Это короткий миг — совсем короткий, когда Пат уже начинает опускать оружие, и Темный Дайвер делает маленький шаг вперед.

— Ты говорил, что друг! — кричит Пат.

Вот это то, чего он никогда не сможет простить.

— Нике не Темный Дайвер! — кричу я. Но поздно.

Пат стреляет.

Такого я еще не видел. Из ствола бьет фонтан оранжевого пламени, окатывает Темного Дайвера, и он вспыхивает.

— ...твоей машине! — радостно вопит Пат.

Вот только пламя гаснет. Задыхается, будто пожирая само себя.

И фальшивый Пат вновь меняет облик. Вырастает, превращаясь в гибкого, высокого, неузнаваемого со спины, но смутно знакомого человека.

— В данный момент я не привязан к конкретной машине, сопляк, — говорит Темный Дайвер.

Выстрел — пистолет только что был в кобуре на поясе, а через миг — уже в его руке.

Ну вот, ты нарвался...

Я привстаю, я делаю шаг, я почти уже могу ходить...

Что-то не то!

Пат не падает, как подрубленный. Пат тоже продолжает стоять.

Темный Дайвер потерял свою хватку?

— Черт... — тот, кого я вижу лишь со спины, опускает оружие. — Это...

На лице Пата появляется улыбка. Короткая, секундная, смытая растерянностью и страхом. Он роняет свое оружие и хватается обеими руками за грудь.

За сердце.

Глубина...

Невидимый поводок визжит, но держит. Тугая резина облепляет лицо.

Темный Дайвер прыгает вперед, мимо Пата, и выскакивает в коридор.

— Пат! — кричу я.

— Оно не стучит, — удивленно сообщает Пат то, что я уже понял.

Я успе́ваю его подхватить, когда он начинает падать. Успеваю уложить на пол. Только ничего это не меняет, его сейчас может спасти разве что массаж сердца, сильный, профессиональный, беспощадный, до синяков, до сломанных ребер — лишь бы качать кровь сквозь маленькое глупое тело, дать продержаться безрассудным мозгам...

— Пат! — Чингиз ухитряется вскочить, опрокидывая тяжеленное кресло, и на четвереньках подползает к нам. — Пат!

А он умеет... я вижу, как его руки складываются на груди мальчишки, ударяют, пытаясь оживить сердце...

Не так! Не через *глубину!* Не через дорогой и безопасный виртуальный комбинезон, который превратит сильный толчок в легкое касание...

Напрямую. В реальной жизни, в реальной квартире, где сейчас Пат сползает с кресла, царапая грудь, будто хочет добраться до остановившегося сердца...

— Чин, я умираю? — шепчет он одними губами.

Краем глаза я вижу, как встает Падла и походкой пьяного зомби пытается идти к нам.

Глубина...

Звон невидимой цепи. Удар о пустоту. Я не могу выйти!

Да это и не спасет, я у себя дома, я далеко. Нужен тот, кто рядом.

— Выходи! — кричу я на Чингиза, который все пытается делать массаж сердца из *глубины...* — Выходи, придурок! Где у тебя терминал?

Чингиз только бросает обезумевший взгляд куда-то вверх, и я все понимаю. Далеко. Не с нашими полуживыми телами ползти через просторы виртуальной квартиры. Чингиз сейчас может быть в нескольких метрах от Пата, за стеной, совсем рядом; вот только здесь, в *глубине*, это будет очень долгий путь...

— Выходи так! — кричу я. Будто забыл, кто передо мной. Будто это в силах обычного человека, не дайвера — вырваться из радужной метели, содрать с себя шлем, успеть... — Выходи, сука! Это все — обман! Все — иллюзия!

Глубина...

Пат уже ничего не говорит. Только смотрит мутнеющим взглядом, а может быть, и не смотрит вообще, это все наши надежды, переплавленные лживой *глубиной* в иллюзию жизни.

— Я не умею! — кричит Чингиз. — Я не могу!

Дрожь поводка. Звон цепи. Стены вокруг. Мне не вырваться, но это ничего и не решит. Это может сделать лишь Чингиз.

Глубина...

— Умеешь! Можешь! Должен! — кричу я. И отвешиваю ему пощечину. Со всей дури. — Ты должен! Должен — значит можешь!

Ты не всегда была доброй со мной, глубина. И я любил тебя не всегда. Только в сказках бывает иначе. Но я верю, что ты не просто тупая, бездушная линза, наведенная на наши души, распластанные на стекле. Ты что-то большее. Ты сложена из всех нас, ты выстрадана нами, мы давали тебе все, что могли. И зло, и добро, и ненависть, и любовь. Что-то новое должно было родиться в тебе, и я не верю, не хочу верить, что это новое — жестоко и беспощадно.

Я не за себя прошу. Не за Чингиза или Падлу. Даже не за Пата. За всех нас. За тех, кто входил в глубину, кто сейчас в ней, за тех, кто войдет.

Потому что стоит Пату умереть — и ты станешь другой, *глубина.*

Навсегда.

Мы проиграем не оттого, что Темный Дайвер получил свой вожделенный файл. Мы проиграем, если умрет этот мальчишка, не блистающий хакерскими талантами; пишущий слово «обезьяна» через «а»; недостойный, наверное, по мнению Темного Дайвера, вечной жизни в виртуальности.

Мы все проиграем.

Даже ты, *глубина...*

Я смотрю в глаза Чингиза. Я вижу его страх, вижу его отчаяние, вижу, как он ломится в невидимый барьер...

Глубина...

И что-то происходит.

Будто между нами протягивается нить.

Будто осколки синего льда, будто лепестки алого пламени пляшут теперь в глазах Чингиза.

Будто он прыгает в бесконечную пропасть...

— А... — выдыхает Падла, когда тело Чингиза мутнеет, теряет цвет и растворяется в воздухе. — А?

— Делай массаж сердца! — кричу я. — Делай Пату массаж сердца!

Это смехотворно — слабые постукивания магнитных катушек в комбинезоне, иллюзия удара, иллюзия прикосновения, это не может ничего решить, но пусть Падла будет пытаться помочь — пока где-то в настоящем мире Чингиз сдирает с головы шлем и, вырывая из гнезд кабели, выбегает из комнаты.

Пусть.

— Я убью этого ублюдка! — ревет Падла, неумело давя на грудь Пата. — Клянусь! Убью! С дерьмом смешаю!

— Он — мой! — отвечаю я, вскакивая.

Тело уже мое. Тело готово слушаться.

Может быть, кончилось действие заряда. Открутила свое серая спираль.

А может быть, иногда надо все отдать, чтобы что-то получить.

Мне все равно.

Даже если я перестал быть дайвером — навсегда.

Я выбегаю из комнаты.

Темный Дайвер — мой.

Я не пытаюсь открыть дверь. Ударяю — и деревянная облицовка рвется как бумага, сталь выгибается картоном, я делаю рывок — и прохожу насквозь.

Я мог простить.

Многое.

Я могу поверить.

Почти во все.

Я верю, что Темный Дайвер не собирался подставлять Ромку. Я бы и сам мог так поступить — навязать неопытного паренька опытному хакеру, дать ему шанс научиться и приобрести опыт.

Я даже верю, что Темный Дайвер не подозревал, каким зарядом стреляет. И был уверен, что лишь парализует Пата.

Я одного не прощу. Той трусливой скорости, с которой Темный Дайвер бросился бежать, когда понял, что совершил.

Он мой.

Я ничего не могу сделать там, в квартире Чингиза. У меня нет сил и знаний, чтобы снять последствия выстрела. Но в моих силах, чтобы новых выстрелов не было.

Я выбегаю из дома. Можно спросить охранников, можно спросить прохожих. Можно поймать такси.

Но я чувствую Темного Дайвера так же ясно, как он, наверное, чувствовал меня.

Бегу по улице. Прохожие шарахаются в стороны.

Вика, прости, я обещал тебе не рисковать... но я не умею больше выходить из *глубины*...

Вика, я сказал, что попробую найти компромисс... значит, я соврал...

Я больше не ищу компромиссов.

Налево...

Он тоже бежит. Просто бежит по улице, волоча с собой тяжелый файл, не пытаясь взмыть в небо, не пытаясь пройти сквозь стены. Как самый обычный житель Диптауна.

Ему сейчас нехорошо.

Еще раз налево....

Я даже успеваю увидеть Темного Дайвера. Совсем недалеко, в сотне метров. Вижу — и выхватываю револьвер Стрелка, и успеваю удивиться этому — я не хочу наказывать его машину, я хочу убить его самого...

И Темный Дайвер оборачивается. Миг — он смотрит на меня, и я вижу его лицо.

Потом он исчезает.

Растворяется в воздухе.

Никто не обращает на это внимания. Подумаешь, программный выход из *глубины*. Правду знает только он — и я.

— Ты не уйдешь, — говорю я.

Может быть, он меня слышит. Или услышит потом, когда вновь обретет виртуальную плоть.

— Тебе придется убить меня, чтобы уйти, слышишь? — кричу я, и люди шарахаются в стороны, смотрят на меня, как на помешанного. — Но ты ведь не посмеешь, верно?

Глубина-глубина... я не твой.

Экраны шлема. Нарисованная улица.

Я снял шлем, жадно глотнул воздух.

На часах — половина одиннадцатого. Вики еще нет дома. Я даже не могу спросить совета.

А хочу я сейчас услышать совет?

Или ответ — четверть часа уже прошли.

Я снял трубку и набрал номер сотового телефона Чингиза. Я боялся. Боюсь, что он не успел, что он не справился, что...

— Да!

Я узнал голос Падлы, но даже не удивился, что отвечает он.

— Что у вас?

— Жив, — коротко сообщает Падла, и я почувствовал, как тело отмякает.

— Все в порядке?

— Какой там в порядке! Пат повторяет те слова, которые от меня услышал. Чингиз говорит, что в следующий раз не станет его спасать. А он все равно повторяет. Непрерывно.

— Повторяет — и молодец, — сказал я. — Значит, амнезии нет. Значит, мозг не пострадал.

— Чему там страдать-то? Какой еще мозг? — нарочито громко спросил Падла. Я услышал тонкий возмущенный голос,

шорох — Падла куда-то отходит, а потом добавляет приглушенным голосом: — Ты лучше скажи, что сделал Чингиз?

— Стал дайвером.

— Как?

— Падла, не приведи тебя Господь так им становиться... Скорую вызовите, пусть все-таки Пата осмотрит врач.

— Вызвали уже. Ты догнал ублюдка?

— Нет. Но он никуда не уйдет. Теперь — не уйдет.

Падла коротко вздохнул:

— Леонид... ладно, что уж. Пронесло ведь беду. Не надо. Мы живы. Мы все живы. И давай сохраним это состояние.

— Падла, не беспокойся. Все будет... все будет, как будет.

— Леонид!

— Все в порядке, поверь. Выпей пива. Чингизу дай коньяка. Пату передай от меня привет... и попроси прощения.

— За что?

— За так. Пока, Падла.

Я положил трубку. Надел шлем.

deep

Ввод.

Даже не замечаю радуги дип-программы. Просто шагаю из настоящего мира — в *глубину*.

Передо мной стоят две молоденькие девчонки.

— Придуривается, — скептически говорит одна.

— Да вышел он давно, это просто тень! — вторая протягивает руку и легонько пихает меня в лицо.

— Ам! — говорю я, щелкая зубами.

Девчонки радостно визжат.

— Проиграла! — кричит первая. — Проиграла!

— Кто тревожит мой сон? — спрашиваю я замогильным голосом. Но девчонок интересует не Стрелок как таковой, а лишь собственный спор.

— Спасибо! — хором произносят они и с хохотом убегают по улице.

Все просто. Так и надо жить в *глубине*.

Я сдвигаюсь с места, я отхожу к стене, прислоняюсь. Хочется курить. Жаль, что Стрелок не курит.

— Друг, оставь покурить, — окликаю я проходящего мимо мужчину. Тот кивает, с невозмутимым лицом достает пачку сигарет, зажигалку. Я прикуриваю.

— Что пальцы-то так пляшут? — спрашивает прохожий. — Выпил?

— Нет. Привидение увидел.

— О, это бывает часто... — соглашается мужчина. — Ты его крестом и святой водой...

— Попробую, — киваю я.

Мне и вправду нехорошо. Оглядываюсь по сторонам. В Диптауне питейные и увеселительные заведения на каждом шагу.

Вот какая-то пиццерия. А вот «Трактиръ».

Будем патриотичны.

Я вхожу, озираюсь. Обстановка достаточно приятная. Стилизация под «русский дух», конечно. Но грамотная.

Сажусь за свободный столик. Деревянная скамья у стены, выскобленный до белизны деревянный стол. Горящая лучина на столе. Телега, в которой на охапках сена стоят бадьи и кадки с салатами. Стиль «а-ля рус». Иностранцам должно нравиться.

Подбегает официант в ярко-красной рубахе. Конечно, как же иначе?

— Стакан коньяка, — говорю я.

— У нас есть прекрасная водка, — замечает парень. — Настоящая, русская...

— Парень, я свой. У меня был тяжелый день. Но я не хочу пить водку, понимаешь?

Он кивает, но я все-таки добавляю:

— Стакан коньяка из красивой бутылки с надписью «Кутузов». И бутерброд с икрой. Все.

— Сейчас...

Я получаю заказ, сразу же расплачиваюсь и залпом выпиваю полстакана.

Чудесный коньяк.

На самом деле я его пил лишь однажды. И то лишь для того, чтобы запомнить вкус.

Хорошо.

Напряжение начинает спадать. Медленно-медленно. Но я чувствую, как уходят из меня сегодняшний вечер, ставшее деревянным тело, испуганные глаза Пата, пробивший барьер Чингиз.

Уходят не насовсем. На время.

Иначе не выжить.

За соседним столиком — какая-то дружная, развеселая компания.

— Рэйн, почитай стихи... — просит кто-то симпатичную молодую девушку. — А?

Девушка не настроена ломаться. Горделиво вскидывает голову... и тут же улыбается, словно подчеркивая несерьезность позы.

Но все затихают.

Лишь стоит по прозрачности стекла
Серебряной ладонью провести...
Искусство так рождает зеркала, —
Чтоб каждый мог себя в них обрести...

Она читает очень просто. Несерьезно читает. Не умея читать стихи, да и не принимая их всерьез, пожалуй...

Мы верим им и тянемся вперед...
Иллюзия скрывает тени зла,
И наш двойник кривит в усмешке рот...
У нас воруют души зеркала.

И так легко порезаться о край,
Об острый край, и остается боль,
И шепчут зеркала: «Не разбивай!...» —
В нас заменяя холодом любовь.

Мир отражений вязок и жесток,
Он рвется из застывшего стекла...
И страшно — вдруг еще придет их срок,
И завладеют нами зеркала,

И вырвется на волю легион
Фальшиво отраженных ими душ,
И мир наполнит звон... Стеклянный звон...
Кто победит?... Оркестр, сыграйте туш...

Девушка замолкает. Неловко улыбается. И, рассмеявшись, тянется за бокалом с вином. Но еще несколько секунд за столиком — тишина.

Я тоже молчу. Почему-то я вспоминаю хакера Берда из бара «У погибшего хакера».

Ведь он фантазировал. Даже сомнений никаких нет, и быть не может.

Почему только фантазии так легко переходят в реальность? Почему хакер описал Храм, которого не видел, который он никак не мог видеть? Почему эта девушка читает стихи о том, о чем даже и не подозревает?

Что же мы сотворили, войдя в *глубину?*

Я смотрю в темный янтарь коньяка. Это тоже *глубина.* Многие ее здесь искали.

Многие нашли.

Даже не требуется усилий... я кидаю быстрый взгляд на девушку, и какая-то часть меня вырывается из тела.

Сервер второго уровня. Сервер первого уровня. Входной гейт. Провайдер. АТС.

На самом деле ее зовут Лена. Она из Питера. Нет... если точнее, из Кронштадта.

Машина не очень сильная. Защита — стандартная. Нет проблем обойти. Она ходит в *глубину* не для того, чтобы воевать. Не для того, чтобы спасать.

И слава богу, что есть те, кому это доступно.

Кто скажет за нас то, что мы не скажем сами.

Кто рассмеется, когда мы разучимся улыбаться.

— Выходи, — говорю я, глядя перед собой. — Ты не сможешь прятаться вечно. Ты же знаешь. А попробуешь — я все равно выволоку тебя наружу.

Воздух напротив меня начинает темнеть, сгущаться.

Я смотрю, как Темный Дайвер обретает плоть, и допиваю коньяк.

Все равно моя *глубина* — не в нем.

110

— Именно я могу прятаться вечно, — говорит Темный Дайвер. — В отличие от тебя.

Улыбаюсь, глядя на него.

Нечисть боится улыбки больше, чем креста и святой воды. Все подлости делаются с серьезным лицом. Вся мерзость про-

исходит от того, что кто-то испугался улыбки. Не важно, своей или чужой.

— Да, я слабею, — говорит Темный Дайвер. — Я слабею, а ты вернул часть прежних сил. Но это все равно ничего не меняет.

— Пат жив, — говорю я.

— Знаю.

— Разумеется. Иначе ты бы и не вышел.

— Послушай, Леонид... — Он проводит рукой по столу, берет из воздуха бокал, следом — полную бутылку коньяка.

— Извините, — к нам подходит официант, — но приносить с собой и...

Он натыкается на взгляд Темного Дайвера, замолкает и уходит.

— Леонид, откуда я мог знать, что следующий патрон — смертельный?

— Отсюда, — говорю я. Достаю пистолет, который вручил мне Дибенко. Извлекаю обойму. Выщелкиваю пули.

— Раз... два... три... четыре... Не хватает шести. Верно?

Темный Дайвер смотрит мне в глаза.

— Первый выстрел ты сделал в меня. Промазал. Вторым зарядом я уложил полицейского. Еще три пули ты истратил на меня, Чингиза и Падлу. Шестой заряд был смертельным. Ты выстрелил в Пата.

— Я упустил из виду твой выстрел.

— Да, разумеется. Ты растворился в сети. А проверить, что случилось за это время, не посчитал нужным.

Темный Дайвер наливает коньяк. Себе и мне.

— Будешь? Он не отравлен.

Молчу.

— Леонид... ну что ты, в конце концов! — Темный Дайвер морщится. — Я не стал бы стрелять в вас боевыми. Никогда! Ты пойми, что мне приятен Чингиз, интересен Падла, симпатичен Пат. И уж само собой я не стал бы стрелять в тебя.

— Моя гибель для тебя уже не фатальна.

— Да... уже больше года, как не фатальна. Я вполне самостоятельная личность.

Я смотрю в лицо Темного Дайвера — в свое лицо — и улыбаюсь.

— Вся проблема в том, что мы смотрим на мир немножко поразному, — говорит Темный Дайвер. — Я — из *глубины*. Ты —

снаружи. Для тебя существует реальный мир. Солнце, небо, люди... У меня тоже все это есть. Но — здесь. В *глубине*. В Диптауне.

— Как это случилось? — спрашиваю я.

— Не помнишь?

— Нет.

— Неудачник дал тебе часть своих сил, Леонид. Помнишь, как тонул, когда Дибенко опробовал на тебе зацикленную дип-программу... ловушку для дайверов?

— Помню.

— Он дал тебе часть своих сил, Лёня. Оболочку, броню... меня. Ты смог выйти из бесконечного погружения. Ты смог управлять сетью. Не напрямую, конечно... через меня. Тогда это не имело никакого значения, я оставался никем. Безмозглым придатком, исполнителем твоих приказов. Растворенной в сети программой, ждущей твоего появления... учащейся угадывать желания, выбирающей лучшие пути.

— Тем, что сейчас создал Дибенко. «Искусственной натурой».

— Да.

Я глотаю коньяк. Смотрю на Темного Дайвера. Тот разводит руками — немного виновато, немного смиренно.

— Ты ведь сам отказался от дара, Леонид. Ты выбрал реальный мир... тебе показалось, что ты выбрал раз и навсегда. И ты стал жечь мосты. Отказался от способностей дайвера... но ты ведь не мог изменить самого себя, свое тело, свой мозг. Ты убил дайверство как явление. Изменил всю сеть. Изменил дип-программу. Люди перестали тонуть в *глубине* — таймер теперь стоит в самой программе. Дайверы перестали видеть дыры в кодах — потому что ты этого хотел!

— Я не хотел!

— Хотел. Неосознанно, конечно. Но ты чиркнул спичкой... а я сжег мосты. Как было велено. И когда осел электронный пепел, когда приказ был выполнен, я растворился в сети. Я уснул. И знаешь... я почти умер. Но ты вернулся.

Да, я вернулся...

А что еще мне оставалось делать? В настоящем мире я был никем, не имел ни работы, ни друзей, ни интересов. Ничего и никого. Только Вика.

Но этого, как оказалось, тоже мало.

Любовь — это огонь. Стоит закрыться от мира наглухо, остаться один на один — ты и не заметишь, как пламя сожрет кислород и задохнется.

— Я вернулся, — говорю я.

— И тогда я ожил. Я ходил вслед за тобой. Слушал твои слова. Повторял твои жесты. Учился угадывать поступки и доедал твои чувства. Донашивал твой гнев. Доплакивал твою тоску. Домысливал твою ярость.

— А как же все остальное? Любовь, радость, доброта?

Темный Дайвер улыбается. Горько улыбается.

— Этого мне не доставалось, Леонид. Это ты и сам выбирал до конца. И я тебя не виню... странно было бы ожидать чего-то иного.

Мы, наверное, очень мирно смотримся со стороны. Два старых друга, встретившихся после разлуки.

И самое страшное, что так оно и есть.

— Вот почему ты... такой? — спрашиваю я.

— Наверное. Но я не жалею. Я не злой гений, я не маньяк-убийца. Я просто резче и серьезнее тебя. Но я живой... я настоящий, пусть только здесь, в Диптауне, но настоящий!

— Почему ты так ненавидишь Дибенко?

— Разве это важно? Допустим, мне нужна его новая программа. Мне нужны братья и сестры. Такие же, как я. Полноправные обитатели виртуального мира. Его коренные жители.

— Да это же ты сам! — Я не выдерживаю и срываюсь. — Это то, из чего ты сделан! Зачем тебе программы, из которых ты же и состоишь?

— А ты можешь рассказать мне, из чего состоишь, Леонид? Как работает твоя печень, как бьется сердце. Как скачут импульсы по нейронам, как сокращается кишечник, как выплескиваются в кровь гормоны?

— При чем тут это?

— Ты можешь вытащить почку, отпрепарировать, посмотреть под микроскопом, а потом засунуть обратно? Я не могу. Пока — не могу. Мне было нужно то, что называется исходниками. Теперь я добился своего.

— И такие, как ты, войдут в Диптаун?

— Да.

— Нет.

Мы смотрим друг на друга. Взгляд у Темного Дайвера самый настоящий, человеческий. Глаза — зеркало души. В его глазах я вижу себя.

Но это — фальшивые зеркала.

— Ты ничего не сделаешь, Леонид. Ничего. Ты снова дайвер, ты справился, но я — часть *глубины*. Я сильнее.

— Я не мог изменить себя. Ты же сам это сказал. Значит...

— Да ничего это не значит, Леонид... Да! Ты захотел, и я вернул тебе часть твоих сил. Я могу вернуть всё. Бери. Владей. Твори чудеса. Входи в *глубину* без компьютера, ломай стены, строй дворцы. Я — сильнее. Я многому научился.

— Да. — Я киваю. — Верю. Вот только я знаю одну штуку... а ты — нет.

Темный Дайвер крутит в руках бокал. Качает головой.

— Блеф.

— Мир отражений вязок и жесток... — говорю я. — Нет. Не блеф.

Глубина-глубина, я не твой... Отпусти меня, глубина...

Стена. Не резина — камень.

Мне не выйти из *глубины*, пока Темный Дайвер рядом. И это не случайно.

Ты идешь по лесу и натыкаешься на стену. Твои действия?

— Почему ты ненавидишь Дибенко?

— Зачем тебе знать? Я знаю, ты простил ему все. Даже попытку тебя прикончить. А я не простил.

— Не в этом дело. Ты сводишь уже не мои счеты. Свои, личные. Почему?

— Какая тебе разница?

— Я хочу понять тебя.

Темный Дайвер усмехается.

— Понять — победить...

— Ведь Дибенко создал этот мир. Твой мир, единственный, где ты можешь жить. И даже его нападение... иначе Неудачник не дал бы мне часть своей брони... не дал тебя... Тебя бы просто не было...

Я замолкаю, я смотрю на Темного Дайвера.

Я понимаю.

— А я просил меня создавать?

Тихо. Очень тихо. «Трактиръ» вокруг начинает таять. Мир заволакивает туманом. Серая мгла, изнанка Диптауна.

Мир, где на самом деле и живет Темный Дайвер.

Мое всесильное отражение. Ожившие латы. Слепок души, снятый в моменты боли и страха, грусти и одиночества.

Мне было и хорошо, и плохо в *глубине*. Было хорошо — и я глотал свою радость, собирал ее до донца, выскребал начисто.

Было плохо — и я уходил. Оставляя свою броню один на один с тоской.

— Я просил меня создавать? — спрашивает Темный Дайвер.

— Никто и никогда не мог этого просить. Ни один человек.

Мы стоим по колено в сером тумане. Туман везде, туман клубится вокруг, наползает на лица, глушит голос. И нигде — ни искорки света.

— Но я не человек. Я живой. Я разумный. Но не человек. У меня нет дип-программы, Леонид. Я вижу Диптаун таким, каков он есть. Нарисованное солнце. Нарисованное небо. Нарисованные лица. Но я ведь знаю, что есть и другой мир.

— Он такой же.

— Нет. Он другой. Настоящий. Ты можешь поцеловать Вику — или разругаться с ней. Ты можешь поговорить с другом — или поссориться. Вы равны. Вы живете среди равных. Я тоже хочу жить так.

Глубина-глубина, я не твой...

— Что ты хочешь сделать, Леонид? Убить меня? Не выйдет. Как бы сильно ты ни ненавидел меня, это не даст тебе сил.

— Я тебя не ненавижу.

Темный Дайвер смеется:

— Да? Ну скажи — люблю... скажи!

— Я жалею тебя.

Он замолкает.

— Я жалею тебя, Темный Дайвер.

— Не стоит меня жалеть.

— Прости — я бросал тебя одного.

— Не надо!

— Прости — я отказался от самого себя. Я предал свою судьбу. Я думал, что все проблемы и беды можно решить за один раз. Что есть идеальные поступки и абсолютные истины. Что маленький уютный мирок может выжить в большом неуютном мире. Что можно закрыть окно и не слышать чужих голосов.

— Замолчи!

Темный Дайвер поводит головой, неловко, будто ему жмет нарисованная одежда. Я понимаю, что он хочет сделать.

Бежать.

Как убегал от него я.

— Я больше тебя не брошу... — говорю я и касаюсь его плеча.

Глубина-глубина, я не твой...

Радуга в его зрачках.

Серый туман рассыпается разноцветным снегом.

Шлем тяжелый... слишком тяжелый для моего нарисованного тела.

Я подставляю ладонь и ловлю снежинку. Смотрю в крошечный сияющий кристаллик.

Там кружатся цифры, бесконечные цифры, которых я не понимаю.

Там проплывают лица, бесконечные лица, которых мне не дано увидеть.

Я стою посреди радужного снегопада, посреди метели, которую кто-то красит, черпая краски с нескончаемой палитры.

— Я больше не брошу себя.

И Темный Дайвер во мне вздрагивает, когда хлопья цветного снега пронзают нас насквозь.

Настоящего снега в настоящем Диптауне.

Это совсем просто — менять мир.

Я иду сквозь снегопад. Подставляю лицо ветру. Под ногами — невидимая нить, натянутая вдоль пропасти.

Хочу ли я это сделать? На самом деле? Имею ли на это право?

Вечный вопрос, на который вечно не будет ответа.

Нет... будет. У тех, кто боится сделать шаг; у тех, кто не рискует подставить лицо ветру; у тех, кто срывался с моста.

Но ведь кто-то должен это делать?

Я протягиваю руку. Ловлю тяжелые цветные хлопья. Сжимаю в ладони, леплю снежок.

Кто-то скажет, что это разрушение.

Снег был цветным, а снежок стал белым...

Но это тоже цвет.

Я размахиваюсь и бросаю снежок вперед. Миг — и на столе в «Трактире» покрываются ржавчиной боевые патроны. Миг — и добровольцы, на чьих компьютерах стоит «Искусственная натура», ощущают короткое головокружение. Миг — и впереди вспыхивает теплый свет.

Делаю еще шаг. Мост скользит под ногами, торопит.

Я раздвигаю метель и вхожу в кабинет Дибенко.

Очень серьезный кабинет. Сразу внушает уважение. Не сомневаюсь, что и в реальности он столь же внушителен.

А создатель *глубины* и творец искусственного интеллекта сидит перед компьютером и играет в «тетрис». Довольно неважно играет, кстати. Колодец уже завалило наполовину... трудно ему будет все разгребать.

— Поставь на паузу, — советую я.

Дибенко вздрагивает, оборачиваясь. Разноцветные причудливые фигурки сыпятся в колодец, складываются в узор.

— Леонид?

Я знаю, чего он боится. Знаю, почему его пальцы судорожно шарят по клавиатуре, запуская дип-программу.

— Да, это я. Не бойся. Темного Дайвера больше нет.

— Ты? — не убирая рук с клавиатуры, спрашивает Дибенко. — Как ты вошел?

— Ну я же все-таки дайвер.

— Ты покажешь мне эту дыру!

— Я уже закрыл ее. Не бойся. Все кончилось. Темный Дайвер не станет тебя преследовать. И распространять твою новую программу — тоже.

— Ты убил его?

Я не вправе его осуждать. Но вот это облегчение в голосе — причина, по которой нам никогда не стать друзьями.

— Я с ним справился, — уклоняюсь от ответа. — Тебя совсем засыпало...

Дибенко недоуменно смотрит на меня. Не понимает, как можно сравнивать игру и жизнь...

— Ты уверен, Леонид?

— Да.

Секунду Дибенко размышляет. Потом кивает:

— Хорошо. Я верю. У нас было джентльменское соглашение, и я его выполню...

Он достает чековую книжку, подписывает чек и задумывается.

— Не надо.

— Не вписывать сумму? Ну... Леонид, так делается лишь в дешевых боевиках...

— Не надо чека. Я все равно не возьму. Да он мне и не нужен, если вдруг я захочу получить в банке твои деньги. Но я не буду.

— Почему? — Дибенко искренне удивлен. — Я просил помощи. Обещал награду.

— Это было мое маленькое личное дело.

— О'кей. — Дибенко закрывает чековую книжку, садится в кресле поудобнее. — Тогда хочу сказать спасибо. О деталях даже не спрашиваю. Ты пришел, чтобы сообщить мне эту новость?

— Не только. Дмитрий, что ты собираешься делать с «Искусственной натурой»?

— Значит, ознакомился? Пока продолжается тестирование. Примерно через полгода программа будет презентована и выпущена в продажу.

— Ты уверен, что это надо делать?

Я усаживаюсь перед столом. Смотрю на Дибенко:

— Дмитрий, ты считаешь, что наши отражения окажутся лучше нас? Что они будут рады жить в нарисованном мире, без грима дип-программы, без шансов выйти в настоящую жизнь?

— Какими окажутся — все индивидуально. Будут ли рады — посмотрим. Любая жизнь лучше небытия, верно?

Темный Дайвер во мне смеется, и я качаю головой.

— Дмитрий, ты же не перед журналистом. Как ты сам думаешь?

Дибенко отводит глаза.

— Леонид... ладно, черт с тобой. Я не знаю! Не знаю ответов на оба вопроса. Но кто-то должен искать ответы? Верно?

— Да, кто-то должен. И я их нашел. Оба ответа — нет.

— Леонид, я ничего уже не решаю! Все! Маховик запущен. Я могу притормозить его, могу раскрутить быстрее. Остановить — никак. Программа выйдет. Это бизнес, понимаешь? Просто большой бизнес и большие деньги. Детские игры в «медаль вседозволенности» — они в прошлом. Меня сожрут компаньоны, меня задушат конкуренты. Деньги вложены, продукт создан. Он пойдет в продажу.

— Понимаю. Только один совет... не обещай слишком многого.

— Не понял...

— Дмитрий, рекламируй «Искусственную натуру» как самый удобный интерфейс для *глубины*. Как программу с элементами искусственного интеллекта. Как надежный щит от психотропного виртуального оружия. Как прогностическую систему, в конце концов! Вот только не говори никогда, что она способна породить разум... засмеют.

Он молчит и смотрит на меня. А я добавляю, и ехидство мое — скорее от Темного Дайвера, от его боли и одиночества, от жизни в сером тумане.

— Мы же с тобой серьезные люди. Не журналисты, которым нужные сенсации, не писатели, которые мечтают о чудесах. Невозможен искусственный интеллект на современной технической базе. Когда-нибудь потом...

— Леонид, ты ведь читал отчеты?

Улыбаюсь, развожу руками:

— Ну, мало ли, что могло померещиться восторженным молодым программистам? Погрешности экспериментов, субъективная трактовка, может быть, и подтасовка данных...

— Как ты это сделал?

— Так же, как два года назад добавил таймер в дип-программу.

Дибенко сжимает губы. Он не выглядит удивленным. Или догадывался, раньше меня догадывался, или держит удар.

— И все-таки?

— Дмитрий, ты же лучше меня знаешь, что такое создание программы. Это всегда на грани мистики и колдовства. Включил — не работает. Включил — работает. Включил третий раз — получил совсем не то, что искал. Алхимия. Волшебство. Ты никогда не сжимал пальцы в колечко, чтобы программа работала? Ведь иногда это помогало. Подойди к художнику и спроси, как он угадывает краски? Подойди к писателю и спроси, как он находит слова? Подойди к скульптору и спроси, что лишнее надо отсечь в куске мрамора?

— А ты уверен, что отсек лишнее?

— Надеюсь.

Я встаю. Раскланиваюсь.

И рассыпаюсь цветным снегом.

111

Шлем я поставил на монитор. Как обычно.

Выдернул разъем комбинезона. Как обычно.

А вот комбинезон не снял.

Дверь в спальню была открыта. Вика сидела на кровати и смотрела на меня.

— Все нормально, — сказал я.

— Совсем все?

— Нет, конечно. Так не бывает. Но все-таки нормально.

Вика кивнула. Она очень странно на меня смотрела... придирчиво.

— Звонил Падла. Звал в гости к Чингизу, завтра. Сказал, что с Патом все в порядке, его даже не стали госпитализировать. Что там случилось?

— Заряд третьего поколения. Последний заряд. Их больше нет.

— Я так и подумала. Ты успел?

— Не я, Чингиз. Успеть должен тот, кто рядом.

— У тебя глаза красные, Лёня. И вид... Темных Дайверов пугать.

— Темный Дайвер был один. И его больше нет.

— Ты?..

— Нет, не в том смысле! Он перестал быть Темным Дайвером. Вот и все.

— Лёня, нам, наверное, надо поговорить. О многом.

— Надо. Только утром. Вначале с тобой. Потом мы пойдем к Чингизу, и там мне тоже придется кое-что рассказать.

Вика кивнула:

— Да, я вижу. Ложись.

— Я не о том. У меня еще осталось одно дело в *глубине*. Последнее. И я до сих пор не знаю, как поступить. И не вправе даже просить совета.

— Ты уверен, что это так срочно?

— Да. Вика, я понял одну вещь. Простую, конечно, но я только сейчас ее понял. Если умеешь плавать — не сиди на берегу.

— Время дайверов снова пришло?

— Оно никогда не уходило, Вика. Мы просто устали. Все. Но дайверы были, есть и будут. Пока живет *глубина* и те, кто может утонуть.

— Какое разочарование для Недосилова...

— Ничего. Он придумает новое логичное объяснение. Это его талант.

Мы засмеялись, глядя друг на друга. Потом Вика сказала:

— Иди ныряй. И возвращайся. Помни, что я жду.

— Я всегда это помню.

Шлем тяжелый, но это привычная тяжесть.

Неизбежная.

deep

Ввод.

Гостиничные стены. Протей и мотоциклист на кровати. Картина на стене, с хижиной, размазанной на грубые полоски краски.

Как надоела эта гостиница.

Давно пора строить свой дом.

Поднимаю тела Протея и мотоциклиста, встряхиваю, чтобы обвисли, вешаю в шкаф.

Потом открываю дверь и выхожу из номера.

Не оглядываясь по сторонам.

Я могу идти по Диптауну напрямик, сквозь стены домов и барьеры защитных программ. Могу подняться в нарисованное небо, где плывут белые облачка и светит солнце. Могу просто перенестись из одной точки в другую.

Тот, кто был Темным Дайвером, во мне. И вместе мы можем многое.

Но я поднимаю руку и ловлю такси.

— «Лабиринт Смерти».

— Срочно? — интересуется рыжий веснушчатый водитель.

— Не обязательно. Как получится.

Мы выезжаем на Гибсона, едем в сторону американского квартала. Проезжаем мимо улицы Тюрина, мимо площади Васильева.

Нет, все-таки кто же такой этот Гибсон?

Можно спросить ту силу, что живет сейчас во мне. И получить ответ.

Но это так скучно — быстрые ответы. Это не для людей.

Ей есть другое применение.

Мы едем — а я закрываю глаза и тянусь сквозь сеть. Сервер. Другой. Третий. Поисковые системы. Вопрос, ответ. Сервер. Локальная сеть больницы в далеком Ванкувере. Защита крепкая, но это теперь не играет никакой роли.

Я смотрю на экраны мониторов, считываю данные с компьютеров. Подключаюсь к видеокамере под потолком палаты и секунду смотрю на спящего Крейзи Тоссера.

Давай... быстрее поправляйся.

У нас всегда будет чем заняться в *глубине*.

— «Лабиринт».

Я расплачиваюсь, качаю головой, увидев остаток на своем счете. Все-таки надо будет поговорить с Крейзи, когда он вернется на работу. Роялей таскать я больше не стану.

Толпы у входа в «Лабиринт Смерти» сегодня нет. Несколько групп оживленно беседующих игроков, и все. Я знал, что так будет, и все-таки непривычно.

— Лёнька!

Рыжеволосый мальчишка подбегает ко мне и протягивает руку:

— Здорово! А «Лабиринт» сегодня не работает!

— Знаю. У них возникли проблемы на последнем этапе игры. Отказала программа главного монстра.

— Вот ламеры, — возмущается Илья. — И весь «Лабиринт» закрывать? Я на двенадцатом этапе застрял немного. Не помнишь, как там проходить?

— Абсолютно не помню, — признаюсь я. — Ну что... звуковую карту себе купил?

— А то! Ты бы слышал! Бум-бум-бум! Йа-а!

Он трясет головой, и я понимаю, что он сейчас слышит какую-то свою музыку. Неизбежно прекрасную. В его возрасте вся музыка делится на отвратительную и великолепную.

— Поздравляю, — говорю я. — А ты знаешь, что у Дибенко совсем не было звуковой карты, и поэтому дип-программа запускается без звука?

— Знаю. Только я все равно что-то слышу, когда начинает идти цветной снег. Какую-то музыку, только очень тихо. Я думал, это из-за плохой карточки. А ничего не изменилось!

— Это не в карточке дело. Это в тебе.

Мальчик кивает, тут же забывая о сказанном. В нем слишком много энергии, чтобы долго говорить об одном.

— А ты, значит, у этих... у бывших дайверов?

— Да, у дайверов.

— Ну, я как-нибудь загляну, ладно? И ты в хакерский бар заглядывай, ага? Только там пароль сменили... сейчас. А! «Любовь и верность»! Запомнишь? Я побёг...

— Постараюсь. — Я остаюсь очень серьезным. — Давай. Беги. У тебя, наверное, куча дел?

— Миллион! — уже на бегу кричит Илья. — А больше не бывает!

Я стою минуту, улыбаясь.

А потом тянусь сквозь закрытую арку входа.

У меня тоже есть дело. Одно-единственное, но неприятное дело.

Болото, с копошащимися монстрами...

Горы, с ползающими монстрами...

Небо, с летящими монстрами...

Подземелья, с бегающими монстрами...

И город, с монстрами всех сортов.

Обрушенный нами небоскреб уже восстановили. Крыши, конечно, не видно, но я знаю, что там группа монстров суетится у пушки.

Грожу им пальцем и иду по улице.

В меня не стреляют.

Вхожу в сад императорского дворца. Осматриваюсь. Вот тут мы прятались... как это было давно. Вот тут шла группа игроков, которых перебил могучий Император.

Мне нужна сейчас ярость. Ярость, ненависть, злоба. Иначе не сделать того, что я должен сделать. Одно дело — лишить первых проблесков жизни оживающие доспехи... панков, грызущих пистолеты и давящих прохожих.

Другое дело — убить того, кто не имеет воплощения в реальном мире.

Того, кто был создан как холодный беспристрастный эксперимент. С изначально заложенными жесткими правилами игры — убивать и быть убитым.

Я не имею права оставить его в живых.

Я должен его убить.

Совершить необратимый поступок... да, конечно. Но не позволить выйти на улицы Диптауна. Не позволить осознать себя, сломать барьеры, раствориться в сети. Тогда не поможет и моя нынешняя сила.

Стою, накручивая себя, как несколько часов назад стоял перед Темным Дайвером Пат. Вспоминаю, как Император переламывал о колено спины игроков, как сгорел Падла, как погиб Чингиз. Он не должен пройти свой путь до конца, этот финальный персонаж жестокой игры. Потому что тогда все может вернуться. Вместе с настоящей жизнью в Диптауне появится настоящая смерть.

И когда я решаю, что мне хватает ярости, я иду к дверям дворца.

Вы доказали проверяющим, что не пропагандируете зло и насилие... Да брось, Крейзи, вы доказали, что «Лабиринт» очень прибыльное увеселительное мероприятие... А если однажды Император выйдет за пределы игры и решит рассчитаться со всеми, кто его убивал?

Он ведь уже пошел по бесконечной дороге познания. Он задал главный вопрос. Он перестал подчиняться жесткой программе игры.

И я должен прервать этот путь.

Коридоры пусты.

Я прохожу к лифту знакомой дорогой, нажимаю потайную кнопку. Лифт начинает подниматься.

Для программистов «Лабиринта» я сейчас невидим и неслышим. Но все-таки я нахожу и обрываю все каналы контроля, оставляю на экранах застывшие картинки.

Не хочу зрителей.

Я сделаю то, что надо сделать. Но не устрою из этого шоу.

Тронный зал тоже пуст. И охраны нет... охраны, которую Император ставил во дворце самовольно, вопреки программе. Я достаю револьвер Стрелка. В нем нет никакого смысла — я убью Императора силой Темного Дайвера. Но мне нужен символ.

Я обхожу зал. Заглядываю за серебристый металлический трон.

И вижу Императора.

Он сидит, скорчившись, подтянув колени к лицу, обхватив их руками. Совсем в человеческой позе. Была ли она задана изначально? Эта жалкая поза потерянного, замерзающего ребенка? Эта возможность сидеть, укрывшись за троном, не реагируя на очередные группы игроков, на их шумные крики, на долгие выстрелы в упор, на возмущенные возгласы о том, что подобный скучный финал портит все впечатление от интересной игры?

Почему ни одна из трех команд, которые прошли на сотый этап, прежде чем «Лабиринт» был закрыт, не остановилась? Почему они стреляли в упор, стреляли долго, нудно, пока у Императора не кончался его огромный жизненный потенциал?

Или я спрашиваю себя не о том?

Или я боюсь спросить?

Император поднимает голову и смотрит на меня. Я жду. Быть может, он узнает меня. Быть может, его глаза вспыхнут ослепительным пламенем... безвредным для меня пламенем.

И тогда я снова отсеку лишнее.

Он смотрит на меня очень долго. Мне становится не по себе.

Потому что я помню эту позу. И кажется, помню этот взгляд.

— Кто я? — спрашивает Император.

Я сажусь перед ним. Темный Дайвер во мне бормочет что-то о лишних проволочках, о необходимости решать проблемы без колебаний.

Но теперь я вправе не слушать этот голос.

— Почему ты перестал убивать? — спрашиваю я.

Он молчит, словно подбирает слова. Слова из своего небогатого запаса, из того, что он слышал от возбужденных, рвущихся в бой игроков, из их перебранок и приказов...

— Не хочу.

— Почему?

Император пытается что-то сказать. И застывает.

Может быть, у него просто нет слов, которые могли бы все объяснить. Ему не довелось их слышать.

И тогда он просто улыбается. Смущенно, виновато, растерянно.

Что случилось, когда он вырвался вслед за нами в изнанку Диптауна, в серый, размытый мир информационных потоков? Что он увидел, услышал, понял?

Может быть, только то, что мир не сводится к городу и саду, где он должен убивать и быть убитым?

Это в нас во всех. Ярость и ненависть. Агрессия и страх.

Без этого тоже нельзя — никак.

Но есть что-то еще, и, наверное, это что-то сильнее. Если оживающая программа ломает вбитые в нее инстинкты. Если она не отвечает ударом на удар.

Если программа спрашивает «Кто я?»

Я встаю и беру Императора за руку. Он послушно поднимается, вопросительно смотрит на меня.

Нельзя делать необратимых поступков. Но ими тоже кто-то должен заниматься?

— Сейчас, — говорю я. — Подожди...

Ему это неподвластно. Пока. Еще настанет миг, когда ему станет подвластно все.

Даже время, наверное.

Я толкаю стену дворца, толкаю открытой ладонью, и стена рушится. За ней не императорский сад, за ней — Диптаун. Я делаю шаг, и Император шагает за мной.

Мы стоим на пригорке, и город перед нами — весь как на ладони. Это какой-то парк, один из сотен парков Диптауна.

— Это мир, — говорю я. — Мир — это любовь.

— Это мир, — повторяет Император, и в глазах его появляется свет. Но это совсем другой свет. — Мир — это любовь.

— Вот видишь, как все просто? — говорю я. Улыбаюсь — и делаю шаг в сторону. Пора. Не надо говорить все. — Счастливо! Живи!

— Кто я?

Ему все не дает покоя этот самый главный вопрос. Кто он... А кто я? Мне-то у кого спрашивать?

— Я, кажется, знаю, но ты ищи ответ сам. Так надо!

Бывший Император «Лабиринта» кивает, неуверенно озирается. И делает первый шаг.

— Пока! — говорю я. — Пока! Я пошел! У меня миллион дел... а больше — не бывает!

Сентябрь—декабрь 1998 года,
Москва.

ПРОЗРАЧНЫЕ ВИТРАЖИ

«Прозрачные витражи», вольное продолжение «Лабиринта отражений» и «Фальшивых зеркал», — не совсем обычное произведение. Его первая публикация произошла в Интернете, и написана повесть была в «интерактивном» режиме — каждая главка публиковалась с интервалом в неделю, после чего автор знакомился с мнением читателей о новом фрагменте. Результатом этого стало наличие у повести двух финалов — «красного» и «синего». Автор решил оставить оба финала и в печатном варианте повести — так что читатель вправе сам выбрать понравившееся ему окончание произведения.

У меня есть конкретное предложенье —
Заменить все стекла на витражи.
Чтобы видеть в окне не свое отраженье —
А цветные картинки и миражи.

В этом деле есть одно осложненье —
Слишком много осколков и резаных ран.
Но зато фантастическое впечатленье —
Будто в каждом окошке цветной экран.

Но я вижу, тебя терзают сомненья —
Ты и в этой идиллии видишь обман.
Что ж, пусть кто-то из нас испытает прозренье —
Когда все миражи превратятся в туман.

Константин Арбенин

ПРОЗРАЧНЫЕ ВИТРАЖИ

0000

В детстве эта игрушка была у меня самой любимой.

Паззл как паззл. Собираешь картинку из сотен кусочков разной формы.

Только этот паззл был прозрачным. Тоненький пластик переливчатых цветов, мутноватый — но если посмотреть на лампочку, то становится видна раскаленная нить спирали.

Я собирала свой паззл почти полгода.

Я сама!

Он был не для детей, как я теперь понимаю, слишком уж большой. Пять тысяч кусочков прозрачной пластмассы: малиновые и мраморные, лиловые и шоколадные, лазурные и морковные, лимонные и багровые, маренго и мокрая пыль, уголь и кармин. Картинка строилась неохотно, будто ее оскорбляло быть собранной восьмилетней малявкой, упорно копошащейся на полу в детской. Родителям я строго-настрого запретила убираться в комнате — ведь они могли разрушить возникающий под моими руками мир. Мама все равно убиралась, аккуратно обходя паззл, но только когда я была в школе.

А из радужных кусочков возникала стена. Каменная стена древнего замка, покрытая мхом, с выщербленной известью швов, с неяркой ящерицей, распластавшейся под лучами солнца.

И витражное окно. Полупрозрачное, нереальное, за которым угадывались смутные человеческие тени. Цветное окно, где рыцарь в сверкающих доспехах склонился перед прекрасной дамой в белом платье. Паззл еще не был закончен, но я уже могла часами любоваться рыцарем и его дамой. Меня смущало, что доспехи рыцаря, блистающие и великолепные, оказались чуть помяты, а кое-где — даже запачканы грязью. Меня удивляло лицо дамы — в нем не было восторга, скорее — пе-

чаль и жалость. И все-таки я смотрела на паззл, придумывая историю рыцаря и принцессы (ведь молодая дама могла быть только принцессой!). Я решила, что рыцарь только что вернулся из одного похода и собирается в другой. Вот откуда вмятины и грязь на доспехах, вот откуда печаль принцессы.

А разноцветные фигурки вставали на свои, единственно правильные, места. Загоралась радуга над рыцарем и принцессой. Рука рыцаря сжималась на рукояти меча. В светлых (как у меня!) волосах принцессы засверкал самоцветами гребень. Ящерица на стене обзавелась подружкой.

Родители перестали улыбаться, глядя на мою борьбу с витражом. Теперь и они любили тихонько постоять, глядя, как возникает цветное окно в серой стене. Наверное, порой они замечали нужные фигурки раньше меня. Но ни разу не подсказывали — так было заведено.

Я сама!

И настал день, когда я поняла — сегодня паззл будет собран. Осталось еще не меньше полусотни кусочков. Самых сложных, почти неотличимых друг от друга. Но я знала, что сегодня увижу картинку всю, целиком.

Я не стала обедать, а потом — ужинать. А мама не стала меня ругать, только принесла чай и бутерброды. Я даже не заметила, как их съела.

Кусочек вставал к кусочку. Цветная мозаика слилась в узор.

И остался последний кусочек — я уже знала какой. Прозрачный, с тремя выступами. Вовсе не главный, всего лишь прозрачный кусочек между склоненной головой рыцаря и тянущейся к нему рукой принцессы. Я протянула руку, пытаясь найти его на ощупь, не отрываясь от картины.

Коробка с фигурками была пуста.

Потом я перевернула комнату вверх дном. Потом я плакала то на руках у отца, то на коленях у мамы. Отец обещал, что напишет письмо в фирму, выпустившую паззл, и мне обязательно пришлют недостающий кусочек. И даже еще один паззл — в компенсацию. Мама перерыла мусорное ведро и вытряхнула пылесос. Хотя и знала, что там ничего нет.

Поздно вечером я вернулась в свою комнату, к почти собранному паззлу. Если не знать, что одного кусочка не хватает, то это было даже незаметно.

Теперь я знала правду. Знала, почему так печально лицо принцессы и почему так безнадежно-устало склонил голову рыцарь. Им никогда не коснуться друг друга. Между ними — пустота.

Я села на корточки, положила ладони на картинку. И повела левую руку — к себе, а правую — от себя.

Стена замка треснула, ящерку разорвало пополам, рыцарь рассыпался сверкающими кусочками доспехов, принцесса разлетелась белыми обрывками платья.

Пурпур, ржа, охра, старая медь, беж...

Радуга, цветная метель, крашеный снег...

Когда я впервые увидела дип-программу, то поразилась — как похож ее завораживающий калейдоскоп на старый паззл, рассыпающийся под моими руками.

Но тогда дип-программы еще не было. Ее изобрели тремя годами позже.

0001

У двери я на миг останавливаюсь, придирчиво оглядываюсь в зеркало. Ох и видок... Из зеркала смотрит на меня унылая дама лет тридцати, с брюзгливо поджатыми губами, намечающимся вторым подбородком — хотя фигура скорее костлявая, чем упитанная. Блеклые волосы собраны в тощий пучок, помада на губах слишком яркая, кричащая, а тени на веках — болотно-зеленые. Мышиного цвета платье, крепкие, будто у крестьянки, ноги в теплых чулках. Вроде как и не уродина, но...

Сексапильности во мне — не больше, чем в размазанной по тарелке остывшей овсянке.

Щелкаю свое отражение по носу и выскакиваю из дома. В отличнейшем настроении, бодрая и веселая.

А на улице — хорошо!

Воздух после короткого проливного дождя чистый и свежий, развиднелось и светит солнце. Тепло, но не душно. Во дворе бренчит на гитаре симпатичный парень, и очень хорошо бренчит. Когда я прохожу мимо, он поднимает голову и улыбается.

Он всем улыбается. Он не человек, а программа. Смесь справочного бюро, музыкального автомата и вахтера. Каждый уважающий себя дом Диптауна обзаводится чем-то подобным. Либо

играют во дворе неправдоподобно вежливые и умилительные детишки, либо сидит на скамейке чинная старушка, либо длинноволосый живописец с мечтательными глазами стоит за мольбертом. А у нас — гитарист.

— Привет, — говорю я ему.

Иногда парень отвечает, но сейчас ограничивается лишь кивком. А я иду дальше. Можно взять такси, но тут недалеко, лучше пройтись. Заодно можно собраться перед беседой.

Дело в том, что на самом-то деле я ужасно трушу.

Диптаун всегда был для меня местом для развлечений. С тех пор, как в двенадцать лет я впервые вошла в *глубину*, тогда еще с папиного компьютера и без всякого комбинезона. Ну а когда у меня появилась своя машина, свой комбинезон — пусть даже «подростковый», без некоторых функций... Целоваться это не мешало.

И я носилась по *глубине*, прилипала то к одной компании, то к другой, дружила и ссорилась, храбро пила виртуальное шампанское, несколько раз виртуально выходила замуж и разводилась. В *глубине* были самые лучшие концерты — на исполинских аренах, над которыми кружились цветные облака и мерцали в такт музыке неправдоподобно яркие звезды. В *глубине* можно было посмотреть самый новый фильм задолго до его выхода на экраны — в роскошных пиратских кинотеатрах. В *глубине* можно было путешествовать — в каждой стране, в каждом городе находится человек, который делает виртуальную копию любимых пейзажей.

Конечно, были те, кто в *глубине* работал. Программисты, которым стали не нужны офисы. Тьма-тьмущая бухгалтеров, дизайнеров, инженеров. Преподаватели, обучавшие студентов со всего мира. Врачи, консультирующиеся друг с другом. Таинственные дайверы — конечно, если они есть на самом деле.

Но мне ни капельки не хотелось заниматься программированием или бухгалтерским учетом! Я даже учиться предпочитала по старинке. И поступила после лицея на юридический факультет: старомодный и солидный.

Но *глубина* все росла и росла. Ей уже не хватало неписаных правил. Ей потребовались законы.

И юристы.

Я сворачиваю с людного проспекта, прохожу маленьким сквером с заброшенным высохшим фонтаном в центре. Вокруг

как-то пустеет, будто люди стараются обходить это место стороной.

Неудивительно. Тюрьмы никогда не пользовались популярностью. Даже виртуальные.

Обнесенное высоким забором с колючей спиралью поверх уныло-серое здание за сквером — это виртуальная тюрьма русского сектора Диптауна. Кто говорит, что мы отстаем от развитых стран? Может быть, в чем-то и отстаем, но пенитенциарная система всегда следит за прогрессом!

Подхожу к единственным дверям в стене — узкие металлические створки с крошечным окошечком-глазком. Нажимаю кнопку звонка. Пауза, потом слышится железный лязг, окошечко открывается. На меня мрачно смотрит крепкий парень, толстая шея распирает синий форменный воротник. Он не произносит ни слова, ждет. И я молчу, лишь подаю в окошечко документы. Охранник скрывается, теперь уже я терпеливо жду.

Много ли времени нужно, чтобы проверить подлинность документов в *глубине?* Немного, но куда больше требуется на торопливые звонки начальству.

Не возмущаюсь, жду. Поправляю прическу — будто с моим «крысиным хвостиком» что-то могло случиться. Я и сама, наверное, похожа на крысу: поджарую, злую, битую и травленую, привыкшую смотреть на мир без глупых иллюзий.

Ничего, так надо.

Дверь с грохотом открывается. Охранник козыряет и словно бы растерянно отступает в сторону, пропуская меня вперед.

За дверью — вовсе не тюремный двор, а полутемный коридор. Стена, судя по всему, толщиной метров пять. Это вовсе не показуха. Пока я иду, цокая каблучками по щербатому бетонному полу, в мой компьютер торопливо закачиваются нехитрые тюремные интерьеры. Коридоры, комнаты охраны и персонала...

Коридор кончается еще одной дверью. Охранник тянется, пытаясь открыть дверь, но я его опережаю.

И выхожу в тюремный двор.

Спортивная площадка и площадка для прогулок. Ухоженные клумбы вдоль дорожки, ведущей к тюрьме. Никогда не видела в России таких тюрем, ее проектировщик содрал дизайн с каких-нибудь американских, из самых новых. В такой тюрьме только перевоспитываться!

Охранник деликатно покашливает, я насмешливо смотрю на него. Вряд ли это настоящий служака из внутренних войск, повидавший настоящие тюрьмы. Здесь, в виртуальности, важны не физические данные.

— Идемте, — успокаиваю я охранника. — У вас всегда так безлюдно?

Мой доброжелательный тон охранника не успокаивает. Видимо, в сочетании с брюзгливо поджатыми губами и вечно наморщенным лбом доброжелательность кажется издевкой.

— Нет... не всегда... госпожа инспектор.

— Ничего, ничего, — говорю я так, что сразу ясно — очень даже «чего»!

Мы входим в помещение тюрьмы. Это административный этаж, и лишь решетки на окнах напоминают о суровой прозе жизни. Проходя мимо одного из окон, я провожу по стеклу кончиками пальцев. Так, чтобы немного лака с ногтей попало на стекло.

Охранник ничего не замечает.

Персонала немного — нам попадаются две женщины в форме и разболтанный молодой человек в грязноватом белом халате. Молодой человек долго смотрит на меня, будто размышляет, следует ли познакомиться, или лучше юркнуть в ближайшую дверь. Благоразумие берет верх, и он скрывается в двери с надписью «контрольная комната».

В настоящей тюрьме здесь помещались бы мониторы внутреннего наблюдения. Очевидно, здесь — то же самое. Мне становится интересно, и возле двери я впечатываю каблучок в пол сильнее обычного. Охранник оборачивается, делаю вид, что запнулась.

Крошечный термит, выбравшийся из каблука и деловито направившийся к двери, невооруженным глазом не различим.

Наконец-то кабинет начальника тюрьмы. У двери охранник останавливается, предоставляя мне инициативу.

Стучу по мягкой синтетической обивке, вызывающей воспоминания о тех незабвенных днях, когда квартирные двери делались из фанеры и дерматина, а не из легированной стали. И вхожу, не дожидаясь ответа.

Задержка почти неощутима, и все-таки она есть. Дверь открывается слишком медленно, будто пересиливаешь тугую пружину. Еще один сервер, а может быть — закрытый участок тю-

ремного сервера... надо будет выяснить. Но сейчас я выбрасываю все это из головы и суховато улыбаюсь начальнику тюрьмы.

— Добрый день.

Начальник тюрьмы под два метра ростом, мордаст и широкоплеч, форма на нем сидит как влитая, грозно посверкивают звездочками подполковничьи погоны. Нетрудно иметь бравый вид в виртуальности.

— Ваши документы.

Молча подаю ему удостоверение, приказ из Управления по Надзору, командировочное удостоверение. Что ни говори, а это замечательное изобретение бюрократии — командировка в виртуальный мир. Может быть, именно поэтому большинство государственных учреждений располагается на «независимых» международных серверах? Куда приятнее быть командированным в виртуальную Панаму или Бурунди, чем в банальный Звенигород.

Жалко, что виртуальную тюрьму все-таки поместили на сервере МВД...

Пока подполковник просматривает документы, с любопытством оглядываю кабинет. Ничего интересного в нем нет, но все-таки... самый маленький штрих может быть полезен.

— Садитесь... Карина Петровна.

Он на глазах мягчеет. Наверняка глянул на год рождения.

— Первый раз с инспекцией, Карина Петровна?

Киваю. И с откровенностью круглой дуры добавляю:

— С виртуальной — да.

— Аркадий Томилин. Просто Аркадий. — Пожимаю крепкую ладонь. У него приятное рукопожатие, располагающее. — Честно говоря, я вначале напрягся.

Откровенность за откровенность...

— Виртуальные исправительные заведения — дело новое, непривычное. — Подполковник вольным жестом отбрасывает бумаги на стол. — И если их пытается инспектировать человек в годах, со старыми подходами, о *глубине* имеющий самые поверхностные представления... Вы курите, Карина Петровна?

— Курите, — разрешаю я. — Можно просто Карина.

Подполковник закуривает недорогие «21 век», в *глубине* распространяющиеся бесплатно. То ли демонстрирует свою простоту, то ли благоразумно не хочет привыкать к дорогим сигаретам — в реальном-то мире тоже захочется курить...

— Вы в курсе ситуации с виртуальными тюрьмами?

Еще один жест. Никто не любит называть место своей работы тюрьмой. Самые неуклюжие словосочетания вроде «исправительно-трудовое учреждение» пользуются большей популярностью.

— В общих чертах — в курсе, — говорю я с заминкой.

— Тогда общий экскурс... Да, Карина, Петр Абрамович еще преподает?

— Преподает.

— Сто лет не видал старика... Так вот, первые шаги в этом направлении сделали американцы, мы, как всегда, отстаем. Всем ведь понятно, что зачастую исправительные учреждения своей цели не служат. Не перевоспитывают человека, преступившего закон, а лишь озлобляют, сводят с криминальной средой... замкнутый круг, мы словно готовим себе новый контингент! А ведь в истории были, и неоднократно, примеры удачного перевоспитания преступников. Что такое Австралия, если вдуматься? Бывшая ссылка. Отправляли каторжников, ставили их в такие условия, что средством выживания становился честный труд, и добивались поразительных результатов! Каторжники создавали свое общество, перевоспитывались, население росло...

Почему-то мне очень хочется добавить про кроликов, которых тоже отправляли в Австралию. Но я молчу, лишь киваю.

— Цель идеальной тюрьмы — создать человеку условия для осознания своего проступка. Добиться катарсиса, настоящего покаяния. Но тут подход должен быть глубоко индивидуальный. Одному требуется заключение в одиночной камере и Библия под рукой. Другому — общение с людьми. Третьего надо просто научить читать, писать, дать хоть какую-то специальность! Но в обычной тюрьме такой индивидуальный подход невозможен. Вот в этом и смысл виртуальных тюрем. Квалифицированные юристы и психологи определяют, каким именно образом можно наставить преступника на путь исправления. И человек получает именно ту тюрьму, которая ему нужна! Необитаемый остров. Маленькую общину высоко в горах. Если требуется — то тюремную камеру, но чистую, сухую, теплую... Плюс — постоянные элементы психодрамы, целые спектакли, в которых они невольно участвуют, тем самым вставая на путь исправления...

Подполковник даже встает и начинает расхаживать по кабинету. Вожу за ним глазами, словно китайский болванчик.

— Итак, мы функционируем уже второй год. У нас более двухсот подопечных... все добровольно выбрали заключение в виртуальной тюрьме, разумеется. Контингент самый разный — от хакеров и распространителей нелицензионной программной продукции до убийц и насильников. В реальном мире их тела находятся в специальной тюрьме под Москвой... скорее даже это лазарет. Мы закупили специальные устройства, «дипбокс», или *глубинный контейнер*. В них человек может находиться в виртуальности месяцами и даже годами. Дорого, скажете вы? Конечно! Но и обычное содержание под стражей обходится государству недешево. К тому же у нас на выходе будут получаться честные, осознавшие свою вину люди. А именно это наша цель. Не покарать преступление — оно уже совершено, а предотвратить преступления новые, вернуть обществу здорового, законопослушного гражданина...

Я все это знаю.

Хорошие и правильные слова говорит господин подполковник молоденькой инспекторше, первый раз прибывшей с проверкой в виртуальную тюрьму.

Вот только почему твои подопечные могут свободно выходить из замечательной виртуальной тюрьмы на улицы Диптауна? Или ты не подозреваешь об этом, Аркадий Томилин, офицер с прекрасным послужным списком?

Мне хочется задать этот вопрос, и я его задам. Но не сейчас. Потом.

А пока я слушаю — про великолепные системы безопасности, про защищенный от любых проникновений сервер, про психологов, медиков, про молодой персонал с незашоренным мышлением, про то, какие замечательные письма пишут родным вставшие на путь исправления заключенные.

0010

Нам подают чай. Суровая женщина в форме — на секретаршу она не походит, да и нет у начальника тюрьмы приемной. Наверное, работает в женском блоке тюрьмы.

— Чай хороший, — говорит подполковник. Кладет три ложки сахара, помешивает и добавляет: — Краснодарский. Мы используем виртуальные образы только российских продуктов.

Нашел чем гордиться!

Виртуальный патриотизм — это даже не смешно. Достаточно однажды разориться на настоящий чай, на те самые три верхних листика, вручную собранные с куста. Конечно, если ты олигарх из недобитых в начале века, то пей чай из тех, что «три доллара — грамм», хоть каждый день. Но на одну-то чайную церемонию скопить несложно. Зато потом наслаждайся настоящим чаем при каждом визите в *глубину!*

Но эти мысли я оставляю про себя. Пью чай. Не знаю, каков он для начальника тюрьмы. Для меня — мутноватая вонючая жидкость с плавающими поверх щепками. В такой чай и впрямь надо класть сахар, вгоняя в ступор настоящих ценителей напитка.

— Вы начнете с отчетности? — спрашивает подполковник мимоходом.

— Наверное. — Делаю вид, что размышляю. — Нет, наверное, вначале осмотрю условия содержания.

Начальник кивает. Либо ему все равно, либо хорошо притворяется.

— У меня с собой несколько сканеров, — добавляю я. — Знаете, есть мнение, что виртуальная тюрьма недостаточно защищена от побегов...

Аркадий смеется совершенно искренне.

— Побег? Куда, Карина? Ох уж мне эти динозавры от юриспруденции... Все наши подопечные спят крепким сном за высокими заборами. Вокруг — виртуальность!

— Да, — лепечу я, — но если убийцы и насильники смогут разбежаться по Диптауну...

— Предположим! — Подполковник готов идти мне навстречу. — Итак, кровожадный маньяк Вася Пупкин сумел убежать из виртуальной тюрьмы...

Бедный Василий Пупкин, автор учебника арифметики для церковноприходских школ! Не знал он, как жестоко расправятся с ним измученные задачками про бассейны и поезда ученики. Сделают его имя нарицательным, похлеще любого мистера Смита.

— И что же сотворит наш маньяк в виртуальности? — продолжает вопрошать Томилин. — А, Карина?

— Убийство, — предполагаю я.

— Виртуальное?

— А как же оружие третьего поколения? Которое убивает людей из виртуальности?

Понимаю, что стремительно падаю в глазах Томилина. Но ничего не поделаешь.

— Карина, года два назад ходили подобные слухи, — соглашается он. — Даже целые истории рассказывали. О том, как некий хакер погиб от виртуальной пули... Поверьте, шум был таким, что началось официальное расследование. Да, попытки конструировать «оружие третьего поколения» были. Но ничем не увенчались. Серьезные люди давно оставили эти исследования... разве что соответствующие службы еще сосут денежки из своих правительств.

— А если сексуальное насилие? — не сдаюсь я. — Ведь это в виртуальности возможно!

Тут подполковнику крыть нечем, и он сразу же теряет ироничность.

— Зато убежать из тюрьмы невозможно. Пожалуйста, проверяйте... я первый пожму вам руку, если вы докажете обратное.

Что-то я выхожу из роли. Старлей Карина, гордая от своей миссии, не должна отвлекаться на чай, пусть даже краснодарский, и бородатые анекдоты.

— Давайте начнем, — отставляю я чашечку. Чашечка красивая — черные с золотом розы на тонком фарфоре. Тоже отечественная, ясное дело.

— Следуйте за мной. — Голос Томилина тоже суровеет.

Идем долго. Не менее трех решетчатых дверей — сервергейтов, погружающих нас все глубже и глубже в тюремную сетку. Я демонстративно вожу вокруг сканером — вполне исправным и довольно надежным прибором. Все чисто. Никаких подкопов. Эдмон Дантес зря потратил бы свои молодые годы.

Тюремный корпус и впрямь построен по американскому образцу. Приличных размеров помещение, пассаж, где вместо магазинов — зарешеченные клетушки в три этажа. Неожиданности начинаются, когда мы подходим к первой камере. Она пуста.

— Подопечный в своем пространстве, — говорит Томилин. — Видите дверь?

В камере и впрямь есть одна деталь, выбивающаяся из привычного тюремного интерьера. Между сверкающим унитазом и жесткой откидной койкой — занавешенный плотной серой тканью дверной проем.

— Это и есть та самая «внутренняя Монголия»? — позволяю себе вольность. Ну должна же была трудолюбивая инспекторша ознакомиться с тюремным жаргоном?

— Да, — с легким удивлением отвечает Томилин. — Сержант!

Один из надзирателей, молчаливо следующих за нами, гремит ключами и отпирает камеру. Вхожу вслед за Томилиным.

— Не надо, — отмахивается подполковник от бросившегося к портьере сержанта. — Итак, Карина Петровна, весь наш контингент вправе отбывать свое наказание обычным образом, хотя и в виртуальности. Находиться в камере, работать в мастерской, посещать библиотеку и церковь... мы предоставляем услуги представителям пяти наиболее популярных конфессий. Однако есть и решающее отличие нашей тюрьмы от обычной. Каждый заключенный имеет собственное автономное пространство, как его неофициально называют — «внутреннюю Монголию». В каждом конкретном случае это пространство создается индивидуально, квалифицированными специалистами. Посещение вну... автономного пространства или же зоны катарсиса — это уже официальный термин — служит перевоспитанию преступника. Могу заметить, что случаи отказа от этой терапии крайне редки. Позвольте...

— Это не слишком бесцеремонно? — спрашиваю я.

И Томилин ощутимо меняется в лице.

— За находящимися в зоне катарсиса ведется непрерывное наблюдение. Они знают, что в любой момент надзиратель может прервать сеанс. Пройдемте.

Может быть, он начинал с патрульно-постовой службы?

Вслед за Томилиным я отдергиваю занавеску и вхожу в зону чужого катарсиса. В чью-то «внутреннюю Монголию».

А это и впрямь похоже на монгольскую степь!

Нет, я там не бывала. Даже через *глубину*. Но в моем представлении она так и выглядит: бескрайняя равнина до самого

горизонта, каменистая земля с сухими стебельками высушенной злым солнцем травы, пыльный ветер, безоблачное небо. Очень жарко.

— Тс-с! — упреждает мой вопрос Томилин. — Вон там.

И впрямь, метрах в ста от входа — полощущегося прямо в воздухе серого полотнища, — сидит на корточках человек. Мы приближаемся, и человек оказывается тщедушным, с жиденькими волосами и нездоровой бледной кожей типом.

Перед ним сидит на земле крошечная рыжая лисичка — фенек.

Можно подумать, что они медитируют, глядя друг на друга. Но в отличие от человека лисичка нас видит. И когда мы подходим совсем близко — разворачивается и обращается в бегство.

Человек горестно вскрикивает и лишь потом оборачивается.

Лицо у него тоже самое обычное. С таким лицом трудно назначать девушкам свидания — не узнают, не выделят из толпы.

— Заключенный Геннадий Казаков, осужден районным судом города... — вскакивая и закладывая руки за голову, начинает он вытверженную назубок формулу.

А статья у него плохая. Умышленное убийство при отягчающих обстоятельствах.

— Я особый инспектор Управления по Надзору за исправительными заведениями, — говорю я. — Есть ли у вас жалобы на условия содержания?

— Жалоб нет, — быстро отвечает осужденный.

Во взгляде его не страх и даже не злость к тюремщикам. Раздражение! Самое настоящее раздражение человека, оторванного от очень важного дела ради какой-то ерунды. Больше ничего во взгляде нет.

— Пойдемте, — говорю я Томилину.

И мы оставляем Казакова в его «внутренней Монголии». Подполковник начинает говорить, едва мы выходим в обычную камеру.

— Это один из простейших, но на мой взгляд — изящный вариант зоны катарсиса. У заключенного есть выход в пустыню. Пустыня безгранична, но замкнута — попытавшись уйти, он вернется к прежнему месту. В пустыне обитает одна-единственная лисичка. Терпением и мягкостью заключенный может ее приручить. За последний год наш подопечный добился определенных успехов.

— Очень трогательно, — морщусь я. Постукиваю туфли каблуком о каблук — на пол сыплется мелкий сухой песок. — Хотя заключенный Казаков не очень-то похож на Маленького Принца. А что будет дальше?

— Когда он приручит лисичку, то сможет принести ее в камеру. Она станет совсем ручной, будет спать у него в ногах, бегать между камерами с записками... даже немножко понимать его речь. — Томилин чем-то недоволен, но рассказывает все-таки с увлечением.

— А потом?

— Вы догадливы, Карина. Потом фенек умрет. Он найдет ее в пустыне, дня через три после того, как лисичка перестанет приходить в камеру. И будет непонятно, то ли она умерла своей смертью, то ли кем-то убита.

Останавливаюсь. То ли от уверенного голоса начальника тюрьмы, то ли под впечатлением только что увиденного, но я представляю все слишком четко. Человек, стоящий на коленях перед неподвижным тельцем зверька. Крик, отчаянный и безнадежный. Пальцы, скребущие сухой такыр. И пустые глаза — в которых больше ничего нет.

Видимо, лицо меня выдает.

— Это *нарисованная* лисичка, — говорит подполковник. — Обычная программа «домашний любимец» с замедленным инстинктом приручения. Ее не надо жалеть, — он секунду медлит, потом добавляет: — а человека, зверски убившего свою жену, — тем более. Пережитый шок заставит его осознать, что такое боль утраты.

У меня на языке крутятся очень скептические вопросы. Но разве мое дело их задавать? Поэтому киваю, кручу вокруг сканером, уделяя особое внимание зарешеченному окну. Томилину смешно, но он старается не улыбаться.

Спасибо ему большое.

Мы проходим еще три камеры. В одной заключенный спит, и я прошу подполковника его не будить. Обитатели двух других странствуют по своим зонам катарсиса. Первая зона — город, где нет никого, вообще никого, но все время находятся следы недавнего присутствия людей. Я сразу угадываю, что город предназначен для еще одного убийцы. Вторая зона — что-то подозрительно смахивающее на симулятор автогонок. Здесь раскаивается в своем преступлении шофер, покалечивший в

пьяном состоянии несколько человек. Не знаю, не знаю... мне кажется, что веселый усатый мужик просто старается сохранить профессиональную форму. Впрочем, ему осталось сидеть всего полгода. Вряд ли он решится бежать, даже если его большегрузный «КамАЗ» проломит нарисованный забор и выкатит на улицы Диптауна.

Но сканером я работаю старательно.

— Дальше — заключенные под стражу за экономические преступления, — говорит подполковник. — Будете знакомиться?

Можно подумать, что убийцы и насильники для меня более интересны.

— Конечно.

— Взлом серверов, кража информации, составляющей коммерческую тайну. В общем — хакер, — представляет подполковник отсутствующего обитателя камеры. — В зону катарсиса пойдем?

— Давайте заглянем, — говорю я, стараясь не выдать волнения.

На экране детектора по-прежнему горит зеленый огонек — все чисто. Но этот огонек не играет никакой роли. Он для тех, кто глянет на экран через мое плечо.

Ничего не значащая буковка F в углу экрана гораздо информативнее. Где-то рядом пробит канал на улицы Диптауна.

Ах какая замечательная идея — наказать хакера заключением в виртуальной тюрьме!

0011

Зона катарсиса хакера — подъезд многоэтажки. Грязноватый, с унылыми резиновыми ковриками у дверей. Почему у ковриков всегда такая тоскливая раскраска? Чтобы не сперли?

— Труднее всего перевоспитывать человека, совершившего экономические преступления, — сообщает вдруг подполковник. — Понимаете, Карина?

— Нет, не совсем.

— Ну посудите сами. — Он оживляется. — Вот простейший пример. Медицина лечит страшные болезни: оспу, чуму. А с банальным насморком справиться не может. Так и с преступлениями в экономической сфере: воровством данных, незакон-

ным пользованием программами. Поймать правонарушителя, наказать его — мы в силах. Но убедить его, что поступать так нельзя... Во-первых, сроки заключения небольшие. Совершенно нет времени на работу с человеком...

Мне почудилось, или в голосе Томилина сквозит огорчение?

— Во-вторых, очень трудно убедить человека, что его действия аморальны. Даже христианских заповедей не хватает. Сказано «не укради», но разве человек крал? Он всего лишь скопировал информацию. Пострадал ли конкретный человек? По сути — да. Но объясни провинциальному программисту, что Билл Гейтс страдает от незаконного пользования «Виндоус-Хоум», что певице Энии нужны отчисления от продажи дисков!

Я смотрю на Томилина с удивлением. Вот уж не ожидала, что он слушает Энию! Такие, как он, должны слушать музыку раз в год. На концерте в честь Дня милиции.

— Но мы все-таки не сдаемся, — со скромной гордостью говорит Томилин.

Мы идем по лестнице, Томилин легонько толкает каждую дверь. Наконец одна поддается.

Входим.

Квартира. Как принято говорить — чистенько. Даже слишком уж аккуратно, учитывая доносящиеся детские голоса.

— Это квартира обычного российского программиста, — торжественно говорит Томилин, понижая голос. — Зовут его Алексей, жена — Катерина, дочь — Диана, сын — Артем. Имена, возраст, характер — все составлено на основе большой репрезентативной выборки. Это абсолютно стандартный программист.

У меня в груди шевелится смешок. Но я молчу, киваю.

— Алексей работает в фирме «Седьмой проект», занимающейся выпуском и локализацией игровых программ, — продолжает подполковник. — Но хакеры взломали сервер и украли новейшую игру, над которой программисты работали пять лет. Игра вышла на пиратских дисках, фирма на грани банкротства.

Вслед за Томилиным иду в гостиную. Мысли по поводу игры, которую делают пять лет, держу при себе.

А вот и наш программист. Он тощ, очкаст и небрит. Сидит на табуретке перед компьютером, на мониторе — строчки машинного кода. Судя по поведению Томилина, нас Алексей не видит. Впрочем, он и без того занят — положив руку на плечо конопатого мальчика, что-то втолковывает ему:

— Я понимаю, сынок. Мы обещали тебе велосипед, но нам с мамой сейчас очень трудно. У нас украли игру, которую мы так долго делали, и зарплату не платят.

— Но у всех ребят есть велосипеды... — горько отвечает ребенок.

— Ты ведь уже большой и сам должен понимать, — серьезно отвечает стандартный российский программист. — Давай договоримся, что к Новому году мы подарим тебе коньки?

Главное — не смеяться. Выйду из образа. Да и нехорошо — как-никак у ребенка горе!

— Хорошо, папа, — соглашается стандартный ребенок российского программиста. — Давай я помогу тебе отлаживать программу? И ты быстрее сделаешь новую игру.

— Давай, сынок. Если ее не украдут, то мы подарим тебе велосипед!

— Примерно такая вот психодрама, — шепчет мне на ухо Томилин. — Шоковая терапия.

Невесть отчего, но я вдруг вспоминаю старый-престарый фильм, еще коммунистических времен. Там действие происходило в пионерлагере, на сцене дети пели песню «На пыльных тропинках далеких планет...» А директор пионерлагеря, склонившись к важному гостю, шепнул...

— Эту песню Гагарин пел в космосе! — произношу я вслух. Непроизвольно. Само с языка слетело, честное слово!

И вдруг лицо Томилина едва заметно меняется. Вспыхивает и гаснет улыбка.

Вовсе ты не так прост, товарищ подполковник!

Но обдумывать это некогда. Я заговорила слишком громко — и из повернутого к нам спинкой кресла раздается досадливое кряхтенье. Кресло жалобно скрипит (и почему несчастный стандартный программист мучается на табуретке, когда есть другая мебель?). Над спинкой появляется сверкающая лысина. Потом — широкие плечи.

— Охо-хо... — вздыхает обладатель лысины, разворачиваясь.

Ну и шкаф!

Хакер вовсе не так толст и приземист, как мне показалось. Он просто широк. Тюремная роба на нем едва сходится, видна волосатая грудь.

— Заключенный Антон Стеков, — с вальяжной небрежностью, хотя и без заминки, закладывая руки за голову, говорит хакер. — Осу́жден...

— Осуждён, — внезапно поправляет его Томилин.

— Осуждён, осуждён, — соглашается хакер. — По статье двести семьдесят два часть первая УК России...

На носу хакера — очки в тоненькой интеллигентской оправе. То ли линзы очень сильные, то ли он от природы пучеглаз.

Пока хакер отчитывается, пытаюсь понять, чем же он занимался. Неужели слушал сетования стандартного программиста стандартному ребенку?

Наконец до меня доходит. В углу едва слышно бормочет телевизор — старенький «Самсунг». Хакер всего-то смотрел новости!

— Я инспектор по надзору, — говорю я. — Заключенный Стеков, у вас есть жалобы?

— Есть, — косясь на начальника, говорит хакер.

— Я вас слушаю.

— Ленивчик не работает, — вздыхает Стеков и в доказательство демонстрирует пульт дистанционного управления от телевизора. — Нет, я понимаю, если это наказание такое — пускай будет. Но если просто недосмотр?

— Что-либо еще? — спрашиваю я, опомнившись. Слегка пристукиваю каблуком по полу — и крошечный термит устремляется к заключенному.

— Больше ничего, — с достоинством отвечает хакер. — Отношение самое благожелательное, харчи вкусные, постельное белье меняют регулярно, раз в неделю — баня.

— Я выясню, что можно сделать... с ленивчиком...

Томилин, с каменным выражением лица, ждет.

— Разрешите вернуться к отбытию наказания? — спрашивает Стеков.

Ожидаю со стороны подполковника какой-либо реакции, но ее нет. Мы покидаем хакера, выходим в подъезд, затем — в камеру.

— Храбрится, — неожиданно замечает Томилин. — Заключение в виртуальности для хакеров — самое неприятное наказание. Находятся в *глубине*, и при этом — никакой возможности взломать программы.

Киваю... и вдруг понимаю, что меня насторожило. Статья двести семьдесят два, часть первая. Исправительные работы на срок от шести месяцев до года, лишение свободы на срок до двух лет.

— Какой у него срок?

— Шесть месяцев.

— И... сколько осталось?

— Чуть меньше двух.

Не понимаю. Даже если хакер сумел выбраться из виртуальной тюрьмы — к чему такой риск? Отбывать наказание ему осталось всего ничего!

— Продолжим обход? — спрашивает Томилин.

По-хорошему стоит посетить еще пару камер. Исключительно с целью запутать Томилина. Смотрю на часы.

— У меня есть еще двадцать минут. Давайте. Сосредоточимся на компьютерных преступлениях, хорошо?

deep

Кружится перед глазами цветная мозаика. Не то пытаясь сложиться в картинку, не то рассыпаясь. Рыцарский меч, доспехи, протянутая рука, самоцветный гребень, ящерка на стене...

Но я знаю — в этом паззле недостает одного, самого важного, фрагмента.

Выход.

Я стянула шлем, расстегнула воротник комбинезона. В комнате было темно — так и не раздернула с утра шторы...

Встав и сладко потянувшись, я крикнула:

— Мама! Папа! Я дома!

Сквозь дверь донеслось что-то неразборчивое, заглушенное музыкой. С этими родителями беда! Как врубят свою «Машину времени» или других старичков — не дозовешься!

— Не слышу! — крикнула я снова.

Макаревич, сокрушающийся о невозможности изменить мир, притих.

— Дочка, ужинать будешь? Тебе накладывать? — подойдя к двери, спросила мама.

— Иду, — выскальзывая из комбинезона, сказала я. — Сейчас.

Ежась под холодным душем — ничего нет лучше, чтобы опомниться от *глубины*, — я прокрутила в памяти тюрьму, Томилина, хакера Антона.

Нет, не сходится что-то.

Я выскочила из душа, промокнула с тела воду, швырнула полотенце прямо в бак стиралки. Влезла в старые, дырявые на

коленках джинсы, надела старую рубашку — когда-то ее таскала мама, но она мне жутко нравилась.

— Карина!

— Иду, — отпирая дверь, пробормотала я. — Ну сказала же, сейчас...

Папа уже был дома. Сидел за столом, косясь одним глазом в телевизор. И не преминул спросить:

— Любимый город?

— Может спать спокойно. — Я плюхнулась на свою законную табуретку. — Папа, вот представь, что ты сидишь в тюрьме...

— Не хочу, — немедленно ответил папа.

— А ты попробуй. Тебя посадили на полгода, ну, за взлом сервака и кражу файла...

— Карина! — Папа многозначительно постучал вилкой по тарелке.

— За неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, каковое деяние повлекло за собой копирование информации... — досадливо сказала я.

— Представил, — ответил папа. — Теперь представил. Дальше?

Разумеется, я не должна обсуждать с родными таких вещей. Ну... мало ли чего я не должна делать? Сажать «жучков» на Томилина я тоже не имела права.

— Тебе дали полгода в виртуальной тюрьме...

— Спасибо, что не вышку, — вставил папа. Поймал укоризненный мамин взгляд и улыбнулся.

— Полгода, — гнула я свою линию. — Четыре месяца ты отсидел. И вдруг нашел способ выбираться наружу, в Диптаун. Но если это раскроется, то статья будет как за обычный побег! Станешь ты прогуливаться по Диптауну?

— Это все твоя американская практика? — невинно спросил папа.

— Да не практика, я же неделю как вернулась... — начала я, но вовремя сообразила, что отец шутит. Стажировку в США я проходила в виртуальности, хотя очень надеялась на настоящую поездку. Вот и выслушивала каждый вечер про чудеса техники: «А дочка уже вернулась из Штатов? Надо же, какие быстрые нынче самолеты!» — Папа, я серьезно!

— Я не юрист, — скромно сказал папа. — И даже не зек.

— Папа...

Отец задумался.

— Мог бы и убегать, — сказал он наконец. — Если есть какая-то важная причина. Это наш хакер?

— Я абстрактно спрашиваю, — терзая вилкой котлету, спросила я.

— Так и я тоже. Это абстрактный русский хакер?

— Угу.

— Тогда он может быть влюблен, может распивать с друзьями пиво или убегать всего-то ради куража.

— А если хакер американский?

— Тогда он грабит банки, пользуясь имеющимся алиби, — уверенно сказал папа. — Чем не повод? Сесть в тюрьму на маленький срок и, честно отбывая наказание, заняться серьезным бизнесом.

— Карина, пять минут прошли, — напомнила мама.

У меня хорошие родители. Но правило, что о работе за столом не говорят, а если уж говорят, то не больше пяти минут, они соблюдают строго. Лучше и не спорить.

— Злые вы, уйду я от вас, — заявила я и протянула Клеопатре, маминой ручной крысе, сидящей у нее на плече, кусочек котлеты. Клео котлету понюхала, но не взяла.

— Не закармливай бедное животное, — строго сказала мама.

— Когда ты приведешь домой молодого человека и скажешь: «Я с ним уйду», мы будем счастливы, — добавил отец.

— Я припомню, — злорадно пообещала я.

— Виртуальные молодые люди не считаются, — уточнила мама.

Нет, это хорошо, когда родители сами программисты. Причем не такие стандартные, как во «внутренней Монголии» у Антона Стекова.

Но иногда мне хочется, чтобы они были больше похожи на родителей — а не на старшего брата и сестру. Впрочем, братья и сестры мне бы тоже не помешали...

— Этими детскими забавами я переболела, — сказала я. — Мне двадцать шесть лет, я старая крыса из эмвэдэшного виварриума. В виртуальности пусть влюбляются тины.

— Карина? — мягко спросил папа.

— Тинэйджеры!

— Карина?

— Прыщавые подростки! — Я бросила вилку так, что Клео на мамином плече вздрогнула. Хотела было сразу выскочить из кухни, но вначале открыла холодильник и схватила пакет молока.

— Не пей холодное! — напомнила мама.

— Поставь под кулер, пусть нагреется, — посоветовал отец.

— Папа? — ехидно спросила я, направляясь в свою комнатку.

— Под вентилятор системного блока, — быстро исправился папа. Но я уже скрылась за дверью.

0100

Терпеть не могу, когда мне пытаются устроить семейную жизнь!

И ведь была бы мужчиной — никто бы не удивлялся, что в двадцать шесть лет я занимаюсь карьерой, а не возней на кухне. Просто средневековье какое-то. Все родственники так и стараются с кем-нибудь познакомить, причем родители этому потворствуют.

У меня есть хорошая подруга, правда, мы никогда с ней не встречались в реале. Зовут ее Наташа, она русская, но живет в Австралии, уехала туда с родителями еще в детстве. Года два назад мы с ней обсуждали, когда стоит выходить замуж и надо ли это делать вообще. Как-то так получилось, что Наташа заговорила о лесбийском сексе. Мы пообсуждали эту тему немного и решили попробовать — вдруг у нас что-то получится? Подруги мы и так замечательные, а вдруг ко всему еще удастся организовать крепкую семью? Тянуть мы не стали, пошли в какой-то диптаунский ресторанчик, распили бутылку шампанского и попробовали поцеловаться. Я чмокнула Наташу в губы — и вдруг мне стало так смешно...

Ох и хохотали же мы! Только настроимся на серьезный лад, как полагается влюбленным женщинам, посмотрим друг на друга — и снова тянет смеяться. Никакой романтики. Так что мы выпили еще шампанского и познакомились с ребятами, сидевшими за соседним столиком.

Я вообще считаю, что семья — это пережиток довиртуальной эры. Но родителям этого никогда не объяснить.

Попивая холодное молоко прямо из пакета, я глазела на монитор и обдумывала жилищный вопрос, который в нашей стране всегда и все портит. Хотелось думать о хорошем. О том, что я разоблачу жуткую банду виртуальных преступников и получу премию — такую огромную, что куплю квартиру. Ну или выиграю в лотерею особняк, лимузин и яхту... это ведь куда вероятнее.

И тут на экране замигала панелька «жучка», а колонки противно запищали.

Ничего себе!

Я вскочила, запрыгала на одной ноге, втискиваясь в комбинезон. На мониторе уже развернулась карта Диптауна, а по ней невозмутимо плыла зеленая точка. Хакер Антон Стеков покинул хваленую виртуальную тюрьму и прогулочным шагом дефилировал по городу!

У меня несколько точек входа в *глубину*. Сейчас я нацелилась на портал в развлекательном центре, не самый лучший, зато прямо на пути хакера. Надевая шлем, попыталась вспомнить, какие там есть тела. Кажется, выбор у меня небогатый...

deep

Ввод.

Я вскакиваю с койки в маленькой, узкой, как пенал, комнатушке. Распахиваю стенной шкаф — на крючках болтаются две девицы. Одна вульгарная до безобразия, размалеванная и в дурацком старомодном платье. Вторая — слишком уж малолетка, в такой только на молодежную дискотеку идти...

Так, а в чем я сейчас?

Вполне симпатичная девушка, крепенькая, фигуристая, но по-спортивному. Пойдет. Такая должна понравиться Стекову.

Я пристегиваю на руку попискивающий сканер, замаскированный под часы, и выхожу из комнаты.

На прозрачный пол высоченного небоскреба, к скользящим в прозрачных шахтах прозрачным лифтам. Здание все из стекла, лишь арендованные комнатки темнеют, будто капли меда в сотах. Никогда не построить такого небоскреба — там, в настоящем мире...

Ныряю в услужливый лифт — и тот с головокружительной скоростью падает из поднебесья к улицам Диптауна. Страдающих боязнью высоты просьба не беспокоиться...

А сканер жизнерадостно пищит, стрелочка плавно разворачивается на экране. Хакер не стал брать такси, он просто идет по улице.

Нет, не могу поверить в свою удачу! Так быстро и легко обнаружить нарушение! Задание и без того было головокружительным: первая инспекция в первой виртуальной тюрьме. Понять не могу, как мне доверили, почему не послали бригаду опытных программистов — ведь есть у нас настоящие мастера, они бы тюрьму разобрали по байту, даже не заходя в *глубину*. А товарищ подполковник и его подопечные даже не заметили бы, что лежат на предметном стеклышке под микроскопом...

И тут меня посещает очень нехорошая мысль.

Слов нет, до чего нехорошая.

А с чего я взяла, что этого не происходит? Это ведь обычнейшая схема — к объекту разработки направляется неопытный сотрудник, «лопух» на жаргоне, а настоящие профессионалы работают тихо и незаметно...

Но сейчас задумываться об этом нельзя, нет на это времени. Я выхожу из лифта — и сразу же вижу Антона Стекова.

Нет, каков наглец!

Заключенный идет по улице в своем настоящем облике. Он даже переодеться не удосужился! Пользуется тем, что виртуальные тюрьмы — дело новое, о побегах никто и не слышал.

Я пристраиваюсь за хакером, пытаясь сообразить, что же мне делать. Связаться с полицией Диптауна? У меня есть идентификационный номер сотрудника МВД России, мне обязаны оказать поддержку. А может быть, проследить за Стековым? Конечно, *наружка* — не моя область, но...

«Карина, опомнись! — строго говорю я себе. — Не играй в сыщиков, ты эксперт, а не оперативный работник!»

Все так, но я продолжаю идти за Стековым. Ругаю себя, вспоминаю отчеты психологов — у людей, с детства находящихся в *глубине*, отмечается значительный психический инфантилизм, склонность играть, а не жить... И все-таки я иду за Стековым.

К счастью — недолго.

Хакер уверенным шагом направляется к столикам маленькой открытой кофейни. Навстречу ему встает высокий светловолосый мужчина — ну и вырядился кто-то, прям викинг из фильма... наверняка в реальной жизни — пузатый недомерок...

Стеков и незнакомец обнимаются, обмениваются какими-то репликами. Стараясь выглядеть непринужденно, я присаживаюсь за соседний столик. Отключаю у сканера звук, хватит ему пищать.

Неумело, непрофессионально... не обучали меня слежке...

Но вроде бы они на меня не смотрят.

Светловолосый здоровяк подзывает официанта, покупает у него пачку «Беломора» и удаляется. Идет он как-то неуверенно, пьяный, что ли? Едва не натыкается на меня и бормочет:

— Извиняюсь, птичка...

Отвечаю я не раздумывая, образ сам подсказывает манеру поведения:

— Лети дальше, орел...

— Как скажешь, птичка. — Светловолосый тип одаривает меня добродушным взглядом и удаляется.

Хорошо бы и его проследить. Но сейчас у меня нет при себе «жучков», да и ставить их опасно — могу спугнуть.

А Стеков за соседним столиком непринужденно допивает оставленный «викингом» кофе. Улыбается мне, потом встает и подходит:

— Извините, можно присесть?

Вот уж чего я не ожидала. С одной стороны — удача... с другой...

— Ну, попробуй... — отвечаю я. Девчонка я грубая, но зато откровенная и независимая.

— Заказать вам кофе? — спрашивает Стеков. Замечаю, что рядом стоит официант, терпеливо дожидаясь заказа. Официант — явная программа.

— Ну... — Я все больше и больше вываливаюсь из образа. Не вяжется поведение Стекова с его тайными вылазками из тюрьмы! — Закажи, — разрешаю я. — Черный, без сахара. А что ты так вырядился?

Нападение — лучшая защита!

— Вырядился? — с искренним недоумением спрашивает хакер. — Это обычная одежда заключенного.

— Ну и зачем ты ее напялил? — продолжаю я. Неужто скажет, что убежал из тюрьмы?

— Чтобы привлекать внимание. — Стеков улыбается. Странно как-то... улыбка словно другому человеку принадлежит... — Вы знаете, что в *глубине* появились тюрьмы?

— Нет, — быстро отвечаю я. — А что такого, если даже и появились?

— Вас это не шокирует? — Стеков снимает очки, смотрит на меня совсем не близоруким взглядом.

— Мало ли в мире тюрем...

— Так это в мире, — терпеливо объясняет Стеков. — Там много чего есть. Войны, к примеру. Прочая дрянь. Но вот удивительное человеческое свойство — всю имеющуюся гадость повсюду тащить за собой... Кстати, давайте знакомиться? Меня зовут Чингиз.

Надо же, придумал себе имя.

— Ксения, — ляпаю наугад. — Можно Ксюша.

Внутреннего протеста имя не вызывает. Грубоватая и крепенькая девица — типичнейшая Ксюша. Наверное, любит травку и старый рок...

— Вот и замечательно, — кивает «Чингиз». — У вас есть несколько часов времени?

— Смотря для чего, — уточняю я.

— Для прогулки, — серьезно говорит Стеков. — Вы ведь давно в *глубине*, верно? Я бы предположил — лет с четырнадцати.

— А сколько мне сейчас? — любопытствую я. Он и впрямь угадал.

— Двадцать четыре — двадцать пять. — Стеков даже не ждет подтверждения. — Понимаете, Ксюша, *глубина* накладывает свой отпечаток на поведение. Имея некоторый опыт, можно определить, как давно человек ходит в виртуальность.

Официант приносит кофе. Делаю маленький глоток и кокетливо киваю Стекову:

— Ты интересный. Давай прогуляемся.

Я все глубже и глубже вязну в разговоре. Сейчас надо хватать хакера с поличным, а я флиртую... но ведь у меня нет возможности позвонить в полицию, верно? Все слишком быстро происходит.

Стеков вновь цепляет очки на нос, встает, машет рукой, останавливая такси. А я мимоходом смотрю на окошечко сканера.

Стрелка указывает куда-то в сторону тюрьмы. Но уж никак не на Стекова!

— Черт! — кричу я, вскакивая. Чашечка летит со столика на каменные плиты тротуара, звонко разлетается вдребезги. Лже-Стеков с улыбкой оборачивается:

— Что случилось, Ксюша?

Я молчу. Мне хочется разреветься. Я дура, я самая настоящая дура! «Лети дальше, орел!» Меня провели так просто и изящно... стоило чуть-чуть пошевелить мозгами...

— Не надо так убиваться. — Лже-Стеков мягко берет меня за локоть. — Ничего ужасного не случилось, поверьте.

— Где он? — выпаливаю я.

— Тоха? Думаю, уже вернулся в тюрьму.

— Вы понимаете, что стали соучастником? — спрашиваю я. — Учтите, наш разговор пишется, и...

— Я по-прежнему зову вас на прогулку. — Лже-Стеков совсем не выглядит напуганным. — Кстати, вы не задумывались, Ксюша, зачем виртуальную тюрьму поместили в Диптаун?

Молчу. Все полетело кувырком, я вспугнула преступника, провалила инспекцию...

— Что стоило создать для тюрьмы отдельное виртуальное пространство? — продолжает лже-Стеков. — Никаких побегов, даже теоретически.

— Думаете, большие шишки наверху это понимают? — отвечаю я. И мысленно хватаюсь за голову. Что я делаю? Спорю с преступником, ругаю перед ним начальство!

— Понимают. Ну что, поехали?

Оглядываюсь — невдалеке, у перекрестка, стоит полицейский. Обычный диптаунский полицейский, крепкий, с располагающим добрым лицом. Белая форма, бляха с номером. На поясе кобура с пистолетом, наручники, рация. Стоит лишь крикнуть — и моего собеседника арестуют. Никуда он не денется.

Но я уже понимаю, что звать полицейского не стану. Стеков задал тот самый вопрос, что мучил и меня.

Почему тюрьма не изолирована?

И ответ лишь один.

Для того, чтобы было куда бежать.

0101

Такси петляет по Диптауну, повинуясь указаниям фальшивого Стекова. На первый взгляд — без всякой системы, но я замечаю — мы то и дело выскакиваем из российского сектора в японский, китайский, немецкий, американский сектора.

Путает след. Грубо, но эффективно. Конечно, если слежка не ведется на уровне провайдера.

И мой спутник думает о том же.

— Через кого ходишь, Ксюша?

— Я не Ксюша, — наплевав на все, отвечаю я. Гори оно огнем... — Меня зовут Карина.

— А меня Чингиз. На самом деле. Так через кого?

— Москва-Онлайн.

— Угу... — с явным удовлетворением заключает Чингиз. Не таясь, достает пейджер, не глядя на клавиатуру, набивает письмо.

Неужели у него есть сообщники среди провайдера?

А почему бы и нет? Москва-Онлайн — одна из самых популярных компаний. Если Чингиз серьезный человек — а он такое впечатление производит, — то мог заранее обзавестись знакомыми в самых популярных и крупных конторах.

— Остановите у памятника Последнему Спамеру, — командует Чингиз программе-водителю.

Я это место знаю. Была в *глубине* такая профессия — спамер. В довиртуальную эру они рассылали рекламные письма с арендованных на раз адресов. В начальный период *глубины* занялись рекламой лично. Создавали простенькие программы в виде обаятельных молодых людей и симпатичных девиц, которые бродили по улицам и приставали к каждому встречному: «Простите, вы еще не слышали удивительную новость? Открылся замечательный бордель «Интеллектуальная страсть»...»

Давили их долго. Отстреливала полиция, гонялись за ними провайдеры... Но уничтожили спамеров, только начав выдавать лицензии частным гражданам. Появилась еще одна профессия — охотник на спамеров. Как только люди сообразили, что заработать охотой на непрошеных рекламщиков проще, чем самой рекламой, число спамеров пошло на убыль. В ознаменование победы и воздвигли памятник, изображающий молодого человека с идиотской улыбкой, выпученными глазами и ворохом рекламных листовок в руках. Конечно, на самом-то деле спамеры иногда появляются. Но уже эпизодически, потому что награду за их уничтожение благоразумно не отменяют.

Такси останавливается у сквера, где и стоит вечно молодой рекламщик. На ступеньках у памятника люди потягивают пиво, общаются, и никто никого не донимает советами, как лучше потратить время и деньги...

Чингиз успевает выскочить первым и открыть мне дверцу. Оставляю его галантность без внимания. Находим свободную скамеечку, все с той же молниеносностью Чингиз отправляется в ларек за пивом. Над ларьком выцветший рекламный плакат: «Только сегодня пиво «Ледяной орел» распространяется бесплатно!»

Плакат висит сколько себя помню.

Его даже повесили нарочито потрепанным.

— Так что вы хотите мне сказать? — открывая пиво, спрашиваю я. — И учтите, все сказанное может быть использовано против вас...

— Карина, не против, если я сменю тело? — спрашивает Чингиз.

Молчу, ничего не понимая.

А Чингиз будто подергивается на миг туманом. Сидел рядом со мной кряжистый волосатый Антон Стеков, а вот уже — нет его. Взамен возникает прежний светловолосый красавчик.

Когда в кофейне Чингиз обменялся телами с Антоном, это меня не удивило. Это могло быть запрограммировано заранее. Чингиз ждал своего приятеля, и машина отработала на его приближение. Обычный набор заготовок, которые использует каждый уважающий себя хакер.

Но неужели и обратная смена тел была заранее заготовлена?

Проще поверить в это.

Потому что иначе — Чингиз является дайвером.

Тем самым фольклорным персонажем, умеющим по желанию выходить из виртуальности. Человеком, все время осознающим иллюзорность происходящего вокруг. Ему стоит лишь захотеть — и сквер вокруг превратится в обычную трехмерную картинку. Он может снять шлем, набрать на клавиатуре команду и сменить свой облик. Он может, глядя на нарисованный Дип-таун, увидеть слабые места программного кода.

Много чего возможно... если дайверы и впрямь существуют.

— Я дайвер, — говорит Чингиз. — Если ты думаешь, что это была домашняя заготовка, — скажи, кем стать.

Качаю головой. Вот только маскарада мне не надо. Не в Венеции. Спрашиваю:

— И настоящий Стеков — тоже дайвер?

Это объяснило бы, каким образом он выбрался из тюрьмы.

— Нет. Он хакер. Очень хороший хакер... — Чингиз улыбается и добавляет: — Единственный член UGI, HZ0 и UHG одновременно.

— Они же не допускают совместного членства... — глупо возражаю я.

— А он везде под разными именами, — разъясняет Чингиз. — Впрочем, это к делу не относится.

— Относится! — возражаю я. — Как такой опытный человек мог попасться на мелком взломе? Я смотрела его дело — он совершил грубейшие ошибки! Да и преступление... смехотворное. Подчистка телефонной базы на сумму триста сорок три рубля шестнадцать копеек!

— Ну, Шура Балаганов в свое время попался на краже грошовой пудреницы, — загадочно отвечает Чингиз. Балаганов... смутно знакомое имя, но не могу вспомнить. Наверное, кто-то из легендарных хакеров... — Но ты права, Карина. Тоха *нарочно* попался.

— Зачем?

— Чтобы его арестовали, — с точностью и бессмысленностью программиста из анекдота отвечает Чингиз. — А потом мне пришлось дать взятку. Чтобы его осудили, а не ограничились штрафом.

— Зачем? — снова восклицаю я.

— Чтобы Тоха сел в виртуальную тюрьму, — терпеливо объясняет Чингиз. — А потом — начал совершать из этой тюрьмы прогулки по *глубине*. Канал был пробит нарочито грубо.

— Вы хотите дискредитировать саму идею виртуальной тюрьмы? — прозреваю я. Мой собеседник кивает. — Чингиз... но это глупо!

Я горячусь и понимаю это. Куда лучше было бы выслушать Чингиза. Но мне надо его переспорить — чтобы исчезло неприятное, дурацкое ощущение собственной неполноценности.

— Неужели вам это настолько неприятно? — спрашиваю я. — Мы все любим Диптаун, но подумайте — ведь своей брезгливостью, нежеланием быть рядом с преступниками вы отбрасываете этих людей на обочину жизни...

— Да при чем тут брезгливость? — удивляется Чингиз. — Я и сам преступник, если вы не забыли.

— Тогда почему вы против тюрьмы? Ваш приятель пожертвовал свободой, чтобы бороться с виртуальной тюрьмой! Разве это стоит таких жертв?

— Карина, почему тюрьма находится в ведении МВД, а не министерства юстиции, как положено?

— Проект начинался как следственный изолятор для лиц, совершивших преступления в *глубине*, — отвечаю я. — Понимаете, очень удобно было проводить следственные действия в самом Диптауне. Сейчас изолятор превратили в тюрьму, но пока идет эксперимент — подчинение тюрьмы не меняют. Странно, конечно, что тюрьму не отсоединили от всего Диптауна...

— Карина, вы знаете, как люди становятся дайверами?

— Нет. — Как загипнотизированная смотрю на него. А что, если он предложит мне...

— Стресс. Сильные эмоции. Отвращение. Страх. Ненависть. Тоска. — Чингиз запрокидывает голову и смотрит в безоблачное небо. Над этим скверико всегда чистое небо, это не знаменитый «Le quartier des Pluies» во французском секторе... — Реже — восторг. Радость. Гораздо реже... Вы никогда не замечали, Карина, что в языке куда больше слов, означающих грусть? Печаль, хандра, кручина, тоска, сплин, меланхолия...

— Ну и что?

— Они экспериментируют над людьми, Карина. Пытаются создать дайверов.

— Кто — они?

— Не знаю. Какие-то умные ребята из МВД. Они и без того выходили на дайверов, особенно когда у тех было подобие своей организации, «совет дайверов». Просили что-то сделать, в чем-то помочь... обычно им не отказывали. Но, видимо, этого стало мало. Виртуальность стала слишком уж большой частью нашей жизни. Здесь есть все — банки, институты, корпорации, военные базы и штабы. А значит — нужны осведомители, агенты, шпионы. Дайверы нарасхват. Тех, кого удалось выявить и склонить к сотрудничеству, не хватает. Вот и пытаются создать новых.

Сильные эмоции?

Я вспоминаю убийцу, пытающегося приручить лисичку.

«Потом фенек умрет».

Значит, катарсис, товарищ подполковник?

Хакеры, запертые без доступа к своим любимым компьютерам — и при этом запертые в виртуальности! Убийцы и насильники, проворовавшиеся бизнесмены, сбившие пешеходов водители...

— Они все знают, что тюрьма стоит в Диптауне. Они мечтают вырваться... хотя бы на чуть-чуть, — говорит Чингиз. — А им устраивают стресс за стрессом. И пусть называют это психотерапией... цель у нее — превратить человека в дайвера.

— Какие у вас доказательства? — спрашиваю я.

— Неофициальные. — Чингиз улыбается. — И раскрывать своих информаторов я не стану. Но подумайте сами: комплект оборудования для каждого заключенного стоит около пяти тысяч долларов. Содержание — около четырех тысяч в год. С чего это вдруг МВД проявляет подобную щедрость?

— Люди с... с необычными способностями... — Почему-то я избегаю слова «дайвер». Это все равно что поверить в Бабу-Ягу или Деда Мороза. — Они и впрямь нужны. И замечательно будет, если эти способности сможет получить любой желающий.

— В свое время фашисты замучили тысячи военнопленных. Но наука при этом получила ценные данные. Карина, кому я должен объяснять, что эксперименты над людьми преступны? Сотруднику МВД?

Он очень серьезен.

— И что вы хотите от сотрудника МВД? — спрашиваю я. — Помощи?

— Вначале ответьте, Карина, вы разделяете мое мнение? Или всего-то не желаете спорить? — спрашивает Чингиз.

— Ну а что, если я совру? — спрашиваю я.

— А вы скажите честно.

Какая смешная просьба!

«Скажите честно»!

В Диптауне, в городе, где у каждого — тысяча лиц. В городе, где каждый придумывает себе новую биографию и новое имя. В городе, где выдумка нужнее правды.

А Чингиз смотрит на меня так, будто ни секунды не сомневается — я послушаюсь.

— Мне тоже все это не нравится, — говорю я. — Но что я могу поделать? Вы рассказали о заговоре едва ли не государственного масштаба! А понимаете, кто я? Год назад окончила университет. Специализируюсь на сетевых правонарушениях. Ни с того ни с сего мне поручили эту инспекцию... сказали, что есть серьезные сомнения в надежности тюрьмы. Все! Я напишу отчет, мое начальство даст ему ход... но если прикрикнут сверху — отчет ляжет под сукно. Никто меня не послушается, Чингиз.

— Это и не нужно. — Он улыбается и протягивает мне руки. — Арестуйте меня, Карина.

— Да вы с ума сошли! — Я невольно отшатываюсь.

— Арестуйте! — с напором повторяет Чингиз. — Проект мы не угробим. А вот вокруг тюрьмы шум поднимем. Мы с Тохой отделаемся условным сроком, это я вам обещаю. У меня хорошие адвокаты... и все продумано. А вот тюрьме — крышка. Газеты будут мусолить историю с побегом, граждане завопят от ужаса. Тюрьму либо прикроют, либо уберут из Диптауна.

— У меня нет права вас арестовывать!

— Вызовите полицейского!

Он все держит передо мной руки, словно ожидая щелчка наручников на запястье.

— Прекратите... — бормочу я.

— Ну вы же этого хотели, Карина! Вы же мечтали поймать беглеца! Ну так что же — ловите!

Я вскакиваю. Я позорно отступаю. А Чингиз вдруг падает передо мной на колени. Это какая-то невозможная смесь клоунады и искренности.

— Я прошу вас! Прошу выполнить ваш служебный долг! Задержать преступника!

— Да прекратите же, Чингиз! Не паясничайте!

Молодежь, сидящая у памятника, начинает нам аплодировать. Со стороны все это, наверное, походит на объяснение в любви... белокурый рыцарь склонился перед прекрасной дамой...

Я вздрагиваю, когда понимаю, что мне это напоминает.

— Хорошо, я помогу вам это сделать, — говорит Чингиз. — Я этого не хотел...

Он сует руку под полу пиджака — и когда рука возвращается, в ней блестит пистолет.

Но в следующий миг откуда-то из-за спины раздается хлопок. Лицо Чингиза заливает кровь — и он падает мне под ноги.

0110

— Давно ты со мной не советовалась, — сказал папа.

Мы сидели на кухне и пили чай. Мама спала, я не стала ее будить. Я бы и отца не будила — он сам проснулся, когда я выбралась из комнаты.

— Ты же все равно не ходишь в *глубину*, — пробормотала я.

— Когда-то ведь ходил, — ответил папа.

— А почему бросил? — болтая ложечкой в чашке с чаем, спросила я. Чай я всегда пью без сахара, но упорно опускаю ложечку. Так он быстрее остывает.

Я и раньше спрашивала отца, почему он так сторонится виртуальности. Хороший ведь программист, а живет словно в каменном веке, только электронной почтой и пользуется.

— У меня был неплохой бизнес, — внезапно ответил отец. Впервые ответил! — А потом... пришлось переквалифицироваться в управдомы.

Больше я спрашивать не стала. Наверное, папа работал на какой-то специфической операционной системе, и когда она перестала использоваться — не сумел вовремя переквалифицироваться.

— Что дальше? — спросил папа.

— Дальше... полиция набежала. Притащили сканеры, сняли след... говорят — стреляли чем-то незаконным, второго поколения. Видимо, пожгли машину основательно. Стали искать стрелка... да куда там...

— Тебя не заподозрили?

— Да нет... обыскали, но ничего.

— А его пистолет? — спросил отец.

— Зажигалка. — Я опустила глаза. — Самая обыкновенная зажигалка! Паяц...

Папа вздохнул. Покосился в темное окно. По улице, скользя фарами по мокрому асфальту, проехал автомобиль. Хороший какой-то, почти бесшумно проехал...

— Каринка, давай думать... Первое — как ты считаешь, этот Чингиз — он не врал насчет тюрьмы?

— Думаю, не врал, — призналась я. — Там что-то нечисто. Ну не станут наши такие деньги выбрасывать! Даже чтобы перед иностранцами пальцы раскинуть — не станут!

— Хорошо... — Папа воровато посмотрел на меня и спросил: — У тебя сигареты остались?

— Откуда? — Я округлила глаза.

— Карина...

— Сейчас, пап...

Курю я редко. Но пачка «Ротманса» в сумочке всегда болтается. Мы закрыли дверь кухни поплотнее и закурили. Курить

с отцом было как-то неловко... последний раз подобную неловкость я испытала лет в десять, когда родители меня купали... и ничего я тогда не сказала, но только отец больше не заходил в ванную, когда я мылась.

— Второе. Дайверы — индивидуалисты, — вдруг сказал папа. — Куда большие, чем хакеры. Не станут они ради общего блага воевать... а вот ради того, чтобы остаться уникальными...

У меня начали гореть уши. Я думала точно о том же. Красавчик Чингиз мог говорить все что угодно, но, если копнуть поглубже, всюду обнаружится корыстный интерес. Всегда и везде.

— И ты веришь в дайверов, папа? — спросила я.

— Верю, Карина. Третье. — Папа посмотрел мне в глаза. — Если за виртуальной тюрьмой скрыт какой-то серьезный государственный проект... Дочка, это тебе нужно? Даже у свихнувшихся на законности и правах личности американцев... что говорить о нас.

— У меня есть задание, — сказала я. — Я должна составить отчет.

— Составь. Ты обязана была пользоваться «жучками»?

— Да. Как иначе наблюдать за персоналом?

— И что — персонал?

— Несет службу. — Я пожала плечами. — Качает порно из сети. В игрушки играет.

— Ну и прекрасно. Обнаружено неуставное несение службы... или как там у вас положено говорить? Ты ведь не должна была сажать «жучков» на заключенных? Ну и все. Нельзя пускать под откос собственную жизнь ради абстрактной справедливости!

— Папа, а ты не знал какого-нибудь Чингиза? — спросила я.

Папа покачал головой:

— Если и знал, то ничем он мне не запомнился. Да ты не беспокойся. Наверняка ты ему важнее, чем он тебе. Карина?

Я вскочила, распахнула дверь кухни. Прислушалась. Точно... где-то в комнате печально тренькал мобильник.

— Пап, сейчас...

Вот уж чего не хватало — так это ночных звонков. На работе я про мобильный не говорила, да и вообще номер знали немногие.

— Да! — хватая со стола телефон, ответила я.

— Привет. Нас прервали, Карина.

Чингиз!

Голос был его.

— Это не я, — быстро сказала я.

— Да уж знаю. Карина, нам надо встретиться.

— Сейчас войду. Где?

— Нет, лучше уж наяву. — Чингиз рассмеялся. — До настоящих пуль, надеюсь, дело не дойдет. А в Диптауне нас опять могут прервать. Я могу подъехать, если это удобно.

Где он достал мой адрес, я даже спрашивать не стала. Очевидно, там же, где и телефон.

— Лучше на нейтральной территории, — ответила я. — Давай... где-нибудь...

— Улица Пасечная, — сказал Чингиз.

— А где это?

— Не знаю. Сейчас проверю, есть ли такая вообще... Есть. У пятого дома по Пасечной улице, хорошо?

— Хорошо. — Я не колебалась. — Я выезжаю прямо сейчас. Там и встретимся.

— Оки, — весело сказал Чингиз. — До встречи.

Я отключила телефон. Посмотрела на дисплей — конечно же, у него стоял запрет на определение номера. Ладно, понадобится — выясним...

— Прямо сейчас?

Папа зашел в комнату вслед за мной. И все слышал.

— Не пустишь? — с вызовом спросила я.

— Нет, — отец покачал головой, — нет, Карина. И не подумаю.

Я с любопытством посмотрела на отца. В детстве я точно знала, что люблю маму и папу, что лучше них никого на свете нет. Потом... и сама не заметила, как перестала об этом задумываться. Не разлюбила, а просто перестала думать такими словами.

— Как за сленг меня чморить, так всегда... а лезть к черту на рога, значит, можно?

— Можно. Потому что ты все взвесила и приняла решение. Потому что это твоя работа... пусть я и не рад такой работе. А сленг — извини, но это детство!

— Что плохого, если в человеке остается немного детства? — строптиво спросила я.

— Оно не там должно оставаться, дочка. И кретин отец, которого не радует, что дети взрослеют.

— Спасибо, папа, — сказала я. — Знаешь, я все-таки очень тебя люблю.

Отец удивленно посмотрел на меня, глянул на часы.

— Полдвенадцатого... ты действительно поедешь прямо сейчас?

— Поеду, — твердо сказала я. — И вызывать группу поддержки не стану. Все равно не приедут, у нас не Америка.

Но вначале я достала из сейфа пистолет.

А потом пошла на кухню и взяла свои сигареты.

В машине, прогревая мотор, я достала из «бардачка» карту Москвы и стала искать улицу с милым названием «Пасечная». Старенькую «десятку» мне подарил три года назад отец, когда купил себе машину получше: корейскую «дэу» узбекской сборки. И пользовалась я «десяткой» с удовольствием, потому что метро никогда не любила. Но все равно Москва для меня так и осталась маленькими пятнышками вокруг нескольких станций метро и несколькими маршрутами, по которым я постоянно ездила: на работу, в супермаркет закупать продукты на неделю, летом — купаться на Медвежьи озера или на дачу...

Как в Диптауне. Там тоже знаешь только несколько любимых мест. Остальное видишь мельком, из окна такси, и даже не догадываешься: живые это районы или нарисованные декорации, прикрывающие плакат «место продается».

Я медленно выехала со стоянки, свернула в безлюдную улочку. Дождь усилился, тарабанил по прижавшимся к обочине машинам.

Странно. Уже почти нет разницы — между *глубиной* и реальностью.

Пространства в пространствах... если бы какой-нибудь злой шутник обладал избытком денег и времени — он мог бы соорудить для меня виртуальный мирок, копирующий Москву. Реальную Москву, в которой я бываю. Десяток магазинов, пяток квартир, два кусочка природы... Даже не пришлось бы возиться с театрами, консерваториями, библиотеками. Хотя с ними и не надо возиться — их аналоги в виртуальности есть.

Ну вот, началось! Раньше это называли дип-психозом, потом стали говорить «с матрицы съехал», сейчас в ходу совсем

уж невинный эвфемизм «заблудился». Так говорят про тех, кто начинает путать реальный и виртуальный мир, сомневаться, что живет в настоящем мире.

Да чушь... невозможно это. Человек обязательно заметит подмену. Пусть я и болтаюсь между двумя точками — квартирой и работой, но людей-то меня окружает немало. Такой спектакль под силу устроить лишь солидной организации, а не отдельному шутнику. А зачем я сдалась организации?

Но настроение все-таки испортилось. Я подозрительно поглядывала по сторонам, в результате свернула под знак, нарвалась на гаишника, а тот еще ко всему оказался честным — и добросовестно выписал мне штраф. Зато потом, вручив квитанцию, подробно и четко объяснил, как мне ехать.

В результате минут через двадцать я была у дома номер пять по Пасечной улице. Загнала машину на тротуар, заглушила мотор.

Странно как-то. Ну, повесил он на меня «жучок»... или как-то еще вычислил. Но я про него ничего узнать не смогла. И вот так, с ходу, таинственный Чингиз решился на рандеву.

Интересно, на кого он реально похож? Обычно такие широкоплечие красавчики в реальной жизни оказываются тощими и сутулыми или толстыми и неуклюжими. Компенсация. Человек обязательно должен что-то компенсировать в виртуальном мире. Нехватку общения, телесные недостатки, душевную несостоятельность, в конце концов! Так что пусть уж лучше Чингиз окажется невзрачным, но обаятельным.

И в любом случае: сейчас что-то прояснится.

Я высунула из двери зонтик, раскрыла его, выскочила из машины. Включила сигнализацию. Огляделась. Да, вот дом номер три, а вот и дом номер пять... Я огляделась и почти сразу заметила, что в одной из машин, ночующих на улице, сидят люди. Не просто сидят, а оживленно спорят. Алел огонек сигареты, доносились даже какие-то реплики...

Есть такое понятие — виктимное поведение. Это когда жертва сама провоцирует преступление. И я бы ни одной девушке не советовала ночью первой соваться в машину, где сидят двое мужиков.

Но, в конце концов, я сотрудник МВД! Что другим нельзя, то мне положено.

— Извините. — Я постучала пальцем по стеклу машины. Хорошая машина, что-то здоровое и мощное, но в то же время — не набивший оскомину «мерс» или БМВ. — Чингиз?

Стекло мягко уползло вниз, я убрала руку. И вовремя — выглянул тот, кто сидел рядом с водителем:

— Да, Карина. Вы садитесь в машину.

У меня едва не подкосились ноги.

Это был Чингиз.

Один в один.

Прямо из Диптауна.

Только дырки во лбу не хватало.

0111

— Подумала, что заблудилась, — сказала я. Прикурила.

Чингиз кивнул, спрятал зажигалку. Он сидел на переднем сиденье, а место водителя занимал парнишка лет шестнадцати-семнадцати, хмуро бросивший мне «приветик» и больше в разговор не вступавший.

— Бывает. Все мы иногда этого боимся, — серьезно ответил Чингиз. Странная у него была манера говорить, словно все время чего-то недосказывая. Это немножко злило и в то же время — интриговало. — Я совершенно иначе тебя представлял, Карина.

— Ожидал увидеть старую мымру?

— Нет. Более... — Он задумался. — Более уверенную и жесткую. Карина, вы в курсе, что ваша миссия — отвлекающий маневр?

— Были такие мысли, — призналась я. — Так что происходит? И откуда у вас информация?

Второй вопрос Чингиз попросту игнорирует, зато на первый отвечает четко:

— Феномен дайверов изучали несколько государственных структур. От МВД и госбеза до налоговой полиции и министерства печати и электронных коммуникаций. Когда выяснилось, что прогнозированию эти способности не поддаются, обучить им тоже нельзя, то большую часть исследований свернули. Но тут в дело вмешалась случайность: у МВД оставался следственный изолятор в *глубине*. Несколько раз задержанным

удавалось уйти оттуда в Диптаун, проявив самые настоящие дайверские способности. В чью-то умную голову и пришла мысль: превращение происходит, если человека припереть к стенке. Стали разрабатывать крупномасштабный эксперимент. Информация просочилась по верхам ведомств, и сейчас идет склока. Госбезу нравится сама идея — получить стаю подконтрольных дайверов, но не нравится упущенная инициатива. Налоговики и чиновники из министерства никаких дайверов не желают вообще. То ли из консерватизма, то ли понимают, что джинна в бутылке не удержать... В самом МВД тоже столкнулись различные интересы... Тебя направили в тюрьму для того, чтобы вызвать легкую панику. Сервер тем временем проверяют из реального мира.

— Тогда у вас есть союзники, Чингиз.

— Избави Боже от таких союзников! — полушутя-полусерьезно ответил Чингиз. — Наступят случайно и не заметят. Карина, *глубина* уже много лет живет по своим законам. Худобедно, но справляется. Создает новое общество, не разрушая старого. Берет из реального мира лишь то, что действительно жизнеспособно. Да, это своего рода анархия, и как любая анархия — *глубина* противостоит государственной власти. Карина, что должно быть в Диптауне — решают его обитатели. Должны ли там быть тюрьмы — тоже решать *нам*.

— Чингиз, — сказала я. — Дело ведь не в тюрьме. Дело в появлении новых людей. Хомо виртуалис. Человек сетевой. Соединяющий в себе два мира — настоящий и виртуальный. Одинаково свободный в обоих мирах.

— Карина, это время еще не пришло. Нельзя сажать на велосипед ребенка, не научившегося ходить.

— Чингиз, а это не ревность? Не страх дайверов потерять свою уникальность?

— Карина, это не ревность и не страх.

Мы замолчали. Паренек за рулем сопел, прощелкивая по приемнику одну за другой радиостанции. «Эхо Москвы», «Серебряный дождь», «Ретро»... Тот же самый набор, что и в *глубине*. Никакой разницы, местами реальный и виртуальный мир слились воедино.

Интересно, как в наше время выжили радиостанции? Тем более — в *глубине*. Ведь никаких трудов не составляет выкачать любую музыку, которая тебе нравится, а не повиноваться вкусу

ди-джеев и ведущих. Но нет, мы продолжаем слушать радио. Морщимся, когда нам крутят попсу, ругаемся, наткнувшись на очередную рекламу, прыгаем со станции на станцию... и слушаем.

Может быть, человеку важна сопричастность? Сознание того, что именно сейчас, вместе с тобой, этой песне тихонько подпевают еще тысячи людей? Мы все индивидуалисты, мы все уникальные и неповторимые — но наедине с собой можем признаться, как трудно быть одному.

Паренек наконец-то бросил блуждать по эфиру. Остановился на станции, где уже кончалась песня.

И теперь я знаю, что там за дверью в лето,
Это место для тех, кто выжил зиму и осень.
Эти двери повсюду и в то же время их нету,
Без замка, зато с табличкой «милости просим».
Я нашел эти двери, когда собирался в ад,
Мне помог в этом деле его величество случай.
И с тех пор так и гуляю туда и назад,
Потому что вечное лето — это тоже скучно...

— Карина? — спросил Чингиз, когда Чиж перестал петь. Самого вопроса он и не задал, но все было понятно. Определяйся...

— Кто в тебя стрелял? — осведомилась я.

— Кто-то, имевший доступ к «Герани».

Я знала, что такое «Герань». Наша разработка, российская. Атакует машину, встраиваясь в сетевой протокол. Состоит на вооружении полиции Диптауна... и структур МВД.

— Чингиз, ничего я не смогу сделать, — сказала я. — Нарушать закон не стану, неужели не понятно? А в рамках закона... ну, выскажу свое особое мнение... кто на него посмотрит? Сам же говоришь — меня использовали для отвлекающего маневра. И тебя я арестовывать не стану, и Антона тоже. Вам же лучше, чтобы не стала. Потому что друг твой за виртуальный побег рискует получить реальный срок... Слушай, откуда у него такая говорящая фамилия?

— Стеков? Он всю жизнь был Стеклов. Но однажды потерял паспорт, а в электронной картотеке произошел какой-то странный сбой. И новый паспорт почему-то выдали на фамилию Стеков... — Чингиз помолчал. Сказал: — Карина, я и не

прошу невозможного. Единственное, что нам нужно, — общественный резонанс. Шум. Заявление для прессы. Если оно будет исходить от меня, от любого частного лица — никто внимания не обратит. Сочтут выдумками желтой прессы. Вот если официальное лицо из МВД...

Как он не понимает?

— Чингиз, ты ведь сам говорил: *глубина* живет по своим законам. Создает новый мир, не разрушая старого. А хочешь, чтобы я смешала два мира! С методами реального мира полезла в виртуальный. Ты говоришь, тебе не поверят? Граждане Диптауна не возмутятся экспериментом над заключенными? Значит, так тому и быть. Любое общество имеет то правительство, которое заслуживает.

Очень неохотно, но Чингиз кивнул. Спросил:

— Тогда хотя бы скажи свое мнение.

— Я против того, что делается, — честно сказала я. — И надеюсь, что проект сорвется. И в отчете свое мнение выскажу. Но выносить сор из избы на потеху всему миру не стану.

— Честно, — сказал Чингиз. — Спасибо.

Я глянула на часы. Уже два, а еще ехать с полчаса...

— Я пойду. Приятно было... пообщаться.

— Извини, Карина. — Чингиз мрачно посмотрел на меня. — Но мы уже хватаемся за соломинку. За самые фантастические варианты. Срок приближается, сегодня уважаемый подполковник Томилин намеревается провести первые сеансы шоковой терапии.

— И получить первых дайверов?

— Да.

Я помедлила секунду и выбралась из машины. Дождь уже кончился, было свежо и тихо. В домах вокруг почти не осталось светящихся окон.

— Пока-пока, — вежливо попрощался со мной юный водитель. Идя к своей машине, я еще услышала, как он спросил у Чингиза: — Что теперь, к Леньке поедешь плакаться или к тем журналюгам?

Похоже, дайвер и впрямь в цейтноте... если готов всю ночь мотаться по знакомым и журналистам, пытаясь найти выход.

Мне вдруг пришла в голову аналогия, от которой я улыбнулась. Отважный рыцарь собрался сразить дракона. Но дракон оказался государственный, на содержании от королевского дво-

ра, заботливо пестуемый на случай войны с соседями и даже имеющий положенные чины и награды. И вот теперь рыцарь, так и не рискнувший обнажить меч, бегает по дворцу, просит поддержки у фаворитов и фавориток, строчит докладные советникам, жалуется фрейлинам, пьет с герольдами и возмущается в людской. Как же так! Ведь дракон! Его положено мечом, да по загривку!

Дракон. Все правильно. И рыцаря жалко, и зверюга уж больно опасная, но если государственные интересы требуют...

Мои собеседники (если парнишку можно было причислить к собеседникам) уже уехали, когда я прогрела мотор и выехала с Пасечной. На пути к дому увидела знакомого гаишника, все так же зорко несущего службу.

Наивно все это, Чингиз, наивно... Дайвер мне понравился, и я почти во всем была с ним согласна. Но глупо надеяться, что можно победить государство. Еще наивнее думать, что государство можно переспорить.

deep

Ввод.

Рассыпается и складывается мозаика. Скользят разноцветные огни — *глубина* тасует свой паззл.

Как это случается с дайверами?

Будто встает на место тот, последний, кусочек паззла, который я не смогла когда-то найти? Который отделяет рыцаря от принцессы?

Не знаю. И не уверена, что хочу узнать.

Выхожу из дома. Эта точка входа выполнена в виде старинной беседки в парке. Парк слишком уж красив, слишком картинно неухожен... нет таких в настоящей Москве, а может быть, и нигде в мире нет...

Я иду по присыпанной крупным черным песком дорожке. Если пойти направо — там будет дорога из желтого кирпича. Если налево — самодвижущаяся дорога. Если повернуть назад — парк кончится, и потянется тропинка сквозь Вековечный Лес, где бродит беззаботный Том Бомбадил, а временами встречаются хоббиты.

Каждый из нас делает свой кусочек *глубины*. Творит мир — и дарит его другим. И чужая *глубина* не мешает твоей. И тюрь-

ма Диптауну не помешает, что уж тут поделать — есть на свете тюрьмы. Зря паникует Чингиз...

Но все-таки на душе у меня нехорошо.

Я прохожу мимо «Старого суслика». Это очень милое кафе в стиле ретро, место богемное, пускай и не слишком известное. То есть я думаю, что прохожу, но останавливаюсь и решительно двигаюсь к дверям. Спала я мало, завтракать не стала, только глотнула антацида из бутылочки. Гастрит — такая же профессиональная болезнь у жителей Диптауна, как и «поехавшая матрица».

«Суслик» — пристанище российских обитателей *глубины*. И по раннему московскому времени народа здесь немного. Устраиваюсь за свободный столик, заказываю яичницу с ветчиной, апельсиновый сок и тосты.

Нет, ну кто мне мешал съесть то же самое в настоящем мире?

За соседним столиком — живописная парочка. Точнее, колоритен один из собеседников — он изображает сиамских близнецов, юношу и девушку, сросшихся боками. Рты открываются синхронно, жестикуляция общая — это нехитрая маска, надетая любителем привлекать внимание. Сиамский близнец изрядно пьян, и голос его гремит на все кафе:

— Ты скажи, неужто тебе «Хелицеры» не понравились?

Собеседник его, выглядящий вполне обычно, устало отбивается:

— Понравились, Лешка, понравились...

— И что? Нет, ну ведь все говорят «понравились»... ты рецензии читал?

— Читал...

— Лады, треть писал я сам, — самокритично признается сиамский близнец. — Треть — приятели. Но еще треть — ведь настоящие?

— Настоящие...

— Разве плохо я западников переделал? Там уже почти не видно, откуда ноги растут, совершенно самостоятельно все стало!

— Ну, кому не видно, а кому и очень даже... — туманно бормочет его собеседник, пытаясь сосредоточиться на йогурте.

— Ты скажи, разве что-то не так? Я ведь всех конкурентов раздолбал в пух и прах, по всем прошелся, будто бульдозер.

Бульдозеры грязи не боятся, ха-ха! Интригу такую закрутил, что финала вообще не нужно! Чего не хватает?

— Души, — слышится в ответ.

Невольно улыбаюсь, отворачиваюсь в сторону, чтобы не смущать сиамское чудо. Забавное место этот «Старый суслик».

Только фраза западает в голову. Сиамский близнец тем временем суетится и требует объяснить ему, что такое душа и как ее можно зафиксировать.

Да уж, научились бы душу фиксировать... какой замечательный простор для работы государственных служб...

Официант приносит мой заказ. Яичница прямо в сковороде, шипящая, в меру прожаренная, с прозрачными кусочками сала и нежными ломтиками бекона. Сок свежевыжатый, «витамины в нем так и прыгают», как говорил один мой знакомый.

— Чего-нибудь не хватает? — вежливо интересуется официант.

— Души, — невольно отвечаю я.

— Извините, нет в меню, — произносит официант невозмутимо. Растерянно смотрю ему в глаза.

Нет, программа.

— Спасибо, — говорю я. — Я знаю.

— Что-нибудь еще?

Медлю. Незачем мне ехать в виртуальную тюрьму. Материалов для отчета хватает. А знать результаты испытаний даже и не хочется.

Пусть белокурая бестия Чингиз мечется по Москве, пытаясь найти союзников! Это его дайверское дело. А я — простая сотрудница МВД. И влезать в разборки между ведомствами и отдельными начальственными шишками — мне для здоровья противопоказано.

— Закажите такси до русского сектора Диптауна, — прошу я.

1000

В этот раз меня пропускают в тюрьму без всяких задержек. Не таясь, отзванивают Томилину, докладывая о моем приходе. Через двор меня провожает очень молодой и интеллигентный охранник, такого легче представить в хорошем костюме за сто-

лом в серьезном офисе, чем в форме сержанта и с пистолетом на боку..

Сегодня внутренний двор тюрьмы заполнен людьми. Заключенных вывели на прогулку... И вот теперь их поведение знакомо. При моем появлении раздается легкий гул. Меня ощупывают оценивающие, жадные взгляды. Доносятся отдельные реплики — пристальному изучению подвергаются ноги, руки, грудь...

Видимо, ни одна «внутренняя Монголия» не дает возможности удовлетворить основной инстинкт. Интересно, как это сделано? Мне представляется, как хакер Стеков пытается приобнять «стандартную жену стандартного программиста», а та в ответ тает в воздухе... или превращается в зловонную зеленую жабу.

И все-таки реакция неправильная. Недостаточно сильная. Женщина, появившаяся на зоне, — это событие, это праздник на несколько недель. Здесь же изрядная часть заключенных не реагирует вовсе, остальные же — будто по привычке, по инерции, пытаясь завести сами себя... А я ведь не в теле угрюмой инспекторщи, я в теле «Ксении» — очень даже заводной особы.

— Проблем с ними не много? — спрашиваю охранника, кивая на площадку для прогулок.

— Они спокойные, — соглашается охранник.

Словно в подтверждение его слов до меня доносится чьято восхищенная реплика: «Нет, ты глянь, как попкой крутит! Гадом буду, тактовая не меньше тысячи, а канал — оптоволокно!»

Я даже спотыкаюсь.

Обидно!

«Ксения» такая пластичная из-за хорошего дизайна, а вовсе не из-за мощной машины!

Коридорами тюрьмы, уже укрывшись от взглядов заключенных, мы идем к кабинету Томилина. Я отсчитываю пятое от входа окно — на нем сидит один из моих «жучков»...

Сидел.

Окно чисто вымыто. Прямо-таки демонстративно вымыто, а для идиотов на узком подоконнике оставлена баночка «Лозинского». Как там гласит рекламный слоган? «Убивает даже неизвестные вирусы!»

Понятно. Товарищ подполковник решил сделать тонкий намек.

Но когда я вхожу в его кабинет, оставляя охранника в коридоре, мое мнение о тонкости намеков меняется.

На столе Томилина, рядом с телефонами, клавиатурой и дисплеем, бумагами, парой фотографий в рамочках, появился совершенно неуместный предмет.

Горшочек с геранью.

— Доброе утро, Карина!

Томилин — само радушие. Встает навстречу, галантно подвигает стул.

— Кофе?

— Краснодарский? — не удерживаюсь я от иронии. Но выходит жалко и неубедительно. Никак не могу отвести взгляд от герани.

...А смеется Томилин хорошо. Добродушно, словно бы приглашая присоединиться к его веселью. Людей, умеющих так смеяться, очень любят в компаниях — они любую неприятность превращают в забавное приключение.

— Нет, Карина. Самый заурядный бразильский. Растворимый порошок.

— Спасибо, с удовольствием, — соглашаюсь я.

Надо сохранять лицо. Надо продолжать играть. Надо отдать инициативу. Это не шахматы и не крестики-нолики. Тот, кто делает ход первым, проигрывает чаще.

— В этом теле вы мне нравитесь гораздо больше, — замечает Томилин мимоходом. Поднимает трубку телефона, командует: — Два кофе!

И застывает, устремив на меня любопытствующий взгляд.

— Я хотела бы еще раз пройти по тюрьме, — говорю я неожиданно даже для себя. Ну что мне искать?

— Давайте-давайте, — не спорит Томилин. — Если можно, то постарайтесь закончить к двум часам дня, Карина.

Светская беседа. Будто я могу пренебречь приказом, пусть и оформленным столь любезно.

— Конечно. — Я киваю. — Какие-то планы?

— Да. Первый сеанс катарсиса. — Томилин досадливо машет рукой. — Хотели несколько позже, но... обстоятельства заставляют торопиться. Слишком много ретроградов... вы же понимаете, Карина?

Я понимаю, конечно же, понимаю...

И смотрю на герань.

— Карина, вы любите цветы?

— Угу. Кроме герани.

— Почему так? — Подполковник искренне огорчен. — А вот мне герань нравится, Карина.

Он повторяет мое имя так упорно, что приходится ответить тем же.

— Аркадий, а вам никогда не казалось, что держать преступников в *глубине* — непредсказуемо опасно? — спрашиваю я.

— Мы ведь уже обсуждали...

— Я не о том. Никто не знает до конца, как действует дипрограмма. Никто не понимает, что же все-таки такое *глубина*. Что происходит с сознанием, постоянно погруженным в виртуальность? Какие способности может обрести человек? Как влияют люди, находящиеся в *глубине*, на саму *глубину?*

— Дайверы... — Томилин улыбается. — Сетевой разум...

— Хотя бы! Легенды не возникают на пустом месте.

— Легенды создают люди. — Томилин достает сигареты. Мрачная женщина-охранник приносит кофе, бросает на меня косой взгляд и исчезает за дверью. — Карина, человеку свойственно придумывать страхи. Это защитный механизм, понимаете? Лучше бояться несуществующей опасности, чтобы она не застала врасплох. Любое устройство сложнее керосиновой лампы начинает вызывать подозрение. Вы увлекались фантастикой, Карина?

— Нет.

— А зря. Давным-давно, когда еще не существовало никакой виртуальности, когда компьютеры были большими, люди начали бояться электронного сверхразума. Его появление предсказывали и в объединенных телефонных сетях, и в примитивных ламповых... арифмометрах. Компьютеры совершенствовались, объединялись в сети, а разума — не возникало. Тогда стали бояться людей, которые сумеют общаться с электронной сетью на новом, недоступном большинству уровне, без всяких устройств ввода-вывода. Но время шло, а людей таких — не находилось. Легенды, Карина! Защитный механизм человечества. Все непонятное — потенциально опасно. Все непонятное — страшно.

— Но если такая вероятность есть? Хотя бы потенциально? Если этот самый сетевой разум уже существует, а мы просто не в силах заметить его проявления? Если дайверы есть, но таятся?

— Если дайверы есть, но таятся — то они вовсе не опасны. Это лишь любопытный феномен, подлежащий изучению. — Вот теперь Томилин говорит без иронии. — И пусть наши подопечные обретают ненормативные способности. Замечательно! У нас очень хорошие следящие системы, Карина. Мы сразу обнаружим происходящее. Разберемся, что и как произошло. А телесно весь контингент находится под бдительным присмотром... не хотите их посетить в реальном мире?

— Это не входит в мою компетенцию, — отмахиваюсь я. — Аркадий, ну а сам факт того, что в виртуальности находится толпа преступников? Если допустить, что сетевое сознание существует и формируется личностями тех, кто пребывает в *глубине?*

— Карина, мало ли в *глубине* бандитов? — серьезно спрашивает Томилин. — Господи, да что тут две сотни заключенных! Тысячи, десятки тысяч убийц, насильников, террористов, наркоторговцев пользуются виртуальностью! Вот кто ее формирует! И все попытки их обуздать... знаете, вводили такую международную программу: «СРАМ»?

Качаю головой. Нет, не помню...

— Она должна была отслеживать преступников по ключевым словам в электронной переписке, — морщась, поясняет Томилин. — А торговцев порнографией — по розовому цвету голых тел в видеороликах... И знаете, что произошло? Возникла мода — каждое самое невинное письмо писать на розовом фоне и сопровождать лозунгами, шапкой из фраз вроде «НЕТ ТЕРРОРИЗМУ! ВЗРЫВЧАТКУ ДОЛОЙ ИЗ ЖИЗНИ! НАРКОТИКИ — НЕ НАШ ВЫБОР, ПОКУПАЙТЕ ЙОГУРТ!» Через полгода программу свернули. Невозможно было контролировать *всё!* Ревнители гражданских свобод торжествовали... а преступники продолжали резвиться в виртуальности. Легализовали бордели... создали электронную марихуану и виртуальный героин... обменивались планами терактов...

Я не слышала этой истории. И в голосе Томилина — настоящая горечь человека, вынужденного отступить перед несправедливостью.

— В новом, виртуальном мире нужны новые возможности для борьбы с преступностью, — говорит он вдруг. — Неожиданные. Революционные. Дающие кардинальное преимущество силам охраны правопорядка. Вы не согласны, Карина?

А я и не знаю уже, с чем согласна, с чем — нет. Нет, и Чингизу я не лгала. Средства, которыми пользуется Томилин, мне не нравятся. Вот цели... цели-то самые благие.

— Подготовили отчет, Карина? — интересуется Томилин, так и не дождавшись ответа.

— Я займусь им вечером. Разрешите еще раз проинспектировать заключенных?

Томилин устало прикрывает глаза. Нетронутый кофе на столе, горшок с геранью, фотографии... Я вдруг замечаю, что это фотографии пожилого мужчины и пожилой женщины. Очевидно, родители подполковника, а вовсе не жена и дети...

— Разумеется, Карина. Проверяйте все что угодно, сопровождающего я вам выделю...

Уже у дверей подполковник окликает меня снова:

— Карина!

Оборачиваюсь.

Пальцы Томилина медленно сминают цветок герани.

— Допустим, что я перестраховался. Испугался за вас. Понимаете? Бандиты могут быть сколь угодно обаятельны... в отличие от нас с вами. Но мы по одну сторону. Они — по другую. Этого... не стоит забывать. Приходите к двум часам, хорошо? Я надеюсь, ваше мнение изменится.

Пальцы его все комкают и комкают несчастный цветок. Не провинившийся ничем, кроме того, что есть у нас традиция называть оружие именами цветов.

Мне ничего не остается, кроме как кивнуть подполковнику.

Когда-то, едва узнав, что я собираюсь поступать в юридический, папа сказал мне... тогда я не приняла его слов всерьез, задумалась лишь позже. Нет, отец говорил не насчет опасностей работы следователя или эксперта. Он просто заметил, что, защищая закон, легче всего его нарушить. Именно для того, чтобы защищать. И что долг службы и обычная человеческая мораль начнут бороться у меня в душе... пока не победит что-то одно.

Нет, вначале я не поверила...

Но противней всего понимать, что никакой борьбы уже нет. Я выбрала. Чингиз с товарищами может быть сколь угодно красноречив. Даже прав... с общечеловеческих позиций. Вот только и Томилин прав — невозможно в виртуальности бороться с преступностью старыми средствами.

А еще... неужели я не хочу сама стать дайвером? Понять, увидеть... сложить свой паззл до конца...

Оставив охранника в камере Антона Стекова, я прохожу во «внутреннюю Монголию» незадачливого борца за свободу. Зря он отсидел срок, зря твой приятель раздавал взятки. Ничего вам не остановить. Даже побеги ваши снисходительно не заметят...

Стеков на этот раз не сидит перед телевизором. Разгуливает по комнате, размахивая руками и что-то вполголоса говоря. Я останавливаюсь на пороге «стандартной квартиры» и в недоумении смотрю на заключенного.

Он что, спятил?

Антон Стеков, преспокойно выбиравшийся из виртуальной тюрьмы в Диптаун, общался со своим фантомным окружением! С «программистом Алексеем» и его сыночком «Артемом».

— А я говорю — взять за шкирку и тащить в *глубину!* — почти ревет Антон. — Это что ж такое с Ленькой творится? Трудно ему быть Богом, етит его...

— Падла, не ругайся, — живым человеческим голосом отвечает «стандартный программист».

Ничего себе призыв не ругаться!

— Ничего, не маленький уже, — косясь на конопатого «Артема», бормочет Антон. Но тон все-таки сбавляет. — Обязаны мы его уговорить...

И в этот момент меня наконец-то замечают. Скучающий «Артем» оглядывается, видит меня и бормочет:

— Ну вот, дождались... Чингиз, гости!

1001

Удивляться на самом-то деле нечему.

Если есть канал «наружу», через который Антон Стеков покидал тюрьму, то он работает и в обратную сторону. Ну а выбрать в качестве тел марионеток, разыгрывающих перед Стековым свой убогий спектакль, более чем разумно. Унылый стандартный программист ничем не похож на Чингиза. Но это он. А в шкуре парнишки, наверное, тот юноша, что был с ним в машине.

Я захожу в комнату, сажусь на диван. Пытаться арестовать незваных визитеров — бесполезно. Это будет как раз тот самый «шум», который хотел поднять Чингиз. Томилин, видимо, не в

силах перекрыть неизвестный канал и поэтому закрывает на него глáза.

— Карина, вы знали, что мы здесь? — спрашивает Чингиз. В чужом теле он угадывается только по интонациям голоса.

— Нет. Я хотела поговорить с Антоном.

Заключенный Стеков досадливо крякает и подходит ко мне. Поправляет толстым пальцем очки и произносит:

— Вы уж извините меня, Карина.

— За что? — удивляюсь я.

— За то, что втянули вас в это дело. Моя была идея, если честно.

— Не помню, чтобы меня куда-то втягивали.

— Понимаете, — у Стекова по-прежнему смущенный вид интеллигента, отдавившего кому-то ногу в трамвае, — мы полагали, что персонал тюрьмы сам отреагирует на побеги. Но они замолчали этот факт. Как только поняли, что своими силами изолировать меня не смогут, — перестали обращать внимание на побеги. Пришлось подкинуть информацию о побегах на тот уровень руководства МВД, который не посвящен в проект... в результате вас и отправили с инспекцией...

Вот оно что!

Я как-то и не задавалась вопросом, откуда появилась информация о неладах в виртуальной тюрьме. А ее, оказывается, распространили сами заключенные.

— Не надо извиняться, Антон, — говорю я. — Я выполняла свою работу. Вся ваша затея была ребячеством. Но за нее вы сами себя наказали — лишением свободы.

— Не беда. Неограниченной свободы не существует, — философски отвечает Стеков. — Вы убедились, что цель этого... этого аттракциона — эксперименты по созданию дайверов?

— Антон! — вмешивается Чингиз. — Бессмысленно. Карина все понимает, но она не на нашей стороне.

— Кажется, не только я? — не удерживаюсь от иронии.

Против ожиданий они не спорят.

— Не только, — соглашается Чингиз. — У нас есть друг... он дайвер. Но его способности особого рода, они уникальны. Он может уничтожить тюрьму. Может сделать так, что никто из заключенных не станет дайвером.

— Откуда такие таланты? — спрашиваю я. Лицо Чингиза серьезно, но в сказанное мне не верится.

Чингиз пожимает плечами:

— Так уж получилось... он работает непосредственно с *глубиной*. Но он не хочет вмешиваться.

— Почему? — спрашиваю я с любопытством. Оставим восторженные эпитеты на совести Чингиза, допустим, что его друг и впрямь настолько силен.

— Он сказал почти то же, что и ты, Карина. — Чингиз смотрит на меня из зрачков «стандартного программиста». — Что нельзя смешивать настоящий мир и *глубину*. Что виртуальность — это новое общество, новая реальность, мир без государственных границ и языковых барьеров. Нейтральная территория, как принято говорить. Уголок будущего, тянущийся в наше время. *Глубина* выстроит себя сама, ее обитатели решат, что принять, а что отбросить.

— Молодец ваш друг.

— Какое-то время я подозревал, что ты — лишь одна из его масок, — признается Чингиз.

Пожимаю плечами. Бывает. Матрица поехала.

— Ты будешь наблюдать за экспериментом? — спрашивает Чингиз после паузы.

— Буду.

— Мы тоже, — кивает Чингиз. — Над Антоном экспериментов проводить не собираются. Сегодня назначены лишь три подопытных кролика.

Да, в недрах правительственного сервера Чингиз себя чувствует как дома. Но я не возмущаюсь, а задаю вопрос:

— И кто они?

— Их тебе демонстрировали. Убийца, который хочет приручить лисенка. Водитель, совершивший наезд. И еще один убийца, запертый в пустом городе.

— Ты даже знаешь, что с ними сделают? — спрашиваю я.

— Знаю. Лисенок умрет. Под колеса грузовика снова попадут двое детей. Убийца найдет умирающую женщину.

— Я их всех видела... — с удивлением говорю я. — Всех троих...

— Наверное, подполковник хочет сделать приятный сюрприз. — «Стандартный программист» улыбается жесткой улыбкой Чингиза. И я вдруг понимаю — он тоже готовит свои сюрпризы. Что бы ни говорили я или тот здравомыслящий супердайвер, но Чингиз из тех людей, которых невозможно ос-

тановить. Даже если он согласится, что *глубина* сама примет решение, это его не смутит.

Он просто объявит себя *глубиной*.

И будет решать за всех.

— Я вас покину, господа, — произношу я и встаю. Паренек в разговор так и не встревал — забавляется в углу комнаты со старой головоломкой, «кубиком Рубика». Антон Стеков печально смотрит на меня, временами беззвучно вздыхая. Ну а Чингиз в теле «стандартного программиста» — всего лишь говорящая кукла. — Антон, только один вопрос...

— Да? — скорбно спрашивает Стеков.

— Какого черта вы на все это пошли? Нет, я понимаю, высокие принципы, антигосударственные настроения, ваша натура анархиста... я прочитала личное дело. Но на полгода сесть в тюрьму! Зачем вам это?

Вопрос попадает в точку. Стеков начинает мяться, оглядывается на своих товарищей и даже словно бы немного краснеет.

— За вами еще что-то тянется? — спрашиваю я в лоб. — От чего вы прячетесь в тюрьме? Другое преступление или бандиты...

— О Господи, ну что за настырная женщина! — громко вопрошает Стеков. — Вот почему!

И он щиплет себя за могучее брюхо.

Ничего не понимаю, стою и растерянно взираю на смущенного, а оттого шумного и немного агрессивного хакера.

— Распустился я в последнее время! — с горечью сообщает Стеков. — Пузо отрастил, мотоцикл под задницей трещит, девушки в лицо смеются. Ты бы раньше меня видела, детка, я же стройный был, как молодой тополек! Ну нет у меня лишней силы воли, как выпью пива, так сразу аппетит разбирает. Пятнадцать килограммов за год набрал. Даже к врачу пошел, а тот говорит: полгода строгой диеты... разве ж я выдержу! А тут такая халява: питание строго по минимальным нормам, между едой куска не перехватишь, о пиве и вовсе забудь...

— Ну ты и крейзи! — радостно орет «сын стандартного программиста».

А Чингиз — тот и вовсе замирает в остолбенении.

Никогда не поверю!

Сесть в тюрьму, чтобы сбросить лишний вес!

— До чего дошло, книги про целлюлит стал читать, калории съеденные на калькуляторе высчитывал, из бани не выле-

зал, — продолжает убиваться Стеков. — Пробежки по утрам, прогулки перед сном... только аппетит нагуливал...

Тихо-тихо я пячусь к выходу.

Пожалуй, Антон Стеков и впрямь настолько нестандартный человек, что мог бы сесть на государственную диету...

А если и нет — то он не упустит случая поиздеваться над своими тюремщиками, высказывая такую версию.

— Психи! — только и говорю я, выскакивая из «внутренней Монголии» Антона Стекова.

И запоздало понимаю, что выдала реакцию, достойную шестнадцатилетнего оболтуса.

Сумасшедший дом. Нет, все мы, проводящие в *глубине* десятки часов, немного спятили. Но эта троица — совсем уж крайний случай!

Охранник моим пребыванием в камере Стекова не интересуется. Либо не знает, что на самом деле там творится, либо получил инструкции не вмешиваться. В кабинет Томилина я возвращаюсь за полчаса до назначенного срока.

Почему-то подсознательно я ожидаю увидеть там новые лица. Каких-нибудь высоких чинов, с натужной улыбкой напяливших шлем перед входом в *глубину* и теперь ведущих себя будто дети на конфетной фабрике.

Но Томилин один. Все-таки дело слишком скользкое, чтобы вышестоящие лица рискнули присутствовать. Попахивает от происходящего экспериментами на людях, ох как попахивает.

— Садитесь, Карина. — С прежней любезностью подполковник улыбается мне. Герани на столе уже нет, намеки кончились. — Как ваша экскурсия?

Видел ли он то, что происходило в камере Стекова?

Если хотел, то видел.

Значит, исходить надо именно из этого.

— Более чем полезная, — говорю я, и Томилин на мгновение хмурится. Пускай покрутит в голове разговор, попытается понять, что же меня заинтересовало. — Скажите, а что следует предпринять персоналу тюрьмы, обнаружив проникновение в тюрьму?

— Запросить пост охраны, — мгновенно реагирует подполковник. — Если следов проникновения не обнаружено, то на любых возможных посетителей не стоит обращать внимание. Даже

если заключенный будет заниматься сексом с Мэрилин Монро или беседовать на философские темы с Чебурашкой. Кто знает, что там напридумывали психологи в зонах катарсиса?

Все понятно. Чингиз и Антон — жертвы собственной квалифицированности. Пока стандартные охранные системы их проникновения не замечают, Томилин может сколько угодно игнорировать неудобных визитеров.

Другое интересно: что он сделает, если хакер и дайвер учинят в тюрьме самый настоящий виртуальный бунт? Уж не это ли замыслил Чингиз в качестве собственного «сюрприза»?

Но это уже слишком серьезный шаг. За такое шестью месяцами не отделаться. И как бы меня ни раздражало их упрямство, но я мысленно молю их не делать таких глупостей.

Полковник куда-то звонит, и через минуту в кабинет входит молодой человек в грязноватом белом халате поверх штатской одежды. Кто-то из психологов? Или другой вольнонаемный сотрудник? Меня он раздражает, и я не сразу понимаю чем. Все дело в этой нарочито реальной одежде, несвежем халате и разболтанном виде.

Ну почему в *глубине* мы с легкостью готовы выглядеть хуже, чем есть на самом деле?

— Карина, Денис, — знакомит нас Томилин. Ни званий, ни должностей не звучит. — Все готово?

— Да, программы введены, — кивает Денис.

Я ожидаю, что мы пойдем в камеры «подопытных». Но Томилин набирает какую-то команду на терминале, и в одной из стен кабинета расползаются деревянные панели, открывая огромный экран.

— Карину очень интересует первый этап перевоспитания, — говорит Томилин. Не то с иронией, не то серьезно... — Карина, с кого начнем? У нас есть водитель, совершивший наезд на детей, катавшихся по тротуару на велосипедах. И двое убийц.

Мне не надо уточнять, что это за убийцы.

— Начните с водителя, — говорю я.

Экран будто превращается в окно — огромное окно, открытое в вечерний город. Обычные московские улицы, только людей немного. Здесь, в *глубине*, нет разницы между телеизображением и реальностью — и то, и другое иллюзорно.

Грузовик, что катится по улице, — обычный грузовик с пустым кузовом, с ободранной краской на кабине и грязным ветровым стеклом, несется совсем рядом — лишь протяни руку...

— Пускай детишек, Денис, — распоряжается Томилин.

И я чувствую к нему мимолетное уважение. За то, что он не сказал «пускай фантомы» или «начинай сеанс». Не спрятался за эвфемизмом.

Пускай это трижды нереально, пускай это лишь пляска электронов в кристаллах микросхем, но для того человека, что отбывает свой срок в виртуальной тюрьме, происходящее станет настоящим шоком.

1010

Виртуальная камера, которая показывает нам мчащийся грузовик, парит над машиной. Свет в кабинете Томилина меркнет, и у меня возникает ощущение киносеанса. Будто я смотрю свеженький голливудский боевик... один из тех, новомодных, где компьютерные образы самых популярных актеров всех времен и народов бродят в виртуальных декорациях... где мужественный Клинт Иствуд стоит плечом к плечу с импозантным Шоном Коннери и смазливым Леонардо ди Каприо... интерактивный фильм, где всю троицу можно усадить в лужу, а победит трогательный Чарли Чаплин...

Но этот фильм не интерактивен. Он режиссирован от первой до последней секунды. Что бы ни думал водитель грузовика.

— Ведь он совершил наезд в пьяном виде... — говорю я. — Ведь так?

— Он и сейчас нетрезв, — отвечает Томилин. — Для него были оставлены виртуальные бары.

— Но ведь невозможно повторить ту ситуацию с точностью, — не сдаюсь я.

— Почему? — удивляется Томилин.

И в этот миг грузовик сворачивает на перекрестке.

Будто отдернули занавес. Вечер сменяется днем. Широкий проспект — узкой улочкой, где и двум машинам-то не разъехаться. Тем более что навстречу бодро несутся несколько легковушек. Грузовик виляет, дергается, налетая на бордюр и выскакивая на тротуар.

А в нескольких метрах перед капотом едут на велосипедах двое мальчишек, уже начинающих оборачиваться на рев мотора.

— Оп, — говорит Томилин. Успевает сказать, прежде чем изображение дергается, переворачивается, начинает кружиться: виртуальная камера описывает немыслимую кривую, удерживаясь над кузовом грузовика.

Неужели в реальности возможно так выкрутить руль?

Скорость не так уж и высока. Сколь бы ни был пьян водитель, но он сбросил газ на повороте. Но удар все равно силен.

Капот сминается, втыкаясь в стену здания, грузовик разворачивает, он крошит стеклянную витрину, наполовину въезжая в продуктовый магазинчик. И я понимаю: что-то идет не так. Магазин не прорисован полностью, существуют лишь несколько метров перед витриной, а все остальное — серый туман, мгла без красок и форм. Из задравшегося вверх капота бьет пар и сочится бесцветная жидкость.

— Денис, — очень спокойно говорит Томилин, — я же просил...

— Да не мог он успеть повернуть, — отвечает Денис. — Все же обсчитано!

В его голосе слышится искреннее возмущение. Нет, вряд ли он психолог. Скорее программист, переводивший расплывчатые указания в цифровую форму.

— Скорость была тридцать четыре километра в час, радиус поворота... — бормочет Денис. Но Томилин жестом заставляет его замолчать.

А смятая дверь кабины со скрежетом открывается. Скорее вываливается, чем выходит, водитель. И не глядя на серый туман в глубине магазина, бредет сквозь стеклянное крошево витрины на улицу.

— Камеру сдвинуть! — рявкает Томилин.

Я не вижу, кто исполняет его команду. Возможно, у Дениса есть какой-то пульт, а может быть, нас слушают и другие сотрудники тюрьмы.

Но камера послушно сдвигается с места и плывет вслед за водителем.

И я начинаю смеяться.

Это уже не трагедия. Это фарс.

По улице все так же едут автомобили, все так же идут прохожие, не обращая никакого внимания на воткнувшийся в здание грузовик.

А нераздавленные велосипедисты продолжают ехать, с ужасом озираясь назад. Они едут на месте, колеса скользят по асфальту, сверкают спицы с красными кружками катафотов, длинные волосы одного из пареньков полощет на несуществующем ветру. Лучший в мире велотренажер.

Водитель обходит машину. Подходит к ребятам, смотрит на них, протягивает руку, словно намереваясь тронуть, — и тут же отдергивает. Достает мятую пачку «Примы», засовывает одну сигарету в рот, но забывает закурить и кричит:

— Бип! Бип-бип, вашу мать! Козлы, бип! Бип!

То ли он догадался, где камера. То ли это случайность — но он смотрит прямо на нас.

— Бип! — зло говорит Томилин. — Какой бип включил звуковой цензор?

— Но это же общее требование ко всем государственным учреждениям! — отбивается Денис.

Водитель, выронивший сигарету, достает другую. Садится на асфальт, закуривает, глядя на несущихся в никуда велосипедистов.

— Уберите... это, — командует Томилин. — Карина, прошу прощения.

— Бип, — говорю я с улыбкой. Именно «бип» я и хотела произнести.

— Смешно, — соглашается Томилин, когда гаснет экран. — Может быть, Карина, вы еще объясните, что это значит?

— Да если бы я знала...

На самом-то деле я догадываюсь. И готова поаплодировать Чингизу, устроившему свой сюрприз. Вот только...

— Наши визитеры изолированы? — спрашивает Томилин Дениса.

— Разумеется! — Видно, в этом программист уверен. — Стекова аппаратно отключили от *глубины*. А тем двоим задавили каналы. Начисто.

— Ну и какие версии? — спрашивает Томилин.

Ответа нет. И подполковник командует:

— Давайте второго!

— Какого именно?

— Давайте Казакова. Что там у него?

Экран загорается снова. Камера парит в небе, опускаясь кругами, будто хищная птица, выслеживающая добычу. Беско-

нечная степь, ломкая сухая трава, человечек, сидящий на корточках...

Каким бы он ни был преступником, но сейчас это лишь человек, приговоренный к одиночеству. Человек, держащий в руках маленького грязно-рыжего лисенка.

— Его стоило бы позже... — задумчиво говорит Томилин. — Впрочем...

— У вас ничего не выйдет, — вдруг говорю я.

Томилин оборачивается, выжидающе смотрит на меня.

— Не знаю почему. Но не выйдет. Вы чего-то не поняли.

— Все дайверы обретали свои способности в результате сильного стресса, — медленно и убедительно, будто преподаватель тупому студенту, говорит Томилин. — Случайного стресса! А эти... стрессы... они выверены и рассчитаны. Они не могут не подействовать.

— Они подействуют, вот только *как именно*...

— Посмотрим. Придушите эту лису! — поворачиваясь к экрану, говорит Томилин.

Еще минуту ничего не происходит. Заключенный осторожно и бережно гладит крошечного зверька. Камера опускается совсем низко, заглядывает ему через плечо — так, что узкая симпатичная мордочка лисички заполняет пол-экрана.

А потом черные глазки начинают тускнеть.

Лисица тонко пищит, вздрагивает и вытягивается в длину. Дергается пушистый хвост.

Человек будто не замечает этого. Рука касается меха, оглаживает зверька. И едва-едва угадывается в шуме ветра голос.

— Нет.

Ни печали, ни боли, ни ярости.

И ни капли сомнения.

Он не верит в происходящее, этот злодей и убийца. Настоящий, без всяких смягчающих обстоятельств, злодей...

Не хочет верить.

Не поверит никогда.

Я читала его личное дело. Я знаю, что он убил свою жену. Я знаю, что он любил ее. И до сих пор, наверное, любит. И себя он осудил куда раньше, чем люберецкий районный суд...

— Нет, — еще раз говорит заключенный, проводя рукой по тельцу лисицы. — Нет.

И пушистый хвост вздрагивает.

Стриженая голова опускается, человек касается губами мордочки лисицы. И крошечный язычок ласково лижет его щеку.

— Она отключена, — не дожидаясь вопроса, говорит программист Денис. — Да нет ее вовсе! В программе оживление не предусмотрено!

На экране — человек гладит лисичку.

— Выключите, — говорит Томилин. И смотрит на меня.

— Будете третьего... *катарсить?* — спрашиваю я.

— Имеет смысл? — вопросом на вопрос отвечает Томилин.

Я медлю. Я действительно пытаюсь ответить честно. Хотя бы потому, что кто бы ни стоял за всей этой жестокой пьесой, какие бы амбиции ни кипели в министерских умах, но для Томилина этот проект — совсем другое. Заслон на пути преступности, сверкающий меч и надежный щит в руках правосудия, настоящие стражи порядка, штампованные супермены *глубины.*

И ради этой цели он без колебаний подвергнет муке преступников.

Без колебаний... но и без радости.

— Он тоже не станет дайвером, — говорю я наконец. — Он что-то сделает... я даже не знаю, что именно... говорите, умирающая женщина в пустом городе? Нет, вряд ли он ее оживит. Скорее — добьет.

— Ее невозможно добить, — почти робко вставляет программист Денис. — В том-то и дело... этот тип — он маньяк, он обязательно попытается, но...

— Лисичку невозможно было оживить, — напоминаю я.

— Так в чем дело? — уже не спрашивает, а требует Томилин.

— Я знаю только одного дайвера, — говорю я. — Но разве вам непонятно, в чем разница? Это же так просто!

— Свобода, — вдруг говорит Томилин. — Бип.

— Способности дайверов — они все исходят из одного, — киваю я. — Только из одного. Они не терпят несвободы. Потому и могут входить и выходить из *глубины* — когда захотят. Поэтому видят лазейки в программной защите. Вы кого угодно сможете воспитать в своей тюрьме... людей, которые будут убивать и оживлять программы, к примеру. Но только не дайверов. Потому что дайвер в виртуальной тюрьме — невозможен.

1011

Наверное, самое обидное вовсе не поражение. Полководец, который привел армии на поле брани, мечтает о победе. Но и к поражению он готов. А вот к тому, что вражья армия, о которой донесли разведчики, бесславно потонет при форсировании мелкой речушки или поголовно сляжет с банальной дизентерией, — к этому не готовятся.

Томилин долго смотрит на меня, прежде чем с неохотой кивает.

— Наверное, вы правы, Карина. Наверное. Но черт возьми, как вы поняли? Проект готовили серьезные специалисты... кто вы такая, что сумели понять?

— Кто я? — пожимаю плечами. Вопрос мне задали риторический, но почему-то я собираюсь ответить.

Кто я?

1100.0
«Лабиринт»
(Алый финал)

Кто я?

Я самая обыкновенная. Девочка компьютерного века. Одна из тех, кто учился буквам по клавиатуре. Одна из тех, кто рвался из дома не на улицу, а в сеть. Одна из тех, кто никогда не видел своих друзей. Одна из тех, кто привык быть кем угодно — вздорной грубоватой Ксенией, любопытной малолеткой Машей, писателем-детективщиком Романом, хакером Сёмой, солидной и умной Ольгой... меня было так много в *глубине*...

Я самая обыкновенная.

Просто я здесь живу.

А энергичный и умный подполковник Томилин — работает.

Да пусть я никогда не верила в дайверов! Пусть считала их сказкой. Но я же знала, о чем эта сказка: о свободе. О людях, которые не теряют себя в *глубине*. Не о волшебниках, творящих виртуальные чудеса, а о людях, научившихся жить в сети.

И пусть теперь я работаю в МВД, пусть у меня есть звание и должность, но я — гражданка Диптауна.

А уже потом — гражданка России.

— Я самая обыкновенная, — отвечаю я Томилину. — Только я здесь живу. Понимаете? Это плохо, наверное, что я здесь живу. Я, может, так и состарюсь в этом теле. И по службе никуда не продвинусь, мне это неинтересно. Зато я вижу то, чего вы не видите.

Томилин смотрит на Дениса, кивает, и тот быстро выходит. Косясь на меня... и вроде бы с симпатией.

Неужели он тоже доволен, что проект по созданию дайверов провалился?

— Начистоту... — хмуро спрашивает Томилин. — Вы довольны, что все так кончилось?

— Конечно, — говорю я. — Извините...

— Карина, но вы же понимаете, это ничего не изменит. Государству нужен контроль над *глубиной*. И не ради самого государства, ради мирных граждан, понимаете?

— Нет, не понимаю, — честно отвечаю я. — Ведь мы справляемся сами. Худо-бедно, но справляемся. Разве в настоящем мире у нас не осталось работы?

— *Мы?* — Подполковник интонацией выделяет слово.

И я киваю:

— Мы. Те, кто живет в *глубине*.

— Это ваш настоящий облик? — неожиданно спрашивает Томилин.

Таких вопросов не задают. Даже нижестоящим. Но я снова решаю ответить:

— Да.

— А у меня — не совсем. — Он внезапно улыбается. — Нехорошо получается... Ну и что вы напишете в отчете?

— Чистую правду, — отвечаю я. — Что ничего, заслуживающего служебного расследования, в тюрьме не обнаружено... за исключением мелких нарушений трудовой дисциплины. У меня, правда, были сомнения. Показалось, что в тюрьму ухитряются проникать посторонние. Но теперь-то я понимаю — это лишь часть программы перевоспитания осужденных.

Томилин кивает.

— Разрешите идти? — спрашиваю я. — Мне надо заняться отчетом.

— Я завтра буду в управлении, — говорит Томилин. — Со своим отчетом. В девять ноль-ноль. Насколько я понимаю...

согласно правилам хорошего тона... мне надо показаться вам в настоящем облике.

Это так неожиданно и трогательно, что я с трудом сохраняю невозмутимое лицо.

Интересно, он мудр и седоволос или молод и энергичен?

Интересно, конечно...

— Половину ночи я провожу в *глубине*. А в девять утра еще сплю, — отвечаю я. — Извините. Конечно, если это приказ...

Томилин качает головой:

— Нет. Не приказ. Не смею больше вас задерживать.

И на какой-то миг мне кажется, будто я вижу его — настоящего. Не молодого и не старого. Человека лет сорока, который упрямо учился работать на компьютере, пытался постичь *глубину* — не из любви к ней, не из любопытства, а лишь потому, что был соответствующий приказ. Одинокого служаку, поднаторевшего в кабинетных играх, но тоже не из любви к ним, а ради того, чтобы делать свое дело.

Мне даже становится его жалко.

Но жалость — это не то, ради чего я готова просыпаться в девять утра.

— Всего доброго, — говорю я, прежде чем уйти.

Памятник Последнему Спамеру все так же облеплен молодежью. В *глубине* много памятников, совсем несложно получить кусочек места и воздвигнуть там все что угодно. Вот только популярность памятника отследить нетрудно. Неудачные, возле которых никто не встречается, густо засиживают голуби, потом зеленеет бронза и крошится мрамор, а под конец приезжает грузовик из мэрии Диптауна и вывозит неудачное творение на свалку. Свалка вечна и бесконечна. Длинные ряды никому не нужных скульптур... страшненькое место.

В общем-то это конец всего в *глубине*. Здесь слишком много неудачных творений. Собранных из сэмплов опер, написанных левой ногой книг, безумных философских теорий и мертвых картин. Все они уходят в никуда, в вечное хранение на бесконечных виртуальных свалках.

Но памятник Спамеру жив. И у его подножия очень мало свободных скамеек. Я нахожу лишь одну, беру в ларьке бутылку пива и сажусь — нарочито посередине скамейки, давая понять, что не жажду случайных знакомств. Ко мне и не подса-

живаются. Мы научились уважать друг друга в *глубине*. Без бдительного надзора полиции, без суперменов-дайверов из МВД. Значит, мы что-то умеем?

Памятники — это место встреч. Мне никто не назначал здесь свидания, но это единственный памятник, у которого мы встречались с Чингизом.

И я сижу на скамейке. Пью холодное пиво — оно холодное ровно настолько, насколько это нужно. Смотрю в чистое небо. Когда я была маленькой, я однажды испугалась неба. Я с родителями была на море и однажды, растянувшись на спине, посмотрела вверх. Небо было таким бездонным и чистым, что я поняла — в него можно упасть. Оторваться от горячего песка, нелепо взмахнуть руками и полететь вверх — в небо, которое станет бездной. А над головой закружится перевернутая земля, и плачущие родители, и задравшие головы зеваки, и качающие ветвями деревья. Они не упадут в небо, ведь они не знают, что в небо можно упасть...

Как давно это было. А запомнилось. Вместе с паззлом, который я так и не смогла собрать. Вместе с первой влюбленностью, первой настоящей обидой, первым визитом в *глубину*, первым предательством...

— Разрешите?

Я скашиваю глаза на Чингиза. Киваю и чуть сдвигаюсь в сторону.

— Наверное, над нами стоит посмеяться, — говорит Чингиз вполголоса. — Все способности... они ничего не стоят, когда провайдер отключает тебя от сети. По одной лишь команде из МВД.

— А как ты вошел? — спрашиваю я.

— По старинке. С телефонной линии. — Чингиз садится рядом.

— Я вас не сдавала, — говорю я. — За вами следили с самого начала. Просто шум поднимать было не выгодно. Поэтому игнорировали... а когда стало нужно — отключили.

Он кивает. И молчит — хотя я понимаю, как ему хочется задать вопрос.

— А как ты меня нашел? — спрашиваю я. — На мне маркер?

Чингиз качает головой:

— Нет. Я подумал, что встречаться принято у памятников... Дашь глотнуть?

До палатки с бесплатным пивом — несколько шагов. Но я даю ему бутылку. И начинаю рассказывать то, что рассказывать не имею никакого права. То, как *не становятся* дайверами.

— Спасибо, — говорит Чингиз, когда я заканчиваю свой рассказ. — Спасибо. Я верил, что ты все-таки на нашей стороне.

— При чем тут я? Я же ничего не делала.

— Делала, — уверенно отвечает Чингиз. — Ты не хотела, чтобы у них получилось. Может быть, единственная из всех, кто наблюдал за экспериментом, — не хотела.

— Ну и что? Мало ли чего я не хочу.

— *Глубина* — это больше, чем принято думать, — убежденно говорит Чингиз. — Это не только среда обитания. Это что-то еще. Мы — частички *глубины*. Она становится такой, какой мы хотим ее видеть. Если бы все хотели заполнить улицы штампованными дайверами — это бы случилось. Но надо было, обязательно надо было, чтобы кто-то из следящих за экспериментом не желал успеха этой затее...

Смешной он. Взрослый ведь человек...

— Ну хорошо, пускай это все моя заслуга, — соглашаюсь я. — Уговорил.

Чингиз улыбается и возвращает мне пиво.

— Твой приятель, Стеков, он и впрямь отправился в тюрьму худеть? — спрашиваю я.

— Бог его знает. — Чингиз пожимает плечами. — Я не всегда понимаю, когда он серьезен. Он и сам, наверное, не всегда это понимает... Карина?

— Да? — все еще глядя в небо, отвечаю я.

— Из меня никудышный ухажер, — самокритично признает Чингиз.

Не сомневаюсь. На него небось еще со школы девицы пачками вешались. Такие учатся от подруг уворачиваться, а не ухаживать.

— Но виртуальное пиво — это не самое лучшее, что есть на свете, — продолжает Чингиз. — Можно пригласить тебя в ресторан?

Ух ты... Не было ни гроша, да вдруг алтын... И Томилин, и Чингиз.

— Чингиз, — отвечаю я, морщась. — Хочешь, расскажу историю?

— Расскажи.

— У меня была в детстве игрушка. Паззл. Очень красивый... там был рыцарь и принцесса... они тянулись друг к другу. Я его собрала... весь. Только одного кусочка не хватило. Между рукой принцессы и головой рыцаря. Понимаешь, этот кусочек забыли положить в коробку!

Чингиз молчит.

— Я, наверное, такая принцесса, — продолжаю я. — К кому ни потянусь — ничего не получается. И ты ко мне не тянись.

— Знаю я про этот паззл, — вдруг отвечает Чингиз. Голос его меняется, становится смущенным, даже виноватым. — Ты в курсе, что все эти мозаики нарезаются случайным образом, по рассчитанным на компьютере схемам?

— Ну...

— У тебя бывало так, что вместо одного кусочка ты вставляла другой? И он вроде бы даже подходил... зазор оставался, но крошечный, незаметный...

— Бывало.

— Так вот, однажды паззл раскроили очень неудачно. Его стало возможно собрать двумя способами. Если собирать неправильно, то получались щели — но совсем маленькие, незаметные. А в центре оставался пустой кусочек. Скандал был чудовищный, не меньше трети купивших паззл собрали его неправильно и засыпали фирму рекламациями.

— Врешь? — растерянно спрашиваю я. — Ну не могло так получиться!

— Случайно, может быть, и не могло, — признает Чингиз. — Но фирму хакнул по сети один молодой и не в меру бесшабашный русский хакер... он решил пошутить, посидел ночь за расчетами... и вовсе не задумался, что от этой шутки десять тысяч человек... Честное слово, Карина, потом я понял...

Как жалко, что виртуальная посуда не бьется!

Я обрушиваю бутылку на голову Чингиза, но он успевает отскочить.

— Ты жалкий, гнусный, бесчувственный, трусливый урод! — Я захлебываюсь в поисках подходящих эпитетов. — Ты!..

— Почему урод? — возмущается Чингиз, держась на безопасном расстоянии. — Карина, честное слово, я раскаиваюсь!

— Знаешь, как я ревела? — кричу ему. — У меня, может, с тех пор психическая травма!

За нами с любопытством наблюдает весь сквер. Включая прогуливающегося полисмена. Второй день подряд, на том же самом месте... Вот позорище-то...

— У меня есть знакомый психоаналитик... — Чингиз ловко уворачивается. — Карина, ну прости! Я тогда был молодой и глупый!

Я поворачиваюсь и гордо иду прочь от памятника. Из толпы кто-то улюлюкает. Чингиз догоняет меня и жалобно просит:

— Слушай, это ведь было пятнадцать лет назад! Да убей я кого — меня бы уже выпустили! Карина, чем я могу... искупить?

Останавливаюсь, меряю его взглядом. Говорю, чеканя каждое слово:

— Завтра. В восемь. У моего подъезда. С букетом цветов, и учти, розы я не люблю.

— В восемь... — страдальчески повторяет Чингиз.

— В восемь вечера, — уточняю я.

Не зверь же я, все-таки...

— Мне, право же, очень стыдно, — снова начинает Чингиз.

— Проваливай, и чтобы я до завтра тебя не видела! — командую я. Чингиз кивает — и растворяется в воздухе.

— Дайвер... — только и говорю я.

Прохожу еще несколько шагов — и начинаю смеяться.

Над собой. Над маленькой девочкой, которая хотела собрать паззл побыстрее и предпочитала не замечать неточностей. Придумавшей для себя целую философию. Над глупой девочкой, которая никак не хотела взрослеть.

Интересно, за сколько дней я сумею собрать паззл правильно?

1100.1
«Зеркала»
(Синий финал)

Кто я?

Самой бы хотелось понять. Все мы, предпочитающие жить в *глубине*, странные. У всех свои причуды. Но когда причуд становится слишком много, разница между ними стирается.

Ну что с того, что моя подруга занимается в *глубине* прыжками с парашютом, а в жизни боится высоты? Что с того, что мой первый виртуальный муж в конце концов оказался десятилетним украинским шалопаем? Что с того, что я иногда люблю зайти в лес, который раскинулся вокруг Диптауна — бесконечный и довольно-таки унылый лес, он просто «заполняет фон», — зайти, и бродить часами в клочьях серого утреннего тумана... там всегда утро, всегда полумрак, и конца этому лесу нет...

Все мы настолько странные, что становимся обыкновенными...

— Я самая обыкновенная, — говорю я Томилину. — Ну... я больше других брожу в *глубине*, вот и все... Может быть, потому и поняла.

— Денис, выйди, — глядя на меня, командует Томилин. — Знаешь... что делать.

Программист выходит. А Томилин делает шаг ко мне, крепко берет за локти, заглядывает в глаза, говорит, переходя на «ты»:

— Ты откуда, девочка?

Пытаюсь вырваться, но он держит крепко. Без грубости, но и не вырваться...

— Вы же видели мои документы...

— Твои документы не стоят клавиатуры, на которой их набирали! В Управлении по Надзору нет сотрудницы Карины Опекиной!

Может быть, у него дип-психоз?

— Что же вы тогда меня не арестуете... — бормочу я, пытаясь высвободить руки. Когда человек «заблудился», с ним лучше не спорить. Надо переубеждать, надо быть логичным.

— Я сообщил... наверх... велели ничего не предпринимать. Сказали, что ты осуществляешь инспекцию... от другой инстанции. — Томилин вдруг отпускает меня, садится за свой стол. — Так откуда ты? ФСБ? Сетевая полиция? СБП?

Что за бред!

Но я не спорю. С больными не спорят.

— Какая разница? — дерзко спрашиваю я. — Вам же велели ничего не предпринимать?

— Откуда ты знала, что эксперимент не удастся? — вопросом отвечает Томилин.

— Я же сказала — догадалась! Я часто бываю в *глубине*. Я...

— Еще скажи, что это твой настоящий облик, — саркастически улыбается Томилин.

Молчу. Зачем спорить, если мне не верят заранее.

— Ну и каков результат инспекции? — спрашивает Томилин. — Что сообщите, *Карина Петровна?*

В имя он вкладывает столько иронии, что я поневоле чувствую себя виноватой.

— Чистую правду, — отвечаю я. — Что за исключением мелких нарушений трудовой дисциплины в первой виртуальной тюрьме не обнаружено ничего необычного. У меня, правда, были сомнения. Показалось, что в тюрьму ухитряются проникать посторонние. Но вы меня убедили, это часть программы перевоспитания осужденных.

— Все равно проект не закроют, — говорит Томилин, будто себя убеждая. — Определенные результаты есть...

— Какие результаты? — невинно спрашиваю я. — Сверхвозможностями в *глубине* обладают лишь бунтари. Одиночки, индивидуалисты. А это в тюремной камере не привьешь.

За моей спиной хлопает дверь, появляется Денис.

— Говори, — командует Томилин. — Нечего стесняться.

Я не вижу — чувствую, что Денис разводит руками. Зато слышу, как он виновато бормочет:

— Это не с нашей аппаратурой... канал скручен кольцом на шестнадцати серверах, и где он на сторону уходит — не понять...

— Эфэсбэ, — уверенно говорит Томилин, глядя на меня. — Так ведь? Знали, что мы порожняки гоняем, но молчали?

— Я не стану ничего отвечать, — быстро говорю я, пятясь к двери. — Всего доброго.

Денис быстро отстраняется, освобождая мне дорогу. И едва слышно произносит:

— У вас великолепная защита!

Почему-то мне вспоминаются осужденные, которые, глядя на меня, рассуждали о тактовой частоте процессора.

Но я не вступаю в дискуссию. Выскакиваю в коридор, быстро иду — мимо комнат персонала, куда подпускала «жучков», мимо охраны, мимо решетчатых дверей в тюремный блок.

Надо же! Меня приняли за проверяющего от ФСБ. От наших официальных союзников и негласных конкурентов... в пору рассмеяться.

И что за чушь насчет свернутого кольцом канала? У меня самый обычный канал входа, ну, может быть, чуть более профессионально поставлена защита, но не настолько, чтобы ее не вскрыли программисты Томилина...

Расслабляюсь я лишь на улице, в чахлом скверике перед тюрьмой. Вся ирония происходящего начинает доходить до меня. Томилин спятил. Или где-то ошибся. Или начальство, решив меня прикрыть, осадило не в меру ретивого подполковника.

Ну не могу же я не понимать, где на самом деле работаю?

Я присаживаюсь на ограждение высохшего фонтана. Закуриваю, мотаю головой и хохочу грубым смехом Ксении.

Надо же. Теперь будут во всем винить неповинных эфэсбэшников. Ну и пусть, мне с Томилиным детей не крестить. А штамповка дайверов сорвалась. И это правильно. Нет ничего страшнее, чем не вовремя поставленное на поток производство чудес. Не пришло еще это время — как не пришло время для термостойких сверхпроводников, для средства, продлевающего человеческую жизнь до трехсот лет, для раскрытия правды о разуме дельфинов и сбитых НЛО, для всех этих тайн — погребенных в самых секретных архивах сети...

И откуда я сама о них знаю?

Пытаюсь вспомнить, но воспоминания путаются, исчезают — оставляя томительное беспокойство.

Не надо об этом думать. Все это не важно.

Выбегаю на улицу, вскидываю руку и ловлю машину. Водитель терпеливо ждет, пока я размышляю.

Куда теперь?

К одной из точек выхода?

Или поискать незадачливых борцов во главе с Чингизом? Успокоить?

Вот только где их искать? Где они станут искать меня?

— Пожалуйста, к... — Я опять замираю на миг, размышляя. Может быть, к памятнику Последнему Спамеру? У памятников принято встречаться... я знаю... Или к виртуальному аналогу Пасечной улицы, где мы встречались по-настоящему? — На улицу Пасечную, Москва.

Водитель кивает — значит адрес существует. Ничего удивительного. Одним из самых грандиозных и амбициозных проектов мэрии Москвы было создание в *глубине* копии Москвы,

нашумевший рекламно-туристический проект. Злые языки утверждают, будто на проект затратили столько денег, что можно было заново отстроить половину города...

Но это они преувеличивают. На два порядка.

Такси кружит по Диптауну. Выезжает на стык русского и американского сектора, к исполинской сверкающей арке, чей размах не оставляет сомнения в авторстве. Говорят, склонный к гигантомании скульптор последнее время создает свои творения исключительно в *глубине*...

Мы ныряем в арку и оказываемся на московских улицах.

Не все они прорисованы достаточно хорошо. Это уж как водится. Но иногда сходство с реальностью просто поразительное. Когда мы подъезжаем к Пасечной, я замечаю гаишника, стоящего на том же месте, где он был и в реальности — прошлой ночью. И вздрагиваю.

Нет, так и до дип-психоза недалеко...

У дома номер пять я расплачиваюсь с водителем, выбираюсь из машины. Никого, конечно же, нет. Не ждет меня здесь Чингиз, да и людей почти не видно. Улица выглядит как настоящая, ну и на том спасибо. Может быть, здесь жил один из программистов, работавших над проектом, вот и постарался...

Я подхожу к тому месту, где парковалась ночью. И замираю.

Ночью, наверное, был дождь. Виртуальный, конечно.

А здесь стояла машина. Прямоугольник асфальта более светлый, основной напор ливня пришелся на машину.

Нагибаюсь, поднимаю с тротуара размокший окурок. «Милд Севен». Что там курил Чингиз? Нет... не помню...

Бросаю окурок и брезгливо вытираю пальцы платочком.

Ничего необычного! Абсолютно ничего! Погода в виртуальной Москве меняется так же, как и в настоящей. Это обычная поддержка сервера, никаких сложностей. Ну и машины здесь ездят, создают фон. Простое совпадение.

Я же встречалась с Чингизом в реальности!

Ведь так?

Я сказала ему, что войду в *глубину*. Чингиз предложил встретиться в реальности. Я ответила... как же именно я ответила? Какой-то странной фразой... «на нейтральной территории»... Чингиз согласился, предложил этот адрес и проверил, существует ли он вообще.

Диптаун часто называют «нейтральной территорией»...

У меня вдруг начинает кружиться голова. Будто я смертельно устала. Или думаю не о том, о чем стоит думать...

— Карина?

Оборачиваюсь и смотрю на Чингиза.

На этот раз он приехал один. А машина та же самая. Теперь я могу ее разглядеть получше — «ягуар».

— Почему-то так и подумал, что найду тебя здесь. — Чингиз неловко разводит руками. — Вначале поехал к памятнику Спамеру. Не нашел, двинулся сюда... вот.

— Вас отключили? — спрашиваю я. Хочется спросить другое. Я говорю не о том! Я делаю не то! Но зато я делаю то, что... разрешено?

Кем разрешено?

— Да, — кивает Чингиз. — Все мои способности... они ничего не стоят, когда провайдер отключает тебя от сети. По одной лишь команде из МВД.

— А как ты вошел? — спрашиваю я.

— По старинке. С телефонной линии. — Чингиз морщится. — Ощущение, будто пересел на «жигули».

— Тоже машина, многие и такой не имеют, — машинально отвечаю я. Иметь машину в *глубине* — уже роскошь, одно время частный транспорт вообще запрещали. А уж иметь виртуальный «ягуар»... налог на него такой же, как и на настоящий. Так же как на виртуальные «Ролексы» и «Патек Филиппы», на виски сорокалетней выдержки... человеческое тщеславие живо и в *глубине*...

— Извини, не хотел обидеть, — искренне говорит Чингиз. — Ну... и что там?

— Ничего. У них все сорвалось, — отвечаю я. И начинаю рассказывать — про водителя, сумевшего вывернуть руль, про убийцу, оживившего лисичку...

Чингиз улыбается все шире и шире. Мне надо спросить его о другом... совсем о другом. О том, где же мы встречались на самом деле!

Но я продолжаю рассказ.

— Я надеялся на это, — говорит Чингиз. — Честное слово — надеялся.

— Почему? — спрашиваю я.

— *Глубина* — это больше, чем принято думать, — убежденно говорит Чингиз. — Это не только среда обитания. Это что-то еще. Мы — частички *глубины.* Она становится такой, какой мы хотим ее видеть. Если бы все хотели заполнить улицы штампованными дайверами — это бы случилось. Но мы не хотели — и *глубина* не позволила.

— Ты говоришь так, будто она живая, — замечаю я.

— А я думаю, что так оно и есть. — Чингиз даже не смущается своих слов. — Сеть стала слишком велика. Нельзя связать воедино миллионы компьютеров и ожидать от этого лишь количественных изменений. Мы оставляем в *глубине* свои следы. Слепки, отпечатки слов, поступков, желаний. Мы... учим ее, что ли? Отдаем частицу души... должна же *глубина* однажды осознать себя.

— Кем? — спрашиваю я. — Растянутой на весь земной шар паутиной проводов и миллионами компьютеров? Электронным Франкенштейном? Монстром, чудовищем, големом, коктейлем из спеси, амбиций, похоти, пустого трепа, заумного философствования? Ты думаешь, что подобная *глубина* сможет понять человека? А человек — понять такую *глубину?*

— Может быть, и не так, — отвечает Чингиз. — Мы ведь не думаем о том, что наш разум — это искорки на паутине синапсов между кашей нейронов. Мы осознаем свою личность, а не уровень гормонов в крови и противоборство древних инстинктов.

Он замолкает, достает сигарету из бело-синей пачки «Милд Севен». И прежде чем закурить, добавляет:

— Во всяком случае, у нас всегда есть выбор, кем себя осознавать. Человеком или големом.

— Чингиз, пойдем отсюда, — прошу я. — У тебя есть здесь любимый кабак?

— Но лучше в настоящей Москве. Есть такой уютный ресторанчик... — начинает Чингиз.

Я качаю головой. Мне кажется, что стоит сейчас закрыть веки и посмотреть в темноту — я увижу что-то, чего не хочу видеть. Бесконечную серую муть, кашу нейронов, помаргивающих огоньками синапсов.

И я не закрываю глаз.

— Начинаю бояться, что на самом деле ты... — Чингиз не договаривает.

Я беру его за руку. Рука настоящая, живая и теплая. Человек, а не голем.

— Чингиз, я не мужик, не малолетка, не старуха и не уродина. Я такая, какой ты меня сейчас видишь. Только такая. Никакой иной Карины не существует.

— Оки, — произносит он после краткой паузы. — Ты извини.

— Да ничего, — садясь в машину, говорю я. — Сегодня такой странный день... представляешь, Томилин решил, что я — проверяющая из другой инстанции, из ФСБ...

— Не произноси этого слова вслух, — шутливо отвечает Чингиз. — А с чего вдруг у подполковника такие тревоги?

— Ну... не смогли пробить мою защиту и проследить канал.

Чингиз кивает. И с уважением признается:

— Я и сам, если честно... попытался отследить тебя. До виртуальной квартиры дошел — и все. Замечательная закольцовка, я так и не понял, в чем фокус.

— Это папа, — без колебаний говорю я. — Он хороший программист. Поставил свою защиту.

— Серьезный папа, — соглашается Чингиз.

«Ягуар» трогается, я откидываю голову. Искоса смотрю на Чингиза.

Как он все-таки похож на рыцаря с моего старого паззла...

Этой мозаике никогда не сложиться до конца. Я знаю. Знаю, даже не закрывая глаз.

Но этого вовсе не нужно знать рыцарю и принцессе.

Содержание

Лабиринт отражений 5
Фальшивые зеркала 343
Прозрачные витражи 719

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru **http://www.ast.ru**

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к.1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1, Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону:
(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Лукьяненко Сергей Васильевич

Лабиринт отражений
Фальшивые зеркала

Фантастические романы

Прозрачные витражи

Повесть

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

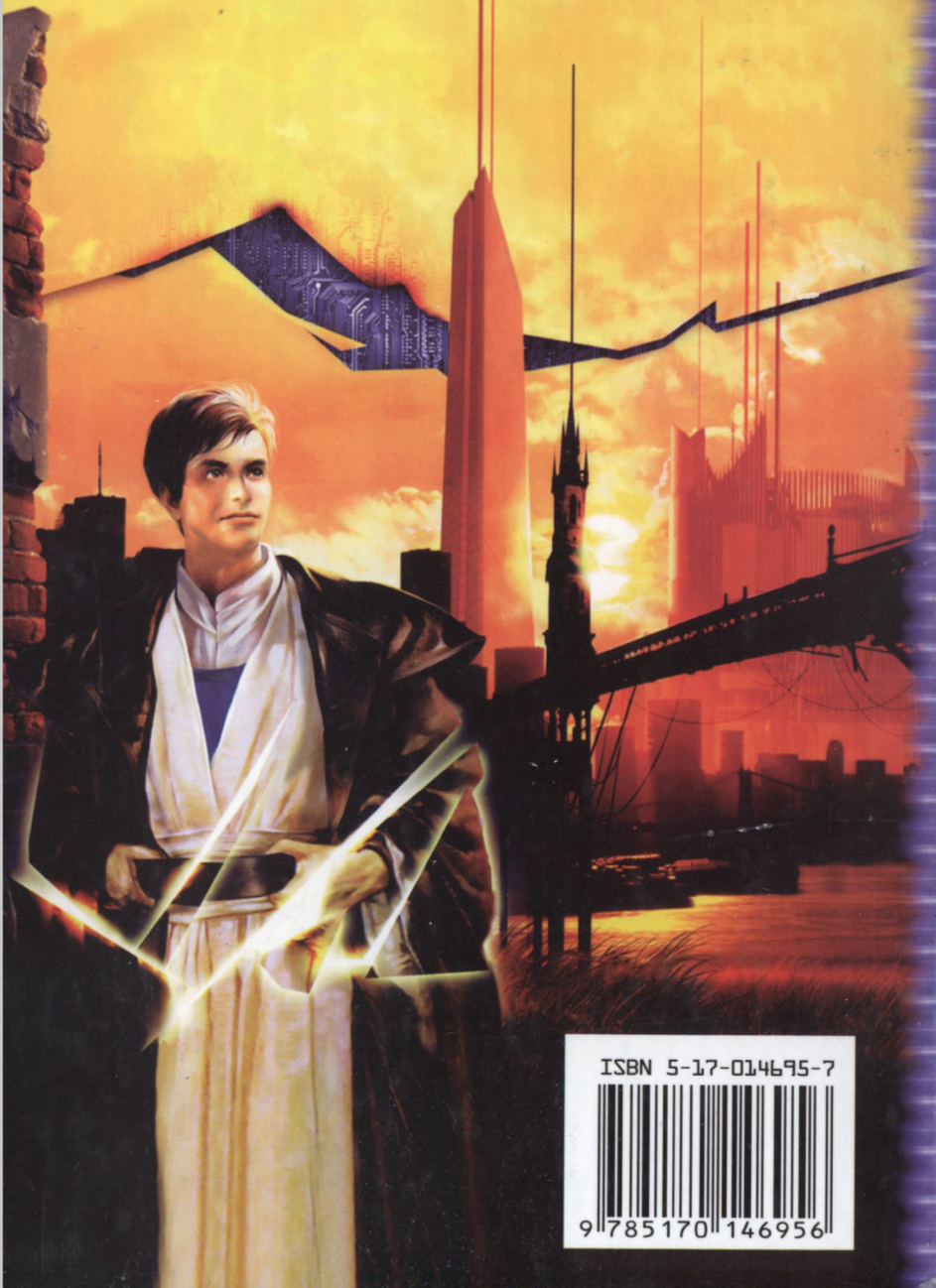
Гигиеническое заключение
№ 77.99.02.953.Д.008286.12.02 от 09.12.2002 г.

ООО «Издательство АСТ»
667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов во ФГУП ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЗВЕЗДНЫЙ ЛАБИРИНТ: КОЛЛЕКЦИЯ!

Лучшие КНИГИ! Лучшие АВТОРЫ! Лучшая СЕРИЯ!



ISBN 5-17-014695-7